SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XIII-й. № 5-й.

Univ. of California

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАЙ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА. (Къ столѣтію со дня его рожденія 20-го мая 1804 г.). **Виктора Вальтера.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. *** **Скитальца.** 35
3. ЗА ОКЕАНОМЪ. Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ. (Продолженіе). **Тана.** 37
4. ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. Часть 2-я. Удѣльная Русь (XIII, XIV, XV и первая половина XVI вѣка). **Н. Рожкова.** 72
5. ТРАГЕДІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА. **Эмериха Мадача** Пер. **Н. Холодковскаго.** 104
6. ЛЮБОВЬ. Повѣсть **Густава Гейерстама.** Переводъ со шведскаго **К. Ж.** 134
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. **Л. М. Василевскаго.** 169
8. ИРЛАНДІЯ ОТЪ ВОЗСТАНІЯ 1798 ГОДА ДО АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ НЫНѢШНЯГО МИНИСТЕРСТВА. (Продолженіе). **Евг. Тарле** 170
9. СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) **А. Ѳедорова.** 2) У РѢКИ. **О. Чюрной.** 3) ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ. **В. Чернобаева** . . . . .
10. «ДАМКА». Разсказъ **Н. Осиповича** . . . . . .
11. ТРУДЪ. Романъ **Ильзы Франанъ.** Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой.** (Продолженіе) 211
12. ВОЕННЫЙ ФЛОТЪ, КАКЪ ОТРАСЛЬ СОВРЕМЕННОЙ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. **Б. В—ра.** 239

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Панмонголизмъ», «желтая» ность» и прочіе страхи.—«Желтая опасность» г. Слонимского.—«Существуетъ-ли желтая опасность?» Альберта Метеръ «Передъ грознымъ будущимъ», кн. Ухтомскаго.—«Паназіатизмъ какъ вѣковая цѣль Россіи» по слову «Новаго Пути».—Мнимая и дѣйствительная опасность переживаемаго момента. **А. Б.** 1
14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Попеченіе о народной нравственности —На спичечныхъ фабрикахъ.—Въ чувашскихъ

Годъ XIII-й. № 5-й.

Univ. of California

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

60787

МАЙ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

UNIV. OF
CALIFORNIA

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го апрѣля 1904 года.

AP5.5
M47
1904:5
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА. (Къ столѣтію со дня его рожденія 20-го мая 1804 г.). **Виктора Вальтера**	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ. *** **Скитальца**	35
3.	ЗА ОКЕАНОМЪ. Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ. (Продолженіе). **Тана.**	37
4.	ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. Часть 2-я. Удѣльная Русь (XIII, XIV, XV и первая половина XVI вѣка). **Н. Рожкова.**	72
5.	ТРАГЕДІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА. **Эмериха Мадача.** Пер. **Н. Холодковскаго.**	104
6.	ЛЮБОВЬ. Повѣсть **Густава Гейерстама.** Переводъ со шведскаго **К. Ж.**	134
7.	СТИХОТВОРЕНІЕ. **Л. М. Василевскаго**	169
8.	ИРЛАНДІЯ ОТЪ ВОЗСТАНІЯ 1798 ГОДА ДО АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ НЫНѢШНЯГО МИНИСТЕРСТВА. (Продолженіе). **Евг. Тарле.**	170
9.	СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) **А. Ѳедорова.** 2) У РѢКИ. **О. Чюминой.** 3) ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ. **Е. Чернобаева**	197
10.	«ДАМКА». Разсказъ **Н. Осиповича.**	199
11.	ТРУДЪ. Романъ **Ильзы Франанъ.** Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой** (Продолженіе).	211
12.	ВОЕННЫЙ ФЛОТЪ, КАКЪ ОТРАСЛЬ СОВРЕМЕННОЙ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. **Б. В—ра.**	239

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Панмонголизмъ», «желтая опасность» и прочіе страхи.—«Желтая опасность» г. Слонимскаго.—«Существуетъ-ли желтая опасность?» Альберта Метена.—«Передъ грознымъ будущимъ», кн. Ухтомскаго.—«Паназіатизмъ какъ вѣковая цѣль Россіи» по слову «Новаго Пути».—Мнимая и дѣйствительная опасность переживаемаго момента. **А. Б.**	1
14.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Попеченіе о народной нравственности.—На спичечныхъ фабрикахъ.—Въ чувашскихъ	

884359

стр.

селеніяхъ.—Судьба земскихъ школъ.—Жилища рабочихъ на Мурманѣ.—Въ Одессѣ на Святой.—Литературное дѣло.—Изъ отчета одной библіотеки.—В. В. Верещагинъ (некрологъ).—С. О. МАКАРОВЪ (некрологъ). 12

15. НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ. Ш. Корея. **А. Ст—вича** . . . 27

16. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Вѣстникъ Европы» — апрѣль. «Русская Старина»—апрѣль. «Русское Богатство»—мартъ. «Русская Мысль»—мартъ) 40

17. ВОСПОМИНАНІЯ О В. В. ВЕРЕЩАГИНѢ. **Ильи Гинцбурга.** 47

18. **За границей.** Манифестація въ Гайдъ-паркѣ. — Отмѣна закона о іезуитахъ въ Германіи. Газетная полемика.—Турецкій меморандумъ и македонскія дѣла. — Автобіографія Герберта Спенсера. — Психологія журнализма. — Бойкотированный профессоръ. 51

19. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Желтые и бѣлые.—Движеніе народонаселенія во Франціи.—Школа индѣйцевъ.—Роль индивида у животныхъ и въ человѣчествѣ. 65

20. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. I. Роль поваренной соли въ организмѣ и въ пищевомъ режимѣ человѣка. II. О научныхъ журналахъ при русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. **В. Агафонова.** 71

21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Исторія всеобщія и русская.—Соціологія и политическая экономія.—Философія. — Медицина и гигіена.—Новыя книги поступившія для отзыва въ редакцію. 85

22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 120

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ІЕНА ИЛИ СЕДАНЪ? Романъ **Адама фонъ-Бейерлейна.** Переводъ съ нѣмецкаго **Т. Богдановичъ.** 129

24. ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ. Со многг. рис. въ текстѣ. Составлено по Лекорню, Линке, Поморцеву, Тисандье и др. подъ редакціей **В. К. Агафонова.** 77

UNIV. OF
CALIFORNIA

Михаилъ Ивановичъ
ГЛИНКА.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА.

(Къ столѣтію со дня его рожденія 20-го мая 1804 г.).

Какъ и его геніальный современникъ, Пушкинъ, М. И. Глинка имѣлъ въ своихъ жилахъ примѣсь иноземной крови, у Глинки—польской. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда Смоленскъ сталъ русскимъ владѣніемъ, Викторъ-Владиславъ Глинка изъ герба Тржска (или Бяла), владѣвшій вотчиной въ Ельнинскомъ стану, принялъ православіе и подъ именемъ Якова Яковлевича сталъ основателемъ русской вѣтви рода Глинокъ.

Отецъ композитора—Иванъ Николаевичъ—былъ капитанъ въ отставкѣ и женатъ былъ на Евгеніи Андреевнѣ, тоже изъ рода Глинокъ. Изъ большой семьи (10 дѣтей) Глинки въ жизни композитора, который былъ старшимъ изъ дѣтей, играли роль только двѣ сестры: Пелагея Ивановна, замужемъ Соболевская, и въ особенности, нынѣ здравствующая, Людмила Ивановна, замужемъ Шестакова, которой русская музыка обязана глубокой благодарностью за самоотверженныя попеченія ея о братѣ и его сочиненіяхъ *).

Михаилъ Ивановичъ Глинка родился 20-го мая 1804 г. въ селѣ Новоспаскомъ Ельнинскаго уѣзда, Смоленской губ. Это былъ слабый, болѣзненный (золотуха) ребенокъ, и первоначальное воспитаніе его, которое взяла на себя его бабушка, только содѣйствовало ослабленію его здоровья. Бабушка страшно кутала ребенка, держала постоянно

*) Будучи вѣрнымъ другомъ и охранителемъ Глинки при его жизни, Людмила Ивановна послѣ его смерти прилагала и до сихъ поръ не щадитъ силъ для популяризаціи сочиненій Глинки. Для содѣйствія постановкѣ и исполненію его оперъ Л. И. не могла многаго сдѣлать. Но все же ей удалось устроить исполненіе обѣихъ оперъ брата въ Прагѣ въ 1867 году—съ большимъ успѣхомъ. Большія усилія прилагала Л. И. для изданія партитуръ обѣихъ оперъ, не жалѣя для этого издержекъ и дѣлая всевозможныя льготы жадному и мало свѣдущему собственнику сочиненій (части) Глинки—Стелловскому. Въ настоящее время превосходное и крайне дешевое изданіе всѣхъ сочиненій Глинки печатается у Бѣляева въ Лейпцигѣ; достояніемъ русской публики это изданіе сдѣлается 3-го февраля 1907 года. Наконецъ, трудами Л. И. устроенъ музей Глинки въ с.-петербургской консерваторіи.

въ очень теплой комнатѣ, почти не выпускала на воздухъ и закармливала его сладостями.

Послѣ смерти бабушки въ 1810 г. воспитаніе Глинки получило болѣе нормальное теченіе, но тѣмъ не менѣе онъ оставался ребенкомъ изнѣженнымъ, не любилъ свѣжаго воздуха и игръ со сверстниками, а предпочиталъ общество своей сестры и дочери няни. Наиболѣе любимымъ занятіемъ мальчика было чтеніе (читать Глинка выучился чрезвычайно рано) и рисованіе. Изъ книгъ огромное впечатлѣніе на ребенка производили описанія путешествій, и этотъ интересъ къ чужимъ землямъ проявился позже въ склонности къ путешествіямъ и перемѣнѣ мѣста.

Музыкальное чувство ребенка *) первоначально выражалось въ любви его къ церковному трезвону, которому онъ умѣлъ подражать на мѣдныхъ тазахъ; но уже на 10-мъ году жизни услышанная имъ музыка (квартетъ Крузеля) произвела на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ нѣсколько дней былъ какъ въ лихорадкѣ, и когда учитель рисованія, замѣтивъ его разсѣянность за урокомъ, сказалъ ему: «Ты только думаешь о музыкѣ», то ребенокъ отвѣтилъ: «Что-жъ дѣлать, музыка душа моя». Эта дѣтская фраза служитъ какъ бы символомъ всей жизни Глинки.

Первыми музыкальными впечатлѣніями Глинка обязанъ былъ оркестру своего дяди Аѳанасія Андреевича Глинки, который нерѣдко пріѣзжалъ съ своими музыкантами въ Новоспасское изъ сосѣдняго Шмакова за 8 верстъ; оркестръ этотъ изъ крѣпостныхъ музыкантовъ игралъ танцы для собравшихся гостей, а также увертюры популярныхъ въ то время композиторовъ: Буальдье, Мегюля, Крейцера. Важнѣе всего, однако, отмѣтить, что въ числѣ слышанныхъ Глинкой пьесъ было много переложеній для оркестра русскихъ пѣсенъ, «и можетъ быть,—говоритъ Глинка въ «Запискахъ» **),—эти пѣсни, слышанныя мною въ ребячествѣ, были первой причиной того, что впослѣдствіи я сталъ преимущественно разрабатывать народную русскую музыку».

Первые уроки музыки на фортепіано давала Глинкѣ выписанная въ 1815 г. изъ Петербурга смолянка В. Ѳ. Кляммеръ, дѣвица 20 лѣтъ, «высокаго росту, строгая и взыскательная», приглашенная въ семью Глинки гувернанткой. Она преподавала дѣтямъ научные предметы и языки, нѣмецкій и французскій. Французскій языкъ, впрочемъ, былъ знакомъ Глинкѣ еще раньше, такъ какъ, кромѣ русской няни, въ домѣ была еще француженка Роза Ивановна. Глинка настолько владѣлъ французскимъ языкомъ, что впослѣдствіи нерѣдко прибѣгалъ къ фран-

*) Здѣсь слѣдуетъ указать, что ни въ семьѣ, ни среди родственниковъ композитора не было ни одного лица, отличавшагося музыкальными способностями.

**) „Записки М. И. Глинки и переписка его". Изд. Суворина, 1887 г.

цузскимъ фразамъ для поясненія своей мысли, какъ это видно изъ его «Записокъ» и писемъ.

Кромѣ рояля, Глинка учился еще игрѣ на скрипкѣ, но дѣло шло не такъ успѣшно, какъ занятія съ В. Ѳ. Кляммеръ, потому что учитель Глинки, музыкантъ изъ оркестра дяди, самъ плохо игралъ на скрипкѣ. На роялѣ Глинка дѣлалъ хорошіе успѣхи, такъ что вскорѣ исполнялъ сочиненія Штейбельта и др. «довольно опрятно».

Домашнее воспитаніе Глинки окончилось въ 1817 году, когда его отвезли въ Петербургъ, гдѣ Глинка поступилъ въ благородный пансіонъ при главномъ педагогическомъ институтѣ (впослѣдствіи, съ 1830 года, первая гимназія). Это учебное заведеніе пользовалось особыми привилегіями: хотя курсъ наукъ въ немъ былъ едва ли выше гимназическаго, тѣмъ не менѣе оканчивавшіе заведеніе пользовались правами окончившихъ университетъ. Воспитанники благороднаго пансіона предназначались для государственной службы.

Глинка пробылъ въ благородномъ пансіонѣ до 1822 года, когда былъ выпущенъ первымъ съ правомъ на чинъ 10-го класса. Отецъ не жалѣлъ издержекъ на устройство своего сына и помѣстилъ его въ мезонинѣ пансіона вмѣстѣ съ тремя мальчиками его возраста и съ особымъ гувернеромъ—В. К. Кюхельбекеромъ (пріятель Пушкина, писатель, извѣстный декабристъ).

Замѣчательно, что въ своихъ «Запискахъ» Глинка совершенно не упоминаетъ о тяжелыхъ чувствахъ, которыя должно было вызвать въ немъ разставаніе съ деревенскимъ привольемъ и съ любимой семьею. Повидимому, новость впечатлѣній и оживленная пансіонская жизнь вполнѣ замѣнила для Глинки интимную прелесть домашней жизни. Учился Глинка очень легко по всѣмъ предметамъ, и первые годы даже прилежно, но впослѣдствіи онъ сохранилъ интересъ только къ языкамъ (латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій и персидскій), и къ всегда любимымъ имъ географіи и зоологіи. Окончилъ Глинка пансіонъ хорошо не потому, что зналъ предметы, а «отчасти за прежнія заслуги, отчасти отъ ловкихъ моихъ увертокъ» («Записки»). Хотя въ числѣ преподавателей пансіона были извѣстные профессора, тѣмъ не менѣе уровень знаній учащихся былъ очень низокъ, и Глинка кончилъ пансіонъ съ очень небольшимъ запасомъ знаній и безъ всякаго интереса не только къ научнымъ занятіямъ, но и къ литературѣ.

Въ теченіе пяти пансіонскихъ лѣтъ Глинка усердно занимался на фортепіано и сдѣлалъ большіе успѣхи, хотя виртуозности на этомъ инструментѣ онъ никогда не достигъ. Учителями его были (внѣ пансіона)—знаменитый Фильдъ (всего три урока), позже—Оманъ, Цейнеръ и Карлъ Мейеръ. Послѣдній былъ наиболѣе полезенъ Глинкѣ не только какъ учитель на фортепіано; онъ много способствовалъ его общему музыкальному развитію и сообщилъ ему первыя свѣдѣнія по теоріи музыки (Мейеръ былъ популярный въ то время салонный композиторъ).

*

На скрипкѣ Глинка учился у извѣстнаго Бема, но попрежнему съ очень слабымъ успѣхомъ.

Къ концу пансіонской жизни Глинки относятся первыя попытки его въ композиціи. Онъ часто пользовался отпускомъ изъ пансіона и много бывалъ въ театрахъ и въ обществѣ. Въ особенности увеличились знакомства Глинки, когда въ Петербургѣ поселился его дядя Аѳанасій Андреевичъ. Черезъ него онъ познакомился съ семействомъ генерала В. В. Энгельгардта, внукъ котораго В. П. Энгельгардтъ впослѣдствіи сдѣлался близкимъ другомъ Глинки. Между прочимъ Глинка познакомился съ молодой барыней красивой наружности: она хорошо играла на арфѣ и чрезвычайно мило пѣла. Вотъ она-то и вдохновила Глинку попробовать свои силы въ композиціи: это были варіаціи на чужія темы для фортепіано и арфы, а также «Вальсъ» для фортепіано. Здѣсь важно отмѣтить, что эти первыя слабыя попытки въ композиціи были написаны для фортепіано, для котораго Глинка и впослѣдствіи не сочинилъ ничего значительнаго, и что первой вдохновительницей его къ сочиненію, какъ неоднократно впослѣдствіи, была привлекательная женщина.

По окончаніи пансіона Глинка долженъ былъ, согласно желанію отца, поступить на службу по иностранной коллегіи. Хотя ему было все равно, гдѣ ни служить, тѣмъ не менѣе Глинка не очень торопился съ этимъ дѣломъ, и потому съ величайшей охотой принялъ предложеніе отца поѣхать на Кавказъ лечиться отъ золотухи. Эта поѣздка совершилась въ концѣ апрѣля 1823 года въ собственной коляскѣ, съ лакеемъ и поваромъ. Глинка пробылъ на Кавказѣ все лѣто, но леченіе ваннами и питье минеральныхъ водъ, вмѣсто улучшенія, вызвали только сильное нервное разстройство, выразившееся въ потерѣ сна, аппетита и въ сильныхъ головныхъ болях. Осенью Глинка вернулся въ Новоспасское, гдѣ и пробылъ всю зиму. Здѣсь онъ нашелъ для себя увлекшее его занятіе: онъ началъ заниматься съ музыкантами своего дяди, проходилъ съ ними партіи, затѣмъ дѣлалъ совмѣстныя репетиціи, и такимъ образомъ практически изучалъ инструментовку по увертюрамъ Моцарта, Бетховена, Керубини и др. Важное значеніе этихъ занятій Глинки будетъ понятно, если пояснить, что по своей прирожденной музыкальной организаціи онъ имѣлъ особенно чувствительный къ музыкальнымъ краскамъ (тембръ инструментовъ) слухъ, и раннее практическое развитіе этой способности дало впослѣдствіи Глинкѣ возможность показать весь блескъ своей тонкой, нѣжной и въ то же время яркой инструментовки (въ «Русланѣ» и др.). Не слѣдуетъ думать, что каждый выдающійся композиторъ умѣетъ хорошо инструментировать свою музыку: достаточно вспомнить Шумана, Брамса, А. Рубинштейна, оркестровыя сочиненія которыхъ, при болѣе или менѣе совершенныхъ качествахъ рисунка (собственно музыкальное строеніе пьесъ), поражаютъ блѣдностью красокъ и отсутствіемъ колорита.

Занятія Глинки музыкой, которымъ онъ предавался съ такимъ увлеченіемъ, не были въ это время даже для него дѣломъ серьезнымъ, въ которомъ она видѣлъ бы свое призваніе. Еще нѣсколько лѣтъ позже, когда Глинка жилъ въ Петербургѣ, музыка была для него все еще однимъ изъ средствъ быть интереснымъ въ обществѣ наравнѣ съ танцами. «Мужской компаніи я тогда не любилъ; предпочиталъ же общество дамъ и молодыхъ дѣвицъ, коимъ нравился мой музыкальный талантъ. Я скоро убѣдился въ необходимости умѣть танцовать и началъ учиться у Гольца, занимался съ нимъ около двухъ лѣтъ и дошелъ до entrechat double и ailes de pigeon и до другихъ па, коими въ то время франтили ловкіе танцоры» («Записки»).

Еще менѣе значенія имѣли занятія Глинки музыкой въ глазахъ его родныхъ—музыка, какъ и танцы, были одной изъ принадлежностей дворянскаго воспитанія.

Время съ весны 1824 года до 1830 года, когда Глинка уѣхалъ за границу, онъ прожилъ, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ, отлучаясь отъ времени до времени къ себѣ въ деревню. Въ Петербургѣ Глинка дѣлилъ свое время между службой, музыкальными занятіями и посѣщеніемъ общества, гдѣ былъ любимымъ гостемъ въ различныхъ кругахъ, благодаря своему живому, общительному характеру и еще болѣе благодаря своимъ музыкальнымъ талантамъ: Глинка игралъ на роялѣ, но еще болѣе имѣлъ успѣхъ, какъ пѣвецъ. У него былъ пріятный голосъ (баритонъ, перешедшій впослѣдствіи въ теноръ), пѣлъ онъ съ большой выразительностью, не говоря уже объ общей музыкальности. Но какъ музыкантъ, онъ стоялъ въ это время на одной ступени съ другими любителями музыки въ высшемъ обществѣ, гдѣ онъ вращался, и гдѣ многіе тогда играли, пѣли и сочиняли (графиня Сиверсъ, г-жа Демидова, кн. Голицынъ, Ѳеофилъ Толстой (впослѣдствіи музыкальный критикъ—Ростиславъ), камеръ-юнкеръ Штеричъ, графъ Вьельгорскій и др.). Въ это время Глинка былъ такимъ же дилеттантомъ, какъ и упомянутыя лица, и, повидимому, не помышлялъ ни о какихъ музыкальныхъ подвигахъ. Онъ продолжалъ заниматься съ Мейеромъ, хотя занятія эти, по желанію самого Мейера, превратились въ дружескія собесѣдованія о музыкѣ («онъ объяснялъ мнѣ, сколько умѣлъ, правила искусства») и изученіе фортепіанной литературы. Пробовалъ Глинка заниматься по теоріи еще у Фукса, у Zamboni, но безъ видимыхъ результатовъ. Учился онъ еще на скрипкѣ у Реми и пѣнію у Беллоли, но все въ томъ же дилеттантскомъ стилѣ.

Такой же характеръ имѣютъ и его, уже довольно многочисленныя, сочиненія этого періода. Глинка писалъ и для инструментовъ (для фортепіано, для фортепіано съ альтомъ, для смыковаго квартета), и для голоса съ фортепіано (25 романсовъ), и цѣлыя театральныя сцены съ оркестромъ, и, наконецъ, «Кантату на кончину Императора Александра», сочиненную въ Смоленскѣ и исполненную тамъ же въ домѣ

генерала Апухтина. Изъ нихъ инструментальныя сочиненія (нѣкоторыя сохранились) могли бы служить «только доказательствомъ моего тогдашняго невѣжества въ музыкѣ» («Записки»). Изъ вокальныхъ сочиненій нѣкоторыя интересны, какъ матеріалъ для будущихъ твореній Глинки: романсъ Антониды въ «Жизни за Царя», тема канона «Какое чудное мгновенье» въ «Русланѣ»; и только немногіе романсы сохранили свой художественный интересъ до нашего времени (романсъ «Не искушай» на два голоса—теплый и искренній, очень популярный и теперь).

Поводами къ сочиненію музыки въ это время были: иногда—желаніе испытать свои силы въ серьезномъ сочиненіи, чаще же всего соревнованіе со своими свѣтскими пріятелями и личныя, интимныя чувства композитора. «По вечерамъ и въ сумерки любилъ я мечтать за фортепіано. Сентиментальная поэзія Жуковскаго мнѣ чрезвычайно нравилась и трогала меня до слезъ (вообще говоря, въ молодости я былъ парень романическаго устройства и любилъ поплакать сладкими слезами умиленія» («Записки»). Романсъ «Я люблю, ты говорила, и тебѣ повѣрилъ я» долженъ былъ выразить грусть Глинки, узнавшаго, что сердце его возлюбленной Катеньки принадлежало другому.

Возвращаясь къ свѣтскому обществу, въ которомъ вращался Глинка, я долженъ указать, что хотя въ музыкальномъ отношеніи оно имѣло вредное для Глинки значеніе, придавая его музыкѣ чисто дилеттантскій пошибъ, зато оно же привело Глинку къ знакомству съ первыми литераторами того времени, имѣвшими впослѣдствіи рѣшающее значеніе для національнаго направленія творчества Глинки. Лица эти были: Жуковскій, Дельвигъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Мицкевичъ, Гоголь (Глинка присутствовалъ при первомъ чтеніи «Женитьбы» у Жуковскаго) и др. Не нужно думать, однако, что эти знакомства усилили въ немъ любовь къ литературѣ и сознаніе значенія ея. Литература оставалась для Глинки всю жизнь тѣмъ же, чѣмъ была музыка для его свѣтскихъ пріятелей: пріятнымъ развлеченіемъ и только. Хорошо зная иностранные языки, Глинка совсѣмъ не зналъ иностранныхъ авторовъ: въ 1833 г. онъ читаетъ Шиллера «для развлеченія»; только въ 1848 г., по указанію П. П. Дубровскаго, бывшаго цензоромъ въ Варшавѣ, Глинка, жившій тогда тамъ же, прочелъ съ нимъ «большую часть русскихъ писателей и другихъ авторовъ, въ особенности Шекспира». Въ 1853 году Глинка, который жилъ тогда въ Парижѣ, прослушалъ въ теченіе зимы почти всего Поль де-Кока, «Тысячу и одну ночь» и «Decameron» Боккаціо. «Серьезнымъ чтеніемъ и дѣломъ я не былъ расположенъ заниматься». (Ему читала вслухъ его «няня» Аделина; онъ болѣлъ и хандрилъ въ то время). Въ письмѣ отъ 1856 года Глинка пишетъ: «Я не знахарь въ литературѣ (въ особенности новѣйшей, которую вовсе не люблю» *). Поэтому неудивительно, что Глинка съ

*) Напомню по этому поводу только нѣкоторыя даты: „Записки охотника“

такой же охотой писалъ музыку на слова своихъ пріятелей—Корсака, Н. Кукольника и др.,—какъ и на текстъ Пушкина или Дельвига: въ свѣтскомъ обществѣ музыку Вьельгорскаго или Львова, вѣдь, тоже ставили на одну доску съ «Русланомъ» Глинки.

Еще болѣе холоденъ былъ Глинка къ вопросамъ политическимъ и общественнымъ. Свидѣтель декабрьскаго бунта 1825 года, въ которомъ участвовали нѣкоторые его товарищи и его недавній еще воспитатель Кюхельбекеръ; свидѣтель крымской войны, обнаружившей всѣ недостатки предшествующаго государственнаго режима — Глинка стоялъ вдали отъ всѣхъ прогрессивныхъ началъ, пробивавшихъ себѣ дорогу въ русскомъ сознаніи, и всю жизнь придерживался консервативныхъ понятій, усвоенныхъ имъ въ юности. Лучше сказать—не придерживался никакихъ общественно-политическихъ взглядовъ, будучи къ нимъ болѣе чѣмъ равнодушенъ. Тѣмъ не менѣе этотъ рожденный и воспитанный въ высшемъ сословіи баричъ, прибѣгавшій къ французскому языку для поясненія своихъ мыслей, былъ какъ это иногда замѣчательно характерно для русскаго барства (Пушкинъ, Л. Толстой), чрезвычайно близокъ къ народу, къ простому мужику. Глинка инстинктомъ чувствовалъ свое родство, близость съ простымъ народомъ, и это отражалось и въ его обращеніи съ своими крѣпостными людьми, и въ его религіозныхъ вѣрованіяхъ, и въ его творчествѣ. Замѣчательно, что въ его «Запискахъ», также какъ въ «Войнѣ и Мирѣ» Толстого, совершенно не чувствуется ужасъ крѣпостного права, бывшаго для другихъ просвѣщенныхъ людей того времени (вспомнимъ Салтыкова—Щедрина) настоящимъ кошмаромъ. Взглядъ Глинки на простой народъ хорошо выразился въ одномъ его примѣчаніи въ «Запискахъ». «Нѣкоторые изъ аристократовъ, говоря о моей оперѣ «Жизнь за царя», выразились съ презрѣніемъ: «c'est la musique des cochers». Глинка дѣлаетъ примѣчаніе: «Это хорошо и даже вѣрно, ибо кучера по моему дѣльнѣе господъ». Въ томъ, что крѣпостные люди во многомъ дѣльнѣе господъ, Глинка имѣлъ случай убѣдиться на своемъ человѣкѣ Яковѣ Ульяновѣ Нетоевѣ, который пріѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ въ 1824 году, и съ тѣхъ поръ игралъ весьма важную роль въ его жизни. По словамъ близкаго друга Глинки, П. Степанова, этотъ Яковъ «былъ владыко матеріальной жизни Глинки; всѣ жизненныя потребности были на его рукахъ. Глинка ничего не зналъ о своемъ платьѣ, бѣльѣ, обуви. Деньги были также у него; уѣзжая со двора, Глинка бралъ у него или нѣсколько мелкой монеты, или рублей... Онъ такъ слилъ себя съ бариномъ, что иначе не говорилъ, какъ: «наше Новоспасское, наша опера, наши сестры» *). Этотъ же Яковъ былъ музы-

Тургенева начали печататься съ 1847 года; въ томъ же году появилась „Обыкновенная исторія“ Гончарова; годомъ раньше вышли „Бѣдные Люди“ Достоевскаго; „Дѣтство“, „Казаки“ Толстого напечатаны въ 1852 году.

*) Относится къ 1841 году, когда Глинка жилъ у Степанова на квартирѣ.

кантъ, онъ игралъ на віолончели и нерѣдко принималъ участіе въ музыкальныхъ увеселеніяхъ Глинки съ товарищами. Кромѣ Якова, Глинка привезъ съ собою въ Петербургъ еще его брата, Алексѣя, игравшаго порядочно на скрипкѣ, и дядьку Илью. При довольно широкомъ образѣ жизни, который велъ Глинка въ Петербургѣ съ 1824 года, отцу его было трудно удовлетворять всѣмъ его издержкамъ, и потому Глинка охотно воспользовался случаемъ поступить на службу, отнимавшую у него всего одинъ часъ въ день и хорошо оплачиваемую. Это было мѣсто помощника секретаря въ канцеляріи совѣта путей сообщенія, которое Глинка и получилъ въ маѣ 1824 г. Несмотря на всѣ удобства такой службы, Глинка оставилъ ее уже въ 1828 году, какъ онъ забавно описываетъ, «изъ-за запятой». Дѣло въ томъ, что его начальникъ, генералъ Горголи, имѣлъ матримоніальные виды на Глинку по отношенію къ своей дочери (у генерала ихъ было три), которая тоже училась пѣнію у Беллоли.

Глинка, вначалѣ часто бывавшій въ домѣ генерала, съ увеличеніемъ числа своихъ знакомыхъ, сталъ рѣже бывать у Горголи. «Надо сказать правду,—пишетъ Глинка въ «Запискахъ»,—что генеральша и ея дочки не могли внушить искренняго желанія часто бывать у нихъ; онѣ жили долгое время въ Кіевѣ и къ суматошнымъ провинціальнымъ пріемамъ присоединяли страсть говорить чрезвычайно громко и всѣ четыре вдругъ, такъ что не только гостей, но и генерала самого заставляли молчать всякій разъ, когда обращались къ нему». Замѣтивъ уклоненія Глинки, Горголи измѣнилъ къ нему отношенія на службѣ и сталъ дѣлать ему замѣчанія касательно не на мѣстѣ стоявшихъ запятыхъ (притомъ въ бумагахъ, которыя писалъ вовсе не Глинка). Глинка воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что отецъ его посредствомъ «важной финансовой операціи» въ 1827 году значительно увеличилъ свое состояніе, вслѣдствіе чего служба съ денежной стороны потеряла для Глинки свое значеніе,—и подалъ въ отставку.

Если жизнь Глинки въ этотъ періодъ протекала весело и беззаботно, то были все же люди, которые приложили великія усилія, чтобы отравить ему существованіе: это были доктора, лечившіе его отъ золотухи. Среди нихъ особенно отличался докторъ Гасовскій: достаточно сказать, что любимыми его средствами были—ртуть, сѣра, хининъ и опіумъ, и притомъ въ безчеловѣчныхъ дозахъ. Результатомъ попеченій докторовъ было то, что организмъ Глинки, страдавшаго ранѣе лишаями и воспаленіемъ глазъ, которое уступало мѣстному леченію, оказался совершенно расшатаннымъ. У него сдѣлалась страшная слабость, сильнѣйшія боли въ шейныхъ железахъ (съ жаромъ и бредомъ) и нервное разстройство. Это болѣзненное состояніе привело, однако, Глинку къ выходу, имѣвшему чрезвычайное значеніе для него, какъ композитора. Отецъ Глинки, хотя обращался съ нимъ дружески и по-товарищески, тѣмъ не менѣе рѣшительно отказывалъ въ позволеніи ѣхать за границу, о чемъ его

не разъ просилъ Глинка. Между тѣмъ, когда услугами докторовъ организмъ Глинки былъ приведенъ въ полное разстройство, то смотрѣвшій его въ деревнѣ докторъ Шпиндлеръ, которому отецъ очень вѣрилъ, рѣшительно объявилъ, что у Глинки цѣлая кадриль болѣзней, и что ему необходимо на три года уѣхать за границу въ теплый климатъ. Такимъ образомъ поѣздка за границу была рѣшена, и въ концѣ апрѣля 1830 года Глинка, къ которому присоединился пѣвецъ Ивановъ *), отправился за границу.

Поѣздка Глинки за границу имѣла главной цѣлью поправить его здоровье. Но кромѣ того Глинка съ восторгомъ думалъ о музыкальныхъ наслажденіяхъ, которыя ему тамъ предстоятъ (о собственныхъ занятіяхъ музыкой онъ все еще не думалъ); точно также восхищало его исполненіе завѣтной мечты о путешествіи за границу, въ особенности въ страну солнца и красоты, въ Италію.

Главная цѣль путешествія Глинки—излеченіе золотухи—не была достигнута. Врачи за границей (Эмсъ, Ахенъ, Италія) лечили Глинку и внутренними и наружными средствами, обращались съ нимъ, особенно итальянцы, просто какъ живодеры (въ буквальномъ смыслѣ): прожгли ему затылокъ ляписомъ, спустили ему мазями и пластырями кожу сперва «съ брюха», другой разъ со спины и довели его до такого состоянія, что, когда Глинка, наконецъ, лѣтомъ 1833 года бѣжалъ отъ рукъ итальянскихъ врачей въ Берлинъ, гдѣ жила его замужняя сестра Гедеонова, то онъ не только страдалъ крайнимъ разстройствомъ нервовъ, доходившимъ до галлюцинацій, но уже едва могъ ходить: руки и ноги не повиновались ему, и человѣкъ долженъ былъ его водить. Спасло Глинку, по его словамъ, гомеопатическое леченіе **), къ которому онъ обратился въ Вѣнѣ по совѣту одного патера, когда ѣхалъ къ сестрѣ въ Берлинъ. Гомеопатія быстро поставила Глинку на ноги, хотя «непріятныя ощущенія все еще продолжали его тревожить». Наконецъ, въ Берлинѣ знаменитый Диффенбахъ посовѣтовалъ Глинкѣ гимнастику и «гусарскую жизнь», но и эти средства не принесли ему пользы, и онъ вернулся на родину съ тѣми же болѣзнями, съ какими уѣхалъ. Въ общемъ, изъ «Записокъ» Глинки видно, что съ его золотухой можно было жить сносно, пока за него не принимались врачи.

Такимъ образомъ физическія страданія въ значительной степени

---

*) Ивановъ былъ пѣвчимъ въ императорской капеллѣ; онъ былъ отпущенъ за границу учиться по просьбѣ отца Глинки. Въ Италіи Ивановъ, благодаря превосходному голосу, получилъ извѣстность и не захотѣлъ вернуться на родину, чѣмъ вызвалъ гнѣвъ императора Николая Павловича. Ивановъ такъ и остался навсегда за границей.

**) Гомеопатическое „леченіе“ и впослѣдствіи часто облегчало страданія Глинки, который всю жизнь болѣлъ и лечился. Въ „Запискахъ“ Глинки очень много мѣста отводится описанію этихъ болѣзней, но мы ограничимся здѣсь однимъ упоминаніемъ о нихъ.

отравили Глинкѣ его четырехлѣтнее пребываніе за границей. Тѣмъ не менѣе, въ свободные отъ болѣзней промежутки Глинка наслаждался жизнью, полностью беря отъ нея все, что было можно. Кромѣ чудной итальянской природы два источника наслажденій были открыты для Глинки: музыка и общество, преимущественно женское. Наслажденіе музыкой стояло тогда у Глинки все еще на любительскомъ уровнѣ: онъ плакалъ отъ восторга, слушая знаменитыхъ итальянскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ въ операхъ Беллини, Россини и Доницетти. На такомъ же уровнѣ стояли и его собственныя занятія музыкой.

Онъ значительно усовершенствовалъ свое пѣніе, занимаясь у Nozzari и г-жи Fodor (это была русская пѣвица Ѳедорова) въ Неаполѣ. Менѣе успѣшны были занятія Глинки по теоріи. Онъ попробовалъ заниматься контрапунктомъ у директора миланской консерваторіи Basili, но скоро бросилъ: его преподаваніе показалось ему слишкомъ сухимъ. Собственныя сочиненія Глинки за этотъ періодъ носятъ все тотъ же дилеттантскій характеръ. Писались они преимущественно для угожденія дѣвицъ и дамъ, плѣнявшихъ слабое сердце композитора, и представляли собою фантазіи и варіаціи для фортепіано (иногда съ другими инструментами) на модныя итальянскія мелодіи и нѣсколько романсовъ.

Подводя итогъ своей композиторской дѣятельности за три года пребыванія въ Италіи, Глинка говоритъ въ «Запискахъ»: «Не малаго труда стоило мнѣ *поддѣлываться* подъ итальянское Sentimento brillante, какъ они называютъ ощущеніе благосостоянія, которое есть слѣдствіе организма счастливо устроеннаго подъ вліяніемъ благодѣтельнаго южнаго солнца. Мы, жители сѣвера, чувствуемъ иначе; впечатлѣнія или насъ вовсе не трогаютъ, или глубоко западаютъ въ душу. У насъ или неистовая веселость, или горькія слезы. Любовь, это восхитительное чувство, животворящее вселенную, у насъ всегда соединена съ грустью. Всѣ написанныя мною, въ угожденіе жителямъ Милана, пьесы, изданныя весьма опрятно G. Ricordi, убѣдили меня только въ томъ, что я шелъ не своимъ путемъ, и что я *искренно* не могъ быть итальянцемъ. Тоска по отчизнѣ навела меня постепенно на мысль писать по-русски».

Эти слова показываютъ, что уже въ Италіи Глинка почувствовалъ, что онъ, какъ композиторъ, стоитъ на невѣрномъ пути. Это неясное сознаніе превратилось въ твердое убѣжденіе и привело Глинку къ окончательному рѣшенію дать своему творчеству національный, самостоятельный поворотъ, когда онъ въ Берлинѣ лѣтомъ 1833 года познакомился съ нѣмецкой музыкой и сталъ заниматься композиціей подъ руководствомъ Зигфрида Дена. Это былъ нѣмецкій учитель теоріи музыки, впослѣдствіи профессоръ и хранитель музыкальнаго отдѣла королевской библіотеки въ Берлинѣ. Замѣчательно, что Денъ самъ ничего не оставилъ, какъ композиторъ, но вотъ что пишетъ о немъ

Глинка. «Нѣтъ сомнѣнія, что Дену (безспорно, первому музыкальному знахарю въ Европѣ) обязанъ я болѣе всѣхъ другихъ моихъ maestro: онъ, будучи рецензентомъ музыкальной лейпцигской газеты, не только привелъ въ порядокъ мои познанія, но и идеи объ искусствѣ вообще, и съ его лекцій я началъ работать не ощупью, а съ сознаніемъ. Я учился у него около пяти мѣсяцевъ...» Послѣ этихъ занятій Глинка почувствовалъ твердую почву подъ ногами, какъ композиторъ, а просыпавшееся національное самосознаніе получило особый толчокъ, когда Глинка услышалъ «Фрейшютца» Вебера, который въ нѣмецкой національной оперѣ сыгралъ приблизительно ту же роль, что у насъ имѣла «Жизнь за Царя». Въ письмѣ къ другу изъ Берлина Глинка пишетъ въ это время: «Я помню «Норму», но теперь я охотно хожу въ королевскую оперу угощаться «Фрейшютцомъ»... У меня есть проектъ въ головѣ, идея... можетъ быть теперь не время признаться во всемъ... Мнѣ кажется, что и я тоже могъ бы дать на нашемъ театрѣ сочиненіе большихъ размѣровъ... Главное состоитъ въ выборѣ сюжета. Во всякомъ случаѣ онъ будетъ совершенно національный. И не только сюжетъ, но и музыка... Кто знаетъ, найду ли я въ себѣ силы и талантъ, необходимые для выполненія обѣщанія, которое я далъ самому себѣ» *).

Хорошее самочувствіе вслѣдствіе успѣшныхъ занятій съ Деномъ поддерживалось романическими отношеніями съ дѣвицей Маріей лѣтъ 17 или 18. «Она была нѣсколько израильскаго происхожденія, высокаго роста, но еще не сложилась; лицомъ же очень красива и походила нѣсколько на Мадонну. Я началъ учить ее пѣнію и написалъ для нея этюды» («Записки»).

Счастливое пребываніе въ Берлинѣ было прервано извѣстіемъ о смерти отца, которое побудило Глинку и его сестру съ мужемъ вернуться на родину. Это было въ апрѣлѣ 1834 года.

Уѣзжая въ Новоспасское, Глинка разсчитывалъ вскорѣ вернуться въ Берлинъ, куда его влекла привязанность къ Маріи. Но случай или судьба судили иначе. Уже съ заграничнымъ паспортомъ въ карманѣ, направляясь въ августѣ того же года въ Берлинъ, Глинка заѣхалъ по совершенно случайному дѣлу въ Петербургъ. Онъ остановился у своего свояка А. Стунѣева (братъ этого Стунѣева былъ женатъ на сестрѣ Глинки) и здѣсь встрѣтилъ молоденькую свояченицу Стунѣева, Марью

*) Что въ этомъ обѣщаніи большую роль сыгралъ „Фрейшютцъ“, свидѣтельствуютъ также слова пріятеля Глинки, нынѣ забытаго литератора, Н. Кукольника въ его дневникѣ. Сообщая о своемъ знакомствѣ съ Глинкой въ декабрѣ 1834 г. и о планѣ композитора писать оперу „Иванъ Сусанинъ“, Кукольникъ пишетъ: „Жуковскій напишетъ слова; и это хорошо; не будетъ итальянской безсмыслицы. Выйдетъ какъ въ „Фрейшютцѣ“: просто и со смысломъ“. Сравненіе съ „Фрейшютцомъ“, очевидно, сдѣлано со словъ Глинки: Кукольникъ едва ли видѣлъ эту оперу.

Петровну Иванову. Эта встрѣча измѣнила всѣ планы Глинки. «Нѣсколько израильскаго происхожденія» дѣвица Марія, для которой онъ спѣшилъ въ Берлинъ, была забыта; новое увлеченіе овладѣло сердцемъ композитора, и это увлеченіе оказалось настолько серьезнымъ, что окончилось бракомъ въ апрѣлѣ 1835 года, черезъ годъ послѣ смерти отца.

Оставшись изъ-за Марьи Петровны въ Петербургѣ, Глинка сталъ вновь бывать у Жуковскаго, и здѣсь поэтъ, узнавъ, что Глинка хочетъ приняться за національную русскую оперу, предложилъ ему сюжетъ—Ивана Сусанина. Эта мысль понравилась Глинкѣ и овладѣла всѣмъ его воображеніемъ. Къ сожалѣнію, Жуковскій не могъ самъ заняться составленіемъ либретто и поручилъ это дѣло барону Розену, секретарю наслѣдника. Это былъ «усердный литераторъ изъ нѣмцевъ,—пишетъ Глинка, — у котораго, какъ говорилъ Жуковскій, по карманамъ были разложены впередъ заготовленные стихи, и мнѣ стоило сказать—какого размѣра мнѣ нужно и сколько стиховъ, онъ вынималъ столько каждаго сорта, сколько слѣдовало, и каждый сортъ изъ особаго кармана». «Мое воображеніе предупредило однако-жъ прилежнаго нѣмца; какъ бы по волшебному дѣйствію вдругъ создался и планъ цѣлой оперы, и мысль противопоставить русской музыкѣ—польскую. Наконецъ, многія темы и даже подробности разработки, все это разомъ вспыхнуло въ головѣ моей». Это былъ самый счастливый періодъ въ жизни композитора. Безумно влюбленный въ дѣвушку, отвѣчавшую ему взаимностью, полный творческаго восторга и сознанія, что теперь онъ владѣетъ техникой сочиненія, дающей ему возможность легко выполнить самыя широкія художественныя намѣренія, Глинка дѣлилъ свое время между усерднымъ писаніемъ партитуры и посѣщеніемъ Маріи Петровны, причемъ для того, чтобы оставаться съ нею наединѣ, когда она бывала у Стунѣевыхъ, Глинка прибѣгалъ къ плутовскому поощренію любви Стунѣева къ пѣнію: «мы съ Марьей Петровной пользовались его увлеченіемъ и усердно шушукали, сидя на софѣ» («Записки»).

Либреттистъ Глинки Розенъ, повидимому, очень высоко цѣнилъ свой поэтическій даръ, и, кажется, полагалъ, что дѣлаетъ честь русской литературѣ, сочиняя для нея стихи. По крайней мѣрѣ, когда Глинка, чувствуя иногда, что стихи барона похожи на что угодно, но только не на русскій языкъ, пробовалъ дѣлать ему замѣчанія, то баронъ проявлялъ необыкновенное упрямство. Такъ было, напримѣръ, съ словами:

«Такъ ты для земнаго житья грядущая женка моя».

На всѣ увѣренія Глинки, что слова: грядущая и женка не подходятъ другъ къ другу, баронъ возражалъ: «Ви не понимайтъ, это сама лючшій поэзія». Такимъ образомъ, текстъ первой русской оперы былъ написанъ нѣмцемъ, плохо знавшимъ русскій языкъ, и написанъ самыми удивитель-

ными стихами, переведенными съ нѣмецкаго безъ малѣйшаго чутья русской рѣчи.

Глинка началъ писать «Жизнь за царя» (первоначально опера называлась «Иванъ Сусанинъ»—окончательное названіе она получила по совѣту Жуковскаго) въ концѣ 1834 года. Весною 1835 года онъ женился и съ женою уѣхалъ въ Новоспасское. Здѣсь Глинка съ особеннымъ восторгомъ предался творческой работѣ: въ комнатѣ, гдѣ онъ писалъ, «копошилась вся семья, и чѣмъ живѣе болтали и смѣялись, тѣмъ быстрѣе шла моя работа» («Записки»). Въ августѣ Глинка поселился въ Петербургѣ и «впустилъ въ свое семейство бѣдовую тещу», что имѣло впослѣдствіи довольно печальные результаты. Къ осени 1836 года опера была вполнѣ окончена.

Однако, попасть на Императорскую сцену первой русской оперѣ было не легко. Несмотря на дружеское содѣйствіе графа М. Ю. Вьельгорскаго, который зналъ музыку этой оперы (первый актъ былъ даже исполненъ у него въ домѣ весной 1836 года) и очень высоко ее цѣнилъ, а также на участіе Жуковскаго и другихъ высокопоставленныхъ друзей Глинки, директоръ театровъ Гедеоновъ не хотѣлъ ее ставить; но не рѣшаясь сказать это прямо, передалъ рѣшеніе въ руки капельмейстера оперы К. А. Кавоса, опера котораго на тотъ же сюжетъ пользовалась въ то время большимъ успѣхомъ. Итальянскій maestro проявилъ, однако, въ этомъ случаѣ благородство души, рѣдкое въ артистическомъ мірѣ. Онъ снялъ свою оперу со сцены, чтобы дать мѣсто произведенію Глинки. «Его музыка дѣйствительно лучше моей, и тѣмъ болѣе, что высказываетъ истинно народный характеръ», отвѣтилъ Кавосъ Ю. Арнольду, когда тотъ удивился поступку итальянскаго композитора. Такимъ образомъ оперу Глинки пришлось поставить, но все же директоръ взялъ съ него подписку не требовать за оперу никакого вознагражденія.

Опера разучивалась подъ управленіемъ Кавоса, и сильно интересовала высшій свѣтъ. На одной изъ репетицій даже присутствовалъ государь. Наконецъ 27-го ноября 1836 года состоялось первое представленіе «Жизни за Царя». Опера имѣла рѣшительный успѣхъ, которымъ Глинка значительно обязанъ былъ двумъ выдающимся исполнителямъ: Петрову (Сусанинъ) и Воробьевой (Ваня). По окончаніи представленія автора позвали въ царскую ложу, и здѣсь съ нимъ весьма милостиво говорилъ государь и другіе члены царской семьи. Для успѣха оперы въ высшемъ свѣтѣ, а это въ то время рѣшало вообще успѣхъ оперы въ публикѣ, такое отношеніе царской фамиліи имѣло рѣшающее значеніе.

Хотя многимъ и не нравилась эта «кучерская музыка», хотя истинно русскій характеръ этой музыки и казался имъ дикимъ и грубымъ послѣ сладчайшихъ контиленъ и фіоритуръ италіянцевъ, тѣмъ не менѣе оперѣ приходилось апплодировать, и въ сущности высшій свѣтъ при-

нялъ такъ благосклонно первую русскую оперу по безмолвному высочайшему повелѣнію. (Мы увидимъ позже, что «Руслану» Глинки не такъ посчастливилось). Воспитанной на операхъ итальянскихъ и французскихъ, русской публикѣ еще мало доступно было пониманіе всего значенія и глубины первой русской оперы. Вьельгорскій, признававшій ея оригинальность и красоты, говорилъ, что послѣ «Фенеллы» (Обера) и «Роберта» (Мейербера) страшно сочинять оперы. Эти слова показываютъ, что лучшій изъ любителей все же былъ очень далекъ отъ пониманія мѣста первой оперы Глинки въ исторіи искусства: онъ подумалъ не объ Моцартѣ и Веберѣ, а о болѣе доступныхъ ему композиторахъ.

Для тогдашнихъ музыкальныхъ критиковъ пониманіе «Жизни за царя» было также мало доступно. Они хвалили тѣ мѣста оперы, которыя больше всего напоминали имъ любимые ихъ образцы изъ итальянскихъ и французскихъ оперъ; тѣ же номера, которые составляютъ самую сущность творчества Глинки и дали безсмертіе его оперѣ (т.-е. хоры, вся партія Сусанина и нѣкоторыя другія мѣста) или обходились молчаніемъ, или подвергались порицанію. Ближе всѣхъ къ правильной оценкѣ оперы былъ князь Одоевскій, написавшій о ней статью, къ которой между прочимъ говоритъ: «Глинка открылъ новый періодъ и влилъ новую стихію въ музыку». Впослѣдствіи значеніе «Жизни за царя» было подробно выяснено въ нашей литературѣ трудами В. Стасова (1857 годъ), Сѣрова, Лароша *).

Въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что «Жизнь за царя», несмотря на нѣкоторые свои недостатки,**) (вліяніе итальянской оперы въ партіяхъ Антониды и Сабинина), является произведеніемъ національнаго русскаго генія, произведеніемъ безсмертнымъ, поставившимъ русскую оперу сразу въ первый рядъ лучшихъ сочиненій европейскихъ композиторовъ. Если вспомнить, что до Глинки русской оперы не существовало въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ оперы Титова, Кавоса, Верстовскаго, имѣвшія успѣхъ на русской сценѣ, при слабой техникѣ, совершенно не имѣли національнаго характера и самостоятельности, несмотря даже на пользованіе русскими народными мелодіями, то подвигъ, совершенный Глинкой созданіемъ его первой оперы, и значеніе ея для русской музыки можно лучше всего оцѣнить сравненіемъ съ тѣмъ, что сдѣлалъ Пушкинъ для русской литературы. У двухъ этихъ, жившихъ почти одновременно, геніевъ одинаково поражаетъ легкость, самостоятельность и богатство

*) Статьи Стасова и Сѣрова находятся въ полномъ собраніи ихъ сочиненій: статьи Лароша въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1867 года.

**) Въ письмѣ Глинки къ матери отъ 11-го декабря 1836 года читаемъ: „Я теперь вполнѣ вознагражденъ за всѣ труды и страданія и ежели *еще не во всѣхъ намѣреніяхъ успѣлъ*, то надѣюсь, что не замедлю осуществить и прочія мои намѣренія“. Въ „Русланѣ“ Глинка блестяще оправдалъ эти свои слова.

творчества, соединенныя съ глубочайшимъ національнымъ, истинно народнымъ духомъ.

Если національный геній есть не выдумка нашего ума, а фактъ, то необычайно яркое олицетвореніе этого генія мы имѣемъ въ лицѣ Пушкина и Глинки. При этомъ особенно нужно обратить вниманіе на то, что народность творчества Глинки была совершенно инстинктивная: это не было заимствованіе и поддѣлка подъ народное творчество, какихъ мы много видѣли и до, и послѣ Глинки (въ «Жизни за царя» только мелькомъ въ двухъ мѣстахъ Глинка пользуется народной мелодіей); это не было также результатомъ аналитическаго изученія русской пѣсни, которымъ занялся Глинка въ концѣ жизни; это было свободное творчество генія, почувствовавшаго свое призваніе и овладѣвшаго благодаря ученію техникой своего искусства. Оставляя въ сторонѣ національное значеніе «Жизни за царя» и предъявляя къ этой оперѣ высшія художественныя требованія, съ которыми мы можемъ обратиться къ музыкальной драмѣ, мы увидимъ, что Глинка стоитъ уже здѣсь на уровнѣ самыхъ высокихъ образцовъ оперная творчества. Онъ даетъ геніальное воспроизведеніе музыкой драматическаго дѣйствія (вспомнимъ приходъ поляковъ въ III актѣ и сцену въ лѣсу въ IV актѣ); онъ создаетъ музыкальные характеры — Сусанина, народности русской и польской—съ такой яркостью, какъ это удавалось только первостепеннымъ композиторамъ. Со стороны музыкальной формы Глинка является ученикомъ Европы, но нельзя не отмѣтить, что онъ совершенно исключилъ столь нарушающій основной смыслъ оперы, «сухой речитативъ» и діалогъ (разговоръ безъ музыки), которые мы видимъ еще у Моцарта и Вебера, и замѣнилъ ихъ пѣвучимъ речитативомъ, все богатство котораго онъ развилъ позже въ «Русланѣ». Самъ Глинка не имѣлъ претензій превзойти своихъ учителей, и былъ счастливъ сознаніемъ, что своимъ произведеніемъ онъ ввелъ свою родину въ храмъ европейскаго искусства и доставилъ ей самое почетное мѣсто въ этомъ храмѣ. Это радостное и гордое сознаніе чувствуется въ словахъ Глинки, которыя находимъ въ упомянутомъ выше письмѣ къ матери: «Всѣми единодушно я признанъ первымъ композиторомъ въ Россіи, а по мнѣнію знатоковъ, ни въ чемъ не ниже лучшихъ композиторовъ».

Успѣхъ «Жизни за царя» имѣлъ для Глинки весьма важныя практическія послѣдствія. Прежде всего сознаніе успѣшнаго выполненія такой трудной задачи давало Глинкѣ силы и бодрость для дальнѣйшей работы. И дѣйствительно, ближайшіе годы были наиболѣе плодотворными въ отношеніи музыкальнаго творчества Глинки. Затѣмъ, положеніе Глинки въ обществѣ высшихъ литературныхъ талантовъ, съ которыми онъ встрѣчался у Жуковскаго, рѣзко измѣнилось: изъ дилетанта, сочинявшаго романсы, чтобы блистать въ обществѣ и покорять сердца дамъ, онъ превратился въ художника, сразу сообщи-

внаго русскому музыкальному имени блескъ и славу, до того времени неизвѣстные, въ художника, творящаго для вѣчности. Это забавно выражено въ четверостишіи Пушкина, сочиненномъ за ужиномъ у Одоевскаго въ честь Глинки 13-го декабря 1836 года:

„Пой въ восторгѣ русскій хоръ!
Вышла новая новинка.
Веселися Русь! Нашъ Глинка
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ".

Теперь уже и самъ Пушкинъ не отказался бы составить либретто для слѣдующей оперы русскаго композитора: Пушкинъ хотѣлъ принять участіе въ разработкѣ «Руслана» для оперы, но смерть помѣшала ему исполнить это намѣреніе.

Благоволеніе государя къ Глинкѣ не ограничилось милостивыми словами послѣ окончанія перваго представленія «Жизни за царя». Глинкѣ пожалованъ былъ перстень въ 4.000 рублей, и предложено было мѣсто капельмейстера придворной пѣвческой капеллы (1-го января 1837 года). Это мѣсто Глинка принялъ по личной просьбѣ государя. Обязанности капельмейстера капеллы заключались въ обученіи пѣвчихъ пѣнію, и должность эта давала Глинкѣ казенную квартиру съ дровами и 2.500 рублей ассигнаціями. Получая сверхъ того до 7.000 рублей ассигнаціями отъ матери, Глинка полагалъ, что, «при благоразуміи можно бы жить опрятно» на такія средства. Но не такъ думали объ этомъ его жена и теща.

Для нихъ дѣятельность Глинки имѣла смыслъ только какъ средство, дававшее имъ возможность блистать въ обществѣ и устраивать у себя обѣды и рауты. На этой почвѣ въ семейной жизни Глинки очень скоро послѣ свадьбы начались неурядицы, причины которыхъ лежали настолько глубоко въ самой сущности характера супруговъ, что не могли не привести къ разрыву. «Жена моя»,—пишетъ Глинка въ «Запискахъ»,—принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, для которыхъ наряды, балы, экипажи, лошади, ливреи и пр. были все; музыку понимала она плохо, или, лучше сказать, за исключеніемъ мелкихъ романсовъ, вовсе не разумѣла; все высокое и поэтическое также ей было недоступно». Еще будучи невѣстой Глинки, Марья Петровна жаловалась его теткѣ, что онъ тратитъ деньги на нотную бумагу (Глинка писалъ на этой нотной бумагѣ партитуру «Жизни за царя»); въ 1839 году Марія Петровна въ присутствіи постороннихъ сказала мужу съ пренебреженіемъ: «Всѣ поэты и артисты дурно кончаютъ, какъ, напримѣръ, Пушкинъ, котораго убили на дуэли!» «Я тутъ же отвѣчалъ ей рѣшительнымъ тономъ,—пишетъ Глинка въ «Запискахъ», что хотя я не думаю быть умнѣе Пушкина, но изъ-за жены себя подъ пулю не подставлю». Лѣтомъ того же года, когда Глинка для уменьшенія расходовъ хотѣлъ вмѣсто четверки держать только пару лошадей, произошла бурная сцена между нимъ и его женой. «Марья

Петровна вышла изъ себя и, побѣднѣвъ отъ гнѣва, подбоченясь и притопнувъ ногой, сказала надменнымъ тономъ: «Развѣ я купчиха, чтобы ѣздить на парѣ? Если вы меня не любите, то я васъ оставлю». Два раза дѣлала она мнѣ подобныя угрозы, и два раза я кротко отвѣчалъ ей: «Марья Петровна, не повторяйте словъ вашихъ. Вы меня оставите, дѣло для меня обойдется, а ежели бы я васъ оставилъ, то бы не совсѣмъ ловко вамъ было» («Записки»).

При благосклонномъ и усердномъ содѣйствіи тещи отношенія между супругами быстро приближались къ разрыву. Въ ноябрѣ 1839 года Глинка рѣшилъ оставить жену, о чемъ и объявилъ ей письмомъ, въ которомъ сообщалъ, что предоставляетъ ей половину своихъ доходовъ. Онъ оставилъ казенную квартиру, взялъ съ собою только наиболѣе цѣнныя для него по воспоминаніямъ вещи и поселился у своего друга П. Степанова *) «Все петербургское бабье, подъ предводительствомъ графини Е. М. С. и Е. А. Г., возстало противъ меня, и злословію ихъ не было предѣловъ» («Записки»). Глинка скрылся отъ непріятныхъ посѣщеній у Степанова, сказался больнымъ и вскорѣ подалъ въ отставку (18-го декабря 1839 г.). Уходъ со службы въ капеллѣ, впрочемъ, подготовлялся уже раньше. Глинка находился подъ начальствомъ директора капеллы А. Ѳ. Львова, автора нашего гимна, композитора, впослѣдствіи конкурировавшаго, и очень неудачно, съ Глинкою въ области оперной композиціи. Вначалѣ усердно обучавшій пѣвчихъ, Глинка впослѣдствіи охладѣлъ къ этому дѣлу, и вообще можно было понять, что роль учителя хора не совсѣмъ пристала автору «Жизни за царя». Глинка сталъ манкировать службой; Львовъ, какъ-то посѣтивъ его во время болѣзни, «читалъ ему наставленіе о томъ, что онъ не радѣетъ по службѣ, въ выраженіяхъ самыхъ нѣжливыхъ, даже дружескихъ»; «я молчалъ, — пишетъ Глинка,—но по выздоровленіи началъ посѣщать пѣвчихъ рѣже прежняго».

Семейныя непріятности, однако, неокончились для Глинки тѣмъ, что онъ оставилъ жену. Лѣтомъ 1841 года онъ узналъ, что Марья Петровна незаконно обвѣнчалась съ корнетомъ лейбъ-гвардіи коннаго полка Васильчиковымъ. Глинка рѣшилъ начать бракоразводный процессъ, который при большихъ связяхъ Васильчикова не такъ легко было выиграть. Цѣль Глинки была сохранить себѣ право вновь вступить въ бракъ, а Марьѣ Петровнѣ вовсе не хотѣлось оказаться незаконной женой Васильчикова. Въ концѣ концовъ процессъ былъ рѣшенъ въ пользу Глинки въ 1847 году—въ это время Марья Петровна уже была богатой вдовой по смерти Васильчикова. Процессъ этотъ съ очными ставками въ консисторіи и другими подробностями непріятнаго свойства, долгое время сильно разстраивалъ Глинку и отравлялъ ему расположеніе духа.

*) Братъ этого Степанова, Н. Степановъ, извѣстный карикатуристъ, много разъ воспроизвелъ Глинку въ своихъ каррикатурахъ.

А въ это время Глинка болѣе, чѣмъ когда-либо нуждался въ спокойствіи духа: это былъ періодъ полнаго расцвѣта его творческаго генія (послѣ 1836 года), время созданія его лучшихъ произведеній. Нужно думать, что именно сознаніе полноты своихъ творческихъ силъ давало Глинкѣ возможность философски переносить непріятности семейной жизни. Впрочемъ, онъ имѣлъ еще другую замѣну семейныхъ радостей: трудно, кажется, найти человѣка, который бы такъ легко увлекался женскою прелестью, какъ Глинка, и притомъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Уже осенью 1837 года сердце Глинки оказалось плѣненнымъ молоденькой воспитанницей театральнаго училища, которую, вмѣстѣ съ тремя другими, онъ училъ пѣнію по просьбѣ директора театровъ Гедеонова. «Время, проведенное мною съ этими милыми полудѣтьми, полукокетками, принадлежитъ, можетъ быть, къ самому лучшему въ моей жизни; ихъ рѣзвая болтовня, звонкій искренній смѣхъ, самая простота скромнаго наряда, которому, несмотря на то, онѣ умѣли придавать особенную прелесть, все это было для меня ново и увлекательно»... «Трудно было бы устоять или долго противиться невольному влеченію чувства» («Записки»).

Гораздо болѣе серьезнымъ оказалось увлеченіе Глинки Е. Е. Кернъ, дочерью А. Кернъ, игравшей большую роль въ жизни Пушкина. Онъ встрѣтился съ нею весною 1839 года у своей сестры Стунѣевой и въ первое же свиданіе почувствовалъ къ ней влеченіе. «Я нашелъ способъ побесѣдовать съ этой милой дѣвицей и, какъ теперь помню, чрезвычайно ловко высказалъ тогдашнія мои чувства». Вскорѣ отношенія съ Е. Кернъ стали болѣе, чѣмъ дружественными, но этотъ романъ оказался также непрочнымъ, и давъ большія наслажденія Глинкѣ, не далъ ему того спокойствія, которое ему, какъ художнику, было въ это время необходимо: Е. Кернъ была очень ревнива. Весною 1840 г. она заболѣла, и настолько серьезно, что пришлось ее отправить на югъ Россіи (деньги для этого Г. попросилъ у матери, якобы для поѣздки за границу). Когда Е. Кернъ вернулась въ Петербургъ въ 1842 году, увлеченіе Г. ею уже кончилось: «я съ нею видался часто дружески, но уже не было прежней поэзіи и прежняго увлеченія» («Записки»). Въ это время Глинка былъ охваченъ новой страстью, давшей ему то спокойствіе и расположеніе духа, которыя были ему необходимы для художественной работы. Осенью 1841 году въ Петербургѣ поселилась сестра Глинки Соболевская, и онъ переѣхалъ къ ней жить. У нея была въ услуженіи 18-ти-лѣтняя крѣпостная дѣвушка (Глинка даже не называетъ ея имени). Вотъ эта дѣвушка и дала Глинкѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тихое счастье любви, о которомъ Глинка упоминаетъ въ «Запискахъ» въ довольно эгоистическихъ выраженіяхъ. «Въ короткое время я къ ней привыкъ»: «Привычка въ чувство превратилась, а чувство въ счастье многихъ дней». «Дѣйствительно, я ей обязанъ многими и многими пріятными минутами. Мнѣ дома было такъ хорошо, что я очень

рѣдко выѣзжалъ, а, сидя дома, такъ усердно работалъ, что въ короткое время большая часть оперы («Русланъ») была готова». Очень трогательно звучатъ слова Глинки относительно этой дѣвушки: «оперу мою «Русланъ и Людмила» она называла своею». Нужно думать, для этой безграмотной дѣвушки листы бумаги, на которыхъ Глинка писалъ непонятные ей значки, представляли бо́льшую важность, чѣмъ для жены Глинки.

Глинка имѣлъ еще убѣжище отъ домашнихъ неурядицъ въ квартирѣ Платона Кукольника, гдѣ собиралась веселая компанія, которую Глинка въ «Запискахъ» называетъ братіей: главными лицами здѣсь были три брата Кукольники; среди остальныхъ членовъ нужно назвать еще знаменитаго К. Брюлова; заходили иногда сюда-же басъ Петровъ и Петръ Каратыгинъ, извѣстный актеръ того времени. Къ этой братіи спасался Глинка изъ дому иногда на нѣсколько дней, «смотря по тому, какова была домашняя сцена». Времяпрепровожденіе братіи было довольно низменное. Главнымъ образомъ пили и ѣли, особенно пили, а кромѣ того сочиняли преплохіе стихи, которые распѣвали хоромъ на музыку, сочиняемую Глинкой, разсказывали анекдоты и т. п. Къ сожалѣнію, Глинка чувствовалъ себя очень хорошо въ этой бездарной компаніи (я не говорю здѣсь о Брюловѣ или Петровѣ), мнившей себя тѣмъ не менѣе людьми высшаго порядка. Въ особенности въ этомъ отношеніи непріятное впечатлѣніе производятъ Несторъ и Павелъ Кукольники: первый былъ бездарный литераторъ, близкій другъ Глинки. О немъ Глинка пишетъ въ «Запискахъ»: «Съ нимъ скука была невозможна; онъ умно и ловко говорилъ обо всемъ. Однажды въ теченіе вечера онъ необыкновенно ясно и дѣльно изложилъ словесно исторію Литвы по моему желанію. Когда я изъявилъ мое удивленіе, онъ отвѣчалъ улыбаясь: «прикажетъ государь, завтра буду акушеромъ». Павелъ Кукольникъ былъ профессоръ исторіи виленскаго университета. «Онъ былъ любезенъ, пѣлъ и умѣлъ забавлять общество разными штуками, напр.: отлично представлялъ жидовъ въ синагогѣ; но господствующая страсть его была писать трагедіи изъ первыхъ вѣковъ христіанства». Платонъ Кукольникъ больше работалъ по практической части: онъ заботился о денежныхъ интересахъ Глинки. При его содѣйствіи Глинка продалъ Снегиреву собственность «Жизни за царя» еще до ея постановки. Позже онъ же помогъ Глинкѣ продать собраніе романсовъ за 1.000 р. с. Гурскалину: къ этому изданію Глинка былъ вынужденъ требованіями денегъ со стороны жены и тещи (въ 1838 году).

Кромѣ «братіи» Глинка, продолжалъ бывать въ обществѣ, гдѣ теперь онъ былъ всегда почетнымъ гостемъ: у Жуковскаго, Вьельгорскаго, Львова, Одоевскаго. Здѣсь онъ встрѣчался съ пріѣзжими знаменитостями: скрипачами Липинскимъ, Вьетаномъ, съ Листомъ, который впервые пріѣхалъ въ Петербургъ въ февралѣ 1842 г. и поразилъ всѣхъ своей личностью и игрой.

Періодъ времени отъ 1836 года до 1844 г., когда Глинка уѣхалъ въ Парижъ, онъ прожилъ, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ, отлучаясь только на лѣто къ себѣ въ Новоспасское. Кромѣ того, въ 1838 году Глинка ѣздилъ на два мѣсяца въ Малороссію для набора пѣвчихъ въ капеллу по приказанію государя.

Это былъ періодъ наиболѣе яркаго и плодотворнаго подъема творческихъ силъ Глинки. Въ это время написаны были лучшія изъ его лирическихъ изліяній. Большая часть ихъ написана подъ вліяніемъ сердечныхъ влеченій композитора: такъ, для «милой ученицы» своей въ театральной школѣ Глинка написалъ чрезвычайно любимый публикой и теперь романсъ «Сомнѣніе» на слова Кукольника; для нея же романсъ «Въ крови горитъ» на текстъ Пушкина. Для Е. Кернъ написаны были: романсъ «Если встрѣчусь съ тобой» и вальсъ-фантазія для рояля (оркестрованъ Глинкою гораздо позже). Вообще большинство романсовъ писалось для кого-нибудь или по какому-нибудь случаю, такъ что Глинка въ «Запискахъ» даже отмѣчаетъ, если не помнитъ, по какому поводу написанъ романсъ (на слова Пушкина: «Я помню чудное мгновенье»). Легкость творчества Глинки въ это время была изумительная. Баллада «Ночной смотръ», текстъ которой Жуковскій далъ Глинкѣ утромъ, была къ вечеру готова, и Глинка самъ спѣлъ ее Жуковскому и Пушкину, которые были у него въэтотъ вечеръ.

Сочинялъ Глинка во всякое время и при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ. Но лучше всего работало его творческое воображеніе, когда онъ былъ у себя, въ спокойной обстановкѣ, напр., въ Новоспасскомъ, или когда жилъ у сестры въ 1841 году. Компанія шумной «братіи» только отвлекала Глинку отъ работы, и въ особенности мѣшала ему, когда онъ работалъ надъ чѣмъ-нибудь, поглощавшимъ всѣ его душевныя силы. Въ 1840 году онъ пишетъ Ширкову: «Я рѣшилъ снова отправиться въ нашу столицу, но не для пагубныхъ наслажденій разврата, а съ твердымъ намѣреніемъ какъ можно скорѣе кончить нашего «Руслана».

Кромѣ романсовъ и «Руслана», къ этому же времени относится и музыка къ трагедіи Н. Кукольника «Князь Холмскій» (увертюра, антракты и номера пѣнія—1840 года), слишкомъ мало знакомая публикѣ еще и до сихъ поръ, несмотря на свои выдающіяся достоинства.

Судьба второй оперы Глинки—«Руслана и Людмилы» крайне замѣчательна по тѣмъ грустнымъ послѣдствіямъ, которыя она имѣла для ея автора. По количеству первоклассной музыки *), по отсутствію въ ней музыки слабой или посредственной **), являющейся непремѣннымъ

*) Глинка позже говорилъ сестрѣ Л. И. Шестаковой, что изъ „Руслана“ онъ могъ бы сдѣлать десять такихъ оперъ, какъ „Жизнь за царя“.

**) Сравнительно слабыми мѣстами оперы можно назвать только: часть каватины Людмилы въ I-мъ актѣ, отчасти танцы III-го акта и дуэтъ Финна и Ратмира въ первой картинѣ V-го акта (до сихъ поръ пропускается при исполненіи).

балластомъ въ каждой другой оперѣ, по своему значенію, какъ музыка глубоко драматическая,—опера эта является, можетъ быть, единственной во всей оперной литературѣ до Вагнера. Но именно высокія художественныя достоинства «Руслана» оказались злѣйшими врагами его успѣха. Опера эта настолько отступала отъ итальянско-французскихъ традицій, въ которыхъ воспитана была тогдашняя публика, что отступленія эти не могли быть прощены автору.

А между тѣмъ «Русланъ», написанный въ эпоху полнаго развитія таланта Глинки, хорошо чувствовавшаго теперь свою творческую мощь, представляетъ собою идеальный образецъ именно драматической музыки. Правда, въ «Жизни за царя» мы имѣемъ болѣе интересный въ смыслѣ драматическаго дѣйствія сюжетъ, и потому тамъ болѣе музыки, иллюстрирующей это дѣйствіе, и музыка эта, пожалуй, сильнѣе по размаху и темпераменту. Но въ «Жизни за царя» мы почти не имѣемъ музыкально-драматическаго созданія характеровъ. Сусанинъ, народность русская и польская, правда, созданы рукой геніальнаго мастера. Но Антонида, Сабининъ, почти весь Ваня—это не созданные драматическіе характеры, у нихъ нѣтъ индивидуальности, это оперныя сопрано, теноръ, контральто. Не то мы видимъ въ «Руслянѣ». Здѣсь мы имѣемъ настоящіе художественно созданные музыкальными средствами характеры,—и сколько ихъ, и какими тончайшими штрихами, создающими именно художественную правду, такъ трудно достижимую въ оперѣ, воспроизведены музыкально эти характеры!

При томъ какое совершенство техники, какой блескъ и сверканіе инструментовки, какое разнообразіе и совершенство музыкальныхъ формъ, примѣненныхъ Глинкой въ этой оперѣ! *).

Еще необходимо отмѣтить глубоко національный характеръ музыки «Руслана», когда она касается русскихъ дѣйствующихъ лицъ оперы. Въ этомъ отношеніи замѣчательны хоры перваго и послѣдняго акта и партія Руслана. Не менѣе замѣчательны восточный колоритъ въ партіи Ратмира и фантастическій въ IV-мъ актѣ.

Вотъ именно глубина и богатство формъ музыки «Руслана» были главной причиной неуспѣха этой оперы, неуспѣха, глубоко уязвившаго

*) Мѣсто не позволяетъ мнѣ входить въ подробности относительно „Руслана“. Интересующихся отсылаю къ моей брошюрѣ „Русланъ и Людмила“ Глинки“. Спб. 1903 г., или къ статьямъ Стасова, Сѣрова и особенно Ларош („Русскій Вѣстникъ“ 1867 г.). Здѣсь же приходится ограничиться только краткими указаніями: на богатѣйшее развитіе формы варіацій, въ особенности въ балладѣ Финна во II-мъ актѣ, представляющей собой единственное явленіе во всей оперной литературѣ; на богатое развитіе симфонической формы (увертюра, антракты, танцы IV-го акта); на богатое развитіе волшебно-фантастической музыки (Наина, Черноморъ) и комическаго элемента (Наина, Фарлафъ), на безподобные речитативы, стоящіе впереди всего, что дала до сихъ поръ оперная литература.

душу Глинки и, можетъ быть, бывшаго отчасти причиной того рѣзкаго упадка творческихъ силъ композитора (главнымъ образомъ въ смыслѣ количества произведеній), который обнаружился въ немъ послѣ 1842 года.

Весьма, впрочемъ, возможно, что общедоступныя стороны музыки «Руслана» (непосредственная мелодичность, блескъ инструментовки) побѣдили бы недостаточную подготовленность публики, если бы не примѣшалось нѣсколько случайныхъ обстоятельствъ, губительно отозвавшихся на первыхъ спектакляхъ.

Когда Глинка представилъ въ апрѣлѣ 1842 года партитуру «Руслана» директору театровъ Гедеонову, то послѣдній принялъ ее немедленно, «безъ разговоровъ» и сейчасъ же велѣлъ приступить къ постановкѣ ея на сцену. Теперь уже не требовали отъ Глинки письменнаго отказа отъ вознагражденія, а предоставили ему получать 10 процентовъ съ двухъ третей полнаго сбора за каждое представленіе. Въ 1842 году Глинка уже не былъ любителемъ, сочинявшимъ романсы, — это былъ авторъ «Жизни за царя», пользовавшійся личнымъ благоволеніемъ Государя *), бывавшій на вечерахъ у государыни. Гедеоновъ, принявъ оперу, предоставилъ Глинкѣ самому распоряжаться постановкой ея и разучиваніемъ.

Такимъ образомъ обстоятельства складывались вначалѣ чрезвычайно благопріятно для Глинки. Декораціи изготовлялись по эскизамъ Роллера (онъ получилъ за нихъ званіе академика), при содѣйствіи К. Брюллова, который также далъ важныя указанія по изготовленію костюмовъ. Къ несчастію, Роллеръ вскорѣ поссорился съ Гедеоновымъ, и, «вѣроятно, съ досады», превратилъ волшебно-прекрасную декорацію IV-го акта, на которую такъ разсчитывалъ Глинка, въ «самую пошлую изъ всѣхъ декорацій оперы». «Однимъ словомъ, это была не декорація, а западня для актеровъ и публики...» «Когда же являлся Черноморъ съ свитой своею и полковой музыкой, тогда не было мѣста ни для музыкантовъ, ни для танцоровъ». «Декорація V-го акта не лучше была» («Записки»).

Затѣмъ, музыкальная часть передана была въ руки капельмейстера К. Ф. Альбрехта, который не находился на высотѣ требованій, предъявляемыхъ такой оперой къ руководителю ея. Опера разучена была плохо, и дурному исполненію ея способствовало неудовольствіе, которое возникло въ оркестрѣ и пѣвцахъ по отношенію къ Глинкѣ. Возстановить исполнителей оперы противъ Глинки удалось знаменитому Булгарину. Этотъ литераторъ, имя котораго сдѣлалось нарицательнымъ,

*) „Однажды, увидѣвъ меня на сценѣ, государь подошелъ ко мнѣ (въ 1838 г.) и, обнявъ меня правой рукой, прошелъ, разговаривая со мной, нѣсколько разъ по сценѣ Большого театра въ присутствіи многихъ, находившихся тогда на сценѣ, и, между прочимъ, министра двора, который мнѣ въ поясъ поклонился“ („Записки“).

какъ синонимъ ненавидящаго все высокое и прекрасное, встрѣчался съ Глинкой у Кукольниковъ и былъ съ нимъ даже на ты. Однажды на музыкѣ въ Павловскѣ возникъ между нимъ и Глинкой споръ о музыкѣ. Въ присутствіи большой толпы въ кіоскѣ, гдѣ помѣщался оркестръ, Глинка безъ труда доказалъ Булгарину, «что онъ нашего искусства не разумѣетъ». Озлобленный зоилъ по своему съумѣлъ отомстить художнику. За 20 дней до перваго представленія «Руслана» Булгаринъ напечаталъ статью, въ которой докладывалъ публикѣ, что Глинка не могъ развернуть своего таланта въ новой оперѣ, потому что не было въ труппѣ подходящихъ исполнителей. Статья имѣла видъ, какъ будто внушенной самимъ Глинкой *) и возстановила противъ композитора всю труппу, даже, такъ любившую его, Воробьеву-Петрову.

Наконецъ, къ довершенію непріятностей, эта самая Воробьева заболѣла, и на первыхъ двухъ спектакляхъ ее замѣнила воспитанница Петрова, и крайне неудачно.

Еще слабѣе, пожалуй, былъ итальянецъ Този, безголосый пѣвецъ, коверкавшій русскія слова въ партіи Фарлафа. Кромѣ Петрова, пѣвшаго Руслана, всѣ остальные исполнители были невыдающіеся, хоры сбивались, такъ что разсказъ головы совершенно нельзя было понять. Однимъ словомъ, исполненіе было такое, что А. Н. Сѣровъ, знавшій оперу частями раньше и восхищавшійся ея музыкой, послѣ перваго спектакля пришелъ къ убѣжденію, что «Русланъ» въ цѣломъ для сцены положительно не годится». Такого же мнѣнія былъ и М. Ю. Вьельгорскій, «un opera manqué» котораго переходило изъ устъ въ уста, пока не попало на страницы булгаринской «Сѣверной Пчелы», тоже любившей блеснуть французскимъ діалектомъ.

Отзывы прессы, за исключеніемъ Одоевскаго, были сурово неодобрительны.

Не такъ строга была къ композитору большая публика. Правда, на первомъ представленіи Глинка слышалъ по окончаніи оперы больше шиканья, чѣмъ аплодисментовъ **), но уже съ третьяго спектакля, когда въ партіи Ратмира появилась Петрова-Воробьева, опера имѣла рѣшительный успѣхъ, и выдержала съ 27-го Ноября 1842 года до

---

*) По этому поводу у Н. Кукольника въ дневникѣ читаемъ: „Платонъ съ Касселемъ на Невскомъ заступили дорогу Булгарину и обѣщали поколотить его если „Русланъ“ провалится, благодаря его статьѣ. Ѳадей въ испугѣ бросился отъ нихъ въ сторону, сѣлъ на извощика и удралъ“. Нельзя сказать, чтобы имя Глинки выигрывало отъ подобной аргументаціи его друзей. Не мѣшаетъ прибавить, что эти же друзья по окончаніи перваго представленія „Руслана“, не имѣвшаго успѣха, громко въ театрѣ ругали Булгарина „гнуснѣйшими выраженіями“ (письмо Булгарина къ Кукольнику).

**) „Шикали преимущественно со сцены и оркестра. Я обратился къ бывшему тогда въ директорской ложѣ генералу Дубельту (шефу жандармовъ) съ вопросомъ: „кажется, что шикаютъ, идти-ли мнѣ на вызовъ?“ „Иди“, отвѣчалъ генералъ, „Христосъ страдалъ болѣе тебя“. („Записки“).

Великаго поста 32 представленія, что представляетъ собою огромную цифру даже для нынѣшняго времени.

Къ несчастью для Глинки и для русской оперы вообще, въ слѣдующемъ году въ Петербургѣ водворилась итальянская опера, въ которой пѣли Рубини, Тамбурини, Віардо-Гирсіа. Съ этого момента русская опера оказалась въ положеніи падчерицы, которую терпятъ въ семьѣ по необходимости. Впрочемъ, въ такомъ-же положеніи оказалась и вся высокая оперная музыка, и Веберъ, и Моцартъ. Съ водвореніемъ италіянскихъ пѣвцовъ вопросъ о качествѣ музыки оказался второстепеннымъ: для публики и для дирекціи театровъ, которая отнюдь не стояла впереди публики по степени художественнаго развитія, было рѣшительно все равно, что́ поютъ, лишь бы хорошо пѣли. Физическая красота звука и голосовая техника стояли впереди всего; рѣшателями опернаго репертуара сдѣлались голосистые италіанцы, никогда не бывшіе хорошими музыкантами въ смыслѣ обще-музыкальнаго развитія, и эти артисты дружно проваливали такую оперу, какъ «Донъ Жуанъ» Моцарта. «Я плакалъ отъ досады и тогда же возненавидѣлъ итальянскихъ пѣвцовъ и итальянскую музыку», пишетъ Глинка въ «Запискахъ», вспоминая неуспѣхъ геніальной оперы Моцарта.

Всѣ средства и вниманіе дирекціи театровъ были направлены въ сторону итальянской оперы. Русская опера была переведена въ Александринскій театръ, а въ нѣкоторые сезоны и вовсе закрывалась. Этотъ упадокъ русской оперы шелъ, все увеличиваясь, до 60-хъ годовъ, и жертвой его, кромѣ Глинки, сдѣлался и Даргомыжскій съ его «Русалкой», поставленной въ 1856 г.

«Русланъ» въ послѣдующіе сезоны былъ данъ всего еще 21 разъ до 1847 года; затѣмъ его переслали въ Москву; въ сезоны 1857—60 годовъ опера эта давалась случайно, и только съ 1864 года она заняла прочное положеніе въ оперномъ репертуарѣ. Такимъ образомъ Глинка больше уже не видалъ на сценѣ своего «Руслана», и это было для него тяжелымъ нравственнымъ ударомъ, оставившимъ слѣды во всей его дальнѣйшей жизни.

Не лучше обстояло дѣло съ «Жизнью за царя». Эту оперу нельзя было совсѣмъ удалить со сцены, ужъ просто вслѣдствіе ея сюжета и отношенія къ ней Государя *); но о томъ, какъ она давалась, можно получить понятіе изъ разсказа сестры Глинки, Л. И. Шестаковой, уговорившей какъ-то композитора посмотрѣть «Жизнь за царя» въ 1855 году. «За 19 лѣтъ съ первой постановки оперы не было под-

*) Къ несчастію для Глинки, „Русланъ", повидимому, не понравился Государю. Царская фамилія уѣхала раньше окончанія V-го акта на первомъ представленіи, и тѣхъ знаковъ благоволенія, коихъ удостоился авторъ „Жизни за царя" на первомъ представленіи этой оперы, уже не было при исполненіи „Руслана". Это также имѣло вліяніе на сужденіе высшаго свѣта о „Руслане".

новлено ничего; тѣ же самые костюмы, тѣ же декораціи, и польскій балъ освѣщался четырьмя свѣчами». Самое исполненіе, несмотря на участіе Петрова и Леоновой, было, въ общемъ, такъ плохо, что Глинка не досидѣлъ до конца представленія, и на другой день заболѣлъ сильнымъ разстройствомъ нервовъ.

Такое печальное положеніе русской оперы выяснилось для Глинки нѣсколькими годами позже постановки «Руслана». Въ сужденіи объ этой оперѣ, когда она стала исполняться болѣе исправно, большая публика разошлась съ критикой и высшимъ свѣтомъ *). Съ этой стороны три тысячи рублей авторскаго гонорара, полученные Глинкой въ концѣ сезона 1842—1843 года, служили ему не только матеріальнымъ, но и нравственнымъ утѣшеніемъ. Тѣмъ не менѣе самолюбіе его было жестоко уязвлено отношеніемъ къ «Руслану» Вьельгорскаго и многихъ другихъ лицъ (въ томъ числѣ Сѣрова), мнѣніемъ которыхъ Глинка дорожилъ.

Нѣкоторое удовлетвореніе получила авторская гордость Глинки со стороны Листа, который во второй свой пріѣздъ въ Петербургъ въ 1843 году познакомился съ «Русланомъ» подробно и остался отъ него въ восхищеніи. Онъ сдѣлалъ изъ оперы двѣ транскрипціи для рояля: лезгинку и маршъ Черномора. «Онъ вѣрно чувствовалъ всѣ замѣчательныя мѣста», говоритъ Глинка въ «Запискахъ». Замѣчателенъ отвѣтъ Листа Глинкѣ, когда послѣдній критиковалъ Вебера: «Vous êtes avec Weber, comme deux rivaux, qui courtisent la même femme». (Вы съ Веберомъ соперники, ухаживающіе за одной женщиной).

Настроеніе Глинки зимою 1843—1844 года было нервное, пасмурное. Кромѣ пораненій авторскаго самолюбія, ему приходилось возиться со все еще тянувшимся бракоразводнымъ дѣломъ, которое отравляло для него пребываніе въ Петербургѣ **). Поэтому онъ радъ былъ уѣхать въ Парижъ лѣтомъ 1844 года, когда получилъ на это согласіе матери.

Вторая заграничная поѣздка Глинки продолжалась три года. Годъ пробылъ онъ въ Парижѣ, остальное время въ Испаніи. За все это время Глинка ничего не написалъ, но привезъ въ Россію съ собою, записанныя имъ, испанскія мелодіи, послужившія ему впослѣдствіи матеріаломъ для двухъ оркестровыхъ фантазій. Правда, одно время у Глинки мелькала мысль написать оперу для французской сцены, но онъ скоро отъ нея отказался. «Писать для здѣшнихъ театровъ не вижу возможности. Интригъ здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, а сверхъ того, живя за границей, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что я

---

*) Остряки разсказывали, что провинившихся кадетъ посылали смотрѣть „Руслана“ въ видѣ наказанія.

**) Еще въ 1856 году онъ писалъ Энгельгардту: „Петербургъ для меня, послѣ бракоразводнаго дѣла, до такой степени гадокъ, что и вспомнить о немъ не могу безъ особеннаго глубокаго омерзѣнія“.

душою русскій, и мнѣ трудно поддѣлываться подъ чужой ладъ» (письмо къ матери отъ 11 января 1845 года).

Въ Парижѣ, и еще болѣе въ Испаніи, Глинка жилъ не какъ художникъ, а какъ русскій баринъ, интересовавшійся гораздо болѣе наслажденіями тѣлесными, чѣмъ духовными. Въ этомъ отношеніи изумительно количество и разнообразіе женщинъ, описанныхъ Глинкой въ его «Запискахъ» подъ именемъ его «нянь». Правда, въ письмѣ къ Н. Кукольнику (апрѣль 1845 года) Глинка говоритъ о Парижѣ: «Разнообразіе умственныхъ наслажденій неистощимо, жить можно, какъ хочешь, и я не помню эпохи въ своемъ существованіи пріятнѣе этихъ послѣднихъ мѣсяцевъ». Но о какихъ умственныхъ наслажденіяхъ онъ здѣсь говоритъ, остается неяснымъ.

Политикой и общественной жизнью Глинка никогда не интересовался, литературой едва ли болѣе (Гейне, напр., только въ 1843 году уѣхавшій изъ Парижа, ни разу не упоминается въ «Запискахъ» Глинки); музеи, галлереи занимали его болѣе, также какъ и зоологическіе сады; на первомъ планѣ, конечно, въ числѣ интересовъ стояла музыка. Но и въ этомъ отношеніи интересъ Глинки былъ какой-то случайный, любительскій, барскій. Онъ не старался слѣдить за музыкальной жизнью Европы (вспомнимъ, что въ Дрезденѣ были поставлены до 1845 года «Ріензи», «Летучій голландецъ», «Тангейзеръ» Вагнера *), а знакомился съ нею случайно, и также случайно знакомилъ Европу съ своей музыкой, и притомъ знакомилъ какъ-то тоже по-любительски. Познакомившись черезъ служившаго въ испанскомъ посольствѣ Souza съ Берліозомъ, Глинка былъ восхищенъ сочиненіями послѣдняго. Но въ отзывахъ Глинки объ этомъ артистѣ, котораго онъ же называетъ «первымъ композиторомъ нашего вѣка въ фантастической области искусства», такъ и чувствуется богатый баринъ, который считаетъ униженіемъ дѣлать свой талантъ источникомъ

*) О Шопенѣ, имя котораго въ 30-хъ и 40-хъ годахъ было чрезвычайно популярно именно въ Парижѣ, объ этомъ великомъ лирическомъ поэтѣ въ музыкѣ, Глинка, слышавшій и раньше его сочиненія, совершенно не упоминаетъ. Еще болѣе страннымъ и заслуживающимъ величайшаго сожалѣнія кажется мнѣ незнакомство Глинки съ сочиненіями другого великаго лирика—Шумана. Если къ Шопену Глинка былъ холоденъ въ силу своей малой склонности къ фортепіаннымъ композиціямъ вообще, то Шуманъ, съ которымъ въ своихъ романсахъ Глинка имѣетъ такъ много общаго, долженъ былъ плѣнить его своими сочиненіями. И нужно думать, что высокая культурность этого композитора могла бы дать новый толчокъ угасавшему творчеству Глинки! Даже непонятно, какъ не дошло имя Шумана до слуха Глинки: въ это время Шуманъ былъ не только извѣстнымъ композиторомъ, но и не менѣе извѣстнымъ въ Германіи передовымъ музыкальнымъ писателемъ, и, наконецъ, въ 1844 году Шуманъ съ своей женой съ успѣхомъ концертировали въ Россіи. Виною такого отношенія Глинки къ европейской музыкѣ было его барство, или, вѣрнѣе, „обломовская“ закваска его воспитанія и общая низкая культурность ближайшей къ нему среды.

матеріальныхъ выгодъ. «Берліозъ обошелся со мною чрезвычайно ласково—онъ въ то время помышлялъ о путешествіи въ Россію, надѣясь на обильную жатву не однихъ рукоплесканій, но и денегъ» «Записки». Въ своемъ концертѣ Берліозъ, который отличался замѣчательнымъ критическимъ чутьемъ и съумѣлъ оцѣнить талантъ Глинки, исполнилъ изъ сочиненій Глинки лезгинку и арію Антониды (пѣла Соловьева).

Вскорѣ затѣмъ Глинка устроилъ по совѣту своихъ русскихъ друзей въ Парижѣ (Голицынъ и др.) свой собственный концертъ, и устроилъ его, именно не какъ артистъ, желающій побѣдить публику, а какъ богатый баринъ, позволяющій публикѣ услышать свои сочиненія. Конечно, сборъ назначался на благотворительныя цѣли; программа была составлена изъ сочиненій разныхъ авторовъ (Beriot, Haumann и др.), среди которыхъ было только нѣсколько номеровъ Глинки: краковякъ изъ «Жизни за царя», «Маршъ Черномора», «Вальсъ-фантазія» и итальянскій романсъ «Il desiderio». «Естественно,—говоритъ Глинка въ «Запискахъ»,—что парижской публикѣ нельзя было познакомиться съ моимъ музыкальнымъ талантомъ по немногимъ пьесамъ, и къ тому же не самымъ лучшимъ моего сочиненія. Несмотря на это, я имѣлъ успѣхъ (succès d'estime)». «Этотъ успѣхъ,—пишетъ Глинка Кукольнику въ апрѣлѣ 1845 г.,—для меня теперь достаточенъ, тѣмъ болѣе, что Берліозъ написалъ обо мнѣ огромную статью въ «Journal des Débats». Читая эти строки, начинаешь жалѣть, что Глинка не былъ принужденъ, какъ Вагнеръ или Берліозъ, бороться за существованіе своей музыкой: быть можетъ, онъ не удовлетворился бы тогда такимъ дилеттантскимъ успѣхомъ *).

Въ Испаніи Глинка еще менѣе думалъ о своей музыкѣ, чѣмъ въ Парижѣ. Природа и женщины вполнѣ удовлетворяли его жажду наслажденій. Кромѣ испанскихъ мелодій Глинка привезъ оттуда съ собою еще нѣкоего испанца донъ-Педро, котораго онъ училъ игрѣ на роялѣ, и который остался при немъ до конца жизни не то въ должности слуги и переписчика нотъ, не то въ качествѣ пріятеля.

Въ іюлѣ 1847 года Глинка съ донъ-Педро пріѣхали въ Новоспасское. Въ Петербургъ Глинка не торопился, зная, что его, какъ композитора, тамъ ожидало мало хорошаго («Русланъ» уже исчезъ со сцены). Зиму Глинка провелъ въ Смоленскѣ, гдѣ дворянство чествовало его торжественнымъ обѣдомъ, и собирался опять уѣхать за границу. Намѣреніе это не исполнилось, такъ какъ Глинкѣ не дали заграничнаго паспорта (это былъ 1848 годъ), и онъ попалъ въ Вар-

*) Такой же дилеттантски-барскій оттѣнокъ слышится въ его отвѣтѣ Мейерберу въ 1852 году. „Comment se fait-il, m-r Glinka, que nous vous connaissons tous de réputation, mais nous ne connaissons pas vos oeuvres?“ „Cela est très naturel, lui ai-je répondu, je n'ai pas l'habitude de colporter mes productions“ („Записки“).

шаву. Въ это время ближайшимъ другомъ Глинки сдѣлалась сестра его Людмила Ивановна Шестакова, которая съ этихъ поръ всѣ свои силы посвятила любимому брату и заботамъ о его сочиненіяхъ. Глинка и всегда нуждался въ человѣкѣ, который бы взялъ на себя заботу о матеріальныхъ условіяхъ его существованія, а съ возрастомъ необходимость въ такомъ лицѣ сдѣлалась для него еще ощутительнѣе. Раньше его «дядькой» былъ Яковъ Ульяновъ, съ этого же времени заботы объ удобствахъ жизни Глинки взяли на себя его сестра и донъ-Педро.

Жизнь въ Варшавѣ протекала для Глинки обычнымъ манеромъ: общество, домашнія увеселенія, въ которыхъ главную роль играла нѣкая Анеля, приглашенная Глинкой въ «хозяйки», и ея подруги. Музыкой Глинка занимался въ это время случайно, и можетъ быть, только благодаря холерѣ, изъ-за которой Глинка боялся выходить изъ комнаты, занятія музыкой сдѣлались болѣе серьезными. Результатомъ этихъ занятій были: нѣсколько превосходныхъ романсовъ («Заздравный кубокъ», «Пѣснь Маргариты») и замѣчательнѣйшее изъ инструментальныхъ сочиненій Глинки—его «Камаринская», фантазія для оркестра на мотивы двухъ русскихъ пѣсенъ, которую самъ Глинка называлъ «русскимъ скерцо». Эта «Камаринская» вмѣстѣ съ нѣсколько позже сочиненной имъ фантазіей на испанскія темы «Арагонская хота» показываютъ, что́ могъ бы сдѣлать Глинка для русской симфонической музыки, если бы въ окружающихъ обстоятельствахъ онъ встрѣтилъ болѣе поощренія и возбужденія къ творчеству. Въ «Камаринской» особенно поразительно, до какой степени удалось Глинкѣ сообщить русскій характеръ всѣмъ мельчайшимъ деталямъ этого мастерского сочиненія: всѣ сочетанія мелодій и украшающія ихъ фигураціи (контрапунктъ), также какъ и самая инструментовка (звукъ оркестра), проникнуты русскимъ духомъ. Эта пьеса по справедливости должна считаться матерью русской симфонической музыки *).

Въ ноябрѣ 1848 года Глинка поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы повидаться съ матерью. Здѣсь онъ могъ убѣдиться, что русская музыка, которая въ то время была собственно музыкой Глинки, находилась въ высшей степени пренебреженія. Достаточно сказать, что когда Фрецолини хотѣла въ 1848—1849 году взять въ свой бенефисъ въ итальянской оперѣ «Жизнь за царя», то это оказалось невозможнымъ, потому что вышло высочайшее повелѣніе не принимать на итальянскій театръ произведеній русскихъ композиторовъ. Причиной этого распоряженія было фіаско, которое терпѣли русскіе quasi-композиторы (Львовъ, Толстой), сочинявшіе для италіанской сцены. Но каково было Глинкѣ,

*) Чайковскій въ 1888 году писалъ о ней: „Почти 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло; русскихъ симфоническихъ сочиненій написано много; можно сказать, что имѣется настоящая симфоническая школа. И что же? Вся она въ „Камаринской“, какъ дубъ въ жолудѣ“.

хорошо знавшему цѣну своего «Руслана», видѣть свою музыку выброшенной вмѣстѣ съ хламомъ, какъ ненужный соръ со сцены въ Петербургѣ! И эти господа, не могшіе не знать, что такое Глинка для русской музыки, не стѣснялись вытѣснять его съ концертной эстрады *) или конкурировать съ нимъ въ сочиненіи кантаты для выпуска Смольнаго института.

Неудивительно, что Глинка спѣшилъ уѣхать изъ Петербурга. Онъ опять весною 1849 года поселился въ Варшавѣ, гдѣ прожилъ до осени 1851 года. Здѣсь его охватило столь сильная и глубокая хандра, «что мнѣ самому передъ собою было совѣстно», пишетъ Глинка Энгельгардту въ октябрѣ 1849 года. «Я прибѣгалъ ко всѣмъ возможнымъ и существующимъ въ Варшавѣ средствамъ къ развлеченію, доходилъ до неистовыхъ оргій, и все понапрасну». «Несмотря на то, что иногда удавалось мнѣ проводить время пріятно, эта разсѣянная жизнь меня искренно не радовала и не наводила меня на музыкальныя вдохновенія» («Записки»). За это время написаны были нѣсколько романсовъ и 2-я испанская увертюра—«Ночь въ Мадритѣ», гораздо слабѣе первой. Результатомъ такого образа жизни было сильнѣйшее разстройство здоровья, такъ что когда Глинка получилъ въ іюнѣ 1851 года письмо, извѣщавшее его о смерти матери, съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ, вслѣдствіе котораго онъ нѣкоторое время не могъ владѣть правой рукой. Пріѣхала сестра Глинки Людмила Ивановна и осенью увезла его въ Петербургъ. Здѣсь Глинка познакомился съ нынѣ здравствующими В. В. и Д. В. Стасовыми, которые вмѣстѣ съ Энгельгардтомъ, Сѣровымъ, Даргомыжскимъ и Вильбуа образовали вокругъ Глинки тѣсный кружокъ его поклонниковъ, имѣвшій для него большое значеніе въ послѣдніе годы его жизни.

Пробывъ зиму въ Петербургѣ, Глинка весной 1852 года съ донъ-Педро опять уѣхалъ за границу. Здѣсь пробылъ Глинка два года, главнымъ образомъ въ Парижѣ. Образъ жизни мало отличался отъ того, какъ Глинка жилъ въ Парижѣ въ прошлый свой пріѣздъ. Въ письмѣ къ Сѣрову Глинка восхищается Лувромъ, Jardin des plantes, Bals champêtres, гдѣ «подъ открытомъ небомъ трафляются миленькія лоретки и канканируютъ не совсѣмъ дурно. Красавицъ мало, но множество интересныхъ физіономій, а щебечутъ такъ заманчиво, что самъ себя не помнишь». Благодаря знакомству съ Мериме и Делилемъ, Глинка на этотъ разъ болѣе интересовался литературой. Въ оперѣ

*) „Въ 1852 году былъ 50-лѣтній юбилей филармоническому обществу; нѣмцы хотѣли дать пьесу и моего сочиненія. Гр. М. Ю. Вьельгорскій и Львовъ вытѣснили меня“, причемъ Львовъ не постѣснялся просить Глинку разучить съ пѣвчими (изъ капеллы) его (Львова) сочиненіе („Записки“). Въ томъ же году въ апрѣлѣ Л. И. Шестакова устроила 2-ой концертъ филармоническаго общества, на которомъ въ первый разъ были исполнены, и съ большимъ успѣхомъ, „Камаринская“ и „Ночь въ Мадритѣ“—2-я испанская увертюра.

былъ всего два раза. Исполненіе бетховенской симфоніи знаменитымъ оркестромъ консерваторіи Глинкѣ не понравилось: оно показалось ему на столько вычурнымъ и жеманнымъ, что симфонія для него пропала, «elle a été complètement escamotée» *).

Собственныя занятія Глинки музыкой не дали на этотъ разъ результатовъ. Онъ началъ «писать симфонію украинскую «Тарасъ Бульба» на оркестръ». «Но въ началѣ второй части, не будучи въ силахъ или расположеніи выбиться изъ нѣмецкой колеи въ развитіи (въ разработкѣ перваго Allegro), бросилъ начатый трудъ, который впослѣдствіи донъ-Педро истребилъ». Если вспомнить, что совсѣмъ недавно Глинка написалъ геніальную «Камаринскую», то невольно поражаешься тѣмъ безсиліемъ, которое онъ обнаружилъ при сочиненіи симфоніи, не будучи въ состояніи выбиться изъ «нѣмецкой колеи». Творчество Глинки представляетъ собою психологическую загадку: когда онъ писалъ музыку, которая выливалась изъ души его, какъ свободное вдохновеніе, то создавались сочиненія геніальныя и первоклассныя по техникѣ. Когда Глинка пробовалъ сочинять по заказу или нарочно, то не только вдохновеніе ему отказывало, но и техническая сторона этихъ сочиненій стояла неизмѣримо ниже, чѣмъ въ плодахъ его вдохновеній. Глинка до нѣкоторой степени самъ это чувствовалъ. По поводу своего неудачнаго хора для Смольнаго института Глинка пишетъ Энгельгардту въ 1851 году: «Кажется, вещь не удалась. Впередъ буду умнѣе и рѣшительно отъ всевозможныхъ заказовъ отказываюсь». Ему же Глинка писалъ годомъ раньше: «Многіе упрекаютъ меня въ лѣности—пусть эти господа займутъ мое мѣсто на время—тогда убѣдятся, что съ постояннымъ нервнымъ разстройствомъ и съ тѣмъ строгимъ воззрѣніемъ на искусство, которое всегда мною руководствовало, вельзя много писать. Тѣ ничтожные романсы, которые сами собою вылились въ минуту вдохновенія, часто стоятъ мнѣ тяжкихъ усилій — не повторяться такъ трудно, какъ вы и вообразить не можете».

Изъ Парижа Глинка уѣхалъ весною 1854 года, когда объявлена была война Россіи съ Франціей. Проѣздомъ въ Берлинѣ онъ съ радостью повидался съ Деномъ и наслаждался въ королевской оперѣ «Армидой» Глюка, которую съ разрѣшенія короля дали, именно, по просьбѣ Глинки.

16-го мая 1854 года Глинка уже былъ въ Царскомъ Селѣ въ семьѣ своей сестры Л. И. Шестаковой. Два года прожилъ Глинка въ Петербургѣ, окруженный нѣжными попеченіями сестры и немногихъ своихъ искреннихъ друзей и почитателей, къ которымъ присоединились еще М. А. Балакиревъ и В. Н. Кашперовъ. Образъ жизни Глинки былъ замкнутый, въ обществѣ или въ театрѣ онъ бывалъ крайне рѣдко.

---

*) „Берліоза видѣлъ только одинъ разъ, я ему уже не нуженъ, и слѣдовательно пріязни конецъ“ (письмо Глинки къ Кукольнику).

Попытки его сочинять въ это время только разстраивали его: вдохновенія не было, а безъ него Глинка не могъ писать. На упреки Кукольника онъ отвѣчаетъ въ январѣ 1855 года: «теперь и нѣсколько времени тому назадъ, я уже не чувствую призванія и влеченія писать». «Если бы неожиданно моя муза и пробудилась бы, я писалъ бы безъ текста на оркестръ, отъ русской же музыки, какъ отъ русской зимы отказываюсь. Драмы русской не желаю—довольно повозился съ нею». Тѣмъ не менѣе, побуждаемый дирекціей Императорскихъ театровъ, Глинка весною того же года принялся за оперу «Двумужница или волжскіе разбойники». Сюжетъ былъ взятъ изъ драмы Шаховского, либретто взялся писать Василько Петровъ, преподаватель декламаціи въ театральномъ училищѣ. Въ теченіе лѣта Глинка съ жаромъ работалъ надъ новой оперой и не разъ игралъ отрывки изъ нея своимъ друзьямъ, но опера осталась неоконченной и даже изъ набросковъ ея ничего не сохранилось. Стасовъ съ восхищеніемъ отзывается о слышанныхъ имъ мѣстахъ изъ этой оперы. Глинка въ письмахъ приписываетъ причину остановки въ сочиненіи оперы разнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, но нужно думать, что главная причина была — отсутствіе вдохновенія. Въ ноябрѣ 1855 года Глинка пишетъ Энгельгардту: «Двумужница» давно ужъ прекратилась. Поэтъ мой Василько Петровъ, посѣщавшій меня впродолженіи лѣта два раза въ недѣлю, пропалъ въ августѣ, и, какъ водится въ Питерѣ, началъ распускать по городу нелѣпые толки обо мнѣ. Я ему искренне признателенъ, какъ и Вильбуа, съ пакостной публикой мнѣ связываться не слѣдуетъ. А что опера прекратилась, я радъ: первое—потому, что мудрено и почти невозможно писать оперу въ русскомъ родѣ, не заимствовавъ хоть характеръ у моей старухи («Жизнь за царя»), второе — не надобно слѣпить глазъ, ибо вижу плохо я, третье—въ случаѣ успѣха, мнѣ бы пришлось оставаться долѣе необходимаго въ этомъ ненавистномъ Питерѣ. Досады, огорченія и страданія меня сгубили, я рѣшительно упалъ духомъ (demoralisé). Жду весны, чтобы удрать куда-нибудь отсюда».

Главной причиной упадка духа Глинки, мнѣ кажется, было сознаніе того, что былое вдохновеніе покинуло композитора. Къ этому нужно присоединить болѣзни, никогда ни покидавшія Глинку; нравственныя огорченія отъ полнаго пренебреженія къ его операмъ со стороны дирекціи театровъ; непріятности съ его издателемъ Стелловскимъ, который позволялъ себѣ выпускать въ свѣтъ романсы Глинки въ безобразныхъ передѣлкахъ для двухъ голосовъ Вильбуа, несмотря на прямые протесты автора.

Всѣ эти обстоятельства вызывали въ Глинкѣ сильнѣйшее желаніе уѣхать изъ Петербурга. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Берлинъ, куда его тянуло желаніе поработать съ Деномъ надъ церковными тонами, изученіе которыхъ было Глинкѣ необходимо для сознательной переработки русскаго богослужебнаго пѣнія, искаженнаго итальянцами. Ко-

ренные русскіе напѣвы, обработанные для русской церкви выписанными для этого итальянскими композиторами *), въ рукахъ этихъ послѣднихъ потеряли свой русскій духъ, вслѣдствіе несоотвѣтствующей гармонизаціи. Вотъ возстановленію подлиннаго русскаго духа въ церковномъ пѣніи Глинка и хотѣлъ посвятить остатокъ своихъ силъ. При его глубокой религіозности, при его глубочайшемъ чувствѣ народности, при его знаніяхъ мы могли бы получить отъ Глинки величайшій даръ въ области церковной музыки. Но судьба судила иначе! **)

Изъ трудовъ Глинки за время его пребыванія въ Россіи въ 1854—56 годахъ огромное значеніе имѣютъ его «Записки», написанныя имъ по просьбѣ сестры и доведенныя до 1854 года. Первоначально отрывки изъ нихъ были напечатаны В. Стасовымъ въ его статьѣ о Глинкѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 года.

Въ 1871 году «Записки» были изданы «Русской Стариной». Въ 1887 году «Записки» изданы вновь Суворинымъ съ прибавленіемъ писемъ Глинки, воспоминаній Л. И. Шестаковой и другими матеріалами.

Въ Берлинѣ Глинка чувствовалъ себя несравненно покойнѣе и лучше, чѣмъ на родинѣ. Здѣсь онъ былъ избавленъ отъ посѣтителей «съ каплей яда на языкѣ»; здѣсь онъ вновь погрузился въ музыкальную работу, всецѣло его поглотившую: «Съ Деномъ бьемся съ церковными тонами и канонами разнаго рода: дѣло трудное, но нарочито занимательное, а дастъ Богъ, и весьма полезное для русской музыки» (письмо къ К. А. Булгакову отъ 9-го іюля 1856 года). Въ Берлинѣ Глинка могъ наслаждаться превосходнымъ исполненіемъ настоящей музыки, а не только физической красотой звука и голосовыми фокусами итальянцевъ. Перечисляя сочиненія, слышанныя имъ въ теченіе одного мѣсяца съ небольшимъ (Бетховенъ, Моцартъ, Глюкъ и Бахъ), Глинка въ письмѣ къ Булгакову въ ноябрѣ 1856 года пишетъ: «Одни музыкальныя наслажденія уже достаточны, чтобы приковать меня къ Берлину въ зимніе мѣсяцы». «Оркестръ и хоры чудо! Не нашимъ чета» ***).

---

*) Галуппи, придворный капельмейстеръ въ Спб. съ 1765 г.; Сарти — тоже съ 1784 года; Бортнянскій, директоръ придворной капеллы (1796—1825 г.), безъ разрѣшенія котораго никакая музыка не могла исполняться въ церкви, былъ ученикомъ Галуппи. Глинка называетъ Бортнянскаго: Сахаръ Медовичъ Патокинъ.

**) Изъ сочиненій Глинки для церкви ранѣе написаны были: дивная „Херувимская“ въ 1837 г., и въ 1855 году эктенія на три голоса и „Да исправится“.

***) Здѣсь очень интересно отмѣтить нѣкоторую архаичность въ музыкальныхъ вкусахъ Глинки въ послѣдніе годы его жизни. Посылая въ 1855 году „рецептъ“ для воспріятія музыки своему другу Булгакову, Глинка пишетъ: „Для драматической музыки—Глюкъ, первый и послѣдній, безбожно обкраденный Моцартомъ и Бетховеномъ“. Мнѣніе крайне парадоксальное! Какъ бы ни былъ Глюкъ великъ въ свое время (1714 — 1787 г.), послѣ Моцарта, Вебера и Глинки музыка Глюка несомнѣнная археологія. Тоже въ значительной степени

Съ матеріальной стороны жизнь Глинки въ Берлинѣ устроилась совершенно сообразно его вкусамъ. «Мой бывшій учитель Сигфридъ Денъ,—пишетъ Глинка Кукольнику,—поселилъ и пріютилъ меня въ Marienstrasse, № 6, противу собственной своей квартиры. Я живу у него подъ крылышкомъ, какъ жилъ у сестры въ Питерѣ, меня кормятъ, поятъ, одѣваютъ и пр., а я никакихъ хлопотъ не знаю *). Денъ навѣщаетъ меня ежедневно, мы шибко работаемъ».

Этотъ Денъ, дѣйствительно, обращался съ Глинкой, какъ любящій братъ или отецъ. Взявъ на себя всѣ заботы о матеріальной жизни Глинки (у Дена хранились всѣ его деньги), добрый нѣмецъ занимался съ нимъ ежедневно два-три часа частью теоретически, объясняя ему ученіе о церковныхъ тонахъ, частью практически, заставляя его писать фуги и каноны. Такимъ образомъ къ концу 1856 года Глинка успѣлъ сочинить 2 фуги и началъ пріобрѣтать критическій взглядъ на Clavecin bien temperè С. Баха, «это его очень радовало» (письмо Дена къ Л. И. Шестаковой). Эти слова честнаго нѣмца: «началъ пріобрѣтать критическій взглядъ» — странно поражаютъ нашъ слухъ, когда примѣняются къ 52-хъ-лѣтнему автору геніальныхъ двухъ оперъ.

Но какое глубокое различіе въ степени общей культурности двухъ сосѣднихъ націй! Да! Глинка создалъ геніальную оперу, но фугъ Баха онъ, дѣйствительно, толкомъ не зналъ, и кто знаетъ, не это ли слабое знакомство Глинки съ западной культурой, не этотъ ли низкій культурный уровень окружавшей его среды были причиной того, что Глинка такъ мало сдѣлалъ въ музыкѣ сравнительно съ тѣмъ, что могъ бы сдѣлать сообразно своему генію.

Благодаря спокойному и дѣльному образу жизни, и здоровье Глинки, сильно расшатанное прежними излишествами, стало гораздо лучше, такъ что ничто не указывало на столь близкую опасность. Но оказалось, что достаточно было случайной простуды, чтобы организмъ, силы котораго были подорваны (вскрытіе послѣ смерти Глинки показало, что онъ страдалъ чрезмѣрнымъ ожирѣніемъ печени), не выдержалъ.

относится и къ Генделю (ум. въ 1759 г.), котораго Глинка ставитъ первымъ въ концертной музыкѣ, и къ Гайдну (ум. въ 1809 г.), котораго Глинка предпочиталъ всѣмъ другимъ въ квартетѣ,—это послѣ Бетховена! Эта странность вкуса, которую быть можетъ раздѣлялъ и Денъ, вѣроятно была причиной того, что Глинка и въ послѣдній свой пріѣздъ въ Берлинъ, повидимому, не познакомился ни съ сочиненіями Шумана, ни Вагнера, уже гремѣвшаго тогда своими статьями и операми („Лоэнгринъ"—1850 г., ранѣе—„Тангейзеръ").

*) Упрашивая Энгельгардта пріѣхать изъ Парижа въ Берлинъ, „потѣшить насъ старикашекъ", Глинка пишетъ: „Кормы и питья здѣсь очень хороши, даже и съ „ней" пошалить можно (Холмогорскія). Если же надъ вами подшалилъ крылатый мошенникъ, давайте и барыню сюда. Ревность бросьте. Денъ по чистотѣ нравовъ, а я по старости и безобразію вамъ не соперники".

9-го января 1857 года Глинка присутствовалъ на парадномъ концертѣ при дворѣ, въ которомъ по приказанію короля (стараніями Мейербера) исполнено было «тріо» изъ «Жизни за царя»: «Ахъ, не мнѣ бѣдному сиротинушкѣ». Исполненіе было превосходное, и Глинка съ гордостью писалъ сестрѣ (послѣднее его письмо), что онъ «первый изъ русскихъ достигъ подобной чести». Но это была послѣдняя почесть, услышанная композиторомъ. Выходя изъ дворца, Глинка простудился; благодаря разстройству печени, болѣзнь приняла опасный оборотъ, и 3-го февраля въ 5 часовъ утра Глинки не стало.

Въ своемъ письмѣ къ Шестаковой Денъ пишетъ, что успѣхъ Глинки во дворцѣ, «быть можетъ, по смерти композитора, вызоветъ постановку всей его оперы». Надежды благороднаго учителя Глинки не оправдались. Глинка и понынѣ, въ сущности, извѣстенъ Европѣ только по имени, и нашъ долгъ доставить этому имени тотъ блескъ и славу, которыхъ лишенъ былъ Глинка при жизни, вслѣдствіе низкаго уровня музыкальнаго развитія его соотечественниковъ. Въ особенности забота о достойномъ прославленіи имени Глинки есть прямой долгъ Императорскихъ театровъ, которые пользовались операми Глинки даромъ: за первую свою оперу Глинка не получалъ авторскаго гонорара въ силу взятой съ него подписки не требовать такового, а «Русланъ» былъ данъ при жизни автора только 53 раза; по смерти же Глинки, въ силу прежнихъ законовъ, авторскаго гонорара наслѣдникамъ не полагалось. Столѣтняя годовщина со дня рожденія русскаго музыкальнаго генія есть достаточный поводъ для того, чтобы сбросить съ себя привычную намъ лѣнь и неподвижность и достойно почтить память того, кто далъ безсмертіе русской художественной музыкѣ.

Викторъ Вальтеръ.

* * *

Дни ненастья миновали.
Капли мелкаго дождя
Долго-долго дребезжали,
Грусть и скуку наводя.
Вдругъ—какъ брызнетъ изъ-за тучи
Окровавленнымъ мечомъ
Золотистый и могучій
Солнца лучъ!.. И все кругомъ
Улыбнулось, удивилось,
Засвѣтилося мечтой,
Въ небѣ радуга явилась
Разноцвѣтною дугой.
А за ней, какъ золотая,
Какъ изъ розовой парчи,
Туча мчится грозовая
На блестящіе лучи.
Словно сходятся дружины,
Обнялись богатыри,
И воздушныя долины
Въ алой дымкѣ отъ зари.

Можетъ быть—гроза настанетъ,
Мощный ливень пробѣжитъ,
Громъ раскатится и грянетъ,
Душный воздухъ освѣжитъ.
Вѣрь мнѣ, птичка: близко вёдро!
Пусть ударитъ первый громъ:
Онъ промчится, мы же бодро
Пѣсню солнцу запоемъ!

Скиталецъ.

ЗА ОКЕАНОМЪ.

Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ.

(*Продолженіе* *)

Глава XIV.

Клубъ двадцатаго вѣка находился въ Бруклинѣ по ту сторону рѣки. Въ прошломъ году Вихницкій одинъ разъ былъ на собраніи. Это было общество богачей, и членами его были по преимуществу дамы, жены банкировъ, фабрикантовъ оптовыхъ торговцевъ. Клубъ имѣлъ притязаніе на исключительность,—собранія его даже не имѣли особаго помѣщенія, и происходили по очереди въ жилищахъ его членовъ. Это подчеркивало претензіи клуба, ибо пріемы велись на широкую ногу, требовали огромной ярко освѣщенной залы и часто сопровождались ужиномъ на стоили сто пятьдесятъ кувертовъ. Люди, которые могли вести между собою очередь подобнаго рода, очевидно должны были жить въ дворцахъ и располагать сотнями тысячъ годового дохода. Вмѣстѣ съ тѣмъ клубъ двадцатаго вѣка, какъ видно изъ самаго имени, желалъ слыть оригинальнымъ и полнымъ духа современности. Руководители его отвергали появленіе всякихъ интеллигентныхъ новинокъ въ кругозорѣ Нью-Іорка и старались привлекать ихъ къ себѣ, хтя бы на одинъ вечеръ. Они были готовы платить за это довольно крупныя деньги и были мало разборчивы въ характерѣ знаменитостей: нѣмецкій мелодекламаторъ, французскій полуподдѣльный графъ, знатокъ дамской литературы, астрологъ изъ Индіаны, и даже проповѣдникъ второго пришествія смѣняли другъ друга на этихъ пышныхъ вечерахъ и были встрѣчаемы съ тѣмъ ненасытнымъ любопытствомъ, которое послѣ жадности къ деньгамъ составляетъ главное побужденіе, руководящее американской толпой.

Въ сущности выставка любопытныхъ гостей была единствен-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 4, апрѣль 1904 г.

ственнымъ цементомъ, связывавшимъ членовъ клуба въ одно цѣлое. Наиболѣе интересныхъ изъ нихъ дамы потомъ приглашали на свои частные обѣды и показывали ихъ своимъ младшимъ друзьямъ, которые не принадлежали къ клубу. Такимъ образомъ, слава общества двадцатаго вѣка постоянно росла и укрѣплялась.

Вихницкій припомнилъ, что въ прошломъ году, когда онъ былъ въ клубѣ, они слушали бельгійскаго художника, который говорилъ о прерафаэлитахъ, но такимъ плохимъ языкомъ и такъ темно и вычурно, что нельзя было понять рѣшительно ничего. Лекція длилась два часа, но всѣ эти дамы терпѣливо сидѣли и смотрѣли оратору въ ротъ своими круглыми сорочьими глазами и не обнаруживали даже особенной скуки.

Пока Вихницкій вспоминалъ эти подробности, они переѣхали рѣку на паромѣ и теперь поднялись вверхъ по высокой крутой и спокойной улицѣ Вашингтонской Высоты, перемежающейся короткими гранитными лѣстницами и обставленной съ обѣихъ сторонъ большими хорошо обстроенными домами. Томкинсъ шелъ рука объ руку съ молодымъ человѣкомъ и все поглядывалъ на него своими умными, ласковыми, насмѣшливыми глазами. Они не говорили ни слова, но юноша почувствовалъ, что обаяніе этого высокаго, краснваго, непонятнаго и благодушнаго человѣка понемногу овладѣваетъ его душой.

— Мистеръ Томкинсъ — заговорилъ онъ, — я хочу спросить васъ...

Томкинсъ утвердительно кивнулъ головой. Въ умѣ Вихницкаго промелькнуло воспоминаніе о томъ, какимъ тономъ миссъ Гленморъ недавно выговорила свое обращеніе къ Томкинсу—учитель.

— Если я приму ваше ученіе, скажите, какое лучшее средство для распространенія его между людьми.

— Лучшее средство и единственное, — сказалъ Томкинсъ, — чтобы люди вникли въ существо истины и послѣ всесторонняго обсужденія приняли ее по доброй волѣ сами!

— О да! вздохнулъ Вихницкій.—Но какъ содѣйствовать этому?

— Никакъ!—сказалъ Томкинсъ.—Истина открыта для людскихъ глазъ, но нельза помочь другому видѣть, какъ нельзя помочь другому ѣсть.

— Развѣ общественныя условія не имѣютъ цѣны?—тихо возразилъ Вихницкій.

Томкинсъ засмѣялся.

— О вы, бѣшенный демократъ!—сказалъ онъ. — Я говорю о лицахъ, а вы говорите о толпѣ!..

Онъ протянулъ послѣднее слово съ особымъ презрительнымъ оттѣнкомъ, который принимаютъ образованные люди въ Америкѣ, когда говорятъ о широкихъ низшихъ классахъ.

— Толпа есть человѣчество,—сказалъ Вихницкій—которое по вашей теоріи составляетъ главный объектъ мірового прогресса!

— Объектъ прогресса есть прогрессъ,—сказалъ Томкинсъ.—Какое дѣло ему до человѣчества? Но даже для толпы міровые законы создали болѣе универсальное средство убѣжденія, чѣмъ рабочіе союзы и восьмичасовой рабочій день.

Вихницкій ничего не отвѣтилъ. Теперь онъ почувствовалъ, что мысль его движется въ другой плоскости, чѣмъ мысль учителя искателей.

— Это средство—перевоплощеніе,—сказалъ Томкинсъ,—самое лучшее широкое демократическое средство. Пропаганда фактами лучше пропаганды словомъ, и главное она универсальна и автоматична, какъ міровые законы!

«Неужели этотъ человѣкъ въ своемъ умѣ?» — промелькнуло въ головѣ Вихницкаго. Но искоса взглянувъ на лицо Томкинса, онъ тотчасъ же сказалъ себѣ, что изъ нихъ двоихъ уравновѣшенность, конечно, на сторонѣ искателя.

— Возьмемъ негра или индѣйца,—продолжалъ Томкинсъ,—какъ можете вы ихъ убѣдить въ томъ, что жизнь бѣлыхъ людей имѣетъ превосходство. Но если въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній превратить индійца сперва въ татарина, потомъ въ нѣмца, потомъ въ англичанина, провести его по всѣмъ ступенямъ расовой лѣстницы,—въ концѣ своего переселенія онъ получитъ наглядное представленіе объ общемъ назначеніи человѣческой жизни.

Онъ говорилъ о перевоплощеніи такъ же спокойно и увѣренно, какъ будто это были фазы превращенія бабочки.

Вихницкій не сказалъ ничего. У него пропала всякая охота разговаривать съ искателемъ объ этомъ предметѣ.

Они прошли сотню шаговъ въ совершенномъ молчаніи.

— Итакъ, вы ѣдете!—внезапно заговорилъ Томкинсъ, измѣняя тему и настаивая на своей прежней фикціи, что уѣзжаетъ именно юноша.

Вихницкій опять съ удивленіемъ посмотрѣлъ на спутника.

Въ его словахъ не было вопроса, они звучали, какъ признаніе факта, имѣющагося совершиться, и почти какъ предсказаніе. И въ то же самое время онъ почувствовалъ, что слова Томкинса спускаютъ въ его сердцѣ какую-то туго натяную струну.

— Куда-нибудь уѣду!—горячо заговорилъ онъ.—Въ аравійскую пустыню, только бы уйти изъ Америки.

— Что такъ?—спросилъ Томкинсъ тѣмъ же тономъ.—Чѣмъ васъ обидѣла Америка?

— Я здѣсь, какъ рыба на сухомъ берегу!—горячо говорилъ Вихницкій.—Кругомъ сытые, проворные, невѣжественные люди. Даже душу отвести не съ кѣмъ!

— Развѣ въ Америкѣ нѣтъ интеллигентовъ?—спросилъ Томкинсъ лукаво.

— Всѣ американскіе интеллигенты кривоумны!—сгоряча сказалъ Вихницкій и вдругъ запнулся. Послѣднее опредѣленіе было не въ бровь, а прямо въ глазъ его спутнику.

Томкинсъ весело разсмѣялся.

— Кривоумны, — повторилъ онъ съ разстановкой.—Славное словечко. Я, значитъ, кровоуменъ, благодарю, не ожидалъ!

— Вы исключеніе,—съ раскаяніемъ въ голосѣ возразилъ Вихницкій.

Онъ тоже сознавалъ, что новое, выдуманное имъ, слово очень подходитъ къ Томкинсу.

— Вотъ вы какой?—качалъ головой Томкинсъ.—Собираетесь въ аравійскую пустыню а я еще хотѣлъ васъ звать съ собою въ Индію!

Нѣсколько часовъ тому назадъ Вихницкій бросился бы навстрѣчу такому предложенію, но теперь онъ выслушалъ его только съ удивленіемъ и безъ особой радости. Индія, конечно, была очень далека отъ Америки и находилась почти на другомъ полюсѣ земной оси физически и духовно, но юноша почувствовалъ, что общество этихъ американскихъ искателей истины принесетъ атмосферу кривоумныхъ идей даже въ монастырь Тиртанкара въ Дели. Между тѣмъ его тяготила не матеріальная обстановка, а умственная среда и самые жгучіе его запросы не имѣли ничего общаго съ «источникомъ скрытыхъ чудесъ».

— Я хочу, чтобы вы прочли источникъ скрытыхъ чудесъ,— сказалъ Томкинсъ, какъ будто подслушавъ теченіе его мыслей,— тамъ вы найдете себѣ отвѣтъ.

— А что касается условій,—прибавилъ онъ,—мы могли бы сговориться. Мнѣ нуженъ секретарь. Или, если угодно, не нуженъ,—прибавилъ онъ черезъ минуту,—но можно выкроить средства на вашу поѣздку... Карсонъ тоже заинтересованъ книгой мудрости,—прибавилъ онъ съ прежней улыбкой. Это было имя одного изъ бруклинскихъ богачей, который тоже интересовался оккультизмомъ.

— Я подумаю и дамъ вамъ отвѣтъ,—сказалъ Вихницкій.

— Ну хорошо, подумайте!—согласился Томкинсъ.—А я вотъ думаю, о чемъ сказать почтенному «двадцатому вѣку»? Взять развѣ вашу тему о перевоплощеніи? Какъ вы думаете?..

Вихницкій промолчалъ, но Томкинсъ не ждалъ отвѣта.

— Ихъ, знаете, слишкомъ мало,—продолжалъ онъ,—сотня человѣкъ не вдохновляетъ оратора. Тысячи—это другое дѣло. Вы теряете индивидуальное воспріятіе вашихъ слушателей и всѣ они сливаются для васъ въ одинъ живой организмъ и вы гово-

рите съ ними, какъ съ однимъ человѣкомъ. Съ такой толпой я ощущаю себя необычайно счастливымъ и постоянно чувствую и вижу, что надо сказать и показать ей.

Вихницкій опять промолчалъ, не зная, что сказать. Въ ряду многочисленныхъ совершенствъ, принадлежавшихъ вождю искателей, было недюжинное лекторское искусство, которое дѣлало его предметомъ постояннаго искательства со стороны всѣхъ клубовъ и обществъ Нью-Іорка. Самый тонъ его голоса, независимо отъ содержанія, сразу привлекалъ слушателей на его сторону. Томкинсъ любилъ свое лекторство и наслаждался имъ, какъ настоящій артистъ. Ему, очевидно, не приходило въ голову, что теоретическое презрѣніе къ толпѣ и практическое стремленіе имѣть аудиторію побольше заключаютъ въ себѣ противорѣчіе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ подобенъ кругу американскихъ интеллигентовъ, которые, съ одной стороны, относятся свысока къ толпѣ, а съ другой—переѣзжаютъ изъ города въ городъ, устраивая публичныя лекціи и привлекая слушателей по платнымъ билетамъ.

Зала, въ которой собрался клубъ, была длинная и узкая, съ колонками по срединѣ и съ широкими зеркалами на узкихъ сторонахъ, которыя отражали обильные электрическіе рожки и прибавляли слѣва и справа безконечную перспективу длинныхъ узкихъ, исчезающихъ въ туманѣ покоевъ.

Два негра лакея услужливо раскрывали двери передъ каждымъ входящимъ. Трое другихъ принимали одежду. Внизу, у параднаго входа, стоялъ гайдукъ, огромный, черный и неподвижный, какъ статуя изъ темной бронзы. Хозяйка дома была родомъ изъ Виргиніи и считала, что бѣлому человѣку приличнѣе всего имѣть черныхъ слугъ.

Несмотря на свою величину, залъ былъ полонъ. Члены клуба сидѣли семьями, жены и мужья, родители и дѣти вмѣстѣ. Семейное сходство простиралось иногда на цѣлый рядъ стульевъ. Очевидно, несмотря на свою многолюдность, клубъ этотъ былъ семейнымъ учрежденіемъ. Впрочемъ, всѣ эти гости, сытые, съ упитанными, тусклыми и самодовольными лицами, были какъ-то семейственно похожи другъ на друга. Вихницкому бросились въ глаза пышные наряды дамъ, шелкъ, кружева, оголенныя шеи, украшенныя ожерельями, золото, бриллианты.

Въ Европѣ такіе наряды можно было бы встрѣтить развѣ на придворномъ балу. Эти купцы и купчихи помнили твердо, что «по платью встрѣчаютъ», и постоянно старались прежде всего украсить свою внѣшнюю оболочку.

На эстрадѣ молодая дѣвица, черноволосая, толстая и очень низко декольтированная, пѣла низкимъ контральто гимнъ Танитѣ американскаго композитора Жильберта, на мотивъ изъ Саламбо

Флобера, странное музыкальное произведеніе, претендующее на вагнеровскій стиль, но въ сущности, столь же мало похожее на Вагнера, какъ геометрическій чертежъ на ярко написанную картину.

Лицо у пѣвицы было добродушное и не особенно умное. Съ перваго взгляда на нее можно было видѣть, что она дочь богатыхъ родителей, что пищевареніе у ней прекрасное и что за свою жизнь она не знала, что такое минутное огорченіе.

Дамы смотрѣли на нее скучными глазами. Она принадлежала къ членамъ клуба, и наблюдать ее было мало интересно. Кромѣ того, на высокихъ мѣстахъ у нея не хватало голоса, и ея контральто неожиданно переходило въ фистулу, и при яркомъ свѣтѣ лампъ, можно было видѣть, какъ наливается жила на ея бѣлой лоснящейся шеѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ прихода Вихницкаго и его спутниковъ, она кончила и публика наградила ее дружными рукоплесканіями. По всей вѣроятности, дамы благодарили ее за то, что она, наконецъ, перестала пѣть.

Оленья Кожа и Томкинсъ вошли въ дверь и прямо прошли на эстраду. Вихницкій только теперь замѣтилъ, что они во фракахъ. Ему показалось, что недавно въ обществѣ искателей они были одѣты въ обыкновенное платье, и ему стало смѣшно. Выходило такъ, какъ будто они переодѣлись въ конкѣ или гдѣ-нибудь въ уборной во фраки изъ бутафорскаго клубнаго матеріала.

Предсѣдатель вечера, толстый, рыжій старикъ, въ бѣлыхъ очкахъ и высокомъ цвѣтномъ жилетѣ, сдѣлалъ два шага впередъ.

— Г-нъ Доскинъ,—сказалъ онъ,—чистокровный индѣецъ изъ страны Великихъ озеръ, будетъ имѣть честь сыграть намъ нѣсколько музыкальныхъ пьесъ своего сочиненія, переработанныхъ изъ національныхъ мотивовъ его племени...

Вихницкій даже вздрогнулъ. Рыжій старикъ такъ и сказалъ: будетъ имѣть честь, вмѣсто сдѣлаетъ вамъ честь, какъ всегда говорится въ такихъ случаяхъ въ цивилизованномъ мірѣ.

Оленья Кожа немедленно сѣлъ за фортепіано и заигралъ ту же наивную индѣйскую пѣсенку. Онъ очевидно разучивалъ ее въ клубѣ искателей и готовился получше исполнить свой очередный нумеръ предъ богатыми зрителями.

Внезапно Вихницкій задалъ себѣ вопросъ, получаетъ ли этотъ потомокъ дикихъ сіуксовъ разовую плату за пѣсни своего дѣда, и тотчасъ же рѣшилъ, что да. Жизнь въ Нью-Іоркѣ требуетъ большихъ расходовъ и индѣйскій лѣсоторговецъ изъ сѣвернаго захолустья не могъ снабжать сына достаточнымъ доходомъ.

Тѣмъ не менѣе Оленья Кожа игралъ съ большимъ искусствомъ

и одушевленіемъ. За пѣсней единенія съ природой слѣдовало заклинаніе бури, потомъ танецъ призраковъ и, наконецъ, пѣсня безсмертнаго голоса.

Передъ каждой пьесой Оленья Кожа выходилъ на эстраду и объяснялъ публикѣ ея содержаніе въ простыхъ и живописныхъ словахъ, произнося ихъ съ шепелявымъ, чуть-чуть иностраннымъ акцентомъ. О безсмертномъ голосѣ онъ сказалъ, что онъ нѣкогда принадлежалъ великому воину, который былъ убитъ въ сраженіи. Послѣ смерти душа его носится по свѣту, отыскивая другого воина столь же великаго и храбраго, которому она могла бы передать свою земную часть, ибо только тогда ея безсмертное начало можетъ освободиться и воспарить къ великому духу Вакондѣ. Отрядъ молодыхъ воиновъ, остановившихся на привалъ въ лѣсу, слышитъ въ глубинѣ лѣса пѣніе и одинъ изъ нихъ, самый храбрый и чистый изъ всѣхъ, уходитъ на голосъ и находитъ на полянѣ небольшой костеръ, вокругъ котораго носится голосъ, разсказывающій цѣль своихъ постоянныхъ поисковъ.

Наконецъ, Оленья Кожа кончилъ, раскланялся и ушелъ въ боковую дверь, какъ уходитъ актеръ, сказавшій послѣднюю фразу на сценѣ.

Томкинсъ явился немедленно послѣ него, не дожидаясь даже рекомендаціи рыжаго старика. Онъ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ этому кругу слушателей и слушательницъ и пользовался нѣкоторыми особыми правами.

Прежде чѣмъ начать, онъ быстро оглядѣлъ залу и улыбнулся, и большая половина слушателей улыбнулась ему въ отвѣтъ, ожидая услышать нѣчто сладкое, красивое, столь же пріятное щекочущее нервы, какъ очень тонкое и рѣдкое вино послѣ затянувшагося обѣда.

— Милостивыя государыни и милостивые государи!—началъ Томкинсъ, склоняя немного на бокъ свою прекрасную голову.— Человѣчество есть великое собраніе живыхъ душъ. Но изъ нихъ быть можетъ, только четверть воплотилась на землѣ. Три четверти скрыты въ блаженствѣ покоя или обвиты грезами желаній, которыя даютъ душамъ одежду при каждомъ новомъ воплощеніи. Мы—части одной великой жизни. Стезею времени мы идемъ къ полному развитію и вся земля есть наше наслѣдство. Мы, которые живемъ и движемся на землѣ въ эту минуту, мы уже прошли въ прежнее время сквозь множество богатыхъ и разнообразныхъ испытаній. Мы охотились за оленями въ угрюмыхъ германскихъ лѣсахъ, встрѣчали Цезаря и Брута на римскомъ форумѣ, строили пирамиды въ Египтѣ, бродили въ лѣсахъ Атлантиды, надъ которою теперь катится море, и въ еще болѣе древнихъ странахъ тамъ, гдѣ песчаные вихри заметаютъ теперь безводный Тарымъ и пустыню Гоби.

Не смущайтесь тѣмъ, что память наша, повидимому, не хранитъ пурпурныхъ слѣдовъ этихъ яркихъ и странныхъ эпохъ. Пока въ читальной залѣ горитъ пламя газа или дневной свѣтъ льется въ окна, цвѣтныя картины волшебнаго фонаря не выступаютъ на экранѣ, но онѣ здѣсь, онѣ есть, лучи ихъ падаютъ на полотно и отражаются въ нашемъ глазу, и если ослабнетъ внѣшній свѣтъ, ихъ внутренній свѣтъ выступитъ не менѣе ярко.

Наша текущая жизнь, какъ средневѣковая молитва, написанная монахомъ на крѣпкомъ старомъ пергаментѣ, поверхъ греческаго гимна. Смойте молитву и прежнія начертанія снова выступятъ на свѣтъ.

Наша прошлая жизнь развивалась, какъ растеніе, которое достигло зрѣлости, и породило цвѣтокъ, яркій, граціозный и пахучій, чуждый растенію и въ то же время созданный изъ его сущности.

Время цвѣтенія есть временное блаженство покоя. Но въ цвѣткѣ скрыты сѣмена, которыя въ свое время снова произведутъ такое же растеніе и жизнь и такой же прекрасный цвѣтокъ. Сѣмена суть матеріальныя желанія, скрытыя въ покоящейся душѣ, которыя въ свое время приводятъ насъ вновь къ воротамъ воплощенія, и такъ цвѣтеніе и жатва смѣняютъ другъ друга безъ конца.

Но у источника вѣчной мудрости лежитъ дорога освобожденія. Когда всѣ желанія души по очереди истощатся, смертное становится безсмертнымъ и временное вѣчнымъ,—зная всѣ вещи, становишься всеобъемлющимъ!

Томкинсъ говорилъ долго въ томъ же родѣ, пересыпая свою рѣчь живописными сравненіями и отрывками изъ санскритскихъ книгъ.

Онъ сказалъ, что низшія расы земли населены наиболѣе отсталыми душами. Когда эти души выучатъ свой первый урокъ, отсталые народы исчезнутъ. На свѣтѣ есть души всѣхъ степеней развитія и расы разнаго цвѣта, желтыя, бѣлыя, черныя, чтобы дать имъ возможность проходить различные уроки.

Въ каждомъ новомъ воплощеніи мы научаемся чему-то новому и въ этомъ состоитъ существо прогресса.

Слушатели сидѣли неподвижно и боялись проронить хоть слово. Томкинсъ владѣлъ сердцами этихъ людей, ибо увлекательная рѣчь подавала имъ надежду, что эта интересная и сладкая жизнь не окончится внезапно въ узкомъ, черномъ мѣшкѣ смерти и за ней послѣдуетъ другая, еще болѣе и пріятная и интересная, а потомъ еще другая и такъ далѣе безъ конца.

Вихницкій слушалъ его съ тѣмъ же смѣшаннымъ чувствомъ, которое родилось въ немъ еще въ началѣ вечера, въ обществѣ искателей.

Томкинсъ постоянно упоминалъ о прогрессѣ, о вѣрѣ въ будущее. Онъ еще разъ повторилъ, что каждый изъ насъ долженъ побывать негромъ, китайцемъ и индійцемъ и, обращаясь къ этимъ людямъ, исполненнымъ расовыхъ предразсудковъ, посовѣтовалъ имъ быть какъ можно терпимѣе насчетъ бѣлой и черной кожи.

Въ то же самое время онъ настойчиво и подробно говорилъ о различныхъ перевоплощеніяхъ и разсказывалъ, какъ одинъ изъ его знакомыхъ помнилъ свои жертвоприношенія въ египетскомъ храмѣ между лапъ гранитнаго сфинкса, а другой припоминалъ свое участіе во второй пунической войнѣ.

Наконецъ Томкинсъ кончилъ свою рѣчь. Въ залѣ произошло смятеніе, большинство гостей вскочили со своихъ мѣстъ и направились къ краснорѣчивому оратору. Всѣ знали, что онъ уѣзжаетъ въ далекій путь, и дамы въ особенности хотѣли непремѣнно пожать ему руку и обмѣняться съ нимъ хоть нѣсколькими бѣглыми словами.

Напоръ публики былъ такъ великъ, что передніе ряды стульевъ совершенно разстроились, но рыжій предсѣдатель, съ практичностью, выработанной въ привычкѣ къ публичной жизни, тотчасъ же построилъ подошедшихъ длиннымъ рядомъ и допускалъ ихъ на эстраду по очереди, какъ передъ окошечкомъ кассы.

Томкинсъ стоялъ у фортепіано съ самой обворожительной улыбкой и усердно пожималъ протягивающіяся къ нему руки, благодарилъ за похвалы и въ свою очередь разсыпалъ комплименты.

Насмѣшливое чувство проснулось въ Вихницкомъ. Всѣ эти клубы, разговоры и пренія показались ему вдругъ слишкомъ безсодержательны и ветхи и онъ почувствовалъ себя, какъ молодой Анахарсисъ передъ греческими софистами.

Не дожидаясь Томкинса, онъ вышелъ на улицу и сталъ спускаться внизъ по каменнымъ ступенькамъ и ему было пріятно чувствовать подъ ногами твердую гранитную почву и видѣть окна домовъ, фонари и другіе обыкновенные предметы, внѣ связи съ мудрствованіями о томъ, чего никто не вѣдаетъ и не можетъ вѣдать.

Глава XV.

Виноградъ вызрѣлъ какъ-то совсѣмъ внезапно. Урожай былъ такъ великъ, что тяжесть гроздьевъ оттягивала лозы до самой земли.

Рабиновичъ, имѣвшій двадцать акровъ виноградника, потиралъ руки отъ удовольствія. Вотъ этотъ сборъ, проданный на морскомъ берегу, обѣщалъ принести тысячу долларовъ прибыли.

Надо было, однако, торопиться съ уборкой, ибо зрѣлыя ягоды стали осыпаться. Между тѣмъ рабочихъ рукъ не хватало, ибо каждый фермеръ, даже изъ самыхъ мелкихъ, былъ занятъ въ это время собственнымъ урожаемъ.

Пораскинувъ умомъ, Рабиновичъ рѣшилъ воспользоваться наступающимъ субботнимъ днемъ, который праздновался въ Ноксвилѣ вмѣсто воскресенья, и созвать нѣчто въ родѣ помочи, чтобы сразу очистить свой виноградникъ.

Конечно, это была помочь на американскій ладъ, съ полной заработной платой и обильными угощеніями не въ счетъ, но Рабиновичъ уже успѣлъ получить заказъ на поставку большей части своего сбора и прежде всего заботился о быстротѣ работы.

Въ субботу рѣзчики винограда вышли съ корзинами и начали убирать участокъ ноксвильскаго богача. Ихъ было около тридцати человѣкъ. Все это были большей частью фабричныя работницы, которыя прельстились возможностью заработать лишніе полтора доллара.

Ѳеня и Катерина пришли обѣ, но, кромѣ нихъ, не было никого изъ русинско-польскихъ рабочихъ. Еще пришли нѣсколько учениковъ земледѣльческой академіи, все совсѣмъ молодыхъ мальчиковъ, ибо болѣе взрослые не захотѣли продать свой праздничный отдыхъ.

Вмѣстѣ съ ними пришелъ Вихницкій, который внезапно сталъ практиковаться въ земледѣльческомъ трудѣ, къ немалому удивленію учениковъ, привыкшихъ видѣть его только за книгами и исправленіемъ ученическихъ тетрадей.

Съ ранняго утра рѣзчики вышли на работу и медленно стали двигаться вдоль изгородей, срѣзая большія темносинія кисти и складывая ихъ въ корзину. Одна изъ рѣзчицъ попробовала запѣть пѣсню, но большая часть усердно набивала ротъ ягодами, ибо рѣзчики имѣли неограниченное право ѣсть прямо съ кустовъ.

Легкомысленныя фабричныя работницы шутили и пересмѣивались. Послѣ надоѣвшихъ швейныхъ машинъ и вязальныхъ станковъ, легкая работа на открытомъ воздухѣ казалась имъ скорѣе игрой, чѣмъ серьезнымъ дѣломъ, но по мѣрѣ того, какъ солнце поднималось вверхъ, настроеніе ихъ стало измѣняться. Корзина быстро тяжелѣла и ее надо было тащить на лѣвой рукѣ, пока правая срѣзала виноградъ, то и дѣло нужно было относить полныя корзины къ телѣгамъ, увозившимъ сборъ. Кое-кто съ непривычки обрѣзалъ себѣ пальцы, вдобавокъ гроздья росли такъ низко, что для того, чтобы срѣзать все, нужно было поминутно нагибаться и ползать по землѣ, раздвигая вѣтви.

Обѣ крестьянки постепенно стали отодвигаться отъ толпы городскихъ дѣвушекъ, не привыкшихъ къ открытому солнцу и

рѣзкому полевому зною. Смѣтливый фермеръ поставилъ ихъ на разныхъ концахъ участка, для того, чтобы онѣ вели за собой подругъ.

Ученики работали близко отъ Θени и старались не отставать. Особенно одинъ очень малорослый мальчикъ съ большой стриженной головой и оттопыренными ушами, извивался, какъ вьюнъ, обламывая и срѣзывая кисти, иногда даже срывая ихъ зубами, только чтобы поскорѣе наполнить свою корзину. Но ему приходилось поминутно ставить ее на землю, ибо его руки были слишкомъ малы и коротки, и въ концѣ концовъ онъ тоже отсталъ.

Вихницкій выбралъ мѣсто рядомъ съ Катериной. Въ минувшія нѣсколько недѣль онъ нѣсколько разъ встрѣчался съ молодой крестьянкой, но разговоры ихъ были кратки и незначительны. Юношу смущала эта пышная, увѣренная въ себѣ дѣвушка, и даже ласковая насмѣшка ея спокойнаго взгляда какъ будто связывала слова, готовыя сорваться съ его языка, и заставляла его душу уходить внутрь и прятаться въ молчаніи, какъ улитка въ раковинѣ. Онъ всегда заставалъ ее за дѣломъ, и ничто такъ не подчеркивало грани между ними, какъ эта непрерывная грубая работа дѣвушки. И глядя, какъ искусно она справляется съ вилами, метлою или заступомъ, Вихницкій всегда чувствовалъ стыдъ за свое положеніе бѣлоручки, и работа казалась ему какимъ-то новымъ элементомъ, въ которомъ эта дѣвушка движется искусно и безшумно, между тѣмъ какъ онъ стоитъ внѣ, какъ непосвященный, и не знаетъ, какъ открыть себѣ доступъ въ эту новую стихію.

Именно подъ вліяніемъ этого чувства Вихницкій сталъ работать на опытныхъ поляхъ академіи и даже попалъ на виноградную помочь Рабиновича. Рядомъ съ Катериной онъ сталъ почти случайно, но, къ собственному удивленію, она казалась ему теперь проще и доступнѣе. Теперь онъ былъ такимъ же работникомъ, какъ и она, быть можетъ, даже лучшимъ, ибо онъ имѣлъ болѣе подробное представленіе объ уборкѣ винограда, чѣмъ молодая дѣвушка.

Катерина сначала работала медленно и срѣзала кисти такъ осторожно, какъ будто онѣ были стеклянныя. Потомъ ей пришло въ голову, что въ сущности эта работа похожа на жатву серпомъ, и она стала работать съ проворствомъ и методичностью опытной жницы, цѣпко захватывая и оттягивая овальную кисть, какъ будто отгибая снопъ, и потомъ срѣзывая ее легкимъ прямымъ движеніемъ своего широкаго ножа.

Вихницкій, однако, не отставалъ. Онъ выбралъ себѣ самую глубокую корзину, и его длинныя руки давали ему возможность съ большимъ удобствомъ доставать наиболѣе далекія кисти.

Аллеи виноградника съузились, лозы тянулись длинными пря-

мыми шпалерами. Катерина обрѣзывала лѣвую сторону, а Вихницкій правую и они были совсѣмъ близко другъ отъ друга.

— Нравится вамъ эта работа, Катерина Ивановна?—спросилъ Вихницкій, поглядывая на молодую дѣвушку, которая оттянула отъ тычины длинную гибкую лозу и проворно срѣзывала одну кисть за другою. Катерина была въ короткой юбкѣ и бѣлой холщевой *кирсетки*, плотно облегавшей ея стройный станъ. Ея толстая коса была заплетена голубой лентой и обвязана вокругъ головы. Вѣтеръ, пролетавшій надъ полемъ, игралъ завитками свѣтлыхъ волосъ на ея вискахъ и она спокойна улыбалась, продолжая свою работу. Она показалась Вихницкому совсѣмъ иной, особенной отъ другихъ дѣвушекъ, похожей скорѣе на богиню этого виноградника, собирающую плоды, чтобы одарить ими покровительствуемыхъ ею смертныхъ.

— Нравится вамъ эта работа, Катерина Ивановна?

— Ништо—сказала Катерина.—Сладкая работа... Чудная эта земля, *Амирика*,—прибавила она, усмѣхнувшись.

— А что—быстро спросилъ Вихницкій. Ему показалось, что онъ уловилъ въ ея словахъ родственную ноту.

—Да какъ же?—сказала Катерина.—Даже смѣшно. Есть всякій овощъ, рѣпа, картошка, яблоки или этотъ виноградъ, а хлѣбовъ нѣтъ... Только одна *кекериза*!.. Откуда они хлѣбъ берутъ?—прибавила она наивно.—Должно быть, русскіе имъ посылаютъ!...

Катерина, какъ и ея сестра, зиму или двѣ посѣщала школу, но ея понятія о международныхъ отношеніяхъ не далеко ушли отъ странницы Ѳеклуши.

— У нихъ есть свой хлѣбъ!—возразилъ Вихницкій.—Тамъ на закатѣ солнца,—онъ показалъ рукой на западъ,—есть такія земли, какихъ нѣтъ на всемъ свѣтѣ. Тепло, зимы совсѣмъ нѣтъ, земля черноземъ. Тамъ сѣютъ пшеницу, разводятъ скотъ, лошадей, все равно какъ у насъ на Донщинѣ!

— А много тамъ земли?—спросила Катерина.

— Много,—сказалъ Вихницкій.—Если всю русскую землю взять безъ Сибири, то въ два раза больше земли!

— Вре!—невольно вырвалось у Катерины.—Вотъ бы нашимъ мужичкамъ туда!—подумала она вслухъ.—Небось, тамъ своихъ мужиковъ безъ счету!—прибавила она суровымъ тономъ.

Она какъ будто хотѣла возразить сама себѣ, что тѣ черноземныя земли заняты, и что для тверскихъ мужиковъ не осталось шансовъ.

— Своихъ мужиковъ мало, — сказалъ Вихницкій, — а кто пріѣдетъ со стороны, нѣмцы, венгерцы или поляки, тотъ беретъ землю и заводитъ хозяйство. Каждый годъ пріѣзжаютъ тысячи, а пустой земли еще много!

— А дешева тамъ земля?—спросила Катерина.

— Если въ глушь заѣхать, очень дешева,—сказалъ Вихницкій,—можно даже у казны взять усадьбу, безъ всякой платы!

Онъ старался сдѣлать свои объясненія какъ можно понятнѣе для Катерины и потому употреблялъ такія слова, какъ казна, мужикъ, и сравнилъ американскій Дальній Западъ съ Донщиной.

— А отчего моя сестра туда не поѣхала?—спросила дѣвушка, точно соображая.

— Я не знаю отчего,—сказалъ Вихницкій.—Русскіе, видно, жмутся къ кучѣ, какъ бараны. Тамъ въ десять разъ лучше, чѣмъ здѣсь.

— А рожь растетъ тамъ?—спросила дѣвушка съ новымъ сомнѣніемъ въ голосѣ.

— Ржи мало сѣютъ,—сказалъ Вихницкій.—Здѣшній народъ бѣлохлѣбникъ, все крупчаткой живетъ!

— А пшеница каждый годъ выростаетъ въ человѣческій ростъ, продолжалъ онъ.—Недороду у нихъ нѣтъ, все урожай. Мужики живутъ, какъ помѣщики!... По правдѣ сказать, такъ они кормятъ полсвѣта пшеницей..—

— А заработки есть тамъ?—спросила Катерина.

— Лучше здѣшняго!—сказалъ Вихницкій.—Работы много, а рукъ не хватаетъ. Всѣ припасы дешевы. Фрукты, вино...

— Я думаю туда уѣхать!—рѣшительно закончилъ онъ.—Тамъ просторъ, и люди тамъ настоящіе, вольные, довольные люди. Вездѣ лѣса, степи.. Здѣсь и въ деревнѣ фабрика, на полѣ, какъ на городской работѣ. А тамъ зайди въ дремучій лѣсъ и мѣряй свою силу, воюй съ чащей и порослью, сколько отвоюешь, столько и твое!...

Мысль объ отъѣздѣ на дальній Западъ неоднократно приходила къ Вихницкому. Онъ говорилъ объ этомъ съ Баскиной на другой день послѣ пріѣзда дѣвушекъ въ Ноксвиль. Послѣдняя встрѣча съ Томкинсомъ дала новый толчокъ этому плану.

— Другіе люди уѣзжаютъ!—сказалъ себѣ Вихницкій и сталъ серьезно подумывать о томъ чтобы бросить мѣсто и ѣхать на поиски лучшей жизни въ полудикія степи Техаса или въ горныя дебри Монтаны.

Катерина не отвѣчала. Съ минуту оба рѣзчика усердно собирали и складывали въ корзины виноградъ.

Аллея стала еще уже и они шли совсѣмъ рядомъ.

Въ одномъ мѣстѣ Катерина нагнувшись около куста, выдвинувшагося впередъ, задѣла Вихницкаго плечомъ. Легкая дрожь пробѣжала по жиламъ Вихницкаго. Въ головѣ его стало смутно и жарко, какъ будто онъ хлебнулъ крѣпкаго вина. И вдругъ онъ почувствовалъ, что между нимъ и дѣвушкой устанавливается

какая-то новая связь. Катерина во второй разъ показалась ему близкой и доступной, и весь міръ внезапно явился передъ нимъ проще, бодрѣе и жизнерадостнѣе.

Неясныя желанія, которыя день за днемъ складывались въ его душѣ, сразу пріобрѣли опредѣленную форму.

«Что тутъ перебирать?—онъ думалъ просто и почти грубо.—Вотъ возму Катерину, поѣдемъ на Западъ, заведемъ ферму... скотъ, своя земля,.. Нарожаемъ дѣтей, вростемъ въ землю, вотъ какъ эти кусты, корни пустимъ, въ сѣмя уйдемъ!».

— Катя!—сказалъ онъ смѣло и просто, пододвигаясь къ дѣвушкѣ, какъ будто для того, чтобы обчистить поперечную вѣтвь.—Знаешь что, поѣдемъ со мной на Западъ!

— Н-ну тебя,—сказала Катерина, улыбаясь.—Ты еще завезешь, да бросишь!

— Зачѣмъ я брошу?—сказалъ Вихницкій, чрезвычайно довольный, что разговоръ принимаетъ такую ясную форму.

Катерина опять нагнулась и протянула свои руки мимо него. Тогда онъ въ свою очередь протянулъ руку и поймалъ ее за станъ тѣмъ жестомъ, какой онъ двадцать разъ видѣлъ въ обращеніи между фабричными парнями и дѣвушками въ Ноксвилѣ и другихъ мѣстахъ.

Катерина ловко увернулась и такъ сильно толкнула его локтемъ въ бокъ, что онъ невольно отскочилъ и ударился плечомъ объ угловатую тычину палисадника.

— Не трожь!—сказала она предостерегающимъ тономъ.

— Что, видно жжется?—прибавила она съ насмѣшкой, видя, какъ Вихницкій потираетъ себѣ ушибленное мѣсто.—Не вороши, когда руки не хороши!

Юноша внезапно отбросилъ ножъ, и схватилъ дѣвушку за обѣ руки, какъ бываетъ со всѣми застѣнчивыми людьми, его охватила внезапная ни съ чѣмъ несообразная смѣлость, и онъ сталъ изо всѣхъ силъ притягивать дѣвушку въ свои объятія.

— Отстань, безумный! — сказала Катерина.—Видишь, мальчишки смотрятъ.

Ея правая кисть, сжатая въ лѣвой рукѣ Бихницкаго, продолжала держать рѣзакъ.—Смотри, обрѣжу!—сказала она, усиливаясь вырвать руки. Наполовину наполненная корзина, которая висѣла у дѣвушки на локтѣ, съѣхала внизъ и больно ударила ее дужкой по пальцамъ.

Катерина наконецъ разсердилась.

— Охальникъ!—крикнула она, нахмуривъ брови.—Пусти!

Опасаясь порѣзаться въ борьбѣ, она выпустила ножъ и съ такой силой дернула свои руки, что корзина съ виноградомъ отлетѣла впередъ и попала ребромъ прямо въ лицо Вихницкому.

Кисти винограда вылетѣли и разлетѣлись по землѣ. Предпріимчивость Вихницкаго исчезла также внезапно, какъ и явилась. Онъ остался растерянно стоять на мѣстѣ, чувствуя на своемъ лицѣ ударъ корзины, какъ пощечину. Смущеніе его было такъ очевидно, что сердце Катерины тотчасъ же прошло.

— Охъ, ты Микита, распахни рукава!—сказала она, нагибаясь и торопливо принимаясь собирать виноградъ въ корзину.

— Самъ съ аршинъ, а лѣзешь на старшинъ!

Корзина Вихницкаго попалась ей по дорогѣ, и она проворно отбросила ее подъ ноги молодому человѣку.

Вихницкій тоже нагнулся, подобралъ свою корзину и рѣзакъ и, не говоря ни слова, ушелъ на другой конецъ виноградника. Его сторона аллеи была очищена и въ этомъ углу больше не было работы на двоихъ.

Другіе рѣзчики постепенно приближались, двигаясь каждый вдоль особой аллеи шпалеръ, и чтобы найти себѣ мѣсто, ему пришлось отойти на лѣвый конецъ виноградника, гдѣ собрались наиболѣе отставшіе работницы.

Теперь на полѣ было очень жарко. Фабричныя дѣвушки устали, непривычная тяжесть корзины давила имъ руки, необходимость постоянно нагибаться и ползать вокругъ кустовъ успѣла натрудить имъ спину. И имъ казалось теперь, что работа у машинъ, гдѣ онѣ могли спокойно сидѣть на стулѣ, въ прохладѣ закрытаго помѣщенія, въ десять разъ пріятнѣе и легче.

Вихницкій опять попалъ въ одну аллею съ знакомой дѣвушкой, дочерью того самаго домохозяина, у котораго онъ снималъ квартиру. Онъ невольно сталъ сравнивать съ Катериной. Она работала медленно и съ неловкими движеніями. Лицо ея было все въ поту и узкое городское платье, завилось вокругъ ея длиннаго тѣла, какъ неудобная простыня, спутывая ея движенія.

Вихницкій тоже работалъ медленно и старался держаться наравнѣ съ дѣвушкой.

— Тяжелая работа! — сказала она, мотнувъ головой, чтобы отбросить назадъ свои выбившіяся косы.

— Не человѣку годится, а скоту. Оттого мужики такъ похожи на скотъ!—прибавила она съ исконнымъ презрѣніемъ, которое городская мышь чувствуетъ къ деревенской.

— Можетъ, мы сами не годимся! — возразилъ Вихницкій угрюмо.

Ситцевая кофта дѣвушки была вся испачкана темными пятнами отъ раздавленныхъ ягодъ, какъ будто она побывала въ точилѣ, и онъ опять сравнилъ ее съ Катериной, которая даже въ борьбѣ съ нимъ сохранила незапятнанной свою бѣлую кирсетку.

— Ну вотъ! — возразила дѣвушка. — Всякій скажетъ, что это

хамская работа. И я-то дура, что пошла работать въ праздникъ!— прибавила она недовольно.

Вихницкій умышленно отсталъ и, наконецъ, очутился на самомъ краю рабочаго отряда. Здѣсь онъ увидѣлъ Баскину, которая шла сзади всѣхъ вмѣстѣ съ двумя дѣвочками-подростками, у которыхъ не было силы, чтобы работать наравнѣ со старшими. Онѣ собирали такъ мало, что телѣга не подъѣзжала къ нимъ близко и имъ приходилось дѣлать долгія путешествія для каждой корзины. Когда Вихницкій подошелъ, Баскина именно относила виноградъ къ телѣгѣ. Корзина была несоразмѣрно велика, и она накидала ее доверху, чтобы съэкономить лишнее путешествіе. Теперь она тащила ее обѣими руками, какъ прачка, которая волочитъ корзину съ мокрымъ бѣльемъ.

На полдорогѣ она остановилась, поставила корзину на землю и закашлялась.

Вихницкій взялъ ея корзину и отнесъ ее къ мѣсту назначенія.

— Thank you! (Благодарю васъ!) — сказала она, съ благодарностью взглядывая ему въ глаза.

— Ваша корзина слишкомъ велика!—сказалъ Вихницкій, возвращаясь. — Не накладывайте ее такъ полно!

— I will not do it again! (Больше не буду!)—сказала дѣвушка опять по-англійски, запинаясь и припоминая слова, однако въ концѣ концовъ ея фраза вышла совершенно правильной.

— А вы ужъ по англійски заговорили? — не безъ удивленія сказалъ Вихницкій. — Такъ скоро!

— Учусь!—сказала дѣвушка съ блѣдной улыбкой. — Другихъ вѣдь учила, себя самое легче научить!

Вихницкій сталъ работать рядомъ съ дѣвушкой, искоса наблюдая за ней и снова непроизвольно сравнивая съ Катериной. Она была тщедушна и работала такъ же неловко, какъ и другія фабричныя дѣвушки, но черты лица ея были тоньше, чѣмъ у крестьянки. У ней была такая же густая коса, какъ у Катерины, и большой пунцовый бантъ, кокетливо завязанный на темени, ярко оттѣнялъ черный блескъ ея волосъ и матовую бѣлизну ея лица, правильно очерченнаго и похожаго на старую гравюру или на статую изъ слоновой кости.

— А что вы еще сдѣлали, — спросилъ Вихницкій, — съ тѣхъ поръ какъ я не видѣлъ васъ?

— А еще стала класть деньги въ банкъ, на школьный фондъ!— сказала дѣвушка. Тонъ ея голоса былъ шутливъ, но въ глазахъ свѣтилась настойчивость, наивная и непреклонная, которая довела ее до Америки, и потомъ помогла найти себѣ работу въ Ноксвилѣ.

Вихницкому пришло въ голову, что въ этой дѣвушкѣ тоже

есть скрытая сила, хотя и несходнаго качества, болѣе нервная и осмысленная, чѣмъ стихійная, наполовину автоматическая физическая крѣпость молодой крестьянки.

Онъ постарался представить себѣ будущую судьбу обѣихъ дѣвушекъ и ему стало ясно, что обѣ онѣ будутъ имѣть успѣхъ, хотя и неравный и отличный другъ отъ друга. Катерина станетъ зажиточной фермершей, расплодитъ вокругъ себя дѣтей, разведетъ коровъ и свиней, будетъ покупать удобреніе и усовершенствованные плуги, быть можетъ, купитъ даже паровой двигатель.

Баскина накопитъ денегъ, выдержитъ экзаменъ на учительницу и переѣдетъ въ столицу, въ концѣ концовъ, пожалуй, станетъ директриссой школы, ходатаемъ по дѣламъ, страховымъ агентомъ. Въ «Дантанѣ» бывали примѣры, что бѣдныя переселенки изъ чертъ осѣдлости, въ какихъ-нибудь десять лѣтъ становились во главѣ отвѣтственныхъ предпріятій и вели ихъ такъ же успѣшно, какъ мужчины.

Дѣвушка почувствовала на себѣ его взглядъ и невольно подняла глаза ему навстрѣчу и щеки ея вспыхнули слабымъ румянцемъ.

Она продолжала машинально рѣзать виноградъ и складывать его въ корзину, но вниманіе ея ослабѣло. Она какъ будто ожидала чего-то отъ этого высокаго молодого человѣка съ блѣднымъ лицомъ и задумчивымъ взглядомъ.

Работа, однако, не могла идти благополучно безъ ея полнаго вниманія.

— Ахъ!— вдругъ вскрикнула Баскина и, отбросивъ въ сторону рѣзакъ, замахала лѣвой рукой. Она нечаянно просунула мизинецъ слишкомъ далеко впередъ и глубоко обрѣзала его вмѣстѣ съ кистью винограда. Вихницкій отбросилъ въ сторону свой ножъ и корзину и подбѣжалъ къ дѣвушкѣ. Она стояла, протянувъ руку предъ собою и отвернувъ голову въ сторону. Изъ пальца сочились одна за другой крупныя алыя капли. Баскина дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Она не могла выносить вида крови.

Вихницкій схватилъ ея руку и крѣпко стиснулъ раненый палецъ, чтобы остановить притокъ крови. Порѣзъ былъ глубокъ, но не имѣлъ ничего опаснаго. Вихницкій поспѣшно вынулъ изъ кармана платокъ и, отодравъ двѣ бѣлыя полоски, перевязалъ порѣзъ.

— Успокойтесь,—сказалъ онъ,—это пустяки!..

— До свадьбы заживетъ — рискнулъ онъ прибавить, чтобы ободрить дѣвушку.

Баскина повернула голову и слабо улыбнулась.

— Какая я глупая,—шепнула она.—Крови боюсь!

Рука ея продолжала лежать въ рукѣ юноши, и она не отни-

мала ея, и вдругъ Вихницкій, мужское чувство котораго, быть можетъ, подъ вліяніемъ недавняго опыта изощрилось и стало ярче, почувствовалъ, что эта дѣвушка не отталкиваетъ его, какъ та другая, и что онъ можетъ, если хочетъ, сохранить ея руку въ своей рукѣ на все будущее время. Мысль его заработала въ томъ же недавнемъ направленіи. Онъ представилъ себѣ, что они женились и живутъ въ нью-іоркскомъ «Дантанѣ». И онъ имѣетъ коммиссіонную контору по торговлѣ недвижимостями или страховую агентуру, двѣ изъ наиболѣе прибыльныхъ «интеллигентныхъ профессій» городской Америки. Она учительствуетъ или, положимъ, имѣетъ маленькую мастерскую и въ то же время присматриваетъ за домомъ, какъ сотни другихъ женщинъ того же круга. У нихъ квартира на Восточномъ Бродвеѣ, въ улицѣ русскихъ докторовъ, которая начинается отъ губернаторскаго перекрестка вывѣской «Іеремія Розенталь» и кончается у площади Сьюардъ вывѣской «Леви Канторовичъ». У нихъ дешевая кухарка изъ зеленыхъ польскихъ эмигрантокъ, которая уйдетъ, какъ только подучится языку, и мальчикъ негръ, который съ утра до вечера дремлетъ на скамьѣ въ передней и отъ нечего дѣлать читаетъ дешевыя брошюры о правахъ труда. У нихъ есть деньги въ банкѣ. Разъ въ двѣ недѣли у нихъ собираются пріятели изъ разъѣвшихся лавочниковъ, съ примѣсью ожирѣвшихъ интеллигентовъ, пьютъ пиво и играютъ въ *pinochle*, простонародную американскую игру, гдѣ можно сразу имѣть восемь тузовъ и тридцать взятокъ и для выигрыша требуется тысяча очковъ. По субботамъ иногда онъ тайно отъ жены ѣздитъ на скачки.

Всѣ эти картины были такъ знакомы Вихницкому, что онѣ пронеслись въ его головѣ всѣ вдругъ, какъ стая перелетныхъ птицъ. Онъ еще разъ осмотрѣлъ перевязку и выпустилъ руку Баскиной.

— Это пустяки —повторилъ онъ,—но работать вамъ не надо больше, собьете бинтъ.

— Хорошо!—сказала дѣвушка кротко и печально.

Ея небольшой шелковый шарфъ висѣлъ на ближнемъ кустѣ. Она подобрала его и обернула вокругъ шеи. Потомъ поддѣвъ корзину на правый локоть, отправилась къ усадьбѣ. Вихницкій не проводилъ ее и даже не предложилъ ей своихъ услугъ.

Глава XVI.

Въ этотъ вечеръ передъ усадьбой Рабиновича возлѣ большого стараго бука устроился сельскій балъ. Многія работницы такъ устали, что послѣ ужина тотчасъ же поплелись домой, но другія были крѣпче и не хотѣли отказаться отъ праздничнаго обычая.

Сначала кавалерами были только школьные ученики, но другіе молодые люди, проходившіе мимо, приставали къ празднику и пара за парой присоединялись къ кругу танцующихъ.

Музыку представлялъ Рабиновичъ, который игралъ на длинной воющей флейтѣ и его единственный работникъ, подыгрывающій на гармоникѣ. Скрипка пришла безъ приглашенія, прямо съ улицы, и вслѣдъ за нею американская мѣднострунная гитара.

Балъ продолжался до полночи, пока самыя бойкія дѣвушки окончательно обезсилѣли. Ночь была такъ тиха и хороша, что иныя полѣнились идти домой и остались ночевать на дворѣ у Рабиновича на нѣсколькихъ охапкахъ свѣжаго сѣна, которое онѣ самовольно сбросили съ сѣновала. Впрочемъ, Рабиновичъ былъ доволенъ этимъ днемъ. Виноградъ былъ убранъ, и тысячи долларовъ какъ будто уже лежали у него въ карманѣ.

Вихницкій тоже не докончилъ рабочаго дня и ушелъ съ работы вскорѣ послѣ Баскиной. Онъ даже не заходилъ въ усадьбу, ибо не желалъ брать плату за минувшіе часы и прямо пришелъ въ свою квартиру на другой конецъ Ноксвиля.

Усѣвшись за столомъ, онъ досталъ растрепанный томъ экономическихъ идиллій Воронцова и принялся читать съ отогнутой страницы, изучая запутанный вопросъ о томъ, куда дѣвался русскій рынокъ.

Окно комнаты Вихницкаго было открыто, оно выходило во дворъ, въ передней части котораго былъ устроенъ чахлый палисадникъ. Вихницкій невольно прислушался. Въ окно неслись тихіе звуки скрипки, которая наигрывала подъ сурдинку старинную малороссійскую пѣсню.

Вихницкому припомнились слова, которыя онъ слышалъ на концертѣ русскаго хороваго общества въ Нью-Іоркѣ:

Будутъ пташки прилетати,
Калиноньку исти,
Будутъ мени приносити
Изъ родины вісти.

— Мишка, дьяволъ!—послышался рѣзкій голосъ подъ окномъ.— Опять ты съ бандурой!.. Играешь, чтобы черти на тебѣ играли, паршивецъ!

Мишка былъ сынъ покойной сестры домохозяина Ровенскаго, круглый сирота, который еще въ Россіи былъ принятъ на попеченіе дяди, по настойчивому требованію общества. Ему шелъ тогда только пятый годъ, и теперь черезъ шесть лѣтъ онъ былъ совсѣмъ маленькій мальчикъ съ большими ушами и длинными тонкими руками, какія попадаются только у еврейскихъ дѣтей.

У Ровенскаго была вторая жена Бейла, которая постоянно ссорилась даже съ его родными дочерьми. Мальчикомъ помыкали

всѣ въ домѣ и постоянно называли его дармоѣдомъ и цыганской кровью, ибо отецъ его былъ бродячимъ музыкантомъ. Бейла хотѣла отдать его въ работу къ Блюменталю, но онъ оказался слишкомъ молодъ и малъ даже для упрощенныхъ рабочихъ правилъ города Ноксвиля. Скрипка досталась мальчику отъ отца и была единственною принадлежащею ему вещью. Ровенскій почему-то привезъ ее въ Америку и она провалялась шесть лѣтъ на чердакѣ вмѣстѣ съ прочимъ хламомъ. Мальчикъ нашелъ ее съ годъ тому назадъ и немедленно принялся наигрывать на тѣхъ струнахъ, которыя уцѣлѣли.

Бейла не любила этихъ музыкальныхъ упражненій.

— Будешь такой же бродяга, какъ твой отецъ!—предсказывала она мальчику.

Мало-по-малу, однако, скрипка была приведена въ лучшее состояніе и мальчикъ научился наигрывать по слуху многія пѣсни изъ тѣхъ, которыя были въ ходу между жителями Ноксвиля.

— Пойди, покачай ребенка!—кричала Бейла.—Кармелюкъ, проклятая твоя душа!

Мишка неохотно подошелъ, не выпуская скрипки изъ рукъ.

— Гицель, собачникъ!—продолжала кричать Бейла.—Брось бандуру свою, чтобъ тебя бросали и не переставали на томъ и на этомъ свѣтѣ!

Мишка присѣлъ передъ люлькой, въ которой лежалъ трехмѣсячный ребенокъ Бейлы, Лейзерка. Мальчикъ былъ крикливый и Мишка не любилъ его, ибо ему казалось, что его крикъ имѣетъ невѣрный тонъ.

Однако, по приказанію Бейлы онъ усѣлся передъ колыбелью и принялся тихонько раскачивать ее взадъ и впередъ.

— А-а, спи, спи!—напѣвалъ онъ на тотъ же малороссійскій мотивъ, который продолжалъ звучать въ его умѣ. Лейзерка сталъ засыпать. Мишка, увлекаемый естественнымъ переходомъ звуковъ, подобралъ свою скрипку и принялся наигрывать ту же самую мелодію, разсчитывая, что даже для усыпленія Лейзерки скрипка гораздо пригоднѣе пѣнія, но ребенокъ, очевидно, былъ другого мнѣнія.

— А-а!—раздался его громкій плачъ, совершенно заглушая тихую мелодію Мишкиной скрипки.

— Шибеникъ!—раздался тотчасъ же рѣзкій окрикъ Бейлы.—Опять ты за бандуру! Вотъ я подойду къ тебѣ!

Рука Бейлы была погружена въ большую лохань со щелокомъ, въ которомъ она мыла сѣрое бѣлье. Вмѣсто того, чтобы подойти, она схватила щетку, лежавшую возлѣ на скамьѣ, и бросила ее Мишкѣ въ голову.

Мальчикъ увернулся съ ловкостью, указывавшей на продол-

жительную практику. Щетка ударилась о табуретъ и отскочивъ рикошетомъ въ колыбель, щелкнула Лейзерку по лбу.

Мишка неожиданно разсмѣялся. Ужъ очень забавнымъ показался ему неожиданный щелчокъ, полученный его питомцемъ. Но Лейзеркѣ было не до смѣха. Голосъ его сразу поднялся на цѣлую октаву и сталъ такъ оглушительно громокъ, что въ лѣсу, начинавшемся прямо на задворкахъ, даже отдалось слабое эхо.

Бейла разсвирѣпѣла. Оторвавшись отъ лохани съ бѣльемъ, она подскочила къ мальчику, дала ему звонкую пощечину своей мыльной рукой и ухватилась за скрипку. Тотчасъ же раздался пронзительный визгъ мальчика, въ могучей рукѣ Бейлы тонкій смычокъ хрустнулъ, какъ былинка, и волосъ разсыпался по сторонамъ.

Можно было подумать, что мальчику сломали его собственную руку или ногу. Даже Бейла испугалась и отступила, ибо скрипка имѣла цѣну, и послѣдній поступокъ Бейлы былъ явнымъ нарушеніемъ правъ собственности.

Мальчикъ подобралъ свою обезоруженную скрипку и, горько плача, ушелъ со двора. Сумерки быстро густѣли. Вмѣсто того, чтобы зажечь лампу, Вихницкій тоже вышелъ на дворъ и отправился по улицѣ. Крикъ мальчика подѣйствовалъ на его нервы. Домъ этотъ, съ его грязными и себялюбивыми хозяевами, опротивѣлъ ему. Ему показалось, что изъ сосѣдней двери пахнетъ нечистоплотными пуховиками Бейлы и ея дочерей. На улицѣ было темно и тихо. Поднявъ глаза вверхъ, Вихницкій увидѣлъ такое множество звѣздъ, что небо показалось ему похоже на людную залу, и онъ невольно позавидовалъ звѣздамъ, которыя проводили время наверху, въ такой свѣтлой и веселой компаніи.

Изъ лѣсу тянуло тонкимъ и свѣжимъ запахомъ и вдругъ Вихницкій сообразилъ, что балъ у Рабиновича, по всей вѣроятности, въ полномъ разгарѣ, и ему захотѣлось еще разъ посмотрѣть на эту веселящуюся рабочую толпу.

По обыкновенію онъ пошелъ прямикомъ по узкой дорожкѣ, пролегавшей сквозь лѣсъ. Дорожка эта огибала слѣва усадьбу Брудныхъ и выходила на большую дорогу, нѣсколько повыше, прямо къ усадьбѣ Рабиновича.

Когда онъ поравнялся съ первой усадьбой, онъ вспомнилъ Катю и подумалъ, что, можетъ быть, ему еще удастся увидѣть ее сегодня на праздникѣ у Рабиновича.

Чувства его, выведенныя однажды изъ равновѣсія, все время колебались между застѣнчивостью и дерзостью, и теперь онъ снова смотрѣлъ на маленькое утреннее происшествіе совсѣмъ другими глазами.

— Мужчина долженъ быть настойчивъ,—говорилъ онъ себѣ, —

если стремится завоевать главный призъ своей жизни. Земледѣліе и жизнь на вольномъ западѣ опять показались ему долей, наиболѣе достойной человѣка, и онъ сказалъ себѣ, что вдвоемъ съ Катериной они могли бы одолѣть шутя всякія лишенія и преграды.

Текущая жизнь снова показалась ему проще и понятнѣе, представилась здоровымъ животнымъ и растительнымъ процессомъ, заключающимъ въ себѣ работу и простыя удовольствія, безобиднымъ для другихъ и полезнымъ, какъ одинъ изъ основныхъ кирпичей, составляющихъ фундаментъ будущей жизни человѣчества.

Когда Вихницкій миновалъ Ѳенину усадьбу и хотѣлъ уже выйти на большую дорогу, онъ услыхалъ недалеко отъ себя шопотъ и быстрый шорохъ и невольно остановился. Говорили два голоса мужской и женскій. Въ женскомъ Вихницкій узналъ Катерину, а въ мужскомъ Герасима Бруднаго, который приходился Ѳедору двоюроднымъ братомъ, но пока не имѣлъ осѣдлости и переходилъ съ фермы на ферму, складывая вмѣстѣ свою заработную плату и стараясь накопить побольше денегъ.

Вглядѣвшись въ темноту, Вихницкій нашелъ глазами разговаривающую чету. Они стояли въ сторонѣ отъ тропинки, среди кустовъ, и юноша съ трудомъ различалъ ихъ неопредѣленныя очертанія, но онъ ясно представлялъ себѣ фигуру Герасима Бруднаго. Это былъ человѣкъ столь же огромный и нескладный, и еще болѣе молчаливый, чѣмъ его двоюродный братъ. Про младшаго Бруднаго говорили, что онъ такъ же скупъ на слова, какъ и на деньги, и каждый день дѣлаетъ сбереженія на томъ и на другомъ. Послѣдній мѣсяцъ онъ работалъ на американской фермѣ, въ пяти миляхъ отъ Ноксвиля, и чтобы встрѣтиться съ дѣвушкой, ему пришлось пожертвовать почти половину своего ночного отдыха на путешествіе въ оба конца, но на завтра было воскресенье, которое американцы проводятъ въ строго соблюдаемомъ бездѣйствіи и онъ разсчитывалъ наверстать свое по утру.

— Зачѣмъ только ты путаешься тутъ?—сказала Катерина.

Вихницкому на минуту показалось, что они только что встрѣтились и дѣвушка спрашиваетъ Герасима, зачѣмъ онъ пришелъ, но черезъ нѣсколько фразъ онъ понялъ, что это продолженіе прежняго разговора.

— А куда я пойду?—сказалъ Герасимъ и засмѣялся.

Вихницкій съ удивленіемъ замѣтилъ, что теперь онъ гораздо разговорчивѣе, чѣмъ обыкновенно.

— На закатѣ солнца, слышь, вольныя земли есть. Сказываютъ, нарѣзка идетъ, землю мужикамъ дѣлятъ!

— А кто сказываетъ?—спросилъ Герасимъ.—Вѣрный человѣкъ?

— Учитель тутъ ходитъ... Вихницкой...—сказала Катерина.—Сказывалъ, тоже хочетъ идти туда. Говоритъ: «Захвачу землю,

сколько глазомъ обнять, лѣсъ выжгу, стану землю пахать». Да гдѣ ему?—закончила она съ короткимъ смѣхомъ.

— Недопанокъ!—презрительно сказалъ Герасимъ.—А ты съ нимъ что за пара?—прибавилъ онъ.—Какія у васъ вѣсти взадъ впередъ переметываются?

— И то пара!—дерзко засмѣялась Катерина.—Онъ мнѣ давеча говорилъ: «Поѣдемъ, молъ, со мной, я тебя довезу до настоящаго мѣста!..»

— Смотри, дѣвка!—съ угрозой сказалъ Герасимъ.

— Темно смотрѣть-то!—засмѣялась Катерина.—А ты мнѣ тоже не указъ! На кого хочу, на того и смотрю!

Минута или двѣ прошли въ совершенномъ молчаніи.

— Полно ты, дурень!—заговорила Катерина совсѣмъ другимъ тономъ.—На что онъ мнѣ надобенъ? Самъ тощій, руки долгія, чисто комаръ! Здоровый здороваго ищетъ. Я и сама люблю ворочать во всю!

— Вотъ денегъ подкопимъ!—сказалъ Герасимъ.—И здѣсь купимъ землю, какъ братъ Ѳедоръ.

— Ты дурень!—повторила Катерина наставительнымъ тономъ.—Тутъ накопишь старой бабѣ на похороны!.. Тамъ, говорятъ, заработки пять долларовъ въ день!..

— Тьфу, навожденіе!—плюнулъ Герасимъ.—Нѣтъ ли какого обману?

— Зимы, говорятъ, тамъ нѣту,—продолжала Катерина.—Всю зиму скотъ ходилъ по отавѣ, пшеница буйная, безъ конца и краю. Всякій плодъ на солнышкѣ вызрѣваетъ. Ѣда дешева. Просто сказать, приходи и бери даромъ съ деревьевъ!..

Она успѣла развить и опоэтизировать краткія свѣдѣнія, полученныя отъ Вихницкаго.

— Фу ты, Господи!—сказалъ Герасимъ, уже заражаясь воодушевленіемъ Катерины.—Какъ же намъ попасть туда? Языка у насъ нѣтъ, все равно мы мерзлые, нѣмые!..

— Ты голова!—сказала Катерина.—Какой тебѣ надо языкъ? Придешь ты на *ферму*, дадутъ тебѣ въ руки лопату, знамо, чтобы землю копать, а не щи хлебать, а топоромъ дрова рубить, а вилами навозъ поднимать,—такъ и во всемъ!

— А какъ не заплатятъ?—сказалъ вдругъ Герасимъ.—Денегъ не станетъ у насъ, куда дѣнемся? Еще схватятъ, какъ бродягъ, запрутъ насъ въ темное мѣсто!..

— Охъ ты, хохлацкій заугольникъ! — разсердилась Катерина. — Пуганая душа! На что только Богъ тебя сдѣлалъ такого здороваго да толстаго?

— Ну поѣдемъ,—внезапно сказалъ Герасимъ,—на эти новыя

земли твои! Денегъ не станетъ, пѣшкомъ пойдемъ, — можетъ доберемся какъ-нибудь.

— Вона!—засмѣялась Катерина.—Теперь ужъ пѣшкомъ захотѣлъ!..

— А что-же!—сказалъ Герасимъ.—Мы съ малолѣтства пѣшкомъ ходимъ. Отъ Тарнополя до самаго Львова. Рядомъ машина свиститъ, а мы святыми ногами землю мѣряемъ. Это не диво!.. Еще и тебя понесу! — прибавилъ онъ неожиданно задорнымъ тономъ.

Въ темнотѣ послышалась возня. Очевидно расхрабрившійся Герасимъ хотѣлъ сдѣлать практическую иллюстрацію своего послѣдняго предложенія.

— Отстань, бугай!—сказала Катерина.—Чего ты топочешь копытами, какъ конь? Еще люди услышатъ! Господи прости!— прибавила она тотчасъ же съ удивленіемъ и гнѣвомъ, прислушиваясь къ шуму шаговъ, быстро удалявшихся въ темнотѣ.—Вправду кто-то слушалъ!

— Собака, должно быть!—возразилъ Герасимъ, тоже прислушиваясь—А кабы былъ человѣкъ, я бы ему ребра переломалъ!— прибавилъ онъ угрожающимъ тономъ.

Вихницкій, однако, былъ уже далеко. Когда разговоръ молодыхъ людей достигъ кульминаціоннаго пункта, онъ внезапно повернулъ назадъ и почти побѣжалъ по узкой и темной тропинкѣ, не разбирая дороги и только торопясь по скорѣе отдѣлить себя отъ нихъ возможно большимъ разстояніемъ. Онъ даже не заботился объ осторожности, и его удалявшіеся шаги долетѣли до слуха разговаривавшей четы. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто изъ-подъ него неожиданно выдернули доску и онъ полетѣлъ въ очень холодную воду.

Теперь Катерина предстала ему въ новомъ свѣтѣ, не похожемъ на все предыдущее. Она дѣйствительно была проста и доступна, но вниманіе ея назначалось не для него, горожанина родомъ, обучавшаго англійскому языку и словесности будущихъ баккалавровъ сыроваренія, а для здороваго русинскаго батрака, который, быть можетъ, вовсе не зналъ грамоты, но могъ безъ затрудненія ворочать во всю вилами или топоромъ отъ зари до зари.

Короткій и небрежный приговоръ Катерины уязвилъ его, какъ ударъ плети, и онъ сразу сталъ смотрѣть ея глазами на свою земледѣльческую затѣю. Для Катерины и для Герасима земледѣліе было любимое и знакомое занятіе, дававшее единственный способъ добывать себѣ хлѣбъ. Для него это былъ идейный конекъ, развлеченіе, быть можетъ, моціонъ, какъ для городскихъ лавочни-

ковъ, которые заводятъ на своей дачѣ двѣ гряды овощей и двѣ гряды цвѣтовъ и собственноручно вскапываютъ ихъ, чтобы нагулять вѣса.

— Мы корпимъ надъ противными книгами, пока глаза наши потемнѣютъ и руки станутъ разслаблены! —вспомнились ему извѣтные стихи Теннисона. Онъ даже пощупалъ мускулы на своей правой рукѣ и они показались ему такими вялыми и негодными для большихъ усилій. «Самъ тощій, руки долгія, какъ у комара,— припомнился ему приговоръ Катерины, — гдѣ ему». И вдругъ онъ почувствовалъ, что въ сердцѣ его поднимается глухой гнѣвъ.

На что ему тянуться къ этой землѣ, которая не хотѣла принять его, забираться въ далекую пустыню, самому одичать среди одиночества и отсутствія культуры? И если бы даже онъ имѣлъ успѣхъ, какое благо выйдетъ изъ того, что къ массѣ пшеницы, которую Америка ежегодно производитъ, а пшеничный трестъ вывозитъ за границу, прибавится еще десятокъ бушелей?

— Пускай этотъ галицкій бугай ѣдетъ туда! — сказалъ онъ себѣ.—Все равно ему больше нечего дѣлать, а я долженъ искать иное поприще!

Мысль его на минуту вернулась къ земледѣльческой академіи, къ жизни въ Филадельфіи и Нью-Іоркѣ и спеціально въ еврейскомъ кварталѣ, но онъ тотчасъ же замѣтилъ, что она не прилѣпляется къ нимъ и, наполовину отрѣзанная прежде, не хочетъ снова ожить и прорости въ почву. Онъ почувствовалъ себя какъ умирающій, или какъ изгнанникъ, какъ будто онъ внезапно оторвался отъ своего близкаго и знакомаго міра, но онъ не видѣлъ передъ собою пути и не зналъ, гдѣ искать себѣ иную, совершенно новую арену.

— Не къ мѣсту я въ Америкѣ!—повторилъ Вихницкій.—Есть ли страна, гдѣ я могъ бы лучше приспособиться?—задалъ онъ себѣ вопросъ въ десятый разъ.

Онъ подошелъ къ воротамъ своего дома и собирался открыть калитку, какъ вдругъ она сама открылась и передъ Вихницкимъ промелькнула маленькая черная тѣнь.

— Кто тутъ?—спросилъ Вихницкій. Ему пришло въ голову, что это могли быть воры.

Тѣнь проскользнула впередъ, но Вихницкій безъ труда догналъ ее и вернулъ обратно.

— Это ты, Мишка?—съ удивленіемъ спросилъ онъ, узнавая мальчика.—Куда ты такъ снарядился?

На Мишкѣ было толстое зимнее пальто и шапка съ козырькомъ. Подъ руку Вихницкаго случайно попалась холщевая сума, висѣвшая у мальчика черезъ плечо и онъ ощупалъ уголъ хлѣбной ковриги. Руки мальчика были заняты завѣтной скрипкой.

— Ты что же, бѣжать вздумалъ? — спросилъ Вихницкій съ искреннимъ удивленіемъ.

— Тсс!—предостерегающе прошипѣлъ мальчикъ.—А кому я здѣсь нуженъ? — прибавилъ онъ тотчасъ же горькимъ тономъ. — Родные у меня вотчимъ да мачиха. Одна скрипка была, и ту поломали.

Онъ внезапно всхлипнулъ и поднялъ къ небу изломанный смычокъ, какъ самое краснорѣчивое свидѣтельство своего одиночества.

— Я попробовалъ связать, — продолжалъ онъ плача, — да не знаю, какъ сдѣлать по настоящему.

Дѣйствительно, обѣ половинки смычковаго прута были сложены вмѣстѣ и грубо обмотаны толстой бѣлой ниткой.

— А куда же ты идешь?—спросилъ Вихницкій.

— Въ Россію! — сказалъ мальчикъ твердымъ голосомъ. — Я принадлежу къ русской землѣ. У меня тамъ мать и отецъ остались!

— Какъ остались?—переспросилъ Вихницкій.

— Въ землѣ остались!—пояснилъ мальчикъ.

— Вотъ какъ!—сказалъ Вихницкій, — ты значитъ, идешь въ Россію. А какъ же ты пойдешь, пѣшкомъ?

— У меня есть десять центовъ,—сказалъ мальчикъ,—но ихъ, должно быть, не хватитъ на билетъ. Лучше пѣшкомъ.

— Хорошій планъ!—одобрительно сказалъ Вихницкій.—А дорогу знаешь?

— Не знаю!—признался мальчикъ.—Пойду на востокъ солнца, пока дойду!

— А море?—освѣдомился Вихницкій.

— А море... море я обойду кругомъ—объяснилъ мальчикъ.

— Отличный планъ!—повторилъ Вихницкій.—А лучше ѣхать на кораблѣ. Хочешь, поѣдемъ со мною вмѣстѣ?..

— Куда?—торопливо спросилъ мальчикъ—въ Россію?

— Въ Россію, — повторилъ Вихницкій. — Вмѣстѣ со мною!.. Обоимъ намъ здѣсь нѣтъ мѣста,—прибавилъ онъ вполголоса,—но ты храбрѣе меня.

Примѣръ бѣглаго мальчика былъ послѣднимъ зерномъ, заставившимъ перегнуться душевное равновѣсіе Вихницкаго на другую сторону. Рѣшеніе пришло къ нему, какъ нѣчто логически вытекавшее изъ всего его предыдущаго опыта. Онъ почувствовалъ, что онъ тоже принадлежитъ къ Россіи, какъ Мишка. Ему казалось теперь, что онъ занимался въ академіи, посѣщалъ искателей истины, даже ухаживалъ за Катериной, только для того, чтобы убѣдиться, что онъ долженъ отрясти съ своихъ ногъ американскій прахъ и искать возвратной дороги въ старый свѣтъ.

И какъ только онъ принялъ это рѣшеніе, у него стало легче и свѣтлѣе на душѣ.

— Послѣдніе на этой землѣ не будутъ послѣдними на той!— подумалъ онъ. Ему пришла въ голову мысль, что мальчикъ былъ правъ больше, чѣмъ было доступно для его собственнаго пониманія. Цѣлое поколѣніе оставило въ старомъ свѣтѣ своихъ самыхъ дорогихъ мертвецовъ,—свои лучшія упованія и надежды. И ему показалось, что, быть можетъ, онъ лично съумѣетъ воскресить такую наполовину погребенную мечту.

Глава XVII.

Выборы приближались. Ноксвиль принадлежалъ къ графству Пейо, но жители его составляли большинство избирателей и имѣли рѣшительное вліяніе на исходъ избирательной борьбы. Они всегда голосовали за республиканцевъ, заодно съ членами благотворительнаго комитета, которые стояли на стражѣ республиканскихъ интересовъ вмѣстѣ съ другими крупными банкирами и капиталистами. Кромѣ того, республиканская партія была у власти и наивные эмигранты отожествляли ее съ представленіемъ о начальствѣ, вывезеннымъ изъ старой родины. Они хотѣли быть въ Америкѣ «мирными, послушными законамъ гражданами» по офиціальному американскому выраженію, и не знали для этого другого пути, какъ поддерживать всякую власть, случайно существующую въ настоящую минуту, хотя бы это была «звѣздная палата или маффія».

У республиканской организаціи были въ Ноксвилѣ свои признанные агенты: почтмейстръ, сборщикъ податей, даже школьный инспекторъ. Всѣ эти мѣста составляли часть политической добычи и раздавались своимъ людямъ, и всѣ они старались всѣми силами сохранить однажды пріобрѣтенную позицію для своей партіи и для себя самихъ. Даже раввинъ и рѣзникъ, назначеніе которыхъ было въ рукахъ комитета, ревностно работали на поприщѣ республиканской агитаціи, чтобы угодить своимъ богатымъ патронамъ. Демократовъ было мало, они состояли изъ нѣсколькихъ зажиточныхъ лавочниковъ, которые чувствовали себя болѣе или менѣе независимыми. Во главѣ ихъ стоялъ Коганъ, который ставилъ принадлежность къ противоположной политической партіи вѣнцомъ своей муниципальной оппозиціи и старался во всѣхъ отношеніяхъ быть для своихъ противниковъ, какъ бѣльмо на глазу. Часть рабочихъ его фабрики, разумѣется, стояла на его сторонѣ. Къ нимъ примыкало нѣсколько десятковъ малосемейныхъ людей, которые не очень дорожили жизнью въ Ноксвилѣ и по-

стоянно сознавали за собой возможность уйти обратно въ Филадельфію или въ нью-іорское Гетто.

Сынъ Когана, несмотря на свою молодость, былъ секретаремъ ложи «дѣтей Сіона», которая одновременно была средоточіемъ демократовъ. Онъ былъ довольно ловокъ, хорошо грамотенъ по англійски, произносилъ недурныя рѣчи и отличался умѣньемъ ладить съ людьми. Можно было ожидать, что черезъ нѣсколько лѣтъ, когда демократы въ свой чередъ, наконецъ, отобьютъ власть у республиканцевъ, молодой Коганъ сразу выдвинется впередъ на общественномъ поприщѣ Ноксвиля.

Пока республиканцы были значительно сильнѣе. У нихъ были деньги и они не жалѣли расходовъ, чтобы сдѣлать выборы болѣе обезпеченными. За нѣсколько недѣль до выборовъ три кабатчика, которые къ слову сказать, вели въ еврейскомъ фабричномъ городкѣ очень дѣятельную торговлю, начали вдругъ раздавать даровые стаканчики направо и налѣво. Почтмейстеръ старался встрѣчаться съ разными сомнительными голосовыми единицами и, не стѣсняясь, предлагалъ скромную сумму денегъ за каждую избирательную душу.

Въ этомъ отношеніи между старымъ и новымъ поколѣніемъ существовала значительная разница. Добрая половина стариковъ разсматривала пару долларовъ, полученную за голосъ, какъ новый родъ легкаго заработка, не требующій ни труда, ни знанія, и не стѣсняясь, славили Господа за этотъ новый доходъ. Молодые стыдились подкупа и въ особенности ничтожной суммы, которую можно получить за избирательный голосъ, ибо они твердо усвоили основное правило американской этики, позволяющее плутовать только по крупному масштабу. Они раздѣляли въ этомъ общее чувство молодого еврейскаго поколѣнія въ большихъ городахъ, которое усваиваетъ дѣловитость американцевъ и заимствуетъ ихъ презрѣніе къ итальянцамъ и ирландцамъ за ихъ склонность къ мелкимъ обманамъ и дешевому подкупу.

Въ послѣднія двѣ недѣли Ноксвиль принялъ необыкновенно дѣловой видъ. Въ кабакахъ и трактирахъ созывались избирательныя собранія и произносились рѣчи. Даже на улицахъ толпы собирались на перекресткахъ и слушали рѣчи ораторовъ, говорившихъ съ телѣги или съ пустой бочки, которая глухо дрожала, какъ огромный реверберъ. Политическіе клубы даже устраивали шествія съ факелами и музыкой, совсѣмъ какъ въ настоящемъ американскомъ городѣ.

Ложа «Невинныхъ» тоже рѣшила устроить факельное шествіе. Молодые члены ложи и ихъ сестры провели нѣсколько очень дѣятельныхъ вечеровъ, приготовляя различныя принадлежности, необходимыя для шествія. Дѣвушки сшили большое знамя изъ бѣ-

лаго шелка, на которомъ была цвѣтной гладью вышита эмблема сыновей Авраама: дубовая вѣтка, окруженная черной лентой, сложенной въ видѣ сердца. Энтузіазмъ членовъ ложи былъ такъ великъ, что знамя это не стоило ни копейки. По городу ходили различные преувеличенные слухи о приготовленіяхъ ложи.

Массонскія ложи въ Америкѣ часто имѣютъ собственный мундиръ, но до сихъ поръ ноксвильскіе «Невинные» жалѣли расходовъ и обходились безъ параднаго вида. Теперь прошелъ слухъ, что многіе «Невинные» заказали себѣ въ Филадельфіи вышитые мундиры и шляпы съ плюмажемъ и что нѣкоторые изъ нихъ даже намѣрены явиться верхомъ на лошади.

Шествіе было назначено въ вечеръ послѣдней субботы предъ выборами. Ноксвильскіе мальчики, т.-е. тѣ изъ нихъ, которые были свободны отъ субботней школы, съ ранняго утра стояли передъ дверью старой риги, гдѣ происходили большія собранія «Невинныхъ». Они видѣли, какъ пронесли знамя, завернутое въ сѣрый чехолъ. Потомъ стали сходиться молодые люди, неся съ собой небольшіе чемоданы и мѣшки, очевидно заключавшіе пресловутые мундиры. Къ неописуемому восторгу юныхъ зрителей къ крыльцу одну за другою подвели шесть лошадей, набранныхъ отъ фермеровъ и городскихъ лавочниковъ. Лошади, впрочемъ, не раздѣляли восторга зрителей. Онѣ медленно переступали по дорогѣ и смотрѣли уныло, какъ рабочая сила, которая трудится изо дня въ такъ много лѣтъ и не можетъ отдохнуть даже въ день, назначенный для отдыха.

Въ восемь часовъ «Невинные» вышли изъ риги. Шествіе сформировалось и пустилось въ путь. Всѣ обитатели городка высыпали изъ домовъ, чтобы полюбоваться зрѣлищемъ, которое обѣщало быть великолѣпнѣе всего видѣннаго до сихъ поръ въ Ноксвилѣ.

Зрѣлище, дѣйствительно, было великолѣпное. Около сотни молодыхъ людей, построившись въ шесть рядовъ, шли мѣрнымъ шагомъ подъ звуки барабана, выбивавшаго походную дробь. Добрая половина членовъ были въ мундирахъ и высокихъ шлемахъ съ перьями, купленныхъ изъ вторыхъ рукъ у старьевщика въ Филадельфіи. Конечно, и галуны и перья немного слиняли отъ времени и стали тусклыми, но это было лучшее, что можно было сдѣлать съ такими небольшими расходами.

Во всякомъ случаѣ перьевъ, галуновъ и орденскихъ цѣпей было много, а остальное дополняло воображеніе. Шесть воиновъ верхомъ и съ мечами въ рукахъ окружали знамя, которое несъ по срединѣ знаменосецъ ложи. У нихъ были длинныя копья и щиты, какъ у истинныхъ паладиновъ.

Всѣ остальные участники шествія несли пылающіе факелы,

освѣщавшіе процессію яркимъ, невѣрнымъ и колеблющимся свѣтомъ.

На улицахъ были разставлены смоляныя плошки, которыя по данному сигналу были зажжены, еще болѣе усиливая фантастическій характеръ шествія.

Мундиръ Косса былъ роскошнѣе всѣхъ. Серебряное шитье и густо заплетенныя кисти жирныхъ эполетъ полиняли меньше, чѣмъ у другихъ. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ усердныхъ соревновательницъ ложи потратили сегодня нѣсколько часовъ, стараясь привести этотъ мундиръ въ наиболѣе безукоризненное состояніе, при помощи бензина и мелко растертаго мѣла. Треуголка съ бѣлымъ плюмажемъ очень шла къ лицу молодому механику и придавала ему воинственный видъ. Онъ напоминалъ одного изъ молодыхъ наполеоновскихъ полковниковъ, а не мирнаго президента «Невинной» ложи.

На площади передъ синагогой Коссъ остановился и сдѣлалъ знакъ, что хочетъ сказать рѣчь. Толпа тотчасъ же стала стягиваться и подбираться поближе, ибо необычайная обстановка заставляла предполагать, что и содержаніе рѣчи будетъ необычайное. Посмотрѣвъ по сторонамъ, Коссъ выбралъ одинъ домъ, имѣвшій очень высокое и круглое крыльцо, и взобравшись на него, обратился оттуда къ слушателямъ, какъ съ платформы.

— Господа «Невинныя» и «Невинные»!

— Моего почтеннаго друга, мистера Джима Гарковера, хранителя большой печати «Невинныхъ», одна молодая дѣвица сегодня спросила...

Въ публикѣ раздался смѣхъ. Всѣ взгляды невольно обратились на молодую парочку, которая шла въ хвостѣ процессіи. Мистеръ Джимъ Гарковеръ не имѣлъ мундира, но зато на головѣ его красовалась треуголка съ плюмажемъ, похожимъ на небольшое бѣлое дерево. Голова его подруги была увѣнчана шляпой, обвитой такими же широкими бѣлыми перьями. Обѣ шляпы почти касались другъ друга, и при невѣрномъ сіяніи факеловъ казалось, будто онѣ ведутъ между собой самостоятельный разговоръ, независимо отъ двухъ человѣческихъ головъ, скрытыхъ въ ихъ глубинѣ.

— Дѣвица спросила Джима,—повторилъ Коссъ:—«Для чего вы устроили это шествіе»?—Только для забавы!—сказалъ Джимъ.—Но, господа «Невинные», на этомъ свѣтѣ въ каждой басенкѣ есть своя мораль! Вы знаете, что теперь время выборовъ. Вчера я былъ въ трактирѣ у Лика и видѣлъ тамъ нашего почтеннаго почтово-избирательнаго агента.

Въ публикѣ опять раздался смѣхъ, ибо новый терминъ не былъ лишенъ живописности.

— Рядомъ съ нимъ сидѣли три почтеныхъ гражданина, назовемъ ихъ хоть А., В. и С. Передъ ними стояло пиво.—«Выбирайте Пельцера,—говорилъ агентъ,—онъ почтенный человѣкъ, съ капиталомъ, за него всѣ большія головы, господа изъ комитета. Они знаютъ какъ управлять страной и кого выбирать лучше, чѣмъ мы съ вами и всякая шваль»! Господинъ избирательный агентъ знаетъ очень мало, а я, быть можетъ, еще меньше, но время теперь болтливое, всѣ говорятъ,говорятъ!.. Не будетъ большого вреда, если и я скажу пару словъ о томъ, какъ надо управлять этой страной.

Когда Господь дѣлилъ землю разнымъ народамъ, Онъ вырѣзалъ самый лучшій ломоть и сказалъ: «Это Я оставлю про запасъ. Когда ирландцы и нѣмцы, итальянцы, славяне и жиды передерутся и перегрызутся изъ-за куска, здѣсь будетъ мѣсто для всѣхъ, кому не хватило прибора на той сторонѣ «большого пруда». Эта страна населится молодыми и сильными людьми. Они найдутъ здѣсь просторъ и свободу и принесутъ свой трудъ и настроятъ такихъ дѣлъ, что всему міру въ носъ бросится. Эта страна Америка и Я назначаю ее для американцевъ, для всѣхъ тѣхъ, которые своими руками и мозгами помогутъ превратить ее изъ пустыни въ огромную мастерскую»!

Знайте, господа «Невинные», что Америка, это страна мелкихъ людей. У ней нѣтъ герцоговъ или бароновъ, чтобы брать съ нея ренту за вольную божью землю, нѣтъ полководцевъ и военныхъ мундировъ, чтобы усмирять ее!.. Кромѣ этакихъ,— внезапно прибавилъ Коссъ, потряхивая своими густыми эполетами.

Люди выбираютъ сами себѣ начальниковъ. Богъ бережетъ ихъ землю, но они и сами берегутся, чтобы никто не сѣлъ имъ на голову...

Между тѣмъ, господа «Невинные», я хочу вамъ напомнить, что этотъ маленькій городокъ, въ которомъ мы живемъ, — тоже Америка, хотя, быть можетъ, вы и не повѣрите этому. Правда, мы скорѣе похожи на арестантовъ въ Сингъ-Сингѣ *). Сверху у насъ комитетъ, сбоку управляющій, снизу господа почтово-избирательные агенты.

У насъ даже раввинъ казенный, какъ въ моемъ родномъ Маріямполѣ. Городской меръ отъ комитета, даже уличные сторожа отъ господина Сосновскаго. Если лавочникъ не ладитъ съ управляющимъ, его выживутъ изъ квартиры и изъ города, а продажные дома, какъ цѣпи для насъ, и еще мы платимъ въ разсрочку за собственную тюрьму.

---

*) Каторжная тюрьма въ Нью-Іоркскомъ штатѣ.

Комитетъ, дай Богъ ему здоровья, отдалъ насъ Блюменталю въ аренду, да еще и самъ деньги приплатилъ постольку-то долларовъ съ головы. Должно быть, мы такіе дешевые, что насъ же отдаютъ и за насъ же приплачиваютъ деньги. И теперь мы въ кабалѣ. Люди работаютъ по девять часовъ, а мы по десять, люди получаютъ четырнадцать долларовъ, а мы по двѣнадцать. «Не говорите громко, Абрамовичъ будетъ ругаться!» «Не заводите союзовъ, Блюменталь разсердится!..» А теперь вотъ они Архіезера вызвали на нашу голову. Старый баронъ пожертвовалъ милліоны на добрыя дѣла, а они строятъ на нихъ фабрики для дантанскихъ авантюристовъ... Сказано: рыбакъ рыбака видитъ издалека.

Чертъ съ ними, съ деньгами, мы не нищіе и не попрошайки, пусть они устраиваютъ свои гешефты на чужія деньги. Но по какому праву они командуютъ нами? Развѣ мы законтрактованные кули? Пускай старики ходятъ и говорятъ съ опаской, мы, молодые люди, мы выросли и воспитались на этой почвѣ, мы хотимъ быть свободными американскими гражданами! Еще первые переселенцы во время распри съ Англіей нашли прекрасное средство—союзъ. Тринадцать пестрыхъ и непохожихъ другъ на друга колоній соединились вмѣстѣ и стали крѣпки, какъ скала. Для насъ, жителей Ноксвиля,—то же средство. Всѣ мы, которымъ надоѣло жить по чужой указкѣ и смотрѣть изъ-подъ чужихъ рукъ, должны соединиться и основать общество для защиты своихъ американскихъ правъ противъ всякаго неамериканскаго угнетенія.

Если большія головы изъ комитета хотятъ намъ добра, мы имъ благодарны, но пора бы имъ оставить насъ въ покоѣ и взяться за какое-нибудь новое дѣло. Мы уже здѣсь двадцать лѣтъ, мы можемъ прожить сами по себѣ. Если господинъ Абрамовичъ будетъ продолжать ругать женщинъ во время работы, онъ можетъ встрѣтить большую непріятность. Я слышалъ совѣтъ заявить фабричному инспектору, что у Блюменталя незаконно работаютъ малолѣтнія дѣти. Но, сколько я понимаю, лучшій фабричный инспекторъ въ Америкѣ—вотъ!..

Онъ выразительно поднялъ кверху большой черноватый кулакъ и показалъ его толпѣ.

— Помогайте себѣ сами, и Богъ вамъ поможетъ... Берегитесь враговъ и мало полагайтесь на друзей!

Господа ноксвильскіе жители! Ложа «Невинныхъ» предлагаетъ основать общество американскихъ рыцарей для защиты правъ всѣхъ гражданъ въ городѣ Ноксвилѣ и проситъ желающихъ присоединиться!

Публика привѣтствовала рѣчь Косса дружными апплодисмен-

тами. Мелочное угнетеніе общественныхъ порядковъ Ноксвиля надоѣло всѣмъ до смерти, но никто не осмѣливался бы говорить такъ открыто, называя вещи ихъ собственными именами.

Лейзеровичъ стоялъ въ толпѣ и съ завистью смотрѣлъ прямо въ ротъ оратору. Ему казалось, что нѣкоторые аргументы Косса заимствованы изъ его субботнихъ переговоровъ съ Двойнисомъ, но пока ноксвильскіе протестанты прятали свое пониманіе подъ спудомъ и за замкнутой дверью, молодой механикъ вышелъ прямо на улицу и заговорилъ подробно и безстрашно передъ лицомъ многочисленной толпы.

Вихницкій тоже сопровождалъ процессію, но потомъ ушелъ въ академію. Онъ сводилъ свои школьные итоги и у него было много работы. Поздно ночью, возвращаясь домой и проходя мимо риги, которая служила главнымъ пристанищемъ «Невиннымъ», онъ увидѣлъ свѣтъ въ ея окнахъ. Человѣкъ, шедшій впереди его, постучался въ дверь и вошелъ внутрь, и молодой человѣкъ послѣдовалъ его примѣру.

Нѣсколько полинявшихъ мундировъ висѣли на стѣнѣ на гвоздяхъ, которые въ обычное время служили для того, чтобы вѣшать хомуты. Большое бѣлое знамя стояло въ углу, придавая мирной ригѣ видъ временной военной квартиры.

Коссъ сидѣлъ за столомъ, разсматривалъ какой-то чертежъ, и по временамъ дѣлалъ сложныя выкладки. Трудно было рѣшить, занимается ли онъ механической проблемой или вычисляетъ шансы на успѣхъ новаго общества, которое только что основалъ.

Противъ него за тѣмъ же столомъ сидѣлъ комитетъ, безъ котораго въ Америкѣ не дѣлается никакое общественное начинаніе. Въ немъ было пять человѣкъ. Двое молодыхъ людей, въ высокихъ воротникахъ и съ гладко выбритыми лицами, по всей вѣроятности, члены ложи «Невинныхъ», и рядомъ съ ними Лейзеровичъ съ своей кудлатой головой, и еще пожилой механикъ отъ Бальцера.

Пятымъ, къ изумленію Вихницкаго, былъ его товарищъ, учитель гимнастики изъ земледѣльческой академіи, американецъ и баптистъ, который до сихъ поръ держался въ сторонѣ отъ общественной жизни Ноксвиля и, казалось, интересовался только атлетическимъ спортомъ.

Немного поодаль сидѣлъ Джимъ Гарковеръ предъ длинной бумагой съ большимъ, красиво написаннымъ заголовкомъ. Это былъ списокъ членовъ, учредителей новаго обшества. Большая мѣдная печать, служившая символомъ его званія, лежала возлѣ него на столѣ.

Человѣкъ, вошедшій впереди Вихницкаго, оказался молодымъ приказчикомъ самой большой изъ частныхъ мелочныхъ лавокъ городка. Управленіе имѣло свой складъ товаровъ, но дѣла его

шли туго, ибо частныя лавки продавали товары гораздо дешевле, хотя и худшаго качества. Поэтому всѣ городскіе лавочники были въ вѣчной оппозиціи съ администраціей колоніи.

— Какое у васъ тутъ общество? — сказалъ приказчикъ, прямо подходя къ столу.—Запишите меня тоже въ члены!

Джимъ Гарковеръ приписалъ новое имя къ списку, потомъ взялъ печать и съ дѣловымъ видомъ смочилъ ее въ фіолетовой краскѣ.

— Долларъ! — сказалъ онъ кратко.

Приказчикъ расплатился.

— Можетъ, они закроютъ этотъ складъ проклятый! — сказалъ онъ, обращаясь къ Коссу.—А если кооперація, мы бы лучше сами устроились между собой!

Коссъ утвердительно кивнулъ головой, не отрываясь отъ чертежа.

— А ловко вы подъ нихъ подвели мину!—сказалъ лавочникъ со смѣхомъ. — Я давеча былъ у господина Драбкина, а Сосновскій уже тамъ. Онъ очень на васъ сердитъ, господинъ Коссъ! Это, говоритъ, демагогъ, хуже юніонистовъ, мы отогрѣли, говоритъ, змѣю на своей груди!

— Пускай привыкаетъ!—хвастливо сказалъ Джимъ.—Не все же имъ командовать. Пора и намъ приложить свою руку!

Онъ азартно приложилъ печать къ списку, какъ будто въ подтвержденіе своихъ словъ.

На бумагѣ оттиснулся голубой кружокъ, съ той же вѣткой внутри сердца, какъ и на знамени.

Коссъ слегка усмѣхнулся, но не сказалъ ни слова.

— А потомъ Сосновскій сказалъ,—продолжалъ новый членъ:— «Чего онъ хочетъ, не понимаю, какая муха его укусила?» А Драбкинъ засмѣялся и говоритъ: «Должно быть, кандидатомъ хочетъ быть на выборахъ!»

Коссъ отложилъ чертежъ въ сторону.

— Я думаю, довольно имъ посылать къ намъ проходимцевъ изъ Дантана — сказалъ онъ. —Мы найдемъ кого выбрать и безъ нихъ!

Онъ такъ произнесъ эту фразу, что она звучала, какъ опроверженіе, хотя по существу она скорѣе подтверждала предположеніе Драбкина.

— А васъ записать, господинъ Вихницкій?—услужливо предложилъ Джимъ.

Вихницкій отрицательно покачалъ головой, но продолжалъ стоять передъ столомъ.

Преобладающее чувство его было удивленіе, онъ все старался найти мѣрило для новаго явленія, возникавшаго на его глазахъ, но никакъ не могъ разобрать, съ какой стороны слѣдуетъ къ нему подойти.

Впрочемъ, Коссъ обладалъ способностью всегда приводить его въ смущеніе, ибо рѣчи, поступки и даже цѣли механика не подходили ни подъ какой критерій, хотя Вихницкій сознавалъ, что они не могли бы вырости ни на какой иной почвѣ, кромѣ Америки.

Было уже довольно поздно, члены комитета встали и начали шумно прощаться. Черезъ полчаса Вихницкій и Коссъ медленно шли по улицѣ, отправляясь къ своимъ квартирамъ, которыя находились почти рядомъ.

— А Косевичъ говоритъ,—сказалъ Вихницкій задумчиво,— что Америка не способна на энтузіазмъ!

Въ голосѣ его звучало, однако, сомнѣніе. Онъ самъ не былъ увѣренъ, какъ слѣдуетъ относиться къ энтузіазму минувшаго вечера.

— Что онъ знаетъ объ Америкѣ?—живо возразилъ Коссъ.— Такъ же мало, какъ самый зеленый эмигрантъ. Россію онъ зналъ да забылъ, а объ Америкѣ и забыть нечего. Америка просторная страна, хоть взапуски бѣгай, у кого ноги добрыя.

Вихницкій помолчалъ.—Зачѣмъ ты это затѣялъ?—спросилъ онъ прямо и даже остановился передъ Коссомъ въ ожиданіи отвѣта.

— Отчего же мнѣ не затѣять?—сказалъ Коссъ.—Вонъ Джимъ говоритъ: «Будетъ имъ командовать!» Нужно же и намъ имѣть какой-нибудь шансъ!

— Кому это *намъ?*—спросилъ Вихницкій.

— Да хотя бы мнѣ!—сказалъ Коссъ. — Я малый ловкій. Полно мнѣ смотрѣть изъ чужихъ рукъ.

— Да ты и вправду думаешь о выборахъ?—сказалъ съ удивленіемъ Вихницкій.

— А отчего же нѣтъ?—переспросилъ Коссъ.—Лучше же я, чѣмъ какой нибудь проходимецъ, Богъ знаетъ откуда.

— И на моей сторонѣ вся правда!—прибавилъ онъ въ заключеніе.

Вихницкій опять помолчалъ.— По моему, — сказалъ онъ наконецъ,—когда говорятъ объ общественныхъ дѣлахъ, правду нужно упомянуть на первомъ планѣ, а не на послѣднемъ.

— Это все равно!—сказалъ Коссъ.

— Нѣтъ!—сказалъ Вихницкій. — Любопытный вы народъ! У васъ есть особыя цѣли даже и въ правдѣ. Ничѣмъ вы не поступитесь для общаго дѣла...

— Для чего мнѣ поступаться?—сказалъ Коссъ.—Другіе тоже не поступаются. У меня мое, у тебя твое, а сложи все вмѣстѣ, будетъ общее. Такъ я думаю...

— А по моему, у каждаго свое!—сказалъ Вихницкій.—И все вы тащите въ разныя стороны...

Коссъ пожалъ плечами.

— Мы дѣлаемъ дѣло; а не разговариваемъ!—сказалъ онъ.

Вихницкій не отвѣчалъ.

— Ты, значитъ, не запишешься въ члены?—сказалъ Коссъ, раздумывая.—А я думалъ, все-таки ты мнѣ поможешь!

— Нѣтъ!—сказалъ Вихницкій.—Ты самъ говоришь, что я не гожусь для васъ! Я лучше поѣду туда, далеко!..

— Скатертью дорога!—сказалъ Коссъ.—Только смотри, чтобы вернуться назадъ, пока есть время.

— И здѣсь есть ловушки!—живо возразилъ Вихницкій.—Вотъ теперь тебя отставятъ съ завода, пожалуй!

— Развѣ я ихъ отъ себя отставлю!—увѣреннымъ тономъ сказалъ Коссъ.—А обо мнѣ нечего безпокоиться, я найду себѣ мѣсто...

Они дошли до перекрестка, откуда ихъ дороги должны были разойтись въ разныя стороны.

— Ну, прощай, Коссъ!—сказалъ Вихницкій.—Что намъ ссориться?—прибавилъ онъ болѣе примирительнымъ тономъ.—Ты идешь вправо, а я влѣво. Земля гладка и кругла. Быть можетъ, мы и встрѣтимся на другой сторонѣ!

— Прощай!—сказалъ Коссъ тоже болѣе спокойнымъ голосомъ.

Противно американскому обычаю, они пожали другъ другу руки и пошли, каждый по своей дорогѣ. Кругомъ было тихо и темно. Черезъ минуту только отдаленный шорохъ возвѣщалъ каждому изъ нихъ, что его бывшій спутникъ идетъ своей дорогой по гладкой и круглой землѣ, гдѣ людямъ предуготованы самыя неожиданныя встрѣчи.

Танъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

Удѣльная Русь (XIII, XIV, XV и первая половина XVI вѣка).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Вольныя городскія общины.

Глава первая.

Природа и населеніе области Великаго Новгорода и Пскова въ XIII—XVI вѣкахъ.

Второй періодъ русской исторіи, называемый обыкновенно удѣльнымъ, начинается XIII столѣтіемъ и длится до половины XVI вѣка. Изучая этотъ періодъ, удобнѣе всего раздѣлить его на нѣсколько отдѣловъ, потому что и въ природномъ, и въ хозяйственномъ, и въ соціальномъ, и въ политическомъ, и, наконецъ, въ психологическомъ отношеніяхъ отдѣльныя части русской земли и русскаго народа различались между собою въ это время весьма существеннымъ образомъ. Такихъ отдѣловъ три: въ первомъ пойдетъ рѣчь о вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльной Руси, второй будетъ посвященъ сѣверо-восточной Россіи, въ третьемъ мы будемъ изучать западную и юго-западную Русь.

Начиная изученіе вольныхъ городскихъ общинъ удѣльнаго періода, мы, согласно принятому плану, должны прежде всего уяснить себѣ естественныя условія области Новгорода и Пскова. Но это требуетъ опредѣленія сначала предѣловъ этой области. Владѣнія вольныхъ городовъ удѣльной Руси, если очертить ихъ границы въ пору наибольшей ихъ обширности, поражаютъ своею громадностью; можно сказать, что они съ запада, сѣвера и отчасти съ востока охватывали приволжскую и приокскую Русь. Эти владѣнія занимали нынѣшнія губерніи Псковскую (почти всю, кромѣ юго-восточнаго угла), Петербургскую, Новгородскую (кромѣ восточной части), половину Выборгской, почти всю Олонецкую, всю Архангельскую, весь сѣверъ и востокъ Вологодской и, наконецъ, сѣверо-западную половину Вятской губерніи.

Рельефъ области вольныхъ городовъ отличается вообще однообра-

---

*) См. „Міръ Божій“ №№ 1903 г. Часть первая. Есть отдѣльное изданіе. *Ред.*

зіемъ, равнинностью. Окаймляющія ее съ востока Уральскія горы и съ юга сѣверные увалы не мѣшаютъ вліянію сѣверныхъ вѣтровъ, а начинающаяся на западѣ Валдайскими горами средне-русская возвышенность слишкомъ невысока, чтобы оказывать сколько-нибудь замѣтное вліяніе на климатъ юго-западной части страны, заслоняемой ею отъ сѣвера.

Поэтому *климатъ* всюду отличается большой суровостью и непостоянствомъ, причемъ, разумѣется, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу и сѣверо-востоку суровость климата все болѣе и болѣе растетъ.

Въ отношеніи *орошенія* вслѣдствіе особенной суровости климата и каменистой (сланцевой, гранитной) подпочвы выдѣляются крайній сѣверо-западъ (Кольскій полуостровъ) и сѣверо-востокъ (Печорскій край), гдѣ господствуютъ тундры, вѣчно-мерзлыя болота. Вся остальная страна можетъ быть названа типичной болотно-озерной областью, причемъ рѣки всѣ такъ называемаго озернаго типа, т.-е. уровень ихъ зависитъ не отъ зимнихъ и лѣтнихъ атмосферическихъ осадковъ, а отъ озеръ, и потому отличается постоянствомъ. Изъ рѣкъ на сѣверѣ особенно замѣчательны Онега, Сѣверная Двина съ притоками Вагой и Пинегой, Мезень и Печора; съ собственно Новгородской землей сѣверъ или такъ называемое Заволочье связано озерами Онежскимъ и Ладожскимъ и рѣкой Свирью, а въ самой области Новгорода обращаютъ на себя особенное вниманіе рѣки Луга, текущая въ Финскій заливъ, Нева, соединяющая этотъ заливъ съ Ладожскимъ озеромъ, и бассейнъ озера Ильмень съ впадающими въ него и вытекающими изъ него рѣками—Шелонью, Ловатью, Мстой и Волховомъ. Истоки Волги съ ея верхними притоками—Мологой, Тверцой и Шошей, принимающей въ себя въ свою очередь Ламу, также принадлежали Новгороду. Все это вмѣстѣ взятое представляло собою рядъ удобныхъ путей сообщенія во всѣ стороны,—на западъ, югъ, востокъ и сѣверъ.

Почвенныя условія всей области, занятой владѣніями вольныхъ городовъ удѣльной Руси, были мало благопріятны. Иностранные писатели XVI вѣка, какъ Герберштейнъ и Паоло Джовіо, указываютъ на скудость почвы въ Новгородскомъ краѣ и особенно на сѣверѣ. По писцовымъ книгамъ того же времени, отмѣчающимъ качество почвы, очень рѣдко встрѣчается хорошая («добрая») земля, больше попадается средней и очень много худой. Наконецъ, по даннымъ современнаго научнаго почвовѣдѣнія на изучаемомъ нами пространствѣ преобладаютъ почвы болотныя и подзолистыя: подзолъ—это тонкочастичная масса, мучнистая въ сухомъ состояніи, вязкая во влажномъ и очень богатая кремнеземомъ, т.-е. перегнойной кислотой, примѣшавшейся къ песку или глинѣ. Оба эти вида почвъ весьма мало-плодородны. Лучше ихъ гораздо рѣже встрѣчающіяся здѣсь перегнойно-карбонатныя почвы изъ известняковъ и мергелей съ нѣкоторымъ количествомъ растительнаго перегноя. Вообще сколько-нибудь удовлетворительными въ почвен-

номъ отношеніи во всей громадной области вольныхъ городовъ являются только берега Сѣверной Двины и юго-западъ—отчасти Псковская область, особенно же область Великихъ Лукъ.

Вся изучаемая страна изобиловала важнѣйшимъ изъ *ботаническихъ богатствъ*—лѣсомъ. Объ этомъ можно судить прежде всего по обилію лѣсовъ здѣсь и въ настоящее время. Но нѣтъ недостатка и въ древнихъ свидѣтельствахъ: по словамъ Герберштейна, почти непрерывные лѣса покрывали пространство между Двиной, Корелой, Московіей и Соловками; житія сѣверныхъ святыхъ XV и начала XVI вѣковъ содержатъ въ себѣ такого же рода указанія: такъ, по житію св. Зосимы и Савватія, Соловецкій островъ въ XV вѣкѣ «древесы разными цвѣтяше и боріемъ верси горамъ покровени»; по житію Антонія Сійскаго, въ бассейнѣ Сѣверной Двины въ началѣ XVI столѣтія были «многи лѣса и дебри непроходимые», въ 1524 г. на рѣкѣ Юрѣ за Двиной на 20 верстъ вокругъ расли дѣвственные лѣса; наконецъ, писцовыя книги XVI вѣка свидѣтельствуютъ, что въ областяхъ, ближайшихъ къ Новгороду и Пскову, лѣса въ то время занимали отъ 50 до 77% всей площади.

Обращаетъ на себя вниманіе также обиліе всякаго рода *зоологическихъ богатствъ*. Въ теченіе всего изучаемаго періода въ лѣтописяхъ и договорахъ Новгорода съ князьями упоминается рядъ звѣрей, водившихся въ собственно Новгородской области: таковы дикія свиньи, зайцы, медвѣди, волки, куницы, бѣлки, веверицы (тоже родъ бѣлки), изъ птицъ гаги («гоголи»), тетерева и проч. На бобровъ, куницъ и бѣлокъ указываютъ многочисленныя секты, относящіяся къ Двинской землѣ. Но особенно много звѣрей водилось все время на крайнемъ сѣверо-востокѣ новгородскихъ владѣній, въ такъ называемыхъ Печорѣ и Югрѣ: еще въ XI вѣкѣ сложилось преданіе, будто на востокъ отъ Югры и Самояди веверицы и олени валятся прямо изъ тучъ; въ концѣ XII вѣка о соболяхъ говорится, какъ о главномъ богатствѣ Югорской (т.-е. вотяцкой) земли; въ XIV вѣкѣ въ Печорскомъ краѣ упоминаются горностаи, песцы, лисицы, соколы. Очень много было также рыбы: въ лѣтописяхъ, актахъ и иностранныхъ извѣстіяхъ говорится о тюленяхъ, моржахъ и китахъ на морскомъ берегу; по лѣтописному извѣстію 1354 г. рыбу въ Новгородѣ ловили руками: такъ было ея много; на Двинѣ водились семга и лосось, въ Ладожскомъ и Онежскомъ озерахъ и въ Невѣ были осетры еще въ XV вѣкѣ; упоминаемыя въ писцовыхъ книгахъ конца XV столѣтія репукса и курва—это извѣстныя и теперь ряпушка и корюшка.

Начиная съ XIII вѣка необходимо указать также на нѣкоторыя *минералогическія богатства* области вольныхъ городовъ удѣльной Руси: соль водилась въ Двинской губѣ (въ волостяхъ Неноксѣ и Унѣ), на Терскомъ берегу Кольскаго полуострова (въ Умбѣ и Варзугѣ) и въ Старой Руссѣ — къ югу отъ озера Ильменя; желѣзо встрѣчается

въ той же волости Неноксѣ на берегу Бѣлаго моря и въ сѣверныхъ частяхъ Вотской пятины.

Переходя къ исторіи *населенія и колонизаціи*, надо замѣтить, что въ этомъ отношеніи владѣнія вольныхъ городовъ слѣдуетъ раздѣлить на нѣсколько частей, существенно отличныхъ одна отъ другой. Населеніе собственно Псковской области сильно и быстро увеличивалось въ теченіе XIII, XIV и XV вѣковъ, но, повидимому, это увеличеніе происходило путемъ естественнаго прироста, а не прилива со стороны. Признаками роста населенія являются, главнымъ образомъ, два обстоятельства: умноженіе количества псковскихъ пригородовъ и появленіе новыхъ монастырей внѣ городовъ на незаселенныхъ прежде мѣстахъ. Въ половинѣ XIV вѣка, когда Псковъ достигъ полной независимости отъ Новгорода, было всего два псковскихъ пригорода—Изборскъ и Островъ. Къ XV вѣку прибавилось еще пять: Вороночъ, Велье, Коложе, замѣненное съ 1414 года Опочкой, Котельна и Вревъ. Наконецъ, во второй половинѣ XV вѣка появилось еще пять новыхъ: Гдовъ, Володиміръ, Кобылій, Красный и Вышгородъ. Изъ монастырей основываются во второй половинѣ XV вѣка Мальскій монастырь Рождества Богородицы на рѣкѣ Малѣ, въ 31 верстѣ къ югозападу отъ Пскова, недалеко отъ Изборска, и Успенскій-Крыпецкій къ сѣверо-востоку отъ Пскова. Въ первой половинѣ XVI вѣка къ нимъ присоединяется на восточной границѣ Псковской области Никандровъ-Благовѣщенскій монастырь. Такой-же выводъ о непрерывномъ ростѣ населенія, и притомъ ростѣ внутреннемъ, лишенномъ прилива со стороны, получается въ результатѣ изученія матеріала, относящагося къ четыремъ новгородскимъ пятинамъ, — Шелонской, Деревской, Бѣжецкой и Вотской. И здѣсь можно наблюдать въ XIII, XIV и XV вѣкахъ появленіе новыхъ внѣгородскихъ монастырей: въ XIII в. въ 6 верстахъ отъ Старой Русы былъ основанъ Косинскій Николаевскій монастырь; въ 1292 году появился Ксенофонтовъ Троицкій монастырь въ 25 верстахъ отъ Новгорода; въ концѣ XIV вѣка возникли монастыри: Лисицкій въ 7 верстахъ къ сѣверу отъ Новгорода, Коневскій на островѣ Коневцѣ, близъ западнаго берега Ладожскаго озера, и Феофиловъ-Омучскій въ 57 верстахъ къ юго-западу отъ нынѣшней Луги; наконецъ, къ XV столѣтію относится основаніе монастырей Николаевскаго-Папороцкаго въ 53 верстахъ отъ Новгорода и Видогощскаго-Преображенскаго въ 21 верстѣ отъ того же города. Къ концу періода такимъ образомъ плотность населенія въ новгородскихъ пятинахъ значительно увеличилась, что и засвидѣтельствовано писцовыми книгами конца XV вѣка и первой половины XVI: по первымъ, напр., въ Шелонской пятинѣ села и деревни составляли $91^1/_2$ % общаго числа всѣхъ поселеній, пустошей, т.-е. покинутыхъ поселеній, было 8%, и $^1/_2$ % приходилось на починки или селенія, вновь основывавшіяся; по вторымъ тамъ же было отъ 82 до 93% де-

ревень и селъ, отъ 6 до 12% починковъ отъ ½ % до 11% починковъ (различныя цифры относятся къ разнымъ мѣстностямъ пятины). Въ Вотской пятинѣ конца XV вѣка 97½ % всѣхъ поселеній составляли села и деревни, ½ %—починки и 2% пустоши, а въ первой половинѣ XVI столѣтія здѣсь на села и деревни приходилось 88½ % всѣхъ поселеній, на починки 5½ % и 6% на пустоши. Отличительная черта всѣхъ этихъ цифръ—незначительность числа починковъ и пустошей—указываетъ на то, что населеніе достигло извѣстной нормы, и какъ большой отливъ, такъ и приливъ его со стороны не наблюдаются.

Но если исторія населенія четырехъ названныхъ пятинъ имѣетъ много сходнаго съ соотвѣтствующимъ процессомъ, совершавшимся въ Псковской области, такъ что эти пятины и Псковская область могутъ быть соединены съ разсматриваемой точки зрѣнія въ одно цѣлое, то Обонежская пятина Великаго Новгорода, занимавшая часть нынѣшней Новгородской губерніи, почти всю Олонецкую и часть Архангельской близъ устья рѣки Онеги, представляетъ собою уже переходъ къ сѣверу: въ Обонежскую пятину населеніе, несомнѣнно, приливало со стороны, изъ другихъ пятинъ Великаго Новгорода. Это засвидѣтельствовано и актовымъ матеріаломъ, и извѣстіями о томъ, что новгородскому архіепископу въ XV вѣкѣ принадлежали четыре сельца на Бобровой горѣ, а Марѳа Борецкая владѣла 19 деревнями по рѣкамъ Сумѣ и Выгу, и, наконецъ, основаніемъ новыхъ монастырей, какъ появившаяся въ концѣ XV в. Кенская пустынь въ 138 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ нынѣшней Пудожи или возникшія въ началѣ XVI вѣка монастыри Александровъ-Свирскій и Климецкій (на островѣ Онежскаго озера). Къ одному типу съ Обонежской пятиной принадлежатъ въ колонизаціонномъ отношеніи еще бассейны Сѣверной Двины и ея лѣваго притока Ваги: сюда также въ теченіе XIV и XV вѣковъ населеніе непрерывно притекало со стороны, съ запада и юго-запада. Заселеніе Важской земли было дѣломъ одной изъ богатѣйшихъ новгородскихъ боярскихъ фамилій, — Своеземцевыхъ: въ 1315 году четверо чудскихъ (т.-е. финскихъ) старостъ поступились въ пользу Своеземцева всею Вагой за 20.000 бѣлокъ и 10 рублей, а въ первой половинѣ XV вѣка Василій Своеземцевъ основалъ здѣсь Богословскій Важскій монастырь и самъ въ немъ постригся въ монахи. Новгородскими поселеніями въ Важской землѣ были Шенкурскъ, Вельскъ, Терминскъ, Паденгскій погостъ. Кромѣ Своеземцевыхъ, другіе новгородскіе бояре владѣли здѣсь рядомъ имѣній. Такой же приливъ колонистовъ наблюдается и въ Двинской землѣ: на берегу Двинской губы, сѣвернѣе нынѣшняго Архангельска, въ началѣ XV вѣка былъ основанъ Николаевскій-Корельскій монастырь; новгородскія купчія и данныя XIV—XV вѣковъ содержатъ въ себѣ рядъ указаній на двинскія волости; отъ 1471 года до насъ дошелъ подробный списокъ этихъ волостей, находившихся по обѣимъ берегамъ Сѣ-

верной Двины и на островахъ этой рѣки; особенно замѣчательны изъ нихъ—Нижняя Тойма, Заостровье, Моржегоры, Емецкая волость, Вайгуга, Матигоры, Быстрокурья, Холмогоры, Орлецъ, Ижма, Койдокурья, Кехта, Чухченема, Куростровъ, Великая Курья, Ухтъ-островъ, Княжъ-островъ, Яковлева-курья, Соломбала, Терпиловъ погостъ и т. д. Въ 1520 году св. Антоній основалъ монастырь на рѣкѣ Сіѣ. Наконецъ, къ тому же колонизаціонному типу отчасти можно отнести Пермь (Біармію)—область по рѣкамъ Сысолѣ, Выми и Вычегдѣ, гдѣ сначала появились отдѣльные поселенцы, а потомъ возникла промышленная вотчина Строгановыхъ, и Вятку, гдѣ новгородскіе повольники или ушкуйники основали города Хлыновъ, Орловъ, Кайгородокъ, Котельничъ и образовали вольную общину, не признававшую совсѣмъ княжеской власти, но существовавшую впрочемъ недолго.

Третій колонизаціонный типъ представленъ поселеніями новгородцевъ по Поморскому, Терскому и Мурманскому берегамъ, т.-е. на крайнемъ сѣверо-западѣ: хотя отдѣльные случаи захода сюда колонистовъ попадаются и во второй половинѣ XIV вѣкѣ (напр., сохранилось извѣстіе отъ этого времени о пребываніи св. Лазаря на Мурманскомъ берегу), но сколько-нибудь замѣтное русское колонизаціонное теченіе въ этотъ суровый, но богатый рыбой и солью край наблюдается въ сущности только послѣ основанія Соловецкаго монастыря свв. Зосимой и Савватіемъ въ 1436 году. Населеніе, сюда проникавшее, ютилось исключительно по озерамъ и приморскимъ рѣкамъ и было поэтому крайне рѣдкимъ. Таковы были поселенія по рѣкамъ Кеми, Керети, Ковдѣ, Умбѣ, Варзугѣ. Въ XVI вѣкѣ появились монастыри Троицкій на р. Колѣ и Печенгскій, основанный св. Трифономъ на р. Печенгѣ на границѣ съ Норвегіей.

Наконецъ, четвертую часть владѣній вольныхъ городовъ, если ихъ дѣлить на части съ точки зрѣнія исторіи населенія, составляютъ бассейны Пинеги, Мезени и Печоры, совершенно нетронутые русской колонизаціей въ изучаемое время. Все дѣло ограничивалось временными походами новгородцевъ въ этотъ край для сбора неопредѣленной и непостоянной дани, точнѣе говоря — для простого грабежа. Походы эти начались еще въ XI вѣкѣ, и съ тѣхъ поръ извѣстія о нихъ идутъ непрерывной цѣпью въ послѣдующія столѣтія.

Сопоставляя теперь результаты произведеннаго нами изслѣдованія природы и населенія владѣній вольныхъ городскихъ общинъ удѣльной Руси, мы должны сдѣлать выводъ, во многомъ напоминающій заключенія, сдѣланныя въ свое время при изученіи соотвѣтствующихъ вопросовъ въ исторіи древнѣйшей Россіи, кіевскаго періода. Прежде всего нельзя совершенно отрицать вліяніе природы на распредѣленіе населенія и колонизацію: равнинная поверхность и удобные водные пути сообщенія могли и даже должны были содѣйствовать колонизаціи, но именно только *содѣйствовать* ей, а не творить, не создавать ея,

т.-е. *вліяніе природы оказывается пассивнымъ*, не творческимъ, не активнымъ. Но это еще не все: и *это пассивное, содѣйствующее или противодѣйствующее, вліяніе не было сильнымъ, отличалось крайней слабостью*: нельзя забывать, что такія основныя свойства природы, какъ климатъ и почва, чрезвычайно неблагопріятныя на сѣверѣ, оказались безсильными, чтобы задержать колонизацію; конечно, суровый климатъ крайняго сѣвера долго сдерживалъ поселенцевъ, но они все-таки въ концѣ концовъ не остановились передъ этимъ препятствіемъ, какъ и передъ перспективой имѣть дѣло со скудной почвой. Очевидно, были другія, активныя силы, способныя сломить препятствія, создаваемыя естественными условіями. Правда, зоологическія и отчасти ботаническія и минералогическія богатства сѣвера могли привлекать колонистовъ, но, вѣдь, эти богатства требуютъ для того, чтобы вліять привлекающимъ образомъ, эксплуатаціи, а эксплуатація даровъ природы есть не что иное, какъ хозяйственная, экономическая дѣятельность, къ изученію которой мы и должны теперь перейти.

Глава вторая.

Экономическій бытъ вольныхъ городскихъ общинъ удѣльнаго времени.

Мы уже знаемъ изъ исторіи народнаго хозяйства въ кіевской Руси, въ какой сильной зависимости находится *относительное значеніе разныхъ отраслей промышленности* отъ плотности населенія. Поэтому, опредѣляя это относительное значеніе отдѣльныхъ отраслей промышленности во владѣніяхъ вольныхъ городскихъ общинъ удѣльнаго времени, удобнѣе всего различать только что намѣченные нами колонизаціонные районы.

Мы видѣли, какую первостепенную роль играла на зарѣ нашей исторіи первоначальная добывающая промышленность. Традиціи древнѣйшаго періода въ этомъ отношеніи были цѣликомъ усвоены областями третьяго и четвертаго колонизаціонныхъ типовъ, т.-е. поселеніями Поморскаго, Терскаго и Мурманскаго береговъ, съ одной стороны, и территоріей по рѣкамъ Мезени и Печорѣ съ другой. Начать съ того, что на Мезени и Печорѣ не только не было городовъ, но не было и русскаго населенія, а жившіе здѣсь въ небольшомъ количествѣ инородцы платили дань почти исключительно мѣхами звѣрей, т.-е. продуктами охоты. И такъ было не только въ началѣ изучаемаго періода, но и въ концѣ его: еще подъ 1446 годомъ, напримѣръ, читаемъ въ лѣтописи о такомъ походѣ новгородцевъ на Югру за данью и притомъ о походѣ неудачномъ: такъ слаба была хозяйственная эксплоатація этого суроваго края русскими.

Поэтическимъ отраженіемъ этой примитивной хозяйственной дѣятельности новгородцевъ въ Югрѣ является извѣстная былина о Чурилѣ Пленковичѣ. Понятно, что о сельскомъ хозяйствѣ, обрабаты-

вающей промышленности и торговлѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова здѣсь не могло быть и рѣчи. Недалеко ушли впередъ и Терскій, Мурманскій и Поморскій берега моря. Ловля рыбы, добываніе соли и охота за морскимъ звѣремъ—вотъ что было основнымъ занятіемъ мѣстныхъ поселенцевъ. Изъ 35-ти земельныхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ здѣсь Соловецкимъ монастыремъ въ теченіе XV вѣка, только въ четырехъ указывается пашня или такъ называемая «страдомая» или «орамая земля», обычными же угодьями, подвергавшимися хозяйственной эксплоатаціи, были воды, рыбныя ловища, тони, лѣсъ полѣшій (т.-е. дѣвственный), пожни и «сала морскія». Характернымъ признакомъ безраздѣльнаго господства добывающей промышленности съ нѣкоторой лишь примѣсью скотоводства является и единица обложенія, принятая въ изучаемой области: эта единица носила названіе «лука», заимствованное, очевидно, отъ первобытнаго охотничьяго оружія—лука со стрѣлами, наличность котораго въ извѣстной семьѣ и создавала изъ этой семьи хозяйственное цѣлое съ точки зрѣнія добывающей промышленности. Но не трудно замѣтить, что при всемъ сходствѣ крайняго сѣверо-запада новгородскихъ владѣній съ кіевской Русью въ хозяйственномъ отношеніи, между тѣми и другой существовало и значительное различіе: намъ извѣстно, что въ кіевской Руси хозяйство было чисто домашнимъ, что все необходимое производилось каждой хозяйственной единицей для себя; этого нельзя сказать безъ ограниченій объ изучаемой области: такъ какъ хлѣбъ здѣсь совсѣмъ не производился, то приходилось привозить его хотя бы въ небольшомъ количествѣ со стороны; съ другой стороны существовала несомнѣнная потребность въ продажѣ избытковъ народнаго производства въ сферѣ добывающей промышленности. Все это связывало хотя и слабыми, немногочисленными, но несомнѣнными экономическими узами этотъ первобытный край съ другими новгородскими владѣніями.

Переходимъ къ областямъ второго колонизаціоннаго типа,—именно къ землямъ Двинской и Важской, къ Обонежской пятинѣ и отчасти къ Перми и Вяткѣ. Единственнымъ, хотя и важнымъ, отличіемъ этихъ областей отъ тѣхъ, о которыхъ у насъ только что шла рѣчь, является то обстоятельство, что здѣсь сельское хозяйство въ обѣихъ его главныхъ вѣтвяхъ—земледѣліи и скотоводствѣ—играло болѣе видную роль, при сохраненіи однако въ большинствѣ случаевъ господства за добывающей промышленностью. Картина этого преобладанія добывающей промышленности при нѣкоторомъ значеніи земледѣлія и особенно скотоводства развертывается передъ нами прежде всего при изученіи житій сѣверныхъ святыхъ. Пробираясь черезъ непроходимыя дебри и «дрязги великія», т.-е. непролазныя болота, сѣверный пустынножитель, основатель будущаго монастыря, добывалъ себѣ средства пропитанія обыкновенно рыболовствомъ; когда около него собиралось нѣсколько сподвижниковъ, тогда разводили скотъ; въ гораздо болѣе рѣд-

кихъ случаяхъ посвящали часть времени земледѣлію. Акты, дошедшіе до насъ отъ XIII, XIV, XV и XVI вѣковъ, свидѣтельствуютъ и о господствѣ солеваренія (особенно въ Неноксѣ и Унѣ—на берегу Двинской губы,—а также въ сольвычегодской вотчинѣ Строгановыхъ), добыванія желѣза (въ Неноксѣ), птичьей и звѣриной охоты, рыболовства, и о занятіяхъ скотоводствомъ и земледѣліемъ. Отъ XIV и XV вѣковъ сохранился, напр., рядъ купчихъ Николаевскаго-Чухченемскаго монастыря на Двинѣ, причемъ оказывается, что земля покупалась монастыремъ на сорока бѣлки, что̀ указываетъ на важность охоты. Въ 1449 году нѣкто Власій Степановичъ заложилъ тому же монастырю $^1/_2$ села на Костковѣ горѣ, на Двинѣ, за 10 рублей и *3 сорока бѣлки*. Въ 80-хъ годахъ XV вѣка Палеостровскій монастырь получилъ отъ нѣкоего Селифонтова въ Обонежской пятинѣ «полѣшій лѣсъ, воды, пожни и ловища всякія»,—пашни совсѣмъ не было. Въ купчихъ XIV—XV вѣковъ, относящихся къ Двинской землѣ, обыкновенно наблюдается перечень такихъ угодій: орамыя, т.-е. пашенныя, земли, пожни (сѣнокосы), притеребы (земли, недавно расчищенныя изъ подъ лѣса), перевѣсища (приспособленія для птичьей охоты), ловища и тони (для рыболовства), путики (мѣста звѣринаго лова), поскотина (выгонъ для скота). Картина сѣверной пахоты изображена въ былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ въ словахъ: «омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ, то коренья, каменья вывертываетъ, да великіи онъ каменья вси въ борозду валитъ»: валуны—обычное явленіе на поляхъ нынѣшней Олонецкой губерніи. При всемъ томъ однако бо̀льшая часть разсматриваемыхъ областей нуждалась въ привозномъ хлѣбѣ: это, по словамъ Герберштейна, относилось даже къ Важской землѣ, и только Двинская область, по свидѣтельству Джовіо, питалась своимъ хлѣбомъ и даже имѣла хлѣбные избытки.

Но первенствующее значеніе имѣютъ хозяйственныя условія собственно Новгородской области—четырехъ ея пятинъ: Вотской, Шелонской, Деревской и Бѣжецкой съ нѣкоторыми пограничными внѣпятинными округами,—а также экономическій складъ области Псковской. Относительное значеніе разныхъ отраслей промышленности въ этихъ мѣстностяхъ заслуживаетъ поэтому особенно обстоятельнаго изученія. И здѣсь также чрезвычайно послѣдовательно, хотя съ большими, чѣмъ на сѣверѣ, перемѣнами, были восприняты и развиты кіевскія традиціи. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что земледѣліе не только существовало, но и развивалось въ новгородско-псковскомъ краѣ въ изучаемый періодъ, какъ оно развивалось уже и въ кіевской Руси XII вѣка. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ новгородскія писцовыя (или такъ называемыя «переписныя оброчныя») книги конца XV столѣтія, въ которыхъ пашня принадлежитъ къ числу наиболѣе обычныхъ угодій. Затѣмъ единицей обложенія въ XV вѣкѣ въ Новгородской землѣ сдѣлалась соха и ея третья часть «обжа»; что такое соха и что такое обжа,—

это видно изъ двухъ источниковъ,—изъ грамоты новгородцевъ великому князю Василію Васильевичу на «черный боръ» (особый налогъ на черныхъ людей) и изъ свидѣтельства Никоновской лѣтописи подъ 1477 годомъ: въ первомъ источникѣ соха опредѣляется, какъ «два коня да третье припряжь», по второму, «три обжи соха, а обжа одинъ человѣкъ на одной лошади ореть, а кто на трехъ лошадяхъ и самъ третей ореть, ино то соха». Ясно, что существованіе такихъ единицъ обложенія указываетъ на развитіе земледѣлія. Третьимъ доказательствомъ такого развитія являются данныя Псковской судной грамоты, въ которой упоминаются неоднократно «изорники», т.-е. земледѣльцы-пахари, «земля ополняя» или «полняя», т.-е. полевая, пашенная, и «нивы розстрадни». Но при всемъ томъ, какъ въ кіевской Руси земледѣліе играло второстепенную роль въ народномъ производствѣ, такъ оно не было главнымъ элементомъ и въ хозяйственной жизни новгородско-псковскаго края. Прежде всего населенію здѣсь сплошь и рядомъ не хватало своего хлѣба, и всегда чувствовалась, поэтому, нужда въ привозномъ зернѣ; это всего лучше подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что суздальскіе и московскіе великіе князья XII, XIII, XIV и XV вѣковъ, при каждой ссорѣ съ Новгородомъ, подвергали новгородцевъ всѣмъ бѣдствіямъ голода, прекращая доставку хлѣба изъ области Волги и Оки. Такъ, извѣстія о голодѣ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ подъ 1170, 1188, 1214, 1215, 1228, 1230, 1445 годами и т. д. Цѣны на хлѣбъ при этомъ достигали нерѣдко громадной высоты, что въ странѣ земледѣльческой по преимуществу было бы невозможно. Но голодовки, дороговизна хлѣба и привозъ его изъ другихъ русскихъ земель—не единственное доказательство слабаго значенія земледѣлія въ области Новгорода и Пскова. Вторымъ доказательствомъ этого является ничтожность размѣровъ крестьянской запашки на дворъ и рабочаго: еще въ Вотской и Шелонской пятинахъ въ концѣ XV вѣка въ среднемъ на дворъ приходилось отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ и даже иногда до 5 десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей, но въ Деревской пятинѣ того же времени и въ Бѣжецкой первой половины XVI столѣтія средняя запашка на дворъ не превышала $2^1/_2$ дес. и очень часто была ниже; это очень мало, особенно если принять во вниманіе слабую урожайность почвы въ Новгородской области и наличность нѣсколькихъ рабочихъ во многихъ дворахъ, почему, напр., въ Вотской пятинѣ на рабочаго приходилось по одной или по двѣ десятины. Третій признакъ второстепеннаго значенія земледѣлія въ хозяйствѣ новгородско-псковскаго края—это значительное количество городовъ; намъ уже извѣстно, что Псковъ къ половинѣ XV вѣка имѣлъ 12 пригородовъ; рядъ пригородовъ былъ и у Новгорода: таковы—Ржева, Великія Луки, Порховъ, Руса, Торжокъ, Бѣжичи, Ладога, Корела, Копорье, Орѣшекъ, Яма, Демань, Курскъ, Холмъ и Высокій. Кромѣ того, въ новгородскихъ пятинахъ было много «рядковъ», мелкихъ поселеній городского

типа. Конечно, съ нашей точки зрѣнія населеніе этихъ городовъ и рядковъ было не велико, крупными центрами ихъ признать нельзя: въ самомъ крупномъ изъ новгородскихъ пригородовъ—Корелѣ—было въ 1500 году 368 взрослыхъ мужчинъ въ 267 дворахъ, т.-е. все населеніе, считая и женщинъ и дѣтей, не превышало 1.500 человѣкъ. Но при преобладаніи тогда поселковъ въ 2—3 двора имѣло значеніе и такое скопленіе населенія, тѣмъ болѣе, что земледѣліе какъ разъ не принадлежало къ числу главныхъ занятій городскихъ жителей, служило лишь подспорьемъ, и то не всегда и не для всѣхъ. Отъ XIII вѣка до насъ дошелъ любопытный документъ, духовная грамота новгородца Климента, служащая четвертымъ доказательствомъ второстепенной роли земледѣлія въ Новгородской области, потому что о пашнѣ въ ней прямо и не говорится, и много вниманія посвящается другимъ угодьямъ. Наконецъ, какъ на пятое доказательство того же, можно указать на тотъ фактъ, что по писцовымъ книгамъ конца XV вѣка были мѣстности, гдѣ совсѣмъ не существовало земледѣлія: такъ, въ Вотской пятинѣ очень значительная территорія была положена не въ обжи и въ сохи, а въ луки, какъ мы то видѣли на сѣверѣ: такихъ луковъ считалось во всей пятинѣ 3.020.

Гораздо важнѣе земледѣлія, изъ продуктовъ котораго наиболѣе цѣнились лишь техническія растенія—ленъ и конопля,—было скотоводство, и это опять-таки напоминаетъ намъ кіевскую Русь. Если мы раскроемъ ту же духовную Климента XIII вѣка, то увидимъ, что скотъ—лошади, свиньи и овцы—составлялъ одно изъ главныхъ богатствъ завѣщателя. Далѣе: во всѣхъ почти договорахъ Новгорода съ князьями находимъ условіе, опредѣляющее права князя относительно пользованія «пожнями» или сѣнокосами: это условіе не было бы вносимо въ договоры, если бы скотоводство не было значительнымъ. На значительное количество скота въ крестьянскомъ и боярскомъ хозяйствѣ Псковской области указываютъ и невысокія цѣны его, показанныя въ Псковской судной грамотѣ: овца цѣнилась въ половинѣ XV вѣка на наши деньги въ 5 рублей, баранъ въ 3 рубля. Наконецъ,—и это главное—писцовыя книги конца XV вѣка свидѣтельствуютъ, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ въ Новгородской землѣ сѣнокосныхъ угодій было гораздко больше, чѣмъ то было нужно для прокорма рабочаго скота, необходимаго для земледѣлія. Дѣло въ томъ, что тогда нормальными для *земледѣльческаго* хозяйства признавались размѣры пахотной земли, въ десять разъ бо́льшіе, чѣмъ количество луговой. Между тѣмъ, напр., въ Шелонской пятинѣ пашня менѣе, чѣмъ въ 6 разъ, превосходила размѣрами сѣнокосныя угодья. Очевидно, скотоводство не играло здѣсь служебной роли по отношенію къ земледѣлію, а пользовалось самостоятельнымъ значеніемъ.

Въ то же время въ области Новгорода и Пскова продолжала сохранять важное значеніе добывающая промышленность, господство-

вавшая также, какъ намъ извѣстно, въ древнѣйшій періодъ русской исторіи. И въ изучаемое время однимъ изъ главныхъ и притомъ серьезныхъ занятій новгородцевъ и псковичей была охота. Въ 1270 году былъ изгнанъ изъ Новгорода князь Ярославъ Ярославичъ Тверской, причемъ новгородцы «исписаша на грамоту всю вину его». Въ чемъ же состояла эта вина? Вотъ въ чемъ главнымъ образомъ: «чему еси отъялъ Волховъ гоголными ловци, а поле отъялъ еси заячими ловци?» Такимъ образомъ злоупотребленіе гагачьей и звѣриной охотой считалось достаточнымъ основаніемъ для изгнанія князя: очевидно, охотѣ придавали весьма большое значеніе. Это легко усмотрѣть и изъ договоровъ Новгорода съ князьями: князья обязуются на охоту ѣздить въ Русу только осенью, а въ Ладогу лѣтомъ, причемъ обыкновенно даже не каждый годъ, а разъ въ три года; князь имѣлъ право бить дикихъ свиней за 60 верстъ отъ Новгорода, не дальше. Не меньшую важность имѣло рыболовство: въ Псковской судной грамотѣ много говорится о котечникахъ, т.-е. рыболовахъ, и исадахъ—рыболовныхъ селеніяхъ; новгородскіе князья, по договорамъ, имѣли право «въ Ладогу слать осетрьника»; многочисленные «рядки», находившіеся въ западной половинѣ Новгородской области, въ концѣ XV вѣка почти исключительно были населены рыболовами; въ городѣ Корелѣ въ то же время почти половина всего взрослаго мужского населенія (179 чел.) была занята рыбной ловлей; встрѣчались рыболовы и въ другихъ городахъ, напр. Ямѣ. Много занимались — далѣе — новгородцы и псковичи пчеловодствомъ: борти—одно изъ видныхъ угодій въ имѣніи Климента, по завѣщанію послѣдняго; о бортяхъ много говорится въ Псковской судной грамотѣ; новгородскіе князья посылали своего медовара въ Ладогу. Добываніе желѣза распространено было въ уѣздахъ Ямскомъ, Копорскомъ и отчасти Ладожскомъ. Наконецъ, соль добывалась, главнымъ образомъ, въ Русѣ и отчасти въ области Торжка, причемъ первыя извѣстія о солеваренiи въ Русѣ относятся къ XIII столѣтію, но оно продолжало существовать и развиваться и въ XV вѣкѣ.

Обрабатывающая промышленность въ области, непосредственно прилегавшей къ Новгороду и Пскову, въ самыхъ этихъ городахъ и ихъ пригородахъ, несомнѣнно, сдѣлала нѣкоторые и даже немалые успѣхи сравнительно съ кіевскимъ періодомъ, но въ общемъ можно сказать, что въ относительное значеніе ея въ ряду другихъ отраслей народнаго производства почти не измѣнилось: она имѣла очень скромное значеніе. Если не первое, то во всякомъ случаѣ одно изъ первыхъ мѣстъ по распространенности среди отдѣльныхъ вѣтвей обрабатывающей промышленности занимало производство издѣлій изъ металловъ: такъ, довольно часто встрѣчаются кузнецы, — въ Корелѣ, Ямѣ, Деревской, Шелонской и особенно Вотской пятинѣ; въ послѣдней, по писцовой книгѣ конца XV вѣка, ихъ насчитывается

до 48 человѣкъ. Въ Ямѣ встрѣчаемъ ковшечника. Въ Новгородѣ, по лѣтописи, еще въ XIII вѣкѣ упоминаются щитникъ и серебряникъ. Видную роль среди другихъ ремеслъ играло производство деревянныхъ издѣлій: плотничествомъ новгородцы славились, какъ извѣстно, еще въ кіевскій періодъ и не утратили этой славы и въ изучаемое время; плотники встрѣчаются въ Ямѣ, Ладогѣ, Вотской, Деревской, Шелонской пятинахъ; въ городахъ (напр., въ Ямѣ) видимъ лучниковъ; въ Вотской пятинѣ указаны 2 бердника, выдѣлывавшихъ бердни—родъ гребней въ ткацкихъ станкахъ; упоминаются неоднократно учанники, выдѣлывавшіе деревянныя лодки—учаны, токари, рѣшетники. Довольно дѣятельно обрабатывались продукты скотоводства,—кожи и шерсть: на это указываютъ извѣстія о сапожникахъ, кожевникахъ, скорнякахъ, сѣдельникахъ, овчинникахъ и опонникахъ, приготовлявшихъ опоны, т.-е. шерстяныя завѣсы или покрывала. Привлекала рабочія руки и выдѣлка одежды: довольно часто говорится о швецахъ и портныхъ, колпачникахъ и т. д. Наконецъ, изрѣдка встрѣчаются указанія на производство издѣлій изъ глины—гончарами—и изъ камня—жерновниками.

Воспринявъ отъ кіевской Руси основныя черты экономическаго быта, опредѣлявшія хозяйственную дѣятельность народной массы, новгородско-псковской край унаслѣдовалъ отъ того же историческаго періода и развилъ въ очень значительныхъ размѣрахъ и ту отрасль промышленности, которая питала и усиливала высшіе слои общества,—внѣшнюю торговлю. Доказательства этого весма многочисленны, и потому мы остановимся только на главнѣйшихъ изъ нихъ. Прежде всего въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе договоры Новгорода съ нѣмцами,—съ островомъ Готландомъ и Ганзейскими городами. Таковы договоры 1195 года, конца пятидесятыхъ годовъ XIII вѣка, 1270 года, самаго начала XIV столѣтія. Сюда же можно отнести и акты, подобные договорной грамотѣ Новгорода съ ганзейскими послами о нѣмецкихъ товарахъ, пограбленныхъ въ Новгородѣ; составленіе этой грамоты относится къ періоду времени между 1360 и 1387 годами. Все это договоры по существу своему чисто-торговые: въ нихъ опредѣляется порядокъ торговыхъ сношеній, устанавливаются торговый и общій судъ между иностранцами и новгородцами, а также нормы права, по которымъ должны вершиться судебныя дѣла, и т. д. Отъ начала XIV вѣка дошла проѣздная новгородская грамота ганзейскимъ купцамъ. Данныя, представляемыя всѣми этими источниками, пополняются донесеніями и грамотами нѣмецкаго купечества и администраціи нѣмецкихъ торговыхъ городовъ; любопытный матеріалъ, содержащійся въ этой перепискѣ, указываетъ, что новгородскіе купцы ѣздили торговать въ Нарву, Ревель, Дерптъ, Ригу, Данцигъ, на о. Готландъ, въ Любекъ, въ Або, Выборгъ и Стокгольмъ, что нѣмцы ввозили въ Новгородъ иногда хлѣбъ, и всегда соль, желѣзо, мѣдь, золото,

серебро, олово, свинецъ, краски, сукна (англійскія, фландрскія и нѣмецкія), полотна, металлическія издѣлія, вина, фрукты, конфекты, а вывозили оттуда, главнымъ образомъ, мѣха—собольи, бобровые, куньи, лисьи, хорьковые, горностаевые, медвѣжьи, волчьи, заячьи, бѣличьи,—воскъ и медъ, ворвань, свиное сало, ленъ и коноплю, что, наконецъ, внѣшняя торговля нерѣдко сопровождалась кредитными сдѣлками. О развитіи кредита свидѣтельствуетъ также и особый источникъ, весьма цѣнный во многихъ отношеніяхъ: это такъ называемая «Рижская долговая книга». Далѣе: на первостепенное значеніе внѣшней торговли въ хозяйственной жизни Новгорода указываютъ договоры Новгорода съ князьями, въ которыхъ содержатся условія, что князь долженъ торговать въ Нѣмецкомъ дворѣ непремѣнно черезъ новгородца и не имѣетъ права приставлять приставовъ къ этому двору или затворять его, и что въ Суздальской землѣ нельзя брать пошлинъ съ товаровъ выше опредѣленной нормы. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ, начиная съ 1188 года, постоянно встрѣчаются извѣстія о торговлѣ съ нѣмцами. Только что приведенное условіе договоровъ Новгорода съ князьями о пошлинахъ въ Суздальской землѣ указываетъ на торговыя сношенія Новгорода съ бассейномъ Оки и верхней Волги. Сношенія эти съ XIII вѣка сильно оживились, въ чемъ убѣждаетъ цѣлый рядъ наблюденій: по лѣтописямъ и договорамъ съ князьями, новгородское купечество посѣщало Суздаль, Переяславль - Залѣсскій, Кострому, Тверь, весь такъ называемый Низовскій край; въ 1273 году вслѣдствіе ссоры новгородцевъ съ низовцами «у гостинниковъ по низовской земли товаръ отъимаша»; особенно краснорѣчивыми свидѣтелями въ пользу сильнаго развитія торговли Новгорода съ бассейномъ Оки и верхней Волги являются два лѣтописныхъ извѣстія: одно, относящееся къ 1216 году, сообщаетъ, что въ Переяславль - Залѣсскій пріѣхали новгородскіе и смоленскіе купцы, причемъ послѣднихъ, т.-е. смоленскихъ, было всего 15, тогда какъ число первыхъ, пріѣхавшихъ изъ Новгорода, простиралось до 150-ти; по другому извѣстію, въ 1214 году одинъ новгородскій князь, поссорившись съ вѣчемъ, захотѣлъ перерѣзать пути новгородской торговли съ Низовской землей и, занявъ Торжокъ, «гостей болѣ дву тысячъ изыма». Продолжалось, наконецъ, и торговое движеніе на югъ Россіи, въ бассейнъ Днѣпра: въ 1225 году князь Михаилъ Всеволодовичъ, уходя изъ Новгорода княжить въ Черниговъ, сказалъ новгородцамъ: «гость ко мнѣ пускайте»; договоръ съ великимъ княземъ литовскимъ Казимиромъ IV указываетъ на старинныя, не прерывавшіяся и въ XV вѣкѣ, торговыя сношенія между новгородцами, съ одной стороны, и литовцами, витблянами, полочанами, смольнянами и кіевлянами—съ другой.

Переходя къ торговлѣ внутренней, необходимо прежде всего напомнить о торговыхъ поѣздкахъ новгородскихъ купцовъ въ Обонежье, Заволочье и Югру. Говоря объ этихъ поѣздкахъ, мы указывали вмѣстѣ

съ тѣмъ на то, что онѣ не могли втянуть массу населенія цѣликомъ или хотя бы въ сколько-нибудь значительной степени въ торговый оборотъ, лишь поверхностно касались народнохозяйственныхъ отношеній. Это же приходится повторить и собственно объ областяхъ ближайшихъ къ Новгороду и Пскову. Конечно, не подлежитъ сомнѣнію извѣстное развитіе здѣсь внутренней торговли, первымъ доказательствомъ котораго можно признать ростъ городовъ и рядковъ: нѣтъ сомнѣнія, что Новгородъ и Псковъ были большими по тому времени городами; Новгородъ даже въ пору, когда онъ сталъ падать, — въ 1545 году, имѣлъ тысячъ 25 населенія; Псковъ постепенно росъ и расширялся: сначала онъ состоялъ только изъ двухъ концовъ, не считая Крома, — Боловинскаго и Торговскаго, а въ XV вѣкѣ къ нимъ прибавилось еще четыре: Городецкій, Опоческій, Остролавецкій и Богоявленскій; намъ уже извѣстно постепенное увеличеніе числа псковскихъ и новгородскихъ пригородовъ; что касается рядковъ, то ихъ число къ концу XVI вѣка дошло до 42. Вторымъ доказательствомъ развитія внутренней торговли является преобразованіе новгородской и псковской денежной системы. Отъ кіевской Руси Новгородъ и Псковъ унаслѣдовали вѣсовую (нечеканную) денежную единицу—гривну серебра въ фунтъ вѣсомъ и мѣнявшуюся въ размѣрахъ гривну кунъ изъ низкопробнаго, нечистаго серебра. Но въ 1411 г., очевидно, вслѣдствіе оживленія внутренняго обмѣна новгородцы «начаша торговати промежи себе лобцы (вѣрнѣе: любцы, нѣмецкая монета, чеканенная въ Любекѣ) и гроши литовьскими и артуги нѣмецкими, а куны отложиша»; итакъ, вмѣсто старой вѣсовой единицы были приняты иностранныя чеканныя монеты; такъ продолжалось однако не долго, всего 9 лѣтъ, и въ 1420 году «начаша новгородцы торговати деньги серебряными, а артуги попродаша нѣмцемъ». Старая серебряная гривна (гривна серебра, а не гривна кунъ) была разрублена пополамъ, и получился рубль, причемъ рубли стали чеканиться. Въ 1424 году и во Псковѣ «деньги сковаша». Но какъ ни важны всѣ эти факты, уже они, при внимательномъ ихъ анализѣ, убѣждаютъ, что развитіе внутренней торговли не слѣдуетъ преувеличивать: прежде всего ростъ такихъ городовъ. какъ Новгородъ, Псковъ, Ладога, объясняется не столько внутренней, сколько внѣшней торговлей; затѣмъ были города и рядки, совсѣмъ не имѣвшія торговаго населенія или имѣвшіе его въ самомъ незначительномъ количествѣ: таковы были рядки западной половины Новгородской области; таковы были пригороды Демань и Высокій, гдѣ совершенно не было торговцевъ; но и въ большей части другихъ новгородскихъ пригородовъ ихъ было мало. Что касается денежной системы, то самый фактъ столь поздняго ея преобразованія указываетъ уже на слабость внутренней торговли. Но есть и другія данныя, показывающія, что хозяйство новгородско-псковскаго края продолжало оставаться натуральнымъ въ теченіе всего изучаемаго періода. Важ-

нѣйшимъ изъ этихъ данныхъ являются свѣдѣнія о формахъ оброка, уплачивавшагося новгородскими крестьянами землевладѣльцамъ въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка: въ Вотской пятинѣ въ концѣ XV вѣка 91% всѣхъ крестьянъ платили оброкъ натурой и только 9% деньгами, а въ 1539 г. денежный оброкъ платили даже только $6^1/_2$% крестьянъ; въ Шелонской пятинѣ въ то же время лишь 10—11% всѣхъ крестьянъ обязаны были денежнымъ оброкомъ и т. д. Господство натуральныхъ платежей—естественный результатъ безобмѣннаго хозяйства.

Мы можемъ теперь формулировать первый общій выводъ, касающійся экономическаго быта вольныхъ городскихъ общинъ удѣльной Руси: *народныя массы попрежнему занимались по преимуществу добывающей промышленностью, хотя сельское хозяйство и отчасти обрабатывающая промышленность и сдѣлали существенные успѣхи; высшіе и отчасти средніе слои населенія развили до очень большихъ размѣровъ внѣшнюю торговлю, но торговля внутренняя развивалась медленно, хозяйство оставалось натуральнымъ.*

Результаты изслѣдованія вопроса объ относительномъ значеніи разныхъ отраслей промышленности въ отдѣльныхъ частяхъ владѣній вольныхъ городскихъ общинъ удѣльной Руси проливаютъ свѣтъ на другой вопросъ,—о *формахъ землевладѣнія* въ этихъ владѣніяхъ. Само собою разумѣется, бассейны Мезени и Печоры не подлежатъ съ этой точки зрѣнія нашему изученію, такъ что надо остановиться лишь на трехъ остальныхъ колонизаціонныхъ районахъ.

Ключа для пониманія исторіи землевладѣльческихъ отношеній на сѣверѣ,– въ частности въ Обонежской пятинѣ, въ Двинской, Важской и Пермской земляхъ, надо искать въ способахъ первоначальной оккупаціи земли при заселеніи края. Мы уже знаемъ, что въ мѣстной колонизаціи довольно видную роль играли бояре, новгородскій архіепископъ и монастыри. Понятно, что это должно было привести и дѣйствительно привело къ образованію значительнаго количества боярскихъ, монастырскихъ и архіерейскихъ земельныхъ владѣній путемъ простой оккупаціи. Когда шла рѣчь о колонизаціи, были уже приведены относящіеся сюда факты о владѣніяхъ Своеземцевыхъ, Борецкихъ и новгородскаго владыки. Мѣстные монастыри, какъ Николаевскій-Корельскій, Николаевскій-Чухченемскій, Антоніевъ-Сійскій также захватывали, оккупировали землю. Но было бы ошибочно думать, что оккупація незанятыхъ земель была единственнымъ способомъ увеличенія боярскаго, архіерейскаго и монастырскаго землевладѣнія: многочисленные акты-купчія, закладныя, данныя, духовныя грамоты—показываютъ, что другимъ способомъ являлось пріобрѣтеніе крестьянскихъ земель, заселенныхъ ранѣе отдѣльными колонистами независимо отъ архіепископа, монастырей и бояръ. Такъ изъ 14 поселеній, которыми въ 1554 г. владѣлъ на Двинѣ Николаевскій-Корельскій монастырь, до 11 было

пріобрѣтено именно этимъ вторымъ способомъ, а не путемъ оккупаціи свободныхъ земель. Говоря объ архіерейскомъ и боярскомъ землевладѣніи на сѣверѣ, мы должны однако замѣтить, что оно здѣсь было явленіемъ поверхностнымъ, случайнымъ и отчасти временнымъ. Примѣсь архіерейскихъ и боярскихъ земель была поверхностной, потому что она не повела къ коренной перестройкѣ тѣхъ отношеній крестьянъ къ землѣ, о которыхъ рѣчь пойдетъ у насъ сейчасъ: бояре и владыка пріобрѣли лишь высшее право на землю, подобное праву удѣльныхъ князей на всю территорію ихъ княжества или такъ называемому dominium directum или eminens феодальныхъ сеньоровъ Западной Европы. Но появленіе этой боярской вотчины было еще случайнымъ: это потому, что она была создана не столько мѣстными экономическими условіями, сколько хозяйственными особенностями собственно - новгородскаго края: только пріобрѣтеніе капиталовъ посредствомъ торговой дѣятельности доставило новгородскимъ боярамъ и владыкѣ необходимыя для покупки, захвата и заселенія земель средства. Наконецъ, временнымъ надо признать развитіе боярской и архіепископской вотчины на сѣверѣ по той причинѣ, что съ паденіемъ новгородской вольности въ концѣ XV вѣка эта вотчина была вырвана съ корнемъ Иваномъ III и замѣнена крестьянскимъ, такъ называемымъ чернымъ землевладѣніемъ, причемъ высшее право собственности на землю стало принадлежать московскому государю.

Но кромѣ монастырей, архіепископа и бояръ свободныя земли на сѣверѣ оккупировались еще крестьянами или смердами. Мы должны теперь остановиться на одномъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ въ исторіи сѣвернаго и даже не одного только сѣвернаго землевладѣнія, на вопросѣ о способѣ крестьянской оккупаціи земли. Надо рѣшить, какъ занимали дѣвственную землю крестьяне, отдѣльными ли семейными поселками или болѣе обширными союзами? Нельзя сказать, чтобы всѣ изслѣдователи давали одинаковый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Нѣкоторые полагаютъ, что первоначальной землевладѣльческой единицей была исключительно деревня или село, состоявшее обыкновенно изъ одного двора или печища, въ которомъ жила одна болѣе или менѣе обширная крестьянская семья, и къ которому «тяготѣла извѣстная совокупность земельныхъ угодій, притянутая къ этому центру трудовымъ захватомъ», что и выражалось въ постояно встрѣчающихся словахъ грамотъ: «изъ котораго села которыя мѣста дѣлали», «куда топоръ коса и соха ходила», «куда рука ходила», «что къ той деревнѣ изстари потягло». И въ самомъ дѣлѣ: читая документы касающіеся заселенія сѣвернаго края, легко убѣдиться, что обычнымъ типомъ колонизаціи здѣсь было именно поселеніе одинокаго крестьянина съ его семьей на пустомъ мѣстѣ среди болотъ и лѣсовъ. Сплошь и рядомъ встрѣчаются указанія, что тотъ или иной крестьянинъ «посѣче лѣсъ и многа древеса, яко ту селитву себѣ сотворитъ» или «завелъ новое мѣсто роспашное».

Все это настолько несомнѣнно, что не отрицается никѣмъ; разногласіе состоитъ лишь въ томъ, что многіе не признаютъ однодворную деревню *единственнымъ* типомъ оккупаціи свободной земли, наряду съ ней допускаютъ оккупацію, совершавшуюся болѣе обширными и притомъ некровными союзами. Предполагаютъ, что землю занимали «цѣлыя дружины, военныя артели» и «образовывали не отдѣльныя печища, а группы деревень». Это предположеніе цѣликомъ опирается на позднѣйшія наблюденія: въ XVII вѣкѣ бывали случаи заимки земли цѣлыми артелями, образовывавшими сразу или деревню въ нѣсколько дворовъ или даже группу деревень; затѣмъ въ то же время на сѣверѣ существовали такъ называемыя волостки, которыя, представляя собою соединеніе ряда деревень, отличались однако отъ тяглыхъ волостей, административнаго дѣленія, введеннаго московскимъ правительствомъ; эти волостки, по мнѣнію изслѣдователей, держащихся излагаемыхъ сейчасъ взглядовъ, и являются остатками артельной колонизаціи. Надо однако замѣтить, что данныя о массовой заимкѣ земель въ XVII вѣкѣ неубѣдительны въ данномъ случаѣ, потому что позднѣйшая колонизація совершалась въ условіяхъ существенно отличныхъ отъ древнѣйшей: населеніе увеличилось, удобныхъ мѣстъ стало меньше. Военная колонизація также едва ли возможна въ древнее время, потому что совершенно не осталось никакихъ воспоминаній о борьбѣ съ инородцами: очевидно происходило мирное смѣшеніе и ассимиляція финской и славянской народностей. Наконецъ, волостки, какъ показываютъ нѣкоторые источники, образовались позднѣе, путемъ соединенія деревень въ одно хозяйственное цѣлое вслѣдствіе земельной тѣсноты и смѣшенія угодій: писцовыя книги нерѣдко свидѣтельствуютъ что «деревни крестьяне снесли въ одно мѣсто», что они «спустили пашню содного» и т. д. Нельзя, конечно, отрицать, что иногда заимка производилась и нѣсколькими лицами разомъ: мы имѣемъ, напр., документъ, свидѣтельствующій, что пятеро двинянъ около 1524 года оккупировали землю по рѣчкѣ Юрѣ за Двиной. Но изъ этихъ отдѣльныхъ случаевъ, стоящихъ въ противорѣчіи съ раннимъ матеріаломъ, который обыкновенно даетъ однодворные поселки, не слѣдуетъ дѣлать поспѣшныя обобщенія: они не были типичнымъ, характернымъ явленіемъ: *господствовали однодворные, семейные крестьянскіе поселки.*

Этотъ выводъ имѣетъ съ нашей точки зрѣнія первостепенное значеніе, потому что позволяетъ связать сѣверное крестьянское землевладѣніе генетическими узами съ землевладѣніемъ смердовъ въ кіевскій періодъ: мы видѣли въ свое время, что тогда владѣльческой единицей являлась отдѣльная крестьянская семья; то же мы наблюдаемъ и сейчасъ на сѣверѣ. Преемство несомнѣнно тѣмъ болѣе, что сходство не ограничивается одной только что указанной чертой: какъ намъ извѣстно, крестьянская семья кіевскаго періода не сознавала себя прочной собственницей земли, временно занимала ее въ предѣлахъ верви, земле-

пользованіе было вольнымъ; непрочность владѣльческихъ правъ крестьянина по отношенію къ землѣ наблюдается до нѣкоторой степени и на сѣверѣ въ удѣльное время: земля считалась Божьей да новгородской, а крестьянину принадлежало лишь «посилье», трудъ, вложенный въ землю, и по этому труду пользованіе землею. Любопытно притомъ—и это представляетъ первое существенное отличіе сѣвернаго крестьянскаго землевладѣнія отъ землевладѣнія смердовъ кіевскаго періода,—что права перваго поселенца, оккупировавшаго землю, и его кровныхъ правопреемниковъ считались болѣе прочными, чѣмъ права позднѣйшихъ заимщиковъ или покупщиковъ, хотя бы первоначальной вотчинникъ или его потомки и бросили занятую ими землю: позднѣйшіе покупатели и заимщики оставались лишь временными держателями земли «до вотчинника». Вотъ нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ это положеніе: въ 1537 году Комаровъ далъ въ церковь св. Георгія свою землю въ Кехтѣ, которую ему заложилъ и продалъ Инаръ; «а выищется вотчичъ, и волощаномъ приходу св. Егорія деньги взять св. Егорію въ домъ, а земля ему отдать»; въ 1542 г. двое братьевъ Прощелыкиныхъ и двое Лукиныхъ дали часть своей деревни, куплю ихъ отцовъ, въ ту же церковь; «а выступитъ вотчичъ каковъ съ выкупомъ да выкупитъ у насъ деревни, и св. Георгію отступитись тое земли безденежно» и т. д. Очевидно, *старинное вольное или захватное, кочевое землепользованіе исчезло*: каждая семья уже не переселяется постоянно, захватывая себѣ для хозяйственной эксплоатаціи на непродолжительный срокъ любой участокъ земли,—она осѣдаетъ довольно прочно, болѣе опредѣленнымъ образомъ и надолго размежевывается съ сосѣдями. Причина этой перемѣны кроется въ ростѣ населенія и естественныхъ условіяхъ сѣвернаго края, гдѣ суровость климата и скудость почвы, малоудобной для земледѣлія, исключаютъ возможность широкаго простора и требуютъ отъ каждой хозяйственной единицы столь напряженнаго труда, что она неохотно разстается съ облюбованнымъ участкомъ и, даже разставшись, всегда сохраняетъ юридическую возможность къ нему возвратиться, несмотря на совершенный актъ отчужденія. То обстоятельство, что земля въ изучаемый періодъ отчуждается, становится объектомъ свободнаго гражданскаго оборота, также доказываетъ исчезновеніе древнѣйшаго вольнаго землепользованія.

Итакъ, землей на сѣверѣ большею частью владѣла отдѣльная крестьянская семья, прочно усѣвшаяся притомъ на опредѣленномъ участкѣ. Какъ и раньше, семья эта очень часто не дѣлилась, владѣла землей сообща и жила вся въ одномъ дворѣ. Работа въ такомъ случаѣ производилась общими силами, а дѣлились лишь продуктомъ, причемъ основаніемъ для раздѣла продукта служила степень кровной, родственной близости къ основателю двора, родоначальнику семьи. Возьмемъ простѣйшій схематическій примѣръ. Предположимъ, что у этого родоначальника—перваго поселенца было два сына. Очевидно, каждому изъ

нихъ, при совмѣстномъ веденіи хозяйства по смерти отца, должна была достаться половина продукта. Допустимъ далѣе, что въ третьемъ поколѣніи произошла такая перемѣна: у одного изъ сыновей родоначальника былъ одинъ сынъ, а у другого двое; очевидно, на долю перваго придется половина продукта, а на долю двухъ послѣднихъ лишь по четверти и т. д., такъ что съ размноженіемъ семьи доли въ каждомъ послѣдующемъ поколѣніи дробились все больше, и доля одного не равнялась долѣ каждаго изъ другихъ. До какой степени доходило иногда дробленіе, видно, напр., изъ одного акта 1572 года, гдѣ доля одного изъ совладѣльцевъ составляла всего $^1/_{24}$ часть цѣлаго. Эта крайняя дробность, неравенство долей, наконецъ, появившееся стремленіе личности освободиться изъ-подъ опеки кровнаго союза содѣйствовали стремленію отдѣльныхъ членовъ семьи къ хозяйственной самостоятельности. Первымъ выраженіемъ такого стремленія было пріобрѣтеніе каждымъ членомъ семьи права продавать, закладывать, дарить и завѣщать свои права на долю общаго продукта постороннимъ, чужимъ людямъ, чужеродцамъ. Путемъ такихъ сдѣлокъ въ составъ семейнаго союза или двора проникли элементы неродственные, и такой осложнившійся чужеродными примѣсями союзъ пріобрѣлъ характеръ товарищества совладѣльцевъ или, какъ тогда говорили, сябровъ (шабровъ), складниковъ, сосѣдей. Но и эти сябры, складники или сосѣди даже въ XVI и XVII вѣкахъ иногда не дѣлились землей, вели хозяйство совмѣстно и распредѣляли по долямъ лишь продуктъ. Мы имѣемъ, напр., купчую 1511 года, по которой Овцынъ купилъ у Паюсова «треть земли Истоцкіе», «а та треть земли вся съ Павломъ съ Карповымъ сыномъ не въ раздѣлѣ». Или въ 1593 г. братья Михайловы продали въ монастырь $^1/_4$ деревни, «а та земля, и дворъ, и пожни, и всѣ угодья, и поскотина съ Дмитріемъ съ Трофимовымъ вмѣстѣ не въ дѣлу». Но чужеродцы, конечно, еще болѣе, чѣмъ родственники, тянули врозь, и въ результатѣ получился уже не дѣлежъ продукта, а раздѣлъ самой земли, сначала временный, предполагавшій возможность новаго передѣла, нерѣдко и осуществлявшагося. Въ 1589 г. была куплена въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ шестая доля деревни, «а та земля съ складниками за межами, а не въ росписѣ»: это значитъ, что складники раздѣлились не окончательно, сохранили право новаго передѣла. Другіе акты даютъ право толковать этотъ текстъ именно въ такомъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что «росписать» землю значило окончательно и навсегда раздѣлить ее между складниками, уничтожить самый фактъ совладѣнія и возможность дальнѣйшихъ передѣловъ, отдѣлить владѣнія прежнихъ совладѣльцевъ постоянными, дерновыми межами, тогда какъ подлежавшія передѣлу складническія полосы отдѣлялись одна отъ другой простыми кольями, почему о временномъ передѣлѣ говорили, что идутъ «вервити деревню на уколотъ». Характеренъ въ этомъ отношеніи одинъ документъ 1631 года, показывающій, что еще въ столь позднее

время, какъ тридцатые годы XVII вѣка, существовали временные складническіе передѣлы; въ немъ между прочимъ говорится, что «уложили и излюбили складники все Кононовскія деревни въ Кононовской деревнѣ горнюю землю и луговую, орамую и пожни вервити и жеребьевати по долемъ»; далѣе упоминается о «новомъ» и «старомъ дѣлѣ» и о перестановкѣ «межнаго колья». Наконецъ, отъ временнаго раздѣла земли не трудень и не дологъ былъ уже переходъ къ полному и окончательному раздѣлу, т.-е. къ подворно-наслѣдственному владѣнію безъ передѣловъ. Впрочемъ, и этотъ переходъ часто совершался не сразу: союзъ сябровъ дробился иногда на части не по числу отдѣльныхъ семей въ современномъ смыслѣ этого слова, а на болѣе крупныя, чѣмъ союзъ родителей и дѣтей, хозяйственныя единицы. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна одна дѣловая грамота сольвычегодскихъ складниковъ, составленная въ 1572 году: здѣсь *семеро* складниковъ дѣлятъ принадлежащую имъ землю на *четыре* части, причемъ двѣ изъ этихъ частей достались каждая одному складнику, третьей частью стали совмѣстно владѣть трое, четвертой двое. Но еще чаще раздѣлъ производился до конца, складство окончательно прекращалось.

Таковъ былъ процессъ развитія крестьянскаго землевладѣльческаго права на сѣверѣ въ изучаемое время и даже значительно позднѣе. Ясны причины, содѣйствовавшія, съ одной стороны, сохраненію значительной массы земли за крестьянами, съ другой—замѣнѣ вольнаго землевладѣнія сябриннымъ: первое—результатъ почти безраздѣльнаго господства добывающей промышленности, дававшей возможность крестьянину сохранять хозяйственную самостоятельность, потому что добывающая промышленность почти не требовала капитала; второе—слѣдствіе роста населенія и плохихъ естественныхъ условій края, не открывавшихъ простора для кочевого землепользованія.

Много общаго съ изслѣдованными сейчасъ явленіями представляютъ собою формы землевладѣнія на крайнемъ сѣверо-западѣ новгородскихъ владѣній,—на Мурманскомъ, Терскомъ и Поморскомъ берегахъ. Здѣсь совсѣмъ не существовало земледѣлія, и господствовали солевареніе и рыболовство съ примѣсью скотоводства. Понятно, что результатомъ этого явилось преобладаніе крестьянскаго землевладѣнія въ образовавшихся тутъ волостяхъ Колѣ, Варзугѣ, Умбѣ, Ковдѣ, Керети, Кеми, Сумѣ, Шуѣ. Но наряду съ этимъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ на сѣверѣ, стали пріобрѣтать себѣ отдѣльные участки путемъ покупки или пріема въ даръ и залогъ монастыри, какъ Печенгскій, Соловецкій, Кирилловъ-Бѣлозерскій, Сійскій и т. д.

Мы видѣли, какъ сильно содѣйствовала новгородская внѣшняя торговля развитію землевладѣнія новгородскихъ бояръ на сѣверѣ. Еще могущественнѣе было вліяніе того же экономическаго фактора на поземельныя отношенія въ предѣлахъ собственно новгородской области. Нѣтъ сомнѣнія, что исходнымъ пунктомъ исторіи формъ землевладѣнія,

здѣсь существовавшихъ, были явленія, знакомыя намъ по изученію сѣвернаго землевладѣнія, что еще въ XII и даже отчасти въ XIV вѣкѣ, если не большая часть, то во всякомъ случаѣ много земли сосредоточивалось въ рукахъ простыхъ черныхъ людей. Это видно по сохранившимся въ значительномъ количествѣ отъ XIII, XIV и даже XV столѣтій новгородскимъ купчимъ, закладнымъ, даннымъ и духовнымъ грамотамъ, типическимъ примѣромъ которыхъ можетъ служить хотя бы извѣстное уже намъ завѣщаніе Климента. То же засвидѣтельствовано и писцовыми книгами конца XV вѣка, въ которыхъ показаны между прочимъ владѣнія земцевъ или своеземцевъ, т.-е. черныхъ людей, имѣвшихъ собственную землю. Правда, эти владѣнія не были уже въ то время велики: напримѣръ, въ Вотской пятинѣ они занимали $8^1/_2{}^0/_0$ всей площади, въ Шелонской $7^0/_0$, въ Деревской даже менѣе $4^1/_2{}^0/_0$, но любопытно, что еще въ столь позднее время сохранились небольшіе остатки старины. Что это дѣйствительно были остатки старины, подтверждается еще тѣмъ, что земцы часто были, по свидѣтельству писцовыхъ книгъ, сябрами, сосѣдями, т.-е. совладѣльцами, какъ то было и на сѣверѣ. И въ Псковской ссудной грамотѣ говорится о «многихъ сябрахъ», владѣющихъ землей. Понятно, почему мелкое крестьянское землевладѣніе сначала господствовало, а затѣмъ, хотя и сократилось весьма сильно, но не вполнѣ исчезло: преобладаніе первоначальныхъ отраслей промышленности, не требовавшихъ большого капитала, давало достаточную хозяйственную самостоятельность крестьянамъ. Далѣе: можно наблюдать въ новгородско-псковскомъ краѣ постепенный и послѣдовательный, довольно сильный ростъ монастырскаго землевладѣнія,— явленіе, также знакомое намъ изъ исторіи крайняго сѣвера. Этотъ ростъ совершался очень часто путемъ вклада или завѣщанія, типическими примѣрами чего являются вкладная грамота Варлаама Хутынскаго и духовная грамота Антонія Римлянина, отдавшихъ свои земли въ основанные ими монастыри. Такое дареніе или завѣщаніе земельныхъ владѣній въ монастыри вполнѣ понятно въ обществѣ, которое жило почти исключительно при натуральномъ хозяйствѣ: земля оставалась наиболѣе значительной и самой распространенной цѣнностью такъ что естественно и являлась наиболѣе удобнымъ средствомъ стяжать себѣ молитвы монашествующей братіи для достиженія царства небеснаго. Но уже отъ XIII и XIV вѣковъ дошли до насъ закладныя и купчія, показывающія, что монастыри пріобрѣтали земли и путемъ пріема въ залогъ и покупки. Здѣсь мы встрѣчаемся уже съ силой капитала, который, не превративъ хозяйства страны изъ натуральнаго въ денежное. явился, однако, очень сильной примѣсью къ натурально-хозяйственной системѣ, создалъ спросъ на землю, повысилъ цѣну послѣдней и тѣмъ вызвалъ обезземеленіе массы смердовъ, прельстившейся заманчивой надеждой разомъ получить на руки нѣкоторую сумму денегъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, несмотря даже на

два раза повторенную Иваномъ III конфискацію большей части монастырскихъ земель, въ концѣ XV вѣка владѣнія монастырей были значительны: въ Вотской пятинѣ подъ ними было 6% всей площади, въ Шелонской около 5%, въ Деревской даже до 13%. Совершенно аналогичнымъ порядкомъ и подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ шла исторія вотчинъ владыки или архіепископа новгородскаго, который въ концѣ XV вѣка владѣлъ въ трехъ пятинахъ—Вотской, Шелонской и Деревской—2.000 десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей одной пахотной земли.

Но уже въ XIII вѣкѣ въ лѣтописяхъ встрѣчаются неоднократныя указанія на боярскія села. Очевидно, и высшій слой новгородскаго общества,—бояре, прилагалъ свои громадные капиталы къ пріобрѣтенію земель. Лучшимъ доказательствомъ того, что не одна заимка была источникомъ боярскаго землевладѣнія, служитъ крайняя чересполосность, разбросанность владѣній бояръ: такъ, бояринъ Захаръ Овинъ и его сынъ Иванъ въ Деревской и Вотской пятинахъ обладали землями, разбросанными болѣе, чѣмъ въ 20-ти мѣстахъ. Будь боярскія владѣнія результатомъ простой оккупаціи свободныхъ земель,—они лежали бы сплошь, какъ то было, напримѣръ, съ владѣніями Своеземцевыхъ на Вагѣ: чересполосность, разбросанность — слѣдствіе пріобрѣтенія земель по частямъ путемъ покупки и пріема въ залогъ. Не даромъ также договорныя грамоты Новгорода съ князьями включаютъ въ себѣ условіе, обязывавшее князей и ихъ бояръ не покупать земель въ Новгородной области: очевидно, покупка селъ была обычнымъ въ то время явленіемъ. Наконецъ, существовалъ еще способъ пріобрѣтенія земли, несомнѣнно примѣнявшійся въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ новгородскими боярами: это—пріемъ свободныхъ людей, владѣвшихъ землею, въ закладни. Недаромъ въ тѣхъ же договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями, съ цѣлью преградить князьямъ возможность обогатиться землею въ новгородскомъ краѣ, постоянно запрещается князьямъ держать гдѣ бы то ни было закладней. Закладни—это то же, что коммендаты въ средневѣковыхъ государствахъ Западной Европы: это лица, отдавшіяся подъ покровительство какого-либо сильнаго человѣка, подчинившіяся ему со своими землями въ податномъ и судебномъ отношеніяхъ. Въ результатѣ въ XV вѣкѣ до самаго паденія Новгорода боярская вотчина продолжала безраздѣльно господствовать, составляла подавляющую массу среди другихъ видовъ земельнаго владѣнія. Надо, однако, замѣтить, что, несмотря на чрезвычайную обширность, засвидѣтельствованную писцовыми книгами, боярское землевладѣніе не отличалось прочностью. Иванъ III однимъ ударомъ уничтожилъ его, и это служитъ лучшимъ доказательствомъ сравнительной слабости хозяйственнаго значенія внѣшней торговли—этой экономической основы боярскаго землевладѣнія: внѣшняя торговля не стояла въ органической связи съ хозяй-

этвеннымъ цѣлымъ страны, не претворила натуральнаго хозяйства въ денежное и потому не могла быть прочной опорой землевладѣльческихъ отношеній.

Переходя къ характеристикѣ *формъ хозяйства*, можно не различать отдѣльныхъ частей страны, потому что сѣверъ въ этомъ отношеніи близко сходился съ землями ближайшими къ Новгороду и Пскову. Притомъ формы добывающей промышленности не отличались существенно отъ формъ, въ какія отливалось земледѣльческое производство. На земляхъ, принадлежавшихъ крестьянамъ или своеземцамъ, главное значеніе принадлежало домашнему производству для собственнаго потребленія и силами своей семьи, обыкновенно безъ посторонникъ работниковъ. Впрочемъ, даже и въ крестьянскомъ (особенно въ земецкомъ) и тѣмъ болѣе владѣльческомъ—боярскомъ, монастырскомъ и архіерейскомъ хозяйствѣ не всегда обходились безъ наемнаго элемента: псковская судная грамота знаетъ наемъ на сельскія работы, упоминаетъ о «скотникѣ» или наемномъ пастухѣ, а также о подсусѣдникѣ, который, наряду съ неоднократно встрѣчающимися въ писцовыхъ книгахъ захребетниками и подворниками, былъ не чѣмъ инымъ, какъ батракомъ, работавшимъ за плату натурой. Владѣльческую пашню обрабатывали также холопы, которыхъ въ небольшомъ количествѣ перечисляютъ писцовыя книги; одинъ актъ XV вѣка знаетъ «одерноватыхъ», т.-е. полныхъ холоповъ, которые «емлютъ мѣсячину», т.-е. получаютъ пропитаніе за работу на господской пашнѣ, не имѣя своего участка. Но вообще, какъ о томъ свидѣтельствуютъ писцовыя книги, барская запашка не отличалась обширностью, наибольшіе ея размѣры не достигали и 40 десятинъ, что и естественно при натуральномъ хозяйствѣ и слабой доходности земледѣлія. Въ Псковской судной грамотѣ упоминается «закупень»,—очевидно, историческій потомокъ закупа «Русской Правды», лицо, заложившее себя за опредѣленный долгъ; едва ли онъ, однако, работалъ на господской пашнѣ: видно, что онъ пахалъ землю изъ извѣстнаго снопа. Крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, были свободными арендаторами, обязанными почти всегда однимъ только оброкомъ и почти никогда барщиной: это видно изъ писцоваго матеріала, да и Псковская судная грамота говоритъ объ изорникахъ, огородникахъ и котечникахъ, отдававшихъ землевладѣльцу долю продукта, хотя, по условіямъ земледѣльческаго производства, требовавшаго капитала, изорники и огородники обязывались уже и «покрутой», ссудой у землевладѣльцевъ. Чтобы заключить разсмотрѣніе вопроса о формахъ земледѣльческаго производства, остается еще сказать нѣсколько словъ о половникахъ, извѣстныхъ и изъ Псковской судной грамоты, и изъ актовъ, и изъ писцовыхъ книгъ. Такъ какъ съ половниками намъ не разъ еще придется встрѣтиться впослѣдствіи, при изученіи другихъ періодовъ русской исторіи и другихъ частей древней, отчасти даже и новой Россіи, то лучше всего теперь окон-

чательно уяснить себѣ смыслъ этого термина, пользуясь и позднѣйшими источниками, ясно изображающими половничество. Одинъ древній документъ прямо называетъ половниковъ «наемными людьми», но ближайшее изученіе вопроса заставляетъ признать половниковъ наймитами особаго рода, очень мало похожими на современныхъ батраковъ, близкими къ настоящимъ крестьянамъ-арендаторамъ: такъ, половники владѣли иногда хозяйственными постройками, покупали дворы, платили оброкъ помимо доли урожая (обыкновенно половины), имѣли своихъ наемныхъ людей-подворниковъ. Все это совершенно не вяжется съ современнымъ представленіемъ о батракѣ.

Псковская судная грамота доставляетъ намъ цѣнный матеріалъ для изображенія формъ обрабатывающей промышленности: мы встрѣчаемъ въ ней прежде всего свидѣтельство о наемномъ плотникѣ; на другую форму, несомнѣнно гораздо болѣе распространенную,—на форму ремесла указываетъ извѣстіе о платежѣ «учебнаго», т.-е. платы за обученіе ремеслу, ученикомъ мастеру. Наконецъ, существовала и третья форма—чисто-домашнее производство для собственнаго потребленія, о немъ можно заключать по писцовымъ даннымъ о приносѣ полотна крестьянами землевладѣльцамъ: очевидно, это было домотканное, приготовленное женскимъ трудомъ въ крестьянской избѣ полотно.

Формы торговаго товарищества, неразлучныя съ развитіемъ внѣшней торговли и зародившіяся, какъ мы видѣли, еще въ кіевской Руси, продолжали развиваться довольно быстро и сильно и въ вольныхъ городахъ удѣльнаго періода. Мы встрѣчаемъ въ Новгородѣ еще въ XII вѣкѣ товарищество купцовъ-торговцевъ воскомъ, организовавшееся около церкви св. Ивана на Опокахъ или на Петрятинѣ дворищѣ; это было товарищество на вѣрѣ или коммандитное, т.-е. такое, въ которомъ матеріальная отвѣтственность участниковъ простиралась лишь на сумму, внесенную въ общую кассу: эта сумма равнялась здѣсь 50 гривнамъ, взносъ которыхъ давалъ званіе «пошлаго», т.-е. настоящаго, полноправнаго купца. Но существовали и полныя товарищества, члены которыхъ несли матеріальную отвѣтственность всѣмъ своимъ имуществомъ. До насъ дошло достаточное количество извѣстій о новгородскихъ и псковскихъ купеческихъ компаніяхъ. «Купецкое сто» упоминается и въ завѣщаніи Климента XIII вѣка, и въ договорахъ Новгорода съ князьями XIII, XIV и XV столѣтій. Псковская судная грамота говоритъ о «сябреномъ серебрѣ купецкомъ или гостебномъ». Въ лѣтописяхъ встрѣчаются указанія на компанію заморскихъ купцовъ, т.-е. ѣздившихъ торговать за море, за границу, и на товарищество купцовъ-прасоловъ, торговцевъ скотомъ и продуктами скотоводства. По «Рижской долговой книгѣ»—очень любопытному нѣмецкому памятнику, до насъ дошедшему,—въ Новгородѣ были купеческія товарищества побережское, лубяницкое, данславское, чудинцевское. Нужды внѣшней торговли—главнымъ образомъ перевозка нѣмецкихъ

товаровъ—создали и артели лоцмановъ, сопровождавшихъ суда въ волховскихъ порогахъ, и лодочниковъ, разгружавшихъ корабли и перевозившихъ товары въ городъ.

Ростъ населенія, уменьшеніе земельнаго простора и развитіе внѣшней торговли вмѣстѣ съ ростомъ земледѣлія оказали также весьма существенное вліяніе на *систему* или *технику хозяйства*. Говоря вообще, можно подмѣтить въ этомъ отношеніи довольно ясные слѣды прогресса, постепенную, хотя, конечно, далеко не повсемѣстную, смѣну первобытныхъ хозяйственныхъ системъ нѣсколько болѣе совершенными. Это замѣтно уже въ добывающей промышленности, напримѣръ, въ пчеловодствѣ: въ кіевской Руси, какъ извѣстно, оно существовало только въ видѣ бортничества, т.-е. разведенія пчелъ въ дуплахъ лѣсныхъ деревьевъ, безъ особаго ухода за ними; бортничество и въ изучаемый періодъ господствовало, какъ убѣдительно свидѣтельствуютъ о томъ и писцовыя книги, и акты и Псковская судная грамота, но въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка попадаются указанія на ульи, т.-е. на переходъ къ болѣе интенсивной пчеловодной техникѣ. Впрочемъ, самая экономическая природа добывающей промышленности и слабая населенность тѣхъ частей новгородскихъ владѣній, гдѣ эта промышленность особенно преобладала, приводили къ тому, что техническіе успѣхи въ этой отрасли хозяйственной дѣятельности были наименѣе замѣтны. Наши источники позволяютъ намъ, напримѣръ, познакомиться съ техникой охоты, добыванія желѣза и соли, и нельзя не признать довольно низкаго уровня ея развитія. Такъ, путики — приспособленія для охоты за звѣремъ — были двухъ видовъ, — пасные и силовые: первые — это ямы, западни, вторые — силки. Перевѣсища—приспособленія для птичьей охоты—состояли изъ сѣтей, развѣшивавшихся между деревьями. Желѣзо добывалось самымъ примитивнымъ способомъ и обрабатывалось въ домницахъ, небольшихъ крестьянскихъ печахъ. Для добыванія соли прорывался колодезь, пробуравливалось къ соляному источнику отверстіе, въ которое вставлялась труба; черезъ трубу разсолъ выкачивался въ пренъ, большую сковороду, гдѣ соль выпаривалась. Остатки старой подсѣчной системы земледѣлія продолжали сохраняться и на сѣверѣ и даже въ собственно Новгородской и Псковской областяхъ: еще въ XV в. въ Псковской землѣ встрѣчается указаніе на лядины; употребленіе въ то же время деревяннаго большого плуга наряду съ болѣе легкой сохой также отзываетъ стариной. На сѣверѣ, по житіямъ святыхъ употреблялось еще болѣе примитивное орудіе,—мотыка, т.-е. палка съ желѣзнымъ наконечникомъ, или лопата. Но писцовыя книги конца XV вѣка не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ получила уже преобладаніе переложная система земледѣлія, когда сроки распашки отдѣльныхъ участковъ удлиняются, хотя пашня

составляетъ все еще незначительную часть пахотной земли сравнительно съ залежью, такъ что залежь или перелогъ возстановляетъ свои производительныя силы попрежнему естественнымъ путемъ отдыха, безъ всякаго удобренія. Мало того: въ XV вѣкѣ распространяется еще болѣе совершенная паровая-зерновая или трехпольная система земледѣлія, при которой подъ паромъ остается не болѣе половины, а въ болѣе развитомъ состояніи—не болѣе трети всей земли, причемъ паровое поле удобряется навозомъ, а два другихъ поля засѣваются, одно—озимымъ хлѣбомъ, по преимуществу рожью, а другое яровымъ,—овсомъ, пшеницей или ячменемъ. Такъ, въ Шелонской пятинѣ конца XV в. пашни было болѣе 37.000 десятинъ въ трехъ поляхъ, т.-е. паръ занималъ около 13.000 десятинъ, и сверхъ того было до 650 десятинъ перелогу. Что касается техники другой главной отрасли сельскаго хозяйства—скотоводства, то она отличалась еще болѣе первобытнымъ характеромъ: правда, встрѣчаются неоднократно извѣстія о разведеніи лошадей новгородскимъ владыкой, монастырями, боярами, которые имѣли для этого особые конскіе дворы съ конюхами, но хорошія породы лошадей пріобрѣтались обыкновенно изъ-заграницы, обычнымъ же типомъ собственно новгородскихъ лошадей были, по одному лѣтописному извѣстію, такъ называемыя «шкабаты» или клячи. На островъ Коневецъ, находящійся около западнаго берега Ладожскаго озера, въ XIV вѣкѣ перевозили на все лѣто для пастьбы скотъ, оставлявшійся здѣсь безъ всякаго призора. Это—типическій образецъ экстенсивной системы скотоводства, существующей еще и теперь кое-гдѣ на сѣверѣ Россіи: лѣтомъ, по окончаніи полевыхъ работъ, пускаютъ скотъ съ колокольчиками на шеѣ въ лѣсъ, гдѣ онъ и кормится самъ на полной свободѣ, пока осенью хозяева не розыщутъ его. Намъ уже извѣстно, насколько мало успѣховъ сравнительно съ кіевскимъ періодомъ сдѣлала въ изучаемое время обрабатывающая промышленность. Естественно, что и ея техническій уровень оставался попрежнему весьма низкимъ. Для примѣра можно указать на металлическое производство: мѣстныя техническія средства оказывались совершенно недостаточными, какъ только обнаруживалась потребность въ сколько-нибудь искусной и тонкой обработкѣ металловъ; такъ, мѣдныя двери Софійскаго собора были сдѣланы нѣмецкими мастерами и привезены изъ Германіи; въ XIV вѣкѣ для отливки колокола пришлось выписать мастера изъ Москвы; изъ Москвы же выписали псковичи мастера, который долженъ былъ покрыть свинцомъ кровлю Троицкаго собора въ 1420 году. Наибольшіе техническіе успѣхи выпали на долю внѣшней торговли. Новгородская торговля отличалась весьма важными особенностями отъ древнѣйшей русской: прежде всего она опиралась не на мѣстное производство, а на богатства другихъ мѣстностей; другими словами, новгородская торговля была передаточной, транспортной:

закупая въ центральной Россіи и забирая въ видѣ дани на сѣверѣ разные сырые продукты, новгородцы промѣнивали ихъ на заграничные товары; вторая характеристическая черта, отличавшая торговлю Новгорода и Пскова отъ древнѣйшей кіевской, заключается въ томъ, что въ этихъ вольныхъ городахъ удѣльной Руси для веденія торговыхъ операцій необходимы были уже предпринимательскіе труды, извѣстная коммерческая техника и значительный капиталъ, такъ какъ не дань уже, не даромъ достающіеся продукты служили главной составной частью товаровъ, предназначенныхъ для заграничнаго вывоза: эти товары необходимо было купить, добыть путемъ торговой эксплуатаціи ихъ производителей. Вотъ почему торговля и денежный капиталъ, несмотря на сохраненіе натуральнаго хозяйства, имѣли такое большое значеніе въ жизни вольныхъ городовъ удѣльнаго времени. Не слѣдуетъ, впрочемъ, преувеличивать значеніе этихъ перемѣнъ, какъ ни были онѣ важны: торговля отличалась въ общемъ старымъ ярмарочно-караваннымъ характеромъ, лишь нѣсколько смягченнымъ, и сопровождалась постоянными и самыми беззастѣнчивыми обманами: извѣстны жалобы нѣмецкихъ купцовъ, что новгородцы подмѣшивали въ воскъ сало, смолу, песокъ и даже камни, продавали поддѣльные мѣха, обрѣзывали шкурки, красили мѣха и проч.

Послѣдній вопросъ хозяйственной исторіи—это очень важный, но трудно разрѣшимый вопросъ о *распредѣленіи хозяйственныхъ благъ*. Находящіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы не даютъ возможности разрѣшить этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ, но приблизиться къ этой цѣли до нѣкоторой степени все-таки можно. Именно мы попытаемся опредѣлить, какую роль въ крестьянскомъ бюджетѣ того времени играло земледѣліе. Извѣстно изъ писцовыхъ книгъ конца XV вѣка, что запашка на крестьянскій дворъ въ новгородскихъ пятинахъ тогда рѣдко была меньше $2^1/_2$ десятинъ въ каждомъ полѣ и никогда почти не превышала 5 десятинъ. Главными обычными въ то время хлѣбами были озимая рожь и яровой овесъ. Средній урожай ржи равняется въ настоящее время 5—6 четвертямъ, а овса 7—8 четвертямъ съ десятины. Принимая во вниманіе слабую урожайность новгородской почвы, мы должны взять низшія нормы, т.-е. 5 четвертей для ржи и 7 для овса, такъ что оказывается, что новгородскій крестьянинъ въ среднемъ собиралъ отъ $12^1/_2$ до 25 ч. ржи и отъ $17^1/_2$ до 35 ч. овса. Но древняя четверть была вдвое менѣе современной, такъ что, переводя на древнія мѣры, мы получимъ для крестьянскаго участка урожай ржи въ 25—50 ч. и овса въ 35—70 ч. Владѣльческій оброкъ равнялся большею частью половинѣ урожая, причемъ землевладѣлецъ принималъ на себя и уплату государственныхъ налоговъ. Затѣмъ необходимо было оставить сѣмена для посѣва на слѣдующій годъ; такъ какъ сѣялось обыкновенно, какъ показываютъ отдѣльныя

указанія источниковъ, по 2 ч. ржи и по 4 ч. овса на десятину, то, слѣдовательно, надо было оставить отъ 5 до 10 ч. ржи и отъ 10 до 20 ч. овса на крестьянскій участокъ. Третій необходимый расходъ—это расходъ на потребленіе крестьянской семьи. До насъ дошли отъ XVI вѣка извѣстія о потребительной нормѣ въ 13 ч. ржи и въ 4 ч. овса въ годъ на человѣка. Будемъ, однако, умѣренны въ разсчетахъ и допустимъ, что этого количества ржи и овса было достаточно для прокормленія не одного человѣка, а средней крестьянской семьи, состоявшей изъ мужа, жены и двоихъ дѣтей. Складывая теперь всѣ необходимые расходы—на оброкъ съ налогами, на посѣвъ и на пропитаніе,—получаемъ общую сумму отъ 35½ до 48 ч. ржи и отъ 31½ до 59 ч. овса. Таковъ былъ пассивъ крестьянскаго земледѣльческаго бюджета. Сравнивая его съ активомъ, который равнялся, какъ было только что установлено, въ 25—50 ч. ржи и 35—70 ч. овса, получаемъ въ результатѣ для ржи въ лучшемъ случаѣ остатокъ въ 2 ч. въ годъ, а въ худшемъ громадный дефицитъ въ 10½ ч., а для овса остатокъ отъ 3½ до 11 ч. въ годъ. Принимая во вниманіе скудный размѣръ установленной сейчасъ потребительной нормы и необходимость для крестьянина платить еще такъ называемый мелкій доходъ земле владѣльцу и ключничій или приказчичій доходъ, можно сказать, что произведенныя вычисленія наглядно показываютъ слабое значеніе земледѣлія въ народномъ хозяйствѣ вольныхъ городскихъ общинъ удѣльной Руси. Занятія добывающей промышленностью и скотоводствомъ, очевидно, были настоятельно необходимы даже тамъ, гдѣ земледѣліе отнимало бо́льшую часть времени крестьянина. Доходъ отъ земледѣлія былъ чрезвычайно низокъ. Уже это обстоятельство показываетъ, что благосостояніе низшихъ слоевъ населенія въ области вольныхъ городовъ удѣльнаго періода сильно уменьшилось сравнительно съ таковымъ же въ кіевской Руси, что количество реальныхъ хозяйственныхъ благъ, находившихся въ рукахъ крестьянской семьи, въ послѣднемъ случаѣ было больше, чѣмъ въ первомъ. Слѣдовательно, распредѣленіе народнаго дохода стало гораздо менѣе равномѣрнымъ, чѣмъ прежде. И это тѣмъ болѣе вѣрно, что высшіе слои населенія сильно обогатились денежнымъ капиталомъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ сильное пониженіе процента на послѣдній: сохранилось преданіе о новгородскомъ посадникѣ Щилѣ, который отдавалъ деньги въ ростъ всего за ½% въ годъ. Вѣроятно, это гипербола, процентъ не могъ такъ сильно понизиться, но характеренъ самый фактъ возникновенія подобнаго преданія. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что появилась и стала расти земельная рента, на что̀ указываетъ появленіе гражданскаго оборота земли, повышеніе ея цѣнности. Ясны причины всѣхъ этихъ явленій: онѣ коренятся въ ростѣ населенія, въ зависящихъ отсюда перемѣнахъ въ относительномъ значеніи разныхъ

отраслей производства, въ новыхъ формахъ землевладѣнія и хозяйства.

Каковы—спрашивается теперь—соціологическіе выводы, получающіеся въ результатѣ предшествующаго изложенія? Мы должны отмѣтить *внутреннюю* причинную связь изслѣдованныхъ экономическихъ фактовъ и ихъ зависимость отъ *внѣшнихъ*, не экономическихъ явленій. Въ этомъ отношеній полученные результаты во многомъ напоминаютъ заключенія, сдѣланныя при изученіи народнаго хозяйства въ кіевской Руси; однако получаются и существенныя дополненія: основнымъ элементомъ хозяйственной исторіи и здѣсь оказалось относительное значеніе разныхъ отраслей производства; формы землевладѣнія въ значительной мѣрѣ зависѣли отъ существовавшихъ въ то время отраслей промышленности: отъ добывающей промышленности съ примѣсью земледѣлія и внѣшней торговли; но—и это ново—землевладѣльческія отношенія уже не всецѣло опредѣлялись этимъ условіемъ: наряду съ нимъ вліяло условіе внѣшнее, не хозяйственное,—ростъ населенія, уничтожившій господствовавшее раньше вольное землепользованіе; формы хозяйства, какъ мы убѣдились, зависѣли отъ сочетанія двухъ элементовъ: извѣстныхъ отраслей промышленности и формъ землевладѣнія: крестьянское хозяйство было по преимуществу домашнимъ, семейнымъ въ силу важности добывающей промышленности и наличности сябриннаго землевладѣнія; владѣльческое—было оброчнымъ и мелкимъ, со слабой примѣсью наемнаго труда вслѣдствіе слабости обмѣна; хозяйственная техника также явилась, главнымъ образомъ, результатомъ двоякаго вліянія: во-первыхъ, со стороны господствующихъ отраслей промышленности, во-вторыхъ, со стороны формъ землевладѣнія; но и здѣсь внѣшнее воздѣйствіе—роста населенія—сказалось уже непосредственно и прямо: оно, наряду съ указанными двумя вліяніями, опредѣлило переходъ къ менѣе экстенсивнымъ системамъ хозяйства, повысило техническій уровень производства и обмѣна; наконецъ, распредѣленіе хозяйственныхъ благъ и теперь оказалось наиболѣе сложной группой экономическихъ явленій, отлившейся въ опредѣленную форму подъ воздѣйствіемъ и существующихъ отраслей промышленности, и формъ землевладѣнія, и формъ хозяйства, и его системы. *Теоретическіе выводы, сдѣланные въ первой части нашего труда, при изученіи кіевской Руси, подтвердились такимъ образомъ всецѣло.* Но этого мало: *эти выводы дополнились новыми наблюденіями.* Первое изъ нихъ заключается въ томъ, что *непосредственное вліяніе роста населенія оказывается во второй стадіи развитія натуральнаго хозяйства*, когда существуютъ скорѣе количественныя, нежели качественныя различія отъ первой стадіи, *гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ то было раньше,* захватываетъ всѣ сферы хозяйственныхъ отношеній всѣ элементы экономической жизни. Второй рядъ новыхъ наблюденій

сводится къ конкретной характеристикѣ изученной нами второй стадіи развитія натуральнаго хозяйства: отличительныя особенности этой стадіи состоятъ: 1) въ господствѣ добывающей промышленности и внѣшней торговли при ростѣ земледѣлія и въ слабой степени обрабатывающей промышленности, 2) въ развитіи болѣе прочныхъ и опредѣленныхъ отношеній къ землѣ,—сябриннаго, боярскаго, монастырскаго и архіерейскаго землевладѣнія, 3) въ господствѣ оброчной системы и полнаго семейнаго крестьянскаго хозяйства, со слабой примѣсью несвободнаго и наемнаго труда, 4) въ торжествѣ менѣе экстенсивныхъ хозяйственныхъ системъ въ добывающей промышленности, земледѣліи и торговлѣ, 5) въ увеличеніи неравномѣрности распредѣленія хозяйственныхъ благъ къ невыгодѣ низшихъ слоевъ населенія. Спрашивается, насколько эта конкретная характеристика имѣетъ *соціологическое* значеніе, отражаетъ ли она *общіе* законы обшежитія, имѣются ли параллельныя явленія въ исторіи другихъ странъ? Стоитъ только раскрыть VII главу I тома «Исторіи Греціи» Белоха, чтобы убѣдиться, что хозяйственное положеніе эллинскихъ городскихъ общинъ VII и VI вѣковъ до Р. Х. очень сильно походило на то, которое изображено нами. Въ то время земледѣліе и добывающая промышленность находились въ Эллядѣ еще въ приблизительномъ равновѣсіи. Обрабатывающая промышленность была слаба: «греческій рынокъ наводнялся произведеніями восточной художественной промышленности», привозившимися изъ-за границы. Внутренняя торговля отличалась слабымъ развитіемъ: натуральное хозяйство преобладало до V вѣка; до начала VII вѣка не существовало чеканной монеты. Но зато расширялись колонизація и внѣшняя торговля въ VII и особенно въ VI вѣкѣ. Этому поразительному совпаденію условій, касающихся относительнаго значенія разныхъ отраслей промышленности, въ древней Греціи и въ Новгородѣ и въ Псковѣ XIII — XVI вѣковъ соотвѣтствовало и сходство явленій, обнаруживавшихся здѣсь и тамъ въ области формъ землевладѣнія: въ Эллядѣ VII и VI вѣковъ наблюдаются знакомыя уже намъ явленія, — дробленіе земли и земельной собственности у массы населенія, ссуды бѣднымъ со стороны богатыхъ подъ обезпеченіе ихъ земельными участками, ростъ крупнаго землевладѣнія. Формы самаго хозяйства въ Греціи также были похожи на новгородскія и псковскія: обрабатывающая промышленность, напр., была или домашней или ремесломъ, мелкимъ кустарничествомъ. То же надо сказать о техникѣ производства: произведеніе греческой обрабатывающей промышленности VII вѣка были несовершенны въ техническомъ отношеніи; техника земледѣлія была довольно низка; скотоводство носило пастбищный характеръ. Наконецъ, разореніе и тупое отчаяніе народа въ Эллядѣ VI вѣка напоминаетъ намъ пониженіе народнаго благосостоянія въ вольныхъ городскихъ общинахъ

удѣльной Руси, явившееся отраженіемъ перемѣнъ въ распредѣленіи хозяйственныхъ благъ. Параллельныя изслѣдованнымъ нами явленія можно наблюдать также въ итальянскихъ городахъ съ X по XVI вѣкъ и въ жизни торговаго контрагента новгородцевъ—Ганзейскаго союза, но, къ сожалѣнію, исторія тѣхъ и другого изучена недостаточно; существующія изслѣдованія поставлены притомъ не вполнѣ научно, такъ что не всегда можно прослѣдить всѣ подробности, замѣтныя въ греческой исторіи VII и VI вѣковъ.

Любопытно, что и въ Элладѣ въ то время, какъ и въ Новгородѣ и Псковѣ, развивалась колонизація, и также по экономическимъ причинамъ: вслѣдствіе роста населенія и потребности въ свободныхъ пространствахъ для существованія и развитія добывающей промышленности, скотоводства и земледѣлія. Въ самыхъ внѣшнихъ,- природныхъ условіяхъ замѣтно большое соотвѣтствіе: обиліе водныхъ путей сообщенія и близость моря сближаютъ русскіе вольные города съ древней Греціей, Ганзой, итальянскими городами среднихъ вѣковъ.

Итакъ, изслѣдованный нами экономическій процессъ имѣетъ не только частное, но и общее соціологическое значеніе, даетъ возможность формулировать общіе законы хозяйственнаго развитія цѣлаго ряда общественныхъ союзовъ, близкихъ по своей природѣ къ вольнымъ городскимъ общинамъ удѣльной Россіи. Посмотримъ, какъ этотъ важный процессъ отразился на другихъ сторонахъ общежитія.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТРАГЕДІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Эмериха Мадача.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ познакомился я съ пьесою венгерскаго поэта Мадача «Трагедія человѣчества» и перевелъ ее на русскій языкъ, перевелъ съ нѣмецкаго, такъ какъ венгерскимъ языкомъ не владѣю. Я пользовался двумя лучшими изъ нѣмецкихъ переводовъ—Шпонера и Планера. Появленіе моего перевода въ свѣтъ встрѣтило, однако, препятствія и только въ концѣ прошлаго 1903 года препятствія эти были устранены.

Эмерихъ (по-венгерски Имрэ) Мадачъ родился въ 1823, а умеръ въ 1864 году; короткая жизнь его изобиловала душевными волненіями какъ личнаго свойства, такъ и политическаго характера. Воспитанный подъ вліяніемъ матери, умной и энергичной женщины (отца онъ потерялъ еще въ раннемъ дѣтствѣ), Мадачъ женился очень рано (на двадцать второмъ году жизни) и тотчасъ по окончаніи курса въ пештскомъ университетѣ принялъ дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, хотя жилъ не въ столицѣ, а въ своемъ имѣніи. Въ 1848 году, когда въ Венгріи вспыхнуло возстаніе противъ австрійцевъ, Мадачъ былъ скомпрометированъ, черезъ нѣкоторое время арестованъ и принужденъ былъ высидѣть въ крѣпости цѣлый годъ. За это время его покинула горячо любимая жена, съ которою онъ до тѣхъ поръ счастливо прожилъ семь лѣтъ. Въ отчаяніи поэтъ уѣхалъ въ имѣніе своей матери, гдѣ сталъ вести уединенную жизнь, отдавшись всецѣло литературнымъ и философскимъ занятіямъ, плодомъ которыхъ и была, между прочимъ, «Трагедія человѣчества». Только въ 1861 году онъ пріѣхалъ въ Пештъ, гдѣ принялъ полное энергіи участіе, въ качествѣ депутата, въ засѣданіяхъ парламента, пламенно отстаивая національные мадьярскіе интересы. Въ этомъ году опубликовалъ онъ и свою знаменитую трагедію. По окончаніи сессіи Мадачъ вернулся въ свое имѣніе, гдѣ и умеръ черезъ три года отъ болѣзни сердца.

Трагедія, о которой идетъ рѣчь, является главнымъ и лучшимъ произведеніемъ Мадача, доставившимъ ему всемірную извѣстность. Правда, онъ написалъ еще цѣлый рядъ лирическихъ и драматическихъ произведеній (сочиненія его, въ трехъ томахъ, изданы въ Будапештѣ

въ 1880 году), но всѣ эти произведенія, по отзывамъ критики, настолько сравнительно слабы и невыдержанны, что, конечно, не напиши Мадачъ «Трагедіи человѣчества», онъ не пользовался бы славою первокласснаго поэта*).

По-венгерски и у нѣмецкихъ переводчиковъ пьеса эта называется, собственно, «Трагедія человѣка», но я въ своемъ переводѣ назвалъ ее «Трагедіею человѣчества», такъ какъ, по моему мнѣнію, это лучше звучитъ по-русски и болѣе передаетъ самый смыслъ заглавія: дѣло идетъ не о трагедіи человѣческой личности, а о трагедіи «человѣка вообще», т. е. человѣчества, воплощеннаго въ героѣ трагедіи. По идеѣ своей пьеса эта имѣетъ много общаго съ гетевскимъ «Фаустомъ», принадлежа, какъ и этотъ послѣдній, къ числу «міровыхъ драмъ»; и не даромъ нѣмецкая критика указываетъ, что «Трагедія человѣчества» была навѣяна изученіемъ сочиненій Гете, Байрона и Шопенгауера. Но самый планъ трагедіи вполнѣ оригиналенъ: это всемірная исторія въ драматической формѣ,—исторія всѣхъ временъ, даже будущаго, въ которое смѣло заглядываетъ поэтъ; а героемъ трагедіи является прародитель человѣческаго рода—Адамъ, олицетворяющій въ себѣ человѣчество съ его стремленіями и страстями. Трагедія начинается, какъ и гетевскій «Фаустъ», прологомъ на небесахъ. Ангелы восхваляютъ созданіе Творца и только Люциферъ хранитъ гордое молчаніе, а на вопросъ Господа: «что-жъ гордо ¡ты молчишь?»—отвѣчаетъ рѣзкою критикою созданнаго и требуетъ «своей части въ мірѣ», такъ какъ, по его мнѣнію, онъ, будучи «вѣчнымъ духомъ вѣчнаго отрицанія», также участвовалъ въ мірозданіи. Разгнѣванный Господь проклинаетъ два дерева въ раю и отдаетъ ихъ во владѣніе мятежнаго духа. Въ слѣдующей сценѣ, изображающей сладкое блаженство первыхъ людей въ раю, является Люциферъ и соблазняетъ ихъ къ неповиновенію волѣ Божества, искусно дѣйствуя на мужское самолюбіе Адама и на любопытство Евы. Третья сцена изображаетъ Адама и Еву, изгнанныхъ изъ рая и живущихъ собственными трудами. Люциферъ знакомитъ ихъ съ силами природы, а когда Адамъ выражаетъ желаніе узнать о томъ, что ожидаетъ его на землѣ, то Люциферъ погружаетъ его и Еву въ волшебный сонъ, въ которомъ передъ ними проходитъ вся исторія человѣчества. Изображеніе этой исторіи и составляетъ собственное содержаніе трагедіи, тогда какъ все предыдущее является только прологомъ или введеніемъ.

Въ четвертой сценѣ Адамъ (во снѣ) является въ лицѣ египетскаго фараона. Мечтая о вѣчной славѣ, онъ наблюдаетъ за возведеніемъ гигантской пирамиды. Но вотъ вбѣгаетъ рабъ, избитый надсмотрщиками, и умираетъ съ жалобою на ступеняхъ трона, воскликнувъ: «такъ

---

*) Обзоръ литературной дѣятельности Мадача можно найти въ статьѣ К. Тр-н-к-аго („Русское Обозрѣніе“ 1893 г., іюль).

милліоны мрутъ для одного!» Фараонъ приходитъ въ ужасъ отъ этого восклицанія, впервые почувствовавъ, что міръ существуетъ не для него только. Жена умирающаго раба (Ева) горько оплакиваетъ своего мужа; фараонъ, пораженный ея красотою, возводитъ ее на тронъ и, видя, какъ терзаютъ ее вопли рабовъ, велитъ прекратить работы и освободить народъ. Но мысль о великой цѣли все еще продолжаетъ владѣть имъ; когда же Люциферъ (въ роли фараонова министра) показываетъ ему всю тщету этихъ мечтаній, Адамъ рѣшается покинуть прежній путь, поставивъ себѣ цѣлью свободу и величіе народа, а не отдѣльнаго лица. Пятая сцена переноситъ насъ въ древнюю Грецію, въ Аѳины, гдѣ народъ ожидаетъ возвращенія Мильтіада (Адама) изъ похода. Демагоги уже возбуждаютъ народъ противъ вождя, обвиняя его въ честолюбивыхъ стремленіяхъ, такъ что подозрѣніе закрадывается даже въ душу Люціи, жены Мильтіада (Ева). Когда герой возвращается, его обвиняютъ и приговариваютъ къ смерти. Кладя голову на плаху, оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ, Адамъ проситъ Люцифера вести его путемъ эгоистическихъ утѣхъ и наслажденій. Сцена шестая изображаетъ оргію въ Римѣ императорскихъ временъ. Адамъ, въ лицѣ Сергіола, Люциферъ, въ лицѣ Милона, и Ева, въ лицѣ Юліи, въ обществѣ кутилъ и гетеръ, пируютъ и тѣшатся борьбою гладіаторовъ. Въ Римѣ въ это время свирѣпствуетъ чума; проходитъ похоронная процессія. Люциферъ останавливаетъ ее и предлагаетъ одной изъ гетеръ поцѣловать мертвеца, послѣ чего гетера въ мученіяхъ умираетъ. Изъ толпы провожатыхъ выступаетъ апостолъ Петръ, который пламенною рѣчью обращаетъ Адама и Еву ко Христу. Седьмая сцена происходитъ въ Византіи, въ эпоху крестовыхъ походовъ. Адамъ, въ лицѣ рыцаря Танкреда, является свидѣтелемъ богословскихъ споровъ и схоластическихъ толкованій христіанскаго ученія, а также присутствуетъ при казняхъ еретиковъ; Ева, въ лицѣ Исавры, плѣняетъ его сердце, но союзъ ихъ оказывается невозможнымъ, такъ какъ она дала обѣтъ вступить въ монастырь. Восьмая сцена переноситъ насъ въ позднѣйшую эпоху. Адамъ, въ лицѣ Кеплера, находится при дворѣ императора Рудольфа, гдѣ, чтобы заниматься наукою, онъ вынужденъ играть роль астролога и составителя гороскоповъ, въ то время, какъ жена его (Ева въ лицѣ Варвары) кокетничаетъ и ведетъ интрижки съ придворными, дѣлая мужа посмѣшищемъ въ глазахъ всего двора. Чувствуя себя глубоко несчастнымъ и не находя удовлетворенія даже въ наукѣ, Адамъ спрашиваетъ себя: придутъ ли лучшія времена, раздастся ли когда-нибудь новое слово, которое сдѣлаетъ людей счастливыми. Въ отвѣтъ на это слышится мелодія марсельезы. Открывается сцена девятая; Адамъ въ лицѣ Дантона руководитъ великою французскою революціей. Онъ осуждаетъ на смерть жертву за жертвой, но вскорѣ влюбляется въ сестру осужденнаго имъ маркиза (Ева). Его обвиняютъ въ измѣнѣ и

присуждаютъ къ смерти. Въ десятой сценѣ мы снова встрѣчаемъ Адама въ лицѣ Кеплера: оказывается, что предыдущая сцена была только его сномъ. Къ Кеплеру приходитъ ученикъ, съ которымъ великій ученый ведетъ бесѣду; указавъ на всю пустоту рутиннаго знанія, Кеплеръ убѣждаетъ юношу стремиться къ знанію самостоятельному, полному связи съ жизнью, къ новымъ идеаламъ въ наукѣ и искусствѣ. Одиннадцатая сцена рисуетъ намъ современный Лондонъ съ его шумною жизнью. Проходитъ цѣлый рядъ типовъ: раёшники, нищіе, солдаты, рабочіе, фабриканты, лекаря-шарлатаны, школьники и пр.; является и Ева въ видѣ красивой дѣвушки изъ буржуазнаго семейства, въ которую Адамъ влюбляется и добивается ея вниманія при помощи Люцифера, посредствомъ подарковъ. Но все это дышитъ пошлостью и меркантилизмомъ; внѣшняя свобода существуетъ, но трудъ подавленъ капиталомъ; высшихъ стремленій никакихъ нѣтъ и всѣ стремятся лишь жить пустою, безыдейною, матеріальною жизнью. Вновь Адамъ разочарованъ и проситъ Люцифера вести его «къ инымъ, прекраснымъ временамъ».

Съ двѣнадцатой сцены поэтъ переноситъ насъ въ будущее, какъ оно ему представляется. Государства и національности исчезли; вмѣсто царства личности настало царство общества. Передъ нами дворъ громадной фаланстеры; Люциферъ и Адамъ подходятъ къ ученому, который занимается искусственнымъ воспроизведеніемъ жизни въ ретортѣ. Ученый показываетъ имъ музей, гдѣ сохранились разные остатки былыхъ временъ, потерявшіе свое значеніе,—чучела домашнихъ животныхъ, давно уже вымершихъ, оружіе, картины и т. п. Въ новомъ всемірномъ государствѣ всецѣло подавлена личность: нѣтъ ни свободы воспитанія (въ извѣстномъ возрастѣ дѣтей отнимаютъ у родителей и отдаютъ въ общественныя школы), ни свободы выбора профессіи, ни свободы брака (профессіи опредѣляются френологическимъ изслѣдованіемъ головы, тотъ же способъ примѣняется и при назначеніи женщинамъ мужей) и т. п. Единственная цѣль человѣчества—матеріальное существованіе, такъ какъ запасы пищи на землѣ истощаются, солнечная энергія ослабѣваетъ и наукѣ предстоитъ придумать, чѣмъ замѣнить солнце, чтобы спасти человѣчество отъ гибели. Эта картина повергаетъ Адама въ глубокое отчаяніе и онъ стремится покинуть землю. Въ тринадцатой сценѣ мы находимъ его и Люцифера несущимися въ міровомъ пространствѣ; за предѣлами земной атмосферы Адамъ лишается чувствъ, но духъ земли снова возвращаетъ его на родную планету. Четырнадцатая сцена изображаетъ послѣднюю эпоху жизни на землѣ. Адамъ и Люциферъ находятся въ снѣговой пустынѣ на экваторѣ: земля обледенѣла и солнце едва свѣтитъ. Изъ юрты выходитъ эскимосъ, жалкій выродокъ вымирающаго человѣчества, а за нимъ — его жена, въ которой, несмотря на ея безобразіе, Адамъ узнаетъ Еву. Въ ужасѣ и отчаяніи Адамъ умо-

ляетъ Люцифера возвратить его изъ этого жалкаго будущаго къ настоящему—и пробуждается.

Въ послѣдней, пятнадцатой сценѣ Адамъ, вспоминая все видѣнное и перечувствованное въ волшебномъ снѣ, хочетъ уничтожить себя, а вмѣстѣ съ собою и все человѣчество, бросившись со скалы въ пропасть. Но въ этотъ моментъ къ нему подходитъ Ева и говоритъ, что чувствуетъ себя матерью. Адамъ падаетъ на колѣна, признаетъ себя побѣжденнымъ и взываетъ къ Господу. Небо открывается и происходитъ примиреніе человѣка съ Божествомъ. Не открывая человѣку тайны, которою покрыта цѣль его существованія, Господь завѣщаетъ ему бороться и надѣяться.

Таково, въ краткихъ чертахъ, содержаніе «Трагедіи человѣчества», столь мало извѣстной у насъ, хотя за границею (напр., въ Германіи) она хорошо извѣстна во многихъ переводахъ. Какъ читатель видитъ уже изъ этого краткаго изложенія, въ трагедіи Мадача повторяются многія сцены и многіе образы изъ «Фауста» Гёте: такъ, Адамъ соотвѣтствуетъ Фаусту, Люциферъ—Мефистофелю, Ева въ одиннадцатой сценѣ напоминаетъ Гретхенъ, сцена Кеплера съ ученикомъ разговоръ Мефистофеля съ ученикомъ же и проч. Но, помимо самостоятельности общаго плана пьесы, характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ совершенно иные. Фаустъ—прежде всего мыслитель; въ немъ такъ мало обыденнаго, плотскаго, что лишь искусственнымъ образомъ удается возбудить въ немъ обыкновенныя человѣческія страсти, и то не надолго, на чемъ и основывается его конечное избавленіе и пораженіе Мефистофеля. Адамъ, напротивъ, столько же чувственная, сколько и мыслящая натура: онъ живетъ полною жизнью обыкновеннаго человѣка и трудно сказать, что̀ въ немъ преобладаетъ—страсть или мысль. Наоборотъ, гётевскій Мефистофель до того реаленъ, человѣкоподобенъ, тѣлесенъ, что сверхъестественное лишь по временамъ выступаетъ въ немъ на видъ; Люциферъ же все время является лишь олицетвореніемъ отрицанія, все время въ немъ чувствуется нѣчто отвлеченное, безтѣлесное; вмѣсто тонкой ироніи Мефистофеля, порою переходящей почти въ юморъ, мы въ немъ находимъ вѣчно лишь ѣдкій, холодный, злой и часто грубый сарказмъ. Характеръ Евы не имѣетъ опредѣленныхъ очертаній: авторъ вводитъ лишь ее въ каждую сцену, какъ измѣнчивый элементъ красоты, вносящій нѣкоторое утѣшеніе, какъ бы лучъ свѣта, въ общій мрачный колоритъ трагедіи.

Какъ въ «Фаустѣ» Гёте, такъ и въ трагедіи Мадача сильно отразилась личность автора. Глубокія душевныя волненія и личныя несчастія, испытанныя Мадачемъ, сдѣлали его мизантропомъ и пессимистомъ. Глубокимъ пессимизмомъ проникнута и вся его трагедія, и «примиреніе», изображенное въ послѣдней сценѣ,—только кажущееся примиреніе, не болѣе, какъ неизбѣжный искусственный пріемъ для того, чтобы закончить пьесу. Въ общемъ, въ пьесѣ этой больше ума,

чѣмъ поэзіи, но отдѣльныя мѣста и цѣлыя сцены отличаются замѣчательною поэтичностью, силою и глубиною чувства. Къ числу такихъ выдающихся сценъ принадлежитъ восьмая, девятая и десятая, которыя и предлагаются здѣсь вниманію читателя.

Н. Холодковскій.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Прага. Садъ королевскаго дворца. Справа бесѣдка, слѣва обсерваторія, передъ которою находится обширный балконъ съ письменнымъ столомъ, кресломъ и оптическими инструментами Кеплера. Люциферъ въ лицѣ лаборанта Кеплера на балконѣ. Въ саду гуляютъ группами придворные и дамы, между ними Ева въ лицѣ Варвары, жены Кеплера. Императоръ Рудольфъ бесѣдуетъ съ Адамомъ въ лицѣ Кеплера. Въ глубинѣ сцены виденъ пылающій костеръ. Вечеръ потомъ ночь. На авансценѣ ходятъ два придворныхъ.

Первый придворный.

Кому такъ жарко развели костеръ:
Еретику иль вѣдьмѣ?

Второй придворный.

Я не знаю!
Не въ модѣ много говорить о томъ.
Лишь чернь костры, зѣвая, обступаетъ,—
И той немного радости отъ нихъ:
Стоятъ, глазѣютъ и ворчатъ отъ скуки.

Первый придворный.

Въ былое время это было—праздникъ;
Весь дворъ, вся знать съѣзжалась. Такъ-то вотъ
Мѣняется благой обычай древній! *(проходятъ)*

Люциферъ.

Въ прохладный вечеръ мнѣ огонь пріятенъ.
Я много лѣтъ ужъ грѣюсь отъ костровъ,
Боюсь лишь, что они потухнутъ скоро.
Не смѣлая новаторская мысль,
Не мужественный лозунгъ ихъ потушитъ,—
О, нѣтъ! Въ дрянныя эти времена
Нѣтъ вдохновенья, смѣльчаковъ не хватитъ,
Которые огонь питали-бъ тѣломъ!
Замерзну я! Что дѣлать, это такъ:
Я долженъ въ томъ сознаться, хоть и жалко
Спускаться внизъ съ высокихъ этихъ мыслей.

(Уходитъ въ башню. Рудольфъ и Адамъ выходятъ на авансцену).

Рудольфъ.

Мой гороскопъ составь скорѣе, Кеплеръ:
Недобрый сонъ я видѣлъ въ эту ночь.
Въ какомъ моя звѣзда соединеньи
Находится? Въ кругу ея я видѣлъ
Недобрый знакъ близъ головы змѣи.

Адамъ.

Какъ, государь, прикажешь, такъ и будетъ.

Рудольфъ.

Пройдетъ климактерическое время,—
Немедленно работу мы начнемъ,
Которая мнѣ все не удавалась.
Я просмотрѣлъ Гермеса Трисмегиста,
Синезія, Альберта, Парацельза,
И Соломоновъ ключъ, и много книгъ,
И, наконецъ, увидѣлъ, въ чемъ ошибка.
Когда король-мудрецъ у насъ пылалъ,
Являлся красный левъ и черный воронъ,
Затѣмъ Меркурій дважды поднимался,
Гонимый мощной силой двухъ планетъ;
И съ кислотою мудрости руда
У насъ на дно сосуда осаждалась,—
И тутъ-то вотъ ошиблись мы, смѣшавъ
Съ сухой водою—влажный пламень! Сразу
Испортили мы этимъ наше дѣло,—свадьбу
Священную, которая вливаетъ
Въ кровь стариковъ—пылъ юности, въ руду
Ничтожную—и блескъ, и цѣнность злата! *)

Адамъ.

Я понялъ, государь.

Рудольфъ.

Еще одно!
Здѣсь, при дворѣ, дурные ходятъ слухи,
Что ты наклоненъ къ новому ученью
И нашей церкви догматовъ святыхъ

---

*) Въ этомъ монологѣ слова „красный левъ“, „Меркурій“ и проч. соотвѣтствуютъ алхимическимъ названіямъ разныхъ металловъ, солей и проч.
Примѣчаніе переводчика.

Не признаешь. И вотъ, какъ разъ въ то время,
Когда въ тюрьмѣ твоя томится мать,
По обвиненью въ колдовствѣ,—невольно
Ты возбуждаешь подозрѣнье тѣмъ,
Что такъ упорно, такъ неутомимо
Хлопочешь ты, чтобъ вѣдьмѣ дали волю!

Адамъ.

О, государь, но я, вѣдь, сынъ ея!

Рудольфъ.

Одна у насъ мать истинная: церковь!
Не думай управлять дѣлами свѣта:
Они идутъ довольно хорошо;
Кто хочетъ ихъ исправить,—только портитъ.
Тебя осыпалъ милостями я;
Отецъ твой, помни, былъ простой трактирщикъ,
И что-жъ? Тебя въ дворяне я возвелъ!
Труда мнѣ это стоило не мало!
Тебя я къ трону моему приблизилъ,
И потому на благородной дамѣ
Женился ты. Не мало для тебя
Я сдѣлалъ: будь же, сынъ мой, остороженъ!

(*Уходитъ. Адамъ стоитъ на лѣстницѣ своего балкона, погруженный въ мысли. Два придворныхъ выходятъ впередъ*).

Третій придворный (*указывая на Адама*).

Стоитъ онъ снова, въ думу погруженъ.

Четвертый придворный.

Все ревностью терзается, несчастный.
Ему въ кругу придворномъ непривычно:
Ужъ слишкомъ крѣпко въ немъ засѣлъ мужикъ!

Третій придворный.

Никакъ не можетъ онъ понять, что рыцарь
Чтитъ женщину всегда, какъ божество,
И за нее на смертный бой выходитъ,
Когда ея коснется клевета;
А онъ вездѣ подозрѣваетъ цѣли
Недобрыя, когда его женѣ
Спѣшимъ мы всюду оказать любезность!

Ева.

(*Съ группою кавалеровъ подходитъ къ бесѣдующимъ и, смѣясь, ударяетъ вѣеромъ второго придворнаго по плечу*)

О, рыцари, прошу васъ, перестаньте,
Иль я умру отъ смѣха! Посмотрите,
Однако, какъ серьезны эти двое!
Подумать, право, я могла-бъ, что ихъ
Коснулся также новый духъ тлетворный!
Ну, если это такъ,—прочь съ глазъ моихъ!
Я ненавижу пошляковъ несчастныхъ,
Которые завидуютъ намъ желчно
За нашъ веселый, свѣтлый взглядъ на все
И мрачно бредятъ о порядкахъ новыхъ!

Третій придворный.

Прелестнѣйшая дама, вашъ упрекъ
Не можетъ къ намъ нисколько относиться:
Никто изъ насъ не жаждетъ перемѣнъ.

Первый придворный.

Но оглянитесь: есть, однако, нѣкто,
На чьемъ лицѣ лежитъ тотъ мрачный знакъ.

Ева.

Мой бѣдный мужъ? Ахъ, господа, избавьте
Его отъ подозрѣній! Связанъ онъ
Со мною крѣпко узами святыми;
Притомъ онъ боленъ; да, опасно боленъ!

Первый придворный.

Онъ опаленъ огнемъ очей прекрасныхъ?

Третій придворный.

Кто есть на свѣтѣ, кто бы былъ такъ дерзокъ,
Чтобъ ревновать осмѣлился онъ васъ?
Какъ рыцарь вашъ, я дерзкому перчатку
За это, право, бросилъ бы въ лицо!
(*Разговаривая, они подошли къ Адаму*).
Учитель, какъ я радъ, что васъ встрѣчаю!
Въ свои помѣстья ѣхать я хочу;
Скажите: какова погода будетъ?

Первый придворный.

А я-бъ хотѣлъ узнать судьбу сынка,
Который у меня вчера родился.

Адамъ.

До завтра я надѣюсь дать отвѣтъ.

Четвертый придворный.

Ужъ ночь близка, пора домой.

Первый придворный.

Потише,
Прелестнѣйшая дама: на ступенькахъ
Вы можете легко здѣсь поскользнуться.
Спокойной ночи! (*Шепотомъ*). Черезъ часъ?

Ева (*шепотомъ*).

Въ бесѣдкѣ!

(*Громко*).

Спокойной ночи, господа! (*Адаму*) Іоганнъ!

Всѣ уходятъ, кромѣ Адама и Евы, которые всходятъ на балконъ. Адамъ опускается въ кресло, Ева стоитъ передъ нимъ. Темнѣетъ).

Ева.

Послушай-ка, Іоганнъ! Мнѣ нужны деньги!

Адамъ.

Я отдалъ все, нѣтъ больше ни гроша!

Ева.

Должно быть, вѣчно я нуждаться буду!
Какъ павы, дамы щеголяютъ вкругъ,
А я—стыжусь межъ ними показаться.
Когда порою вѣжливый придворный
Ко мнѣ нагнется и шепнетъ, смѣясь,
Что я по красотѣ межъ дамъ царица,—
Становится мнѣ стыдно, что меня,
Свою царицу, въ бѣдности ты держишь!

Адамъ.

Что-жъ, развѣ не тружусь я день и ночь,
Изъ-за тебя науку не позорю?
Я лгу толпѣ въ нелѣпыхъ гороскопахъ,
Пророчу ей погоду по заказу;
Что я открылъ, то долженъ я скрывать,
А лживый вздоръ—распространять обязанъ!
Порою я сгораю отъ стыда;

Я превзошелъ гадалокъ: тѣ хоть сами
Увѣрены въ пророчествахъ своихъ!
Все это изъ любви къ тебѣ творю я:
На что мнѣ деньги грѣшныя, на что?
Мнѣ ничего не нужно въ этомъ мірѣ;
Дай мнѣ лишь звѣздной ночи тишину,
Въ которой сферъ гармонію я слышу,—
А остальное—все возьми себѣ!
Все уступлю я съ радостью! Однако
Нашъ императоръ нынѣ обѣднѣлъ
И платитъ мнѣ совсѣмъ неаккуратно.
Но я отдамъ, что завтра получу.
Да, ты неблагодарна; это горько!

Ева (*плача*).

Меня коришь ты жертвами своими,
Но многимъ, вѣдь и ты обязанъ мнѣ!
Мой знатенъ родъ, а ты происхожденьемъ
Былъ низокъ; я, связавъ свою судьбу
Съ твоею, доступъ ко двору открыла
Тебѣ! Какъ ни неблагодаренъ ты,
Но отрицать ты этого не можешь!

Адамъ.

Такъ, значитъ, низокъ умъ и низко знанье!
Происхожденьемъ низокъ лучъ небесный,
Который озарилъ мое чело?
Да, если это все не благородство,
То въ чемъ же благородство? То, что вы
Зовете этой кличкой,—только кукла,
Полугнилой чурбанъ, лишенный духа;
А то, что я считаю благороднымъ,
Сіяетъ вѣчно-юной красотой!
О женщина! Когда-бъ ты понимала
Меня настолько, сколько ожидать
Я могъ, судя по первымъ поцѣлуямъ
Твоимъ,—гордиться ты должна бы мной;
Тогда нигдѣ-бъ ты счастья не искала,
Какъ лишь въ моемъ кругу; ты не дарила-бъ
Другимъ всего, что сладостно въ тебѣ,
А горечь всю не оставляла-бъ дому
И бѣдному супругу твоему!
Какъ я любилъ тебя! Безмѣрно, страстно!
И все еще люблю тебя, хоть горько

То жало, что, вливая сладкій медъ
Въ уста и сердце,—съ нимъ и ядъ вливаетъ.
Какъ благородна ты могла бы быть,
Когда-бъ ты стала истинной супругой!
И вотъ—судьба разбила идеалъ!
Да, женщина, которую когда-то
Вѣкъ рыцарскій вознесъ, какъ божество,—
Въ божка пустого, въ куклу превратилась!
То былъ великій вѣкъ, царила вѣра,—
А нынѣ вѣкъ пигмеевъ, вѣры нѣтъ,
И ваши боги грѣхъ лишь прикрываютъ!
Давно тебя хотѣлъ я бросить, вырвать
Тебя изъ сердца, чтобъ имѣть покой
И чтобъ свободно ты искала счастья,—
Но здѣсь опять обычай старины,
Строй нашей жизни, церкви строгій голосъ—
Мѣшаютъ мнѣ, и долженъ я нести
Съ тобою горе вмѣстѣ, вплоть до гроба!..

(*Онъ опускаетъ голову на руки. Ева, тронутая, гладитъ его по головѣ*).

Ева.

Зачѣмъ же мрачно такъ смотрѣть на вещи?
Порой я, точно, кое-что сболтну,
Но вовсе не хочу тебя обидѣть.
Но знаешь: дворъ такъ въ требованьяхъ строгъ,
Такъ горды дамы, щедры на насмѣшки!
Вѣдь мнѣ-жъ нельзя порвать знакомство съ ними;
Не правда ли? Ты больше на меня
Не сердишься? Прощай, спокойной ночи!..
Но денегъ завтра не забудь достать!..

(*Уходитъ, спускаясь въ садъ*).

Адамъ.

Какая смѣсь въ ней добраго и злого,
Отравы злой и сладостнаго меда!
И доброе присуще ей самой,
Дурное-жъ—лишь печать дурного вѣка.
Да, мучатъ насъ противорѣчья эти,
Исхода-жъ нѣтъ! Эй, Фамулусъ!

(*Люциферъ входитъ съ лампою и ставитъ ее на столъ*).

Люциферъ.

Къ услугамъ!

Адамъ.

Мнѣ велѣно составить гороскопъ
И предсказать погоду: сдѣлай это!

Люциферъ.

Конечно, съ должной пышностью и блескомъ?
Никто, вѣдь, правду голую не купитъ!

Адамъ.

Но чтобы предсказаніе мое
Не глупо было, не невѣроятно!

Люциферъ.

Родителей мнѣ нечѣмъ огорчить:
Новорожденный сынъ ихъ—свѣтлый геній;
Въ лицѣ его взошла звѣзда ихъ дома,
Лишь позже станетъ онъ простымъ глупцомъ!

(*Ева въ это время вошла въ бесѣдку, гдѣ ее ждетъ придворный*).

Придворный.

Какъ ты безжалостна! Какъ долго ждалъ я!

Ева.

Ты, кажется, считаешь страшной жертвой
На холоду вечернемъ постоять,—
А мною лучшій изъ мужей обманутъ
Изъ-за тебя! Проклятіе небесъ
Сразитъ меня, а свѣтъ меня осудитъ!

Придворный.

Небесный гнѣвъ и осужденье свѣта
Во тьму бесѣдки этой не дойдутъ.

Адамъ (*мечтательно*).

Я ждалъ временъ, когда борьбы не будетъ,
Не будетъ новыхъ цѣлей и никто
Привычнаго порядка не нарушитъ,
Священныхъ предразсудковъ не смутитъ;
Я жадно ждалъ временъ тѣхъ безмятежныхъ,
Чтобъ на покоѣ раны заживить.
Тѣ времена пришли,—но что въ нихъ пользы,
Пока душа въ груди моей живетъ,—
Наслѣдье неба вѣчное, святое
И полное страданій? Все впередъ
Она стремится, вѣчно ищетъ дѣла,
Покоя же недвижнаго бѣжитъ

И отвергаетъ праздность наслажденій!
Эй, Фамулусъ! Дай кружку мнѣ вина!
Міръ холоденъ, его согрѣть хочу я!
Въ винѣ одномъ живетъ одушевленье
Въ нашъ жалкій вѣкъ,—оно подъемлетъ насъ!

(*Люциферъ приноситъ вино. Адамъ пьетъ нѣсколько разъ въ теченіе остальной сцены*).

Открой мнѣ, сводъ небесный, безпредѣльный,
Открой святую книгу мнѣ свою!
Въ познаніи твоихъ законовъ вѣчныхъ
Забуду я мой вѣкъ, мою печаль!
Одинъ ты вѣченъ,—прочее исчезнетъ,
Одинъ ты душу возвышаешь мнѣ,
Все прочее—гнететъ и унижаетъ!

Придворный (*Евѣ*).

Варвара! Еслибъ ты моею стала!
Пусть Богъ призвалъ бы твоего супруга
Къ Себѣ, чтобъ могъ онъ ясно все понять,
Къ чему всю жизнь безплодно онъ стремился!

Ева.

Молчи! О немъ бы плакала я горько
И никогда-бъ тебѣ не отдалась.

Придворный.

Ты шутишь?

Ева.

Нѣтъ, я говорю отъ сердца.

Придворный.

Ну, кто-жъ причуды сердца твоего
Пойметъ? Варвара, ты меня не любишь!
Когда бы я сталъ бѣденъ, сталъ несчастенъ,
Могу ли ждать я жертвы отъ тебя?

Ева.

Я не могу о томъ сказать ни слова.

Адамъ.

Настанетъ ли, проснется-ль новый вѣкъ,
Который равнодушье ледяное
Въ сердцахъ людей съумѣетъ растопить,
Смететъ весь старый мусоръ новой силой

И, какъ судья, начнетъ рукою властной
Вознаграждать, карать и возвышать?
(Встаетъ и подходитъ слабыми шагами къ баллюстрадѣ балкона).
Отъ грозныхъ, сильныхъ средствъ не отступая,
Произнесетъ ли тайное онъ слово,
Чтобъ, какъ лавина, понеслось оно
Неудержимо въ мірѣ, предъ собою
Все сокрушая, даже и того,
Кто первый возвѣстить его посмѣетъ!
(Слышится мелодія марсельезы).

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Сцена превращается внезапно въ Гревскую площадь въ Парижѣ. Балконъ превращается въ эшафотъ, а письменный столъ—въ гильотину, возлѣ которой стоитъ Люциферъ—палачъ. Адамъ, въ лицѣ Дантона, говоритъ съ эшафота шумящему на площади народу. Подъ звуки барабановъ собирается полчище оборванныхъ рекрутовъ, которые строются передъ эшафотомъ. Ясный день.

Адамъ.

Итакъ,—свобода, равенство и братство!

Народъ.

И смерть тому, кто ихъ не признаетъ!

Адамъ.

Конечно, съ этимъ я вполнѣ согласенъ!
Два лозунга спасаютъ идеалъ,
Который стоилъ намъ такъ много крови,—
Одинъ для благомыслящихъ: «отчизна
Въ опасности!»—и вмигъ они проснутся;
Другой, какъ громъ, преступниковъ страшитъ:
«Дрожите!»—и они дрожатъ въ смятеньи!
Отечество зоветъ сыновъ-героевъ,—
Одиннадцать отважныхъ армій бьются
Съ врагами на границахъ,—безъ конца
Ряды сраженныхъ юность пополняетъ
И снова бьется, презирая смерть.
Кто скажетъ, что кровавое безумство
Народа силы можетъ истощить?
Руду въ горнилѣ плавя, отдѣляемъ
Мы шлакъ негодный, и тогда металлъ
Блеститъ сильнѣй и чище! Если даже
И правда, что до крови жадны мы,
Что мы—чудовища,—пусть такъ! Лишь было-бъ
Отечество свободно и во славѣ!

Рекруты.

Оружіе намъ дай и полководца!

Адамъ.

Благодарю! Оружіе вы только
Желаете имѣть, хотя у васъ
Нѣтъ многаго: лохмотья—ваше платье,
И ноги ваши босы. Штыкъ доставитъ.
Вамъ все—и хлѣбъ насущный, и побѣду!
Народъ непобѣдимъ! Еще недавно
Казненъ былъ генералъ, который далъ
Врагу себя разбить.

Народъ.

Измѣнникъ гнусный!

Адамъ.

Вы правы, слишкомъ правы! У народа
Одно богатство—собственная кровь,
И за отчизну жертвуетъ онъ кровью.
Кто, въ руки взявъ сокровище народа,
Оружьемъ тѣмъ не побѣдитъ весь міръ,—
Конечно, тотъ измѣнникъ!

Офицеръ (*выступая изъ толпы рекрутовъ*).

Гражданинъ!
Поставь меня вождемъ! Я все исправлю!

Адамъ.

Твоя самоувѣренность похвальна,
Но долженъ ты намъ доказать сперва,
Что обѣщанье можешь ты исполнить?

Офицеръ.

Мой храбрый духъ тебѣ порукой въ томъ
И голова моя: она, вѣдь, можетъ
Пасть, какъ другая пала!

Адамъ.

Кто же мнѣ
Поручится, что ты придешь къ расплатѣ?

Офицеръ.

Что голову свою я принесу?
Я самъ ручаюсь: жизнь я въ грошъ не ставлю!

Адамъ.

Нѣтъ, юность больше цѣнитъ жизнь свою!

Офицеръ.

Въ послѣдній разъ прошу я, гражданинъ!

Адамъ.

Терпѣнье! Ты своей достигнешь цѣли!

Офицеръ.

Ты мнѣ не вѣришь? Хорошо-жъ! Увидишь,
Что я, хоть юнъ, но лучше, чѣмъ ты думалъ!
(*Застрѣливается*).

Адамъ.

Какъ жаль: онъ вражьей былъ достоинъ пули!
Прочь уберите, братья, этотъ трупъ,
И до свиданья послѣ битвы славной!
(*Рекруты уходятъ*).
О, еслибъ могъ дѣлить я жребій вашъ!
Моя судьба,—всю жизнь борьба, безъ славы
И безъ врага, котораго сразить
Почетно было-бъ! Врагъ мой тотъ, кто тайно
Грозитъ и мнѣ, и родинѣ моей!

Народъ.

Скажи, гдѣ онъ? Его мы уничтожимъ!

Адамъ.

О комъ сказалъ бы,—тѣ умерщвлены!

Народъ.

А тѣ, кто въ подозрѣньи? Подозрѣнье
Равно винѣ! Судья непогрѣшимый,
Народный голосъ отмѣчаетъ ихъ.
На казнь, на казнь влачить аристократовъ!
Въ тюрьму, за ними! Пусть народный судъ
Имъ по дѣломъ воздастъ!

Адамъ.

Довольно, братья!
Не изъ тюрьмы грозитъ опасность намъ:
Темницы двери крѣпки, душный воздухъ,
Союзникъ вашъ, нещадно всѣхъ моритъ;
Конвентъ,—вотъ гдѣ скрывается измѣна
И тайно точитъ противъ насъ ножи.

Народъ.

Скорѣй въ конвентъ и учинимъ расправу!
Иль нѣтъ,—конвентъ оставимъ напослѣдокъ,
Сперва въ тюрьму,—поупражняться тамъ!
Покамѣстъ же, Дантонъ, собрать мы просимъ
Всѣхъ тѣхъ, кто заподозрѣнъ, имена.

(*Народъ съ угрозами расходится. Два санкюлота влекутъ къ эшафоту молодого маркиза и Еву, въ лицѣ его сестры).*

Первый санкюлотъ.

Отличная пожива! Привели мы
Двоихъ аристократовъ! Видъ ихъ гордый,
Ихъ чистое бѣлье—для обвиненія
Достаточны!

Адамъ.

Прекрасная чета!
Введите ихъ сюда.

Санкюлоты.

Теперь спѣшимъ мы
За дѣло вновь,—и смерть врагамъ свободы!

(*Санкюлоты уходятъ; у эшафота остаются только нѣсколько сторожей).*

Адамъ.

Не знаю, почему, я къ вамъ проникнутъ
Симпатіей; хочу я васъ спасти,
Хотя бы это стоило мнѣ жизни.

Маркизъ.

Благодарю, Дантонъ; но если мы
Виновны,—ты отчизну тѣмъ погубишь,
А если нѣтъ,—на что твоя намъ милость?

Адамъ.

Кто смѣетъ такъ съ Дантономъ говорить?

Маркизъ.

Маркизъ!

Адамъ.

Постой: ты долженъ знать, что нынѣ
Одинъ есть только титулъ,—«гражданинъ».

Маркизъ.

Я не слыхалъ, чтобъ титулы и званья
Король нашъ отмѣнилъ.

Адамъ.

Молчи, несчастный!
У насъ въ войскахъ найдешь ты честь и славу.

Маркизъ.

Король не разрѣшилъ мнѣ поступать
Въ войска чужія.

Адамъ.

Такъ казненъ ты будешь.

Маркизъ.

Пусть будетъ такъ. Изъ рода моего
Однимъ, за короля убитымъ, больше.

Адамъ.

И ты безплодно жертвуешь собой?

Маркизъ.

Что жъ изъ того? Какъ будто это право
Лишь вамъ присуще, людямъ изъ народа!

Адамъ.

Настойчивъ ты,—и я настойчивъ буду;
Посмотримъ же, кто побѣдитъ изъ насъ!
Тебя спасу я, и когда настанетъ
Другое время, охладится пылъ
Разбушевавшихся страстей партійныхъ,
Страна за то спасибо скажетъ мнѣ.
Въ мой домъ его, солдаты, отведите,
И за него ручаетесь вы мнѣ.

Ева.

Братъ, оставайся твердъ.

Маркизъ.

Господь всесильный
Храни тебя! *(Уходитъ съ солдатами).*

Ева.

И на моихъ плечахъ
Есть голова!

Адамъ.

Въ твоихъ устахъ—столь нѣжныхъ—
Такія рѣчи жесткія!

Ева.

Словъ нѣжныхъ
На эшафотѣ здѣсь не можетъ быть.

Адамъ.

Но мнѣ—весь міръ на этомъ эшафотѣ;
Когда же ты вступила на него,
Сюда спустился и кусочекъ неба.

Ева.

Жестоки были древніе жрецы,
Но и они надъ жертвой не смѣялись.

Адамъ.

Повѣрь же мнѣ, что я и самъ—лишь жертва!
Чернь съ завистью глядитъ на власть мою;
А я одинъ, безрадостно, съ презрѣньемъ
На жизнь и смерть взирая, созерцаю,
Какъ гибнетъ здѣсь храбрецъ за храбрецомъ,
И жду своей лишь очереди близкой!
Я одинокъ въ кровавомъ этомъ морѣ
И чувствую измученной душой,
Какъ сладостна была бъ любовь! Молю я,
Одинъ лишь день отдай мнѣ, посвяти—
И съ радостью на плахѣ я умру!

Ева.

Ты, въ этомъ мірѣ ужасовъ, гдѣ совѣсть
Тебя терзаетъ,—грезишь о любви?

Адамъ.

Ахъ, что мнѣ совѣсть! Это достоянье
Былыхъ временъ! Кого влечетъ судьба,
Тому смотрѣть вокругъ—досуга мало!
Хоть сотни розъ дрожатъ на стебелькахъ,—
Для нихъ свирѣпый вѣтеръ не утихнетъ.
И, кто жъ, надменный, будетъ насъ судить,
Насъ, правящихъ судьбиною народа?
Кто видѣлъ міровую нить, которой
Руководились Брутъ и Катилина?
Но мыслимо-ль, чтобъ сильные земли
Присущихъ человѣку чувствъ, стремленій,
Заботъ вседневныхъ были лишены
И неземными стали существами?
Не вѣрь тому! На тронѣ золотомъ

Такое жъ бьется сердце! Если Цезарь
Любилъ—своей возлюбленной казался
Онъ, вѣрно, только милымъ, добрымъ малымъ,—
Онъ, передъ кѣмъ міръ цѣлый трепеталъ!
А если такъ, то отчего жъ не можешь
Ты полюбить меня? Я—крѣпкій мужъ,
Ты женщина: любовь межъ насъ возможна!
Я слышалъ, будто сердце, если любитъ,
Иль ненавидитъ,—слѣдуетъ влеченью
Созвучному души: въ моей душѣ
Я слышу сердца твоего біенье;
Призывъ ея понятенъ ли тебѣ?

Ева.

И еслибъ даже мнѣ онъ былъ понятенъ,
Иному богу служишь ты, чѣмъ тотъ,
Который всей душой моей владѣетъ.
Съ тобою мы другъ друга не поймемъ!

Адамъ.

Забудь, молю, свой міръ, давно отжившій,
Низвергнутымъ кумирамъ не служи!
Знай: женщинѣ самой алтарь приличенъ,
Алтарь прекрасный, вѣчно юный—сердце!

Ева.

И для давно забытыхъ алтарей
Найдется жертвъ и мучениковъ много.
Не благороднѣй ли благоговѣйно
Развалины святыя охранять,
Чѣмъ передъ новой властью пресмыкаться?
Да, благородной женщины призванье—
Быть вѣрною святынямъ вѣковымъ!

Адамъ.

Во мнѣ еще никто не видѣлъ чувства;
Меня судьба суровая влекла,
Чтобъ, какъ гроза небесъ, я душный воздухъ
Очистилъ на землѣ!... И вотъ, теперь,
Когда бы другъ иль врагъ меня увидѣлъ,
Въ слезахъ, на эшафотѣ, на колѣняхъ
Предъ дѣвушкой, молящимъ о любви,
Тогда сказалъ бы онъ: конецъ Дантону!
Онъ сталъ смѣшонъ,—не страшенъ никому!
И все жъ молю я: дай мнѣ лучъ надежды!

Ева.

Быть можетъ, если міръ твоя душа
Найдетъ, земную сбросивъ оболочку...

Адамъ.

Молчи, молчи! Я въ міръ иной не вѣрю
И безнадежно я борюсь съ судьбой!

(*Толпа народа возвращается съ дикими криками, неся на пикахъ окровавленныя головы. Нѣкоторые влѣзаютъ на эшафотъ*).

Народъ.

Свершился судъ! Родъ гордый уничтоженъ!

Санкюлотъ (*подавая Дантону кольцо*).

Отчизнѣ этотъ перстень посвящаю!
Его въ тюрьмѣ мнѣ отдалъ трусъ одинъ,
Когда я ножъ къ его приставилъ горлу.
Мнѣ кажется, что эти молодцы
Считали насъ разбойниками! (*Замѣчая Еву*). Какъ?
Еще жива ты? Убирайся-жъ къ сестрамъ!

(*Пронзаетъ Еву ножомъ; она падаетъ внизъ, за эшафотъ*).

Адамъ (*закрывая глаза*).

Убита! О, судьба, ты побѣдила!

Народъ.

Веди же насъ къ конвенту, гражданинъ,
И самъ ты намъ измѣнниковъ укажешь!

(*Народъ сходитъ съ эшафота; Ева, въ лицѣ оборванной, возбужденной женщины, отдѣляется отъ толпы, держа въ одной рукѣ кинжалъ, а въ другой окровавленную голову. Она бросается къ Дантону*).

Ева.

Взгляни, Дантонъ, на этого мерзавца:
Онъ смерть тебѣ готовилъ, я-жъ его
Убила!

Адамъ.

Ты ошиблась, если лучше
Онъ былъ, чѣмъ я; но если нѣтъ, — тогда
Ты поступила хорошо.

Ева.

За подвигъ —
Отдай одну мнѣ изъ твоихъ ночей!

Адамъ.

Ужели нѣжность есть въ такомъ созданьи?
Тогда къ любви способна и тигрица!

Ева.

Мнѣ кажется, однако, гражданинъ,
Ты судишь самъ на ладъ аристократовъ,
Какъ будто ты и самъ романтикъ вздорный!
Я молодая женщина, ты—мужъ:
Могу ли я тобой не восхищаться?

Адамъ (*въ сторону*).

Невольно взоръ свой отвращаю я:
Душѣ моей ужасенъ этотъ призракъ.
Какое сходство странное! Кто зналъ
Святого ангела, и снова видѣлъ
Его, когда онъ былъ низвергнутъ съ неба, —
Тотъ, вѣрно, это чувство испыталъ.
Ея черты, языкъ и образъ — тѣ же;
Недостаетъ лишь малаго, — чего
Мы описать не можемъ, что душою
Лишь постигаемъ мы, — и что же? Все
Является инымъ! Какъ тамъ я слышалъ
Небесный голосъ, мнѣ благоговѣнье
Внушавшій, — такъ теперь передо мной
Адъ возстаетъ, уродливый и смрадный.

Ева.

Что ты бормочешь тамъ?

Адамъ.

Я разсчиталъ,
Что я враговъ въ странѣ имѣю больше,
Чѣмъ остается мнѣ прожить ночей.

Народъ.

Такъ кто-жъ они, враги твои и наши?

(*Входятъ Сенъ-Жюстъ и прочіе члены конвента, сопровождаемые другою толпою народа, и всходятъ на быстро устраиваемую трибуну*).

Сенъ-Жюстъ.

Что можетъ онъ сказать? Онъ самъ измѣнникъ!

(*Народъ ропщетъ*).

Адамъ.

Сенъ-Жюстъ, ты смѣешь клеветать преступно?
Ты знаешь власть мою?

Сенъ-Жюстъ.

Я зналъ ее!
Народъ былъ за тебя, и былъ ты властенъ;
Но онъ тебя узналъ и осудилъ,
Какъ мы, конвентъ!

Адамъ.

Я одного лишь знаю
Судью,—народъ, который вѣренъ мнѣ!

Сенъ-Жюстъ.

Тебѣ лишь вѣренъ тотъ, кто врагъ отчизны,
Народъ же властный—осудилъ тебя.
Ты обвиненъ въ измѣнѣ государству:
Сокровища страны ты утаилъ
И даже съ знатью ты вступилъ въ сношенья,
Стремясь неограниченно царить!

Адамъ.

Поберегись, Сенъ-Жюстъ! Ты лжешь безстыдно!

Робеспьеръ.

Зачѣмъ ему вы говорить даете?
Его языкъ, вѣдь, гладокъ, какъ змѣя!
Во имя всѣмъ намъ дорогой свободы —
Схватить его!

Народъ.

Схватить! Пусть онъ молчитъ!
Схватить его, измѣнника отчизнѣ!

(*Адама окружаютъ и арестуютъ*).

Адамъ.

Согласенъ я, молчу! Прошу лишь васъ
Не требовать, чтобъ выслушалъ я ваши
Пустыя обвиненья. Вы словами
Меня не побѣдили-бъ никогда,
Но дѣломъ вы меня опередили,
А это—все. Но не хвалитесь этимъ!
Довольно; самъ ломаю я свой мечъ
И, Робеспьеръ, зову тебя: за мною
Во слѣдъ пойдешь ты раньше, чѣмъ пройдутъ
Три мѣсяца. Крѣпитесь, палачи:
Казнить вамъ поручаютъ исполина!

(*Кладетъ голову подъ ножъ гильотины*).

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Сцена снова измѣняется, внезапно принимая видъ предыдущей. Адамъ, снова въ лицѣ Кеплера, сидитъ, опустивъ голову на столъ; Люциферъ — его Фамулусъ, ударяетъ его по плечу. Разсвѣтаетъ.

Люциферъ.

На этотъ разъ ты спасся отъ сѣкиры!

Адамъ (*вставая*).

Но гдѣ же я и гдѣ всѣ сны мои?

Люциферъ.

Умчались вмѣстѣ съ хмѣлемъ, другъ-учитель.

Адамъ.

Такъ въ этотъ жалкій вѣкъ лишь во хмѣлю
Способны мы великое увидѣть?
Зачѣмъ проснулся я? Чтобъ презирать
Еще сильнѣе этотъ вѣкъ ничтожный,
Когда таится подъ улыбкой грѣхъ,
А добродѣтель замѣнилъ обычай!

Люциферъ.

О, да, я знаю: кислая отрыжка
Съ похмѣлья очень тягостно мутитъ.

Ева (*выходя изъ бесѣдки*)

Прочь отъ меня! Меня не обмануло
Предчувствіе! Хотѣлъ ты мнѣ внушить,
Чтобъ я супруга своего убила!
Меня считаешь ты на преступленье
Способною, а самъ клянешься мнѣ,
Что я—твой свѣтлый идеалъ!

Придворный.

Потише,
Возлюбленная, тише, ради Бога!
Услышатъ насъ,—поднимется скандалъ!

Адамъ.

А тѣ двѣ женщины? Ужели это
Все было сномъ? Одна,—но въ двухъ видахъ,
Которые такъ рѣзко измѣнились
Съ моей судьбою вмѣстѣ,—точно день
И сумрачная ночь!

Ева.

О, да, конечно,
Ты говоришь красно! И самый грѣхъ
Пока онъ скрытъ,—тебя не запятнаетъ,
Какъ рыцаря безъ страха и упрека!
Надъ слабою вы женщиной смѣетесь,
Пока она, какъ пошлый предразсудокъ,
Наслѣдье добродѣтели святое
Не броситъ въ прахъ,—а послѣ на нее
Вы смотрите съ презрѣньемъ, какъ на средство
Постыдное для низкаго грѣха!
Прочь отъ меня, тебя мнѣ гадко видѣть!

Придворный.

Зачѣмъ же пересаливать, мой другъ?
Смѣшны мы будемъ, если такъ трагично,
Съ такимъ волненьемъ будемъ относиться
Къ простымъ вещамъ, почти что ежедневнымъ!
Еще встрѣчаться будемъ мы съ тобой,
Съ улыбкою и шуткою веселой,
А что сегодня было,—позабудемъ.
Такъ до свиданья-жъ! Добрый день! (*Уходитъ*).

Ева.

Злодѣй!
Въ грѣхахъ меня ты и въ слезахъ оставилъ! (*Уходитъ*).

Адамъ.

Такъ, это было—сонъ, и сонъ прошелъ...
Но нѣтъ, не все прошло! Идеи выше,
Чѣмъ воплощенье ихъ: тѣла исчезнутъ,
Истреблены насиліемъ; мысль же вѣчно
Живетъ и процвѣтаетъ, и растетъ;
Въ борьбѣ она становится яснѣе
И наполняетъ медленно весь міръ.

Люциферъ.

Учитель, день насталъ: твоихъ уроковъ
Ждетъ съ нетерпѣньемъ молодежь, желая
Услышать слово мудрыхъ устъ твоихъ.
(*Колоколъ обсерваторіи звонитъ*).

Адамъ.

Не издѣвайся надъ моимъ ты знаньемъ:
Краснѣю я при имени его!

Люциферъ.

Ты-жъ учишь многихъ юношей способныхъ?

Адамъ.

Я лишь словами образую ихъ,
Которыя имъ чужды, непонятны,
Въ которыхъ нѣтъ ни силы, ни души!
Глупецъ имъ въ изумленіи внимаетъ
И мнитъ, что звукомъ этихъ словъ пустыхъ
Мы можемъ духовъ заклинать всесильно;
А тѣ слова—лишь пестрая одежда,
Которою прикрыто шарлатанство!
(*Ученикъ быстрыми шагами всходитъ на балконъ*)

Ученикъ.

Учитель мой, меня ты обласкалъ,
Сказалъ, что утолишь мнѣ жажду знанья,
Что глубже я проникну въ суть вещей,
Чѣмъ ты другимъ обычно дозволяешь!

Адамъ.

Такъ! Неизмѣннымъ пламеннымъ стараньемъ
Ты предпочтенье это заслужилъ.

Ученикъ.

Душа моя трепещетъ отъ желанья
Извѣдать міровданья дивный ходъ,
И все обнять, и насладиться дивнымъ
Могуществомъ познанья, въ мірѣ духовъ
И въ мірѣ вещества повелѣвая!

Адамъ.

Отважное желанье! Ты—лишь атомъ,
И хочешь необъятное познать?
Ты хочешь власти, знанья, наслажденья?
Да, еслибъ грудь твоя могла снести
Тройное бремя, цѣль желаній пылкихъ,—
Ты сдѣлался бы богомъ! Но желай
Немногаго,—и многаго достигнешь!

Ученикъ.

Открой мнѣ хоть одну загадку знанья,
И каково бы ни было рѣшенье,
Черезъ него пріобрѣту я много;
Скажи мнѣ: почему ничто донынѣ
Невѣдомо мнѣ въ сущности своей?

Адамъ.

Пусть будетъ такъ! Я вижу, ты достоинъ
Награды величайшей. Я введу
Тебя въ алтарь святыни. Ты увидишь
Все, *какъ* и *что* я вижу самъ. Но только
Ты посмотри, не слушаетъ ли тайно
Насъ кто-либо непосвященный? Знай,
Что истина—ужасна, смертоносна
Для нашего немыслящаго вѣка,
Для спящаго народа! Будетъ время,
Когда ее открыто возвѣстятъ,
Когда для правды человѣкъ созрѣетъ!
Такъ дай же руку, обѣщай мнѣ твердо
Скрывать до гроба, что открою я!

Ученикъ.

Я трепещу отъ страха и желанья.

Адамъ.

Такъ повтори-жъ вопросъ твой.

Ученикъ.

Почему
Я сущности вещей не постигаю?

Адамъ (*съ удареньемъ*).

Не постигаешь ты, ни я,—никто!
Узнай, что философія вся—только
Поэзія вещей, которыхъ вѣчно
Мы не поймемъ! Притомъ, ученье это—
Скромнѣйшая, невиннѣйшая вѣра;
Она живетъ въ своихъ хитросплетеньяхъ,
Довольна міромъ выдумокъ своихъ.
Но есть не мало и другихъ ученій,
Которыя съ серьезностью проводятъ
Черты на прахѣ, поучая насъ:
Вотъ здѣсь, за этой линіей—есть бездна,
А этотъ кругъ—святыня! Хочешь ты
Надъ ними посмѣяться, но внезапно
Ты чувствуешь угрюмое значенье
Тѣхъ словъ: ты видишь, какъ, дрожа отъ страха,
Всѣ избѣгаютъ линій тѣхъ, чуть видныхъ
И съ легкостью стираемыхъ въ пыли.
А здѣсь и тамъ свирѣпыми зубами
Безжалостно хватаютъ западни
Того, кто кругъ перешагнетъ отважно.

*

Такъ бредъ пустой, въ одеждѣ благочестья,
Сбиваетъ насъ съ пути и охраняетъ
Привычную, имъ созданную власть.

Ученикъ.

Ужасно слышать!.. Что-жъ, такъ будетъ вѣчно?

Адамъ.

Настанетъ время,—призраки тѣ будутъ
Осмѣяны. Всѣ бредни люди бросятъ;
Отважные прыжки излишни станутъ,
Рвы намъ не будутъ преграждать шаговъ,—
Удобныя, просторныя дороги
Открыто, прямо къ цѣли поведутъ.
А сложный бредъ запутанныхъ ученій
Не будутъ никому преподавать.
Хоть будутъ всѣ ихъ понимать прекрасно.

Ученикъ.

Такъ вотъ языкъ высокій откровенья!
Но если и все прочее—лишь мусоръ,
Оставь же хоть въ искусство вѣру мнѣ.
Чтобъ знать искусство, правила потребны.

Адамъ.

Искусства тайны высшія сокрыты
Въ его созданьяхъ: не найдешь ты ихъ.

Ученикъ.

Ужель должно высокое искусство
Дѣйствительность одну изображать—
Холодную, суровую? Нѣтъ, только
Высокій идеалъ облагородитъ
И одухотворитъ его созданья!

Адамъ.

Конечно, только мысль влагаетъ душу
Въ созданія искусства и даетъ
Имъ жизнь. Такимъ путемъ искусство можетъ
Сравняться съ творчествомъ: оно—творитъ.
Пока идеямъ самъ даешь ты форму,
До плагіата ты не снизойдешь,—
Но избѣгай лишь образцовъ и правилъ!
Тотъ, въ чьей душѣ проснулось божество,
Ваяетъ, пишетъ, пѣснь поетъ свободно,
Рыдаетъ онъ въ терзаніяхъ душевныхъ
И въ снахъ блаженныхъ сладко онъ смѣется...

Дойдетъ онъ къ цѣли,—самъ найдя къ ней путь.
Другіе-жъ изъ его созданій страстныхъ
Себѣ стремятся правила извлечь
И создаютъ—на краткій срокъ—законы,
Которые тѣснятъ,—не окрыляютъ!

Ученикъ.

Учитель, что же дѣлать мнѣ, скажи!
Я дни и ночи посвящалъ наукѣ,—
И знаю столько-жъ, какъ любой невѣжда.
Ужель напрасно весь мой трудъ потерянъ?

Адамъ.

О нѣтъ,—затѣмъ, что именно твой трудъ
Тебѣ далъ право презирать все знанье!
Кто никогда опасности не видѣлъ
И передъ ней бѣжитъ,—тотъ трусъ, конечно,
Герой же, чья извѣстна храбрость всѣмъ,
Отъ забіяки можетъ сторониться:
Его никто за труса не сочтетъ.
Возьми же ты пергаментъ этотъ старый,
Полугнилые эти фоліанты,—
Сожги ихъ всѣ, за то, что изъ-за нихъ
Мы на своихъ ногахъ стоять отвыкли
И собственною мыслить головой!
Они временъ умчавшихся ошибки,
Какъ предразсудки, намъ передаютъ;
Сожги ихъ всѣ—и выходи на волю!
И больше не учись, что значитъ пѣсня
И какъ свободный зеленѣетъ лѣсъ,—
Въ коморкѣ пыльной, между тѣмъ, безплодно,
Тоскливо тратя молодую жизнь!
Ужели такъ долга неизмѣримо
Жизнь наша, чтобы лучшіе всѣ годы
Ты посвящалъ теоріи? О, нѣтъ!
Покинемъ оба мы съ тобою школу;
Тебя ведетъ пусть розовая юность
Къ веселымъ пѣснямъ, солнечному счастью;
Меня же духъ сомнѣнья поведетъ
Въ тотъ новый міръ, который долженъ вскорѣ
Возникнуть съ той поры, какъ будетъ понятъ
Мужей великихъ духъ, когда свободно
Раздастся слово, оживляя мысль,
Заснувшую въ развалинахъ проклятыхъ!

ЛЮБОВЬ.

Повѣсть **Густава Гейерстама**

Переводъ со шведскаго **К. Ж.**

I.

Страна была не плодородна. Большей частью она поросла лѣсомъ, и лѣсомъ не изъ хорошихъ. Къ тому же почва была слишкомъ камениста, и обитателямъ сосноваго бора, владѣвшимъ земельными участками, приходилось вести тяжелую борьбу, чтобы заставить землю родить хлѣбъ.

Посреди сосноваго бора быстрымъ потокомъ несся ручей. Въ нижнемъ своемъ теченіи онъ становился рѣкой, и въ ней водилось много форелей. Крестьяне, жившіе по берегамъ въ той мѣстности, получали хорошіе барыши и отъ хозяйства, и отъ рыбной ловли. Рѣка тамъ была шире, земля кругомъ покрыта тучными лугами и буковымъ лѣсомъ, поля были свободны отъ камней и приносили богатые урожаи. Но выше, въ сосновомъ бору, ручей былъ узокъ, и дно, сквозь темную, журчащую воду, представляло сплошное каменистое ложе; поля кругомъ были завалены камнями, хлѣбъ росъ на нихъ рѣдкій, и урожаи были скудны. Тамъ, гдѣ кончались поля, густой и дремучій лѣсъ подступалъ къ ручью и тянулся на много миль по горамъ и утесамъ.

Тамъ, гдѣ лѣсъ примыкалъ къ полямъ, стояли два старыхъ крестьянскихъ двора, въ разстояніи всего нѣсколькихъ минутъ ходьбы одинъ отъ другого. Между ними протекалъ ручей, и черезъ самое узкое мѣсто его былъ перекинутъ мостикъ, поддерживавшійся обоими дворами сообща. Сосновый боръ лежалъ въ сторонѣ отъ села и отъ всего прихода, и если въ темный зимній вечеръ приходилось идти по ведшей къ нему дорогѣ, среди огороженныхъ полей, то ручей выдѣлялся на бѣломъ снѣгу, какъ темная лента, по обѣимъ сторонамъ его мерцали привѣтливые огоньки въ окнахъ близнецовъ-избушекъ, а за ними, треща отъ мороза подъ звѣзднымъ небомъ, чернѣла лѣсная опушка.

Преданіе говоритъ, что обѣ эти избушки были построены двумя братьями, первыми обитателями сосноваго бора, и теперь еще потомки этихъ братьевъ владѣли землей и дворами, выгонами и постройками.

Люди, умѣющіе находить сходство, говорили, что у всѣхъ, рождавшихся въ этихъ дворахъ, видно было, что они принадлежатъ къ одному и тому же роду. Но съ того времени, какъ жили братья, о которыхъ разсказываетъ преданіе, прошло много сотенъ лѣтъ, а замѣтки, которыми испещрены первыя страницы въ старинныхъ библіяхъ у обѣихъ семей, даютъ очень смутныя и неполныя указанія.

Никто, поэтому, точно не зналъ, насколько близки по родству были оба семейства, и въ послѣднее столѣтіе мужчины брали себѣ женъ изъ другихъ мѣстностей за лѣсомъ или съ юга.

Далѣе преданіе говоритъ, что оба родоначальника вначалѣ жили въ большой дружбѣ, настолько большой, что трудно было представить себѣ двухъ братьевъ, которые больше любили бы другъ друга. Одинъ изъ нихъ былъ женатъ, а другой не женатъ. Когда женатый переселился въ новое мѣсто и выстроилъ себѣ тамъ домъ, то вмѣстѣ съ нимъ переселился и неженатый, потому что не могъ жить безъ брата, и пока онъ былъ не женатъ, дружба между обоими братьями продолжалась. У женатаго брата жена была добрая и кроткая женщина, не выносившая ссоръ. Но когда холостому брату надоѣло жить одному, и онъ тоже женился, то дружба между обоими братьями, которые прежде были неразлучны, кончилась. Новая жена посѣяла вокругъ себя раздоръ, и между обоими братьями началась вражда, которую не могли уничтожить ни жизнь, ни смерть. Вражда эта продолжалась во второмъ и въ третьемъ поколѣніи, и когда она, наконецъ, кончилась, то никто хорошенько не зналъ, изъ-за чего она возникла.

Судьба обитателей сосноваго бора, владѣвшихъ старыми дворами у ручья, была не совсѣмъ заурядной, такъ что объ нихъ даже сложилось повѣрье, долго державшееся въ деревнѣ. По этому повѣрью, всякій, жившій въ сосновомъ бору, былъ очень несчастливъ въ любви или же очень счастливъ. Но даже и самое это повѣрье теперь уже почти совсѣмъ забыто. Счастье и несчастье въ жизни чередуются, и ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать про другого, сколько онъ счастливѣе или несчастнѣе его.

Тотъ, кто въ серединѣ восемнадцатаго столѣтія жилъ во дворѣ по лѣвую сторону рѣчки, не думалъ объ этомъ повѣрьѣ, а когда ребенкомъ ему приходилось его слышать, то оно было такъ старо, что никто не принималъ его въ серьезъ. Крестьянинъ же, жившій къ югу отъ рѣчки или въ южномъ сосновомъ бору, какъ назывался его дворъ въ деревнѣ, былъ въ то время, къ которому относится начало нашего разсказа, еще молодъ, моложе тридцати лѣтъ, и тѣмъ не менѣе въ одно воскресное утро, въ страдную пору сидѣлъ и думалъ о томъ, какъ тихо стало въ его домѣ. Въ прошлое воскресенье онъ похоронилъ свою молодую жену, и теперь слышалъ, черезъ открытую дверь, какъ женщины въ домѣ старались успокоить кричавшаго новорожденнаго. Жена его умерла во время родовъ, и вотъ Андерсъ

Іоганъ, молодой и одинокій, сидѣлъ и думалъ, какъ ему устроиться съ домомъ.

«Крестьянинъ долженъ быть женатъ,—говорилъ самъ себѣ Андерсъ Іоганъ, когда искалъ себѣ жену.—А то домъ его запустѣетъ и ему самому придется возиться съ бабьими дѣлами». То же самое онъ сказалъ, когда нашелъ жену и получилъ ея согласіе. И вотъ она жила въ его домѣ и родила ему двоихъ дѣтей. Потомъ она ушла и оставила его болѣе одинокимъ, чѣмъ прежде.

Андерсъ Іоганъ долго сидѣлъ на завалинкѣ, слушалъ крикъ младенца и смотрѣлъ на клеверное поле, благоухавшее подъ солнечными лучами. Работы не было по случаю праздника, лѣтній вѣтерокъ тихо дулъ съ поля. Ребенокъ въ комнатѣ, наконецъ, заснулъ, и Андерсъ Іоганъ не слышалъ ничего, кромѣ журчанья ручья, стремившагося съ горы за лѣсомъ.

Долго сидѣлъ онъ, задумавшись, наконецъ, всталъ и приказалъ работницѣ приготовить ему праздничное платье. Работница повиновалась съ молчаливой предупредительностью, съ какой слуги относятся къ серьезно опечаленному хозяину.

Андерсъ Іоганъ былъ маленькаго роста, но никто, видя его, этого не находилъ. Молодой крестьянинъ былъ крѣпко сложенъ, съ красивой, правильной головой. Волосы у него были русые, борода свѣтлѣе волосъ. Когда онъ улыбался, въ глазахъ его появлялось что-то теплое, и женщинѣ, встрѣтившейся взглядомъ съ этой теплой синевой, хотѣлось видѣть ее почаще. Вызывать эту теплоту и эту синеву становилось для нея потребностью.

Теперь Андерсъ Іоганъ шелъ уныло въ своемъ праздничномъ платьѣ и думалъ, какъ тяжело ему будетъ одному съ дѣтьми и какъ трудно будетъ о нихъ заботиться.

Андерсъ Іоганъ шелъ къ сѣверному сосновому бору, въ сосѣдній дворъ, лежавшій по ту сторону ручья, но взойдя на мостъ, остановился и долго простоялъ, облокотившись на перила, и смотрѣлъ въ воду.

«Никогда я больше не женюсь,—думалъ онъ.—Бурно течетъ здѣсь черная вода, и такая же бурная и черная вся жизнь. Она течетъ, словно вода по камнямъ, и дно вездѣ такъ близко, что его видно».

Стоя здѣсь, онъ подумалъ о своей умершей женѣ, и ему захотѣлось пойти на ея могилу, гдѣ онъ не былъ съ похоронъ, и куда, по случаю работы, ему не удалось бы попасть раньше будущаго воскресенья. Въ то время, какъ онъ думалъ объ этомъ, мысль о дѣтяхъ, словно ножомъ, рѣзнула его по сердцу, и онъ вздохнулъ. Онъ почувствовалъ, что потъ выступилъ у него на лбу, и снялъ шапку. Зачѣмъ онъ пошелъ, онъ никакъ не могъ вспомнить. Ему казалось несчастьемъ, что въ предстоящую недѣлю должна была начаться жатва. Ему хотѣлось бы, чтобы не нужно было работать, думать о смерти и о Богѣ и, углубившись въ свое горе, забыть весь міръ.

Стоя на мосту, онъ услышалъ, какъ кто-то, проходя, съ нимъ поздоровался. Онъ отвѣтилъ на привѣтствіе и поднялъ голову. Андерсъ Іоганъ увидѣлъ передъ собой гибкую дѣвичью фигуру, одѣтую въ домотканное бумажное платье и съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. Дѣвушка только что вышла изъ дѣтскаго возраста, и тѣло ея было тонко и стройно. Остановившись, она посмотрѣла на Андерса Іогана, поднявшись на цыпочки. Она знала теплоту его взгляда, и ее огорчало видѣть его такимъ холоднымъ, унылымъ и замкнутымъ въ самомъ себѣ. Взглядъ шелъ изъ пары глубокихъ синихъ глазъ, и ея маленькій, пытавшійся улыбнуться, ротъ на тонкомъ бѣленькомъ лицѣ сложился въ такую серьезную, старческую улыбку, что Андерсъ Іоганъ невольно обратилъ на нее вниманіе.

«Какая она красивая!» невольно подумалъ Андерсъ Іоганъ. И его лицо просвѣтлѣло. Онъ не могъ оторвать взгляда отъ лица дѣвушки. Въ первый разъ онъ видѣлъ, какъ мягкіе волосы, мелкими тонкими, волнами вились надъ ея чистымъ лбомъ.

— Дома Магнусъ?—спросилъ Андерсъ Іоганъ, чтобъ сказать что-нибудь.

— Отецъ и мать въ церкви,—отвѣтила дѣвушка.—Ты шелъ къ намъ?

— Къ вамъ,—отвѣтилъ крестьянинъ.—Я хотѣлъ посовѣтоваться съ ними кое-о-чемъ.

Дѣвушка повернулась, и Андерсъ Іоганъ молча послѣдовалъ за ней. Удивительное спокойствіе сошло на него, точно онъ ходилъ искать помощи, а помощь пришла сама по себѣ, помимо его просьбы. Смутно ему вспомнилось, что онъ читалъ разъ въ библіи, какъ одинъ человѣкъ пошелъ искать что-то совсѣмъ обыкновенное, а нашелъ цѣлое королевство. Андерсъ Іоганъ старался вспомнить этотъ разсказъ хорошенько, и въ то же время думалъ, почему онъ пришелъ ему въ голову. И подъ конецъ всѣ мысли исчезли сами собой и замѣнились страшной увѣренностью, что теперь все будетъ опять хорошо. Онъ даже не размышлялъ, почему онъ это чувствуетъ, и думалъ только о томъ, что сегодня видѣлъ дѣвушку въ первый разъ.

«Это, должно быть, оттого, что я постоянно видѣлъ ее, съ самаго ея дѣтства, думалъ онъ.» Я и не зналъ, что она ужъ такая большая.

А вслухъ сказалъ:

— Куда ты шла, когда я тебя встрѣтилъ?

Дѣвушка отвѣтила:

— Я шла на минутку къ дѣтямъ, а то они остались одни.

И это тоже Андерсъ Іоганъ нашелъ настолько естественнымъ, что не сталъ спрашивать дальше. Онъ и дѣвушка подходили къ двору стараго Магнуса, и Андерсъ Іоганъ продолжалъ идти и позволялъ вести себя къ чему-то, что подступало все ближе и что было хорошо. Но подойдя къ двери сосѣда, онъ вспомнилъ, что уже зналъ кое-что объ этомъ раньше. Дома люди разсказывали ему, что Эльза пробыла у него

цѣлую недѣлю, играла съ мальчикомъ, которому было три года, и заботилась, чтобы кормили новорожденную дѣвочку.

Андерсъ Іоганъ и дѣвушка сѣли въ комнатѣ, и Эльза сказала:

— Отецъ и мать вѣрно скоро вернутся. Они собирались пробыть недолго.

Андерсъ Іоганъ сидѣлъ и думалъ, что ему слѣдовало бы поблагодарить Эльзу за ея доброту къ его дѣтямъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ умерла его жена, онъ почти ни съ кѣмъ не говорилъ. Онъ погрузился въ свое горе и въ работу, и люди, встрѣчавшіеся съ нимъ, не хотѣли мѣшать ему. Поэтому потребность поговорить о самомъ себѣ и о случившемся съ нимъ великомъ событіи вступила въ свои права, и онъ, вмѣсто благодарности, сказалъ:

— Тяжело такъ сразу остаться одному, когда раньше никогда не думалъ объ этомъ.

Онъ поднялъ на минуту голову и встрѣтилъ пару большихъ вдумчивыхъ глазъ, въ которыхъ ему показались слезы объ немъ, но не посмѣлъ взглянуть въ нихъ и снова перевелъ взглядъ.

И Андерсъ Іоганъ разсказалъ все, какъ случилось, что жена умерла, какъ началась лихорадка, что она говорила и какъ въ послѣднюю минуту думала о немъ и дѣтяхъ. Но страннѣе изъ всего случившагося было то, что онъ тогда не чувствовалъ горя. То, что пришла смерть и у него на глазахъ отняла у него жену, казалось ему такимъ удивительнымъ и великимъ, что онъ позабылъ про свое горе и испытывалъ только одно благоговѣніе. Онъ разсказывалъ все это, но дивился всего больше тому, что сначала не горевалъ объ женѣ, а думалъ только о томъ, какая великая вещь смерть.

— Когда она скончалась,—сказалъ онъ,—стало такъ тихо, что мнѣ почудилось, будто ручей остановился. Андерсъ Эрикъ спалъ, и въ домѣ, кромѣ меня, никого не было. Тогда я накрылъ ей голову и поблагодарилъ Бога.

Андерсъ Іоганъ дрожалъ при воспоминаніи, которое было еще такъ свѣжо, что вызывало въ немъ боль. Но въ разсказѣ онъ находилъ облегченіе, и ни на минуту ему не пришло въ голову, что слушаетъ его почти ребенокъ.

— Потомъ пришло горе,—продолжалъ онъ,—и я думаю, что оно состарило меня прежде времени. Жениться я никогда не женюсь. Но мнѣ надо взять кого-нибудь, кто бы мнѣ помогалъ. Дворъ послѣ меня перейдетъ къ мальчугану, а одинъ я не смогу вести его такъ, чтобы когда-нибудь съ честью оставить его послѣ себя.

Дѣвушка, слушавшая Андерса Іогана, не улыбнулась, когда онъ назвалъ себя старикомъ, для этого она сама была слишкомъ молода. И она не сомнѣвалась въ томъ, что Андерсъ Іоганъ всегда будетъ думать такъ же, какъ теперь. Всю жизнь онъ будетъ работать для своихъ дѣтей, и когда состарится, то умретъ, такъ и не имѣвъ ни-

какой другой мысли. И именно потому, что она такъ чувствовала, она безсознательно помогала Андерсу Іогану. Онъ могъ говорить, сколько хотѣлъ, а иногда горю и нужно только этого. Эльза не прерывала его и не мѣшала ему. Въ первый разъ ей пришлось заглянуть въ настоящее горе, и она была преисполнена благодарности и изумленія, словно передъ большимъ и неожиданнымъ даромъ. Она сидѣла и думала, что такой именно она воображала себѣ жизнь, и такой она оказалась.

Такъ они просидѣли до тѣхъ поръ, пока изъ церкви не пришелъ Магнусъ съ женой своей Бритой. Оба они были стары и дружны съ родителями Андерса Іогана, которые лежали на кладбищѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь была похоронена его жена. Они обрадовались гостю, и Андерсъ Іоганъ просидѣлъ у нихъ до вечера.

Послѣ обѣда онъ остался одинъ со старикомъ, а Эльза пошла похлопотать о дѣтяхъ и распорядиться въ домѣ, гдѣ хозяйка умерла. И случилось такъ, что Андерсъ Іоганъ уходилъ домой ясный и спокойный. Старики согласились, чтобы Эльза переселилась къ нему и стала его помощницей. Такъ захотѣла сама Эльза.

— Береги ее хорошенько,—сказалъ Магнусъ на прощанье. — Она мое самое любимое дитя.

И Андерсъ Іоганъ обѣщалъ беречь Эльзу.

II.

Для Андерса Іогана наступили новыя времена, и онъ часто удивлялся, какъ тихо и беззвучно протекала его жизнь. Шума не было, но куда бы онъ ни взглянулъ, вездѣ кипѣла работа и все шло, какъ по маслу. Онъ пересталъ задумываться и принималъ свое горе тихо и спокойно.

Все это шло отъ Эльзы, думалъ Андерсъ Іоганъ, и ему стоило только посмотрѣть на нее, чтобы почувствовать себя радостнымъ и беззаботнымъ. Онъ слѣдилъ за ней глазами, когда она проходила мимо него, и радовался ея легкой походкѣ, не думая объ этомъ. Онъ видѣлъ, какъ она хлопотала въ кухнѣ, приготовляя ему кушанья, и ему было отрадно, что все у нея выходило такъ проворно и ловко. Простоволосая, раскраснѣвшаяся, она ходила изъ погреба въ кухню, изъ кухни на скотный дворъ. Она приводила въ порядокъ, чистила, прибирала, ставила на мѣсто все, что ни попадалось ей подъ руку. Вставала съ солнцемъ, а ложилась поздно, работала и въ домѣ, и на скотномъ дворѣ. Дѣти въ ея рукахъ были точно воскъ, и рабочіе исполняли свое дѣло безъ ворчанія. Скотъ тучнѣлъ и размножался, садъ приносилъ плоды, а въ домѣ все было чисто и уютно, какъ у господъ.

Андерсъ Іоганъ самъ работалъ всю жизнь. Поэтому, видя, что Эльза такая же работящая, онъ чувствовалъ себя бодрымъ и привя-

зался къ ней, видя въ ней помощницу. Когда теперь онъ думалъ о своей покойной женѣ, то ему казалось, что все устраивается такъ, какъ она того хотѣла.

Андерсъ Іоганъ не привыкъ много разговаривать. Въ лѣсу, гдѣ онъ жилъ, это было не въ обычаѣ. Насколько онъ могъ помнить, отецъ и мать его говорили только о томъ, что необходимо было сказать и что казалось вопросомъ дня. И по отношенію къ Эльзѣ вначалѣ онъ тоже не измѣнилъ этой привычки. Но онъ помнилъ, что разъ, вскорѣ послѣ смерти жены, нарушилъ ее, и чувствовалъ, что если что-нибудь будетъ угнетать его, то онъ всегда можетъ разсказать это Эльзѣ, какъ могъ тогда. Сознаніе это давало ему спокойствіе и постепенно разсѣяло его грусть и принесло забвеніе.

Такъ прошло нѣкоторое время, и Андерсу Іогану ни разу не пришло въ голову, что что-нибудь въ настоящемъ порядкѣ вещей можетъ измѣниться. Зима давно наступила, и святки уже прошли. Снѣгъ завалилъ поле и кусты, въ лѣсу занесло дороги, съ крышъ висѣли ледяныя сосульки, а на дворѣ дорожки между домомъ и постройками казались вытоптанными канавками. Въ горницѣ трещалъ ткацкій станокъ, а въ сараѣ дѣйствовалъ верстакъ. Всѣ испорченныя и сломанныя лѣтомъ повозки, инструменты и всякія рабочія снасти приводились въ порядокъ и чинились.

Андерсъ Іоганъ медленно шелъ по двору. Онъ заглянулъ въ горницу, гдѣ Эльза сидѣла за станкомъ, взялъ топоръ, который искалъ, и пошелъ опять къ своей работѣ. Въ первый разъ подумалъ онъ, какъ ему теперь хорошо, и безпокойство, которое онъ никакъ не могъ объяснить себѣ, наполнило его душу. Почему раньше онъ не думалъ объ этомъ? Почему это пришло ему въ голову именно сейчасъ, хотя ничего не произошло? Точно жаломъ пронизала его мысль, что *это не можетъ продолжаться*. Когда-нибудь Эльза должна выйти замужъ, какъ другія. Она красива и молода, и хотя у нея много сестеръ и братьевъ, не мало найдется желающихъ породниться съ Магнусомъ изъ сѣвернаго сосноваго бора.

Подъ эти мысли, никогда раньше не всплывавшія въ немъ, Андерсъ Іоганъ продолжалъ свою работу. Онъ обтесывалъ новое дышло для навозной телѣги и работалъ съ ожесточеніемъ, но не могъ прогнать этой мысли изъ головы: «Эльза когда-нибудь должна выйти замужъ, и ты опять останешься одинъ». «Придетъ время, будетъ видно,— подумалъ онъ потомъ.—Помогли одинъ разъ, когда мнѣ пришлось туго, помогутъ и въ другой». Но снова зашевелилось сомнѣніе и прошептало: «Такихъ чудесъ два раза не случается».

Стало смеркаться, и Андерсъ Іоганъ зажегъ фонарь въ сараѣ. Свѣтъ его разлился по темному помѣщенію и прорѣзалъ мракъ, сгущавшійся надъ снѣгомъ на улицѣ. Андерсъ Іоганъ напряженно работалъ, какъ бы для того, чтобы отогнать мысли. Но онѣ не хотѣли

оставить его въ покоѣ, и онъ не могъ, какъ обыкновенно, найти удовольствія въ работѣ. Точно какіе-то голоса шептали изъ темныхъ угловъ длиннаго сарая: «Она не можетъ остаться, она не можетъ остаться».

Андерсъ Іоганъ хорошо зналъ, что бываютъ въ жизни всякаго человѣка часы, когда онъ чувствуетъ себя какъ-то странно. Онъ зналъ также, что въ такихъ случаяхъ не слѣдуетъ поддаваться, а искать лекарство во всемъ, въ чемъ его можно найти. Поэтому онъ работалъ дольше обыкновеннаго, ибо чувствовалъ, что самое напряженіе дѣйствуетъ на него хорошо, и пришелъ къ ужину очень усталый. Онъ долго сидѣлъ за столомъ, такъ долго, что работникъ и обѣ бабы ушли кончать послѣднюю вечернюю уборку. Дѣти спали въ другой комнатѣ. Онъ былъ одинъ съ Эльзой. И Андерсъ Іоганъ вспомнилъ, что ни разу не поблагодарилъ Эльзу за все, что она для него дѣлала, и нѣкоторое время сидѣлъ и подыскивалъ слова, чтобы высказать это. Но онъ не нашелъ никакихъ подходящихъ словъ, и вмѣсто того сказалъ:

— Тебѣ навѣрно станетъ здѣсь подъ конецъ скучно.

— Нѣтъ,—отвѣтила Эльза и взглянула на него ясными глазами. Я никогда не скучаю. Я довольна.

Андерсъ Іоганъ сначала подумалъ, что ему больше не о чемъ спрашивать. Такое онъ почувствовалъ облегченіе. Но, чтобы окончательно успокоиться, онъ хотѣлъ попытать еще разъ.

— Навѣрно найдется кто-нибудь, кто захочетъ на тебѣ жениться,— сказалъ онъ и попробовалъ улыбнуться.

Эльза подняла голову и на лицѣ ея появилось старческое, пытливое выраженіе.

— Тебѣ кто-нибудь что-нибудь говорилъ?—спросила она.

— Мнѣ? Нѣтъ. Кто же бы мнѣ могъ сказать?

Эльза отвернулась отъ него и продолжала заниматься своимъ дѣломъ. Потомъ сказала, понизивъ голосъ:

— Отецъ былъ нынче и говорилъ, что пріѣзжалъ одинъ изъ села и сватался ко мнѣ.

Андерсъ Іоганъ вскочилъ изъ-за стола. Въ глазахъ его потемнѣло. «Вотъ почему мнѣ пришло это въ голову именно сегодня», подумалъ онъ. И не соображая своихъ словъ, онъ спросилъ рѣзко:

— Кто это?

Въ голосѣ его слышалась угроза.

— Я думаю, это тебѣ все равно, разъ я не пойду за него,—отвѣтила Эльза и посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

Андерсъ Іоганъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Счастье сохранить Эльзу казалось ему слишкомъ невозможнымъ.

— Развѣ ты не хочешь выходить замужъ?—сказалъ онъ и попробовалъ опять улыбнуться, но безуспѣшно.

Но Андерсу Іогану пришлось подождать отвѣта, и когда Эльза подняла голову, онъ удивился тому, что она была блѣдна, какъ полотно. Видъ у нея былъ испуганный, словно она боялась, что кто-нибудь причинитъ ей зло, и Андерсъ Іоганъ подумалъ, какъ и всякій, кто увидѣлъ бы ее, что за этой блѣдностью таится какая-нибудь несчастная любовь.

Но Эльза быстро справилась съ собой и улыбнулась ему, какъ обыкновенно.

— Родители мои очень огорчаются, что я не хочу выходить замужъ,—сказала она.—Но у меня никогда не было къ тому охоты. Если ты согласенъ держать меня, то я останусь здѣсь. Здѣсь я нужна, и здѣсь мнѣ хорошо.

Андерсу Іогану не было времени размышлять долго объ этомъ разговорѣ. Что Эльза въ глубинѣ души думала, этого онъ не могъ хорошенько разобрать, но видѣлъ, что спрашивать не стоило. Да это и не особенно его интересовало. Послѣ короткаго безпокойства за день, на него сошло спокойное сознаніе, что все остается, какъ было, и ему не нужно бояться, что онъ останется одинъ. Онъ простился и пошелъ спать.

Но Эльза долго лежала съ открытыми глазами, прислушиваясь къ ровному дыханію дѣтей? Съ ними она чувствовала себя всегда счастливой и удивлялась, почему другіе люди не могутъ оставить ее въ покоѣ.

III.

Такъ прошла первая зима. Снѣгъ растаялъ, заледенѣвшая земля начала отходить, вода неслась скачками по канавамъ, а ручей шумѣлъ, какъ настоящая рѣка въ половодье.

Сильно и бодро, какъ никогда, Андерсъ Іоганъ шагалъ за плугомъ, прокладывая борозду за бороздой по землѣ своихъ отцовъ. Онъ всегда чувствовалъ особую радость, когда наступала весна и начинались полевыя работы. Тогда онъ думалъ о томъ, сколько людей прошло здѣсь до него и своей работой создало все то, чѣмъ онъ теперь владѣетъ. Ему весело было напрягать свое сильное, тяжелое тѣло, и онъ вступалъ въ борьбу со своими каменистыми полями, накидывалъ цѣлые возы камня по краямъ канавъ, откуда потомъ они свозились и складывались въ большія кучи, и чѣмъ выше эти каменные холмы становились, тѣмъ больше, думалъ Андерсъ Іоганъ, было ему чести. И онъ съ радостью думалъ, что проживетъ всю свою жизнь въ сосновомъ бору и тутъ же умретъ.

Потомъ пришло время посѣва, и скотъ выгнали на траву. Онъ шелъ одинъ, неся сѣмена въ передникѣ, и разбрасывалъ зерна по бороздамъ. Вокругъ него въ синемъ воздухѣ играли жаворонки, и изъ

земли поднимался влажный воздухъ, словно насыщенный силой. Изъ лѣса слышался одинокій звонъ колокольчика на передовой коровѣ и мычаніе стада, радующагося свѣжему пастбищу и теплому воздуху.

«Все это мое,—думалъ Андерсъ Іоганъ.—И онъ, теперь еще маленькій, когда-нибудь будетъ ходить здѣсь, какъ я».

Лѣто шло, и наступило время жатвы. Коса прошлась по полямъ и лугамъ. Полные возы, влекомые неутомимыми волами, въѣзжали на гумно. А когда августовское солнце освѣтило убранныя и обнаженныя поля, то была устроена обычная послѣжатвенная пирушка. Скрипка пѣла и танцующія пары до изнеможенія топтались по гумну.

Опять пришла осень, а за нею и зима. Андерсъ Іоганъ чувствовалъ, что силы его возрастаютъ съ каждымъ днемъ. Въ глубинѣ души, гдѣ запрятаны были всѣ его чувства, онъ таилъ горячую благодарность за то, что все шло у него такъ хорошо. Сильнѣе всего онъ ощущалъ ее, когда сидѣлъ въ церкви и слушалъ органъ или когда въ свободное время гулялъ со своимъ мальчикомъ, держа его за руку. Ему казалось тогда, что всѣ жившіе въ его дворѣ до него говорятъ съ нимъ, а черезъ него съ ребенкомъ. И ни на минуту у него не мелькало мысли о томъ, что что-нибудь можетъ измѣниться.

Такъ шелъ годъ за годомъ, и Андерсъ Іоганъ пересталъ считать ихъ. Они приходили одинъ за другимъ и исчезали позади его. Онъ не замѣчалъ, что утрачивалъ что-то, что старость придвигалась къ нему все ближе. Для этого онъ былъ слишкомъ молодъ, моложе, чѣмъ когда-либо.

Зато другіе удивлялись, что этотъ порядокъ вещей тянулся такъ долго. Когда Эльза перебралась къ Андерсу Іогану, вскорѣ послѣ смерти его жены, всѣ ожидали, что по окончаніи траурнаго года будетъ свадьба. Это было бы естественно и правильно. Но когда этого не случилось ни черезъ годъ, ни черезъ два, то люди нашли, что Андерсъ Іоганъ горюетъ по своей женѣ слишкомъ долго. Когда же прошелъ третій годъ, и не слышно было ни о какой перемѣнѣ, то никто не могъ понять, что такое приключилось съ двумя молодыми людьми, которые такъ дружно жили другъ съ другомъ и все-таки, повидимому, и не думали о бракѣ. И въ селѣ, и во дворахъ во всемъ приходѣ много было разговоровъ объ этомъ.

Единственные, кто ничего не слышалъ и не зналъ объ этихъ разговорахъ, были сами Андерсъ Іоганъ и Эльза. Они становились все лучшими друзьями съ каждымъ годомъ, и ничто между ними не мѣнялось. Во всемъ, что они ни предпринимали, они находили поддержку другъ въ другѣ и помогали другъ другу, словно братъ и сестра.

И вотъ случилось однажды, что Андерсъ Іоганъ, выйдя въ кухню, нашелъ дѣтей однихъ. Андерсъ Эрикъ устроилъ санки изъ лоханки и сидѣлъ въ ней, а маленькая сестренка, съ веревкой во рту изображала лошадь. Дѣти играли очень тихо, точно боялись помѣшать кому-

нибудь, и, оглянувшись, Андерсъ Іоганъ увидѣлъ, что огонь въ плитѣ погасъ, хотя близился часъ обѣда.

— Гдѣ Эльза?—спросилъ онъ дѣтей.

— Она въ горницѣ,—отвѣтилъ мальчикъ и указалъ на затворенную дверь.—Она велѣла намъ быть потише.

Андерсъ Іоганъ почувствовалъ себя какъ-то странно, и ему показалось, что онъ слышитъ, какъ стихло все вокругъ него. Ему казалось, что въ этой тишинѣ таится что-то грозное, и затворенная дверь возбуждала его безпокойство. Не желая мѣшать Эльзѣ, онъ сначала сѣлъ у окна и сталъ смотрѣть наружу. Стояла осень, и дворъ былъ усѣянъ кленовыми и березовыми листьями.

— Эльза заболѣла?—спросилъ онъ, наконецъ, дѣтей.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ опять мальчикъ. — Только ей, должно быть скучно.

Тогда Андерсъ Іоганъ подумалъ, что онъ не можетъ допустить Эльзу оставаться одной, въ случаѣ, если произошло что-нибудь, въ чемъ онъ могъ бы помочь ей. Онъ осторожно отворилъ дверь, но захлопнулъ ее опять за собой, когда дѣти пошли за нимъ.

Въ горницѣ на лавкѣ сидѣла Эльза, закрывъ лицо руками. Тѣло ея тихо вздрагивало, но не слышно было ни звука. Андерсъ Іоганъ понялъ все же, что она плакала. Онъ чувствовалъ какую-то неловкость и испугъ, такъ какъ не умѣлъ утѣшать женщинъ, и охотнѣе всего ушелъ бы. Но что-то въ нѣмомъ отчаяніи, лежащемъ надъ вздрагивавшей фигурой, остановило его, и, не найдя, что сказать, онъ подошелъ и тихо положилъ руку на плечо дѣвушки.

Эльза не шевельнулась и не отняла рукъ отъ лица.

— Съ тобой случилось что-нибудь?—сказалъ онъ наконецъ.

Тогда Эльза медленно подняла голову и тихо и непринужденно, какъ однажды Андерсъ Іоганъ разсказывалъ ей о своей умершей женѣ, такъ и она разсказала теперь ему, не отворачиваясь и не скрывая слезъ, катившихся по ея лицу.

— Отецъ былъ здѣсь,—сказала она. — И онъ сказалъ, что такъ дальше идти не можетъ. Сестра выходитъ замужъ, и я должна вернуться домой. А я не могу, вѣдь, уйти отъ тебя и отъ всего здѣсь. Я не могу идти домой, гдѣ мать всѣмъ управляетъ и занимается, и я не несу отвѣта ни за что. Мнѣ такъ хорошо было эти года. И я не могу уйти отъ дѣтей, у которыхъ нѣтъ другой матери, кромѣ меня. А отецъ опять хочетъ выдавать меня замужъ, а я ни за что не хочу, и мнѣ нѣтъ покоя ни отъ него, ни отъ другихъ.

Андерсъ Іоганъ сѣлъ и попытался утѣшить Эльзу. Въ головѣ его мелькнули старыя слова, которыя онъ самъ говорилъ когда-то, хотя это было такъ давно, что ему казалось, будто ихъ говорилъ кто-то другой. Слова гласили такъ: «Крестьянинъ долженъ быть женатъ». Онъ послѣдовалъ имъ тогда и ни разу не раскаялся, пока не умерла

жена. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ какъ слѣдуетъ подумать, слова сорвались съ его губъ.

— Хочешь выйти замужъ за меня? Тогда тебѣ не нужно будетъ уходить отсюда, и тогда я тоже могу оставить тебя у себя.

Но сказавъ это, онъ увидѣлъ, какъ заплаканное лицо передъ нимъ окаменѣло и побѣлѣло, какъ разъ онъ видѣлъ это раньше.

— Ты хочешь этого?—спросила Эльза внѣ себя.

Андерсъ Іоганъ отвѣтилъ утвердительно и спокойно и ласково заговорилъ о томъ, какъ они хорошо сходятся другъ съ другомъ и какъ ничто не сможетъ ихъ разлучить. Больше онъ ничего не сказалъ, потому что онъ не любилъ ее, никогда не думалъ ни о чемъ подобномъ.

Но Эльза не дала договорить ему до конца. Она вскочила и встала передъ нимъ. Никогда Андерсъ Іоганъ не думалъ, что у нея можетъ быть такой видъ, такой она казалась увѣренной въ себѣ, такой недоступной и сильной.

— Не говори объ этомъ, Андерсъ Іоганъ,—сказала она,—потому что если ты возьмешь меня для этого, то это будетъ твоимъ несчастьемъ и моимъ. Съ тѣхъ тѣхъ поръ, какъ я была ребенкомъ, мужчины гонялись за мной, ты не знаешь, сколько. Они говорили съ отцомъ и говорили со мной. Они просили и приставали, и мнѣ такъ тяжело было ихъ слушать. Я никогда ни къ кому не чувствовала любви и я не знаю, что это такое. Но матерью для твоихъ дѣтей я согласна быть, и хочу держаться Божьей заповѣди. А тамъ пусть все будетъ, какъ будетъ.

— Обѣщаешь ты никогда не говорить со мной о такихъ вещахъ, Андерсъ Іоганъ?—прибавила она и протянула руку.—Я все равно никогда не пойду за тебя.

Андерсъ Іоганъ взялъ ея руку и, взявъ ее, удивился тому, что въ эту минуту произошло съ нимъ. Ему было и жарко и холодно одновременно, точно онъ горѣлъ и мерзъ въ одно и то же время. Ему показалось, что онъ въ первый разъ чувствуетъ, какъ бьются его жилы, и въ глубинѣ души слышалъ вѣщій голосъ, предостерегающій отъ обѣщанія. Но онъ все же далъ его, потому что никогда не думалъ, что жизнь его можетъ измѣниться. Такъ они разстались, и Эльза пошла переговорить со своими родителями.

— Я съумѣю уговорить ихъ, если захочу,—сказала она, уходя.

Эльзѣ дѣйствительно, удалось убѣдить стариковъ, но они все же смотрѣли косо на то, что она столько времени жила въ домѣ мужчины, который не былъ ея мужемъ. И съ того времени сѣмя недовольства пустило ростокъ между обитателями сосноваго бора, жившими по обоимъ берегамъ ручья.

IV.

Поздно просыпается у многихъ людей все поглощающій и уничтожающій любовный жаръ. Онъ является, какъ подземный огонь, неожиданно прорывающій земную кору, и сжигаетъ все. Кто знаетъ, что таится въ немъ самомъ? Кто можетъ, въ теченіе жизни, сказать про себя: я таковъ, каковъ я есмь.

Андерсу Іогану ни на минуту не приходило въ голову, давая свое обѣщаніе, что онъ его не сможетъ сдержать. Онъ никогда не читалъ и не слыхалъ, что есть такая любовь, которой люди не могутъ противостоять. Зато ему пришлось испытать ее на самомъ себѣ, и у него не было никого, кому бы онъ могъ разсказать, какъ онъ страдалъ, и какъ дошелъ до того, что началъ бояться своего новаго «я». Онъ искалъ уже не друга, не поддержку, которую хотѣлъ сохранить. Онъ не думалъ ни о своемъ домѣ, ни о дѣтяхъ. О дворѣ у него не было ни одной мысли, и онъ забылъ все, что хотѣлъ работать и увеличить въ немъ, какъ будто никогда и не намѣревался этого дѣлать. Все сгорѣло и превратилось во что-то необычное, горячее, что пылало въ немъ и обращало въ пепелъ весь его старый міръ.

Унылый ходилъ Андерсъ Іоганъ всю эту осень и слѣдующую за ней зиму. Онъ думалъ и думалъ и никакъ не могъ найти покоя. Онъ думалъ объ обѣщаніи, которое далъ Эльзѣ, и дивился, какъ онъ, давая обѣщаніе, ничего не понималъ. Лежа въ постели, когда кругомъ все было темно, онъ представлялъ себѣ, что все хорошо, и что Эльза только ждетъ его словъ, чтобъ дать свое согласіе и стать его женой. И на душѣ его становилось тепло, свѣтло и спокойно. Эльза сама поможетъ ему, мечталъ онъ. Она, вѣдь, видитъ, какъ онъ страдаетъ, и поможетъ ему такъ, что ему не придется нарушать своего обѣщанія. Она сама возвратитъ его силу и сама придетъ въ его объятія и поклянется ему въ любви. Въ другой разъ онъ убѣждалъ себя, что онъ нарушилъ обѣщаніе, и что Эльза его простила. Онъ видѣлъ и чувствовалъ это, какъ дѣйствительность, и неопредѣленное, огромное счастье наполняло его душу и давало успокоеніе. Все это выступало ему навстрѣчу изъ темноты, стоявшей вокругъ его постели. И цѣлыя ночи онъ грезилъ такъ наяву.

Мрачно вставалъ онъ, когда сѣрый утренній свѣтъ пробуждалъ его отъ сна, мрачно шелъ къ своей работѣ, и любовь его стала точно болячка, мучившая все его тѣло. Хуже всего было, когда онъ видѣлъ Эльзу. Хуже всего было проходить мимо нея молча, видѣть, какъ она работаетъ, и не смѣть взять у нея работу, сидѣть рядомъ съ ней и ничего не смѣть сказать. Нѣтъ, хуже всего было знать, что она спитъ, завернувъ свое бѣлое тѣло въ одѣяло, совсѣмъ близко отъ него, что только одна дверь раздѣляетъ ихъ, и знать, что эта дверь никогда не откроется.

Андерсъ Іоганъ шелъ съ топоромъ на плечѣ по лѣсу. Онъ далъ работнику дѣло дома, чтобъ быть одному. Теперь онъ каждый день искалъ одиночества и точно возненавидѣлъ другихъ людей. Они терзали его одной своей близостью. Они дѣлали его боль еще сильнѣе. И когда кто-нибудь съ нимъ заговаривалъ или подходилъ къ нему, онъ точно задыхался, злость просыпалась въ немъ и рвалась наружу. Андерсъ Іоганъ шелъ съ топоромъ, ища мѣста, гдѣ начать рубить лѣсъ. Путь его былъ длиненъ, и онъ зашелъ далеко въ лѣсъ. Деревья стояли вокругъ него такъ часто, и онъ самъ исчезалъ между ихъ стволами. Наверху, въ ихъ кронахъ надъ его головой гудѣлъ осенній вѣтеръ. Большія деревья качались, и вѣтви ихъ ударялись другъ о друга. Точно морскія волны перекатывались надъ его головой, такъ гудѣло въ деревьяхъ, и гулъ былъ полонъ дикости, любви, томленія, несчастья и смерти. Андерсъ Іоганъ шелъ впередъ, и ноги его утопали въ глубокомъ, сыромъ, зеленомъ мхѣ или съ трескомъ ступали по сухому сѣрому мху, когда путь его выходилъ на гору. Онъ вышелъ на песчаный хребетъ, почти у самаго болота, гдѣ клюква краснѣла по кочкамъ, и долженъ былъ сдѣлать крюкъ, чтобы не завязнуть въ трясинѣ. Никогда онъ не зналъ, что лѣсъ можетъ такъ пѣть, или что человѣкъ можетъ такъ страдать и томиться, какъ онъ. Одна единственная женщина была для него на всемъ свѣтѣ, одна единственная. Съ ней ему всегда и все было бы легко. Безъ нея не было ничего, кромѣ мрака и горя. Какъ удивительно, какъ странно! Откуда мы пришли? Куда идемъ? Почему иногда насъ не печалитъ ничего, а иногда все?

Вдругъ что-то затрещало въ чащѣ и показался большой лось, остановился, вытянувъ внюхивающуюся морду; огромные рога, отягощающіе его голову поднимаются надъ кустами у краевъ покрытаго мелкорослыми соснами мшаника, колеблющагося подъ его ногами. Онъ издаетъ крикъ, прорѣзывающій шумъ лѣса. Слышится еще трескъ. Это ломается хворостъ, топчутся вѣтки. Могучій лось дѣлаетъ прыжокъ между стволами туда, откуда слышится новый шумъ.

Андерсъ Іоганъ идетъ и смотритъ на все окружающее и удивляется тому, что все, что онъ видитъ, ново для него. Онъ приходитъ къ завороту ручья. Ручей стремится по песку и камнямъ и прорылъ себѣ путь глубоко подъ корнями елей, свисающими прямо надъ водой. Гдѣ ручей раздѣляетъ берега, свѣтитъ солнце, и Андерсъ Іоганъ думаетъ, что здѣсь бы онъ хотѣлъ жить съ Эльзой, далеко отъ всѣхъ, чтобы никто ни видѣлъ, какъ онъ несчастливъ. Онъ желаетъ только имѣть ее, знать, что она существуетъ для него, хотя бы даже она и никогда не стала его.

И опять онъ видитъ, какъ налетаетъ вѣтеръ, потрясая верхушками деревьевъ, точно море въ бурю Ему отрадно смотрѣть и чувствовать это, и онъ идетъ дальше, не помня, зачѣмъ пошелъ. Онъ не

находитъ деревьевъ, которые нужно срубить, и зачѣмъ взялъ съ собой топоръ выходя изъ дома тоже не знаетъ. Онъ идетъ по лѣсу и мечтаетъ, и забылъ самого себя.

Андерсъ Іоганъ грезилъ цѣлыми днями и очнулся только, когда Рождество стало у порога и начались святочныя приготовленія.

Тогда однажды онъ запрягъ лошадей въ большую повозку и поѣхалъ за деньгами, которыя ему слѣдовало получить за рожь. Острымъ, пробудившимся взглядомъ онъ посмотрѣлъ вокругъ и устыдился самого себя. Многое пришло въ запустѣнье, многое дожидалось работы, и оставалось несдѣланнымъ. Но дорога и встрѣчаемые на пути люди пробудили въ немъ снова интересъ къ жизни, и онъ не думалъ больше о томъ, что пропустилъ, а сидѣлъ стиснувъ зубы съ надвинутой на лобъ шапкой, и пустивъ лошадей рысью, размышлялъ гдѣ бы ему найти лекарство. Одно лекарство было это онъ зналъ, но имъ онъ не хотѣлъ воспользоваться. Андерсъ Іоганъ ѣхалъ три часа, пока не въѣхалъ на мощеныя улицы и не долженъ былъ придержать лошадей. Тутъ онъ почувствовалъ какъ въ немъ точно поствѣтлѣло. Онъ вошелъ въ контору къ скупщику и получилъ деньги. Послѣ этого посвѣтлѣло еще больше. Рожь поднялась въ цѣнѣ и онъ получилъ денегъ больше, чѣмъ ожидалъ. Андерсъ Іоганъ ходилъ по городу, какъ человѣкъ, чувствующій, что его власть растетъ.

Купивъ все, что нужно было для двора и дома, Андерсъ Іоганъ пошелъ по лавкамъ выбирать подарки. Онъ ходилъ съ довольнымъ видомъ и чѣмъ больше тратилъ денегъ, тѣмъ чувствовалъ себя спокойнѣе. Когда всѣ покупки были сдѣланы, стало уже такъ поздно, что ему пришлось переночевать въ городѣ и онъ вернулся домой только на слѣдующее утро, со всѣми своими покупками тщательно уложенными въ задкѣ повозки.

Наканунѣ сочельника онъ самъ вырубилъ большую елку и вечеромъ помогалъ дѣтямъ убирать ее. Къ вѣткамъ прикрѣпили желтыя восковыя фигурки, а къ верхушкѣ привязали блестящую звѣзду изъ сусальнаго золота. На столѣ стояли двойныя рождественскія свѣчи, отлитыя самой Эльзой, а кругомъ были разложены всѣ свертки, аккуратно завязанные, какъ были привезены изъ города.

— Съ праздникомъ,—сказала Эльза, когда зажгли свѣчи.

— Съ праздникомъ,—отвѣтилъ Андерсъ Іоганъ, и голосъ его дрожалъ. Но на этотъ разъ отъ радости. Безумная надежда овладѣла имъ. Все, что онъ перестрадалъ, чѣмъ мучился, о чемъ вздыхалъ, исчезло. Онъ покоритъ ее, побѣдитъ ея противодѣйствіе. Невозможно, немыслимо, чтобы человѣкъ любилъ такъ безпредѣльно только для того, чтобы любовь его была отвергнута съ презрѣніемъ. Бодро ходилъ крестьянинъ по своему дому и видѣлъ, какъ грезы томительныхъ ночей превращаются въ свѣтлую дѣйствительность. Полный силъ и счастливый Андерсъ Іоганъ ходилъ по дому, и когда дѣти и рабочіе

собрались, прочелъ рождественскій псаломъ громкимъ и яснымъ голосомъ.

Андерсъ Іоганъ сѣлъ вмѣстѣ со всѣми за столъ, шутилъ съ рабочими и игралъ съ дѣтьми. Вмѣстѣ съ другими онъ всталъ изъ-за стола, и когда зажгли елку, работникъ заигралъ на скрипкѣ, и женщины и дѣти поплясали. Вездѣ горѣлъ огонь и заново вымытый полъ былъ посыпанъ хвоей. Потомъ всѣ пошли разбирать подарки. Тутъ были игрушки для дѣтей, матеріи на платье для работницъ, фуфайка и валенки для работниковъ. Для Эльзы было три свертка и одинъ изъ нихъ очень маленькій. Въ немъ была маленькая золотая брошка, съ крышечкой по срединѣ, которая могла открываться.

Андерсъ Іоганъ принималъ во всемъ этомъ участіе, но въ то же время былъ далекъ отъ всего. Даже когда Эльза подошла поблагодарить его, онъ не спустился на землю. Онъ все время видѣлъ Эльзу, и въ то же время не видѣлъ ее. Ему казалось, что никогда онъ не переживалъ такого вечера, и все же желалъ, чтобы все поскорѣй кончилось. Онъ зналъ, что тогда дѣти улягутся въ постель, а самъ вдвоемъ съ Эльзой пойдетъ на ту сторону къ старикамъ. Такъ было каждое Рождество, и такъ же будетъ и въ этотъ сочельникъ, быстро приближавшійся къ концу.

На дворѣ звѣзды сіяли ясно и холодно, выпалъ снѣгъ, и тяжело было идти. Дорожка была узкая, такъ что они должны были идти другъ за другомъ. Поэтому Андерсъ Іоганъ не сказалъ ничего Эльзѣ по дорогѣ въ сѣверный сосновый боръ, и не могъ, конечно, говорить съ ней у ея родителей. Тамъ собралась вся родня, дочери съ зятьями, сыновья и рабочіе. Пиръ продолжался до полуночи, но Андерсу Іогану время не показалось долгимъ. Онъ вѣрилъ въ свое счастье и чувствовалъ увѣренность въ томъ, что оно придетъ. Онъ только сидѣлъ и удивлялся, что въ немъ что-то какъ будто растягивалось и расплывалось и стремилось вырваться наружу.

Въ этотъ вечеръ Андерсъ Іоганъ не посмѣлъ выпить ничего крѣпкаго, и ему пришлось выслушать за это много насмѣшекъ. Но онъ не рѣшался. Онъ чувствовалъ себя уже безъ того точно пьянымъ. Онъ видѣлъ все происходившее вокругъ него точно въ туманѣ, до тѣхъ поръ, пока освѣщенный звѣздами мракъ зимней ночи снова не охватилъ его, и онъ не почувствовалъ за собой стройной фигуры Эльзы, шедшей позади по узкой дорожкѣ домой.

Тогда вдругъ весь его сильный радостный угаръ смѣнился мрачнымъ отчаяніемъ, и онъ почувствовалъ, какъ внутри его поднимается точно дикая мрачная волна, въ которой погасъ весь свѣтъ. Безпричинно, какъ пришла, такъ и исчезла вся его вѣра въ счастье. Все мужество его сломилось, онъ не надѣялся ни на что, ничего не смѣлъ, ни во что не вѣрилъ, не зналъ что дѣлаетъ, ни гдѣ находится, зналъ только, что жаждалъ того, чего никогда не достигнетъ, жаждалъ, не-

смотря ни на что слѣпо, сильно и безвозвратно. Точно во снѣ онъ прошелъ впереди Эльзы въ кухню, гдѣ еще горѣлъ огонь. Тутъ онъ сѣлъ и, не говоря ни слова, повернулся впервые къ ней лицомъ и показалъ ей свое несчастье.

Взглядъ его принялъ выраженіе раненаго дикаго звѣря и въ то же время просящаго ребенка, и Эльза, увидѣвъ его, испугалась, испугалась до того, что отступила и не рѣшалась войти.

— Тебѣ нечего меня бояться,—сказалъ Андерсъ Іоганъ.—Я тебѣ ничего не сдѣлаю.

Тогда Эльза вошла и сѣла на нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Наконецъ, она посмотрѣла на его лицо и встрѣтила его взглядъ. Два раза раньше ей пришлось встрѣтить такой взглядъ у мужчины, и ничего она не боялась больше этого, такъ какъ знала, что онъ заключалъ въ себѣ.

Тогда мракъ охватилъ и ея душу, и она въ страхѣ, безпомощно стиснула руки.

— Должно же это было случиться,—сказала она только,—должно же было это случиться!

Андерсъ Іоганъ слышалъ ея слова, но не понялъ ея страданія. Для этого его собственное говорило слишкомъ громко. Но онъ чувствовалъ, какъ все сдѣлалось пусто, и что отъ него къ ней не было дороги.

— Почему ты не можешь любить меня?—сказалъ онъ наконецъ.

Но онъ зналъ самъ, что то, что онъ говорилъ, былъ пустой звукъ, слова безъ значенія.

— Развѣ я знаю?—отвѣтила дѣвушка.—Развѣ я знаю? Но почему ты сталъ такимъ ко мнѣ? Все было такъ хорошо.

Оба они молчали нѣкоторое время. Скованные точно вѣчнымъ нѣмымъ несчастьемъ, они сидѣли, не въ состояніи покинуть одинъ другого. И Эльза сказала:

— Когда это началось?

Андерсъ Іоганъ смотрѣлъ неподвижно передъ собой, точно ища отвѣта на свои собственные вопросы, и думалъ, что сидѣвшая противъ него женщина, такая мягкая и такая сильная, такая рѣшительная, и все же такая робкая, можетъ помочь ему. Но когда она замолчала, ожидая его словъ, онъ заговорилъ самъ, какъ могъ и умѣлъ.

— Когда?—сказалъ онъ.—Когда? Должно быть, это было всегда такъ, хотя я ничего не зналъ. Я былъ женатъ разъ и думалъ, что ужъ покончилъ съ такими дѣлами. Но это другое. Это все равно, что умирать каждый день и опять оживать, чтобы мучиться. Никогда я не думалъ, что бываетъ такая мука.

И не въ состояніи, какъ обычно, совладать съ собой, онъ всталъ и, стиснувъ руки, почти закричалъ:

— Ты не можешь? Не можешь? Скажи, что ты можешь! Я ничего

не хочу, только, чтобы ты взяла все мое и дѣлала со мной, что хочешь.

Опять Эльза посмотрѣла на него и въ страхѣ сказала:

— Богъ не можетъ хотѣть, чтобы ты такъ мучилъ меня.

— Богъ?—повторилъ Андерсъ Іоганъ беззвучно.—Богъ?!

Этого слова онъ уже не понималъ, зналъ только, что есть что-то, передъ чѣмъ онъ долженъ склониться, что-то, что должно выгнать изъ него поселившагося въ немъ злого духа.

— Богъ?—повторилъ онъ еще разъ.—Помоги мнѣ, Боже!

Сильная, страшная страсть зрѣлаго мужчины потрясала его тѣло. Но когда онъ снова встрѣтилъ отчаянный взглядъ дѣвушки, молившій безпомощно и безмолвно, какъ и его собственный, то тяжело повернулся и, точно больной звѣрь, пошелъ къ кровати, на которой спалъ. Тамъ онъ повалился и заснулъ, какъ послѣ долгаго, чрезмѣрнаго напряженія.

Уныніе охватило ихъ обоихъ съ того дня, и нигдѣ они не находили покоя. Эльза боялась своего хозяина, и все-таки не могла оставить его и его дома. Его домъ сталъ ея домомъ, и его дѣти давали ей то счастье, которое испытываетъ всякая женщина, когда можетъ давать все, чего требуетъ ея природа. А Андерсъ Іоганъ съ своей стороны тосковалъ по Эльзѣ и боялся ея присутствія. Сердце его томилось по женѣ, и тѣло его было въ возмущеніи. Теперь онъ не могъ приблизиться къ Эльзѣ безъ того, чтобы не видѣть ея испуга. А она не могла говорить съ нимъ безъ того, чтобы не замѣтить, какъ въ его взглядѣ загоралось что-то, чего она не хотѣла знать. И между ними, прежде имѣвшими столько сказать другъ другу, легло молчаніе, и изъ молчанія у него выросло отвращеніе къ этой женщинѣ, которую онъ такъ любилъ, и которая съ каждымъ днемъ мучила его все больше, а у нея глубокая и тихая печаль, потому что она не понимала сама себя и потому что молитва и слова ее болѣе не утѣшали.

«Помоги Боже тому, кто остается одинъ со своей скорбью и не находитъ выхода. Помоги Боже тѣмъ, которыхъ судьба свела вмѣстѣ для обоюднаго несчастья».

Словно въ зломъ снѣ прошла зима, и работа вся осталась несдѣланной. День шелъ за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, но во дворѣ все было тихо. Воля хозяина спала, точно въ заколдованномъ снѣ, была глуха ко всему, за исключеніемъ одного, чего она никакъ не могла побѣдить и чего онъ никогда не могъ достигнуть.

Андерсъ Іоганъ и не думалъ уже держать обѣщанія, даннаго имъ когда-то Эльзѣ. Все, что прежде опредѣляло его жизнь, простые нравы, привычка къ работѣ, уваженіе къ суду другихъ людей—между всѣмъ этимъ и имъ самимъ порвалась всякая связь и съ каждымъ днемъ онъ съ возрастающимъ ужасомъ чувствовалъ, какъ все злое въ немъ вы-

ступало наружу и завладѣвало имъ. Разъ вечеромъ, когда мальчуганъ подошелъ поиграть съ нимъ, какъ раньше, онъ грубо оттолкнулъ его, разразился сдавленными рыданіями и вышелъ.

Эльза видѣла все это и не знала, какъ ей быть. Андерсъ Іоганъ поминутно возвращался къ своему. Постоянно просилъ ее стать его женой, потому что безъ нея онъ не находилъ покоя. И Эльза постоянно спрашивала себя: «Почему ты не можешь?» Почему? И не находила отвѣта, находила только свою непоколебимую увѣренность въ томъ, что если она поддастся, то и его и ея несчастье станутъ еще больше, чѣмъ сейчасъ. Эльза попробовала разъ сказать это Андерсу Іогану. Сказала спокойно и тихо, какъ чувствовала.

— Я сама не понимаю,—сказала она,—почему я не могу.

Но когда она сказала это, то Андерсъ Іоганъ задрожалъ отъ радости и хотѣлъ заключить ее въ свои объятія. Онъ подумалъ, что въ словахъ ея заключается признаніе, и что она любила его, сама того не зная. Но Эльза отвернулась и ушла отъ него. Андерсъ Іоганъ остался пораженный и долго глядѣлъ ей вслѣдъ. Въ первый разъ онъ вышелъ разозленный, и чтобъ заглушить свое собственное возмущеніе, поѣхалъ въ село. Домой онъ вернулся поздно ночью и въ первый разъ въ жизни пьяный.

Съ того времени Андерсъ Іоганъ зажилъ своей собственной жизнью. Онъ пересталъ обращать вниманіе на Эльзу. Онъ отвертывался отъ всего, что могло еще сколько-нибудь поддержать его. Все чаще стали его поѣздки въ село, и прошелъ слухъ, что въ томъ домѣ, куда пріѣзжалъ Андерсъ Іоганъ, на столѣ появлялись бутылки и карты.

Въ домѣ этомъ жилъ богатый крестьянинъ, котораго звали Матіасъ. Онъ былъ властолюбивъ и высокомѣренъ, въ приходѣ его боялись и о немъ шла худая молва, но онъ имѣлъ силу, потому что умѣлъ привязать къ себѣ людей, давая взаймы деньги. Многимъ изъ-за этихъ займовъ пришлось лишиться хлѣба и крова. Но Матіасъ всѣхъ своихъ дѣтей хорошо поженилъ и повыдалъ замужъ, и всѣ говорили, что онъ привлекъ Андерса Іогана въ свой домъ для того, чтобы женить его на своей младшей дочери Идѣ, жившей еще дома. Въ селѣ съ уваженіемъ относились къ старымъ усадьбамъ, въ сосновомъ бору, и у всѣхъ считалось почетнымъ быть выданной туда.

Между тѣмъ Андерсъ Іоганъ не понималъ ничего этого. Въ томъ состояніи духа, въ какомъ онъ находился, человѣкъ не легко понимаетъ происходящее вокругъ него. Но зато онъ видѣлъ, что Ида, подававшая на столъ кушанья и напитки, была молода, высокаго роста и здорова, и что глаза ея охотно искали его. Онъ видѣлъ, что шея у нея полная и зубы бѣлые. Она ихъ охотно показывала, улыбаясь, и въ это время глаза ея сверкали искрами, отъ которыхъ загоралась кровь у мужчинъ. Нравъ у нея былъ строптивый, и она часто

громко хохотала. Она не лазила въ карманъ за словомъ, и не разъ устраивала такъ, чтобы встрѣчаться съ Андерсомъ Іоганомъ наединѣ.

И вотъ разъ случилось, что Андерсъ Іоганъ въѣхалъ во дворъ, когда Ида развѣшивала наружи бѣлье для сушки. Андерсъ Іоганъ подошелъ прямо къ ней, и прежде чѣмъ успѣлъ сообразить, какъ все случилось, крѣпко держалъ красивую дѣвку въ своихъ объятіяхъ и чувствовалъ, что она отвѣчаетъ на его поцѣлуи. Въ ту же минуту ему показалось, что-то внутри его точно громко кричитъ и взываетъ о помощи. Онъ вспомнилъ Эльзу и, стиснувъ зубы, точно въ ярости, спросилъ Иду, хочетъ ли она быть его женой.

— Я думала, у тебя ужъ есть жена дома,—сказала Ида вызывающе. Она протянула послѣднее слово такъ, что оно приняло презрительное выраженіе.

— Нѣтъ,—сказалъ Андерсъ Іоганъ жестко.—Я-бъ тогда не спрашивалъ тебя.

— Тогда поговори съ отцомъ, — сказала Ида и вывернулась изъ его объятій.—Что до меня, такъ я не прочь перебраться къ тебѣ.

Послѣдствіемъ этого было то, что Андерсъ Іоганъ въ тотъ же день переговорилъ съ отцомъ, и старый Матіасъ клялся и божился, что никогда не могъ предположить ничего подобнаго. Никогда онъ не думалъ, что его послѣдняя дочь такъ скоро и хорошо пристроится. Онъ позвалъ мать и Іогана. Жена его вошла.

— Надо устроить пиръ,—кричалъ Матіасъ.—Андерсъ Іоганъ хочетъ взять нашу дѣвку, и если мы съ нимъ сойдемся, то быть ей за нимъ.

Сойтись съ Андерсомъ Іоганомъ оказалось легче, чѣмъ Матіасъ могъ когда-либо ожидать. А это происходило оттого, что послѣ всего, съ нимъ случившагося, Андерсъ Іоганъ думалъ единственно о томъ, что отнынѣ все станетъ для него новымъ, и если въ домѣ у него будетъ жена, то онъ сможетъ забыть. Все будетъ, какъ прежде, и самъ онъ обрѣтетъ покой.

Объ этомъ размышлялъ будущій зять въ то время, какъ тесть говорилъ и объяснялъ ему, что дастъ приданое на совѣсть, какого не далъ бы никому. Больше того, что у него есть, онъ не могъ дать, а а столько, сколько думали люди, у него не было. Андерсъ Іоганъ поддакивалъ и соглашался со всѣмъ. Поэтому за ужиномъ онъ какъ женихъ сидѣлъ рядомъ съ Идой и держалъ подъ столомъ ея руку. Онъ ощущалъ ея силу и теплоту, а старый Матіасъ говорилъ слова, отъ которыхъ кровь приливала къ ея лицу. Андерсъ Іоганъ затрепеталъ отъ радости и подумалъ, что теперь получилъ то, о чемъ тосковалъ и для чего работалъ.

Однако онъ рано простился и отправился въ обратный путь. Полная сверкающая апрѣльская луна сіяла надъ обнаженными полями, проглядывала сквозь тяжелыя верхушки лѣса, и наконецъ, отразилась

въ рѣчкѣ, когда Андерсъ Іоганъ проходилъ по мосту. Онъ остановился здѣсь и задумался, и, самъ того не замѣчая, остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ встрѣтилъ Эльзу, когда шелъ за помощью послѣ смерти своей первой жены.

И вдругъ на него нашло уныніе, точно онъ причинилъ самому себѣ величайшее зло, такое, какого никто, кромѣ него самого, не могъ причинить ему. Онъ тихо стоялъ и смотрѣлъ въ рѣку, бросавшую словно кипящіе лунные лучи на сверкающіе камни, стоялъ и чувствовалъ, какъ весенній вѣтеръ льнетъ къ его жаркимъ щекамъ, еще горящимъ отъ поцѣлуевъ и вина, а надъ нимъ неслись облака, затемняя луну, снова выплывали и исчезали за лѣсомъ. Изъ лѣса доносился глухой гулъ, который бываетъ по ночамъ, когда смолкли дневные голоса и все становится такимъ, точно люди перестали существовать.

Андерсъ Іоганъ сошелъ съ моста и вошелъ въ свой дворъ. Какъ все было чудно! Тотъ же шелестъ онъ слышалъ и здѣсь подъ старыми кленами и березами. Онъ подумалъ, что скоро услышитъ здѣсь чужой голосъ, который смѣшается съ его голосомъ, подумалъ онъ объ Идиномъ смѣхѣ и вдругъ ему показалось, что сюда онъ не подходитъ.

Но Андерсу Іогану не пришлось раздумывать долго. Поднявъ голову, онъ замѣтилъ, что на лѣстницѣ передъ нимъ сидитъ склоненная женская фигура.

— Почему ты сидишь здѣсь, Эльза?—сказалъ онъ.

И удивился тому, что ему показалось, будто онъ не узнаетъ своего собственнаго голоса.

— Я сижу и смотрю,—отвѣтила Эльза.—Я иногда дѣлаю такъ, когда мнѣ есть о чемъ подумать.

Андерсъ Іоганъ не отвѣтилъ, но молча сѣлъ рядомъ съ ней. Онъ помнилъ свои мысли и боялся того, что должно было случиться.

— А я ужъ начала бояться, не случилось ли чего съ тобой,— сказала, наконецъ, Эльза.

Андерсъ Іоганъ продолжалъ молчать, думая о томъ, что сказала Эльза. Слова ея звучали такъ, какъ будто она хотѣла помочь ему говорить.

— Оно такъ и есть,—проговорилъ онъ наконецъ. — Я думаю жениться.

— Когда?

Вопросъ былъ сдѣланъ поспѣшно, прерывистымъ голосомъ.

— Этой весной.

Облако соскользнуло съ луны, и оба ясно видѣли лица другъ друга.

— Значитъ, мнѣ придется уйти?—сказала Эльза.

— Такъ будетъ, пожалуй, лучше,—неувѣренно отвѣтилъ онъ.

Ничего больше не сказалъ Андерсъ Іоганъ. Все вдругъ стало для него такимъ страннымъ и такимъ тяжелымъ.

Тогда Эльза взяла его руку, чего никогда не дѣлала раньше, и тихонько похлопала ее. Сидѣвшій рядомъ съ ней мужчина вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, но не шевельнулся. Онъ сидѣлъ неподвижно, удивляясь, зачѣмъ онъ сидитъ здѣсь именно теперь, когда ничего нельзя было измѣнить. И ему казалось будто онъ сидѣлъ уже такъ однажды, очень давно, и видѣлъ тотъ же лунный лучъ, играющій на землѣ передъ лѣстницей.

Но вотъ Эльза заговорила.

— Я была увѣрена, что къ тому придетъ, — сказала она. — Тебѣ нужно было кого-нибудь, кто бы могъ дать тебѣ то, чего не могу дать я, и ты навѣрно считаешь меня странной дѣвушкой, оттого что я сейчасъ вотъ сижу съ тобой, а раньше ни за что не хотѣла. Но я хочу сказать тебѣ, что очень благодарна тебѣ за эти годы. Это лучшіе годы въ моей жизни. Теперь я опять вернусь домой, къ отцу съ матерью, и что со мною станется, не знаю. Я навѣрно никогда не найду мѣста, гдѣ могла бы остаться навсегда, разъ ужъ я не могла устроиться здѣсь. Только я хочу, чтобы ты зналъ одну вещь, Андерсъ Іоганъ. Я не больше тебя знаю въ томъ, что случилось за послѣдній годъ. Я говорю правду, какъ передъ Богомъ, и ты долженъ мнѣ повѣрить. Я всегда желала тебѣ и твоимъ только добра. Но никогда не могла дать тебѣ того, что ты просилъ, когда сама чувствовала не такъ. Я знаю не много. Я такая же неученая, какъ и ты. Но я знаю, что это не хорошо. И отдавать себя безъ любви не слѣдуетъ.

Точно говоря сама съ собою и забывъ, что она не одна, Эльза глядѣла прямо передъ собой, а слова выходили медленно и тихо изъ ея устъ. Она все время держала руку Андерса Іогана и не выпускала ее.

— Одно мнѣ хочется знать,—продолжала она,—доволенъ ли ты, что такъ вышло?

Долго искалъ мужикъ отвѣта въ своихъ мысляхъ. То, что случилось, случилось, и сдѣланнаго не воротишь. Надъ нимъ шелестѣли деревья, а при ней, сидѣвшей рядомъ съ нимъ, онъ чувствовалъ себя одинокимъ со своими мыслями, точно онъ не сидѣлъ здѣсь и не слушалъ шопота вѣтра. Но онъ не могъ отвѣтить такъ, какъ хотѣлъ. Вмѣсто того на языкъ ему подвернулось слово, которое онъ слышалъ раньше, хотя не могъ сказать, когда и отъ кого.

— У мужика должна быть жена, — сказалъ онъ.

Когда онъ сказалъ это, Эльза выпустила его руку, и Андерсъ Іоганъ почувствовалъ при этомъ, точно что-то порвалось между ними обоими, и, обрываясь, причинило ему внутреннюю боль.

Чтобы вернуть снова это несказанное и необъяснимое и вновь соединить порванное, онъ попробовалъ сказать что-нибудь новое. Но не нашелъ ничего, а только проговорилъ:

— Я никогда не забуду тебя Эльза, какъ тамъ ни будетъ.

Послѣ этого Андерсъ Іоганъ нѣкоторое время сидѣлъ молча. Онъ

не могъ сообразить, почему ему казалось, что Эльза хочетъ, чтобы онъ ушелъ. Но ему такъ казалось, и онъ ушелъ.

Эльза же долго сидѣла и смотрѣла на озарявшую ночь луну.

V.

Новая жизнь началась для Андерса Іоганна съ тѣхъ поръ, какъ онъ вторично сталъ женатымъ человѣкомъ, и снова все закипѣло въ домѣ и хозяйствѣ. Ида не любила сидѣть сложа руки, и въ ея бодрости было что-то заразительное, пробуждавшее также и силы мужа. Слишкомъ долго онѣ спали.

И все же Андерсъ Іоганъ не находилъ ни одной изъ мыслей, сопровождавшихъ его въ полѣ и дома и смягчавшихъ его отношеніе къ собственной жизни. И работа не доставляла ему радости. Чуждыя силы подгоняли его, чуждыя силы вовлекли его въ эту новую жизнь, съ которой онъ никакъ не могъ сродниться. Дворъ возрасталъ въ цѣнѣ, и всѣ его предпріятія удавались. Но собственность его ему уже не принадлежала. Она принадлежала другому, управлявшему ею и имъ самимъ.

Чужимъ въ собственномъ домѣ его сдѣлала Ида. Куда бы она ни пришла, вокругъ нея начинался шумъ. Если она стояла у плиты, то гремѣла кастрюлями. Нужно было ей что-нибудь сказать—слышно было во всемъ домѣ. Выходила она на скотный дворъ—она такъ болтала и шумѣла, что скотина начинала мычать и безпокоиться въ стойлахъ. Если она кого-нибудь звала на дворѣ, то голосъ ея слышенъ былъ далеко за оградой, а если бранила кого-нибудь изъ прислуги или дѣтей, то пронзительно кричала, точно на пожарѣ. Она была стремительна и дѣло кипѣло въ ея рукахъ. Но все, за что она ни бралась, сопровождалось шумомъ и суетой.

Въ началѣ это пришлось Андерсу Іогану по душѣ.

— Въ бабѣ есть жизнь,—говорилъ онъ и улыбался, чего давно уже не дѣлалъ.—Въ домѣ было слишкомъ тихо до ея прихода.

Но не прошло много времени, какъ онъ началъ замѣчать, что у новой жены нравъ, съ которымъ нельзя шутить. Когда она раздражалась, въ ней просыпался точно дикій звѣрь, и красивые зубы хищно сверкали, точно хотѣли укусить.

Раза два Андерсъ Іоганъ пробовалъ спорить съ женой и отвѣчать ей слово за слово, желая упрочить свое положеніе хозяина дома и ея мужа. Но выходки, послѣдовавшія за этимъ, были таковы, что онъ на будущее время охотнѣе соглашался признать черное бѣлымъ, чѣмъ видѣть ихъ повтореніе. Онъ подчинялся женѣ во всемъ, въ чемъ могъ, и постепенно для него стало радостью, когда по виду Иды онъ могъ заключить, что на сегодняшній день можно не ожидать скандала.

Такимъ образомъ къ Андерсу Іогану вернулось его прежнее уныніе, и онъ чувствовалъ себя болѣе, чѣмъ когда-либо, одинокимъ дома и на работѣ. Сравненіе между тѣмъ, что было раньше, и тѣмъ, что теперь, унижало въ немъ мужчину, напрашивалось само собой.

Дошло до того, что Андерсъ Іоганъ стыдился своихъ собственныхъ дѣтей, думая о томъ, что женщина, ставшая его женой, въ то же время должна быть и ихъ матерью.

Что же такъ опутало его? Какъ онъ попалъ во все это, такъ что не узнавалъ самого себя. Онъ нашелъ успокоеніе для своей боли. Но это успокоеніе было ему противно. Онъ получилъ любовь. Но эта любовь, каждый разъ захватывавшая его въ плѣнъ, тяготила его и была всего болѣе противна. Насталъ день, когда этотъ сосредоточенный, унылый мужикъ, работая на лугу и въ поляхъ, затосковалъ о прежней мукѣ, которую отбросилъ отъ себя, чтобы устремиться на свою собственную погибель.

Вотъ до чего дошелъ Андерсъ Іоганъ, и напрасно онъ старался успокоить себя своей старой поговоркой: «У мужика должна быть жена». Это было напрасно, и онъ самъ зналъ, что это неправда. Это было правдой, какъ онъ былъ такимъ, какимъ былъ раньше. Но старое прошло. Все стало новымъ. И случилось это, когда онъ научился любить другого человѣка не за то, что онъ давалъ ему, а за то, чѣмъ онъ былъ. Не много прошло времени, прежде чѣмъ Андерсъ Іоганъ почувствовалъ и понялъ, насколько онъ былъ правъ, говоря Эльзѣ на прощанье: «Я никогда не забуду тебя».

Теперь все это было далеко, но не забыто. Теперь все въ немъ было пусто на самомъ дѣлѣ. Теперь онъ даже не видѣлъ Эльзы, потому что избѣгалъ дороги, ведшей мимо двора ея отца, а если случайно встрѣчалъ ее, то не разговаривалъ.

Одинъ разъ все-таки онъ остановился, когда они встрѣтились, и оглянулся по сторонамъ, не видитъ ли ихъ кто-нибудь.

— Какъ же ты поживаешь?—сказалъ онъ.

— Ничего, спасибо,—отвѣтила Эльза и хотѣла протянуть ему руку.—А ты?

Андерсъ Іоганъ не взглянулъ на протянутую руку. Онъ тяжело прислонился къ забору, около котораго стоялъ и продолжалъ:

— Какъ можетъ быть, чтобы человѣкъ дожилъ до столькихъ лѣтъ, сколько было мнѣ, когда я въ первый разъ разсмотрѣлъ тебя, и ничего не зналъ никогда о любви? Когда я первый разъ былъ женатъ, я не зналъ ничего подобнаго, и тогда у меня никогда не было ни одного тяжелаго дня. Теперь ты научила меня этому, и съ тѣхъ поръ у меня не было ни одной радости. Какъ возможна такая вещь?

Тогда Эльза взглянула на него чистосердечнымъ взоромъ.

— Ты бы помолился Богу,—сказала она.

— Я пробовалъ,—отвѣтилъ онъ коротко.—Но Богъ не слышитъ меня

Эльза помолчала съ минуту, она стыдилась того, что хотѣла сказать.

— Развѣ у тебя нѣтъ любви къ женѣ?—спросила она наконецъ.

— Какъ не быть, есть,—былъ отвѣтъ.—Она держитъ меня въ своей власти. И за это я ее ненавижу. Но тебѣ этого не понять.

Эльза испуганно вскинула глаза при этихъ словахъ и въ первый

разъ замѣтила, какъ Андерсъ Іоганъ измѣнился за немногимъ больше года. Онъ похудѣлъ и лицо у него заострилось. Мускулы выступили тамъ, гдѣ раньше все было ровно и кругло, и казалось, что они работаютъ даже, когда онъ молчалъ. Андерсъ Іоганъ говорилъ сдержанно и спокойно и Эльза долго думала, прежде чѣмъ поняла его слово. Но когда смыслъ ихъ сталъ ей ясенъ, она поблѣднѣла, молча отвернулась и пошла отъ него прочь.

Оба они шли своей дорогой и ни одинъ не могъ протянуть руки другому и оказать ту помощь, которая ведетъ къ покою. Но дома во дворѣ стояла Ида и, не замѣченная ими, видѣла, что мужъ ея говорилъ съ женщиной и съ кѣмъ именно. Когда Андерсъ Іоганъ пришелъ домой, работа стояла, а Ида лежала на постели и громко плакала. Она была больна. И когда мужъ хотѣлъ дотронуться до нея, она оттолкнула его.

— Я видѣла, съ кѣмъ ты говорилъ,—кричала разозленная жена.— Это та, что была здѣсь до меня, и которую я ненавижу пуще смерти.

Вдругъ она соскочила на полъ и въ бѣшенствѣ впилась глазами въ Андерса Іогана.

— Поговори съ ней еще разъ,—сказала она,—и я сдѣлаю что-нибудь надъ ней или надъ собой.

Андерсъ Іоганъ попытался успокоить ее.

— Эльза не сдѣлала тебѣ ничего дурного,—началъ онъ.

Но жена прервала его:

— Это мнѣ все равно, что она сдѣлала. Но больше-то ей ужъ ничего не удастся, еслибъ и захотѣла. За это я ручаюсь.

Андерсъ Іоганъ молчалъ, потому что говорить было безполезно. Но это не много помогло ему. Съ того дня жена начала выспрашивать его объ Эльзѣ и о томъ, какъ все было между ними. Она спрашивала обо всемъ, до малѣйшей подробности и по всякому поводу. Постоянно и упорно она возвращалась къ одному и тому же. Постоянно и упорно терзала мужа. Бѣшеное желаніе мучить ради самой муки точно овладѣло ею, и она не заботилась о томъ, какъ дѣйствовали ея слова и чего они касались. Она была точно злобное животное, сосущее кровь другого животнаго, наслаждающееся его смертельной борьбой, но не желающее убивать его. Ида поняла, что мужъ страдалъ, слыша только имя Эльзы въ ея устахъ, и въ дикой потребности терзать его возвращалась все къ тому же. Она пробудила все его прошлое, и уставъ разспрашивать про Эльзу, взялась за его первую жену, дѣлала вопросъ за вопросомъ. Любилъ ли ты ее? Какъ ты любилъ ее? Любилъ ли ты ее больше меня?

Андерсъ Іоганъ ходилъ словно окутанный безуміемъ и призраками и давно думалъ, что привелъ самый адъ въ свой домъ. Онъ не могъ даже защитить дѣтей. Бить ихъ Ида никогда не била, но у нея была особая манера запугивать ихъ, такъ что они не хотѣли сидѣть дома; Андерсъ Іоганъ былъ радъ, когда они выросли настолько, что поступили оба въ школу и большую часть времени проводили внѣ дома.

Теперь Андерсу Іогану никогда не удавалось подумать. Жена не давала ему ни минуты покоя. Если выпадало два-три спокойныхъ дня, то онъ ходилъ въ страхѣ, что бѣшенство опять нападетъ на жену. Тогда она валялась на колѣняхъ передъ мужемъ, перебирала его прошлую жизнь, забрасывала грязью все пережитое имъ до того, какъ они сошлись, клянчила и молила, чтобы онъ изъ любви къ ней отрекся отъ всего, что прежде было для него дорого и свято. Въ такихъ случаяхъ Ида даже не давала ему самому отвѣчать на ея вопросы. Она сама подсказывала и диктовала ему, что онъ долженъ былъ говорить. Онъ не любилъ ни одной женщины до того, какъ они встрѣтились, ни свою жену, ни ту, другую, никого на всемъ свѣтѣ. Онъ долженъ былъ клясться ей самыми страшными клятвами. И Андерсъ Іоганъ клялся и презиралъ самого себя. Онъ клялся во всемъ, о чемъ просила эта женщина, дикости которой онъ боялся. Онъ дѣлалъ это, чтобъ получить хоть немного душевнаго покоя, и видѣлъ, что все окружавшее его было безуміемъ и грязью.

Въ концѣ концовъ все превратилось точно въ какой-то кошмаръ, и мужчина, жившій въ этомъ кошмарѣ, раньше времени состарился и усталъ душой. Выдавались дни, когда онъ какъ будто ожидалъ, что кошмаръ исчезнетъ, и въ немъ проснется чувство дѣйствительности. Но онъ не могъ уже горевать, еще менѣе надѣяться и только желалъ поскорѣе умереть.

Прежде Андерсъ Іоганъ рѣдко ходилъ въ церковь. Въ сердцѣ своемъ онъ былъ христіаниномъ, а любовь къ Эльзѣ научила его видѣть жизнь, озаренную сіяніемъ вѣчности. Но онъ никогда не чувствовалъ серьезной потребности въ словахъ священника и въ церковь попадалъ рѣдко. Въ сосновомъ бору это было не въ обычаѣ. Зато тѣмъ чаще сталъ онъ ходить туда теперь. Тамъ было тихо и спокойно, и иногда, когда пасторъ говорилъ, въ душу больному человѣку западали слова, которыя, казалось ему, были сказаны спеціально для него. Но охотнѣе всего онъ слушалъ органъ и пѣніе. Тогда безпокойство внутри его замирало на мгновеніе и онъ могъ смотрѣть на Эльзу, сидѣвшую на своемъ обычномъ мѣстѣ. И тогда вдругъ въ немъ поднималась мысль, что такой несчастной жизнью, какой была его жизнь, человѣкъ не можетъ жить до конца своихъ дней, и онъ шелъ домой съ мыслью все исправить и все начать сначала.

Послѣ двухъ лѣтъ супружества Ида родила перваго ребенка—мальчика. Андерсъ Іоганъ стоялъ у люльки и смотрѣлъ на малютку. Все казалось ему такимъ страннымъ, что онъ никакъ не могъ представить себѣ, что это дитя—его. Но онъ надѣялся, что теперь начнется выздоровленіе. Онъ слышалъ, что женщины, страдающія чрезмѣрной раздражительностью, становятся иногда спокойнѣе послѣ рожденія ребенка. На то, что жена въ первые дни говорила какъ то чудно, Андерсъ Іоганъ не обратилъ особаго вниманія. Онъ полагалъ что это происходитъ отъ болѣзни.

Но шли дни и недѣли, а Андерсъ Іоганъ все ожидалъ, что состояніе ея улучшится. Докторъ, за которымъ послали, предложилъ перевезти больную въ больницу. Но такого позора Андерсъ Іоганъ не могъ допустить для своего дома. Онъ терпѣливо ждалъ и съ каждымъ проходящимъ днемъ увеличивалась его увѣренность въ томъ, что его ожидаетъ самое худшее, что бываетъ въ жизни. Разсудокъ не возвращался къ Идѣ. Она становилась все страннѣе и несообразнѣе, а Андерсъ Іоганъ становился все подавленнѣе. Въ концѣ концовъ онъ уже не рѣшался выходить, такъ какъ боялся оставлять безумную одну съ дѣтьми. Андерсъ Іоганъ зналъ, что Эльза пришла бы, еслибъ онъ послалъ за ней. Но какъ онъ могъ рѣшиться на это? Видъ ея только ухудшилъ бы состояніе больной.

Была зима, работа во дворѣ стояла, и остановилась надолго. Андерсъ Іоаганъ одинъ ухаживалъ за больной и боялся еще разъ послать за докторомъ. Онъ раздѣлялъ мужицкую вѣру въ то, что когда какъ слѣдуетъ прихватитъ, то докторъ ничего все равно не можетъ подѣлать, и больше всего онъ боялся, что его заставятъ все-таки отправить жену.

Мысли, наполнявшія его теперь, были страннѣе, чѣмъ когда-либо, и хуже всего было ночью, когда въ домѣ спали всѣ, кромѣ него. Тогда Андерсъ Іоганъ слышалъ и видѣлъ вещи, о которыхъ долго не рѣшался никому разсказывать. Онъ никогда не думалъ, чтобы человѣческое страданіе могло быть такимъ безобразнымъ. Онъ устранялъ всѣхъ, говоря себѣ, что все происходившее было божескимъ наказаніемъ. Божье наказаніе было надъ нимъ, это онъ чувствовалъ и зналъ. Но за что Богъ каралъ его такъ жестоко, этого онъ никакъ не могъ объяснить.

И вотъ однажды ночью Андерсъ Іоганъ по обыкновенію сидѣлъ у постели жены. Онъ потушилъ лампу, чтобы больная могла немного успокоиться и изрѣдка подкладывалъ полѣнья въ печь, чтобы она не погасла. Все время онъ слышалъ голосъ жены, жаловавшейся на то, что она отдала свою любовь мужу, который былъ ей невѣренъ. Отвратительныя слова срывались съ ея устъ и наполняли мракъ вокругъ нея. Для человѣка, слушавшаго эти слова, такъ часто слышанныя уже раньше, все казалось чернымъ внутри и внѣ его, Такъ долго и такъ много онъ наслушался, что подъ конецъ слова уже не задѣвали его. Они превратились въ безсвязный шумъ, наполнявшій весь этотъ мракъ, въ которомъ тлѣло нѣсколько огненно-красныхъ угольковъ. За окномъ гудѣла метель и кричала сова, жившая въ дуплистомъ кленѣ.

Андерсъ Іоганъ не спалъ уже много ночей, для того, чтобы никто не видѣлъ его несчастья. Но подъ конецъ сонъ одолѣлъ его, и онъ крѣпко заснулъ на лавкѣ, на которой сидѣлъ, прислонившись головой къ жесткой спинкѣ.

Сколько времени онъ проспалъ, онъ не зналъ. Но проснулся онъ

отъ отчаяннаго крика, который шелъ точно снаружи. Внѣ себя онъ вскочилъ; угли въ печкѣ погасли. Онъ не могъ сообразить, гдѣ находится, сознавалъ только, что стоитъ въ темнотѣ и думалъ, что слышалъ вой лисицы, потому что въ комнатѣ было такъ холодно, что онъ дрожалъ, и потому что слышалъ, какъ снѣгъ ударялъ въ стекла. Но отчего было такъ холодно? Почему онъ дрожалъ? Почему выла лисица? Андерсъ Іоганъ чиркнулъ спичкой и дрожащими руками зажегъ лампу.

Тутъ онъ увидѣлъ, что постель жены пуста, и что дверь въ сѣни открыта. Онъ вспомнилъ слышанный крикъ, и теперь вдругъ разомъ услышалъ, какъ вокругъ него все тихо. Онъ все слушалъ и слушалъ, и тишина наполняла его еще большимъ ужасомъ. Никогда онъ не чувствовалъ себя въ такой степени одинокимъ, и никогда ему не было такъ страшно. Ему казалось, что онъ понялъ, въ одно мгновеніе понялъ все, и, закинувъ руки за голову, прошепталъ:

— Отецъ Небесный, хоть бы ужъ конецъ!

Андерсъ Іоганъ не соображалъ, что этими словами молитъ о смерти человѣка, онъ не зналъ ничего, все въ немъ было точно сломано и разбито.

Тихо и спокойно, чтобы никого не разбудить, онъ вышелъ въ метель, бившую ему въ лицо, и сталъ вглядываться во мракъ. Онъ шелъ ощупью, пока нога его не натолкнулась на что-то мягкое.

— Господи Іисусе!—воскликнулъ онъ.—Господи Іисусе, она лежитъ здѣсь.

Жена его лежала ничкомъ на снѣгу и не шевелилась.

«Она умерла», подумалъ Андерсъ Іоганъ, сердце остановилось въ груди его. Но когда онъ дотронулся до тѣла жены, она очнулась отъ своего оцѣпенѣнія и приготовилась къ отпору.

— Дай мнѣ умереть здѣсь,—бормотала она.—Я хочу умереть.

Андерсу Іогану пришлось напрягать всѣ силы, онъ никакъ не думалъ, что женщина можетъ быть такой сильной. Онъ боролся съ ней не на жизнь, а на смерть, чтобы потомъ не терзаться угрызеніями совѣсти, что онъ точно помогъ женѣ самой покончить съ жизнью, и, уложивъ ее въ постель, сѣлъ рядомъ съ ней и держалъ ее до тѣхъ поръ, пока члены ея не ослабли и вѣки не закрылись.

Задыхаясь отъ сильнаго напряженія, Андерсъ Іоганъ смотрѣлъ на ту, которая была его женой, и хотѣлъ снова начать молиться. Но молитва не успѣла еще сойти съ его губъ, какъ Ида снова открыла глаза и хриплымъ голосомъ сказала:

— Неужто ты не видишь, что я сейчасъ задохнусь?

Она попыталась сказать еще что-то. Но удушье помѣшало ей. Она упала на подушки съ полузакрытыми глазами и захрипѣла.

Тогда Андерсъ Іоганъ понялъ, что это пришла смерть. Но онъ не смѣлъ повѣрить этому. Онъ не могъ сидѣть смирно, а снялъ сапоги и

началъ тихо ходить взадъ и впередъ по ковру, чтобы никто въ домѣ не проснулся и не нарушилъ его одиночества въ эту страшную ночь. Долго онъ ходилъ такъ, слушая однообразные звуки тяжелаго дыханія умирающей и страдая отъ своего безсилія помочь. Въ эти часы соединилось все пережитое и выстраданное передъ его взоромъ, и неизвѣстно почему, ему показалось, какъ будто во всемъ этомъ вдругъ появился смыслъ.

Отъ этихъ мыслей онъ сталъ спокойнѣе, и когда дыханіе умирающей прекратилось, онъ закрылъ ей глаза. Послѣ этого онъ разразился слезами и почувствовалъ облегченіе.

Часы шли, а онъ неподвижно сидѣлъ въ комнатѣ, словно желая бодрствованіемъ прогнать свое горе. Но когда забрежжило утро и и пламя лампы побѣднѣло отъ дневного свѣта, онъ пошелъ въ кухню, гдѣ вмѣстѣ съ дѣтьми спала работница, разбудилъ ее и сказалъ:

— Самое плохое случилось. Ида умерла ночью.

Послѣ того онъ велѣлъ ей приготовить постель въ той комнатѣ, гдѣ жилъ въ то время, когда былъ вдовцомъ и Эльза управляла его домомъ; съ тѣхъ поръ она стояла нежилою, такъ какъ этого хотѣла Ида. Онъ легъ на эту постель и заснулъ отъ переутомленія безъ всякихъ мыслей.

Когда онъ проснулся. уже смеркалось и близился вечеръ. Оглушенный всѣмъ случившимся, Андерсъ Іоганъ одѣлся и вышелъ. И вдругъ онъ увидѣлъ въ кухнѣ Эльзу, которая неслышно, какъ прежде, ходила и распоряжалась по хозяйству. Покойница была уже обмыта и обернута. Полъ въ ея комнатѣ былъ посыпанъ хвоей, и бѣлыя простыни висѣли на окнахъ.

Андерсъ Іоганъ не могъ выдержать дольше и отвернулся, чтобы уйти. То, что наступало теперь, было ему не подъ силу.

Но Эльза пошла за нимъ и остановила его.

— Мнѣ было такъ тяжело, что я не могла придти раньше,—сказала она.—Мнѣ такъ хотѣлось. Только она не снесла бы этого.

Андерсъ Іоганъ долго стоялъ молча и смотрѣлъ на Эльзу, но ничего не могъ ей отвѣтить. Онъ только ясно чувствовалъ, что все, прежде разъединявшее ихъ обоихъ, теперь исчезло.

VI.

Долгое время послѣ смерти своей второй жены, Андерсъ Іоганъ ходилъ точно оглушенный и не могъ снова стать самимъ собой. Онъ точно боялся другихъ людей и большей частью сидѣлъ дома. Ему казалось, что всѣ видятъ по немъ, что́ онъ выстрадалъ, и какъ будто засчитываотъ ему то, что онъ перенесъ съ покойницей. Онъ стыдился, чувствуя это, и не желалъ принимать, такъ какъ зналъ про себя, что поступалъ такъ не изъ любви, и потому что совѣсть мучила его, когда онъ вспомнилъ свои мысли у постели умирающей жены.

Много времени прошло до тѣхъ поръ, пока онъ очнулся отъ кошмара, продолжавшагося два долгихъ года, съ самаго того дня, какъ онъ ввелъ въ свой домъ въ качествѣ жены Иду. Онъ медленно просыпался отъ этого кошмара, но очнувшись, почувствовалъ себя, какъ человѣкъ, который пережилъ такъ много, что ему ничто уже не страшно. «Ничто,—думалъ онъ,—не можетъ огорчить или подавить меня. Тяжелѣе того, что продолжалось столько времени, ничего не можетъ быть». И все же пришелъ день, когда онъ снова почувствовалъ, что онъ еще не старикъ.

Въ этотъ день Андерсъ Іоганъ осмѣлился пойти опять къ Эльзѣ, и когда онъ пришелъ, она не могла больше противиться этому человѣку, который все еще любилъ ее. Она думала, что самъ Богъ понуждаетъ ее къ этому и что иначе не можетъ быть. Поэтому она дала согласіе Андерсу Іогану и испытала изумленіе и счастье при видѣ того, какъ просіяли глаза этого печальнаго человѣка.

— Я буду твоей женой, — сказала она,—потому что не могу во второй разъ оставить тебя одного. Но тебѣ придется примириться, если я буду не такая, какъ ты хочешь.

Они долго сидѣли вмѣстѣ на лѣстницѣ подъ кленами и говорили о томъ, какъ все устроить. Былъ августовскій вечеръ, хлѣбъ былъ въ это время уже убранъ, и осенью сыграли свадьбу у родителей Эльзы.

То, что Эльза въ концѣ концовъ рѣшила сдѣлаться женой Андерса Іогана, зависѣло отъ части отъ ея страха, что онъ снова сдѣлаетъ что-нибудь надъ собой изъ-за нея. Когда онъ переживалъ несчастье своего второго брака, она замучила себя мыслью, что въ этомъ виновата она, и что еслибъ она не отказывала Андерсу Іогану въ своей любви, то онъ никогда не попалъ бы въ такую бѣду. Самъ Богъ приказывалъ ей принести эту жертву, и Эльза вступала въ бракъ безъ всякой надежды на счастье для самого себя.

Эльза и не нашла счастья и больше всего мучилась, замѣчая, что не въ ея власти дать мужу то счастье, котораго она, послѣ всѣхъ его страданій, ему желала. Хуже всего было то, что она никакъ не могла понять мужа. Онъ, прежде такой мягкій и обходительный, послѣ женитьбы сталъ подозрительнымъ, раздражительнымъ и упорнымъ. И несмотря на это Эльза знала, что онъ питалъ къ ней безмѣрную любовь.

Именно отъ любви мужа Эльза страдала больше всего. Андерсъ Іоганъ такъ стремился и столько боролся изъ-за того, что представлялось единственнымъ благомъ его жизни, что, получивъ его, онъ почти не допускалъ никого смотрѣть на свою жену или быть вблизи нея. Эльза еще робѣла передъ мужемъ, и, подходя къ ней, онъ часто видѣлъ, что она испытываетъ безпокойство. Тогда онъ переживалъ странное чувство и начиналъ искать одиночества, какъ въ дни своего несчастья. Эльза страдала отъ этого, но, какъ ни слѣдила за собой,

не находила ничего, что могла бы измѣнить. Стоило придти въ гости отцу, матери или кому-нибудь изъ братьевъ или сестеръ, какъ Андерсъ Іоганъ начиналъ безпокоиться. Онъ молча сидѣлъ и наблюдалъ другихъ, точно не принадлежалъ къ ихъ кружку. Эльза замѣтила тогда, что она становилась непринужденнѣе въ обществѣ своихъ родныхъ, чѣмъ оставаясь наединѣ съ мужемъ. И она догадывалась, что Андерсъ Іоганъ размышляетъ надъ тѣмъ, почему она бываетъ больше рада имъ, чѣмъ ему. То же самое было, когда Эльза сидѣла дома съ его собственными дѣтьми. Если онъ входилъ, то останавливался въ дверяхъ, точно сомнѣваясь и боясь помѣшать. На то, что Эльза работала съ утра до ночи, больше, чѣмъ ей, никогда не бывшей особенно здоровой, слѣдовало, онъ не обращалъ, повидимому, никакого вниманія. Какъ только онъ оставался одинъ, мысли его занимало только одно. И мысли эти слѣдовали за нимъ на работѣ и во время отдыха. «Всякому, съ кѣмъ ей приходится имѣть дѣло,—думалъ онъ,—она даетъ больше, чѣмъ мнѣ». Дошло до того, что онъ съ неудовольствіемъ отворачивался, видя, что она ласкаетъ ягненка или гладитъ корову по мордѣ.

Андерсъ Іоганъ видѣлъ, что Эльза сдѣлалась его женой, не будучи, однако, въ состояніи быть ею цѣликомъ. Черезъ женитьбу онъ не сталъ ей ближе, чѣмъ былъ. Въ Эльзѣ всегда было что-то, что охлаждало его горячіе порывы, и если онъ заговаривалъ о великой любви, которую питалъ къ ней, то она никогда не находила соотвѣтствующаго отвѣта. Если онъ хотѣлъ поиграть и приласкать свою жену, она уклонялась, иногда съ испуганнымъ взглядомъ, терзавшимъ Андерса Іогана больше всякихъ словъ.

— Я ничего не понимаю въ этомъ,—сказала однажды Эльза, какъ уже говорила раньше, задолго до того, какъ стала женой Андерса Іогана.—Я никогда не испытывала той великой, горячей, жгучей любви, о которой говорятъ, хотя столько народу испытывало ее ко мнѣ. Это всегда было такъ тяжело, и всегда мнѣ было такъ непріятно. Отчего это происходитъ, не знаю. Но, должно быть, это происходитъ оттого, что я всегда больше искала радости у Бога.

Андерсъ Іоганъ выслушалъ эти слова и долго думалъ о слышанномъ.

— Я ли не похожъ на другихъ людей?—сказалъ онъ наконецъ.—Или ты?

— Должно быть, я,—отвѣтила Эльза неувѣренно.

— А можетъ быть, и ты, хотя не такъ сильно,—прибавила она спустя немного.

Съ того времени у Андерса Іогана возникла новая мысль, мысль, которая была для него такъ нова, что вначалѣ у него почти кружилась голова, до того она была неслыханной. Развѣ онъ всю жизнь долженъ оставаться въ сосновомъ бору? Неужели на свѣтѣ нѣтъ уголка, гдѣ бы и онъ тоже могъ быть счастливъ? Онъ столько вынесъ здѣсь, что иногда казалось, будто сами стѣны начинали говорить,

чтобы напомнить ему, какъ онъ близокъ былъ къ той ночи, отъ которой никто не просыпается. Голоса надежды стали нашептывать человѣку, давно перешедшему за грань юности, что если бы ему удалось уѣхать съ Эльзой, то все стало бы для нихъ обоихъ точно новымъ. Можетъ быть, тогда онъ получилъ бы надъ ней ту власть, по которой онъ томился и которой не имѣлъ надъ ней никто. Тяжело казалось ему оставить старый дворъ, гдѣ онъ родился, и мѣстность, гдѣ онъ зналъ всѣхъ и гдѣ всѣ относились къ нему хорошо. Но еще тяжелѣе казалось ему получить единственное счастье, расцвѣтшее для него въ этомъ мірѣ, держать его въ своихъ объятьяхъ, и никогда не быть въ состояніи насладиться имъ. Онъ твердо и крѣпко вѣрилъ что когда у Эльзы не будетъ никого, кромѣ него, то ея дремлющая любовь проснется, а безъ нея все остальное казалось ему ничтожнымъ.

Въ молодости Андерсъ Іоганъ ни за что не могъ бы принять такого рѣшенія, какое принялъ теперь. Тогда онъ былъ связанъ со многимъ изъ того, что жило вокругъ него. Тогда онъ былъ бодръ и силенъ, и у него не было прошлаго, голоса котораго могли смущать его. Теперь жизнь жестоко поразила его и сдѣлала не такимъ, какимъ онъ былъ, и самъ онъ боролся съ жизнью и силой взялъ себѣ то что добровольно не давалось ему въ руки. Теперь онъ желалъ отъ жизни только одного, и ничто другое не привязывало его. Чѣмъ дольше онъ размумывалъ, тѣмъ тверже зналъ, что продастъ свой дворъ и переѣдетъ въ какой-нибудь уголъ, гдѣ могъ бы жить. Когда онъ сказалъ Эльзѣ о своемъ желаніи, то замѣтилъ, что она поняла и испугалась того, что онъ хочетъ такъ жестоко бороться, чтобы завоевать ее. Но ея испугъ обрадовалъ его, и когда она послѣ нѣсколькихъ разговоровъ подчинилась его волѣ, то Андерсъ Іоганъ подумалъ, что она согласилась потому, что питала ту же надежду, что и онъ.

Не легко ему было все устроить, и дѣло подвигалось не быстро. Многіе осуждали его, а у стараго Магнуса сильно горевали о томъ, что Эльза должна уѣхать. Вся родня находила, что человѣкъ этотъ принесъ ей несчастье. Но Андерсъ Іоганъ сдѣлалъ по-своему, потому что руководствовался тѣмъ, что стоитъ выше человѣческихъ мудрствованій и чему никто не можетъ противостоять. Но когда онъ заперъ дверь въ отчемъ домѣ, который уже не принадлежалъ ему, и въ послѣдній разъ взглянулъ на старые клены и березы, листья которыхъ желтѣли и краснѣли на осеннемъ солнцѣ, то все показалось ему мрачнымъ и тяжелымъ и внутри его точно заговорили голоса всѣхъ, жившихъ до него здѣсь и чья кровь горѣла въ его жилахъ. Но онъ не обнаружилъ ничего изъ того, что чувствовалъ, а сѣлъ рядомъ съ Эльзой, ожидавшей его въ повозкѣ, и даже не оглянулся, уѣзжая изъ сосноваго бора. Онъ рѣшилъ, что никогда сюда не вернется.

Андерсъ Іоганъ и Эльза до смерти прожили въ томъ домѣ, на который промѣняли старый. Онъ находился на большой дорогѣ къ югу, въ той сторонѣ, гдѣ ручей становился широкой рѣкой, гдѣ луга были

тучнѣе и гдѣ въ поляхъ не было столько камней. Вокругъ ихъ владѣній росли орѣшникъ и дубы, рѣка, струившаяся среди луговъ, была глубока и богата рыбой, а въ лѣтнія ночи въ кустахъ боярышника передъ избой заливался соловей. Въ домѣ все было передѣлано заново, и Андерсъ Іоганъ не зналъ, чѣмъ угодить Эльзѣ. Онъ развелъ садъ, насадилъ плодовыхъ деревьевъ, ягодныхъ кустовъ и цвѣтовъ и обнесъ усадьбу изгородью изъ сирени. Онъ во всемъ старался предупреждать желанія жены, и если она уставала отъ своей работы, то онъ помогалъ ей и бодро и радостно принималъ на себя ея обязанности.

Годы шли, и много прошло времени, прежде чѣмъ Андерсъ Іоганъ сознался самому себѣ, что не достигъ того, на что надѣялся. Поздно открылись его глаза на то, что между нимъ и Эльзой ничего не измѣнилось, и, будучи женатымъ человѣкомъ, онъ все еще тосковалъ о ея любви, какъ тосковалъ долгое время до того, какъ она сдѣлалась его женой.

Тогда Андерсъ Іоганъ ожесточился противъ Эльзы и противъ всего, что составляло его собственную жизнь. Безъ пользы для кого-либо онъ трудился и боролся, и ему казалось, что прожилъ онъ безъ радости для кого-либо. Дѣти выросли, отдѣлились, жили по своему, женились и уѣзжали. Всѣ брали отъ Андерса Іогана, но никто не давалъ. Жизнь стала для него пустой и бѣдной, полной ошибокъ и полной грезъ, которыя никогда не сбывались.

Андерсъ Іоганъ испытывалъ такое мстительное чувство къ Эльзѣ, что если онъ о чемъ-нибудь думалъ или желалъ посовѣтоваться о какомъ-нибудь дѣлѣ, то часто обращался къ Мартѣ, дочери отъ перваго брака, бывшей еще незамужемъ и помогавшей Эльзѣ по хозяйству. Но онъ дѣлалъ это не потому, что это его радовало, а для того чтобы показать Эльзѣ, что онъ можетъ обойтись безъ нея. Чувствуя себя злымъ, онъ становился еще несчастнѣе и не разъ желалъ, чтобы Эльза чѣмъ-нибудь его обидѣла, чтобы онъ могъ простить ее. Но ничего подобнаго не случалось. Эльза попрежнему была кротка и терпѣлива. И только одно удержалось въ Андерсѣ Іоганѣ за это время: онъ никогда не раскаявался въ томъ, что продалъ свой дворъ и уѣхалъ. Никогда не стремился обратно къ той землѣ, которую нѣкогда мечталъ получше обработать и пріумноженной оставить своему старшему сыну. Напротивъ, онъ былъ радъ, что никто изъ видѣвшихъ его такимъ, какимъ онъ былъ раньше, не могъ видѣть его теперь и сравнивать. Въ этомъ чувствѣ Андерсъ Іоганъ находилъ большое успокоеніе.

Въ послѣдній разъ, когда онъ и Эльза говорили обо всемъ, что было между ними, они оба были уже стары, и натянутость, въ которой они жили, начала ослабѣвать.

Тогда Эльза сказала однажды:

— Я никакъ не могла стать такой, какъ ты хотѣлъ. И этимъ я сдѣлала тебѣ много зла. Богъ создаетъ людей неодинаковыми, и я

иногда думаю, что я, не знающая такой горячей любви, какъ ты, была счастлива. Но иногда я желала, чтобъ я могла тебѣ соотвѣтствовать. И, пожалуй, я рада, что у насъ не было дѣтей. Мнѣ никогда ихъ не хотѣлось.

— Теперь это ужъ прошло,—отвѣтилъ мужъ,—и мы оба стары.

Странно складывается для насъ жизнь, для каждаго по разному. Далеко стоимъ мы одинъ отъ другого, и то, что одинъ человѣкъ всю свою жизнь хочетъ сказать другому, часто такъ и остается невысказаннымъ. Не много знаемъ мы другъ о другѣ, а то, что мы думаемъ, что знаемъ, часто невѣрно. Андерсъ Іоганъ умеръ первымъ. Былъ весенній вечеръ, какъ разъ въ то время, когда прилетаютъ первые жаворонки. Въ послѣдніе часы его жизни, когда, говорятъ, передъ глазами умирающаго проходитъ вся его жизнь, съ нимъ случилась удивительная вещь; можно было подумать, что онъ вспоминалъ не то, что пережилъ, а то, о чемъ мечталъ. Вся жизнь его представлялась ему измѣненной, сдѣлалась такой, какою никогда не была. Онъ не говорилъ ни о комъ, кромѣ Эльзы, и не вспоминалъ никого, кромѣ ея. Всего горя, разочарованій, горечи и печали, преслѣдовавшихъ его въ теченіе всей его жизни, какъ не бывало. Онъ, всегда такой странный и неудовлетворенный, передъ смертью сталъ, несмотря на мученія, терпѣливъ и кротокъ, какъ ребенокъ, и никто не могъ понять, откуда у него брались слова, въ которыя онъ облекалъ легенду объ Эльзѣ и себѣ самомъ.

— Я всю жизнь былъ счастливъ черезъ тебя,—говорилъ онъ,—но ты не повѣришь, какъ я радъ умереть.

Эльза слушала все это, и когда Андерсъ Іоганъ замолкъ, посмотрѣла на него; онъ лежалъ, весь сморщенный, съ бѣлыми волосами и худыми руками, перебирая пальцами по одѣялу. И ей показалось, что она видитъ его такимъ, какимъ она помнила его со дня ихъ первой встрѣчи, когда онъ былъ печаленъ и молодъ, но самъ называлъ себя старикомъ. Съ тѣхъ поръ силы и молодость возвращались къ нему два раза, но печаль не выпускала своей добычи. И сидя здѣсь, и чувствуя все большее приближеніе покоя смерти, Эльза подумала, что величайшее горе въ жизни Андерса Іогана было причинено ему ею, а она никогда не желала ему ничего, кромѣ хорошаго.

Умирающій лежалъ спокойно и больше ничего не говорилъ.

«Его душа уже на пути,—думала Эльза.—Никто не можетъ больше причинить ему горе».

И при этихъ мысляхъ на нее вдругъ нахлынула такая печаль, которой она не могла подобрать названія, и въ горести она взяла съ полки библію, старую книгу, которую она такъ часто читала и которая была полна положенными ею закладками и памятными листками. Она открыла книгу на изреченіи, которое вспомнила, и найдя его прочитала вполголоса:

«Если бы я говорилъ человѣческими и ангельскими голосами, но

не имѣлъ любви, то я былъ бы подобенъ мѣди звенящей и кимвалу бряцающему. И еслибъ я обладалъ даромъ пророчества и зналъ всѣ таинства и всѣ науки, и еслибъ я имѣлъ вѣру, которою могъ бы двигать горы, но не имѣлъ любви, то былъ бы ничто. И еслибъ я отдалъ все мое имущество и сжегъ бы свое тѣло, но любви не имѣлъ, то это не принесло бы мнѣ никакой пользы».

Эльза не могла читать дальше. Слезы застилали ей глаза и капали на листы старой книги. Вдругъ Андерсъ Іоганъ открылъ глаза и сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ сказать что-то. Эльза наклонилась надъ нимъ и, замирая, ожидала его словъ. Она видѣла, что это было что-то такое, что ему трудно было выговорить, и ей казалось, что если она услышитъ эти слова, то они будутъ служить ей утѣшеніемъ на всю ея остальную жизнь.

Но Андерсу Іогану не пришлось сказать этихъ словъ, которыя онъ такъ старался прошептать. Въ то время, какъ губы его шевелились, глаза потускнѣли и лицо внезапно стало неподвижнымъ и окаменѣвшимъ.

Изумленіе, за что Богъ отнялъ у нея это утѣшеніе, охватило одинокую женщину, и она тихо наклонилась надъ усопшимъ. Несмотря на горе, слезъ у нея не было.

Сидя у тѣла покойнаго мужа, она поняла, что ничто изъ случившагося не могло быть инымъ. Эта увѣренность тихо прокралась въ ея душу, она все возвращалась къ этой мысли и находила въ ней утѣшеніе. Эльзѣ казалось, что никогда она не видѣла все такъ ясно, какъ теперь. Ей даже не мѣшало то, что она не слышала послѣднихъ словъ мужа. Ей казалось, что она знаетъ ихъ, несмотря на то, что онъ не сказалъ ихъ. И отъ этихъ мыслей ей становилось легче, слезы потекли изъ ея глазъ, и слезы разрѣшили ея скорбь. То, что ничто не могло случиться иначе, чѣмъ случилось, наполнило душу чѣмъ-то новымъ и страннымъ, что сдѣлало ей покойнаго ближе, чѣмъ былъ для нея ея мужъ при жизни.

Въ эту минуту все стало ей ясно, и она вдругъ увидѣла, что все между ними обоими всегда было хорошо и прекрасно.

«Можетъ быть, это не было то, что люди называютъ счастьемъ,—сказала она себѣ,—но это было больше».

И словно мысли усопшаго еще могли достигать ея, что-то внутри ея прошептало:

«Вотъ, что онъ хотѣлъ сказать, но не смогъ».

Тихо и полная изумленія Эльза вышла изъ комнаты покойнаго на лѣстницу. Здѣсь она услышала, какъ рѣка, вытекающая изъ лѣса, на окраинѣ котораго стояли старые дворы сосноваго бора, шумѣла весеннимъ потокомъ и журчала.

Тогда все стихло и успокоилось въ Эльзѣ, и она почувствовала, что нашла отвѣтъ на всѣ свои вопросы.

Вольно въ полѣ, тѣсно въ сердцѣ.
Набѣжали облака;
Въ небѣ—темные узоры,
Въ сердѣ—темная тоска.

Жаль чего-то: жаль былого,
Покидаемаго жаль,
И томитъ загадкой смутной
Убѣгающая даль.

Въ сторонѣ сверкнула змѣйкой
Неглубокая рѣка;
Воды кротко отразили
Синеву и облака.

Впереди холмы синѣютъ
И лѣсокъ къ себѣ зоветъ...
Дальше, дальше! Все—въ грядущемъ
Жизнь лѣниваго не ждетъ.

Разбѣжались съ неба тучки,
Даль легка и широка...
Стало на сердцѣ свѣтлѣе,
Стала призрачной тоска!

Л. М. Василевскій.

Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы нынѣшняго министерства.

(*Продолженіе* *).

ГЛАВА ВТОРАЯ **)

Унія. — Попытка Роберта Эммета. — Начало дѣятельности О'Коннеля и борьба за эмансипацію католиковъ. — Билль 1829 года.

I.

Усмиреніе бунта, кипѣвшаго лѣтомъ, ослабѣвшаго осенью и почти прекратившагося зимою 1798 года, продолжалось и въ 1798, и въ 1799 году. Военные суды вѣшали, воинскія команды тоже вѣшали, разстрѣливали, засѣкали до смерти, оранжисты дѣятельнѣйшимъ образомъ помогали въ этихъ трудахъ оффиціальнымъ лицамъ и даже превосходили ихъ жестокостью. Былъ случай, когда безъ суда повѣсили одного молодого человѣка за то, что часть его костюма была зеленаго (т.-е. національнаго ирландскаго) цвѣта; были безчисленные случаи сѣченія людей по спинѣ, по животу, пока у нихъ не вываливались внутренности; продолжались сожженія цѣлыхъ деревень оран-

---

*) См. „Міръ Божій", № 3, мартъ, 1904 г.

**) Нѣкоторыя работы для желающихъ детальнѣе ознакомиться съ событіями, излагаемыми въ этой (второй) главѣ: 1) *Stanhope*, Life of the right hon William Pitt (Lond. 1861), томы III и IV; 2) *Lecky*, Leaders of public opinion in Ireland (изд. 1903 г.), томъ II; 3) *Ingram*, History of the legislative Union between Great Britain and Ireland; 4) W. J. *O'Neill Daunt*, Eighty five Jears of Jrish History (Lond. 1886), томъ I; 5) Francis de *Pressensé*, L'Irlande et l'Angleterre depuis l'acte d'union jusqu'a nos jours (Paris, 1889), livre I, livre II; 6) *Cusack*, The liberator, his life and times, political Social and Religious (Loudon, 1872); 7) *Madden*, The United Irishmen, their lives and times, third series, vol. III (описаніе дѣла Эммета на основаніи между прочимъ и неизданныхъ документовъ); 8) *Pauli*, Geschichte Englands seit den Friedenschüssen von 1814 und 1815 (Leipzig, 1864), томъ I, главы: шестая и восьмая. (Изъ болѣе доступныхъ сырыхъ матеріаловъ интересны, хотя и пристрастно-враждебно изложены главы объ Ирландіи въ „Annual Register'ѣ", за 1798, 1803, 1819, 1822, 1829 и нѣк. др. годы). Кромѣ того, см. уже названныя въ примѣчаніи къ I-й главѣ книги O'Konnor Morris'a Plowden'a (3-й томъ), Lewis'a.

жистскими бандами, практиковавшими, впрочемъ, этотъ способъ еще до 1798 года. Habeas corpus былъ пріостановленъ, тюрьмы набиты битком, военные суды засѣдали безпрестанно. Лордъ Фицджеральдъ погибъ, Вольфъ Тонъ погибъ, Чирсы были повѣшены, изъ другихъ руководителей движенія нѣкоторые уже были казнены, другіе сидѣли въ тюрьмѣ, ожидая той же участи или ссылки, третьи успѣли бѣжать въ Америку или Францію,—и «объединенные ирландцы», какъ сильная

Лордъ Фицджеральдъ.

революціонная организація, перестали существовать. Такова была историческая обстановка, при которой Вильямъ Питтъ рѣшилъ, наконецъ, приступить къ давно задуманному и зрѣло обдуманному предпріятію, къ полному уничтоженію законодательной автономіи Ирландіи и къ совершенному сліянію ея съ Англіей.

Мы уже замѣтили въ предшествующей главѣ, что парламентъ, засѣдавшій въ Дублинѣ и состоявшій исключительно изъ протестантовъ, de jure обладалъ чрезвычайно широкими автономными правами,

но de facto зависѣлъ отъ желаній и намѣреній вице-короля, назначаемаго англійскимъ министерствомъ и отвѣтственнаго предъ этимъ же министерствомъ. Съ начала 1782 года ирландскій парламентъ время отъ времени дѣлалъ шаги, безпокоившіе и раздражавшіе Вильяма Питта, и хотя, въ концѣ концовъ, обыкновенно устраивалось такъ, какъ хотѣлъ онъ, а не дублинскій парламентъ, но желаніе уничтожить это учрежденіе все наростало у англійскаго министра. Конечно, эти иногда находившіе на дублинское собраніе порывы къ самостоятельности и независимости знаменовали только, во-первыхъ, желаніе крупнаго землевладѣльческаго и торгово-промышленнаго классовъ Ирландіи добиться болѣе раціональной (съ ихъ точки зрѣнія) экономической политики, нежели та, которую навязывала имъ метрополія,—а во-вторыхъ, эти независимыя тенденціи (обыкновенно весьма скоротечныя) указывали лишь на то, что дублинскій парламентъ не прочь играть болѣе серьезную и важную роль, т.-е. на желаніе расширить свою компетенцію, весьма естественное во всякомъ политическомъ представительномъ собраніи. Мы говоримъ «*только*», «*лишь*», потому что это были лишь именно *желанія*, которыя сами по себѣ никакъ не могли серьезно пугать Вильяма Питта: онъ превосходно зналъ, что есть нѣчто внѣ всякихъ сравненій болѣе сильное, чѣмъ всѣ эти желанія, вся эта фронда и всѣ эти часто ѣдкія оппозиціонныя рѣчи; онъ зналъ, что протестантскій и лендлордскій дублинскій парламентъ, представляющій господствующую горсточку среди милліоновъ безправныхъ католиковъ, смотритъ на метрополію, какъ на главную охранительницу всѣхъ интересовъ этой горсточки, и что въ случаѣ любого революціоннаго броженія въ Ирландіи парламентъ этой страны всегда станетъ на сторону правительства. Но съ 1793 года въ Англіи стали смотрѣть на дѣйствіе дублинскаго парламента уже съ рѣшительнымъ безпокойствомъ: въ этомъ году парламентъ постановилъ, что всѣ фермеры-католики, платящіе арендной платы сорокъ шиллинговъ въ годъ, имѣютъ право выбирать депутатовъ (но не быть избираемыми, ибо право быть депутатомъ оставлялось попрежнему только за протестантами). Сдѣлано это было подъ давленіемъ Граттана и другихъ членовъ оппозиціи, которые увѣщевали предупредить готовящіяся смуты путемъ своевременныхъ уступокъ католическому населенію,—отчасти же этотъ актъ прошелъ потому, что дублинскому парламенту онъ казался вполнѣ безопаснымъ для преобладанія англійской націи и протестантской религіи: все равно,—ни одинъ католикъ не могъ пройти въ парламентъ, а, кромѣ того, предполагалось, новые избиратели до такой степени всецѣло зависѣли отъ своихъ лендлордовъ, что даже и протестанта смогутъ выбрать не всякаго, а такого, котораго имъ укажетъ ихъ лендлордъ. Тѣмъ не менѣе, въ Англіи обезпокоивались призракомъ сближенія между протестантами и католиками въ Ирландіи (что, какъ уже было сказано, являлось всегда кошма-

ромъ для англійскихъ политиковъ), а также и тѣмъ, что рано или поздно католикамъ будетъ дано и право избираться. Когда началось сильное революціонное броженіе,—дублинскій парламентъ, разумѣется, тотчасъ же сталъ на сторону неистовствовшихъ оранжистовъ и самыхъ свирѣпыхъ правительственныхъ репрессалій. Но, все равно, Питтъ рѣшилъ его уничтожить, воспользоваться такимъ благодарнымъ случаемъ, какъ усмиренная революція, чтобы отвязаться разъ навсегда отъ учрежденія, если пока не серьезно-опаснаго, то совершенно Англіи ненужнаго, хлопотливаго, способнаго въ будущемъ воспользоваться широчайшими своими политическими правами и сдѣлать Ирландію автономною не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности. Автономная конституція 1782 года была взята Ирландіею силою, въ критическій для Англіи моментъ борьбы противъ Соединеныхъ Штатовъ, а кто же могъ поручиться, что аналогичныя обстоятельства не наступятъ при еще болѣе серьезной борьбѣ противъ Франціи? Наконецъ, въ виду постоянныхъ ожиданій новыхъ и новыхъ французскихъ высадокъ въ Ирландіи, чувствовалась настоятельная потребность покрѣпче держать сосѣдній островъ въ своихъ рукахъ. Собственно, даже и не Вильямъ Питтъ, а король и другіе министры особенно ненавидѣли ирландскую автономію, боялись ея и негодовали на всякое послабленіе относительно католиковъ (Питтъ, напримѣръ, вовсе не былъ противъ расширенія правъ католиковъ, въ принципѣ); но разъ уже послѣ 1798 года обстоятельства сложились такъ, что въ Англіи взяло верхъ могущественное теченіе въ пользу законодательной уніи, а въ самой Ирландіи были раздавлены тѣ элементы, которые могли бы противъ этой уніи бороться, то Питтъ смѣло взялъ на себя дѣло уничтоженія ирландской конституціи. Давно извѣстно и давно сказано, что всякія конституціи суть листы бумаги, которые рвутся, когда заинтересованные въ нихъ общественные слои недостаточно сильны, чтобы ихъ защищать. Иногда это дѣлалось совсѣмъ быстро, просто и наглядно, путемъ физическаго разрыванія того листа бумаги, о которомъ шла рѣчь (напр., «пунктовъ» 1730 года Анною Іоанновною); иногда этотъ процессъ нѣсколько замедлялся и усложнялся. Въ данномъ случаѣ также у Вильяма Питта произошли нѣкоторыя (совсѣмъ, впрочемъ, небольшія) задержки и замедленія. Отмѣтимъ въ самыхъ краткихъ словахъ, какъ именно все это случилось.

II.

Вильямъ Питтъ, какъ и всегда съ нимъ бывало во всѣхъ важныхъ вопросахъ, былъ и въ данномъ случаѣ силенъ тѣмъ, что вполнѣ отчетливо зналъ свои желанія и ужъ въ этомъ не путался и не сбивался за все время съ 1798 по 1800 годъ, пока, наконецъ, унія не стала совершившимся фактомъ. Цѣль свою—«le quoi»—онъ зналъ отлично, а

средства,—«le comment»—предоставилъ изыскать и опредѣлить лорду Кэстльри. Вильямъ Питтъ употреблялъ лорда Кэстльри всегда, когда нужно было вести дѣла деликатныя и щекотливыя, рисковать, нарываться на неблаговоспитанныхъ людей и, вообще, предпринимать разныя двусмысленныя личныя сношенія и другія изнурительныя манипуляціи. Питтъ, отпуская лорда Кэстльри въ Ирландію для подготовки дѣла уніи, далъ ему широчайшія полномочія подкупать деньгами, мѣстами, титулами всѣхъ тѣхъ вліятельныхъ въ дублинскомъ парламентѣ и въ странѣ лицъ, содѣйствіе которыхъ было нужно для удачнаго осуществленія политическаго курьеза: уничтоженія самостоятельнаго парламента его же собственнымъ рѣшеніемъ. Все это непремѣнно должно было имѣть видимость «добровольнаго» самоуничтоженія: Вильямъ Питтъ такъ желалъ, и лордъ Кэстльри принялся за дѣло. Онъ подкупилъ мигомъ вліятельнѣйшія періодическія изданія, хотя и не всѣ, и затѣмъ вступилъ на тернистый путь подкупа отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей. Онъ потребовалъ при этомъ полнаго содѣйствія вице-короля Корнуэльса, который никакъ не могъ сразу очутиться на высотѣ положенія, и все тосковалъ, что его заставляютъ принимать участіе въ дѣлѣ подкуповъ. «Но, въ концѣ концовъ, цѣль велика, и, можетъ быть, тутъ идетъ дѣло о спасеніи государства», писалъ онъ въ одномъ дружескомъ письмѣ (21-го января 1799 г.), пожаловавшись раньше: «Вы, который знаете, какъ я ненавижу интригу и торги, вы поймете, какъ мнѣ часто трудно сдерживать свое настроеніе» *).

Но лордъ Кэстльри чувствовалъ себя вполнѣ безмятежно и только просилъ все изъ Лондона денежныхъ подкрѣпленій. Подкупы членовъ дублинскаго парламента шли чрезвычайно успѣшно. Лордъ Клэръ (тотъ самый, къ которому было направлено угрожающее письмо Чирса, повѣшеннаго вскорѣ послѣ этого письма) дѣятельно помогалъ дѣлу готовившейся уніи и являлся (послѣ Кэстльри) однимъ изъ главныхъ орудій Вильяма Питта. Однажды, когда лордъ Клэръ распространялся въ англійскомъ парламентѣ относительно ирландской неблагонамѣренности, Вильямъ Питтъ слушалъ, слушалъ, а потомъ вдругъ обратился къ стоявшему рядомъ Уильберфорсу со словами: «Боже милостивый! Ну, слышали ли вы когда-нибудь въ своей жизни такого большого мошенника, какъ этотъ?» Тѣмъ не менѣе Питтъ усердно поддерживалъ лорда Клэра, а лордъ Клэръ съ жаромъ служилъ Питту, и все устраивалось между ними къ общему благополучію (пока, наконецъ, унія не была проведена и лордъ Клэръ, за ненадобностью, удаленъ отъ дѣлъ).

Нѣкоторые члены дублинской верхней палаты упирались, требуя компенсаціи, ибо при уничтоженіи мѣста, гдѣ они засѣдали, они теряли почетъ и власть. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ обѣщанъ пере-

*) „Pressensé" l. c. стр. 45.

водъ въ британскую палату лордовъ и, сверхъ того, болѣе или менѣе крупныя суммы; другимъ, только назначеніе британскимъ лордомъ (безъ денежной награды); третьимъ (послабѣе и посмирнѣе)—только одна денежная подачка. Гораздо туже и непріятнѣе шли у лорда Кэстльри дѣла съ нижнею палатою; тамъ приходилось считаться съ большимъ количествомъ лицъ, притомъ не имѣвшихъ, въ большинствѣ случаевъ, такихъ тѣсныхъ личныхъ связей съ англійскою знатью и англійскимъ правительствомъ, какъ члены палаты верхней. Составилась рѣшительная оппозиція, которая твердо рѣшила было отстоять автономію. Среди членовъ парламента и среди чиновниковъ (особенно судейскихъ) были люди, которые считали англійское вмѣшательство въ ирландскія дѣла зломъ и на дублинское собраніе смотрѣли, какъ на ячейку, изъ которой современемъ можетъ вырости настоящее самоуправленіе, съ участіемъ не только протестантовъ, но и католиковъ; были и другіе, которые и не мечтали объ освободительныхъ реформахъ, но и не желали отказываться отъ автономіи въ томъ видѣ, какъ она существовала, не видѣли смысла въ такомъ самоотреченіи, не боялись запугиваній новыми католическими возстаніями. И изъ первыхъ, и изъ вторыхъ очень многіе ни денегъ, ни посуловъ не принимали и ставили этимъ лорда Кэстльри въ довольно затруднительное положеніе. Вице-король сталъ выгонять въ отставку (по требованію Кэстльри) оппозиціонно настроенныхъ должностныхъ лицъ, но съ оппозиціонными депутатами такъ легко распорядиться нельзя было. Въ январѣ 1799 года собрался парламентъ, и тутъ первыя же голосованія выяснили, что въ палатѣ лордовъ около пятидесяти человѣкъ болѣе или менѣе дѣятельныхъ сторонниковъ правительства, а въ нижней палатѣ голоса раздѣлились почти поровну (107 противъ 105 вотировали адресъ съ намекомъ на желательность уніи). Въ первое время сессіи оппозиція еще думала о сопротивленіи, но ряды ея быстро таяли, ибо съ одной стороны въ ея средѣ боролись двѣ фракціи, одна стоявшая за эмансипацію католиковъ, и другая, рѣшительно поддерживавшая протестанскія привилегіи, причемъ вторая все больше и больше склонялась на сторону уніи съ съ Англіей; а съ другой стороны—денежные переводы изъ Лондона на имя лорда Кэстльри не изсякали. Пока оппозиція надламливалась все сильнѣе и сильнѣе въ парламентѣ, вице-король вздумалъ вызвать домашними средствами взрывъ вѣрноподданническихъ чувствъ въ Ирландіи, который бы показалъ воочію любому Ѳомѣ невѣрному, что ирландское населеніе только и мечтаетъ объ уничтоженіи автономіи и объ уніи. Было рѣшено, что вице-король поѣдетъ путешествовать по странѣ, а чиновники обработаютъ народный энтузіазмъ и задушевныя встрѣчи съ восторженными адресами о желательности уніи. Такъ и поступили. Вице-королю давалось знать, гдѣ царятъ чувства благонадежныя, а гдѣ сомнительныя; въ первыя онъ и отправлялся, а вторыя исключалъ изъ маршрута. Подавались наскоро написанные (и подписанные)

полиціей и оранжистами адресы, устраивались восторженные клики и вице-король отправлялся дальше изучать настроеніе народной души. По прибытіи въ Дублинъ въ канцеляріи были подведены итоги, и оказалось, что народная душа желаетъ уничтоженія ирландскаго парламента и полнаго соединенія съ Англіей. «Чувство сердечнаго одобренія политикѣ уніи,—заявлялъ вице-король послѣ путешествія: - не ограничивается какимъ-либо отдѣльнымъ классомъ. Я былъ оченъ доволенъ, когда замѣтилъ, что зародившееся въ высшихъ классахъ, это чувство, въ значительной мѣрѣ, распространилось и въ народной массѣ». Оппозиція съ отчаяніемъ говорила, что все это подстроено, что это «одно *шутовство*», что при подписяхъ адресовъ «*злоупотребляли именами уже умершихъ людей и поддѣлывали подписи*» благополучно здравствующихъ,—ничего не помогало. Оффиціозныя и закупленныя газеты съ самымъ безмятежнымъ видомъ замалчивали всѣ такія обвиненія и и съ гордостью открывали въ Ирландіи давнишнія залежи любви къ Англіи, любви, которая никакъ не могла до тѣхъ поръ проявиться вслѣдствіе преступныхъ происковъ «объединенныхъ ирландцевъ» и ихъ друзей, а теперь вотъ, когда происки прекращены, это чувство и выходитъ изъ своего скрытаго состоянія. Много было сознательной лжи съ одной стороны и безсильнаго отчаянія съ другой; католическая Ирландія была раздавлена свирѣпымъ усмиреніемъ, неистовствами солдатъ, административными засѣканіями, военно-судными разстрѣливаніями; протестантская—въ большинствѣ была либо апатична, либо прямо примыкала къ нѣкоторымъ оранжистамъ, съ восторгомъ призывавшимъ унію, а въ меньшинствѣ раздѣляла чувства (и участь) католиковъ. И дѣло Кэстльри шло прекрасно. Оппозиція пробовала организовать подачу петицій королю о сохраненіи автономнаго парламента, и, несмотря на угрозы и насилія властей, это дѣло пошло на ладъ. Тогда Питтъ приказалъ лорду Кэстльри устроить подачу контръ-петицій. Шериданъ заявлялъ впослѣдствіи въ англійской палатѣ общинъ: «осадное положеніе, шпіоны, агенты провокаторы повсюду были выстроены въ боевой порядокъ противъ враговъ уніи» *). Сходки оппозиціи разгонялись войсками, ихъ организаторы часто подвергались аресту; даже артиллерія мобилизовалась иногда, чтобы подкрѣпить аргументы сторонниковъ уніи противъ ея враговъ. Несмотря на все это, гораздо больше полумилліона подписей (по нѣкоторымъ авторамъ даже больше семисотъ тысячъ) было собрано подъ адресами противъ уніи (а лорду Кэстльри и вице-королю при всѣхъ ухищреніяхъ, путешествіяхъ, собираніяхъ подписей не только шпіоновъ, но и всѣхъ шпіонскихъ родственниковъ, удалось собрать меньше семи тысячъ подписей). Но и этотъ фактъ прошелъ безъ слѣда и безъ пользы. Правительство рѣшило покупать (по большой цѣнѣ) у нѣкоторыхъ членовъ ирланд-

*) „Pressensé", l. c., 55.

скаго парламента мѣста, имѣвшія право выбора депутатовъ и находившіяся въ этомъ отношеніи во власти своихъ владѣльцевъ. Питтъ рѣшилъ затратить на это одинъ съ четвертью милліонъ фунтовъ стерлинговъ, причемъ этотъ милліонъ съ четвертью владѣльцамъ мѣстечекъ былъ выплаченъ изъ ирландской, а не англійской казны: такимъ образомъ, къ особенно горькому негодованію оппозиціи, ирландскія народныя деньги пошли на этотъ (слабо замаскированный) подкупъ ирландскихъ же представителей, продававшихъ независимость своей родины.

Когда въ 1800 году снова въ ирландскій парламентъ было внесено предложеніе, чтобы онъ самъ себя уничтожилъ,—все оказалось въ полномъ порядкѣ: и въ палатѣ общинъ, и въ палатѣ лордовъ—оппозиціонеровъ оказалось очень мало. Въ общемъ (по позднѣйшему утвержденію О'Коннеля) было израсходовано на разнообразный подкупъ ирландскаго парламента три милліона фунтовъ стерлинговъ. Въ тоже время Питтъ всѣми мѣрами старался внушить католическому населенію Ирландіи, что послѣ уніи они могутъ надѣяться на допущеніе современемъ въ англійскій (т.-е. общеимперскій) парламентъ; а такъ какъ самостоятельный дублинскій парламентъ все равно ихъ не пускалъ въ свою среду, такъ что же имъ особенно жалѣть о немъ, если онъ самъ себя рѣшаетъ уничтожить? Подобными внушеніями Питтъ достигалъ нѣкотораго успокоенія слишкомъ ужъ возмущеннаго общественнаго мнѣнія; хотя онъ теперь и не боялся католиковъ, но его принципъ былъ—по возможности утишать раздраженіе даже и слабыхъ враговъ, особенно, если это ничего не стоитъ.

5-го февраля 1800 года началось обсужденіе вопроса объ уніи, а 14-го іюня билль объ уніи уже прошелъ въ третьемъ чтеніи въ палатѣ лордовъ. 1-го іюля Георгъ III подписалъ актъ объ уніи, который и сталъ государственнымъ закономъ. Ирландія получила право посылать въ британскій парламентъ сто депутатовъ въ нижнюю палату и 32 въ палату лордовъ; $^{2}/_{25}$ общегосударственныхъ расходовъ возлагались на Ирландію (въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ послѣ уніи); католики, конечно, попрежнему не имѣли права засѣдать въ общеимперскомъ парламентѣ. Мы коснемся далѣе общаго значенія этого акта и его деталей; теперь же перейдемъ къ единственному революціонному протесту, который вскорѣ послѣ него послѣдовалъ. Одинокая попытка Эммета была послѣднимъ отголоскомъ движенія «объединенныхъ ирландцевъ»; она сильно содѣйствовала укрѣпленію той общественной атмосферы, среди которой началась дѣятельность О'Коннеля,—той реакціи, среди которой начался новый періодъ ирландской исторіи.

III.

Робертъ Эмметъ родился въ Дублинѣ, въ 1778 году, въ семьѣ д-ра Эммета, весьма извѣстной въ Ирландіи. Онъ получилъ очень хорошее образованіе въ коллегіе Троицы и съ ранней юности проявлялъ большое умѣнье владѣть собою при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Напр., однажды во время занятій химіей, онъ почувствовалъ страшныя боли, происходившія отъ нечаяннаго отравленія: благодаря привычкѣ грызть въ задумчивости ногти, мальчикъ ввелъ въ свой организмъ ядовитое вещество, которымъ были испачканы его руки. Дѣло было ночью и, несмотря на полное сознаніе опасности своего положенія, ему не захотѣлось никого тревожить. Онъ пошелъ въ комнату, гдѣ помѣщалась домашняя библіотека, отыскалъ томъ энциклопедическаго словаря, гдѣ было слово «яды», узналъ изъ статьи о подходящемъ противоядіи, принялъ его и, при продолжавшихся тяжелыхъ страданіяхъ, снова усѣлся за прерванную работу. Только на утро узнали въ домѣ, что случилось, по измученному лицу Роберта. Въ коллегіи Троицы, куда онъ поступилъ пятнадцати лѣтъ, товарищи очень цѣнили его краснорѣчіе, проявлявшееся во время дебатовъ въ состоявшемъ при коллегіи «историческомъ обществѣ». На засѣданіяхъ этого общества воспитанники произносили рѣчи и читали рефераты на разныя темы, причемъ прочитанное подвергалось обсужденію и критикѣ. Хотя строжайше воспрещалось при этомъ касаться вопросовъ текущей политики, но нѣкоторыя темы, по существу, своему давали проявляться тѣмъ или инымъ политическимъ предрасположеніямъ учащихся. Такъ, напр., весною 1798 года (какъ разъ, когда возстаніе было въ ходу и репрессія свирѣпѣла) дебатировался въ историческомъ обществѣ слѣдующій вопросъ: «Существенно ли важна для благоденствія хорошаго и добродѣтельнаго правительства — полная свобода рѣчи?» Во время споровъ, вызванныхъ этою темою, Робертъ Эмметъ сказалъ: «Если какое-либо управленіе было бы настолько порочно, чтобы ниспровергнуть свободу рѣчи, то долгъ народа состоялъ бы въ томъ, чтобы обсудить ошибки правителей, хорошо взвѣсить зло, которое они причинили, разсмотрѣть, какой правильный путь надлежитъ выбрать, и послѣ того, какъ они это сдѣлали бы, ихъ обязанностью было бы вывести отсюда практическія заключенія». Товарищи всю жизнь потомъ вспоминали объ Эмметѣ, какъ о замѣчательномъ ораторѣ, прямо преображавшемся, когда онъ начиналъ говорить. Его обычная сосредоточенность, неподвижность, мѣшковатость куда-то исчезали въ самомъ началѣ рѣчи, и самая рѣчь казалась вдохновенной импровизаціей. Характеръ у этого юноши былъ замѣчательно мягкій и доб-

рый, и говорили, что онъ привлекалъ къ себѣ своею внутреннею чистотою, свѣтившейся въ глазахъ, сказывавшейся въ каждомъ словѣ, проявлявшейся въ каждомъ порывѣ. Въ 1798 году его университетское ученіе оборвалось. Весною этого страшнаго года въ коллегію явился лордъ-канцлеръ и потребовалъ нѣсколькихъ студентовъ къ допросу подъ присягою относительно того, что имъ извѣстно по части смуты, царящей въ странѣ; въ частности, было предъявлено требованіе назвать тѣхъ товарищей, которые состоятъ членами общества «объединенныхъ ирландцевъ». Получилъ подобное приглашеніе и Эммет. Лорду-канцлеру онъ ничего не отвѣтилъ, но написалъ письмо товарищамъ, въ которомъ выражалъ негодованіе по поводу требованія отъ студентовъ доноса и заявлялъ желаніе быть вычеркнутымъ изъ списковъ воспитанниковъ коллегіи. Его исключили немедленно вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ студентовъ. Старшій братъ Роберта, серьезно скомпрометированный, случайно избѣжалъ висѣлицы и сидѣлъ въ ньюгэтской тюрьмѣ, а потомъ въ одной шотландской крѣпости. Робертъ видѣлся съ нимъ и съ другими арестантами и исполнялъ различныя ихъ порученія. Въ 1800 году онъ отправился на континентъ, гдѣ долго путешествовалъ по Франціи, Бельгіи, Швейцаріи. Со второй половины 1802 года разсѣянные по континенту члены сильно порѣдѣвшихъ кадровъ «объединенныхъ ирландцевъ» уже мечтали воспользоваться ожидавшимся разрывомъ только что заключеннаго мира между Франціей и Англіей, чтобы, по возможности, снова начать возстаніе. Талейранъ имѣлъ уже тайныя свиданія съ нѣкоторыми изъ нихъ; но могильная тишина, царившая въ Ирландіи, дѣлала теперь надежду на возстаніе крайне шаткою, почти фантастичною. Лично Робертъ Эммет долго не вѣрилъ въ возможность ждать отъ перваго консула хоть какой-нибудь поддержки. Но когда, съ самаго начала 1803 года, отношенія между Бонапартомъ и англійскимъ правительствомъ обострились до послѣдней крайности, и разрывъ сталъ совершенно неизбѣженъ, Робертъ Эммет, уже поглощенный своимъ планомъ (о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь), получилъ двѣ желаемыя аудіенціи и говорилъ какъ съ самимъ первымъ консуломъ, такъ и съ Талейраномъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Не понравились ему оба эти лица. Молодой энтузіастъ, повидимому, при всемъ недовѣріи къ нимъ, подходилъ къ нимъ все таки съ нѣсколько иными требованіями и ожиданіями, нежели, напримѣръ, Вольфъ Тонъ, такъ прекрасно знавшій людей вообще, а политиковъ въ частности. Тѣмъ не менѣе, когда весною 1803 года амьенскій миръ былъ окончательно нарушенъ и вспыхнула съ новою силою нескончаемая англо-французская война, и Эммет, и очень многіе въ Англіи и Ирландіи (лордъ Бентинкъ, лордъ Гренвиль, Файнерсъ, директоръ остъ-индской компаніи Фольдеръ и мн. др.) ожидали или считали вполнѣ мыслимымъ

*

вторженіе французовъ въ Ирландію и новое возстаніе въ этой странѣ противъ англійскаго владычества.

Трудно установимо (если требовать полной хронологической точности), когда именно Робертъ Эмметъ сталъ активнымъ революціонеромъ; къ 1802 году, во всякомъ случаѣ, это уже совершилось. Положеніе его было гораздо хуже, нежели положеніе Вольфа Тона, лорда Фицджеральда или любого изъ дѣятелей предшествовавшей формаціи, подкошенной висѣлицами, тюрьмами и изгнаніями, ссылками и сошедшей со сцены послѣ неудачи бунта 1798 года. Тогда и наличныхъ силъ было больше, и настроеніе было повышенное, и организація была крѣпка, а теперь въ 1803 году ни силъ, ни организаціи, дѣйствующей въ странѣ, de facto не существовало, а настроеніе общества и простого народа было самое подавленное. Появился неизбѣжный спутникъ и вѣрнѣйшій симптомъ слабости революціонеровъ—безконечный раздоръ между ними, началось распаденіе эмигрировавшихъ и проживавшихъ во Франціи «объединенныхъ ирландцевъ» на фракціи. Одни говорили, что Ирландія должна образовать самостоятельную республику, другіе, что она должна присоединиться къ Франціи, но и тѣ и другіе весьма сбивчиво преставляли себѣ, *какъ* достигнуть намѣченной цѣли. Въ теченіе всего 1803 и отчасти 1804 года они сильно полагались на французскій десантъ, и только осенью 1804 г. окончательно поняли, что Наполеону и они, и вся Ирландія нужны только какъ «стратегическая угроза», и что никогда этой высадкѣ на самомъ дѣлѣ не бывать; Робертъ Эмметъ находился подъ властью этихъ надеждъ еще меньше времени, нежели другіе, но разрывъ амьенскаго мира для него послужилъ окончательнымъ толчкомъ.

Съ октября 1802 года онъ зондировалъ почву въ Дублинѣ и въ ближайшихъ къ Дублину мѣстностяхъ. Онъ пришелъ къ заключенію (или убѣдилъ себя), что воскресить бывшее пять лѣтъ тому назадъ движеніе возможно; что для этого стоитъ показать другимъ рѣшительный примѣръ и внезапно напасть на врага, застать его врасплохъ и первыми быстрыми и успѣшными ударами разогнать миражъ англійской непобѣдимости. Предпріятіе былъ очень трудное. Эмметъ отдалъ на это дѣло около полуторы тысячъ фунтовъ стерлинговъ,—перешедшую къ нему долю отцовскаго наслѣдства; онъ завязалъ тѣсныя сношенія съ нѣсколькими десятками людей... Подобныхъ средствъ и силъ въ наиудачнѣйшемъ случаѣ могло бы хватить на отдѣльное террористическое предпріятіе, или, напримѣръ, на начало новой пропагандистской организаціи, но никакъ не на совершеніе внезапнаго государственнаго переворота. Правда, силы эти нѣсколько увеличились за тѣ немногіе мѣсяцы, которые протекли между началомъ приготовленій и роковымъ 23-мъ іюля 1803 года. Эмметъ выработалъ планъ внезапнаго ночного нападенія на замокъ намѣстника и на два другіе

пункта въ Дублинѣ, причемъ тотчасъ по овладѣніи замкомъ надлежало провозгласить временное ирландское правительство, которое и должно было обратиться къ странѣ съ воззваніемъ ко всеобщему возмущенію противъ англичанъ. Въ поддержкѣ дублинской массы Эмметъ былъ совершенно увѣренъ; войскъ тоже много въ Ирландіи не могло остаться въ виду того, что англичанамъ всякій лишній батальонъ былъ необходимъ для защиты метрополіи, со дня на день ожидавшей французской переправы черезъ Ламаншъ. А послѣ удачи внезапной аттаки все ирландское населеніе встрепенется и примкнетъ къ временному правительству. Словомъ, на совѣщаніяхъ все выходило гладко. Ближайшими единомышленниками Эммета были Томасъ Россель (отставной офицеръ), Вильямъ Даудэль, Томасъ Уайльдъ (хозяинъ мануфактуры), нѣсколько лицъ еще, принадлежавшихъ по большей части къ среднему сословію, къ купечеству, адвокатурѣ, зажиточному фермерству. Затѣянное дѣло моментами представлялось, повидимому, самому Эммету безнадежнымъ вполнѣ или почти. Вотъ, напримѣръ, какія рѣчи, не совсѣмъ обычныя въ устахъ главы заговора, пришлось выслушать отъ него одному изъ участниковъ предпріятія — Джемсу Хопу: «Если я потерплю пораженіе, благодаря ихъ поведенію,—жаловался онъ на нѣкоторыхъ недостаточно самоотверженныхъ людей,—то вина не моя; однако, даже и пораженіе мое не спасетъ ту систему, противъ которой я борюсь, но придетъ время, когда самые ярые ея защитники не смогутъ жить подъ бременемъ ея несправедливости, а до тѣхъ поръ мои основанія, побуждающія предпринять настоящую попытку, не будутъ вполнѣ поняты, кромѣ немногихъ, которые служатъ (этому дѣлу) со мною и могутъ пострадать со мною». Въ другой разъ Эмметъ (незадолго до 23-го іюля) выражалъ удовольствіе по поводу того, что среди главарей заговора нѣтъ ни одного католика: «Мы всѣ — протестанты, и ихъ (католиковъ) дѣло не будетъ скомпрометтировано». Ясно, что мысль о неудачѣ посѣщала Эммета настойчиво, ибо дѣло католиковъ было бы выиграно въ случаѣ успѣха заговора, а глава заговора радовался уже напередъ тому, что его предпріятіе хоть вреда католикамъ не принесетъ въ концѣ концовъ.

Съ марта 1803 г. приготовленія шли усиленно. Можно было уже разсчитывать на три небольшіе отряда, которые должны были сформироваться въ назначенный срокъ въ Дублинѣ и окрестностяхъ; организаторамъ удалось, для пополненія кадровъ этихъ будущихъ отрядовъ, воспользоваться, главнымъ образомъ, остатками «объединенныхъ ирландцевъ», тѣми, которые мечтали и о мести за усмиреніе 1798 года, и о непосредственной цѣли предпріятія — началѣ новаго возстанія.

Робертъ Эмметъ разработалъ планъ внезапнаго нападенія въ такихъ деталяхъ, которыя указываютъ на долгій и кропотливый трудъ. Этотъ планъ изобилуетъ любопытными и характерными чертами. Напримѣръ,

Эмметъ разсчитывалъ при нападеніи на замокъ захватить намѣстника и все высшее правительство и, въ случаѣ необходимости отступленія, приказывалъ непремѣнно отослать захваченныхъ подъ конвоемъ по направленію къ Уиклоу (гдѣ должна была сформироваться особая инсургентская армія по плану Эммета). Отряды должны были сообщаться и давать другъ другу сигналы посредствомъ ракетъ (во время и послѣ дѣйствія). Кромѣ первоначальныхъ нѣсколькихъ десятковъ помощниковъ Эммета, наскоро, съ бору да съ сосенки, собраны были около 800 человѣкъ, которые и должны были взять на себя активную роль въ назначенную ночь, т.-е. составить намѣченные три отряда. Между ними было много храбрыхъ и честныхъ людей, но были и люди, совершенно не подходившіе къ принятой на себя миссіи, ни по умственнымъ, ни по моральнымъ качествамъ. Оказались въ рѣшительный моментъ и предатели. Совершенно недоставало иниціативы и находчивости у лицъ, поставленныхъ на самыя отвѣтственныя мѣста. Всего этого было бы достаточно, чтобы серьезно скомпрометтировать дѣло, если бы даже по существу оно являлось лучше обставленнымъ, нежели на самомъ дѣлѣ. Менѣе одной тысячи заговорщиковъ противъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ англійскихъ войскъ, расположенныхъ въ Ирландіи,—полное отсутствіе пропаганды, которая хоть немного подготовила бы населеніе къ перевороту, глубочайшая подавленность, царившая въ странѣ послѣ усмиренія и введенія уніи—таковы были условія, которыя, несомнѣнно, страшно затруднили бы Эммета даже въ случаѣ полной непосредственной удачи дублинскаго плана. Но логика вещей не допустила тутъ даже и мимолетнаго успѣха.

IV.

Робертъ Эмметъ весьма хорошо понималъ, что въ неожиданности и стремительности перваго натиска для него заключается главное условіе побѣды, при томъ страшномъ неравенствѣ силъ, какое существовало между нимъ и лордомъ намѣстникомъ. Онъ былъ очень хорошимъ организаторомъ и конспирацію поставилъ на такую высоту, что англійскіе шпіоны, давно уже что-то начавшіе подозрѣвать, довольно долго никакъ не могли, къ своему прискорбію, достигнуть тутъ требуемаго пользою службы проникновенія вглубь. Но предъ самымъ дѣломъ произошло нѣчто такое, что лучшій собиратель матеріаловъ и историкъ эмметовскаго заговора (Мадденъ) совершенно справедливо считаетъ прямо невѣроятною неосторожностью со стороны заговорщиковъ: на 23-е іюля было назначено нападеніе на намѣстника, а они сочли благовременнымъ 14-го іюля, въ годовщину взятія Бастиліи, устроить въ Дублинѣ противоправительственную демонстрацію. Послѣ долгаго, почти ничѣмъ

не прерваннаго, пятилѣтняго онѣмѣнія, послѣ молчанія, воцарившагося съ 1799 года, впервые въ довольно серьезныхъ размѣрахъ возникли уличныя манифестаціи, длившіяся почти весь день. Власти встрепенулись; существованіе организаціи стало для нихъ несомнѣнно. Эмметъ могъ ясно видѣть, что, благодаря недисциплинированности и опрометчивости соучастниковъ, чуткость и подозрительность правительства сразу обострились, и что шансы его дѣла отъ этой совершенно несвоевременной демонстраціи сильно уменьшились. Судьба продолжала преслѣдовать предпріятіе. Черезъ два дня послѣ демонстраціи, 16-го іюля, въ Патрикъ-стритѣ (въ Дублинѣ) произошелъ по несчастной случайности взрывъ въ томъ помѣщеніи, гдѣ была заготовлена заговорщиками часть боевыхъ припасовъ (пороха и ружей). Мигомъ явился на мѣсто происшествія майоръ Сирръ (тотъ самый, который въ 1798 году смертельно ранилъ лорда Фицджеральда во время вооруженнаго сопротивленія). Сирръ и приведенные имъ полицейскіе арестовали раненаго взрывомъ человѣка, нашли кое-какое оружіе, но до главнаго склада, помѣщавшагося въ очень потайномъ и глухомъ мѣстѣ того же зданія, полиціи не удалось добраться. Тѣмъ не менѣе, этотъ взрывъ былъ властями очень принятъ къ свѣдѣнію. Робертъ Эмметъ былъ теперь окончательно поставленъ въ необходимость выбрать одно изъ двухъ крайне опасныхъ рѣшеній: либо произвести нападеніе въ августѣ, какъ онъ и предполагалъ раньше, надѣясь на то, что въ этомъ мѣсяцѣ произойдетъ высадка Наполеона въ Англіи и англійскія войска должны будутъ уйти изъ Ирландіи для защиты метрополіи; либо начать дѣло немедленно, теперь же, въ іюлѣ. Но первая комбинація являлась нынѣ послѣ демонстраціи 14-го іюля и взрыва 16-го іюля почти невозможною: всякая отсрочка казалась Эммету опасною до послѣдней крайности, ибо тайна переставала быть тайною, и нужно было готовиться ко всякимъ случайностямъ, вродѣ массовыхъ ночныхъ арестовъ, массоваго разгрома всѣхъ состоящихъ у полиціи на примѣтѣ людей. Мысли главы заговоры остановились на второмъ рѣшеніи. Это второе рѣшеніе уменьшало опасность, представляемую откладываніемъ дѣла до августа, но зато дѣлало успѣхъ нападенія еще менѣе правдоподобнымъ, нежели могло казаться раньше: французской высадки въ іюлѣ Англія вовсе не ждала и ослаблять свой ирландскій гарнизонъ не имѣла пока основаній. Робертъ Эмметъ въ наступившіе тревожные дни, когда послѣ событій 14-го и 16-го іюля полиція рыскала по всему городу, скрывался на конспиративной квартирѣ въ Маршальси-Лэнѣ, гдѣ былъ другой складъ оружія. Странная смѣсь самаго рѣшительнаго энтузіазма вѣры въ побѣду—съ непрекращающимся сознаніемъ весьма возможной и близкой гибели царила въ душѣ этого человѣка; вотъ что, между прочимъ, писано въ эти дни его рукою и найдено въ помѣщеніи, гдѣ онъ прятался, уже послѣ 23-го

іюля: «У меня мало времени, чтобы разсмотрѣть тысячи затрудненій, которыя еще лежатъ между мною и исполненіемъ моихъ желаній; что эти затрудненія точно также исчезнутъ,—на это я надѣюсь горячо и, какъ мнѣ вѣрится, надѣюсь разумно; но, если выйдетъ и не такъ, то я благодарю Бога за то, что онъ одарилъ меня пылкимъ намѣреніемъ. Къ осуществленію этого намѣренія я стремился обдуманно, и если мои надежды не имѣютъ основаній, если раскрывается подъ моими ногами пропасть, отступить отъ которой не позволитъ мнѣ долгъ, я все же благодаренъ за это пылкое намѣреніе, которое ведетъ меня къ краю пропасти и повергаетъ меня туда въ то время, какъ мои взоры еще подъяты къ видѣніямъ счастья, созданнымъ въ воздухѣ моимъ воображеніемъ». Все это писалось среди глухой конспиративной квартиры, заваленной порохомъ и оружіемъ, которые были предназначены для достиженія этихъ «видѣній счастья»... И пока это писалось, вице-король уже зналъ о готовящемся на него нападеніи; среди отряда Роберта Эммета были предатели. Но перспектива легкой побѣды надъ слабымъ и уже обнаруженнымъ врагомъ,—побѣды, послѣ которой можно требовать у парламента чрезвычайныхъ полномочій для репрессіи, эта перспектива улыбалась вице-королю. Было рѣшено дать Эммету дѣйствовать.

Наступило 23-е іюля, и среди вожаковъ обнаружился такой полный разбродъ, такая несогласованность въ мнѣніяхъ, что нѣкоторые изъ нихъ не только не обсуждали стратегическихъ подробностей событія, которое должно было совершиться чрезъ нѣсколько часовъ, а просто потребовали, чтобы оно было отложено. Участники изъ Уиклоу не явились; другая партія пришла, но одинъ изъ предателей, имѣвшихъ въ заговорѣ распорядительную роль сказалъ имъ, что Эмметъ рѣшилъ отложить дѣло—и они ушли. И именно предатели убѣждали въ то же время самымъ пылкимъ образомъ Эммета въ невозможности откладывать нападеніе. Нѣсколько сотъ человѣкъ стояло за городомъ, ожидая условленной ракеты, и ничего не дождались. Трудно было распознать, гдѣ въ этотъ роковой день кончалось предательство и гдѣ начиналась растерянность вожаковъ, которые, кромѣ Эммета, всѣ потеряли голову. Къ вечеру отдѣльныя кучки рядовыхъ заговорщиковъ, чуть не весь день проведя, въ ожиданіи приказовъ, въ кофейняхъ и ресторанахъ, обращали на себя удивленное вниманіе прохожихъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ напились и говорили и пѣли многое, ясно намекавшее постороннимъ на готовящееся событіе.

Слишкомъ быстрый наборъ партизановъ, причемъ была забота не о качествѣ, а о количествѣ набираемыхъ, далъ себя чувствовать. Наступилъ вечеръ и Робертъ Эмметъ увидѣлъ, что для начатія намѣченныхъ дѣйствій у него не восемьсотъ человѣкъ налицо, а ровно одна десятая,—восемьдесятъ, на которыхъ хоть какъ-нибудь можно поло-

житься: вслѣдствіе хаоса противорѣчивыхъ распоряженій, а отчасти также вслѣдствіе уловокъ сознательнаго предательства иногородніе отряды не пришли, изъ дублинскаго же многіе оказались слишкомъ явно-ненадежными. Къ девяти часамъ вечера Робертъ Эмметъ уже видѣлъ, что дѣло погибаетъ, ибо даже вожаки, главные помощники его, разсѣялись по разнымъ мѣстамъ кромѣ одного (Стэффорда). Тогда Робертъ Эмметъ все-таки рѣшаетъ выйти на улицу и напасть на замокъ, вопреки очевиднѣйшей невозможности что нибудь сдѣлать, лишь бы умереть въ бою, а не быть взятымъ голыми руками. Онъ вышелъ съ нѣсколькими десятками изъ конспиративной квартиры, и они пошли къ замку, причемъ по пути къ нимъ присоединялись отдѣльныя группы изъ заговорщиковъ, бывшихъ на улицѣ. Къ довершенію бѣды, многіе оказались совершенно пьяны, и ихъ надо было умолять не слишкомъ растягивать шествіе, чтобы не погибнуть по одиночкѣ. Улицы въ этотъ вечерній часъ были почти пусты; полиція рѣшила дать заговорщикамъ возможно болѣе свободы дѣйствій, быть можетъ, чтобы съ пущей непререкаемостью установить обвиненіе ихъ въ вооруженномъ возстаніи. На Томасъ-стритѣ толпа остановила карету нѣкоего Лича, котораго мигомъ вытащили и ударили пикой, но не убили окончательно, ибо ихъ вниманіе было отвлечено другой катившейся навстрѣчу каретою. Останавливаться и убивать проѣзжающихъ англичанъ было при данныхъ условіяхъ совершенною безсмыслицею, но часть толпы уже не слушала ни отчаянныхъ убѣжденій, ни просьбъ, ни угрозъ. Недобитаго Лича бросили на землѣ и окружили новую карету. Когда распахнули дверцы изъ кареты высунулся человѣкъ который крикнулъ: «Это я, Кильварденъ, главный судья королевской скамьи!» Тогда къ каретѣ бросился изъ толпы (нѣкто Шаннонъ) и съ крикомъ: «Васъ-то мнѣ и нужно!» ударилъ лорда Кильвардена пикой въ грудь. Затѣмъ раненаго вытащили изъ кареты и на него посыпался градъ ударовъ. Въ каретѣ сидѣла въ ожиданіи той же участи дочь лорда Кильвардена; но Роберту Эммету удалось вывести ее, пробраться съ нею сквозь разъяренную толпу окружавшую тѣло Кильвардена и втолкнуть ее въ двери ближайшаго дома, гдѣ она уже очутилась въ безопасности. Племянникъ лорда Кильвардена—Вольфъ, тоже сидѣвшій въ каретѣ, былъ вытащенъ, брошенъ на землю и пронзенъ пиками. Дочь лорда Кильвардена изъ своего убѣжища бросилась бѣгомъ въ замокъ вице-короля и, ворвавшись туда, съ рыданіями разсказала о случившемся. Пока это происходило, Робертъ Эмметъ подбѣжалъ отъ того дома, куда онъ отвелъ миссъ Кильварденъ, къ толпѣ, чтобы какъ-нибудь спасти еще дышавшаго лорда. Но толпа, обезумѣвшая отъ ярости, внезапной и разожженной видомъ крови, уже ничего и никого не слушала. Вдругъ, впереди грянули выстрѣлы: войско напало на безпорядочно столпившуюся около разбитой кареты массу. Ни о какомъ

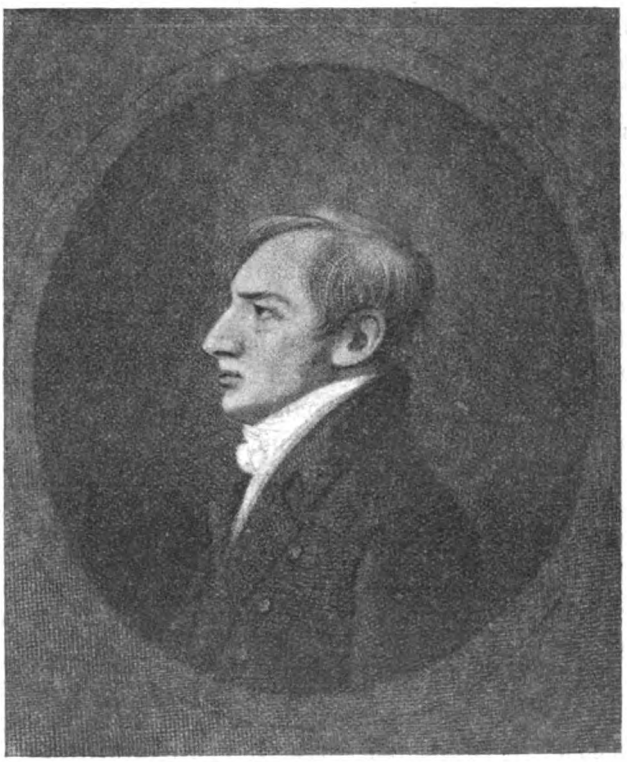
сопротивленіи не могло быть и рѣчи: паника охватила инсургентовъ и, оставляя убитыхъ и раненыхъ, они бросились бѣжать вразсыпную. Лорда Кильвардена снесли на ближайшій полицейскій постъ, гдѣ спустя нѣсколько минутъ онъ и умеръ. Преслѣдованіе продолжалось безостановочно, причемъ солдаты избивали до полусмерти арестуемыхъ; только одинъ разъ наткнулись они на попытку сопротивленія, окончившуюся убійствомъ нѣсколькихъ бѣглецовъ.

Робертъ Эмметъ и нѣкоторые его помощники успѣли было спастись. При помощи Анны Дьюлинъ, молодой женщины, знавшей о заговорѣ, Эммету удалось избѣгнуть опасности въ первыя сутки послѣ происшествій 23-го іюля. Спустя еще день, мѣняя свое мѣстопребываніе, онъ укрылся въ другомъ домѣ, а первый домъ былъ указанъ майору Сирру тотчасъ же однимъ изъ многочисленныхъ предателей, до конца неразгаданныхъ Эмметомъ. Нагрянула полиція, перерыла все, но Эммета не нашла. Захватили Анну Дьюлинъ и въ тюрьмѣ стали пытать: кололи штыками такъ, что кровь бѣжала по всему тѣлу, давили шею веревкою, и, наконецъ, объявили, что повѣсятъ немедленно, если она не скажетъ, гдѣ укрылся человѣкъ, котораго они ищутъ. Она отвѣтила: «Вы можете меня убить, негодяи, но ни одного слова о немъ вы отъ меня не добудете». Тогда ее вздернули, но такъ, что она чуть-чуть касалась пальцами ногъ земли: это было такъ, называемое полуповѣшеніе (half-hanging), пытка, часто пускавшаяся въ ходъ во время и послѣ возстанія 1798 года. Подержавъ арестантку нѣсколько мгновеній въ такомъ положеніи, ее бросили на полъ въ безчувственномъ состояніи. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ разспросовъ, столь же безрезультатныхъ, ее заключили въ одиночную камеру.

Тюрьмы переполнились арестованными. Хватали цѣлыми сотнями по малѣйшему подозрѣнію, назначили денежныя награды за поимку скрывшихся участниковъ заговора, спѣшно стягивали войска къ Дублину, хотя это было совершенно безполезно: городъ все время оставался безучастенъ и нѣмъ какъ 23-го іюля, такъ, разумѣется, и послѣ.

Робертъ Эмметъ, скрываясь въ первые дни въ Дублинѣ, бѣжалъ изъ города въ горы, гдѣ находился отрядъ инсургентовъ изъ Уиклоу, не пришедшій во время и не принимавшій участія въ дѣлѣ 23-го іюля. Здѣсь его снабдили средствами для дальнѣйшаго бѣгства, но вдругъ онъ предпринялъ поразившее всѣхъ рѣшеніе: ему захотѣлось вернуться въ Дублинъ, чтобы увидѣть въ послѣдній разъ Сарру Курранъ, дочь извѣстнаго ирландскаго юриста Джона Куррана, которую онъ давно уже любилъ. Терроръ въ Дублинѣ былъ въ разгарѣ, и эти іюльскіе и августовскіе дни 1803 г. живо напоминали усмиреніе 1798—99 гг., хотя тутъ англійскія власти имѣли дѣло не съ возстаніемъ народа, а съ одинокой, въ одинъ часъ потушенной попыткой внезапнаго государственнаго переворота. Спустя шесть дней послѣ происшествій

23-го іюля англійскій парламентъ провелъ въ обѣихъ палатахъ въ трехъ чтеніяхъ (въ одинъ и тотъ же день) два билля—одинъ о пріостановкѣ дѣйствія habeas corpus'a въ Ирландіи, другой — о предоставленіи вице-королю права примѣнять законъ военнаго времени къ тѣмъ лицамъ, какія обличаются въ государственной измѣнѣ. Аресты шли непрерывно, всюду были вывѣшены объявленія отъ администраціи съ перечисленіемъ лицъ, за поимку которыхъ была назначена награда.



Робертъ Эмметъ.

Въ тюрьмахъ истязанія арестантовъ стали ежедневнымъ явленіемъ. Всюду были разставлены патрули, окликавшіе прохожихъ и хватавшіе подозрительныхъ. 25-го августа полиція, наконецъ, явилась въ домъ г-жи Пальмерсъ, гдѣ скрывался Эмметъ и арестовала его.

Эмметъ былъ преданъ суду и въ виду подавляющихъ уликъ преданъ смертной казни.

V.

Ничѣмъ уже непрерываемая въ теченіе долгихъ двухъ десятилѣтій общественная и правительственная реакція воцарилась въ Ирландіи. Періодъ этой безпросвѣтной реакціи въ Ирландіи продолжался болѣе полутора десятка лѣтъ. Погибшее и раздавленное поколѣніе девятидесятыхъ годовъ не оставило послѣ себя непосредственныхъ продолжателей своего дѣла; общество, едва оправившееся послѣ бѣдствій, вызванныхъ возстаніемъ и усмиреніемъ, приняло уничтоженіе автономнаго парламента съ совершенной апатіей,—и Граттанъ, Плэнкетъ, Фостеръ, отчаянно боровшіеся въ парламентѣ противъ уніи, остались неподдержанными и незамѣченными, и вся ихъ борьба имѣетъ самое ничтожное историческое значеніе. Попытка Эммета, при всей ея незначительности, сыграла роль въ томъ отношеніи, что еще болѣе усилила оторопь и смущеніе ирландскаго общества. Изъ всѣхъ инсурреціонныхъ дѣйствій—эмметовскій эпизодъ былъ самымъ внезапнымъ, неожиданнымъ, плохо подготовленнымъ, шедшимъ наиболѣе въ разрѣзъ съ настроеніемъ окружающаго общества; а такъ какъ попытка 1803 года была хронологически послѣднимъ открытымъ возмущеніемъ, то дѣятели, начинавшіе въ эти годы свою политическую жизнь, надолго остались подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, что успѣшная инсурреція въ Ирландіи абсолютно немыслима, что она всегда пріобрѣтаетъ тамъ уродливыя формы и не только осуждена на полнѣйшую безрезультатность, но и приноситъ положительный вредъ, ибо насильственно и безъ всякой подготовки хочетъ толкнуть общество на такой путь, который подъ силу лишь очень немногимъ. Возстаніе 1798 года, долго подготовлявшееся, разразившееся надъ всей страной, захватило всѣ сословія въ большей или меньшей степени; попытка Эммета была мимолетною, одинокою вспышкою, но значительно усугубившею безнадежное, тяжелое душевное состояніе общества. И проходить это настроеніе, какъ увидимъ, стало лишь послѣ конца наполеоновской эпохи. Таковъ былъ общій фонъ ирландской общественной жизни послѣ уніи.

Вильямъ Питтъ провелъ свое дѣло такъ быстро и успѣшно не только вслѣдствіе усмиренія бунта; попытка Роберта Эммета не была никѣмъ поддержана не только вслѣдствіе воспоминанія о недавнихъ репрессіяхъ и страха предъ репрессіями новыми; борьба противъ уніи въ теченіе долгихъ лѣтъ послѣ попытки Эммета тоже отсутствовала не только вслѣдствіе упомянутыхъ причинъ. Было на лицо серьезнѣйшее условіе всякаго англійскаго правительственнаго успѣха въ Ирландіи: розни между католиками и протестантами,—именно по вопросу объ

уніи. Часть оранжистовъ, т.-е. главныхъ враговъ католическаго населенія, была за унію; другая часть ихъ высказывалась самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ уніи, ибо послѣ подавленія мятежа, они считали совершенно ненужной жертвой отрекаться отъ автономіи, въ пользу метрополіи, которая, все равно, изъ своихъ же интересовъ, всегда поддержитъ ихъ противъ католиковъ. Вильямъ Питтъ и вице-король—это было прекрасно извѣстно всѣмъ и усиленно подчеркивалось правительственными агентами—стояли за эмансипацію католиковъ, которую они разсматривали какъ необходимое слѣдствіе уніи. Католиковъ (тѣхъ, которые вѣрили въ эти намѣренія) прельщала мысль, что, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ имъ суждено войти въ общебританскій, лондонскій парламентъ, тогда какъ уничтоженный въ 1800 году автономный дублинскій парламентъ за всѣ восемнадцать лѣтъ своего существованія былъ для нихъ совершенно закрытъ. Всѣмъ этимъ надеждамъ католиковъ на эмансипацію суждено было разлетѣться прахомъ: билль объ эмансипаціи достался имъ лишь чрезъ тридцать безъ малаго лѣтъ послѣ введенія уніи.

Король Георгъ III всею силою чувства, на какое только былъ способенъ, ненавидѣлъ католиковъ и считалъ ихъ, по старой англійской традиціи, врагами не только государственной религіи, но и государственнаго устройства; при всей тугости и несамостоятельности своего ума, онъ отстаивалъ всегда всякіе направленные противъ католиковъ законы съ болѣзненнымъ и ожесточеннымъ упрямствомъ. Уже одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы весьма серьезно затруднить эмансипацію. Но и въ обѣихъ англійскихъ палатахъ—особенно среди лордовъ, антикатолическія чувства были такъ прочны и сильны, что Вильямъ Питтъ, ничего не имѣвшій, съ обычною своею проницательностью и глубиною, въ интересахъ укрѣпленія уніи,—противъ дарованія всѣхъ правъ католикамъ, увидѣлъ себя безсильнымъ предъ лицомъ застарѣлыхъ, воспитанныхъ исторіею, религіозныхъ антипатій и предрасположеній англійскихъ правящихъ круговъ. Король заявилъ, что онъ откажется отъ престола, скорѣе, нежели подпишетъ билль объ эмансипаціи католиковъ, и Питтъ подалъ въ отставку. Кромѣ панегиристовъ Питта кажется никто изъ историковъ (ирландскихъ или англійскихъ—все равно) не вѣритъ, чтобы Питтъ ушелъ, дѣйствительно, отъ огорченія или обиды. Наиболѣе вѣроятно давно высказанное мнѣніе, что онъ ушелъ, во-первыхъ, чтобы «соблюсти декорумъ», необходимый въ конституціонной странѣ, чтобы не обнаружить слишкомъ ужъ быстро и наглядно, что онъ лгалъ и своими устами, и устами вице-короля, когда сулилъ католикамъ послѣ уніи—эмансипацію; во-вторыхъ, его уходъ обусловливался и соображеніями дипломатическими. Въ мартѣ 1801 г., когда онъ подалъ въ отставку, дѣло клонилось къ заключенію мира съ Наполеономъ, а главному врагу Франціи, душѣ всѣхъ

коалицій, противъ нея составлявшихся, было неудобно вести съ французскимъ правительствомъ мирные переговоры. На три года (до конца апрѣля 1804 г.) власть перешла изъ рукъ Питта въ руки совершеннѣйшаго политическаго нуля—Аддингтона. Когда уже и амьенскій миръ былъ нарушенъ, и борьба съ Наполеономъ вновь обострилась и стала особенно опасною, Питтъ вернулся къ власти, причемъ уже онъ объявилъ себя противъ эмансипаціи католиковъ. Вообще, не до того было Англіи, когда на другомъ берегу Ламанша собиралась противъ нея въ походъ армія въ булонскомъ лагерѣ. Когда же въ началѣ 1806 года Питтъ, силы котораго давно уже были надломлены, скончался, убитый (по выраженію Уильберфорса) аустерлицкою побѣдою Наполеона надъ коалиціей Россіи и Австріи,—никто изъ крупныхъ правительственныхъ людей не принялъ немедленно себѣ въ наслѣдство неисполненныхъ Питтомъ обѣщаній относительно эмансипаціи. Потянулись долгіе, безпросвѣтные годы; до самаго Ватерлоо въ предѣлахъ британской имперіи ни о какихъ мало-мальски значительныхъ реформахъ внутренняго строя не могло быть и рѣчи, т.-е. рѣчи серьезной, шансовъ на проведеніе такихъ реформъ. Попытка Эммета была прямо направлена къ насильственному расторженію уніи, и общественная подавленность, при которой она произошла и которая долго послѣ нея продолжалась, была такъ сильна, что не только методъ, но и идеалъ Эммета былъ объявленъ многими во вліятельныхъ слояхъ ирландскаго общества утопическимъ. Напротивъ, мысль объ эмансипаціи медленно, но неуклонно, безъ искусственной пропаганды, а сама собою распространялась все шире и шире. Проникнуть въ британскій парламентъ въ числѣ ста депутатовъ, которыхъ Ирландія по закону объ уніи (1800 г.) имѣла право посылать туда, таково было ставшее на очередь политическое стремленіе ирландскихъ католиковъ; но парламентскія права являлись лишь одною (хоть и главною при тогдашнихъ условіяхъ) стороной этой желанной эмансипаціи католиковъ. Напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ о происхожденіи этого вопроса, о тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя сдѣлали въ британской державѣ католиковъ своего рода паріями въ глазахъ закона; безъ такого напоминанія читатель не сможетъ вполнѣ отчетливо понять, чѣмъ объясняется та упорная борьба традиціи противъ всѣхъ усилій эмансипаторовъ, которая заполнила первую треть XIX вѣка.

Въ семнадцатомъ столѣтіи—особенно при Кромвелѣ и послѣднихъ двухъ Стюартахъ—политическія партіи разслоились такъ, что защитники парламентскихъ вольностей въ огромномъ большинствѣ случаевъ были и рѣшительными сторонниками преобладанія либо господствующей (англиканской) церкви, либо одного изъ протестантско-диссидентскихъ толковъ; защитники же королевской прерогативы склонны были весьма снисходительно смотрѣть на католическія пристрастія Карла II

(а потомъ Іакова II). Получилось такое странное съ современной точки зрѣнія, но весьма естественное съ тогдашней точки зрѣнія положеніе вещей, что, когда усиливалась политическая реакція,—католики начинали въ Англіи легче дышать; усиливалась оппозиція, крѣпли освободительныя стремленія въ обществѣ и парламентѣ,—и законы, направленные противъ католиковъ, свирѣпѣли и дополнялись болѣе и болѣе стѣснительными статьями. Карлъ II издалъ (въ пользу католиковъ) декларацію объ индульгенціи. Этотъ актъ вызвалъ всеобщее осужденіе. «Самыя противопожныя чувства были оскорблены такимъ либеральнымъ актомъ, совершеннымъ такимъ деспотическимъ образомъ. Всѣ враги религіозной свободы и всѣ друзья гражданской свободы оказались на одной и той же сторонѣ; а эти два класса составляли девятнадцать двадцатыхъ націи» *). Въ 1673 году оппозиція добилась своего. Не довольствуясь уже тѣмъ, что король отмѣнилъ свою декларацію, парламентъ провелъ законъ, совершенно исключившій католиковъ изъ всякой государственной и общественной службы. По этому закону о присягѣ, test-act'у, какъ онъ вкратцѣ сталъ называться, всякій человѣкъ желающій занять какую-либо должность, обязанъ подписать присягу, въ которой признаетъ королевскую супрематію въ дѣлахъ церкви, а также отрекается отъ догмата о пресуществленіи. Подобная подпись дѣлала занятіе любой должности совершенно невозможной не только для католика, но и для диссидентовъ-протестантовъ; однако для послѣднихъ съ теченіемъ времени этотъ законъ обходился все чаще и чаще, такъ что de facto, главнымъ образомъ, католики пострадали отъ его изданія. Кромѣ подписи требовалось удостовѣреніе священника о принятіи причащенія по англиканскому обряду. Тестъ-актъ былъ многократно нарушаемъ въ реакціонное царствованіе Іакова II, католика, мечтавшаго объ окатоличеніи Англіи. Когда въ 1688 году Іаковъ II, низверженный революціей, бѣжалъ, а спустя короткое время Вильгельмъ Оранскій и его жена Марія были провозглашены королемъ и королевою, — побѣда освободительныхъ вигистскихъ принциповъ была полная, такъ же какъ повсемѣстное подавленіе ненавистнаго вигамъ католицизма. Тестъ-актъ торжественно былъ подтвержденъ относительно католиковъ, для протестантскихъ же диссидентовъ были допущены нѣкоторыя смягченія (фиктивное «временное согласіе» вступающаго въ должность съ англиканской церковью и другія ухищренія, благодаря которымъ на дѣлѣ тестъ-актъ исключалъ изъ государственной жизни лишь однихъ католиковъ).

Возстаніе въ Ирландіи (въ 1689 г.), когда ирланцы-католики сдѣлали попытку возстановить низверженнаго Іакова II, привело къ страш-

*) Маколей. „Полн. собр. соч.“, т. VI, стр. 217..

ному усмиренію острова, окончательному подавленію католическихъ элементовъ, особенно жестокому и долгому угнетенію ирландцевъ, и, въ частности, къ особенно крутому исполненію правилъ тестъ-акта относительно католиковъ. Мы уже видѣли, что и по ирландской конституціи 1782 года католики не могли ни занимать какой-либо должности, ни быть избираемыми въ парламентъ (и только въ 1793 году получили право быть избирателями). Предубѣжденіе противъ католиковъ было въ Англіи такъ сильно и держалось такъ упорно потому, что здѣсь обѣ партіи, попеременно правившія страною, подавали другъ другу руку: торіи нѣкогда (въ XVII вѣкѣ) относились снисходительнѣе къ католикамъ часто потому, что политическіе принципы заставляли ихъ поступать такъ вслѣдствіе католическихъ пристрастій короны, — но послѣ паденія Іакова II, послѣ нѣкоторыхъ явно-безнадежныхъ попытокъ борьбы сначала съ Вильгельмомъ III, потомъ (въ меньшей степени) съ Анной, потомъ (въ еще меньшей) съ первыми Георгами,— торійская партія окончательно стала партіей, всецѣло примкнувшей къ протестантской династіи, и, въ полномъ согласіи съ чувствами самого короля Георга III, торіи, со второй половины XVIII вѣка сдѣлались чуть ли не главнымъ оплотомъ и поддержкой всякихъ законовъ, направленныхъ къ усиленію господствующей церкви и къ угнетенію католиковъ. Что касается до другой партіи, до виговъ,—то имъ даже незачѣмъ было и эволюцію такую проходить, чтобы въ теченіе всего XVIII вѣка являться (за немногочисленными исключеніями) приверженцами тестъ-акта. Виги всегда были врагами католиковъ въ эпоху Стюартовъ, и съ ихъ точки зрѣнія, католическо-ирландское возстаніе 1689 года, напримѣръ, заслуживало строжайшаго подавленія потому что прямо направлялось противъ всѣхъ пріобрѣтеній революціи, низвергшей Іакова II.

Виги ненавидѣли католиковъ сложной ненавистью, въ которой, съ одной стороны, было нѣчто, напоминающее религіозную вражду эпохи реформаціи, а съ другой стороны — нѣчто, близкое по духу къ ожесточенію, съ которымъ французскіе республиканцы 1793 — 94 гг. истребляли шуановъ, возставшихъ на защиту монархіи и церкви. Только очень медленно къ концу XVIII вѣка въ вигистской партіи стали понемногу (сначала въ видѣ совершеннаго исключенія) обозначаться признаки, позволявшіе надѣяться, что наступитъ время, когда идея вѣротерпимости, въ сознаніи этой передовой, употребляя позднѣйшее выраженіе—*либеральной* партіи, распространится и на католиковъ.

Если дѣло католиковъ такъ плохо обстояло въ самой Англіи, если историческія судьбы англійской націи лишили католицизмъ всякой поддержки въ метрополіи, то въ Ирландіи юридически господствовавшее населеніе было англиканской вѣры и всегда старалось привлечь на свою сторону пресвитеріанъ. Страшная рѣзня 1641 года, когда като-

лики въ нѣсколькихъ ирландскихъ графствахъ перебили массу протестантовъ всѣхъ наименованій, аналогичныя происшествія позднѣйшаго времени, все это позволяло англиканцамъ привлекать на свою сторону пресвитеріанъ, указывая имъ на общаго врага. Здѣсь расовая, экономическая и политическая борьба сплетались съ вопросомъ о преобладаніи либо католицизма, либо англиканства, и всѣ ограничительные законы, направленные противъ, католиковъ соблюдались особенно точно, особенно ревниво.

Итакъ, когда унія въ 1800 году прошло, когда во время реакціи послѣдующихъ лѣтъ мысль о ея расторженіи пришлось отложить, впередъ выступилъ самъ собою вопросъ объ отмѣнѣ тестъ-акта, т.-е. объ эмансипаціи католиковъ, которая приравняла бы ихъ въ правахъ къ британскимъ подданнымъ протестантамъ. Напомнивши, почему традиція въ этомъ вопросѣ оказалась особенно упорною, перейдемъ теперь къ тому, какъ она началась. Здѣсь прежде всего нужно коснуться первыхъ шаговъ политической жизни человѣка, который выступивъ въ годы общественной реакціи, много сдѣлалъ (насколько это зависитъ отъ отдѣльнаго лица) для того, чтобы реакція поскорѣе окончилась, а когда она окончилась, сдѣлалъ еще болѣе для того, чтобы она не возвращалась. Этотъ человѣкъ въ ирландской исторіи получилъ названіе «освободителя», потому что его имя навсегда осталось связаннымъ съ эмансипаціей католиковъ.

VI.

Даніэль О'Коннель родился въ 1775 году, въ семьѣ довольно зажиточныхъ и популярныхъ въ графствѣ Кенни католиковъ. Онъ получилъ хорошее систематическое образованіе на родинѣ и за границею. И семья его, и, въ первой молодости, онъ самъ принадлежалъ къ той категоріи католиковъ, которые, скорбя о своемъ безправіи, въ тоже время были типичнѣйшими консерваторами во всѣхъ безъ исключенія иныхъ вопросахъ политики и морали. Французская революція повліяла на О'Коннелей такъ, какъ она повліяла на всѣхъ католиковъ одного съ нимъ типа: они съ ненавистью и раздраженіемъ отнеслись къ французскимъ событіямъ, и клерикально-консервативныя чувства въ нихъ особенно усилились именно подъ вліяніемъ извѣстій изъ Франціи. Молодой О'Коннель, правда, примкнулъ къ «объединеннымъ ирландцамъ» въ тотъ періодъ существованія этого общества, когда оно еще было вполнѣ легально съ формальной стороны, а по существу стремилось возможно больше объединить католиковъ съ протестантами для борьбы противъ Англіи и выдвигало требованіе католической эмансипаціи. Но уже очень скоро О'Коннель прервалъ сношенія съ этимъ обществомъ, какъ только яснѣе сталъ обозначаться его революціон-

ный и франкофильскій характеръ. На возстаніе 1798 года, на попытку Роберта Эммета 1803 г. О'Коннель смотрѣлъ рѣзко-отрицательно, не только высказываясь противъ ихъ методовъ и цѣлей, но и осыпая память этихъ людей самыми злыми упреками и обвиненіями. Въ этомъ отношеніи онъ былъ типичнымъ представителемъ большинства ирландскаго общества первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, разочарованнаго, уставшаго и наперерывъ обвинявшаго революціонеровъ въ безумныхъ затѣяхъ и гибельныхъ способахъ дѣйствій. О'Коннель былъ человѣкъ очень энергичный и активный, прирожденный агитаторъ; и еще раньше, нежели выступилъ на первый планъ, онъ уже успѣлъ проявить это свое отношеніе къ революціонному методу. «Изъ примѣра «объединенныхъ ирландцевъ»,—говорилъ онъ,— почерпнулъ я урокъ, что имѣя въ виду успѣшно дѣйствовать для Ирландіи, рѣшительно необходимо работать въ границахъ закона и конституціи. Я увидѣлъ, что братства, незаконно образованныя, никогда не могутъ уцѣлѣть; что неизмѣнно какое-нибудь безпринципное лицо можетъ быть увѣрено въ полученіи доступа въ такія общества, и что оно либо вслѣдствіе обыкновеннаго подкупа, либо—во времена опасности—изъ-за собственнаго своего спасенія можетъ выдать своихъ товарищей. Да, объединенные ирландцы научили меня, что всякое дѣло для Ирландіи должно дѣлаться открыто и явно». Онъ былъ юристомъ, адвокатомъ по профессіи и считался знатокомъ своего дѣла, проницательность его и даръ слова стяжали ему громкую репутацію еще до того, какъ онъ выступилъ на политическую арену. Политическая жизнь его стала болѣе или менѣе замѣтною, когда, примкнувъ къ католической ассоціаціи, которая поставила своею задачею легальнымъ путемъ добиться отмѣны тестъ-акта и другихъ ограниченій, онъ, вмѣстѣ съ другими двадцатью членами спеціальнаго комитета, работалъ надъ редакціей петиціи католиковъ, поданной главѣ министерства—лорду Гренвилю въ 1808 году. Въ петиціи высказывалось желаніе, не трогая уніи, соединившей Ирландію съ Англіей, добиться эмансипаціи католиковъ. Изъ этой петиціи и ей подобныхъ предложеній (поддерживавшихся въ англійской палатѣ общинъ старымъ Граттаномъ, протестантомъ-патріотомъ Ирландіи) ничего не вышло. О'Коннель много говорилъ на митингахъ, которые собирались по поводу этихъ петицій, но трудно сказать, большое ли впечатлѣніе онъ тогда производилъ. Политическій ораторъ въ большей степени еще, нежели всякій иной, подвергается вліянію своей аудиторіи, а въ эти годы ни католики-аристократы (въ родѣ лорда Фингала), устраивавшіе эти митинги, ни толпа, на нихъ собиравшаяся, не обладали ни одушевленіемъ, ни особою вѣрою въ осуществимость своихъ желаній. Въ 1811 году король Георгъ III снова (и на этотъ разъ уже безнадежно) впалъ въ помѣшательство, и его мѣсто съ титуломъ ре-

гента заступилъ сынъ его Георгъ; а въ слѣдующемъ (1812 г.) Каннингъ выдающійся англійскій государственный дѣятель, и до, и послѣ того бывшій министромъ, произнесъ въ парламентѣ рѣчь, въ которой признавалъ справедливость католическихъ притязаній и только протестовалъ противъ вськихъ просьбъ объ отмѣнѣ уніи (а петиція и объ этомъ была подана за полтора года до того). Все это были обстоятельства, которыя въ другое время могли бы нѣсколько ободрить ирландскихъ католиковъ. Но общественная апатія продолжалась, да и новый регентъ въ вопросѣ о католикахъ оказался копіей своего отца, а Каннингъ былъ не у дѣлъ до самаго 1822 года. Съ окончательнымъ образованіемъ реакціоннаго кабинета лорда Кэстльри, лорда Эльдона и Сидмута на правительственную милость нужно было совершенно оставить всякія надежды. Номинальный премьеръ—лордъ Ливерпуль, подобно товарищамъ своимъ по кабинету, рѣшительно былъ противъ католической эмансипаціи, а секретарь по дѣламъ Ирландіи сэръ Робертъ Пиль, едва выступивъ еще только на политическое поприще, являлся самымъ активнымъ врагомъ какихъ бы то ни было уступокъ католикамъ.

Таково было положеніе вещей, когда пала наполеоновская имперія, смертельный врагъ Англіи попалъ въ ея руки, долголѣтняя война окончилась и ирландцамъ на помощь пришелъ неожиданный союзникъ: революціонное броженіе въ самой Англіи по поводу требованій избирательной реформы. Но раньше чѣмъ къ этому періоду обратиться, замѣтимъ, что къ его началу, къ 1815, 1816, 1817 годамъ, католическая партія Ирландіи, пока еще безсильная, робкая, не имѣвшая и понятія о своемъ ближайшемъ будущемъ, уже тѣснилась вокругъ О'Коннеля, уже опредѣленно считала его своимъ вождемъ. Впервые онъ снискалъ себѣ громкую популярность не рѣчами своими и не участіемъ въ петиціяхъ, подававшихся, какъ упомянуто, въ англійскій парламентъ, но своимъ поведеніемъ въ 1813 году, когда зашла рѣчь о новомъ и весьма существенномъ ограниченіи правъ католической церкви. Каннингъ (поддержанный Граттаномъ) защищалъ предложеніе, клонившееся къ облегченію положенія римско-католической церкви и католиковъ вообще, но въ видѣ желательнаго условія подобныхъ мѣръ выставилъ (и былъ тутъ поддержанъ особенно усиленно лордомъ Кэстльри) требованіе, чтобы королю было предоставлено право veto, право неутвержденія тѣхъ католическихъ епископовъ, рукополагаемыхъ для Ирландіи, которые по своимъ убѣжденіямъ покажутся королю не вполнѣ лойяльными подданными. А докладъ насчетъ ихъ лойяльности королю должна доставлять особая коммиссія, послѣ надлежащаго разслѣдованія; та же коммиссія должна была наблюдать за сношеніями ирландскихъ епископовъ съ римскою куріею. Сначала многіе католики въ Ирландіи (не говоря уже о протестантахъ въ родѣ Грат-

тана) склонны были согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что подобное veto, въ сущности, недорогая цѣна за эмансипацію. Даже папа Пій VII заявилъ, что противъ такого новаго права, которое парламентъ хочетъ дать англійскому королю, онъ ничего съ своей стороны не имѣетъ. Выдающійся дѣятель католической партіи, лордъ Фингалъ тоже былъ съ этимъ согласенъ. Но О'Коннель выступилъ противъ права veto самымъ рѣшительнымъ образомъ и увлекъ общественное мнѣніе. Его точка зрѣнія была такая: во-первыхъ, нѣтъ возможности надѣяться на полную эмансипацію даже послѣ вотированія права veto; во-вторыхъ, такая цѣна слишкомъ дорога даже для полученія эмансипаціи. Епископы были всецѣло на его сторонѣ и даже голосъ папы ихъ не разубѣдилъ. Проектъ Каннинга, впрочемъ, такъ и остался проэктомъ, но агитація 1813 года и ея результатъ были первою и крупною удачею О'Коннеля. Уже обнаруживалось ясно, какого типа новый врагъ стоялъ предъ англійскимъ правительствомъ на мѣстѣ погибшихъ Вольфа Тона, Фицджеральда, Роберта Эммета: этотъ новый человѣкъ боролся не революціоннымъ, а легальнымъ оружіемъ и его планы были гораздо скромнѣе, нежели ихъ планы. Но, во-первыхъ, онъ являлся удивительнымъ агитаторомъ, умѣвшимъ во-время всегда приспособить къ дѣлу самаго умѣреннаго и робкаго человѣка, знавшимъ въ точности, сколько отъ кого можно требовать; во-вторыхъ, дѣйствовать ему пришлось при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, когда сама Англія временами казалась чуть не на порогѣ революціи; въ-третьихъ, самыя цѣли его измѣнялись и расширялись по мѣрѣ того, какъ онъ достигалъ намѣченнаго. Это былъ замѣчательный политическій тактикъ, и мы обратимся теперь къ тому, какъ онъ воспользовался внутренней англійской смутой, начавшейся послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ.

Евг. Тарле.

(Продолженіе слѣдуетъ).

У меня нынче праздникъ. Зажгу я огни—
Пусть, какъ я, и трепещутъ и блещутъ они,
Пусть заставятъ забыть, что за окнами тьма,
Что въ душѣ моей ночь, въ моемъ сердцѣ тюрьма.
Пусть смѣется и льется въ бокалъ мой вино,
Пусть, какъ я, и кипитъ и бунтуетъ оно.
Въ эту ночь до зари мы одни, мы одни...
Я, вино и огни, золотые огни.
У меня нынче праздникъ! Я самъ нынче жгу
Ту любовь, что жила, какъ цвѣтокъ на снѣгу,
Ту любовь, у которой я факеломъ былъ,
Ненавидѣлъ, любя, ненавидя, любилъ.
Пусть пылаютъ огни,—имъ сгорѣть суждено,
Я бокалъ разобью, лишь откроется дно,
И погибну и самъ, какъ огни, догорю,
Но свободный и гордый увижу зарю!

А. Ѳедоровъ.

У РѢКИ.

Я спускаюсь вдоль тропинки
Къ чуть струящейся рѣкѣ,
Надъ водой—листы кувшинки,
Трепетанье—въ тростникѣ.
Подъ ногою—мохъ пушистый,
Въ ивнякѣ зеленомъ—тѣнь,
Вѣетъ свѣжестью душистой
Отъ рѣки и въ жаркій день.
Гдѣ-то иволга щебечетъ,
Рѣчка плещется едва
И дремотная лепечетъ
Полусонныя слова...
Жизнь докучная далеко,
И природы дивный строй
Не нарушится жестоко
Фортепіанною игрой.

О. Чюминой.

ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ.

Серебря покровы ночи,
Разливался свѣтъ луны,
Звѣздъ задумчивыя очи
Заглядѣлись съ вышины.

Прозябали тихо всходы,
И на зелени луговъ
Сны взволнованной природы
Ткали пестрядь изъ цвѣтовъ.

Неотступно въ лѣсъ и въ поле
Звалъ весны пѣвучій звонъ,—
И всю ночь я былъ на волѣ,
И всю ночь мнѣ снился совъ.

Гдѣ-то свѣтъ сжигалъ покровы
Разлетающейся тьмы,
Гдѣ-то падали оковы
Въ затхлой сырости тюрьмы...

Ночь дышала теплой лаской
Безпредѣльной доброты,
И вставалъ весенней сказкой
Свѣтлый міръ моей мечты.

Е. Чернобаевъ.

„ДАМКА“.

I.

На полярной тундрѣ, безлюдной и суровой, насъ было сорокъ семь. Страна холода спокойно застыла въ объятіяхъ пушистыхъ снѣговъ.

Только короткое лѣто не надолго прерываетъ этотъ закоченѣлый покой. Вскрываются скованныя рѣки, и воскресшія воды съ трескучимъ шумомъ мчатъ рыхлые обломки ледяныхъ горъ въ открытый океанъ. Прилетаютъ вереницы птицъ. По низкому небу сѣвера, съ котораго солнце теперь не сходитъ впродолженіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ, летятъ эти пернатые гости, наполняя воздухъ пестрымъ крикомъ, радостнымъ гамомъ, задорнымъ и манящимъ... А въ рѣкѣ, прозрачной и студеной, стаями шныряютъ юркія рыбы,—и веселъ тогда туземецъ. Онъ раскинулъ свои сѣти и по цѣлымъ днямъ, вѣрнѣе, впродолженіи семидесятисуточнаго дня непрерывно ѣстъ, порой даже поетъ. Хорошо тогда и собакѣ, главной и неизмѣнной помощницѣ полярнаго жителя; и ей теперь пищи вдоволь.

И намъ, пріѣзжимъ съ дальняго юга, стало лучше. Устроились мы артелью. Работали всѣ. Болѣе умѣлые изъ насъ взяли на себя завѣдываніе отдѣльною отраслью хозяйства. А оно у насъ было обширнымъ. У насъ были невода, нѣсколько коровъ, была пара коней и собачья упряжка.

Съ упряжкой намъ было особенно трудно: не привыкли мы пользоваться собакой, какъ вьючнымъ скотомъ. А безъ этого нельзя было здѣсь обойтись. И мы мало-по-малу пріучались и завели цѣлую собачью свору.

Упряжка наша состояла изъ пятнадцати собакъ. Передовикомъ и вождемъ ея былъ умный и положительный «Коршунъ», лохматый жирный песъ съ длинной волчьей мордой и острыми стоячими ушами. Это была солидная собака, но она позволяла себѣ, когда только представлялся случай, лукавить. Такъ, если нартой управлялъ Иванъ, умѣлый наѣздникъ и строгій хозяинъ всего нашего

собачьяго огдѣла, прозванный за свои лихія поѣздки по сѣверной пустынѣ королемъ тундры, то при немъ передовикъ бѣжалъ по совѣсти, какъ подобаетъ заправскому псу. Тогда, если кто изъ упряжки обнаруживалъ лѣнь, «Коршунъ», какъ отвѣтственный глава своры, тутъ же на бѣгу расправлялся съ лѣнтяемъ: острые зубы вожака незамѣтно и быстро впивались въ затылокъ лукавца. Тотъ визжитъ, но бѣгъ его моментально измѣняется. Такъ велъ себя передовикъ при хозяинѣ.

При разсѣянномъ, хотя и строгомъ къ собачьимъ слабостямъ Герасимѣ, «Коршунъ» и остальные псы пользовались недосмотромъ каюра, и нарта плелась кое-какъ. Но лишь только Герасимъ замѣтитъ свою оплошность, лишь только онъ состроитъ свирѣпую мину или сдѣлаетъ угрожающій жестъ, — начинается бѣшеная скачка, и нарта летитъ, какъ испуганный олень.

Если же собаками управлялъ добрѣйшій Елеазаръ Абрамовичъ, вегетаріанецъ и «другъ всѣхъ живыхъ существо», какъ мы его окрестили, то и передовикъ, и вся упряжка еле передвигали ноги. Псы прикидывались изможденными, больными, притворялись хромыми. То у одного будто нога отнялась: онъ ее волочитъ и жалобно воетъ, то у другого немилосердно зачесалось за ухомъ. Животныя, какъ и люди, пользовались симпатіями своего друга и великолѣпно его накрывали. И какъ другъ ни упрашивалъ ихъ (остряки наши утверждали, что Елеазаръ Абрамовичъ, погоняя упряжку, обращается къ ней такъ: «пожалуйста, ну пожалуйста, «папа» *),—собаки ни во что не ставили его просьбы.

Была, однако, одна собака, которая при Елеазарѣ Абрамовичѣ никогда не притворялась; напротивъ, именно при немъ «Дамка» (такъ звали ее) шла лучше даже, чѣмъ при Иванѣ. Это была самая обыкновенная полярная собака, съ короткимъ хвостомъ, гибкимъ и пушистымъ, и умными продолговатыми глазами. Она обладала какой-то особенной чуткостью души и была необыкновенно горда. «Дамка» ни къ кому не подлизывалась, но если кто изъ насъ заигрывалъ съ нею, собака долго не отходила отъ него, ласково заглядывая тому въ глаза, а хвостъ ея ходуномъ ходилъ: признакъ, что его обладательница испытываетъ глубокія чувства.

II.

Нашимъ сборнымъ пунктомъ былъ Алексѣевскій домъ, громадное деревянное зданіе съ голландскими печами, построенное скопцами изъ ссыльныхъ. Въ этомъ домѣ имѣлась большая зала, свѣт-

*) Собачья команда: пощелъ.

лая и высокая, въ которой давались торжественные обѣды по случаю особыхъ праздниковъ и устраивались литературно-вокальные вечера; тамъ же было нѣсколько комнатъ, въ которыхъ, главнымъ образомъ, проживали главари нашей общины, «начальство»; былъ амбаръ, гдѣ хранились наши запасы на долгую зиму, и, наконецъ, въ томъ же домѣ помѣщалась наша общая столовая. Тамъ съ утра и до вечера и съ вечера до утра толпился народъ.

Погаснетъ получасовой октябрьскій день, скроется на югѣ красный дискъ солнца, лишенный теперь и блеска, и лучей, исчезнутъ сопровождающія его, какъ почетная стража, ложныя солнца, окруженныя радужными треугольниками, и на тундру нисходитъ полярная ночь, свѣтлая и странная, какая-то таинственная, а въ столовой уже собрались къ ужину и гудитъ нестройный гулъ тридцати пяти здоровенныхъ глотокъ. Это братья-артельщики въ ожиданіи трапезы промываютъ другъ дружкѣ косточкѣ. Острятъ, «язвятъ и гноятъ», какъ называютъ этотъ спортъ жители сѣвера, и хохочутъ. Ведутся ожесточенные споры, о чемъ только хотите. И какое разнообразіе и людей, и воззрѣній, какъ будто кто-нибудь нарочно собралъ насъ сюда изъ разныхъ концовъ нашей родины. Вотъ апатичный хохолъ, стройный и въ своихъ мѣховыхъ мѣшкахъ какъ тополь Малороссіи; вотъ бѣлобрысый литвинъ, задумчивый, какъ воды Нѣмана. За обѣденнымъ столомъ нашимъ рядомъ съ вѣчно подвижнымъ и энергичнымъ евреемъ возсѣдаетъ смуглый румынъ, безпечный и лѣнивый, а рядомъ съ курносымъ бѣлоруссомъ—голубоглазый нѣмецъ.

Были тутъ съ Волги, были съ Дона.

И что ни человѣкъ, то міросозерцаніе. Кличка намъ одна, а почти у каждаго свой толкъ, свое особенное.

Вотъ долговязый Аѳанасій, чистѣйшій постепеновецъ, и такой же онъ и по характеру: аккуратенъ и пунктуаленъ.

Съ нимъ сцѣпился самый молодой изъ общины, двадцатилѣтній юноша Леонидъ, «пылкій-перепылкій», какъ его окрестила артель. Онъ самый крайній изъ крайней лѣвой. Съ Аѳанасіемъ у него теперь споръ идетъ о безсмертіи души и сновидѣніяхъ. И треплются лацканы мѣховой куртки «долговязаго» въ тонкихъ пальцахъ Леонида.

Слѣдующая группа отчаянно дебатируетъ вопросы о «новыхъ направленіяхъ и новыхъ словахъ», о «способахъ и тактикѣ», а въ самомъ углу, у двери, ведущей въ амбаръ, публика «дразнитъ» добродушнѣйшаго Елеазара Абрамовича Нахмани, «универсалиста», или «человѣка особой породы», какъ мѣтко его опредѣлилъ нашъ присяжный острякъ Хилковъ.

Нахмани неуязвимъ, какъ всегда, но теперь онъ смотритъ на насъ какъ-то вызывающе: у него сегодня великолѣпный предлогъ

прочесть намъ въ сто первый разъ свою лекцію объ «универсализмѣ».

Дѣло въ томъ, что только что отужинали «Командиромъ», мясомъ коня, который два года служилъ намъ вѣрой и правдой; неловко намъ было ѣсть его: кусокъ становился поперекъ глотки. Но что дѣлать? До тошноты пріѣлась намъ рыба: ею одной только и приходилось питаться подрядъ три мѣсяца! Рыба на завтракъ, рыба въ обѣдъ, рыба на ужинъ, и это безъ хлѣба, безъ всякихъ приправъ. Стосковались мы по мясу; вотъ и зарѣзали «командира». Нѣкоторые изъ насъ проходили въ столовую какъ разъ тогда, когда голова лошади упала подъ острымъ топоромъ Микешки. Они увѣряли, что въ глазахъ у отсѣченной головы видны были слезы...

— Подходи, народъ! Елеазаръ Абрамовичъ занялся пропагандой!

Это кричитъ Хилковъ. И подходитъ «народъ», а «универсалистъ», пытаясь взять въ свою руку чью-нибудь бороду,—такъ какъ-то удобнѣе говорить,—излагаетъ свое ученіе.

— Пока весь нашъ прогрессъ выразился въ томъ, что одинъ изъ видовъ млекопитающихъ, немногочисленный по количеству и самый хищный по инстинктамъ,—человѣкъ—стремится къ сплоченности; и стремясь къ тому, что онъ называетъ развитіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ на каждомъ шагу грубо нарушаетъ самыя элементарныя правила этики: каждое движеніе этого плотояднаго сапровождается убійствами множества живыхъ существъ. Нормаленъ ли такой порядокъ? Разумъ нашъ, стремящійся ко всеобщности, не наталкивается ли на такую непреодолимую нелѣпость: убивать одно двуногое существо преступно, а истреблять ежедневно, ежечасно милліоны четвероногихъ, многоногихъ: сильныхъ звѣрей и слабыхъ птицъ,—животныхъ, которыя очень часто оказываютъ намъ неоцѣнимыя услуги, кормятъ наши семьи, рѣзать ихъ только потому, что намъ хочется особыхъ вкусовыхъ ощущеній, не преступно? Гдѣ же логика?

Тутъ Нахмани дѣлаетъ большую паузу, обводя публику своими большими черными глазами. Публика, только что закусившая грудиной вѣрнаго друга, «Командира», конфузливо слушаетъ; ироническія улыбки исчезли, а Елеазаръ Абрамовичъ продолжаетъ:

— Я глубоко убѣжденъ, что настанетъ пора, когда земля, дѣйствительно преисполнится правдой и справедливостью, жалостью и милосердіемъ, когда будетъ солидарность между всѣми живыми существами, ибо все живое должно жить...

Тогда человѣкъ органически не будетъ способенъ къ злу.

Зачѣмъ мнѣ проливать кровь, разбойничать и жрать убоину,

когда химія мнѣ приготовитъ продукты, и по вкусу не уступающіе естественнымъ? Какая мнѣ нужда представится осѣдлать коня, когда я расчудесно могу разъѣзжать на усовершенствованномъ автомобилѣ? И я вижу въ вегетаріанствѣ, въ дрессировкѣ животныхъ, въ велосипедѣ цвѣтки будущихъ ягодъ. Постепенно низшія органическія существа будутъ пріобщены къ человѣческой семьѣ. Начнется движеніе за эмансипацію шестого класса, класса животныхъ, какъ теперь идетъ борьба за эмансипацію пролетаріата... Животныя будутъ пріобщены къ человѣческой цивилизаціи, и Богъ вѣсть какіе новые вклады внесутъ они въ сокровищницу чистой мысли, какіе новые аккорды мы услышимъ въ симфоніи міра! Кто знаетъ? Быть можетъ, здѣсь, въ этой же ледяной пустынѣ тогда будетъ академія, и лекціи будетъ въ ней читать отдаленной потомокъ нашей «Дамки».

Лучистые глаза Елеазара Абрамовича загадочно улыбаются.

— Что вы, юноша, смѣетесь? — накидывается онъ на Леонида.—Не вѣрится?

— Да ужъ очень гладко у васъ это выходитъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ вы прослушали лекцію собачьяго потомка. Чудно!

— Ничего страннаго тутъ нѣтъ. Если изъ амебы путемъ эволюціи могъ выйти такой «пылкій-перепылкій» гражданинъ, какъ вы, отчего же отъ «Дамки», ну хотя черезъ цѣлый рядъ тысячелѣтій не можетъ развиться профессоръ?

— Ну, съ духомъ этихъ собратьевъ я никогда не примирюсь...

— Ай да, Леонидъ!—поддержала его публика:—ловко отпарировалъ.

— Теперь для меня понятно,—продолжалъ поощренный Леонидъ,—почему «Дамка» къ вамъ такъ благоволитъ: вы къ одной партіи принадлежите.

Публика смѣется и Елеазаръ Абрамовичъ также.

III.

Неизвѣстно, придерживалась ли «Дамка» міровоззрѣнія Елеазара Абрамовича. Напротивъ, были факты, доказывающіе, что ее отнюдь нельзя было причислить къ «универсалистамъ». Такъ, она не разъ нападала на горностаевъ и загрызала ихъ до смерти, бросалась на оленей и даже со своими ближайшими сородичами-собаками часто вступала въ кровавыя столкновенія. Къ Нахмани же она дѣйствительно относилась съ большой симпатіей, больше—она передъ нимъ прямо благоговѣла.

Сблизилась Дамка съ Елеазаромъ Абрамовичемъ слѣдующимъ образомъ. Какъ-то разъ (дѣло было вскорѣ послѣ нашего пріѣзда на сѣверъ) «универсалистъ» сидѣлъ на высокомъ порогѣ своей

юрты и читалъ. Вдругъ онъ услыхалъ отчаянный визгъ собаки, а черезъ минуту предъ нимъ предстала взволнованная «Дамка», которая ощенилась недѣли три тому назадъ. Собака вцѣпилась зубами въ кожу его саръ *) и, поворачивая морду по направленію къ амбарчику, гдѣ лежали ея щенки, тащила туда Нахмани. Тотъ приподнялся. «Дамка» пустилась въ амбаръ, поматывая головой, оглядываясь, визжа и глазами приглашая человѣка слѣдовать за собой. Въ амбарѣ Елеазаръ Абрамовичъ увидѣлъ такую картину: одинъ изъ щенковъ попалъ головой въ узкую щель между половицами и никакъ не могъ оттуда выбраться. Онъ издавалъ слабый, дѣтскій писк, барахтался и фыркалъ, а мать лапами рвала доски пола, грызла ихъ зубами и съ жалобнымъ лаемъ оглядывалась на человѣка. Нахмани понялъ, чего отъ него хотятъ, быстро приподнялъ половицу и освободилъ щенка. «Дамка» сначала кинулась къ своему дѣтенышу, обнюхала его, а потомъ бросилась къ освободителю, стала передъ нимъ на заднія лапы, обняла его станъ и благодарно и порывисто лизнула ему руки и лицо.

Съ тѣхъ поръ между ними завязалась самая трогательная дружба. Въ высшей степени капризная и взбалмошная собака покорно исполняла всѣ приказанія своего друга: стаскивала съ него мокрую обувь, подавала палку и рукавицы, когда онъ собирался уходить изъ дому, прятала шапку гостя, когда замѣчала, что хозяинъ не хочетъ того отпустить, и вообще держала себя, какъ вполнѣ разумное существо.

Разъ только «Дамка» была не въ упряжкѣ, ее всегда можно было видѣть рядомъ съ Нахмани. Она оберегала его покой; когда онъ спалъ, собака никого не впускала къ нему въ юрту. При этомъ она не лаяла, а головой и лапами отталкивала пришедшаго отъ двери.

Она сопровождала своего друга повсюду и, дѣйствительно, понимала каждое его слово, малѣйшій жестъ. Если ей приходилось въ чемъ-нибудь провиниться, напримѣръ, самовольно взять кусокъ корма, то она потомъ сильно конфузится, притворяется спящей, зѣваетъ, вообще чувствуетъ себя неловко, и должно пройти извѣстное время, чтобы она вновь держала себя непринужденно. Чуткость «Дамки» была необычайна, и намъ иногда казалось, что она переживаетъ то же состояніе, что и ея хозяинъ. Иванъ, человѣкъ чуждый какихъ бы-то ни было сантиментовъ, разсказывалъ слѣдующее. Онъ пошелъ навѣстить серьезно занемогшаго Нахмани. «И вотъ, представьте себѣ, вижу у его постели стоитъ «Дамка» и плачетъ; и, знаете, странное явленіе: слезъ

*) Сары—лѣтняя якутская обувь.

не видно, но все лицо будто рыдаетъ, ну вотъ, какъ плачутъ женщины. Да-а! чудный песъ!»

Какъ-то разъ мнѣ пришлось гостить у Нахмани. Дѣло было глубокой зимой. Стоялъ пятидесятидвухградусный морозъ. Ночь была молчаливая, словно лютый холодъ заморозилъ всѣ звуки въ природѣ. Только рѣзкій грохотъ лопающейся отъ стужи земли да оглушительное бубухканье треснувшаго бревна въ стѣнѣ юрты одни нарушали жуткую тишину декабрьской ночи.

Мы уже опорожнили шестую чашку кирпичнаго чаю, долили чайникъ, Нахмани вновь затопилъ камелекъ и сѣлъ на неуклюжій обрубокъ коряги противъ горящаго очага. Сѣлъ и задумался. А у ногъ его по обыкновенію помѣстилась «Дамка». Хвостъ у нея опущенъ, а глаза полные любви, смотрятъ на человѣка, и какое у нея осмысленное скорбное выраженіе.

Причудливыми линіями падаетъ красный отблескъ горящихъ дровъ на продолговатую морду собаки и оттѣняетъ ея печальные глаза. И въ нихъ отсвѣчивается та же тихая тоска. Ей, собакѣ, вполнѣ передалось настроеніе друга-человѣка, и эта отраженная печаль такъ красива, такъ глубоко правдива, что кажется собака и человѣкъ слились въ одно чувство, составляютъ гармоническое цѣлое... Для меня тогда не было сомнѣнія, что «Дамка» не только инстинктивно чувствуетъ, но понимаетъ, разсудкомъ понимаетъ, что ущемило душу ея друга, и эта боль передалась ей, и она мучается его муками...

За эту именно чуткость мы всѣ любили и баловали «Дамку». Она у насъ была какъ бы на привилегированномъ положеніи. Такъ, когда ей приходилось рожать, мы ее окружали самымъ заботливымъ уходомъ. За нѣсколько дней, какъ ей разрѣшиться отъ бремени, ее отдѣляли отъ своры и переводили въ одну изъ лучшихъ комнатъ Алексѣевскаго дома, въ залъ, гдѣ жилъ Иванъ, хозяинъ упряжки. Тамъ у печки, на свѣжемъ сѣнѣ возлежала наша любимица, а ее часто навѣщали два импровизированныхъ акушера изъ фармацевтовъ: лысый Гланецъ и почтенный Янъ Ивановичъ Минцевичъ. Они аккуратно посѣщали больную и послѣ каждаго своего визита сообщали собравшейся въ столовой публикѣ, для которой всякое событіе въ нашей монотонной жизни представляло интересъ новизны, каково «положеніе» «Дамки»

Наконецъ наступаютъ роды, и мы волнуемся. При роженицѣ теперь неотлучно дежурятъ «акушеры», Иванъ, Елеазаръ Абрамовичъ и Хилковъ. Этому «для усовершенствованія въ остроуміи» входъ былъ открытъ повсюду, какъ корреспонденту газеты. Но вотъ въ столовую важно входитъ Гланецъ и торжественно возглашаетъ.

— Поздравляю васъ! Роды прошли благополучно; осложненій

не предвидится. «Дамка» подарила намъ семь здоровенныхъ щенковъ. Ура!

Всѣ апплодируютъ, а Хилковъ заявляетъ, что въ столовой ежедневно будутъ вывѣшиваться бюллетени о здоровьѣ роженицы, и приглашаетъ насъ слѣдовать за нимъ въ залъ осмотрѣть новорожденныхъ.

Въ залѣ «Дамка» оставалась до тѣхъ поръ, пока подрастали щенята, пока они нуждались въ заботахъ матери. Все это время наша любимица и ея дѣти пользовались особой, улучшенной пищей и самымъ тщательнымъ присмотромъ. Подрастающихъ щенковъ подъ наблюденіемъ Гланеца, превратившагося изъ «акушерки» въ «гувернера», ежедневно выводили на прогулку на короткое время, постепенно пріучая ихъ къ суровой стужѣ полярнаго круга.

Такъ водилось изъ года въ годъ. И вотъ наступилъ четвертый годъ нашего пребыванія на тундрѣ.

IV.

Минуло сѣверное лѣто. Отъ холода укрылась тундра бѣлой мантіей снѣговъ, и рѣка одѣлась въ непроницаемую броню блестящаго льда. Мы же, чтобы было теплѣе, обсыпали свои хижины снѣгомъ, въ окна вставили толстыя льдины и залѣзли въ густыя шкуры звѣрей.

Все укрыто, все ждало зимы. А она уже наступила, и ея ледяное дыханіе прогнало солнце; мы съ нимъ простились на цѣлыхъ семьдесятъ дней, и длинная, безконечная полярная ночь, ночь на полторы тысячи часовъ почила надъ тундрой.

Пусто на тундрѣ, и пусто стало у насъ въ амбарѣ. Нашъ «урожай»—уловъ рыбы — былъ крайне плохъ, и намъ угрожалъ обычный въ такихъ случаяхъ бичъ сѣвера—голодъ.

Уже не разъ «мамаша» (такъ мы называли старосту нашей артели), подергивая свою жиденькую бороденку—признакъ серьезнаго положенія,—совѣщался съ нашимъ главнымъ интендантомъ насчетъ «пыщи» («мамаша» употребляла «ы» вмѣсто «и») и чаще сталъ заговариваться, запкаться, а главное отказывать въ выдачѣ продовольственныхъ «авансовъ»...

Приходилось круто; намъ стали уменьшать порціи, стали урѣзывать кормъ и собакамъ. А «Дамка» была на сносяхъ. Изъ опыта предыдущихъ лѣтъ мы могли предположить, что менѣе семи-восьми щенятъ она не принесетъ. Какъ же теперь быть, что же съ ней дѣлать? Имѣетъ ли смыслъ дать увеличиться упряжкѣ новыми псами, когда и теперешнимъ собакамъ приходится кормиться впроголодь? Всѣ эти вопросы волновали насъ; они обсуждались и въ столовой, и въ отдѣльныхъ юртахъ. Но болѣе всѣхъ

насъ положеніемъ «Дамки» и судьбой ея будущаго потомства былъ озабоченъ, разумѣется, «другъ всѣхъ живыхъ существъ». Сначала Елеазаръ Абрамовичъ сталъ стороной наводить справки, но будто бы шутя (онъ въ послѣднее время ужъ не такъ добродушно относился къ насмѣшкамъ надъ собой), нельзя ли какъ-нибудь «Дамкѣ» избѣгнуть заранѣе этой общей непріятности, но потомъ онъ пришелъ къ такому рѣшенію.

Пусть Дамка «разрѣшится» на дворѣ. Ее надо оставить безъ корму. Она за нимъ побѣжитъ. А щенки при такихъ лютыхъ холодахъ, оставшись безъ покрова теплаго материнскаго тѣла, замерзнутъ. Такимъ образомъ все уладится безъ пролитія крови, и новорожденныхъ щенковъ, которыхъ все равно ждетъ неминуемая гибель, умертвитъ сама природа.

Такъ разсуждалъ теперь «универсалистъ». Въ день, когда, по его предположенію, собакѣ предстояло ощениться, онъ ее вызвалъ изъ своей юрты и повелъ въ амбарчикъ, отдѣленный отъ его жилья маленькими сѣнями. Тамъ Нахмани постлалъ немного сѣна и приказалъ «Дамкѣ» лечь. Собака, видно, почуяла что-то недоброе и уперлась, впервые ослушалась приказанія господина. Но послѣ вторичнаго приказанія недоумѣвающе посмотрѣла на своего друга и нехотя покорилась. Елеазаръ Абрамовичъ ушелъ къ себѣ въ юрту.

Роды наступили въ ту же ночь. Обезсиленная самка издавала жалобные стоны. Нѣсколько разъ подползала она къ юртѣ и лапами отчаянно царапала двери, визгомъ умоляя открыть ей, пустить ее въ тепло. Тщетно. За дверями были глухи къ ея мольбамъ, и, совершенно обезсиленная, она поплелась назадъ и въ сѣняхъ родила шестерыхъ щенятъ.

V.

Прошло три дня. «Дамка», все время не поднимаясь, лежала на щенятахъ, согрѣвая маленькія, голенькія тѣльца дѣтей своимъ тщедушнымъ тѣломъ. Она, очевидно, понимала, что стоитъ ей только встать, сбѣгать за пищей, стоитъ ей, хотя бы на мгновеніе, лишить новорожденныхъ ихъ защиты отъ жестокаго мороза, и они тотчасъ окоченѣютъ. Голодная и немощная, лежала она на своихъ дѣткахъ, а тѣ сосали ея тощія груди съ ворчливымъ пискомъ, и животное еще болѣе слабѣло. Оно исхудало до нельзя, бока ввалились, и шерсть стала вылѣзать и висѣла клочьями.

Разсчетъ Елеазара Абрамовича не оправдался: «Дамка» не отходила отъ своихъ дѣтей и въ послѣдующіе дни. Любвеобильное сердце Нахмани изболѣлось, но онъ рѣшилъ быть твердымъ до

конца; этимъ онъ ускоритъ неизбѣжную мучительную смерть шести живымъ тварямъ. И вотъ, начиная съ четвертыхъ сутокъ, Нахмани два раза въ день открывалъ двери своей юрты, становился на порогѣ и, держа въ протянутой рукѣ жирную рыбу, звалъ «Дамку».

Собака слышала голосъ своего друга, видѣла кормъ, но не трогалась съ мѣста и, умирая съ голоду, боролась съ искушеніемъ, только глаза ея сверкали голоднымъ блескомъ, и свѣтились въ нихъ и печаль, и укоръ, и недоумѣніе, а изъ сжатой пасти вырывался хриплый вой, тоскливый и дикій.

Семь сутокъ тянулась эта пытка. Собака изнемогала, измучился человѣкъ... И наступила восьмыя сутки мучительной голодовки.

Была ночь и была сильная стужа.

Термометръ опустился ниже шестидесяти. Темное небо вдругъ всполошилось, и по безконечному звѣздному пространству безшумно брызнули и неслышно забѣгали длинныя полосы, цѣлые снопы искристаго свѣта: лиловаго, зеленаго, фіолетоваго. Разгорѣлось сѣверное сіяніе. Оно охватило полнеба — и вдругъ потухло. Но тотчасъ же зажглось въ другомъ мѣстѣ, въ третьемъ... Все небо подернулось какимъ-то свѣтящимся флеромъ, и кажется, что между горящимъ сводомъ и снѣжной поверхностью земли протянулась тонкая пелена изъ серебряной пряжи. Вотъ эта блестящая ткань заиграла всѣми цвѣтами радуги; она колеблется и дрожитъ, словно кто-то ее перетряхиваетъ. А въ самомъ зенитѣ появились огненные пучки и змѣями расползлись по всему небесному своду, колыхаясь и вздрагивая и отражая свой трепетный отблескъ на бѣлой равнинѣ снѣговъ.

Елеазаръ Абрамовичъ долго любовался чуднымъ сіяніемъ сѣверной ночи; потомъ онъ окинулъ своими глазами мертвый полярный поселокъ, окруженный, съ одной стороны чернымъ остовомъ чахлаго лѣса, какъ старое кладбище согнувшимися крестами, посмотрѣлъ и направился въ сѣни.

Слабые, еле слышные стоны раздавались тамъ.

«Универсалистъ» встрепенулся, вспомнилъ «Дамку» и побѣжалъ за кормомъ. Сердце его сильно колотилось... Скоро онъ вернулся съ жирнымъ омулемъ и съ зажженной свѣчей.

— «Да-а-а-мочка», «Да-а-амка»!—тревожно позвалъ онъ.

Собака зашевелилась, немощно приподняла морду, долго и недовѣрчиво смотрѣла на протянутую пищу и вдругъ, сдѣлавъ головокружительный скачокъ, вырвала рыбу изъ рукъ оторопѣвшаго Нахмани.

Вздрагивая и трясясь, какъ въ лихорадкѣ, животное остервенѣло рвало пищу, щелкая зубами. Проглотивъ, давясь и перхаясь, три-четыре куска, собака внезапно остановилась: въ глазахъ ея

промелькнуло что-то тревожное... Сильнымъ размахомъ головы отшвырнула она кормъ на далекое разстояніе и стрѣлой кинулась къ дѣтямъ. А щенки уже застыли и обратились въ твердые, какъ камень, комки. Мать тормошила окоченѣвшіе трупики, порывисто грѣла ихъ своими изсохшими грудями, хватая зубами то одного, то другого. Она швыряла ихъ изъ стороны въ сторону, издавая при этомъ безумные, душу леденящіе вопли. Выбившись изъ силъ, «Дамка» остановилась, и хвостъ ея повисъ мертвой плетью. Нахмани подошелъ къ ней. Замѣтивъ его, «Дамка» приподнялась на заднія лапы, а передними обвилась вокругъ его ногъ. Голова ея безсильно упала на грудь друга, и она жалобно застонала, какъ бы всхлипывая. Поворачивая морду въ ту сторону, гдѣ лежали ея мертвыя малютки, указывала мать на свое великое несчастье...

Глаза у Елеазара Абрамовича стали влажными и дрожащими руками прижалъ онъ къ себѣ голову несчастной подруги

Но лишь только собака почувствовала объятія человѣка, потрясающее рычаніе вырвалось изъ ея отверстой пасти. Она рванулась изъ рукъ убійцы ея дѣтей и, ставъ на ноги, оскаливъ зубы, въ упоръ смотрѣла въ глаза человѣку и такъ смотрѣла, что, казалось, вотъ-вотъ ея блестящіе бѣлки выскочатъ изъ глубокихъ глазныхъ впадинъ. И въ этомъ взглядѣ сверкала бѣшеная злость, смѣшанная съ тоскливымъ гнѣвомъ...

Нахмани стало страшно: ему почудилось, что животное взбѣсилось, и растерянно сталъ онъ отступать въ юрту.

Когда онъ пришелъ въ себя, собаки уже не было ни въ сѣняхъ, ни въ амбарчикѣ.

VI.

«Дамка» явилась глубокой ночью и улеглась въ сѣняхъ.

Нахмани еще не ложился. Мрачно было у него на душѣ. Ему было какъ-то неловко, словно его уличили въ дурномъ поступкѣ. Смутное предчувствіе подсказывало ему, что дружба «Дамки» для него потеряна навсегда, и отъ этого еще хуже становилось «другу всѣхъ живыхъ существъ», и, не находя себѣ мѣста, потерявъ сонъ, расхаживалъ онъ по низкой юртѣ тяжелымъ шагомъ. Нѣсколько разъ порывался онъ выйти въ сѣни посмотрѣть, *какъ* «Дамка», но не могъ. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собой необычайное усиліе и пріоткрывъ дверь, онъ тихо позвалъ собаку.

Но лишь только раздался его зовъ, изъ темной глубины сѣней послышалось злобное рычаніе животнаго. Дрожь пробѣжала по тѣлу Нахмани. Онъ хотѣлъ переступить порогъ, но сразу остановился: ему вспомнился бѣшеный взглядъ, и быстро захлопнулись двери.

А собака завыла протяжно и длительно, какъ воютъ по покойнику. Ей сочувственно отозвались товарищи изъ упряжки

отозвались доугіе псы городка, и черезъ мгновеніе тысяча собакъ тянули дикій requiem, и казалось, что духи преисподней вышли изъ своего темнаго логовища и поютъ гимнъ ада силамъ мрака и холода.

И отъ этого душу раздирающаго воя ознобъ пробѣгалъ по членамъ «универсалиста», и шевелились корни волосъ на его поникшей головѣ. . . . . .

На другой день «Дамка» исчезла. Нахмани обѣгалъ весь городокъ, обѣгалъ близъ лежащую тундру и лѣсокъ, но нигдѣ не видно было ея слѣдовъ.

Обычное спокойствіе совершенно покинуло «друга всѣхъ живыхъ существъ». Онъ былъ угнетенъ, нервничалъ и серьезно высказывалъ опасеніе, какъ бы «Дамка» не покончила съ собой. При этомъ онъ, волнуясь, ссылался на науку, которой извѣстны примѣры самоубійства животныхъ.

Остряки Алексѣевскаго дома попробовали было «пословесничать» надъ «другомъ всѣхъ живыхъ существъ», но приглядѣвшись къ его разстроенному лицу, умолкли: пожалѣли.

А «Дамка» отыскалась только на третій день. Она лежала въ кухнѣ нашей столовой подъ столомъ и съ азартомъ пожирала куски вареной сельдядки *), которые ей заботливо подбрасывала кухарка Елена, большая пріятельница всей нашей упряжки.

Разсказали объ этомъ Елеазару Абрамовичу. Онъ прибѣжалъ, запыхавшись отъ радостнаго волненія. Быстро и суетливо приготовилъ Нахмани любимый кормъ своей подруги, вареную оленину, и съ готовымъ блюдомъ предсталъ передъ нею.

Нѣжно окликнулъ онъ «Дамку», и въ его голосѣ звенѣли дрожащія нотки... «Дамка» не отозвалась. Сердце упало у Елеазара Абрамовича. Сильно смущенный, придвинулся онъ ближе къ животному и, протягивая руку, намѣревался погладить его по головѣ.

«Дамка» спрятала голову, прикрыла ее лапами, какъ бы защищаясь отъ противной ласки. Окончательно сконфуженный, Нахмани нагнулся, попробовалъ приподнять ея морду и, тыча передъ самымъ носомъ собаки кормомъ, приглашалъ ее ѣсть, называя ее самыми ласковыми кличками.

Собака высвободила голову, отняла лапы отъ морды и умно посмотрѣла въ глаза своему другу; потомъ встала, отвернулась и, поджавъ хвостъ, волоча слабыми ногами, медленно вышла изъ кухни.

Она не скалила зубы, не огрызалась, даже не залаяла; она молчала...

Мы были поражены, а Хилковъ пробасилъ:

— Собака презираетъ человѣка...

Н. Осиповичъ.

---

*) Сельдядка—маленькая рыбка, водящаяся въ полярныхъ водахъ.

ТРУДЪ.

Романъ **Ильзы Франанъ.**

Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой.**

(*Продолженіе* *).

Георгъ бо̀льшую часть дня сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ въ потолокъ.

На головѣ его снова начали отрастать волосы, а въ мозгу возникали новыя представленія о женщинѣ вообще и въ частности о той женщинѣ, которою онъ снова хотѣлъ завладѣть, но которая постоянно ускользала отъ него, безъ шума, незамѣтно и, повидимому, безъ всякихъ усилій.

Весь міръ перевернулся съ тѣхъ поръ какъ его посадили въ тюрьму. Онъ вернулся не въ свой домъ, а въ домъ своей жены. Тутъ она господствовала и все подчинялась ея волѣ. Слуги, къ которымъ Георгъ неправильно причислялъ и Лауру-Анаизу, были всѣ поставлены Іозефиной и только ей обязаны были отдавать отчетъ. Она взяла въ домъ жильцовъ и превратила ихъ въ своихъ друзей. Дѣти были ея дѣтьми, они ее слушались, уважали, ей старались угодить и ей довѣряли. Приходили посѣтители, но они спрашивали только ее, только ея имя спрашивали у дверей и только къ ней стучались. Почтальоны приносили только ей письма и книги, иногда цѣлые пакеты; о немъ же не справлялся никто, къ нему никто не приходилъ и ни одинъ человѣкъ не писалъ ему писемъ. Его книги, цѣлыя полки книгъ, преимущественно научныхъ и чисто-спеціальныхъ, перешли теперь въ ея собственность. Она училась по нимъ, брала ихъ съ полокъ и дѣлала изъ нихъ извлеченія! Иногда цѣлая груда такихъ книгъ скоплялась на ея письменномъ столѣ, который былъ его письменнымъ столомъ во времена студенчества. Теперь ему не нужны были книги, не нуженъ былъ и письменный столъ. Книги безмолствовали для него, не сообщали ему своихъ тайнъ и гордо и презрительно смотрѣли на него съ полокъ, красуясь своими золотыми названіями на корешкахъ и знаменитыми именами. Но для нея у нихъ

---

*) См. „Міръ Божій, № 4, апрѣль 1904 г.

не было никакихъ тайнъ, съ нею онѣ говорили понятнымъ языкомъ и она внимала имъ.

Въ его прежней пріемной комнатѣ Іози сидѣла за маленькимъ письменнымъ столомъ, такъ какъ его прежнимъ большимъ письменнымъ столомъ пользовался теперь Бернштейнъ. И онъ началъ ненавидѣть Бернштейна за этотъ письменный столъ. Онъ не могъ слышать его голоса. Когда Іози вела съ Бернштейномъ какой-нибудь дѣловой, научный разговоръ, то онъ горѣлъ негодованіемъ и завистью. Съ нимъ вѣдь она говорила только о самыхъ обыденныхъ вещахъ! Все, казалось ему, дѣлалось здѣсь лишь для того, чтобы унизить его. Мѣдная дощечка съ его именемъ какъ будто нарочно, насмѣшки ради, осталась у дверей: «Ярлыкъ остался, но рѣдкій препаратъ исчезъ». Его пріемная только потому сохранила свое прежнее назначеніе, что Іози скоро должна была получить дипломъ врача. Іози будетъ врачомъ, въ его прежней пріемной будутъ сидѣть ея паціенты и ожидать ее, а онъ въ это время будетъ находиться гдѣ-нибудь въ задней комнатѣ, одинокій, у токарнаго станка. Проклятая жизнь! Онъ чувствовалъ себя точно внезапно ожившій мертвецъ, вернувшійся изъ могилы и увидѣвшій, что мѣсто его занято, что всѣ его ящики и сундуки опустошены и что у него ничего не осталось. Мужчина, предназначенный самою природой быть владѣльцемъ, господиномъ, былъ вытѣсненъ женщиной и чувствовалъ себя безсильнымъ передъ тою, которая должна была бы быть его подчиненной, покоряться ему! И вотъ теперь изъ рукъ этого низшаго созданія, рабы, завладѣвшей престоломъ, бывшій властелинъ получалъ средства къ жизни, хлѣбъ, которымъ питался.

Удивленіе и ярость, вмѣстѣ съ мучительнымъ сознаніемъ собственнаго безсилія, бушевали въ душѣ отверженника. Онъ придумывалъ разные планы, которые должны были отдать ему въ руки его опасную, сильную и неуязвимую противницу. Онъ думалъ, что она поэтому такъ сильна и самостоятельна, что избѣжала подчиненія чувству любви. О любви у него вообще было самое низкое представленіе и на этомъ основаніи онъ былъ увѣренъ, что еслибъ ему удалось подчинить ее этому чувству, то она сдѣлалась бы такою же слабой, какъ и онъ. Онъ жаждалъ видѣть ее слабой. Естественное равновѣсіе половъ было нарушено ею, этою сильною женщиной, которую когда-то онъ зналъ нѣжною, покорною и любящею молодою дѣвушкой и въ сердцѣ которой онъ зажегъ сильное, но кратковременное пламя страсти. Онъ зналъ ее потомъ кроткою и самоотверженною женой, покорившеюся своей женской долѣ; видѣлъ ее плачущей и несчастной, послѣ приговора, когда онъ покинулъ ее, обезславленную его преступленіемъ. И вдругъ теперь, въ теченіе этихъ лѣтъ, когда онъ медленно умиралъ, съ нею произошло неожиданное и совершенно новое для него превращеніе. Въ первое время, когда онъ считалъ ее безчувственной, онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что и въ ней все умерло, какъ и въ немъ. Но

потомъ онъ увидалъ, что въ нѣкоторыя минуты ея глаза загораются внутреннимъ огнемъ, что въ ея словахъ слышится воодушевленіе. Съ ненавистью и удивленіемъ онъ замѣчалъ, что ея щеки покрываются юношескимъ румянцемъ, что ея глаза загораются, какъ только заходитъ рѣчь о великихъ вопросахъ человѣчества. Значитъ, у нея были чувства, ея сердце билось сильно и горячо, сильнѣе чѣмъ тогда, когда она принадлежала ему, но для него, отверженнаго, опозореннаго, осмѣяннаго, униженнаго, не было мѣста въ этомъ горячемъ, сильномъ сердцѣ. Безъ тѣни какого бы то ни было упрека, но и безъ тѣни жалости, состраданія, съ чисто-мужскою безцеремонностью, она отстранила его со своего пути, и вся ея доброта, ея заботливость были для него только оскорбленіемъ и проклятіемъ.

Если онъ осыпалъ ее бѣшеными упреками,—она относилась къ нему, какъ къ больному, просила его не волноваться, принять успокоительное лѣкарство, думать о чемъ-нибудь другомъ. Если онъ плакалъ отъ безсилія и безпомощности, — она говорила про истерію, приносила ему наркотическое средство, чтобы онъ заснулъ, доставала ему какую-нибудь интересную книгу изъ библіотеки, такъ какъ онъ не хотѣлъ даже прикасаться къ медицинскимъ книгамъ, съ тѣхъ поръ какъ ему было запрещено заниматься медицинскою практикой.

Однажды онъ нашелъ начатое письмо слѣдующаго содержанія:

«Милый отецъ, все идетъ хорошо. Георгъ начинаетъ усердно заниматься токарнымъ станкомъ. Онъ уже сдѣлалъ три салфеточныхъ кольца...»

Послѣ чтенія этихъ строкъ съ Георгомъ сдѣлался такой припадокъ ярости, что онъ чуть не разломалъ станокъ. Но станокъ былъ изъ желѣза и потому остался цѣлъ. Пара винтиковъ, которые ему удалось разломать послѣ большихъ усилій, были на другой же день замѣнены по приказанію Іозефины новыми, а ей онъ сказалъ, что порча произошла отъ того, что въ деревѣ попался сучокъ!

Елена Бегасъ была тайною курильщицей, какъ бываютъ тайныя пьяницы. Такъ какъ куреніе она считала порокомъ и притомъ воображала, что весь міръ, или, по крайней мѣрѣ, весь Цюрихъ, подсматриваетъ за студентками, чтобы тотчасъ же разгласить потомъ въ газетахъ про ихъ дурныя привычки, то она и принимала всевозможныя предосторожности, чтобы никто не увидѣлъ ее курящей. Она открывала окна, спускала зеленыя жалюзи, задергивала занавѣски и даже затыкала замочную скважину, и тогда уже снимала платье, распускала волосы, надѣвала туфли и ложилась на софу съ папироской въ рукахъ. Она съ восторгомъ думала о томъ, въ какой бы ужасъ пришли почтенныя бюргерскія семьи, еслибъ увидѣли ее въ такомъ видѣ. Въ своей наивности она воображала, что ея страсть никому неизвѣстна, даже Іозефинѣ, хотя въ ея платьяхъ сохранялся табачный дымъ и вся комната была имъ пропитана.

Это было спустя недѣли четыре послѣ возвращенія Георга, поздно ночью. Іози недавно только вернулась изъ женской клиники, погасила лампу въ сѣняхъ и тотчасъ же пошла въ большую угловую комнату, въ которой она спала вмѣстѣ съ Рёсли и Лаурой-Анаизой. Тишина была кругомъ. Елена, наслаждавшаяся куреніемъ, слышала сквозь стѣнку громкое дыханіе спящей Лауры Анаизы, потомъ шаги Іозефины, слышала, какъ она заводила часы, потомъ мыла руки. Вотъ неутомимая эта Іоз*е*фина», подумала Елена, углубляясь въ подушки своей софы. Въ комнатѣ было такъ славно, тепло. Она въ первый разъ велѣла затопить сегодня и теперь съ такимъ наслажденіемъ протягивала свои ноги въ тонкихъ, лаковыхъ туфелькахъ, положивъ ихъ на ручку софы.

Вдругъ она вздрогнула; ей послышался какой-то странный, непривычный звукъ, точно подавленный крикъ. Ужъ это не Рёсли ли кричала во снѣ? Впрочемъ, нѣтъ, это не былъ крикъ, а только громкіе вздохи, шарканіе по полу. Потомъ что-то тяжелое зашаталось, упало чей-то голосъ шопотомъ спрашивалъ: «Ну, что? Что это было?» Затѣмъ кто-то побѣжалъ босикомъ, что-то затряслось, послышалось топаніе и снова вздохи, бормотаніе и, наконецъ, шаги, приближающіеся къ дверямъ Елены. Кто-то постучалъ.

Елена Бегасъ бросила папироску, поискала ключъ на столѣ, всунула его въ замокъ, потушила лампу и спросила смущеннымъ голосомъ: «Кто тамъ?»

— Лени!—послышался за дверью шопотъ.

Елена отворила и Іозефина упала ей прямо на руки, втолкнула ее назадъ въ комнату и сама повернула ключъ въ замкѣ. Она тяжело дышала и сжала руку Елены точно тисками. Елена съ тревогою посмотрѣла на нее, Іози была безъ платья и въ лѣвой рукѣ держала какой-то предметъ, который прижимала къ своей обнаженной груди. Прикоснувшись къ ея лицу, Елена почувствовала, что оно покрыто холоднымъ потомъ и волосы слиплись у нея на лбу.

— Позволь мнѣ здѣсь остаться, я не могу туда!—проговорила она хриплымъ голосомъ и невольное всхлипываніе вырвалось изъ ея груди.

— Нѣтъ, это...—заговорила Елена.

— Зажги скорѣе, Лени. Ахъ, быть такою женщиной! Гдѣ же твои спички?

Іозефина сама зажгла лампу. Ея лицо было блѣдно, но имѣло рѣшительное выраженіе. Она повернулась къ печкѣ.—У тебя еще не погасло? Вотъ хорошо,—сказала она, и какъ-то странно улыбнувшись, присѣла на корточки у печки, держа въ рукахъ красивый шелковый мѣшочекъ, покрытый узорнымъ рисункомъ. Потянувъ шнурокъ, Іозефина раскрыла мѣшочекъ, тамъ находились какіе-то сморщенные, коричневые листы. Прижавшись къ нимъ ртомъ, она словно старалась вдохнуть ароматъ этихъ засохшихъ розовыхъ листьевъ, а затѣмъ

стала по одному бросать ихъ въ огонь. Подъ конецъ она вытащила два тонкихъ листочка бумаги, покрытыхъ мелкимъ, тонкимъ почеркомъ. Она бросила ихъ въ огонь, не колеблясь. Сдѣлавъ это, она поцѣловала мѣшочекъ, точно это было нѣчто самое драгоцѣнное для нея, зубами впилась въ него и вдругъ залилась слезами.

— Зачѣмъ это!—сказала она и бросила красивый мѣшочекъ въ огонь. Онъ медленно обугливался, золотыя буквы, пожеланія счастья, все это почернѣло. Когда мѣшочекъ сгорѣлъ, то и огонь въ печкѣ началъ потухать и только временами показывались кое-гдѣ красные огоньки. Іози взяла лопатку для угля и сгребла все вмѣстѣ, а затѣмъ встала и сѣла на кресло. Она совершенно забыла о присутствіи Елены.

Между тѣмъ Елена, сидя на софѣ, молча наблюдала за ней, полная жалости и печали. Она взяла платокъ и осторожно покрыла имъ обнаженныя, дрожащія плечи своей подруги. Іозефина даже какъ будто и не замѣтила этого. Вдругъ, точно очнувшись отъ глубокаго раздумья, она сказала:

— Не можешь ли ты взять снимокъ съ картины Рѣпина. Было бы жаль...

Она не кончила фразы и встала.—Я пойду сейчасъ принесу,—прибавила она.

— Нѣтъ, нѣтъ, завтра, я боюсь...

Елена хотѣла придержать ее.

— Чего ты боишься?—Іози насмѣшливо улыбнулась.—Не думаешь ли ты, что я его боюсь?

Она посмотрѣла такимъ взглядомъ, что Елена почувствовала дрожь ужаса.

— Я думала, что онъ тебя прибилъ, Іози,—проговорила она, запинаясь.

Іозефина грозно разсмѣялась:—Онъ—меня? Ой! ой!—сказала она и поглядѣла на свои руки.

— Іози!

Но Іозефина мрачно молчала. Елена подошла къ ней и ласково взяла ее за руку.

— Я думаю вообще,—прошептала она—можетъ быть... если ты приняла его къ себѣ опять... Впрочемъ, я ничего не понимаю въ чувствахъ...

— Ты права! Ты ничего не понимаешь въ нихъ.

Іозефина смѣрила ее взглядомъ.

— Я думаю, однако, такъ, говоря теоретически, — продолжала Елена,—какую цѣну или какую важность можешь ты придавать такой вещи, которая, въ сущности, имѣетъ гораздо болѣе второстепенное значеніе, нежели ваше гражданское сожительство?

— Ты думаешь? Второстепенное значеніе?

Іозефина проговорила это съ удареніемъ и съ какимъ-то зловѣщимъ смѣхомъ.

— Да, я думаю, Іозефина, не жестока ли ты?

Іозефина пожала плечами.

— Можетъ быть. Меня это не интересуетъ.

— Да, но посмотри, вѣдь ты вообще такая добрая, такъ все понимаешь...

Іозефина поникла головой, точно подъ градомъ упрековъ, сыпавшихся на нее. И эта смиренная поза придавала ей, въ глазахъ Елены, особенную трогательную прелесть.

— Въ концѣ концовъ, ты, вѣдь, не можешь же осуждать его за то, что онъ тебя любитъ,—шепнула она ей на ухо.—Вѣдь мы всѣ тебя любимъ. Вѣдь какъ любилъ тебя Хованессіанъ!

Іозефина вздрогнула.

— Что ты говоришь?—вскричала она.—Какъ тебѣ не стыдно? Неужели ты думаешь, что я, по какимъ бы то ни было причинамъ, могу отдаваться человѣку, котораго не хочу? Ты можешь это думать?.. Да еслибъ небо грозило рушиться на землю и я-бъ могла удержать его этимъ...

Она сдѣлала рѣзкое движеніе руками, точно отгоняя отъ себя кого-то.—Это единственное, что совершенно невозможно,—проговорила она,—и еслибъ тутъ водворился адъ, мнѣ все равно! Я ничего не боюсь! Онъ научится въ концѣ концовъ. Мы должны снова вернуться къ людямъ, Лени, надо, чтобы къ нему вернулось чувство собственнаго достоинства...

— И ты думаешь, что это замѣнитъ ему...

— Чего ты хочешь отъ меня?—воскликнула Іозефина съ раздраженіемъ.—Развѣ я моллюскъ какой-нибудь, животное? Любить, кого хочу, и принадлежать, кому я хочу, это мое человѣческое право!

— Какъ замужняя женщина ты не имѣешь права...

— Какъ! Ты такъ думаешь? Ты такъ низко думаешь о себѣ и о насъ, дѣвушка!—вскричала Іозефина.

Елена какъ будто немножко обидѣлась,—и отодвинувшись отъ Іозефины, замѣтила съ удивленіемъ: — Если я разъ уже дала слово, связала себя, то, значитъ, я, дѣйствительно, связана. Быть вмѣстѣ и связанной и свободной—этого я не понимаю.

— Да, еслибъ всѣ могли все понимать!

— Ты непослѣдовательна, Іозефина

— Можетъ быть.

— Но это не хорошо.

— Кто можетъ быть всегда хорошимъ? Дѣлаешь, что можешь!

— Ну, а если онъ опять... вернется къ эксцессамъ?

— Да!

— Я говорю: если онъ опять начнетъ дѣлать эксцессы?

— А я отвѣчаю: да!

— Что тогда?

— Не знаю!

— Іози!

— Я?

— Ты жестока.

— Жизнь жестока ко мнѣ.

— Можетъ быть, если онъ опять встанетъ на свои ноги, въ тебѣ...

— Нѣтъ! Никогда!

— Никогда? Это такое слово, которое люди не должны употреблять въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, Іози.

— А я повторяю его еще разъ.

— Ну такъ... предоставь ему свободу, Іозефина. Позволь ему найти другую. Какъ врачъ...

Іозефина зажала себѣ уши, но Елена неуклонно продолжала:

— Видишь теперь, какъ это тяжело? Понимаешь, что ты взяла на себя? Ты дѣйствовала слишкомъ необдуманно, ты воображала, что можешь совершить то, что свыше человѣческихъ силъ. Ну, а теперь, неправда ли, ты сама боишься, боишься загрязнить себя? Теперь ты была бы рада, еслибъ поступила тогда такъ, какъ тебѣ совѣтовали люди? Іози, говорю тебѣ правду, я это предвидѣла! Какъ только я узнала твою исторію и увидала его собственными глазами...

Упорное молчаніе Іозефины дѣйствовало подстрекающимъ образомъ на Елену Бегасъ, и она продолжала говорить, и удовлетвореніе, которое доставляла ей мысль, что она все это предвидѣла, заставило ее даже позабыть о состраданіи къ подругѣ.

— Ты хочешь обращаться съ людьми, какъ съ шахматными фигурами, Іози,—говорила она.—Это такъ просто: стой тутъ и не смѣй ни одного шага сдѣлать самостоятельно. Однако люди не хотятъ этого. У нихъ, вѣдь, тоже есть воля, индивидуальность, собственное «я». Если это имъ подходитъ, то они будутъ стоять на одномъ мѣстѣ, если нѣтъ—то они не обратятъ вниманія на твою волю. Воздвигать такія искусственныя перегородки—это очень легко въ теоріи, но заставлять другихъ подчиняться имъ—это уже совсѣмъ нѣчто другое!

Безпомощная, съ осунувшимся лицомъ, сидѣла Іозефина въ креслѣ. У нея не хватало не только словъ, но даже не было мыслей.

— Мнѣ нужно заснуть... я встала рано,—прошептала она наконецъ, закрывая глаза. Углы рта у нея опустились и голова отклонилась назадъ, на спинку кресла. Черезъ нѣсколько минутъ она спала. Елена Бегасъ пододвинула ей подушку подъ голову, Іозефина, не открывая глазъ, поблагодарила ее съ дѣтскою улыбкою, озарившею ея черты и снова придавшею ея лицу моложавость.

Безмолвная, глухая борьба, происходившая между двумя силами: покоряющей и возмущающейся, на время пріостановилась. Наступило перемиріе.

Точно тигръ, сдѣлавшій невѣрный скачокъ и сконфуженно удаляющійся въ кусты, проскользнулъ Георгъ въ свою комнату, униженный, покоренный; всѣ члены у него были какъ будто парализованы. Всѣ послѣдующіе дни онъ работалъ надъ токарнымъ станкомъ. Если кто-нибудь заходилъ къ нему, то онъ встрѣчалъ посѣтителя равнодушнымъ взоромъ и едва отвѣчалъ на вопросы. Онъ много спалъ, ѣлъ и вообще велъ растительную жизнь.

Іозефина была совершенно поглощена приготовленіями къ государственному экзамену и, кромѣ того, ее очень озабочивала ея диссертація. Она приготовила нѣсколько микрофотограммъ, но печатаніе ихъ натолкнулось на совершенно неожиданныя затрудненія.

Она пришла къ Георгу съ неудачнымъ клише въ рукахъ, чтобы спросить его мнѣніе. Она вошла спокойная и непринужденная и заговорила съ нимъ такъ просто, какъ человѣкъ съ человѣкомъ.

Это было въ первый разъ, что они очутились вдвоемъ послѣ той ужасной ночной сцены. За столомъ пансіонеры и дѣти раздѣляли ихъ, образуя между ними стѣну.

Съ робкимъ и враждебнымъ видомъ Георгъ отступилъ въ уголъ, когда Іозефина вошла въ комнату.

— Посмотри,—сказала она, протягивая ему листокъ,—вотъ что они со мною сдѣлали! Ничего нельзя разобрать, никакихъ подробностей! Какая-то мазня. Я просто въ отчаяніи.

Георгъ сначала не могъ понять, въ чемъ дѣло, и дрожащими руками взялъ листокъ, чтобы разсмотрѣть его.

— Негативъ, конечно, былъ не такой, само собой разумѣется,—продолжала Іозефина.—Можетъ, онъ былъ не такъ ясенъ, какъ другіе, но все же не до такой степени. Этотъ никуда не годится, не правда ли?

Георгъ со вниманіемъ разсмотрѣлъ снимокъ, потомъ положилъ на столъ, пожимая плечами.

— Не отчетливо. Никуда не годится!—проворчалъ онъ.

— Да! да! Не отчетливо!—воскликнула Іозефина.—Но что же теперь дѣлать?

— Надо сдѣлать новый снимокъ.

— Да онъ уже пять разъ передѣлывалъ. Ничего не выходитъ.

— Ну, такъ виноватъ негативъ.

— Я тоже этого опасаюсь. Ну, а тогда...

— Тогда надо переснять,—сказалъ Георгъ безучастно.—Снова переснять,—повторилъ онъ, кашлянувъ въ руку.

— Ты думаешь? Но откуда взять время!—воскликнула она съ огорченіемъ.—И еще шесть-семь снимковъ изъ этой серіи вышли такіе же;

значитъ надо сдѣлать семь, нѣтъ—восемь такихъ снимковъ. Это немыслимо!

Она покачала головой, потомъ вдругъ у нея мелькнула въ головѣ мысль и лицо просвѣтлѣло.

— Можетъ быть, ты это сдѣлаешь, Георгъ?

Онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ при видѣ ея загорѣвшихся глазъ, ея жестикулирующихъ рукъ. Ея сильная воля, безсознательно для нея, свѣтилась въ ея лицѣ. Но онъ не говорилъ ни слова.

Она подошла къ нему, радостная и довѣрчивая.

— Я принесу тебѣ все, все, что нужно,—сказала она весело.—Препараты всѣ есть на лицо и пронумерованы. Ты такъ прекрасно умѣешь это дѣлать. Вѣдь ты меня научилъ, Георгъ!

— Ступай къ своимъ полякамъ!—проворчалъ онъ и повернулся къ ней спиной. Но она пошла за нимъ въ его уголъ.

— Не будь такой злой, Георгъ! Ты поможешь мнѣ, не правда ли? Но только... достаточно ли тутъ тихо? Когда проходитъ трамвай, то полъ трясется и весь домъ дрожитъ...

— Ночью не ходятъ трамваи, — замѣтилъ Георгъ, заинтересованный противъ воли.

Іози кивнула головой.

— Да, я тоже дѣлала снимки ночью. Положимъ, я работала тамъ, внизу, въ лабораторіи. Но, мнѣ кажется, можно и тутъ.

Она взглянула на станокъ.

— Онъ стоитъ крѣпко и совсѣмъ горизонтально, — сказалъ Георгъ.

— Это хорошо. — Она провела рукой по поверхности станка—Ты въ тысячу разъ лучше сдѣлаешь эти снимки, нежели я.

— Въ тысячу разъ! — повторилъ онъ насмѣшливо и на лицѣ его появилась гримаса.

— Можно будетъ прибавить, что рисунки сдѣланы тобою, Георгъ.

— О! Какъ работникъ я еще гожусь для тебя, не правда ли?— проворчалъ онъ съ горечью.

— Вѣдь, и ты также долженъ желать, чтобы моя книга, моя первая книга вышла какъ можно лучше,—прибавила Іозефина, не замѣчая его тона. Но ея наивность смущала его.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—если ты такъ на это смотришь...

Но она выбѣжала уже изъ комнаты, чтобы принести микроскопъ и серію препаратовъ. Если бы у Георга снова проснулся интересъ къ научнымъ работамъ! Тогда его будущее не представлялось бы ей такимъ безнадежнымъ.

Когда она ушла, Георгомъ овладѣла бѣшеная ярость. Онъ торопливо заперъ дверь, прислонился къ ней спиной, сжалъ кулаки и заскрежеталъ зубами. Въ такомъ положеніи онъ прислушивался къ

ея быстрымъ шагамъ, къ ея стуку. Прошло четверть часа, прежде чѣмъ она пришла. Онъ сгоралъ нетерпѣніемъ, негодованіемъ и тоской. Дрожь пробирала его и новые волосики, выроставшіе на его лысой головѣ, казалось, становились дыбомъ. Онъ обнажилъ руку и съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ началъ разсматривать венныя сплетенія, темнѣвшія подъ тонкою кожей.

— Ah, misèrable,—простоналъ онъ, то сжимая, то разжимая руку и слѣдя указательнымъ пальцемъ другой руки за слабою игрою мускуловъ.—«Malheureux que je suis»!

Окно снаружи было почти совсѣмъ закрыто прилипшими къ нему пожелтѣлыми листьями, такъ что въ комнатѣ господствовалъ желтоватый сумракъ, при свѣтѣ котораго все принимало какой-то тусклый, безжизненный оттѣнокъ. Убогая комнатка, станокъ,—все представлялось ему въ такомъ освѣщеніи, и казалось ему, будто онъ прикованъ къ этому станку и находится въ еще болѣе ужасной тюрьмѣ, чѣмъ раньше.

Развѣ объ этомъ онъ мечталъ въ теченіе всѣхъ этихъ ужасныхъ пяти лѣтъ? Развѣ къ этому онъ такъ страстно стремился?

— Открой пожалуйста; у меня заняты руки,—послышался голосъ Іозефины.

Но онъ представился глухимъ, на цыпочкахъ подошелъ къ окну и высунулъ голову въ форточку, предоставивъ ей нѣсколько разъ звать его.

Она, между тѣмъ, высвободила руку и попробовала открыть дверь

— Ты заперся? Почему?—услышалъ онъ ея вопросъ.

Тогда онъ съ шумомъ подошелъ къ двери и отомкнулъ задвижку.

Іозефина съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Ты спалъ?

Онъ протиралъ глаза, потягивался, зѣвалъ, но не говорилъ ни слова.

— Хорошо, я не буду тебѣ мѣшать. Спи. Тутъ все. Ты самъ уже найдешь, что нужно.

Но онъ продолжалъ молчать и это удерживало ее въ комнатѣ.

— Мой инструментъ тутъ не при чемъ,—сказала она, нагибаясь надъ блестящимъ ящикомъ краснаго дерева.—Онъ по-прежнему безупреченъ. Посмотри самъ.

Когда онъ увидалъ свой собственный микроскопъ, великолѣпный инструментъ, пріобрѣтенный имъ всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до своего ареста, то самообладаніе покинуло его. Онъ зарыдалъ, стиснувъ зубы. Вѣдь онъ любилъ этотъ большой, великолѣпный инструментъ, какъ любитъ художникъ свои орудія искусства.

Іозефина сразу поняла, въ чемъ дѣло, и почувствовала сильное замѣшательство. Горло у нея сдавило и она съ трудомъ начала говорить. Она говорила ему о его будущемъ, какъ будто эта мысль только теперь пришла ей въ голову.

— Научныя работы, я хочу сказать: письменныя—вотъ настоящее поле дѣятельности для тебя, Георгъ. Никто не можетъ запретить тебѣ научныя работы! Этого нельзя; такъ далеко ихъ власть не простирается. Можетъ быть, мы и сдѣлаемъ что-нибудь вдвоемъ, какъ ты думаешь?

— Довольно-таки сильно попорченъ, жалко!—сказалъ онъ, проводя рукой по обившемуся краю ящика.

Пробило часъ. Іозефина вскочила.

— Итакъ, сегодня ночью? Ты согласенъ? Только засни передъ этимъ, иначе у тебя не хватитъ силъ, а тебѣ нуженъ покой. Вѣдь семь снимковъ и каждый займетъ приблизительно около получаса, значитъ тебѣ придется проработать всю ночь. Ну, я бѣгу. Прощай. Заранѣе благодарю тебя.

Она ушла. Георгъ опять заперъ дверь на задвижку. Даже руки не протянула ему! Онъ бросился на постель и задумался. Онъ воображалъ себѣ ее, лежащей на полу этой комнаты, у станка, посинѣвшей и тяжело дышащей. Ему казалось, что онъ стоитъ возлѣ нея на колѣняхъ, разрываетъ на ней платье и терзаетъ ея беззащитное, порабощенное тѣло, опьяненный запахомъ свѣжей крови. Этотъ запахъ, который онъ такъ часто ощущалъ во время операцій и который всегда производилъ на него впечатлѣніе какихъ-то рѣдкихъ духовъ, онъ вдругъ ощутилъ въ воздухѣ своей комнаты. Онъ раздражалъ его, тяготилъ и смущалъ. Онъ корчился на своей кровати отъ ужаса и страстнаго желанія. Ненавистныя картины прошлаго проносились передъ его глазами, и сцены съ ужасающею ясностью разыгрывались на небольшомъ пространствѣ, между его кроватью и станкомъ. Онъ слышалъ крики, стоны, видѣлъ изъѣденныя головы, сведенные судорогами члены, бѣлые и розовые, выдающіеся изъ-подъ темныхъ платьевъ. Вдругъ весь воздухъ наполнился окровавленными частями человѣческихъ тѣлъ и все это устремлялось къ нему, хотѣло покрыть его, похоронить!.. Онъ бѣжалъ черезъ окна и былъ сброшенъ съ верхушки горы... Потомъ ему почудилось, что на него навалился холодный трупъ и давитъ его, прижимаясь къ нему ртомъ, грудью, всѣми членами, и все глубже вдавливаетъ его въ сырую, холодную землю.

Онъ не могъ раскрыть глазъ, губы у него пересохли, но онъ приподнялся на постели. Кто-то постучалъ въ двери.

Сквозь закрытыя вѣки онъ ощущалъ дневной свѣтъ. Онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ, разслабленнымъ, но, по крайней мѣрѣ, запахъ крови, шумъ, раздававшійся у него въ ушахъ, исчезли.

Онъ сравнивалъ себя съ ночнымъ животнымъ, которое ищетъ куда бы ему укрыться.

Но зачѣмъ же стучали въ его двери? Развѣ онъ что-нибудь совершилъ?

— Я невиненъ! Право же, я невиненъ!—бормоталъ онъ и запрятался подъ одѣяло. Но все-таки онъ видѣлъ, что дверь отворилась и кто-то вошелъ.

Онъ запрятался еще глубже и тѣмъ не менѣе еще яснѣе видѣлъ, что дѣлалось, видѣлъ множество людей, вошедшихъ въ его комнату. Они приходили, приходили, но комната не наполнялась ими. Двое какихъ-то черныхъ господъ вертѣлись посреди комнаты, остальные же, безъ всякаго труда, проходили сквозь стѣны.

— Тутъ область галлюцинацій,—сказалъ онъ вдругъ и началъ говорить о галлюцинаціяхъ. Кто-то засмѣялся въ углу и собраніе разошлось. Онъ стукнулъ тогда по столу и крикнулъ, разгоряченный:— Реальность? Тутъ, передъ вами, самая настоящая реальность, господа присутствующіе! Ни одинъ врачъ не станетъ отрицать ее, или васъ, такъ какъ въ сущности это одно и то же. Развѣ это не такъ? Каждый можетъ наносить произвольные удары, но что же вы отъ этого выиграете? Я говорю это по опыту, по кровавому и, долженъ сказать, непріятному опыту. Придетъ ли кто-нибудь черезъ двери, или черезъ стѣну, или спрыгнетъ такъ съ потолка—не все ли равно! Какая разница между ними, если они всѣ съ единственнымъ безстыдствомъ и цинизмомъ нападаютъ на одного человѣка, скажите сами! Но верхомъ безстыдства является тотъ, который спрыгнулъ съ потолка. Вы отбрасываете его внизъ—онъ падаетъ вамъ на голову. Вы, внѣ себя отъ бѣшенства, заряжаете имъ револьверъ, стрѣляете въ потолокъ—на васъ валится известка, рушится потолокъ, а вмѣстѣ съ нимъ и то маленькое нѣчто, отъ котораго вы хотѣли избавиться. Есть только одно средство: играйте съ ними по-дѣтски, коварно, сдѣлайте его довѣрчивымъ и безпечнымъ и тогда... тогда... да... да... выберите минуту и приготовьте острый ножичекъ. Если покажется кровь, то, значитъ, это была реальность. Несомнѣнно! Впрочемъ, всегда бываетъ кровь, всегда; мой опытъ, мой... гм! гм! Вылеченъ и въ то же время не вылеченъ! Вѣдь остается навсегда психопатомъ, милостивые государи!..

Кто-то подошелъ къ его кровати, взялъ его за руку и нащупалъ пульсъ.

— Что-жъ это могло быть?

Онъ съ трудомъ разнялъ зубы. Наконецъ, ему удалось и онъ прохрипѣлъ:

— Припадокъ! Сколько лѣтъ не было! Дай морфію.

Іозефина дала ему морфія и онъ быстро успокоился, началъ говорить совершенно разумно, выпилъ, поѣлъ, и наконецъ, уснулъ.

Она осмотрѣла инструменты, стоящіе на столѣ; къ нимъ никто не притрогивался. Покачавъ головой, она собрала все и унесла. Ея ученая работа вышла безъ неудавшихся клише; остальные же пятнадцать рисунковъ были совсѣмъ хороши.

Георгъ больше не заговаривалъ объ этомъ, и она не показала ему

своей книги, когда она была напечатана. Но онъ увидѣлъ ее, когда Іозефина ушла въ клинику. Онъ началъ ее перелистывать, сначала равнодушно, а потомъ съ интересомъ. Когда Германъ случайно вошелъ въ комнату, то онъ поскорѣе бросилъ книгу на полку. На микроскопъ онъ также больше ни разу не взглядывалъ.

Тяжелыя недѣли экзаменовъ пришли къ концу и послѣдняя ступень была пройдена. Теперь Іозефина получила право заниматься практикой вездѣ, гдѣ хотѣла, на своей родинѣ. Она почувствовала только, что теперь свободна и больше ничего. Это ощущеніе свободы было ей порою даже непріятно; она чувствовала себя одинокой, покинутой и жалѣла, что миновали дни ученія. Когда она вспоминала о нихъ, то ей казалось, что это было единственное время, когда она дѣйствительно жила. Она испытала и великія страданія и великія радости за эти пять съ половиною лѣтъ и, думая о томъ, какою она была тогда, она изумлялась своей смѣлости, своей отвагѣ.

«Какъ это я могла такъ много взять на себя, подъ давленіемъ страшнаго, обрушившагося на меня несчастья!—думала она.—Какъ это я не заболѣла тогда, не погибла! Какъ это удивительно, что я это все могла вынести и что я теперь стала совершенно самостоятельнымъ человѣкомъ!»

Она съ тоскливою завистью смотрѣла на вновь поступившихъ студентокъ, спѣшившихъ на лекціи.

«О чудное, чудное время! Пользуйтесь имъ, не имѣйте такого дѣлового, озабоченнаго вида! Вы думаете, что вы очень важныя особы, что вы такъ много работаете! Но вы еще не работаете, вы только воспринимаете въ себя науку, какъ мягкая, весенняя земля воспринимаетъ теплый дождь, падающій на нее. Только тогда, когда вы будете готовы, начнется настоящая работа. Моя работа начинается теперь, но что же, что я буду дѣлать? Буду ли я сидѣть въ своемъ докторскомъ кабинетѣ, довольная, когда моя пріемная наполняется больными, ищущими моей помощи? Буду ли я ихъ приглашать по одиночкѣ, торжественно открывая передъ ними двери своего кабинета? Буду ли разыгрывать передъ ними божество въ облакахъ и изъ своихъ пустыхъ рукъ изливать мнимыя надежды на жизнь, на исцѣленіе всѣмъ, взывающимъ ко мнѣ, умирающимъ страдальцамъ? Буду ли я изнуреннымъ лишеніями бѣднякамъ прописывать дорогія укрѣпляющія лекарства богатыхъ и не замѣчать при этомъ ихъ язвительныхъ слезъ, съ которыми они покидаютъ порогъ моей пріемной? Буду ли я предписывать покой работницамъ, для которыхъ покой равняется безработицѣ, а безработица голоду? Буду ли я зашивать раны такъ же, какъ зашиваютъ дыры въ башмакахъ, равнодушно, спокойно и притомъ въ твердомъ убѣжденіи, что настоящихъ ранъ я не могу достать никакимъ зондомъ, не могу излечить никакимъ пластыремъ? Вступлю ли я—и это самое худшее!—въ ряды довольныхъ, сжившихся съ существующими

порядками, считающихся съ существующими фактами? Нѣтъ, только бы не это! Только бы не это!.. Но что же, что же я буду дѣлать теперь?»

И ей казалось, что она свалилась съ облаковъ на землю, гдѣ ей надо будетъ выполнять муравьиную работу и она будетъ однимъ изъ милліоновъ другихъ муравьевъ.

Муравьиная работа? Ну что-жъ, если бы и такъ! Но, по крайней мѣрѣ, эта работа не должна быть вредной для муравейника.

«Быть полезной!—думала она.—Заработать кусокъ хлѣба для себя и семьи и быть полезной муравейнику! Это почти невозможно. Надо, по крайней мѣрѣ, не быть вредной. Заботиться о себѣ и о своихъ и не вредить другимъ! По крайней мѣрѣ къ этому надо стремиться!.. Но развѣ нельзя приносить хотя бы маленькую пользу? Неужели я столько училась, столько чувствовала, столько думала о томъ, что вредно, что приноситъ зло, губитъ, и все-таки не имѣю никакихъ средствъ, никакихъ, чтобы бороться съ тѣмъ, что губитъ, разрушаетъ, бороться всѣми своими силами?

«Но что я могу сдѣлать? Я — безсильная, одинокая? Одинокій человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать, ничего, а кто же захочетъ помогать мнѣ? Вѣдь никто такъ не думаетъ, какъ я, никто!»

И вдругъ, точно звѣзды, засіяли передъ нею красивые, глубокіе глаза, высокій лобъ, скрывавшій столько прекрасныхъ мыслей! Это были такія же мысли «какъ у нея» и поэтому онѣ казались ей прекрасными! Нѣтъ, онѣ были во сто кратъ лучше, прекраснѣе, ярче, возвышеннѣе!

«Я тоже тогда чувствовала себя безпомощной, я предавалась отчаянію, я была такъ одинока на землѣ!—думала она.—Но вотъ пришелъ ты и я нашла то, къ чему стремилась, чего такъ жаждала, нашла себя въ тебѣ, но безконечно болѣе сильной, лучше, богаче содержаніемъ! Ты пришелъ издалека, изъ другого міра, другихъ жизненныхъ формъ, но съ тобою я лучше поняла себя, какъ будто мы были вскормлены съ тобою однимъ молокомъ. Ты одинъ, я тоже одна, одна среди милліоновъ, гдѣ наши друзья? Конечно, они есть у насъ; они ждутъ насъ! Они протягиваютъ къ намъ руки и едва сдерживаютъ призывъ, готовый сорваться съ ихъ губъ! Имъ трудно сдерживать свое нетерпѣніе, также какъ намъ трудно сдерживать себя... Не позвать ли ихъ?»

И хотя безсознательно, она протягивала руки къ этимъ неизвѣстнымъ друзьямъ, звала ихъ, обращалась къ нимъ, къ далекимъ, существованіе которыхъ она только предчувствовала.

Она начала писать. Но для ея импульсивной натуры этотъ путь былъ слишкомъ длиненъ, слишкомъ далекъ и она чувствовала, что только полные надеждъ могутъ идти по этому длинному пути, только они могутъ ждать. Нѣтъ, ей хотѣлось созвать ихъ, этихъ неизвѣстныхъ друзей, найти ихъ и услышать ихъ откликъ. «Когда насъ бу-

детъ много—кто знаетъ! быть можетъ мы тогда вмѣстѣ сдѣлаемъ что-нибудь, что-нибудь... Ахъ!» думала она и ей казалось, что мучительное безпокойство, овладѣвшее ею, мало-по-малу начинаетъ исчезать.

Елена Бегасъ принесла съ собою нѣмецкую газету. По лицу ея видно было, что она чѣмъ-то очень взволнована; за обѣдомъ, послѣ супа, она, однако, не выдержала, раскрыла газету и прочла:

— «Ученыя жены и проведенные мужья»! Хорошенькое названіе, неправда ли? Многообѣщающее! И говорю вамъ правду, названіе такое соблазнительное, что нумеръ этотъ раскупается массами. По крайней мѣрѣ, двадцать студентовъ стояло у кіоска, и «пожалуйста мнѣ экземпляръ», «мнѣ также!» раздавалось со всѣхъ сторонъ. О содержаніи никто не справлялся, всѣхъ заманивало заглавіе! Уу! я была взбѣшена. Эти мальчики! Эти зубоскалы, насмѣшники! Я думаю, — все, что есть худшаго изъ элементовъ, обучающихся въ Цюрихѣ, толкалось у этого кіоска. Я была единственная изъ женщинъ около этого кіоска и чувствовала себя точно масло, поставленное на солнцѣ.

— Въ чемъ же дѣло? Что-нибудь очень остроумное и интересное?— спросила Іозефина, смѣясь надъ пылкостью своей подруги.

— Ну, остроумія тутъ нѣтъ и слѣда! — вскричала та. — Одна только пошлость, ничего больше! Еслибъ еще это было умно! Но въ этомъ-то и заключается наказаніе, поражающее каждаго, кто берется за такую тему, что онъ неминуемо лишается послѣдняго разсудка, и остается у него только злоба и пошлость.

— Отчего вы такъ разсердились? — замѣтилъ Бернштейнъ, вытаращивъ на нее глаза. — Мнѣ кажется, господинъ авторъ этой статьи не можетъ быть очень опасенъ.

— Какъ, злоба и пошлость не опасны по вашему? — Елена даже всплеснула руками. — Гдѣ вы живете, Бернштейнъ, въ какомъ мірѣ? Неизмѣримый вредъ можетъ быть нанесенъ подобными злобными и лживыми статьями. Всѣ ослы заржали отъ радости, они чувствуютъ себя возвеличенными и укрѣпленными въ своемъ ослиномъ достоинствѣ!

— Считаете ли вы автора этой статьи также осломъ?—спросилъ Георгъ, играя ложкой.

— Кто авторъ? — спросилъ Бернштейнъ.

— Не знаю. Онъ подписывается «Стриндбергъ jun.». Но это большая наглость; Стриндбергъ вѣдь остроуменъ, а вотъ этотъ Стринбергъ junior только говоритъ пошлости. Хотите на пробу!

Елена перевернула страницу и начала читать.

«Это такъ называемое стремленіе къ равенству половъ ничто иное, какъ сознательный обманъ. Женщины не желаютъ никакого равенства тамъ, гдѣ дѣло касается неудобной или плохо оплачиваемой работы. Онѣ стремятся только захватить наиболѣе удобную, наиболѣе пріятную и наилучше оплачиваемую работу. Такая работа, безъ сомнѣнія, та, которую дѣлаютъ ученые, вотъ почему всѣ женщины внезапно захо-

тѣли быть учеными. Со свойственною имъ хитростью онѣ открыли, что врачомъ быть пріятно, пріятно занимать выдающееся положеніе и получать хорошій гонораръ. Вотъ результатомъ этого открытія и явилось стремленіе женщинъ къ медицинской профессіи. Равенство! кричатъ онѣ, на самомъ же дѣлѣ онѣ добиваются вовсе не равенства, а господства. Что долженъ дѣлать равноправный мужъ ученой женщины-врача? Его ученая, лучшая половина позволитъ ему развѣ только одно—принести воды для умыванія рукъ, когда она приходитъ изъ клиники. И это называется раздѣленіемъ труда? Превосходно! Но ни одна эмансипированная женщина не будетъ настаивать на своемъ правѣ сдѣлаться трубочистомъ или чистильщикомъ выгребныхъ ямъ. Передъ печкою, сажей и ящикомъ съ мусоромъ останавливаются всѣ стремленія къ равенству. Тутъ даже самая эмансипированная изъ эмансипированныхъ женщинъ не претендуетъ на раздѣленіе труда, а,—самое большое,—на раздѣленіе заработка мужа. Пусть онъ карабкается въ черной, горячей каминной трубѣ или спускается въ зловонную, міазматическую яму, — жена его будетъ спокойно сидѣть въ это время дома, болтать съ сосѣдкой и сплетничать, а заработанныя ея мужемъ тяжелымъ трудомъ деньги она спокойно истратитъ на сласти и ненужныя украшенія. Одинъ молодой сельскій хозяинъ вылечилъ свою мечтающую о равенствѣ жену столь же легкимъ, какъ и достойнымъ подражанія способомъ. Онъ разбудилъ ее утромъ въ половинѣ четвертаго, когда она сладко спала и грезила объ эмансипаціи. Она, конечно, очень испугалась: «Что случилось? почему ты меня разбудилъ?» спросила она. «Вставай, — отвѣчалъ онъ. — Бери телятъ и отправляйся съ ними на гору; я хочу, чтобы было теперь равенство!» — «Ахъ ты шутникъ!» засмѣялась она.—«Ага, вотъ что!»—мужъ повалилъ ее на кровать, прибилъ и прогналъ за дверь.—«Шутникъ! Нѣтъ, тутъ не шутки! Тутъ равенство теперь». Жена не хотѣла идти, отбивалась и кричала: «Я не могу!» — «А я могу, жена, ты какъ думаешь? Я могу вставать каждый день въ половинѣ четвертаго или въ три часа? Маршъ! Ты требуешь равенства, такъ отправляйся теперь на гору и отведи туда телятъ». И мужъ кулаками погналъ ее въ стойло, гдѣ были заперты молодые телята, которые жалобно мычали. Мужъ очень смѣялся и сказалъ своей женѣ: «Васъ, женщинъ, надо принуждать къ равенству; вы не такъ его понимаете». Такъ училъ умный мужъ свою глупую жену, и съ этой минуты она больше не досаждала ему».

— Эхъ!—перебилъ ее Бернштейнъ.—Ну, зачѣмъ вы читаете это? Бросьте!

Бернштейнъ взглянулъ при этомъ на Германи, который съ жадностью слушалъ чтеніе и, казалось, впитывалъ въ себя каждое слово.

— Чудо, какъ интересно! Дальше!—вскричалъ мальчикъ, захлебываясь отъ удовольствія.

Георгъ бросилъ ложку, которая зазвенѣла; на его худыхъ щекахъ показался легкій румянецъ.

— Вполнѣ здравые взгляды, какъ мнѣ кажется,—замѣтилъ онъ, злобно усмѣхаясь.—Что вы можете возразить противъ этого очерка, сударыня?

— Хорошъ очеркъ!—Елена бросила газету и разразилась смѣхомъ. Германъ тотчасъ же схватилъ ее, но мать выхватила газету изъ рукъ мальчика съ такою силой, что даже разорвала.

— Глупости, мальчуганъ, это не для тебя!—сказала она мрачно.—Если ты хочешь читать, то, вѣдь, есть такъ много хорошихъ книгъ.

Въ глазахъ Германа показались слезы гнѣва:—Я хочу это читать!—сказалъ онъ, обращаясь къ отцу, во взорахъ котораго онъ искалъ одобренія и находилъ его. Однако мать его изорвала газету, со свойственною ей вспыльчивостью, въ клочки и бросила въ угольный ящикъ.

— Ты развѣ не понимаешь, мальчуганъ, что тутъ написано дурное,—сказала она, удивленная и огорченная.—Этотъ разсказъ и грубъ, и глупъ! Открой глаза, Германли, и ты увидишь, что женщины вездѣ работаютъ своими руками, не разбирая, пріятна ли работа или нѣтъ. Этотъ писатель нарочно представляется такимъ глупымъ и старается увѣрить, будто есть только лѣнивыя женщины, а между тѣмъ всѣ фабрики вѣдь полны работающими женщинами. А въ семьяхъ...

Она не кончила своей фразы; равнодушное и злобное выраженіе лица мальчика смутило ее. Германъ положилъ свою руку на руку отца, и тѣсная, внутренняя связь между ними обоими внезапно бросилась ей въ глаза. Чувство, близкое къ ужасу, сжало ей сердце.

— Германъ!—вскрикнула она рѣзко, внѣ себя.— Пойди сюда! Сейчасъ!

Георгъ взглянулъ на нее, закинувъ назадъ голову. Онъ прислонился къ мальчику плечомъ, точно хотѣлъ заслонить, защитить его.

— Онъ, вѣдь, также и мой сынъ,—замѣтилъ онъ.—Или, быть можетъ, вы и въ этомъ можете обойтись безъ насъ, вы, теперешнія властелинши?—Его насмѣшливый шопотъ перешелъ въ смѣхъ.

Іозефина закрыла на мгновеніе глаза, словно ошеломленная ударомъ. Кровь съ силою прилила у нея къ головѣ и стучала въ виски. «Такъ, такъ нельзя!—мелькало у нея въ мысляхъ.—Это дурно. И здѣсь будутъ происходить споры и будутъ забываться и говорить такія вещи! О, какія вещи! Пфуй!» И неужели она должна переносить этотъ злорадный блескъ, появившійся въ тусклыхъ глазахъ Германа? Она принудила себя громко разсмѣяться, такъ что всѣ на нее оглянулись.

— О, Германли, что съ тобою?—воскликнула она.—Отецъ, вѣдь, шутитъ, а ты ничего не понимаешь! Поди сюда. Смотри, идетъ снѣгъ, первый снѣгъ! Это слишкомъ рано, не правда ли? А геранiи остались еще на воздухѣ! Снѣгъ ихъ погубитъ. Бѣги скорѣе, Германли, принеси-ка сюда цвѣты!

*

Она вышла съ дѣтьми изъ комнаты и безъ шляпы вышла въ маленькій садикъ. Мокрый снѣгъ охладилъ ея горячій лобъ. Пусть тамъ, безъ нея, продолжаютъ споръ. Бернштейнъ и Елена съумѣютъ ужъ поддержать ея мнѣніе.

Мальчуганъ долженъ былъ вынуть изъ земли растеніе, которое покрылось легкимъ бѣлымъ налетомъ. Рёсли принесла горшки и наполнила ихъ землей, а Іозефина посадила туда кустики. Геранiи были покрыты цвѣтомъ, розовымъ, ярко-краснымъ и пурпурнымъ; корни ихъ широко и глубоко распространились въ землѣ, такъ что мальчику пришлось повозиться съ ихъ выкапываніемъ. Онъ послушно, но съ угрюмымъ видомъ исполнялъ свою работу. Черезъ четверть часа Іозефина оставила дѣтей продолжать работу, а сама вернулась домой. Ей надо было еще позаняться; скоро долженъ былъ начаться пріемъ больныхъ, а она ко всему хотѣла относиться самымъ строгимъ научнымъ образомъ и поэтому всегда, послѣ консультаціи, тщательно изучала каждый отдѣльный случай. Это отнимало у нея столько времени и такъ поглощало ея мысли, что даже теперь, находясь съ дѣтьми въ саду, она стала думать о работѣ. Но то острое чувство, которое прогнало ее въ садъ, снова проснулось въ ея душѣ, когда она очутилась передъ своими книгами.

«Что могу я сдѣлать въ жизни, когда я даже не въ состояніи имѣть вліяніе на своего ребенка?» Она взглянула на себя мелькомъ въ зеркало, проходя мимо, и испугалась своего печальнаго, угрюмаго лица. «Слишкомъ мало любви!—подумала она.—Да, вотъ чего мнѣ недостаетъ. У меня недостаточно любви. Одного я люблю, одному я все отдала и для другихъ ничего у меня не осталось!»

Ее охватило отчаяніе.

«Ничего не осталось! Ничего. Мое сердце пустыня! Еслибъ я любила мальчугана, то и онъ любилъ бы меня, онъ бы прислушивался не къ его словамъ, а къ моимъ, и я бы его тогда не потеряла».

Дверь въ комнату Елены оставалась открытой. Матовый лучъ свѣта падалъ на снимокъ съ картины Рѣпина, освѣщая согнутую фигуру юноши въ красной, разорванной рубашкѣ. Іозефина вперила взоры въ эту картину съ тоскою, словно ища помощи у этихъ безпомощныхъ. Она жаждала тѣхъ горячихъ слезъ, которыя пролила, когда увидѣла въ первый разъ эту картину. Тогда она чувствовала! Тогда она жила! Теперь вокругъ нея была такая пустота!

«Никогда уже больше я не заплачу такъ,—подумала она.—Онъ все взялъ съ собой, даже мои послѣднія слезы!»

И она вся затрепетала при мысли, чѣмъ бы могла быть ея жизнь.

Рёсли заглянула въ комнату, вся розовая отъ свѣжаго воздуха.

— Мы все сдѣлали, мама, приди посмотри,—кричала она.—Пятнадцать горшковъ посадили. Ты должна посмотрѣть.

— Нѣтъ, нѣтъ, милушка моя, потомъ. Теперь я занята.

Дѣвочка прижалась къ матери; въ ея глазахъ свѣтилась просьба и упрекъ:

— Я хочу быть съ тобою, мама,—сказала она.

— Ты знаешь, у меня есть работа, дитя.

— Прошу тебя, мамочка!

— Видишь ли, Рёсли, больные люди придутъ, и я должна помогать имъ. Но болѣзни бываютъ разныя, а я еще очень неопытна. Такъ вотъ я и записываю все въ эту большую книгу, все, что говорятъ мои больные о своей болѣзни, а потомъ я должна разыскать въ своихъ книгахъ и дополнять то, что они мнѣ говорили, для того, чтобы получить полную картину ихъ болѣзни. Понимаешь, Рёсли?

Рёсли кивнула головой и вздохнула.

— Позволь мнѣ, мамочка, тутъ учить свой урокъ. Я буду сидѣть совсѣмъ смирно.

— Нѣтъ, моя Рёсли, это не годится. Когда ты возлѣ меня, мое маленькое сокровище, то я постоянно смотрю на тебя и забываю, что я хотѣла добавить, понимаешь? А тутъ и пріемъ начнется скоро.

Но ребенокъ все прижимался къ матери и ни за что не хотѣлъ ее отпустить:

— Ахъ, нѣтъ, мама, нѣтъ! Вѣдь ты же любишь меня, мама, гораздо больше, гораздо больше...

— Гораздо больше, чѣмъ кого?

Іозефина начала перелистывать книгу свободною лѣвою рукою, но дѣвочка набросилась на эту руку, точно дикій звѣрекъ, поцѣловала ее и ударила, и отодвинула книгу какъ можно дальше.

— Больше, чѣмъ весь остальной міръ!—вскричала она, отвѣчая на вопросъ матери, плаксивымъ и злымъ тономъ.

Мать вздрогнула и, стараясь улыбаться, поцѣловала мокрые глазки дѣвочки.

— Конечно,—сказала она,—но что-жъ изъ этого?

— Такъ зачѣмъ же ты постоянне заботишься о другихъ, мама?

— О комъ же это?

— О тѣхъ, кого ты не можешь такъ любить, какъ меня, мама! Сиди же лучше со мной.

Іозефина была смущена и съ минуту молчала, чувствуя, какъ сильно бьется сердце Рёсли.

— Но вѣдь и съ тѣми, кого любишь больше всего на свѣтѣ, не сидишь такъ цѣлый день, рука въ руку,—сказала она, наконецъ, смѣясь.

— О, нѣтъ!—возразила дѣвочка.—Тамъ, наверху, есть женихъ и невѣста, они постоянно сидятъ такимъ образомъ.

Дѣвочка сконфуженно покраснѣла. Около ея пухлаго ротика, съ маленькою, полною, пурпурно-красною нижнею губой появилось выраженіе ранней зрѣлости. Мать смотрѣла на нее пораженная.

— Женихъ и невѣста? — повторила она механически. Ее смущали

эти темные дѣтскіе глаза, казавшіеся такими глубокими.—Это глупые люди!—сказала она серьезно и отстранила отъ себя дѣвочку.

— О нѣтъ!—прошептала дѣвочка, качая головой и покраснѣвъ еще сильнѣе, она уставилась на носки своихъ ботинокъ.—Я также буду...

— Что ты будешь?

— Невѣстой!

Она такъ плутовски засмѣялась и была такъ прелестна, что Іозефина невольно прижала ее къ себѣ.

— О, моя глупенькая дѣвчоночка!—сказала она и ласково ущипнула нѣжное ушко Рёсли.—Мы увидимъ, чѣмъ ты будешь! Прежде всего ты должна быть сильной, хорошей дѣвушкой, мое сокровище, это главное. А теперь ступай, до свиданія.

Уже произнося послѣднія слова, Іозефина снова взялась за книгу, и не успѣла дѣвочка затворить за собою дверь, какъ уже ея образъ и личико исчезли изъ сознанія матери и она углубилась въ чтеніе медицинскаго журнала, все еще продолжая терзаться страхомъ, что ей помѣшаютъ. Когда снаружи голоса сдѣлались громче, то она встала и заперла дверь на задвижку. Однако, вернувшись къ столу, она не сразу принялась за работу. У нея вдругъ мелькнула мысль написать Георгу. Она взяла листокъ бумаги и написала на немъ своимъ крупнымъ, острымъ почеркомъ:

«Милый Георгъ! Не возбуждай противъ меня дѣтей!»

Свернувъ листокъ, она вложила его въ большой конвертъ, надписала на немъ полный адресъ: «Д-ру Георгу Гейеру» и, наклеивъ марку, отложила его въ сторону, точно мѣшокъ, въ который она уложила всѣ свои заботы, чтобы бросить ихъ на дно.

Она опять принялась за книги, но не надолго; пріемная уже наполнялась людьми. Іозефинѣ повезло съ ея паціентками, такъ какъ каждая изъ нихъ непремѣнно присылала къ ней другихъ. Работы было вдоволь.

На слѣдующій день съ почтою пришло письмо Іозефинѣ. Крѣпко стиснувъ губы, она распечатала письмо. По почерку она догадалась, отъ кого было письмо. Оно было такъ же кратко, какъ и та записка, которую она написала. Въ немъ заключались слѣдующія строки:

«Милая Зефина! На твою записку, написанную въ лапидарномъ стилѣ, у меня можетъ быть только одинъ отвѣтъ: твое желаніе для меня законъ.

«Съ глубокимъ почтеніемъ
«Георгъ Гейеръ, докторъ медицины,
«практическій врачъ въ отставкѣ».

Когда Іозефина прочла эти строки, то ей показалось, что она слышитъ около себя чей-то насмѣшливый смѣхъ. Она сожгла письмо, проклиная свою глупость за то, что сама его вызвала на такой отвѣтъ.

Она снова прибѣгла къ испытанному средству, къ работѣ, стараясь забыться, и дѣйствительно ей это удалось настолько, что она уже ни о чемъ другомъ не думала, кромѣ какъ о томъ, что требовало

ея вниманія, какъ врача. Въ этомъ состояніи она даже испытывала по временамъ злорадное чувство, думая о Георгѣ: «Вотъ онъ сидитъ тутъ и придумываетъ, чѣмъ бы разсердить меня, и хотѣлъ бы меня помучить, но все скользитъ по мнѣ, не затрагивая меня. Я стою твердо. Моя дневная работа создаетъ около меня точно стѣну, которая ограждаетъ меня».

Однако все же произошло нѣчто такое, что вывело ее изъ этого состоянія равновѣсія.

Лаура-Анаиза вечеромъ пошла за нею въ ея комнату, бросилась ей на шею и съ рыданіями въ голосѣ стала умолять ее, чтобы она ее отправила домой.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Что это ты выдумала?—вскричала Іозефина съ испугомъ.—Какъ мы можемъ обойтись безъ тебя? Неужели дѣти должны быть совсѣмъ оставлены?

— Отпусти меня, Іози, не дѣлай мнѣ разлуку еще тяжелѣе. Вѣдь все равно я не могу остаться,—плакала она.

— Но почему!

Лаура-Анаиза поникла головой.

— Ему нечего дѣлать и... и...—проговорила она.

— Кого ты подразумѣваешь, Лаура?—спросила Іозефина, блѣднѣя.

— Отпусти меня! —повторила дѣвушка, плача.—Ты слѣпа, но мнѣ стало противно...

Іозефина выпустила ее изъ своихъ объятій. — Я не знаю, что ты хочешь сказать,—возразила она холодно.—Но если ты хочешь уходить, Лаура-Анаиза, если тебѣ противно, то уходи.

Дѣвушка заплакала сильнѣе:—Я не затѣмъ пріѣхала сюда, Іозефина, спроси фрейлейнъ Лени и Бернштейна, они тебѣ уже все скажутъ...

— Итакъ,—перебила ее Іозефина,—когда же ты хочешь уѣхать?

— Ты еще сердишься за то, что я осмѣливаюсь говорить,—вскричала дѣвушка.—А вѣдь я все-таки права.

Іозефина молча смотрѣла на нее и думала: «Да! да! они всѣ уйдутъ! Одинъ за другимъ! Всѣ мои друзья, всѣ, кто мнѣ милъ...»

— Богу извѣстно!..—начала Лаура-Анаиза.

Іозефина отвернулась отъ нея, недовольная и грустная, и вздыхая, махнула рукой.—Уходи, если хочешь. Что я могу тебѣ предложить?

Молодая дѣвушка откинула черные, кудрявые волосы, спускавшіеся ей на глаза, и, всхлипывая, сказала:.—Ты неправа, Іози. Ты знаешь, какъ я тебя люблю...

Іозефина вдругъ повернулась къ ней снова и обняла ее.—Лаура, дитя мое! какъ я обрадовалась, когда ты пріѣхала ко мнѣ! Не уходи отъ меня! Останься, Лаура, останься со мной!

Лаура тихо плакала, положивъ голову на плечо Іозефины:—Ты все еще не можешь его выносить, Іози,—шепнула она своимъ грубымъ голосомъ,—видитъ Богъ и я не могу его выносить, но онъ надоѣдаетъ мнѣ, пристаетъ...

Іозефина снова оттолкнула ее.—Ты грезишь, дитя, сказала она. —

Но конечно если тебѣ могутъ грезиться такія отвратительныя вещи, то тебѣ лучше уйти. Это единственный исходъ.

Она хотѣла поцѣловать Лауру-Анаизу и та уже протянула губы, но Іози вдругъ встрепенулась и не поцѣловала ее, а только съ трудомъ проговорила пересохшими губами. — Я тебя очень, очень любила. Я тебѣ буду вѣкъ благодарна!—Слова эти она проговорила беззвучнымъ, холоднымъ тономъ.—Возьми самое необходимое, дитя,—прибавила она уже болѣе дружески,—и уѣзжай сегодня же къ своей матери, твои вещи я пришлю тебѣ. Я позабочусь найти тебѣ хорошее мѣсто. Да, да, тогда будетъ все въ порядкѣ, не правда ли?

Лаура-Анаиза не говорила больше ничего; она только кивала на все головой и плакала. У нея не было своей воли и она чувствовала, что чья-то сильная рука руководитъ теперь ея движеніями. Только одинъ разъ, когда она начала укладывать свои вещи съ помощью Іозефины, не отпускавшей ее теперь ни на шагъ отъ себя, она вдругъ начала громко рыдать и жаловаться, что ее отсылаютъ вонъ.

Іозефина грустно усмѣхнулась и сказала.—Не отсылаютъ, нѣтъ, а только ограждаютъ тебя! Говори такъ, какъ я. Больше я тебя ни очемъ не прошу.—Голосъ Іозефины принялъ теплый, задушевный оттѣнокъ, когда она нагнулась къ Лаурѣ-Анаизѣ и прибавила:—не говори ничего о... слышишь? И безъ того тяжело, Лаура. Будь мнѣ вѣрна, дитя; ты щадишь меня, если будешь... щадить его.

Лаура-Анаиза растерянно взглянула на Іозефину, ничего не понимая, но, склонивъ голову, обѣщала ей все. Она оставила домъ раньше, чѣмъ дѣти вернулись изъ школы. Рёсли была внѣ себя; всѣ же остальные отнеслись съ многозначительнымъ молчаніемъ къ извѣстію, что Лаура-Анаиза, настоятельно нуждаясь въ отдыхѣ, внезапно уѣхала къ своей матери. Георгъ насвистывалъ какую-то уличную пѣсенку.

Старое, узловатое грушевое дерево, растущее у самаго дома, скрипѣло и охало въ бурныя зимнія ночи, когда вѣтеръ рвалъ его обнаженныя вѣтви.

«Опять я жалѣю его!» думала со вздохомъ Іозефина, прислушиваясь къ шагамъ Георга, который, безъ отдыха, бѣгалъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ.

Однажды, въ одно воскресенье утромъ она вошла къ нему. Онъ сидѣлъ у окна, на низенькой скамеечкѣ, въ старомъ, подбитомъ мѣхомъ плащѣ, который онъ прежде бралъ съ собою во время поѣздокъ, притянувъ вверхъ колѣни и опершись головою на подоконникъ. Ротъ у него былъ полуоткрытъ, какъ будто онъ томился и хотѣлъ крикнуть.

«Такъ онъ сидѣлъ, вѣроятно, въ тюрьмѣ!» подумала Іозефина. входя, и сердце у нея сжалось.

— Ну, Георгъ,—спросила она его робко и какимъ-то непривычно мягкимъ тономъ.—Тебѣ не холодно? Что ты дѣлаешь теперь?

Его взоръ, лишенный всякаго выраженія, какъ-то скользнулъ по ней и затѣмъ перешелъ на стѣну.

— Превосходно, — пробормоталъ онъ сонным голосомъ. — Какъ всегда.

— Ты не вышелъ къ кофе,—замѣтила она, подходя къ нему ближе.

Онъ низко поклонился ей, не вставая.

— Благодарю. Mercі, madame, — сказалъ онъ. — Моя высокоуважаемая повелительница всегда полна снисхожденія. Я лежу тутъ точно разорванная тряпка, и жена приходитъ полюбоваться, открываетъ старый сундукъ и смотритъ туда: «Лежи тамъ, тряпка, лежи». И моль, вѣдь, нуждается въ пищѣ. Да, да, — при этихъ словахъ онъ встряхнулъ плащъ и изъ него полетѣли клочья шерсти и волосъ. — Мы годимся для моли, да, да!

Іозефина сѣла на стулъ. Эта комната, съ маленькою желѣзною печью, въ которой трещалъ уголь, съ разбросаннымъ въ безпорядкѣ платьемъ, съ покрытымъ пылью токарнымъ станкомъ и со своимъ глубоко опустившимся обитателемъ, который, какъ будто умиралъ здѣсь отъ недостатка воздуха, приникнувъ къ окошку, точно сѣрая моль,—все это внезапно показалось Іозефинѣ столь ужаснымъ, возмутительнымъ и неестественнымъ въ ея домѣ, между нею и дѣтьми, что она, словно желая прогнать кошмаръ, давившій ее, усиленно терла глаза и шопотомъ говорила:

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ здѣсь! Мы пойдемъ въ общество людей, слышишь ли? Пойдемъ сегодня же, Георгъ!

Онъ насмѣшливо засмѣялся и, положивъ руки на зашуршавшую бумагу, лежавшую на окнѣ, сдвинулъ чернильницу такъ, что она стукнулась о стекло и зазвенѣла.

— Ты пишешь?—сказала она, вскакивая.—Тутъ, на подоконникѣ? Вѣдь это же неудобно. Такъ нельзя, надо сейчасъ...

Ее охватила жалость, вмѣстѣ съ раскаяніемъ, и это чувство такъ сильно овладѣло ею, что она почти задыхалась; подъ вліяніемъ волненія, ея лицо казалось моложе и выраженіе его стало болѣе мягкимъ. Она вскочила, какъ будто стремясь все тотчасъ же измѣнить, исправить, но остановилась, не зная, съ чего начать.

— Развѣ ты не господинъ въ этомъ домѣ, Георгъ? Развѣ нѣтъ?— вскричала она умоляющимъ голосомъ и начала торопливо объяснять ему, почему ему пришлось такъ стѣсниться; она словно оправдывалась, извинялась передъ нимъ:—это внезапное возвращеніе, Георгъ, я ничего не могла приготовить, а потомъ все такъ и осталось, какъ было, я, вѣдь, завалена работой, а тутъ еще...

Она вдругъ остановилась. Имя, которое вертѣлось у нея на губахъ, она не должна была произносить.

— Итакъ, ты пишешь?—сказала она, подходя къ нему.—Мы принесемъ тебѣ столъ сюда, слышишь?

Но онъ смотрѣлъ въ сторону и какъ будто не замѣчалъ ее, занятый бумагами, часть которыхъ онъ припряталъ подъ плащъ. Потомъ-вдругъ, онъ искоса поглядѣлъ на нее, засмѣялся какимъ-то беззвуч,

нымъ смѣхомъ и пробормоталъ что-то насчетъ комедіи, которую она представляетъ здѣсь:

— Я господинъ? Какъ ты изумительно остроумна сегодня! Ахъ ты! ты!.. Да, когда-нибудь счеты будутъ сведены! — вдругъ крикнулъ онъ такъ, что она вздрогнула. — Придетъ, придетъ день разсчета! — слезы ярости выступили у него на глазахъ; онъ не могъ больше сдерживаться. — Dies iгае, dies illa, — воскликнулъ онъ съ паѳосомъ.—Вы, современныя женщины, поистинѣ, слишкомъ много берете на себя. Подожди, пусть раздастся страшный голосъ изъ глубины могилъ, а тогда, когда вся твоя безбожная надменность разсѣется, какъ дымъ отъ дыханія Предвѣчнаго... Жена! жена!.. что отвѣтишь ты?

Іозефина видѣла, какъ напряглись жилы у него на лбу и какъ сверкали у него глаза, полные гнѣвныхъ слезъ. Она понимала, что онъ долженъ былъ сильно страдать, и она хотѣла сдѣлать что-нибудь, чтобы облегчить его положеніе. Но она знала также, что именно ея присутствіе приводитъ его въ такое состояніе, и поэтому она невольно тяжело вздохнула и, грустно посмотрѣвъ на него, повернулась къ двери.

Онъ моментально вскочилъ и бросился къ ней:

— Только черезъ мой трупъ! — прохрипѣлъ онъ, оскаливъ зубы, точно бѣшеная собака. Онъ ничего не соображалъ и готовъ былъ на всякое насиліе. Но Іозефина не испугалась; она не думала о себѣ въ это мгновеніе.

— Оставь двери! — сказала она ему рѣшительнымъ тономъ. — Я принесу тебѣ лекарство, ты... очень... боленъ... Георгъ... — И отчетливо, съ удареніемъ, произнеся эти слова, пронизавшія его, точно кинжалъ, она положила свою сильную, гибкую руку къ нему на плечо, и, уступая давленію этой руки, онъ согнулся, точно подгнившая рѣшетка забора.

— Сжалься! сжалься! — захрипѣлъ онъ, падая на колѣни и судорожно хватая ее за платье, такъ что оно разорвалось.

— Зефина, жена! Моя жена передъ лицомъ всемогущаго Бога и по человѣческимъ законамъ! Моя жена — значитъ моя подчиненная, моя слуга, не сопротивляйся мнѣ!—стоналъ онъ, стоя на колѣняхъ.

Она освободилась изъ его рукъ и отстранила его, какъ отстраняютъ надоѣдливаго, пристающаго ребенка. Она сдѣлала это спокойно, не говоря ни слова, и на ея взволнованномъ лицѣ даже появилась легкая усмѣшка, потому что она чувствовала себя такою сильной.

Онъ свалился, и отъ этого движенія выпали изъ кармана его стараго, разорваннаго плаща бумаги и разсыпались по полу.

— Еслибъ я никогда, никогда не видѣлъ тебя! — продолжалъ онъ стонать.—Ты мое несчастье, мой позоръ! Такая жена должна сгубить каждаго мужа! Ахъ, ахъ, моя голова! Мое сердце! Возьми меня опять, слышишь ли ты? Отчего я все-таки жалѣю, не убиваю ее! Отдай мужчинѣ то, что ему должно принадлежать по праву, его жену и другихъ женщинъ! Не стоитъ объ этомъ говорить... Дьяволомъ изобрѣтено, дьяволомъ сдѣлано!.. Уу! Мое безсиліе...

Онъ началъ неистово колотить по полу рукой.

— Стой!—вдругъ крикнула Іозефина, увидавъ на полу исписанный листокъ бумаги. — Это что такое?

Она прочла заглавіе, давно хорошо ей извѣстное, такъ какъ въ газетѣ появилось уже четвертое продолженіе статьи объ ученыхъ женахъ и въ городѣ всѣ говорили объ этомъ. Другія газеты напечатали возраженіе и анонимный авторъ статей подвергся сильнымъ нападкамъ съ одной стороны, но зато его очень горячо защищали тѣ, кто раздѣлялъ его взгляды. Въ домѣ Іозефины также не разъ происходили шутливые дебаты по поводу этихъ сердечныхъ признаній одного изъ отверженныхъ, шутливый и фривольный тонъ котораго въ первыхъ статьяхъ, мало-по-малу измѣнился и звучалъ искреннимъ пафосомъ, тогда какъ удивительныя цитаты, которыя онъ приводилъ изъ разныхъ мало извѣстныхъ сочиненій, указывали эрудицію и умъ и подчасъ возбуждали подозрѣніе, что это хитрецъ, желающій только мистифицировать своихъ читателей, такъ что можно было ожидать, что послѣ того, какъ всѣ противники женской эмансипаціи очутятся на его сторонѣ, онъ сорветъ маску и покажетъ имъ себя. И что же? Іозефина держала теперь въ рукахъ рукопись статьи, а тотъ, кто валялся у нея въ ногахъ на полу и произносилъ разныя безсмысленныя слова,—выраженія, которыя встрѣчались и въ статьѣ,—этотъ человѣкъ, Георгъ, былъ авторомъ статьи! Она почувствовала точно уколъ въ сердце. Да, эта змѣя, которая, шипя, трусливо извивалась передъ ней, все-таки укусила ее!

Георгъ—авторъ! Она смотрѣла на длинный и широкій листъ бумаги, который держала въ рукахъ, исписанный и много разъ исправленный и перечеркнутый. Она видѣла вычурный почеркъ Георга, такъ хорошо ей знакомый. Да, все, что тутъ было написано, такъ подходило къ его искаженному лицу, смотрѣвшему на нее снизу вверхъ, со страхомъ, въ которомъ, однако, чувствовалось и торжество.

Она съ раздраженіемъ отбросила отъ себя листокъ. Ея терпѣніе и ея высокомѣрное хладнокровіе покинули ее. Тутъ заключался позоръ и этотъ позоръ коснулся ея. Она громко закричала:

— Ты? ты? Имѣешь ли ты основанія, именно ты? Что за человѣкъ, ахъ! Опасный! И такія вещи пишешь ты? ты? Такія вещи ты говоришь другимъ, грубымъ и глупымъ людямъ? О, я стыжусь, мнѣ стыдно за тебя!

Лицо ея точно пылало презрѣніемъ, глаза были широко раскрыты и ноздри раздувались.

— Такъ ты злоупотребляешь своимъ умомъ, о стыдъ!—вскричала она и выбѣжала изъ комнаты, не оглядываясь больше на него. А онъ, затаивъ дыханіе и трепеща подъ ударами ея презрѣнія, чувствовалъ въ то же время злобную радость, лежа въ своемъ углу и завернувшись въ свой изъѣденный молью плащъ. Его душа была ослѣплена ненавистью.

Это неожиданное открытіе ввергло Іозефину въ угнетенное состояніе, и, чтобы отдѣлаться отъ мучительныхъ мыслей объ этомъ, она искала спасенія въ своей профессіи, и какъ прежде она прибѣгала къ ученію, чтобы заглушить свои мысли, такъ теперь она бѣжала къ больнымъ. Медицинская дѣятельность, требующая такого напряженія нервовъ, самоотверженія и такъ часто остающаяся безплодной, была для нея истиннымъ благословеніемъ и только въ кругу своихъ больныхъ она становилась сама собой, только тутъ она успокаивалась.

Она не смѣла обратиться къ Еленѣ и подѣлиться съ ней своимъ огорченіемъ; она боялась ея разсудительности и ея приговора. Она стыдилась ея и стыдилась Бернштейна. Въ такія минуты она чувствовала, что онъ принадлежитъ другому народу. Она заранѣе угадывала, что онъ засмѣется и скажетъ: «Видите, что эти нѣмцы дѣлаютъ! (Онъ никогда не дѣлалъ различія между нѣмцами и швейцарцами). Мы въ Россіи никогда не позволяемъ себѣ ничего подобнаго ни за что въ мірѣ». Какъ ни были человѣчны и справедливы взгляды Бернштейна во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, онъ все-таки никакъ не могъ отдѣлаться отъ своихъ предразсудковъ. Но даже, когда въ своей тоскѣ она думала о Хованессіанѣ, то и тогда ощущала стыдъ. Еслибъ онъ былъ тутъ, она бы не могла раскрыть ему свои раны, это она чувствовала, это были ея собственныя раны, такъ какъ чтобы ни сдѣлалъ несчастный Георгъ, она не могла все-таки отдѣлить его поступки отъ своихъ. Ей казалось, что тотъ человѣкъ, которому она поклонялась и котораго ставила такъ высоко, долженъ и ее также презирать за эти постыдныя, грязныя выходки ея мужа противъ женщинъ. Этотъ самый Георгъ, котораго она нѣкогда избрала, котораго она нѣкогда любила, теперь, какъ ей казалось, свидѣтельствовалъ противъ нея же, значитъ она сама была такъ слаба и ничтожна, такъ мало имѣла вліянія, такъ мало съумѣла внушить къ себѣ уваженія и такъ мало посѣяла и пожала любви!

И въ такія минуты она съ жадностью прислушивалась къ благодарности своихъ больныхъ, которымъ ей удавалось помочь, радовалась всякой дружеской улыбкѣ своей паціентки и крѣпко пожимала протягиваемыя ей руки.

«Георгъ никогда не зналъ меня и никогда меня не узнаетъ,— думала она.—Германъ боится меня и ускользаетъ отъ меня; моя Рёсли также не понимаетъ меня, но больные, которыхъ я лечу, тѣ знаютъ меня хорошо». И ей казалось въ такія минуты, что всѣ эти чужія ей женщины и дѣвушки, приходящія къ ней въ ея пріемные часы, тотчасъ же чувствуютъ къ ней довѣріе и не скрываютъ отъ нея ни своего страха, ни своихъ заблужденій, ни своихъ слезъ, ни своихъ надеждъ, такъ что тутъ, среди страдающихъ, она встрѣчаетъ полное пониманіе; тутъ знаютъ, что она готова собою жертвовать и что любовь къ людямъ составляетъ главный элементъ ея жизни. Притомъ все чаще и чаще повторяются такія минуты, когда она проникается

сознаніемъ, что совершила нѣчто хорошее, полезное, что до сихъ поръ еще не было сдѣлано никѣмъ. Эти женщины и дѣвушки, которыя съ гораздо большею охотою и довѣріемъ обращаются за помощью и совѣтомъ къ ней, нежели къ мужчинамъ-врачамъ, легче и свободнѣе говорятъ съ нею о своихъ страданіяхъ и обо всемъ, что тяготитъ ихъ, такъ что она часто имѣетъ возможность такимъ образомъ захватить болѣзнь въ самомъ началѣ и при помощи иной разъ самыхъ легкихъ средствъ и своевременнаго вмѣшательства предупредить ея дальнѣйшее развитіе. Развѣ же этимъ женщинамъ и дѣвушкамъ, которыхъ естественное чувство стыда удерживало отъ обращенія къ врачу, она не принесла огромной пользы, и даже, можетъ быть, не имъ однѣмъ, а также и ихъ дѣтямъ! «Можетъ быть, думала она, тутъ останется, хотя и слабый, но все-таки неизгладимый слѣдъ моей жизни, моего вліянія, и я исчезну не совсѣмъ, когда наступитъ моя пора...» И съ жаромъ, почти до полнаго изнеможенія, отдавалась она своей медицинской профессіи, въ которой она нашла новую жизнь, развившуюся на обломкахъ ея личнаго счастья и теперь своимъ расцвѣтомъ покрывавшую то, что превратилось въ пыль и въ груду мусора.

Но все же, по временамъ, она чувствовала душевныя терзанія, душевную муку, которая не можетъ затихнуть совершенно. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не позоръ, что именно подъ ея кровлей пишутся такіе пасквили на женщинъ и разсылаются по всему свѣту? Можетъ ли она терпѣть это? Можетъ ли она, направляющая всю свою дѣятельность на то. чтобы поднять другихъ женщинъ, помочь имъ стать на ноги, равнодушно смотрѣть, какъ мутный потокъ, вырывающійся откуда-то изъ-подъ земли, готовъ все загрязнить и уничтожить всѣ тѣ крѣпкіе ростки, которые разрушили подточенныя временемъ стѣны и, пробиваясь наружу, зацвѣли пышными, яркими цвѣтами, жадно тянущимися къ свѣту. Что дѣлать?

Іозефина пишетъ Георгу: «Прошу тебя настоятельно, прекрати эти унизительныя для тебя и оскорбительныя для меня статьи».

Написавъ это, она разрываетъ записку. Почему? А потому, что она видитъ передъ собою насмѣшливое лицо Георга и знаетъ, что онъ обѣщаетъ ей, но своего обѣщанія не сдержитъ. Она увѣрена даже, что онъ поступитъ какъ разъ наоборотъ.

Она пишетъ въ редакцію газеты, печатающей статьи Георга: «Милостивый государь! Продолженіе статей не можетъ быть напечатано. Авторъ психически ненормальный человѣкъ; онъ самъ сожалѣетъ о томъ, что его статьи были напечатаны».

Прочитавъ то, что она написала, она опять разрываетъ письмо. Почему? Ахъ, она не можетъ рѣшиться окончательно раздавить несчастнаго, пресмыкающагося у ея ногъ и достаточно униженнаго человѣка! Быть психически ненормальнымъ вѣдь это обидно для человѣка. Можно считаться дурнымъ, циничнымъ, фривольнымъ, эгоистомъ, но отнюдь не психически ненормальнымъ. Тотъ же, кто счи-

тается психически ненормальнымъ субъектомъ,—умеръ для общества! Должна ли она нанести ему этотъ смертельный ударъ?

Она опять пишетъ Георгу: «Я запрещаю тебѣ писать продолженіе статьи...»

Пишетъ и разрываетъ записку. Нѣтъ она не можетъ быть тюремщикомъ, цензоромъ! Она слишкомъ ненавидитъ это. И притомъ онъ такой жалкій!

Но тѣмъ не менѣе можно ли предоставлять расти и развиваться такимъ опаснымъ плевеламъ, допускать распространеніе такихъ вредныхъ предразсудковъ, которые и безъ того такъ трудно искоренить? Развѣ это послѣдовательно? Развѣ можно молчать изъ-за какихъ бы то ни было соображеній? Она съ любовью старается взростить каждое доброе сѣмя и въ то же время ничего не дѣлаетъ, чтобы удержать руку, которая сѣетъ зло и распространяетъ ядъ, губящій молодые ростки. Она подумала о Германѣ, о его необузданномъ злорадствѣ, которое вызывали въ немъ всѣ эти поношенія женщинъ, стремящихся къ самостоятельности, и это укрѣпило ея рѣшеніе.

«Такъ нельзя! Нельзя допускать, чтобы кто-нибудь училъ дѣтей презирать свою мать! Я должна быть сурова ради другихъ женъ и матерей», думала она.

И вдругъ пережитая сцена воскресла передъ ея глазами. Она увидѣла разбросанные по полу листки, покрытые почеркомъ Георга, перечеркнутые и исправленные, и ей стало жалко и горько за несчастнаго. Вѣдь это была его работа, его мысли, его гордость, его честолюбіе, быть можетъ единственное, что еще сохранилось въ душѣ этого узника, сидящаго въ своей, похожей на тюремную камеру комнаткѣ, съ токарнымъ станкомъ въ углу и запыленнымъ окошкомъ, — единственное, что оставалось ему въ эти тяжелые мѣсяцы полнѣйшаго одиночества и за что онъ ухватился, какъ искалѣченный нравственно человѣкъ. Это было естественнымъ слѣдствіемъ закона природы, какимъ бываетъ развитіе яда въ змѣиномъ зубѣ или ядовитыхъ соковъ въ какомъ-нибудь растеніи, что въ его душѣ выросли эти отвратительные плевелы. «Горе, если нѣтъ моста, связующаго души, если все кругомъ только мракъ, ненависть и гибель!—думала Іозефина.—Еслибъ мы любили другъ друга, то нашелся бы мостикъ между нами. Но мы далеки другъ отъ друга, мы раздѣлены вѣчною пропастью. У меня слишкомъ мало любви!..»

И эта сильная женщина, самостоятельная и свободно мыслящая обо всемъ, не ожидающая спасенія и поддержки ни отъ какого Бога, заламывала руки и съ мольбою шептала: «О ты, кто создалъ любовь, дай мнѣ возможность любить, научи любить то, что я не люблю, что я презираю, ненавижу и побѣдить зло добромъ!»

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ВОЕННЫЙ ФЛОТЪ, КАКЪ ОТРАСЛЬ СОВРЕМЕННОЙ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Эпоха сорокалѣтняго мира, продолжавшаяся съ 1815 по 1853 г. и подававшая нѣкоторымъ друзьямъ человѣчества надежду на полное искорененіе войнъ растущею культурою XIX в., смѣнилась пятидесятилѣтнимъ періодомъ кровавыхъ столкновеній и непрерывныхъ подготовленій къ нимъ. Долго ли этотъ періодъ продлится и скоро ли измѣненіе общественныхъ условій, дѣйствительно, сдѣлаетъ невозможнымъ рѣшеніе политическихъ разногласій посредствомъ силы, сказать не легко. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на вопросѣ о томъ, какіе иные способы рѣшенія такихъ разногласій постепенно вырабатываются общественной эволюціей. Сейчасъ насъ интересуетъ другая сторона дѣла, а именно та, что въ самомъ милитаризмѣ, какъ онъ складывается въ настоящее время, заключаются элементы, обѣщающіе, если не полное его самоуничтоженіе, то хотя нѣкоторое «паліативное» смягченіе его крайностей. Въ этомъ отношеніи довольно широко распространено мнѣніе, что все болѣе невыносимая для народовъ тяжесть военныхъ бюджетовъ вызоветъ соглашеніе державъ съ цѣлью какой либо ихъ нормировки и уменьшенія вооруженій. Указывается также на то, что тѣ ужасные снаряды, которые вырабатываются современной техникой, сдѣлаютъ, быть можетъ, уже въ близкомъ будущемъ немыслимымъ веденіе войны, такъ какъ возможность однимъ нажатіемъ кнопки уничтожить нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ естественно поведетъ къ подобнымъ же соглашеніямъ для избѣжанія столь страшныхъ гекатомбъ. Такія мнѣнія могутъ вовсякомъ случаѣ быть приняты лишь съ большими оговорками. Но большое значеніе имѣетъ кромѣ нихъ еще и тотъ не подлежащій сомнѣнію фактъ, что военное могущество страны все больше и больше въ настоящее время становится въ зависимость отъ общаго ея экономическаго и культурнаго уровня, что современное государство можетъ обладать внѣшнею силою лишь въ томъ случаѣ, если оно стоитъ на высокой ступени цивилизаціи.

Иначе обстояло дѣло прежде. Вглядываясь въ давнопрошедшіе періоды, можно замѣтить, что земледѣльческіе народы съ точки зрѣнія

своей пригодности къ войнѣ и своего военнаго могущества находились въ неблагопріятномъ положеніи сравнительно съ ихъ кочевыми сосѣдями, стоявшими на болѣе низкой степени культуры. Много древнихъ цивилизацій исчезло подъ натискомъ дикихъ ордъ, подобно побережьямъ, поглощеннымъ размывающими ихъ морскими волнами. Другіе центры культуры уцѣлѣли лишь потому, что, подчинившись побѣдителямъ-варварамъ, они ассимилировали ихъ себѣ, одержали надъ ними въ концѣ концовъ безкровную побѣду.

Въ средніе вѣка съ ихъ безконечными крупными и мелкими феодальными войнами, военное могущество въ буквальномъ смыслѣ слова обусловливалось одною силою кулака. Разлитый во всей жизни атомизмъ сказывался и въ вооруженныхъ столкновеніяхъ, сводящихся къ ряду простыхъ рыцарскихъ поединковъ. Умѣніе управлять лошадью и обращаться съ оружіемъ, вотъ все, что требовалось въ то время отъ воина; наукъ полководцевъ—тактики и стратегіи — не существовало, и соотвѣтственно тому феодализмъ не выдвинулъ ни одного крупнаго военнаго имени, оставившаго свой слѣдъ въ исторіи. Великіе полководцы среднихъ вѣковъ — Тамерланъ, Тимуръ, Янъ Жижка — не принадлежали къ феодальному міру. Съ концомъ среднихъ вѣковъ, наступленіемъ новой—капиталистической—эры и съ образованіемъ современныхъ государствъ, ихъ военное могущество постепенно все болѣе и болѣе становится въ зависимость отъ ряда факторовъ, которые можно назвать «культурными». Въ настоящее время при столкновеніяхъ двухъ державъ сражаются не только ихъ солдаты, но и ихъ средства сообщенія, всѣ ихъ техническіе рессурсы, всѣ богатства, которыя они въ себѣ накопили. Для успѣшной войны нужна хорошо устроенная сѣть желѣзныхъ дорогъ или большой торговый флотъ, нужна промышленность, могущая быстро изготовлять огромныя массы разнообразнѣйшихъ предметовъ, необходимыхъ для военныхъ надобностей; нужны какъ для самого веденія войны, такъ и для подготовки къ ней огромныя денежныя средства или кредитъ, доступный лишь промышленной странѣ; наконецъ, нужна создаваемая опять-таки лишь высоко стоящею промышленностью и торговлею многочисленная интеллигенція, безъ которой не могутъ ни быть правильно разрѣшены различные технические вопросы, связанные съ военнымъ дѣломъ, ни быть получаемы массы офицеровъ запаса, необходимыя при современныхъ столкновеніяхъ «вооруженныхъ народовъ» *).

---

*) Въ настоящее время однимъ изъ сильнѣйшихъ затрудненій, съ которыми приходится считаться Японіи, является именно недостатокъ въ офицерахъ запаса, зависящій, конечно, отъ недостаточнаго еще развитія въ ней среднихъ интеллигентныхъ классовъ. Передъ войною 1877 г. у насъ некомплектъ офицеровъ по штатамъ военнаго времени предвидѣлся въ размѣрѣ 6.000 человѣкъ („Описаніе русско-турецкой войны". Издан. военно исторической коммиссіи главнаго штаба). Теперь со введеніемъ всеобщей воинской повин-

Въ настоящее время какое-нибудь нашествіе монголовъ является уже немыслимымъ. Та желтая опасность, въ видѣ потока вооруженныхъ милліоновъ китайцевъ, которые, какъ полагаютъ нѣкоторые вскорѣ могутъ нахлынуть на Европу, осуществится развѣ лишь тогда, когда Китай обзаведется всѣми вышеуказанными благами цивилизаціи, когда онъ сдѣлается культурно равноправнымъ Европѣ. До тѣхъ поръ число его солдатъ не только не будетъ ему полезно, но напротивъ, вредно. Нынѣшній милитаризмъ не только созданъ европейскимъ крупнымъ капиталистическимъ строемъ, онъ носитъ на всѣхъ деталяхъ своихъ отпечатокъ этого строя. Смѣло можно назвать его одною изъ отраслей крупнаго капиталистическаго производства, подчиняющеюся въ своей технической эволюціи законамъ, аналогичнымъ тѣмъ, которые дѣйствуютъ и по отношеніи ко всѣмъ другимъ его отраслямъ. Въ милитаризмѣ виденъ тотъ же увеличивающійся перевѣсъ постояннаго капитала надъ перемѣннымъ, та же безумная безостановочная конкуренція между отдѣльными предпринимателями (т.-е. государствами), то же растущее подчиненіе человѣка машинѣ, замѣна ручного труда машиною, и старой машины новою, болѣе производительною (по части истребленія людей). Побѣда въ этой конкуренціи должна въ концѣ концовъ остаться за наиболѣе сильными экономически державами, за тѣми изъ нихъ, которыя способны выдерживать конкуренцію и на общемъ міровомъ промышленномъ рынкѣ. Хорошимъ примѣромъ въ данномъ случаѣ являются Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты; недавно вступивъ на путь милитаризма и далеко не успѣвъ въ немъ сравняться еще съ Европою, они уже представляются могущественною военною державою, съ которою едва ли охотно вступило бы въ борьбу любое другое государство. Военное значеніе ихъ неисчерпаемыхъ матеріальныхъ рессурсовъ, дѣйствительно, слишкомъ ясно. Еще сорокъ лѣтъ тому назадъ Соединенные Штаты доказали свое всемогущество. Тогда стояли лицомъ къ лицу земледѣльчески-феодальный югъ съ своимъ храбрымъ, хорошо предводимымъ ополченіемъ, но съ крайне ограниченными матеріальными (промышленными и денежными) средствами, и сѣверъ, имѣвшій за собою одного главнаго союзника — крупный капиталъ. Сѣверные капиталы и раздавили южанъ послѣ ожесточенной борьбы; они одни, не останавливаясь передъ затратами, создали изъ ничего двухмилліонную армію, и фраза вождя сѣверянъ Гранта «я не считаю своихъ потерь» типична именно какъ лозунгъ современнаго крупнаго капитала, разставшагося съ мелкобуржуазною осторожностью и смѣло бросающаго милліонъ за милліономъ для достиженія намѣченной имъ цѣли.

ности и общимъ экономическимъ ростомъ Россіи, дѣло, конечно, измѣнилось къ лучшему; въ случаѣ большой европейской войны, однако, и общей мобилизаціи, несомнѣнно слѣдуетъ еще ожидать недостатка въ офицерахъ.

При современныхъ условіяхъ ростъ военнаго могущества страны идетъ, такимъ образомъ, параллельно ея промышленному развитію. Въ этомъ уже кроется возможность сокращенія въ будущемъ военныхъ расходовъ, даже при настоящемъ далеко не благопріятствующемъ мирнымъ отношеніямъ государственномъ строѣ главныхъ державъ. Каждая лишняя фабрика больше увеличиваетъ военную силу, чѣмъ лишній десятокъ солдатъ въ строю. Съ каждымъ годомъ поэтому для экономически слабѣйшей державы должно становиться все труднѣе вырвать открытою силою колонію или рынокъ у болѣе богатаго противника. При такихъ обстоятельствахъ примѣненіе силы въ международной экономической борьбѣ можетъ вскорѣ оказаться просто-напросто излишнимъ. Напримѣръ, война между Англіею и Соединенными Штатами, разсуждая теоретически, не имѣетъ смысла уже потому, что должна дать побѣду именно той изъ этихъ странъ, которой и безъ того суждено одержать верхъ въ спорныхъ вопросахъ экономической конкуренціи. На практикѣ, конечно, дѣло далеко не такъ ясно, да и указанное полное соотвѣтствіе экономической и военной силы существуетъ пока лишь, какъ своего рода математическій предѣлъ, къ которому дѣйствительность еще только приближается. Другой выводъ, который вытекаетъ изъ означеннаго соотвѣтствія, тотъ, что чѣмъ выше въ промышленномъ отношеніи стоитъ страна, тѣмъ больше она, безъ ущерба для своей военной силы, можетъ сократить свои военные расходы. И въ самомъ дѣлѣ, такой странѣ не трудно импровизировать многое такое, что въ менѣе промышленномъ государствѣ должно быть заготовлено впередъ; въ послѣднемъ необходима, напримѣръ, организація ряда казенныхъ заводовъ, для производства различныхъ военныхъ заготовленій, въ первой то же дѣло (до постройки военныхъ судовъ и выдѣлки оружія включительно) можетъ быть передано частной промышленности.

Современный милитаризмъ всѣми, конечно, признается за отрицательное, но неизбѣжное при современномъ строѣ явленіе. Съ общественной точки зрѣнія онъ какъ разъ неблагопріятнѣе всего отразился до сихъ поръ на наиболѣе культурныхъ странахъ. Выдвинутый конкуренціей болѣе отсталыхъ государствъ, онъ вызвалъ въ этихъ странахъ сильныя реакціонныя теченія, не только повлекъ въ нихъ за собою экономическій ущербъ для народныхъ массъ, но и вредно отразился на внутренней политикѣ, усиливъ націоналистическія и крупнокапиталистическія партіи, въ ущербъ демократическихъ. Что касается странъ, страдающихъ недостаточнымъ развитіемъ капитала, то въ нихъ милитаризмъ, сохраняя всѣ свои вредныя стороны, является, какъ и должно вытекать изъ сказаннаго выше, факторомъ, толкающимъ ихъ на путь промышленнаго развитія; такую роль сыгралъ онъ у насъ послѣ Крымской войны. Изъ того, что военное могущество каждой страны находится въ тѣснѣйшей связи съ положеніемъ, занимаемымъ въ ней

крупнымъ капиталомъ, обусловливается имъ и съ нимъ вмѣстѣ усиливается, вытекаетъ и очевидный выводъ, что наиболѣе могущественными во внѣшней міровой политикѣ должны оказаться тѣ государства которымъ удастся наиболѣе развить всѣ внутреннія свои экономическія силы, дать наибольшій просторъ массѣ латентной энергіи, таящейся въ каждой странѣ. Полное затопленіе высшей культуры низшею (новое монгольское или другое нашествіе) является при теперешнихъ условіяхъ военнаго дѣла, какъ сказано, немыслимымъ, и въ концѣ концовъ тѣ страны, которыя «преодолѣютъ» прежде другихъ капитализмъ, должны получить отъ него въ наслѣдство не только его громадные техническіе рессурсы, но и возможность сказать рѣшительное слово во внѣшней міровой политикѣ.

Означенныя соображенія придаютъ извѣстный общій интересъ вопросамъ военной техники, и мы попытаемся въ нижеслѣдующемъ очеркѣ охарактеризовать вкратцѣ развитіе современнаго военно-морского дѣла. Послѣднее несравненно типичнѣе военно-сухопутнаго въ интересующемъ насъ отношеніи. Прибѣгая къ приведенной уже выше аналогіи, можно сказать, что сухопутная война по организаціи своей является производствомъ болѣе отсталымъ; она недавно лишь вышла изъ стадіи мануфактуры, хотя, со введеніемъ скорострѣльной артиллеріи и пулеметовъ и предстоящимъ вскорѣ примѣненіемъ къ ружьямъ принципа автоматическаго заряжанія, также обѣщаетъ быстро вступить въ ту стадію, когда человѣкъ превращается въ слугу машины. Морское дѣло, напротивъ, является одною изъ формъ высокоразвитаго машиннаго производства. Современный броненосецъ вполнѣ подобенъ крупному механическому заводу. Матросы на немъ тѣ же рабочіе, офицеры соотвѣтствуютъ техникамъ (этотъ принципъ полностью проведенъ уже въ практику въ Соединенныхъ Штатахъ). Можно сказать, что такому судну не чуждо ничто капиталистическое.

II.

Машинное производство получило примѣненіе къ военно-морскому дѣлу сравнительно недавно, приблизительно лишь лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что великія морскія войны XVII и XVIII вѣковъ почти не отразились на техникѣ флотскаго дѣла. Развитіе послѣдняго шло въ то время сообразно всему современному ему мануфактурному производству. Усовершенствованія въ техникѣ не играли тогда еще крупной роли, машина не начала господствовать надъ рабочимъ, и послѣдній проходилъ лишь школу дрессировки въ смыслѣ выработки индивидуальной ловкости обращенія съ несложными инструментами его труда и умѣнія стройно, не нарушая гармоніи, участвовать въ одновременной работѣ сотенъ лицъ.

Гораздо любопытнѣе отмѣтить, что и вся первая половина XIX в.

*

крайне бѣдна для военныхъ флотовъ улучшеніями и усовершенствованіями. Между тѣмъ, этотъ періодъ характеризуется рядомъ крупныхъ изобрѣтеній въ техникѣ, положившихъ основаніе всему современному машинному производству. И въ морскомъ дѣлѣ эти изобрѣтенія получали, конечно, примѣненіе, но происходило это вяло и медленно. Крупнѣйшія перемѣны техники мало отражались за это время на всемъ характерѣ организаціи флота. Даже такой необычайной важности факторъ, какъ примѣненіе къ движенію судовъ паровыхъ машинъ, не вызвалъ сперва какихъ-либо особенныхъ послѣдствій, и винтовой англо-французскій флотъ въ 1853 г. немногимъ отличался въ сущности отъ эскадръ XVIII в. Объяснить такое явленіе можно только, обращаясь къ общимъ историческимъ событіямъ XIX вѣка. Эпоха 1815—1848 г. была эрою внѣшняго миролюбія. Въ экономической и политической жизни европейскихъ государствъ медленно накоплялся тотъ матеріалъ, который долженъ былъ повести во вторую половину вѣка къ коренному ихъ перестроенію. Правительства все свое вниманіе направляли къ подавленію у себя внутри всякихъ новыхъ теченій, проявляя въ то же время во внѣшней политикѣ самыя миролюбивыя чувства, изъ опасенія, конечно, чтобы неудачами въ ней не поколебать окончательно своего, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе шаткаго положенія. Англія составляла единственное исключеніе въ этомъ отношеніи. Если оставить въ сторонѣ побѣжденную, обезсиленную и отданную прежнимъ властителямъ Францію, то Англія въ XVIII и началѣ XIX вѣка одна вела не династическія, а національныя войны, т.-е. войны, полезныя и нужныя для господствующихъ въ ней классовъ. Она одна поэтому и пожала отъ нихъ плоды и во всю первую половину XIX вѣка безпрепятственно раскинула во всѣ стороны щупальцы своего промышленнаго организма. Но именно это никѣмъ не оспариваемое господство должно было настраивать ее миролюбиво. Во внутренней ея политикѣ за это время, дѣйствительно, господствуетъ манчестерство, теорія осуществляющая на землѣ мирный буржуазный рай и благоденствіе. Та же теорія во внѣшней экономической политикѣ находила себѣ выраженіе въ фритредерствѣ, т.-е. въ признаніи такой же гармоніи народовъ въ общемъ міровомъ хозяйственномъ организмѣ, какъ и отдѣльныхъ классовъ въ организмѣ государственномъ. Соотвѣтственно этому, за этотъ періодъ почти не происходитъ у Англіи захвата новыхъ колоній—она довольствуется простымъ экономическимъ преобладаніемъ въ заокеанскихъ территоріяхъ.

Указанное обстоятельство и повело къ «застою» въ дѣлахъ военныхъ вообще, флота въ частности. Этотъ застой интересно констатировать, чтобы подтвердить имъ ту извѣстную, впрочемъ, истину, что изобрѣтенія и усовершенствованія не являются основными факторами техническаго прогресса. Они сами находятся въ полной зависимости

отъ условій жизни. Гдѣ жизнь не требуетъ техническихъ усовершенствованій, тамъ самыя геніальныя и блестящія открытія проходятъ безслѣдно, игнорируются или быстро забываются. Напротивъ, какъ только возникаетъ реальная, основанная на всемъ предыдущемъ ходѣ вещей нужда въ практическомъ ли изобрѣтеніи, или въ философской теоріи, немедленно къ услугамъ жизни оказывается цѣлый штатъ ученыхъ и мыслителей, наперерывъ предлагающихъ ей свои услуги. Наука, однимъ словомъ, послушный слуга жизни, автоматически исполняющій всѣ ея требованія, независимо отъ того, нравственны ли они или нѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ картина морского дѣла тотчасъ измѣнилась, какъ только міровая исторія вступила въ новый періодъ. Посѣянныя великою французской революціей сѣмена дали, наконецъ, жатву. 1848 годъ встряхнулъ старую Европу и двинулъ ее въ сторону свѣтлаго, но пока скрытаго въ кровавомъ туманѣ будущаго. Эра застоя смѣнилась эрою борьбы. Сначала наступило двадцатилѣтіе войнъ (1853—1871), посвященное созданію прочныхъ экономическихъ единицъ—современныхъ государствъ. Въ этомъ переустройствѣ всей физіономіи Европы (и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки) главную роль сыграли арміи сухопутныя, но общая военная атмосфера, охватившая Европу, не могла не коснуться и морского военнаго дѣла. Съ семидесятыхъ же годовъ оно начинаетъ все больше и больше выступать на первый планъ, и въ послѣдніе пять лѣтъ своимъ относительнымъ ростомъ далеко оставило за собою сухопутныя вооруженія. Такое увеличеніе морской силы стоитъ въ зависимости отъ интересовъ современнаго крупнаго капитала. Разграничивъ себѣ въ войнахъ 1853—1871 гг. сферы вліянія въ цивилизованныхъ странахъ, онъ началъ послѣ того простирать свои вожделѣнія на «некультурныя» государства. Послѣдняя четверть XIX вѣка ознаменована захватомъ со стороны державъ всего того, что только возможно внѣ Европы, и онѣ въ концѣ концовъ начали враждебно встрѣчаться лицомъ къ лицу чуть ли не во всѣхъ странахъ свѣта.

Моментомъ вступленія военныхъ флотовъ на путь техническихъ усовершенствованій можно считать 18-е ноября 1853 г., когда при Синопѣ впервые было доказано убійственное дѣйствіе гранатнаго огня на деревянныя суда. Старый флотъ до этого времени состоялъ изъ судовъ, ничѣмъ не защищенныхъ. Главными типами въ немъ были линейные корабли и фрегаты. Линейный корабль являлся тяжеловѣснымъ судномъ, вооруженнымъ до 120 и даже болѣе орудіями. Послѣднія, кромѣ палубы, были расположены внутри судна вдоль бортовъ, въ два или три этажа (двухъ или трехдечные корабли). Предназначался линейный корабль для эскадреннаго боя, т. е. соотвѣтствовалъ по своимъ задачамъ современному броненосцу. Фрегатъ исполнялъ обязанности нынѣшнихъ крейсеровъ. Онъ являлся судномъ болѣе легкимъ, подвижнымъ, быстроходнымъ и несъ раза въ три меньшее число

орудій, расположенныхъ лишь въ одинъ этажъ. Артиллерія была единственнымъ наступательнымъ средствомъ. Она стрѣляла массивными сплошными ядрами, направляя свой огонь либо на мачты и паруса противника, дабы лишить его способности движенія, либо на корпуса его судовъ, чтобы сдѣлать въ нихъ пробоины и затопить ихъ. На близкомъ разстояніи сметали съ палубы экипажъ картечью; особенно ужасно было дѣйствіе огня на личный составъ, когда судну удавалось пройти близко за кормою противника, поперекъ его ходу, причемъ каждое орудіе послѣдовательно по мѣрѣ прохода дѣлало по продольному выстрѣлу; подъ Трафальгаромъ, напримѣръ, франко-испанскія суда «Santa-Ana», «Bucentaure» и «Redoutable», каждое отъ одного подобнаго залпа англичанъ лишилось сразу отъ 200 до 400 человѣкъ. При еще большемъ сближеніи судовъ происходили попытки взять врага на абордажъ. Въ общемъ, старое деревянное судно обладало огромною живучестью. Уничтожить его было дѣломъ нелегкимъ. Всего страшнѣе для него были пожары, въ особенности при примѣненіи раскаленныхъ ядеръ. Сами пробоины сравнительно быстро и легко могли задѣлываться, и только при большомъ числѣ ихъ помпы оказывались не въ состояніи выкачать воду, и судно тонуло. Агонія смертельно раненаго корабля продолжалась въ огромномъ большинствѣ случаевъ долго—не менѣе нѣсколькихъ часовъ.

Разрывные снаряды русскихъ подъ Синопомъ, какъ сказано, измѣнили дѣло. «Турецкая эскадра, состоявшая изъ семи фрегатовъ, двухъ корветовъ и двухъ пароходовъ, стояла на якорѣ подъ защитою орудій небольшой батареи Синопскаго рейда; кромѣ того, были еще два транспорта. Турки не ожидали атаки русскихъ и были совершенно къ тому не подготовлены. Нападающій флотъ, подъ командою адмирала Нахимова, состоялъ изъ шести линейныхъ кораблей: «Три Святителя», «Ростиславъ», «Чесма», «Парижъ», «Императрица Марія», «Великій Князь Константинъ» и трехъ пароходовъ. Всѣ эти суда были большихъ размѣровъ и вооружены гладкостѣнными бомбическими орудіями. Бой былъ недологъ и рѣшителенъ. Турецкій флотъ не имѣлъ бомбическихъ орудій и былъ просто уничтоженъ; это было скорѣе побоище, а не битва. Въ нѣсколько минутъ три турецкихъ фрегата были объяты пламенемъ и два транспорта пущены ко дну. Одинъ только пароходъ избѣжалъ общей участи и передалъ вѣсть о случившемся; всѣ остальные были или взяты, или уничтожены» *).

То же самое повторилось черезъ годъ подъ Севастополемъ, гдѣ сильный англо-французскій флотъ, рискнувшій подойти на близкое разстояніе къ защищавшему бухту Константиновскому форту, чтобы

*) Wilson. „Броненосцы въ бою". Переводъ съ англійскаго. Изд. военно-морского отдѣла главнаго морского штаба.

заставить его замолчать, долженъ былъ отступить, жестоко пострадавъ отъ гранатнаго огня русскихъ.

Но уже найденъ былъ способъ бороться съ этимъ разрушительнымъ средствомъ. 5-го октября 1855 г. въ атакѣ укрѣпленій Кинбурна принимали участіе три французскихъ плавучихъ батареи. Это были грубыя, неуклюжія суда, не обладавшія морскими качествами, но обшитыя желѣзною бронею. Они придвинулись къ укрѣпленіямъ на 360 саженъ и на столь близкомъ разстояніи открыли убійственный огонь. «Блиндированные казематы этихъ судовъ были плохо освѣщены, такъ какъ густой дымъ орудій не имѣлъ достаточно свободнаго выхода. Палубы представляли изъ себя какое-то адское зрѣлище, люди двигались въ глубокой темнотѣ, какъ тѣни, а непрерывный грохотъ непріятельскихъ бомбъ, ударявшихся въ броню, отдавался, какъ удары молота циклоновъ». Всего въ три батареи попало до двухсотъ снарядовъ, но поврежденія и потери, нанесенныя ими, были ничтожны. Русскіе, послѣ трехчасового сопротивленія, вынуждены были сдаться, — они потеряли убитыми и ранеными 175 человѣкъ (союзники—27), а изъ стоявшихъ въ фортахъ 62 орудій—29 оказались подбитыми *).

Старый флотъ потерялъ сразу всякое значеніе. Исчезли тѣ въ своемъ родѣ законченныя и гармоническія суда, которыя приводили въ восторгъ прежнихъ моряковъ. Ихъ стали замѣнять безобразныя чудовища самыхъ необычайныхъ формъ, односторонне развитыя, во многомъ безпомощныя сравнительно съ прежними судами, но далеко превышавшія ихъ въ моментъ рѣшительнаго столкновенія. Равновѣсіе нарушилось. Конкуренція государствъ и изобрѣтателей стала вводить въ практику все новыя и новыя изобрѣтенія. Какъ каждая отрасль капиталистической промышленности, морское дѣло начало совершенствоваться съ головокружительною быстротою. И въ немъ машина сдѣлалась господиномъ не только работающаго на ней человѣка, но и самого изобрѣтателя. Послѣдній все сильнѣе подавлялся ею, ея сложностью; онъ становился постепенно все менѣе способнымъ распутываться въ разнообразныхъ, подчасъ непримиримыхъ требованіяхъ практики; ему приходилось жертвовать одними изъ нихъ ради другихъ, уменьшать прочность ради легкости и высшаго эффекта дѣйствія, стремиться къ наиболѣе полному, хотя бы въ ущербъ безопасности, использованію имѣвшагося матеріала. Въ результатѣ явилась все большая утрата гармоніи цѣлаго, несмотря на самую тщательную разработку отдѣльныхъ его деталей (или вѣрнѣе—именно вслѣдствіе ея). Могучее современное военное судно можетъ гораздо скорѣе оказаться безпомощнымъ или даже погибнуть отъ ничтожной случайности, чѣмъ прежній парусный корабль. Таковъ, впрочемъ, характеръ

*) Wilson.

всего крупнаго производства нашего времени, гонимаго безостановочною конкуренціей, работающаго съ неслыханною раньше напряженностью, но и подверженнаго неслыханнымъ прежде катастрофамъ.

Сѣверо-американская междуусобная война дала энергичный толчокъ военно-морской техникѣ, впервые придавъ развитію ея указанный интенсивный темпъ. Обѣимъ враждующимъ сторонамъ приходилось считаться съ фактомъ подавляющаго въ то время превосходства оборонительныхъ средствъ судна надъ наступательными. Тогдашняя артиллерія не успѣла еще настолько усовершенствоваться, чтобы пробивать даже не особенно толстый слой брони на сколько-нибудь далекомъ разстояніи, и броненосецъ являлся почти неуязвимымъ даже для другого броненосца) и способнымъ бороться противъ цѣлыхъ эскадръ обыкновенныхъ судовъ. Американцы энергично взялись, поэтому, за рѣшеніе вопроса о способахъ уничтоженія броненосцевъ. Однимъ изъ такихъ рѣшеній явилось изобрѣтеніе монитора. Мониторомъ названо было небольшое, крайне низкобортное судно, напоминавшее плотъ и возвышавшееся лишь на $^1/_2$ — 1 арш. надъ уровнемъ воды. На немъ устанавливалась покрытая толстою бронею башня съ огромными орудіями внутри. Мониторъ былъ совершенно неуязвимъ и могъ вплотную приближаться къ броненосцу, чтобы въ упоръ пробивать своими орудіями его броню, которая, благодаря большой боковой поверхности, не могла быть очень толстой. Типъ монитора сыгралъ въ свое время большую роль въ морскомъ дѣлѣ, но теперь онъ оставленъ, въ виду его недостатковъ. Слишкомъ большая спеціализація этого вида судовъ могла быть достигнута лишь съ крайнимъ ущербомъ для ихъ мореходности, быстроты и удобства житья въ нихъ экипажа. Въ настоящее время мониторы строятъ чуть ли не одни лишь Соединенные Штаты, да и то противъ желанія спеціалистовъ, и во вниманіе исключительно лишь къ традиціоннымъ историческимъ симпатіямъ населенія. Другимъ средствомъ борьбы съ броненосцами явился таранъ. Таранами не только стало снабжаться большинство новыхъ судовъ, но во время войны и послѣ нея въ разныхъ странахъ начали даже строиться спеціальныя таранныя судна. Отъ тарана одно время многаго ожидали, но онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Помимо большой трудности тараненья и опасности для самого таранящаго судна, такой способъ борьбы отступилъ на задній планъ по мѣрѣ усовершенствованія артиллеріи и вызваннаго этимъ увеличенія разстояній, на которыхъ сталъ вестись бой. При настоящихъ условіяхъ, прежде чѣмъ судно успѣетъ нанести ударъ тараномъ противнику, оно въ большинствѣ случаевъ либо будетъ приведено въ негодность его огнемъ, либо само успѣетъ нанести ему своими орудіями и минами рѣшительныя поврежденія. Въ общемъ, исторія тарана показываетъ, что это орудіе не менѣе

опасно для собственнаго флота, нежели для непріятеля *). Въ настоящее время справедливо указывается, что минный аппаратъ на современномъ броненосцѣ является своего рода тараномъ, имѣющимъ то преимущество, что позволяетъ поражать противника на разстояніи до 1½ верстъ.

Въ ту же американскую войну серьезно испробованы впервые мины, а также подводныя лодки. Приводимъ слѣдующее трагикомическое описаніе дѣйствій одной изъ такихъ лодокъ, потопившей въ 1864 году судно сѣверянъ «Housatonic». «Она имѣла боковые плавники, благодаря которымъ могла подниматься на поверхность воды или же въ нее погружаться; резервуаръ съ балластомъ давалъ ей возможность, облегчившись отъ него, всплывать на поверхность воды; однако, резервуаръ этотъ постоянно не дѣйствовалъ. Судно не было снабжено запасомъ воздуха и вслѣдствіе этого представляло изъ себя нѣчто въ родѣ гроба. При испытаніяхъ съ ней утонуло восемь человѣкъ; оно было поднято, но только для того, чтобы вновь пойти ко дну, вслѣдствіе волны, поднятой проходившимъ мимо пароходомъ и устремившейся въ ея открытый люкъ. Спасся только одинъ командиръ лейтенантъ Payne, соскочившій съ него, когда оно начало опускаться на глубину. Будучи поднято вновь, оно опять пошло ко дну и лейтенантъ Payne опять спасся, на этотъ разъ съ двумя своими сотоварищами. Лодку подняли въ третій разъ; но она пошла ко дну въ четвертый и воткнулась своимъ носомъ въ грунтъ. При этомъ случаѣ всѣ находившіеся на суднѣ погибли. Она была найдена еще разъ, такъ какъ въ ней запутался канатъ одной шкуны, стоявшей въ гавани на якорѣ, и послѣ этого она затонула въ пятый разъ. Однако, все-таки она была найдена вновь, и лейтенантъ Dixon съ капитаномъ Carlson'омъ, которые оба были офицерами конфедеративной арміи, предложили свои услуги вмѣстѣ съ пятью другими охотниками выйти на ней противъ флота сѣверянъ. Ихъ героизмъ былъ вознагражденъ и они взорвали свою мину подъ «Hausatonic'омъ», который быстро затонулъ, утопивъ съ собою пять человѣкъ. На подводной лодкѣ погибли всѣ. Черезъ годъ или два послѣ войны она была вновь найдена на днѣ водолазами, въ разстояніи ста футовъ отъ своего непріятеля, причемъ судовой экипажъ найденъ былъ какъ бы застывшимъ на своихъ мѣстахъ. Очевидно, у южанъ не было недостатка въ храбрецахъ» **).

---

*) Изъ катастрофъ, вызванныхъ тараномъ, наиболѣе крупныя: гибель итальянскаго судна „Re d'Italia" въ лисскомъ сраженіи (въ 1866 г.) съ 400 человѣкъ, а въ мирное время—нѣмецкаго „Grosser Kurfurst" (въ 1878 г.) съ почти 300 человѣкъ и англійскаго „Victoria" (въ 1893 г.) съ 321 жертвою. Если не ошибаемся, часть японскихъ броненосцевъ совершенно не имѣетъ тарана.

**) Wilson.

Наиболѣе энергично, однако, прогрессъ въ военно-морскомъ дѣлѣ сосредоточивался вокругъ борьбы между панцыремъ и артиллеріей. У первыхъ броненосцевъ борта сплошь были покрыты 4—5 дюймовою желѣзною бронею, доходящею до верхней палубы (рис. 1). При слабости тогдашней артиллеріи такая защита была совершенно достаточна. Но артиллерія приняла брошенный ей вызовъ и поставила себѣ задачею побѣдить броню. Началось энергичное соперничество между тою и другою, завершившееся, съ одной стороны, тѣмъ, что появились гигантскія, вѣсомъ въ 7.000 п. пушки, метавшія снаряды діаметромъ (калибромъ) въ 18 дюймовъ, съ другой—броня начала все утолщаться, достигла 8, 12, 18, даже 24 дюймовъ толщины. Конкуренція увлекла техниковъ; преслѣдуя узкую спеціальную цѣль—имѣть перевѣсъ надъ противникомъ силою орудій и толщиною брони—броненосцы конца 70-хъ годовъ превратились въ совершенно уродливыя суда, сильныя

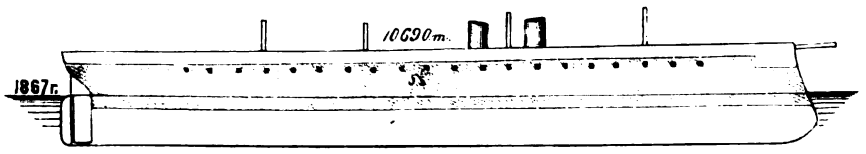


Рис. 1. Англійскій броненосецъ „Minotaur“. 1867 г. 10.690 тоннъ. Броня (затушевана) въ 5½ дюймовъ толщины.

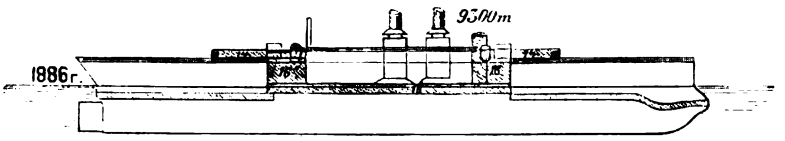


Рис. 2. Англійскій броненосецъ „Collingwood“.

только по отношеніи другъ къ другу, но по существу дѣла являвшіяся шагомъ назадъ противъ старыхъ судовъ 50-хъ и 60-хъ годовъ. Послѣднія, какъ сказано, сплошь были покрыты сравнительно тонкою бронею и вооружены многочисленной артиллеріей. На первыхъ пришлось ради утолщенія брони уменьшить длину и ширину ея, и въ концѣ концовъ ею осталась прикрытой лишь маленькая часть общей поверхности судна, та, гдѣ находились наиболѣе важные жизненные его органы (рис. 2). Съ своей стороны, артиллерія слѣдовала той же тенденціи. Ради увеличенія крупныхъ орудій, она жертвовала все большимъ числомъ среднихъ, и типичныя суда указаннаго періода вовсе лишены артиллеріи средней и кромѣ четырехъ гигантскихъ пушекъ имѣютъ только нѣсколько мелкихъ. Дальше идти было некуда. Суда дошли въ своей односторонности до полной практической негодности. Первою спохватилась артиллерія. Огромныя незащищенныя пространства броненосцевъ естественно наводили на мысль о томъ, что выгоднѣе

обращать огонь на эти пространства, вмѣсто того, чтобы упорно пытаться пробивать кусочки толстой брони. На судахъ начала усиливаться средняя артиллерія, и наступилъ новый періодъ борьбы орудій съ бронею. Если раньше довольствовались защитою немногихъ жизненныхъ органовъ отъ артиллеріи крупной, то теперь къ этому присоединилась задача защитить возможно большую часть судна и отъ артиллеріи средней. Послѣдняя задача начала даже заслонять первую. Тяжелыя орудія стрѣляютъ рѣдко, и число попаданій ихъ незначительно; среднія, напротивъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлались скорострѣльными, явились, какъ показалъ опытъ испано-американской и китайско-японской войны, страшнѣйшими агентами разрушенія. Въ результатѣ, въ настоящее время боевыя суда опять являются почти сплошь прикрытыми бронею, которую стремятся сдѣлать непроницаемой для орудій средняго калибра. Это могло быть достигнуто лишь посредствомъ бо̀льшаго увеличенія размѣра судовъ и ихъ стоимости (рис. 3). Въ настоящій моментъ панцырь, повидимому, одержалъ времен-

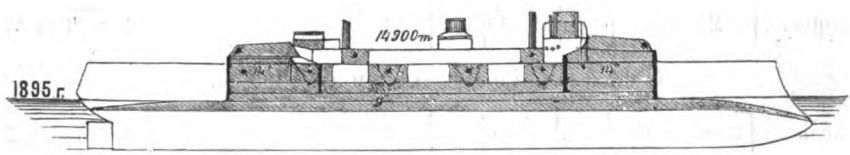


Рис. 3. Англійскій броненосецъ „Majestic“.

ную побѣду. Но борьба его съ артиллеріей не закончена. Во всѣхъ странахъ увеличивается теперь (съ 6 на 8 дюймовъ) калибръ артиллеріи средней; опытъ русско-японской войны со стрѣльбою на огромныя, недоступныя для среднихъ пушекъ разстоянія вновь увеличиваетъ значеніе тяжелой артиллеріи. Къ бронѣ предъявляются опять усиленныя требованія, и, въ результатѣ, водоизмѣщеніе боевыхъ судовъ, поднявшееся со времени увеличенія значенія средней артиллеріи отъ 9—10 до 12—15 тысячъ тоннъ и остававшееся въ послѣдніе годы неподвижнымъ, дѣлаетъ въ настоящее время новый огромный скачокъ вверхъ; въ строющихся броненосцахъ оно достигаетъ до 16—17 тысячъ тоннъ. Долго ли будетъ продолжаться борьба панцыря и артиллеріи, до какихъ размѣровъ придется довести суда, чтобы они могли нести огромныя тяжести орудій и брони, не наступитъ ли опять реакція и не придется ли вновь отказаться отъ защиты всего судна и вернуться къ системѣ защиты лишь болѣе важныхъ частей его—покажетъ будущее, быть можетъ, уже недалекое.

Современный первоклассный броненосецъ является, какъ сказано, въ большинствѣ странъ судномъ отъ 13 до 15 тысячъ и больше тоннъ водоизмѣщенія, цифровая характеристика котораго явствуетъ изъ нижеслѣдующей таблицы.

Страна.	Названіе.	Годъ спуска.	Водоизмѣщеніе въ тонахъ.	Скорость въ узл.	Артиллерія. Тяжелая. 12-дюйм. орудій.	Средняя. 8-дюйм. орудій.	Средняя. 6-дюйм. орудій.	Мелкая. 3-дюйм. и больш.	Мелкая. Меньш.	Наибольшая толщ. брони въ дюймахъ. Палубной.	Бортовой.	Кап. рубки.	Тяжел. арт.	Средн. арт.
Новѣйшіе готовые броненосцы.														
Англія . .	Formidable.	1898	15.240	18	4	—	12	18	8	3	9	12	12	6
Германія	Braun-schweig.	1902	13.200	18	4 (11-д.)	14 (7-д.)	—	12	12	3	9	12	11	7
Италія . .	Benedetto Brin.	1901	13.400	20,5	4	4	8	16	8	3	6	6	8	6
Россія . .	Александръ III.	1901	13.700	18	4	—	12	20	28	4	9	11	11	6
Соед. Шт.	Missuri.	1901	12.430	18	4	—	16	6	14	4	11	10	12	6
Франція .	Suffren.	1899	12.730	18	4	—	10	8	26	4	12	11	12	4,5
Японія . .	Micasa.	1900	15.540	18,5	4	—	14	20	12	4	9	14	14	6
Строющіеся броненосцы.														
Англія . .	Edward VII.	—	16.600	18,5	4	4 (9-д.)	10	14	14	3	9	12	12	7
Италія . .	Vittorio-Emmanuele.	—	12.630	22	2	12	—	12	12	4	10	10	10	6
Россія . .	Андрей Первозванный.	—	16.630	18	4	12	—	20	20	4	11	?	12	7
Соед. Шт.	Louisiana.	—	16.300	18	4	8	12 (7-д.)	20	20	5	11	11	12	7
Франція .	Republique.	—	14.870	18	4	10	—	8	16	4	11	?	13	6
Японія . .	?	—	16.400	?	4	4 (10-д.)	6	?	?	4	9	?	?	?

Приведенныя цифры были бы неполны, если бы мы не привели еще таблицы, показывающей, какой толщины въ дюймахъ броню могутъ пробивать снаряды (въ данномъ случаѣ нашихъ русскихъ орудій) разныхъ калибровъ и на разныхъ разстояніяхъ *).

	Калибръ орудій. 12-дюйм.	10-д.	8-д.	6-д.	3-д.
На 5 кабельтовахъ (3.000 футахъ) .	26,5	25,8	17,9	11,4	4,5
„ 20 „	19,4	18,7	10,6	5,9	1,5
„ 40 „	12,5	11,9	5,3	3,3	—
„ 60 „	8,9	8,6	4,2	—	—

*) Кладо. „Основы современнаго военно-морского дѣла“.

Замѣтимъ, что этимъ цифрамъ нельзя придавать безусловнаго значенія. Онѣ получены на полигонныхъ опытахъ, при нормальномъ ударѣ въ броню; въ сраженіи большинство выстрѣловъ будетъ поражать ее наклонно и, слѣдовательно, окажетъ гораздо болѣе слабое дѣйствіе.

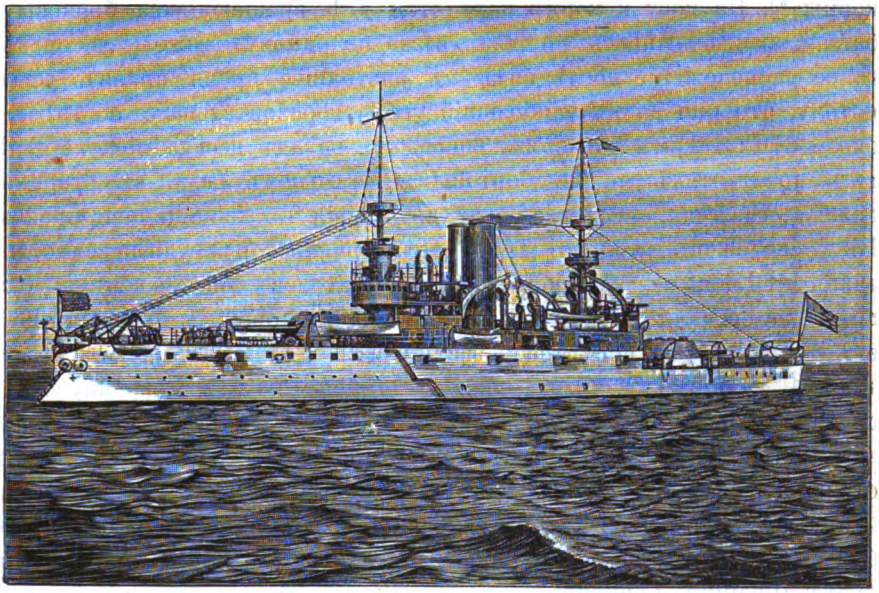


Рис. 4. Alabama.

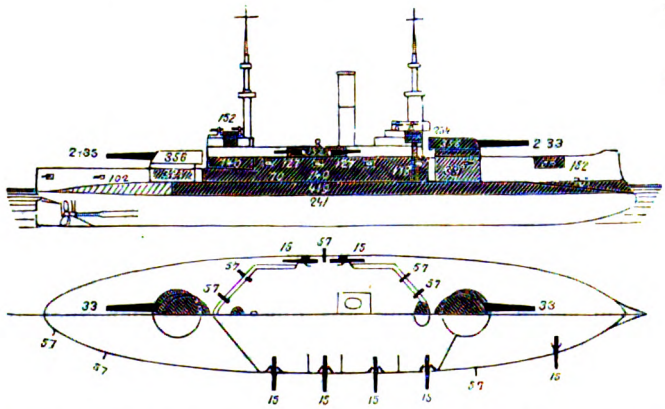


Рис. 5. Alabama. Боковой видъ и планъ. 4 13—дюйм. (33 сант.) орудія, 14 по 6—дюймовыхъ (15 сант.) и 32 мелкихъ (55 и 37 мелл.).
Остальныя цифры обозначаютъ толщину брони въ милл.; густо заштрихована броня вертикальная (задняя башня по ошибкѣ оставлена безъ штриховки; свѣтлѣе—горизонтальная правая палуба.

Прилагаемые 4—7 рисунки и планы (цифры на послѣднихъ проставлены въ миллиметрахъ, т.-е. въ $^1/_{25}$ дюйма) двухъ броненосцевъ: сѣверо-американскаго «Alabama» (11.720 тоннъ, спущенъ въ 1898 г.) и француз-

скаго «Gaulois» (11.280 тоннъ; спущенъ въ 1896 г.) позволяютъ подробнѣе судить объ этого рода судахъ. Защита ихъ состоитъ прежде всего изъ вертикальной бортовой брони, идущей вдоль ватерлиніи и постепенно утоньчающейся къ концамъ судна; у «Gaulois», равно какъ у всѣхъ новѣйшихъ судовъ, она простирается отъ самого носа до кормы *). На носу и кормѣ находятся двѣ вращающихся броневыхъ башни, заключающихъ по два (рѣже по одному) тяжелыхъ орудія; такое расположеніе послѣднихъ въ настоящее время принято всюду потому, что оно даетъ наибольшій уголъ горизонтальнаго обстрѣла— около 270°; такимъ образомъ, впередъ и назадъ всегда можетъ стрѣлять по 2 этихъ орудія, бортовымъ же огнемъ (т.-е. въ стороны) даже 4. Средняя, шестидюймовая артиллерія также защищена бронею. Въ расположеніи этой артиллеріи на американскомъ суднѣ видно желаніе дать лишь сильный бортовый огонь (также въ общихъ чертахъ расположена средняя артиллерія у англійскихъ и японскихъ броненосцевъ); изъ 14 орудій, на носъ, какъ видно изъ чертежа, могутъ стрѣлять лишь 4, на корму 2, а въ каждую сторону по 7. 10 французскихъ среднихъ орудія расположены иначе; они могутъ развить какъ носовой, такъ и кормовой огонь изъ 6 орудій. Такое расположеніе представляетъ значительныя выгоды въ боевомъ отношеніи, позволяя при извѣстномъ положеніи судовъ развивать сильнѣйшій огонь болѣе слабому. Стремленіе къ усиленію носоваго и кормоваго огня проявляютъ, кромѣ Франціи, Германія и Россія; оно же отчасти сказывается и во вновь строющихся итальянскихъ, англійскихъ и американскихъ броненосцахъ. При этомъ вся или часть средней артиллеріи ставится теперь часто не въ казематахъ, какъ у «Gaulois», а въ такихъ же закрытыхъ башняхъ, какъ и артиллерія крупная, что ведетъ къ лучшей защитѣ, но за то значительно усложняетъ механизмы и увеличиваетъ вѣсъ брони; для уменьшенія послѣдняго неудобства среднія орудія располагаются иногда въ каждой башнѣ попарно (у типа судовъ «Александра III» всѣ 12 среднихъ орудій стоятъ въ 6 башняхъ, по 3 съ каждаго борта); такая система представляетъ съ своей стороны ту опасность, что одинъ удачный выстрѣлъ или поломка механизма можетъ сразу вывести изъ строя два орудія. За передней башней для тяжелыхъ орудій и выше ея ставится броневая рубка для капитана— своего рода мозгъ судна, въ которой сосредоточивается все управленіе имъ во время боя. Рубка покрывается поэтому возможно толстою бронею. Отъ рубки идетъ труба (также бронированная) внизъ внутрь судна, гдѣ въ совершенно безопасномъ мѣстѣ расположенъ такъ называемый центральный постъ; этой трубою защищены различные

*) Если броневой поясъ и вообще боковая броня не доходятъ до концовъ судна, то оконечности брони соединяются еще поперечными вертикальными броневыми стѣнками, защищающими внутренность его отъ продольныхъ выстрѣловъ.

телефонные и сигнализаціонные проводы, которыми передаются изъ рубки приказанія; проводы эти изъ центральнаго поста уже отвѣтвляются во всѣ стороны. Бронированы и трубы, черезъ которыя подаются на верхъ снаряды (см. у Gaulois). Послѣднимъ органомъ защиты судна отъ орудій противника является горизонтальная или слегка вы-

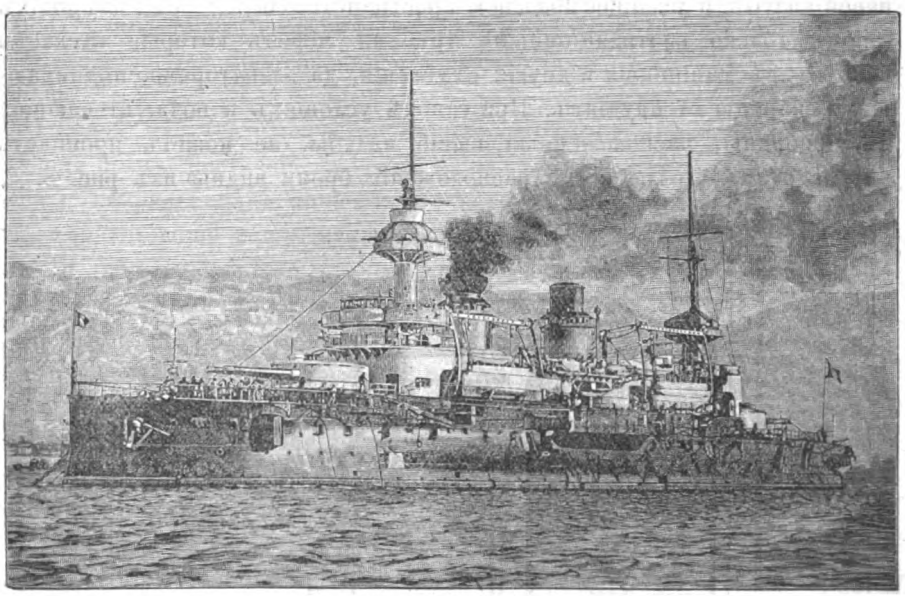


Рис. 6. Gaulois.

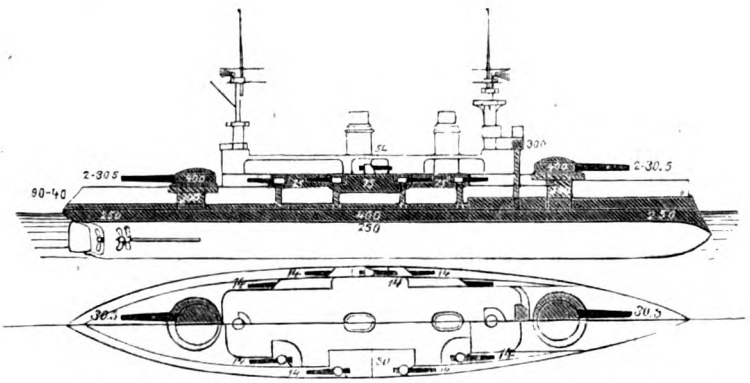


Рис. 7. Gaulois. 4 12—дюйм. (30,5 сант.) орудія, 10 6—дюйм. (14—сант.), 8 по 4—дюйм. и 38 мелкихъ.

пуклая броневая палуба; она располагается приблизительно на уровнѣ воды и своими краями прилегаетъ къ верхней или нижней кранкѣ броневаго пояса. Для лучшей защиты часто дѣлаютъ (Россія, Франція) двѣ броневыхъ палубы, расположенныхъ на разстояніи нѣсколькихъ футовъ одна надъ другою. Подъ броневою палубою лежатъ всѣ важнѣйшіе

органы судна—машины, котлы, магазины для снарядовъ и пр. Цѣль ея задерживать осколки отъ разрывающихся внутри корабля снарядовъ; для усиленія защиты жизненныхъ органовъ, надъ палубою (или между броневыми палубами), особенно по бокамъ, располагаютъ толстымъ слоемъ запасы угля. Во время боя закрываются люки въ броневой палубѣ, и лежащее подъ нею пространство соединено съ внѣшнимъ міромъ только вентиляціонными трубами, черезъ которыя втекаетъ воздухъ въ машинныя и другія отдѣленія, да элеваторами, поднимающими снаряды къ орудіямъ. При такихъ условіяхъ и вода, втекающая въ пробоины, расположенныя выше палубы, не можетъ проникать внутрь судна. Подробности расположенія брони видны изъ рис. 8.

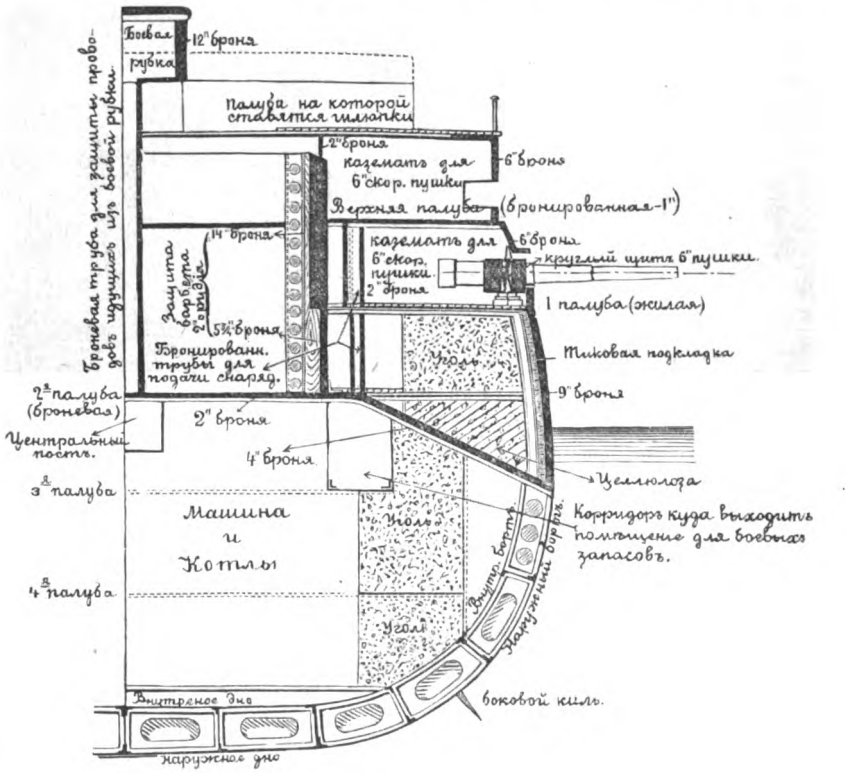


Рис. 8. Поперечный разрѣзъ броненосца (цифры въ дюймахъ).

Для защиты отъ минъ, тарановъ, вообще отъ потопленія, крупныя военныя суда строятся съ двойнымъ дномъ и двойными боковыми бортами. Кромѣ того, у нихъ сбоку вдоль судна идутъ еще обыкновенно одна или нѣсколько вертикальныхъ переборокъ, образующихъ рядъ бортовыхъ ячеекъ, въ которыя для усиленія защиты насыпается уголь; въ русскомъ «Цесаревичѣ» и новыхъ броненосцахъ типа «Александра III» имѣется еще то единственное въ своемъ родѣ устройство, что одна продольная вертикальная внутренняя переборка

бронирована сверху до низу въ защиту отъ минъ. Такимъ образомъ, внутри судна образуется пространство, защищенное со всѣхъ сторонъ снизу—двойнымъ дномъ, съ боковъ переборками, сверху—броневою палубою. Это пространство, въ которомъ располагаются машины: котлы и пр., въ свою очередь раздѣлено обыкновенно одною продольною по серединѣ судна и нѣсколькими поперечными водонепроницаемыми переборками на рядъ отдѣленій, чѣмъ до извѣстной степени и обезпечивается непотопляемость судна, даже въ случаѣ пораженія миною.

Главное наступательное оружіе броненосца—его артиллерія, стрѣляющая преимущественно бронебойными и фугасными снарядами. Бронебойные снаряды, какъ видно изъ самого названія, предназначены для пораженія хорошо защищенныхъ частей судовъ противника; они дѣлаются либо совершенно сплошными и въ такомъ случаѣ дѣйствуютъ собственной массою и отрываемыми ими отъ стѣнъ судна осколками-либо заключаютъ въ себѣ небольшое количество взрывчатаго вещества. Фугасные снаряды страшны для слабѣе защищенныхъ поверхностей; ихъ стѣнки тоньше, способность пробиванія меньше; но взрывчатый зарядъ въ нихъ гораздо крупнѣе и разрывное дѣйствіе сильнѣе. Разрывающійся надъ броневою палубою фугасный снарядъ можетъ легко, при недостаточной толщинѣ ея, пробить ее своими осколками. Съ другой стороны, взрывъ его причиняетъ страшныя опустошенія всему, что находится кругомъ и выше; во французскихъ броненосцахъ типа «Gaulois» (см. рис. 7) фугасный снарядъ, проникшій въ незащищенную часть судна подъ среднею артиллеріею, долженъ нанести послѣдней крупныя поврежденія; это—большой недостатокъ этого типа, теперь уже не повторяемый. Сама артиллерія дѣлится на крупную, среднюю и мелкую. Первая состоитъ изъ 10—13-дюймовыхъ орудій, и цѣль ея стрѣльбы — вывести противника изъ боя однимъ удачнымъ выстрѣломъ въ наиболѣе важные его органы (машины, котлы, башни, и проч.). Вторая своими 6—9-дюймовыми орудіями преслѣдуетъ болѣе скромныя задачи; она дѣйствуетъ массовымъ огнемъ, уничтожая всѣ слабозащищенныя части, поражая личный составъ, вызывая пожары, а также затопляя суда, не имѣющія броневаго пояса. Мелкая артиллерія, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду борьбу съ миноносцами, на небольшихъ же разстояніяхъ она дѣйствуетъ подобно средней. Часть ея остается обыкновенно безъ иной броневой защиты, кромѣ легкихъ подвижныхъ щитовъ; но опытъ послѣдняго времени показалъ, что послѣдніе скорѣе вредны, чѣмъ полезны, что они «ловятъ» снаряды. Дѣло въ томъ, что большинство снарядовъ снабжено ударными трубками, т.-е. взрываются только послѣ удара; они могутъ поэтому при отсутствіи препятствій безъ вреда пролетать мимо людей и орудій даже на близкомъ разстояніи; но если они при этомъ встрѣтятъ броневой щитъ, то пробьютъ его, и произойдетъ взрывъ, гибельный для

всѣхъ окружающихъ. По совершенно незащищеннымъ цѣлямъ стрѣляютъ фугасными или сегментными снарядами съ дистанціонными трубками, но подобная стрѣльба гораздо менѣе мѣтка.

Таковъ современный броненосецъ. Другая главная составная часть нынѣшнихъ флотовъ—крейсера. Прежде послѣдніе рѣзко отличались отъ броненосцевъ отсутствіемъ брони. Но съ тѣхъ поръ, какъ развилась средняя, особенно скорострѣльная, артиллерія, пришлось придавать защиту и крейсерамъ. Большую историческую роль сыграли при этомъ наши полубронеиосные большіе крейсера «Рюрикъ», «Россія» и «Громобой». Испано-американская и китайско-японская войны окончательно выяснили полную невозможность даже кратковременнаго сопротивленія броненосцу небронеиоснаго судна и утвердили типъ современнаго броненоснаго крейсера. Послѣдній отличается отъ броненоспа лишь нѣсколько бо́льшею быстротою и болѣе слабою артиллеріей и защитою, но сохраняетъ всѣ существенные элементы нападенія и защиты броненосца и подчасъ не легко можетъ быть отъ него отличаемъ. Слѣдующая таблица характеризуетъ этого рода суда.

Страна.	Названіе.	Годъ спуска.	Водоизмѣщеніе въ тоннахъ.	Скорость въ узл.	АРТИЛЛЕРІЯ. Тяжелая. 10-дюйм. орудій.	Средняя. 8-дюйм.	Средняя. 6-дюйм.	Мелкая. 3-дюйм. и больш.	Мелкая. Меньш.	Наибольшая толщина брони въ дюймахъ. Палубной.	Бортовой.	Кап. рубки.	Тяжелой артил.	Средн. арт.
Англія . .	Drake.	1901	14.320	23,5	2	—	16	14	5	3	6	12	6	6
Аргентина. . . .	Rivadaria*).	1902	7.700	20	1	2	14	10	8	2	6	6	6	6
Германія	Prinz Heinrich.	1900	9.000	21	2	—	10	10	10	2	4	6	6	4
Россія . .	Баянъ.	1900	7.900	21	—	2	8	20	7	2	8	6	7 (для 8-д.)	3
Соед. Шт.	Washington.	Строится.	14.700	22	4	—	16	22	16	2,5	5	9	9	5
Франція .	Gambetta.	1901	12.550	22	—	4	16	—	26	2,5	6	8	8 (для 8-д.)	5
Японія. .	Asama.	1898	9.900	21	—	4	14	12	8	2	7	14	6 (для 8-д.)	6

Простое сравненіе съ аналогичной таблицею для броненосцевъ показываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ очень сильными судами, почти не уступающими броненоспамъ въ боевомъ отношеніи. Весьма вѣроятно, что въ будущемъ оба эти типа сольются, взявъ другъ отъ

*) Выстроено въ Италіи по типу итальянскихъ броненосныхъ крейсеровъ продано Японіи; названо ею „Касуга“.

друга наиболѣе выгодныя стороны. Въ этомъ отношеніи прототипами «судовъ будущаго» являются превосходные итальянскіе броненосцы, отличающіеся исключительно быстрымъ, чисто крейсерскимъ ходомъ.

Въ крейсерахъ произошла, такимъ образомъ, въ послѣднее время дифференціація. Болѣе крупные изъ нихъ, на которыхъ возлагаются серьезныя боевыя задачи, стали бронироваться на подобіе брене-

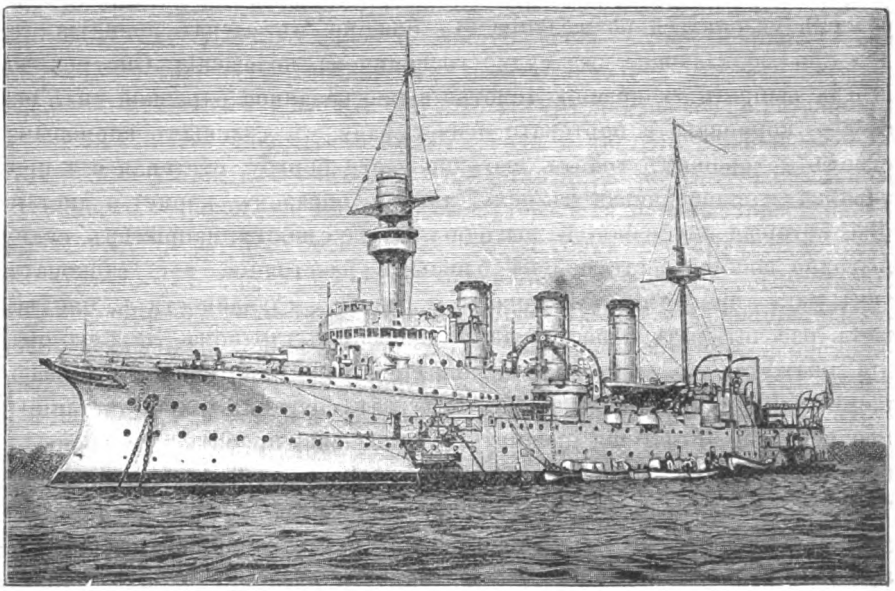


Рис. 9. „Victoria Louise".

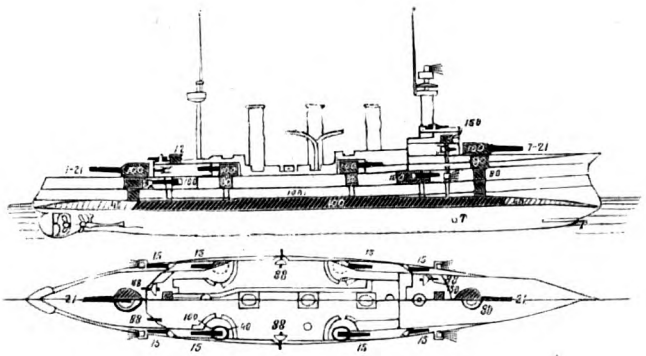


Рис. 10. „Victoria Louise".

носцевъ. Крупные небронеиосные (эту небронеиосность надо понимать относительно—и у небронеиосныхъ крейсеровъ есть броневая палуба и извѣстная защита артиллеріи и нѣтъ только вертикальной покрывающей бока судна, брони, почему они и называются также бронепалубными) крейсера составляютъ область прошлаго и строятся сейчасъ почти только одною Россіею. Образецъ полубронеиоснаго крей-

сера (рис. 9 и 10) даетъ германскій типъ «Victoria Louise» (5.660 тоннъ, два 8-дюймовыхъ, восемь 6-дюймовыхъ и 18 мелкихъ орудій, спущенъ въ 1897 г.). Для развѣдокъ, съ другой стороны, выдвигается теперь типъ легкихъ, около 3.000 тоннъ, весьма быстроходныхъ крейсеровъ въ родѣ нашего «Новика» (25½ узловъ).

Нельзя не остановиться, въ связи съ вопросомъ о боевой силѣ судовъ, еще на одномъ ея элементѣ—скорости. Скорость не только позволяетъ уклониться по желанію отъ боя, но, въ случаѣ принятія его, дѣлаетъ обладающее ею судно господиномъ положенія. Оно можетъ всегда выбрать ту позицію (смотри вышесказанное о разной силѣ носоваго, кормоваго и бортоваго огня—судну, съ сильнымъ кормовымъ огнемъ и хорошимъ ходомъ, выгодно вести борьбу, отступая отъ противника и поворачивая къ нему, такимъ образомъ, корму) и дистанцію, которыя ему наиболѣе выгодны. Болѣе слабому, напримѣръ, судну выгодно вообще вести бой на близкомъ разстояніи, т.-е. атаковать, такъ какъ при этомъ, не говоря о разныхъ случайностяхъ, оно можетъ разсчитывать нанести ударъ миною или тараномъ, да и его орудія окажутся въ состояніи пробивать броню противника. Сильнѣйшему судну, напротивъ, выгодно отступать, сохраняя такую дистанцію, при которой артиллерія непріятеля безсильна пробить его броню, и послѣдній можетъ быть разстрѣлянъ навѣрняка. Ясно огромное значеніе при такихъ поединкахъ большей быстроты, почему на достиженіе ея обращается въ послѣднее время большое вниманіе. Вопросъ о приданіи судну наибольшей быстроходности является, однако, однимъ изъ труднѣйшихъ въ морской техникѣ, и нѣтъ, кромѣ того, другого элемента судна, который такъ быстро не начиналъ бы страдать отъ неумѣлаго и небрежнаго ухода. Замѣтимъ, что при нападеніи флота на береговую крѣпость послѣдняя, въ общемъ, находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, за исключеніемъ именно того обстоятельства, что, такъ сказать, скорость ея можетъ считаться равной нулю. Атакующій флотъ имѣетъ слѣдовательно возможность, выбравъ позицію, въ которой ему можетъ быть нанесенъ относительно наименьшій вредъ, держаться въ такой безопасной зонѣ и оттуда вести бомбардировку.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ однородности эскадръ, какъ объ одномъ изъ элементовъ морской силы. Эскадра изъ нѣсколькихъ однородныхъ судовъ возьметъ, по мнѣнію авторитетовъ, верхъ надъ разнотипнымъ противникомъ, хотя бы суда послѣдняго въ отдѣльности и являлись сильнѣйшими. Однотипность, однако, представляется однимъ изъ наиболѣе трудно достижимыхъ свойствъ. Она возможна только прежде всего въ богатой, строющей много судовъ странѣ и зависитъ затѣмъ отъ извѣстной, далеко не всегда имѣющейся налицо, устойчивости политики. «Секретъ успѣха англичанъ, — пишетъ Кладо, — заключается въ устойчивости и упорствѣ. Это же явилось слѣдствіемъ того, что морская политика была дѣломъ не ка-

кихъ-либо государей или государственныхъ людей. Они мѣняются и, какъ отдѣльные люди, имѣютъ самыя различныя убѣжденія. Выливалась же эта политика изъ сознанія цѣлаго народа,—и представители народа въ парламентѣ, государственные люди и государи лишь облекали это народное стремленіе въ конкретную форму. Вслѣдствіе очень ранняго установленія парламентской формы правленія, государственные дѣятели и государи въ Англіи должны были слѣдовать національному теченію даже и помимо своей воли. Періоды жизни флота у остальныхъ государствъ нераздѣльно связываются съ правленіемъ и именемъ того или другого государя или государственнаго дѣятеля и почти никогда не имѣютъ вида извѣстной законченности». Англійскій флотъ, дѣйствительно, представляетъ картину наибольшей стройности. Кромѣ массы мелкихъ судовъ для охраны торговли, защиты колоній и пр., боевая сила его состоитъ изъ крупныхъ, близкихъ другъ къ другу по типу броненосцевъ и крейсеровъ. Параллельно, однако, тому, какъ Соединенные Штаты и Германія выступили серьезными конкурентами Англіи на аренѣ мірового экономическаго господства, начали пріобрѣтать большую однородность и ихъ флоты. У Соединенныхъ Штатовъ флотъ также состоитъ изъ близкихъ по элементамъ другъ къ другу броненосцевъ и броненосныхъ крейсеровъ. У Германіи въ послѣдніе годы создается сравнительно однотипный флотъ съ преобладаніемъ броненосцевъ—это, между прочимъ, говоритъ за то, что вооруженія Германіи направлены скорѣе

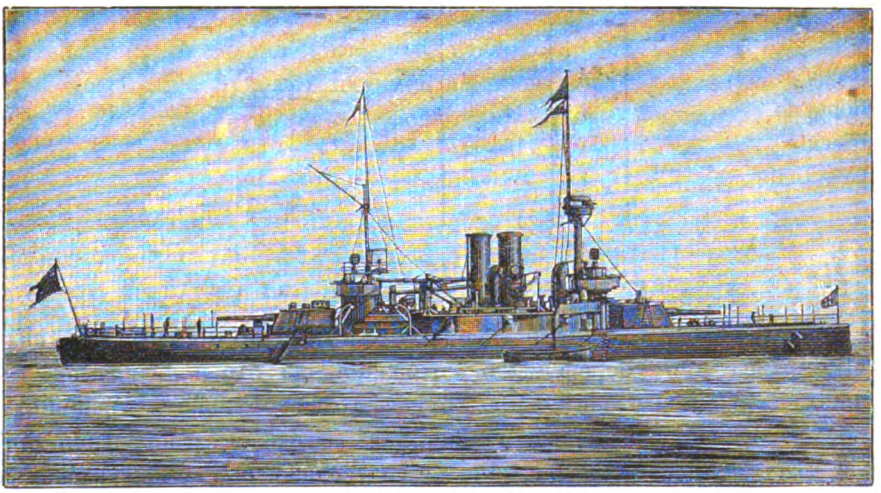


Рис. 11. Njord.

противъ болѣе близкой Англіи, такъ какъ для борьбы съ Соединенными Штатами нужно было бы увеличить число броненосныхъ крейсеровъ. Замѣтимъ, что было бы ошибочно объяснить современныя морскія вооруженія Германіи исключительно симпатіями императора; послѣдній играетъ, конечно, въ этомъ дѣлѣ извѣстную роль, но въ концѣ концовъ

онъ черпаетъ свои силы въ интересахъ нѣмецкаго крупнаго капитала. Во Франціи колоніальная политика, какъ извѣстно, является дѣломъ совершенно искусственнымъ, созданнымъ бюрократіей, и соотвѣтственно этому какъ въ этой политикѣ, такъ и во флотѣ отсутствуетъ всякая устойчивость. Прекрасныя въ отдѣльности французскія суда представляютъ въ совокупности пестрый аггрегатъ—результатъ всевозможныхъ колебаній и измѣненій во взглядахъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о зависимости физіономіи флота отъ политическихъ и экономическихъ нуждъ странъ, упомянемъ еще о мелкихъ сѣверныхъ приморскихъ государствахъ Европы, имѣющихъ въ виду не нападеніе, какъ Англія, Германія и Соединенные Штаты, а только оборону своихъ береговъ. У этихъ государствъ главная сила флотовъ заключается въ небольшихъ броненосцахъ береговой обороны (см. рис. 11, изображающій шведское судно—«Njord» съ двумя 10-ти-дюймовыми орудіями въ башняхъ и шестью $4^1/_2$-дюймовыми и 10 мелкими по бортамъ; водоизмѣщеніе 3.400 тоннъ), тихихъ на ходу, боящихся открытаго моря, но хорошо защищенныхъ и снабженныхъ сильной артиллеріей. Слѣдующая таблица показываетъ главный составъ флотовъ этихъ странъ.

	Число береговыхъ броненосц.	Общее ихъ водоизмѣщеніе.	О	Р	У	Д	І	Й.
			10-д.	8-д.	6-д.	$4^1/_2$-д.	3-д.	Мелкихъ.
Данія	4	12.500	7	—	8	7	—	48
Норвегія	4	14.700	8	—	12	12	16	36
Швеція	12	42.200	6	15	58	18	—	142
Голландія	7	28.000	6	10	19	—	72	43

III.

Приведенныя свѣдѣнія о военныхъ флотахъ не могутъ дать полной картины ихъ современнаго положенія, да это и не имѣлось въ данномъ случаѣ въ виду. Мы хотѣли только оттѣнить въ общихъ чертахъ то, какіе огромные техническіе успѣхи сдѣлало военно-морское дѣло за послѣдніе 50 лѣтъ и насколько оно усложнилось за это время. Въ лихорадочно бьющей ключомъ промышленной жизни XIX в. военно-морское дѣло не отстаетъ отъ другихъ отраслей техники. Сравнимъ, напримѣръ, одинъ изъ сильнѣйшихъ французскихъ линейныхъ кораблей во время Крымской войны «Ville de Paris» съ современнымъ французскимъ броненосцемъ «République». Мы получимъ для нихъ слѣдующія цифры:

водоизмѣщеніе	5.095	тоннъ и	14.870;	увеличеніе на	190%
скорость	12	узловъ »	18;	» »	50%
число орудій . .	120	» »	60;		
вѣсъ залпа (p) .	675	килл. »	2.328;	» »	260%
скорость полета снарядовъ (v)	300	метр. »	600—900;	» »	100—200%
энергія залпа въ тысячахъ (pv^2)	60.750	» »	1.867.917;	» »	3.000%
экипажъ . . .	1.200	челов. »	800;	уменьшеніе »	50%

Въ этой табличкѣ нѣтъ еще сопоставленія увеличившейся во много разъ скорости стрѣльбы, усиленія разрушительнаго дѣйствія снарядовъ, общаго улучшенія всѣхъ матеріаловъ и приборовъ, входящихъ въ составъ судовъ. Стоимость послѣднихъ возросла за послѣднее полстолѣтіе не пропорціонально водоизмѣщенію, а гораздо больше. Стоимость такого корабля, какъ «Ville de Paris», едва ли превышала 200—300 р. за тонну; по итальянскимъ даннымъ, броненосецъ въ 1877 г. обходился на тонну въ 500 съ небольшимъ рублей; теперь эта цифра по тѣмъ же даннымъ превышаетъ 800 р.: что же касается миноносцевъ, то относительная стоимость ихъ еще значительнѣе, равняясь около 1.300 р. за тонну. Нечего, впрочемъ, удивляться тому, что броненосецъ стоитъ теперь не менѣе 12 милліоновъ рублей, если вспомнить, что машины его достигаютъ чудовищной силы иногда въ 30.000 лошадей и болѣе, что на немъ имѣется до 100 и больше самостоятельныхъ механизмовъ, что слишкомъ 30% общаго его вѣса (т.-е. до 300.000 пудовъ) падаетъ на броню, выдѣлываемую изъ самыхъ дорогихъ сортовъ никелевой стали. Однимъ словомъ, мы, дѣйствительно, видимъ, какъ уже указывали, въ крупномъ боевомъ суднѣ, нѣчто совершенно подобное сложному, дорого стоющему, огромному заводу, правильное функціонированіе котораго, какъ и всякаго завода, возможно лишь въ капиталистически развитой странѣ.

И съ личнымъ составомъ флота случилась метаморфоза, аналогичная происшедшей во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Не только абсолютно уменьшилось число его, но и измѣнились предъявляемыя къ нему требованія. Въ смыслѣ знаній и умѣнія въ настоящее время уже не имѣетъ большого значенія, освоился ли морякъ до военной службы съ водою. Рыбакъ пересталъ быть лучшимъ элементомъ экипажа, и главнымъ лицомъ на суднѣ является теперь механикъ *).

*) О механикахъ см., напримѣръ, въ „Разсужденіяхъ по вопросамъ морской тактики“ вице-адмирала С. О. Макарова, стр. 265—8. Зри также недавнее предложеніе въ „Новомъ Времени“ объ организаціи особаго „иррегулярнаго“ миноноснаго флота изъ казаковъ-рыбаковъ, какъ образчикъ глубокаго невѣжества.

Измѣнились и нравственныя требованія отъ людей. Активная храбрость солдата почти не можетъ имѣть больше примѣненія въ морскомъ дѣлѣ; человѣкъ въ немъ полностью поглощенъ служенію машинамъ и долженъ проявлять то же самое спокойное мужество, которое въ мирное время требуется отъ рабочаго въ каждомъ опасномъ производствѣ—на угольныхъ копяхъ, въ литейныхъ заводахъ и пр. Да иначе и быть не можетъ при томъ чисто стихійномъ характерѣ катастрофъ, съ которыми приходится считаться флоту и въ которыхъ безсильна всякая активная храбрость.

Катастрофы же случаются все чаще и чаще по мѣрѣ усложненія судовъ. Современный броненосецъ въ сущности весьма безпомощная машина, въ которой пожертвовано многими условіями прочности и безопасности ради той спеціальной цѣли, для которой онъ выстроенъ. Это явленіе замѣчается во всѣхъ вообще отрасляхъ современной промышленности. Оно неизбѣжно всюду, гдѣ господствуетъ ничѣмъ не регулируемая конкуренція, и бороться съ нимъ невозможно иначе, какъ устраненіемъ или регулированіемъ этой конкуренціи, заставляющей прибѣгать къ завѣдомо худшему, опасному или непрочному типу машины, именно потому, что самая его уродливая односторонность даетъ ему извѣстныя преимущества въ работѣ. Иначе говоря, идеальное боевое судно можно будетъ выстроить лишь тогда, когда прекратятся самыя войны!

Чтобы охарактеризовать указанную безпомощность, приведемъ описаніе гибели англійскаго броненосца «Victoria», самаго ужаснаго несчастія этого рода, за исключеніемъ пережитаго нашимъ отечествомъ нѣсколько недѣль тому назадъ. «Victoria» погибла днемъ, на глазахъ всего флота, отъ удара, нанесеннаго ей другимъ броненосцемъ—«Camperdown»,—двигавшимся притомъ со скоростью всего только 6—5 узловъ.

«Никакими силами нельзя было предотвратить столкновеніе, и оба судна сходились все ближе и ближе. За минуту до столкновенія были отданы приказанія: «Задраить водонепроницаемыя двери» и «вынести пластырь». Вслѣдъ за первымъ приказаніемъ люди тотчасъ же отправились по своимъ мѣстамъ запирать всѣ двери и люки, дабы изолировать такимъ образомъ каждое отдѣленіе. Въ предшествовавшихъ ученіяхъ времени на запираніе непроницаемыхъ дверей уходило три минуты, поэтому въ моментъ столкновенія онѣ не могли быть заперты. Дисциплина была превосходная, повсюду царствовало спокойствіе и повиновеніе, безъ спѣшки и смущенія, но даннаго времени было не достаточно. Таранъ врѣзался почти на девять футовъ, раздробивъ одну угольную яму и сломавъ ногу одному изъ людей. Одинъ унтеръ-офицеръ, находившійся въ это время въ каютъ-компаніи, взглянулъ наверхъ и увидѣлъ носъ громаднаго судна, двигавшійся впередъ среди облаковъ угольной пыли. Слышно было, какъ внизу вода вли-

валась въ судно. Палуба и желѣзная обшивка закручивалась подъ тараномъ; слышенъ былъ ужасный трескъ. Сотрясеніе было громадное, если только это можно назвать сотрясеніемъ, потому что «Victoria» была положительно отброшена въ сторону на разстояніи 70 футовъ. Никто не былъ сбитъ съ ногъ, но толчокъ сильно ощущался на всемъ суднѣ. Вода сразу хлынула въ пробоину, размѣры которой доходили почти до 125 квадратныхъ футовъ.

«На «Victoria» люди, запиравшіе водонепроницаемыя двери въ носовой части, были вытѣснены водой наверхъ и собрались на верхней палубѣ надъ батареей вспомогательной артиллеріи. Люди съ пластыремъ не могли ничего сдѣлать; вода постоянно поднималась, и, когда пластырь былъ принесенъ на полубакъ, то верхняя палуба настолько была ниже уровня воды, что люди, стоявшіе впереди, были мокры до пояса. Вслѣдствіе погруженія носовой части, корма поднялась надъ водой, и съ другихъ судовъ было видно, какъ лѣвый винтъ работалъ на воздухѣ. Пришлось отказаться отъ попытки подвести пластырь, и, когда люди съ полубака сошли на верхнюю палубу, то вода уже доходила до орудійныхъ портовъ въ башнѣ и начала уже вливаться черезъ отверстіе переборки, находившейся на переднемъ концѣ вспомогательной батареи. Кренъ все увеличивался на правый бортъ, т.-е. въ сторону, на которой были поврежденія. Машинамъ, которыя были остановлены въ моментъ столкновенія, былъ данъ передній ходъ въ тщетной попыткѣ отвести судно на мелкое мѣсто, и это въ немалой степени усиливало напоръ воды въ пробоину и содѣйствовало погруженію носа судна, въ силу давленія воды на наклонную плоскость палубы. Рулевая машина не дѣйствовала, такъ какъ гидравлическіе механизмы были испорчены, то же оказалось и съ гидравлическими лебедками для подъема и спуска шлюпокъ, когда попробовали воспользоваться ими. Капитанъ Буркъ въ моментъ столкновенія сошелъ внизъ посмотрѣть, заперты ли непроницаемыя двери. Пока онъ проходилъ внизу по корридорамъ и отдѣленіямъ громаднаго броненосца, гдѣ тускло и слабо горѣло электричество, люди, не суетясь и не спѣша, поднимались на палубу. Заглянувъ въ паровое машинное отдѣленіе, онъ поговорилъ съ вахтеннымъ инженеръ-механикомъ и узналъ, что въ машинномъ отдѣленіи воды нѣтъ; слышалъ также телеграфные звонки и видѣлъ, что люди въ машинѣ стоятъ на своихъ мѣстахъ. Встрѣтивъ въ главномъ проходѣ старшаго инженеръ-механика, онъ узналъ отъ него, что въ котельное отдѣленіе вода не проникла. Когда командиръ вышелъ на верхнюю палубу, кренъ на правый бортъ былъ очень великъ. У лѣваго борта лицомъ отъ него была выстроена въ четыре ряда вся команда «Victoria», за исключеніемъ людей, находившихся въ машинномъ и кочегарномъ отдѣленіи и обреченныхъ такимъ образомъ на гибель. Это было достопамятное зрѣлище. Непоколебимая твердость духа, безпрекословное повиновеніе и превосходная дисци-

плина удержали всю эту команду на мѣстѣ. Для всѣхъ, казалось, было ясно, что гибель судна неизбѣжна, тѣмъ не менѣе паники не было. Ни одинъ изъ людей не двинулся съ мѣста. Всѣ, въ виду неминуемой катастрофы, держали себя, какъ подобаетъ твердымъ людямъ, какъ бы желая показать этимъ своей родинѣ, какъ они стали бы держаться противъ непріятеля. Броненосецъ все болѣе и болѣе наклонялся на сторону. Палуба заняла почти перпендикулярное положеніе; людямъ былъ отданъ приказъ: «прыгать за бортъ». По этой командѣ стоявшіе во фронтѣ бросились къ борту, но съ трудомъ, такъ какъ кренъ все увеличивался. Нѣкоторымъ удалось выпрыгнуть, другіе были подброшены вверхъ самимъ судномъ. Находившіеся на кормѣ должны были прыгать черезъ вертѣвшійся на воздухѣ винтъ, который былъ причиной смерти и увѣчья многихъ. Конецъ броненосца наступилъ въ 3 ч. 44½ м., ровно черезъ десять минутъ послѣ столкновенія. Судно сильно качнулось вправо, форштевенъ его погрузился въ воду, воздухъ огласился трескомъ ломающихся шлюпокъ и падающаго запаснаго рангаута, и, наконецъ, флагманскій броненосецъ пошелъ ко дну среди облаковъ дыма и пара. Послѣднее, что было отъ него видно, была корма со все еще вертящимися винтами. Послѣдовалъ сильный напоръ воздуха изъ-подъ воды, и поверхность моря страшно поднялась; реи и обломки, выброшенные снизу, ранили многихъ изъ бывшихъ на водѣ; другихъ же засосало въ образовавшійся водоворотъ. Люди находились такъ близко другъ къ другу, что трудно было плыть, а, такъ какъ среди нихъ многіе не умѣли плавать или были ранены, то цѣплялись за своихъ товарищей и увлекали ихъ съ собой ко дну. Офицеры и команды другихъ судовъ съ ужасомъ смотрѣли на эту сцену и, какъ только могли, скоро высылали свои шлюпки для спасенія утопавшихъ.

«Такимъ образомъ, наилучшій, или почти наилучшій, броненосецъ всей эскадры, на глазахъ всѣхъ, въ ясный лѣтній день пошелъ ко дну отъ удара тараномъ. Все искусство и изобрѣтательность, щедро примѣненные къ нему, оказались несостоятельными для того, чтобы удержать его на водѣ, и, быть можетъ, они послужили какъ бы ловушкой, такъ какъ заставили слишкомъ полагаться на его устойчивость. Большая потеря людей на «Victoria» объясняется, во-первыхъ, большимъ числомъ людей, не умѣвшихъ плавать и потому сразу пошедшихъ ко дну; во-вторыхъ, сильнымъ водоворотомъ въ моментъ его гибели и послѣдующимъ волненіемъ воды и, въ третьихъ, большимъ числомъ людей, бывшихъ внизу въ машинномъ и кочегарномъ отдѣленіи. Имъ не было отдано приказанія выйти наверхъ, и они умерли, окруженные поэтическимъ ореоломъ, исполняя свой долгъ, какъ бы безполезенъ и безнадеженъ онъ ни былъ. Дѣлать какія-либо предположенія о ихъ судьбѣ весьма трудно. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ вода хлынула въ дымовыя трубы, паръ долженъ былъ бы разорвать котлы и вырваться наружу. Весьма

вѣроятно также, что когда судно коснулось дна, то въ силу давленія на глубинѣ 80-ти саженъ бока судна вдавились внутрь, убивъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ отъ обжоговъ паромъ. Вода надъ затонувшимъ судномъ довольно долго волновалась отъ выходившаго воздуха. Когда судно шло ко дну, взрыва не было; вырывался одинъ паръ, по всему вѣроятію изъ дымовыхъ трубъ» *).

Односторонность современныхъ сильнѣйшихъ боевыхъ судовъ должна была естественно вызвать реакцію противъ нихъ. Крайне интересно при этомъ то, что всего эдергичнѣе эта реакція выразилась, вѣроятно, у насъ въ Россіи. Мы говоримъ прежде всего о талантливыхъ работахъ С. О. Макарова. Покойный адмиралъ произвелъ полную критическую «переоцѣнку цѣнностей» современнаго броненоснаго судна и пришелъ къ самымъ отрицательнымъ насчетъ него выводамъ; ни одна часть такого судна, доказываетъ онъ, не является абсолютно неуязвимой для орудій противника, не говоря объ обширныхъ вовсе не защищенныхъ поверхностяхъ; недостаточно обезпечена и непотопляемость, такъ что повтореніе несчастій, подобныхъ случившемуся съ «Victoria», вполнѣ возможно; не провѣрено (да и не можетъ быть провѣрено) дѣйствіе при боевой обстановкѣ многочисленныхъ судовыхъ механизмовъ, порча которыхъ можетъ въ роковой моментъ поставить судно въ критическое положеніе, и пр., и пр. Въ результатѣ, адмиралъ Макаровъ пришелъ къ ряду положеній **), главное изъ которыхъ то, что «современныя суда не испытаны въ цѣломъ на стойкость и живучесть, а потому нѣтъ достаточно основанія строить дорого стоящія большія суда; можно имѣть болѣе обезпеченный успѣхъ съ малыми судами, при большемъ числѣ ихъ». Суда эти адмиралъ Макаровъ предполагалъ строить неброненосными и ставить на нихъ артиллерію на верхней палубѣ безъ всякой защиты («щитъ ловитъ снаряды!»). «Въ очень, казалось бы, неравномъ состязаніи,—пишетъ онъ,—одинъ-на-одинъ, я предпочелъ бы быть на невысокомъ безбронномъ суднѣ, у котораго вся команда на глазахъ у начальника, и боевая матеріальная часть во много разъ проще, чѣмъ на большомъ суднѣ. Тутъ все подъ рукой, тамъ все скрыто, тутъ все просто, тамъ все сложно, а когда на броненосцѣ изъ всѣхъ люковъ повалитъ дымъ отъ разрывныхъ снарядовъ, которые будутъ взрываться въ закрытыхъ его помѣщеніяхъ, то командиръ будетъ чувствовать себя очень неспокойно».

Не намъ судить о вѣрности взглядовъ С. О. Макарова. Весьма возможно, что дальнѣйшая эволюція боевыхъ судовъ докажетъ его правоту. Каковы бы ни были, однако, происходящіе отъ сложности техники недостатки современныхъ броненосцевъ, они, конечно, менѣе всего дадутъ себя знать въ наиболѣе промышленно развитыхъ стра-

*) Wilson.

**) С. О. Макаровъ. „Броненосцы или безбронныя суда?“

нахъ. Неисчерпаемыми техническими средствами Англіи, обиліемъ въ ней опытныхъ въ обращеніи съ машинами рабочихъ объясняется ея консерватизмъ въ военно-морскомъ дѣлѣ, основанный на прочной увѣренности, что какіе бы сюрпризы ни доставили въ военное время броненосцы, противники ея окажутся въ еще болѣе затруднительномъ, чѣмъ она, положеніи. Увѣренность эта можетъ находить косвенное подтвержденіе въ такихъ напримѣръ, фактахъ, что во многихъ странахъ Европы рабочіе не въ состояніи успѣшно работать на наиболѣе сложныхъ бумагопрядильныхъ англійскихъ машинахъ, взамѣнъ которыхъ требуются болѣе простыя, что англійскіе плуги и другія сельскохозяйственныя орудія также оказываются часто непрактичными въ материковыхъ хозяйствахъ и пр. Наше отечество пока несомнѣнно находится въ худшемъ, чѣмъ Англія, положеніи въ смыслѣ техники, и взгляды адмирала Макарова непосредственно вытекаютъ поэтому изъ нашихъ «національныхъ» особенностей и тѣсно связаны съ ними. Въ этомъ главный ихъ общественный интересъ.

То же стремленіе лишить крупный капиталъ своего преобладающаго въ морскомъ дѣлѣ вліянія сказывается и въ распространенныхъ у насъ симпатіяхъ къ крейсерской и минной войнѣ. Крайнія увлеченія той и другою не выдерживаютъ, однако, критики. Стоитъ прочесть въ извѣстномъ трудѣ Мэхэна *) страницы, касающіяся попытокъ Франціи сломить въ XVIII вѣкѣ могущество Англіи уничтоженіемъ ея торговли, чтобы убѣдиться въ крайней трудности и безплодности крейсерской войны. Нанести своими крейсерами денежный ущербъ вражеской торговлѣ, конечно, не трудно, но чтобы этотъ ущербъ явился для противника бѣдствіемъ и отразился на общемъ ходѣ войны, для этого надо быть сильнѣе его на морѣ. Такимъ образомъ, крейсерская война никоимъ образомъ не есть «оружіе слабыхъ», каковымъ ее часто считаютъ.

Вѣрнѣе можно такимъ оружіемъ считать минный флотъ. И здѣсь, однако, необходимы оговорки. Миноносецъ, конечно, страшный противникъ, но практика до сихъ поръ указываетъ, что дневныя минныя аттаки противъ крупныхъ судовъ не приводятъ къ успѣху. Миноносецъ имѣетъ шансы уничтожить врага либо ночною атакою, либо въ концѣ горячаго эскадреннаго боя, когда подбита на боевыхъ судахъ мелкая артиллерія. Лучшимъ средствомъ борьбы противъ миноносцевъ, кромѣ бдительности и сѣтевыхъ заграждений (которыми адмиралъ Макаровъ совѣтуетъ возможно чаще пользоваться), являются контратаки своихъ миноносцевъ. Наличность сильной минной флотиліи необходима поэтому для каждой эскадры, но съ другой стороны миноносцы, лишенные поддержки такой эскадры, окажутся въ слишкомъ невыгод-

*) „Вліяніе морской силы на исторію 1660—1783 г." Изд. Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Георгія Александровича.

номъ положеніи и едва ли нанесутъ особый вредъ противнику. Замѣтимъ еще, что въ настоящее время миноносцы далеко ушли отъ слабыхъ катеровъ Дубасова и Шестакова. Современный типъ миноносца—такъ называемый истребитель (см. рисунокъ 12), водоизмѣщеніемъ въ 350 тоннъ, съ машиною въ 6.000 силъ, стоимостью въ полмилліона р. слишкомъ, требующій необычайно тщательнаго и умѣлаго ухода за своими въ высшей степени деликатными механизмами. Взаимная конкуренція еще должна усложнить и удорожить этотъ типъ — Англія строитъ теперь уже истребители въ 550 тоннъ. Правда, у насъ, предлагалось вернуться къ старымъ маленькимъ миноноскамъ, но такой совѣтъ нельзя считать, конечно, серьезнымъ.

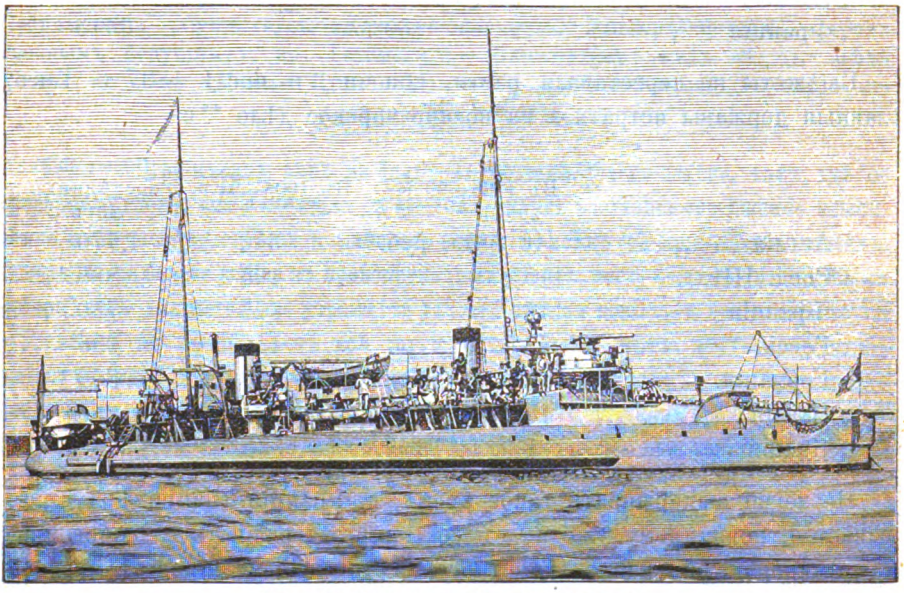


Рис. 12. Французскій истребитель.

Значеніе подводныхъ лодокъ покажетъ будущее. Но несомнѣнно, что какъ только онѣ войдутъ въ составъ всѣхъ флотовъ, сейчасъ же начнется ихъ взаимная конкуренція. Удорожатся и усложнятся и онѣ; и кто знаетъ, не будутъ ли въ будущемъ плавать и биться подъ водою суда размѣромъ и стоимостью превышающія современныхъ броненосцевъ?

IV.

Нельзя на основаніи всего сказаннаго не признать тѣсной зависимости военно-морского могущества государствъ отъ ихъ богатства, т.-е. отъ развитія въ нихъ промышленности и торговли. Самое ужасное военное изобрѣтеніе всегда можетъ парироваться контръ-изобрѣтеніемъ. Вотъ почему нельзя думать, чтобы само развитіе техники истребленія людей сдѣлало войну невозможною. Но всѣ эти изобрѣтенія стоятъ

непомѣрно дорого. Они слѣдуютъ одно за другимъ, быстро дѣлая негоднымъ введенное раньше съ большими затратами усовершенствованіе. Увеличеніе морского бюджета происходитъ поэтому въ послѣднія десятилѣтія съ непомѣрной быстротою, далеко превышая ростъ расходовъ на сухопутныя арміи. Увеличеніе это съ 1872 по 1897 г. равнялось *):

	Для сухопутнаго бюджета.	Для морского.
Англія	7%	128%
Германія	123%	317%
Россія	38%	131%
Италія	51%	124%
Франція	60%	63%

Бюджеты не переставали расти, конечно, и послѣ 1897 г. Такъ, главныя державы истратили на военно-морское дѣло **):

	Въ 1898—99 г.	Въ 1903—04 г.	Всего за 6 послѣднихъ лѣтъ.
Англія	240 милл. руб.	350	1.770
Соед. Шт. . . .	115 » »	165	880
Франція	115 » »	125	750
Россія ***) . . .	75 » »	110	590
Германія. . . .	60 » »	105	500
Италія	45 » »	45	280
Японія	85 » »	30 ****)	290

Не легко выдерживать такое бремя, и Франція, напримѣръ, оказывается, повидимому, уже не въ состояніи удерживать за собою принадлежавшее ей давно почетное мѣсто второй міровой морской державы, изъ-за котораго вскорѣ станутъ, вѣроятно, бороться Германія и Соединенные Штаты. Побѣдитъ въ этомъ соперничествѣ, какъ сказано, наиболѣе богатый.

Приведемъ еще въ заключеніе цифры, характеризующія отношеніе военнаго и торговаго флотовъ главныхъ державъ; первый составляетъ въ сравненіи съ послѣднимъ по водоизмѣщенію *****): въ Англіи 12%, въ Германіи 17%, въ Соед. Шт. 33%, во Франціи 35%, въ Россіи 44%.

Б. В—ръ.

*) Бліохъ. "Будущая война".
**) "Taschenbuch der Kriegsflotten". 1904 г.
***) Для Россіи цифры ниже дѣйствительности.
****) Закончена строительная программа.
*****) Кладо.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Панмонголизмъ“, „желтая опасность“ и прочіе страхи.—„Желтая опасность“ г. Слонимскаго.—„Существуетъ-ли желтая опасность?“ Альберта Метена.—«Передъ грознымъ будущимъ», кн. Ухтомскаго.—„Паназіатизмъ какъ вѣковая цѣль Россіи“ по слову „Новаго Пути“.—Мнимая и дѣйствительная опасность переживаемаго момента.

Вотъ уже три мѣсяца, какъ на Дальнемъ Востокѣ, далеко-далеко, тамъ, гдѣ, по сказочному слову, «небо сходится съ землей», вдругъ раздались совершенно неожиданно пушечные выстрѣлы и началась война, со всѣми ей присущими ужасами. Теперь, когда борьба вошла въ кровопролитный фазисъ, когда каждый съ понятнымъ нетерпѣніемъ хватается по утрамъ за газету, ожидая новыхъ и новыхъ извѣстій, отступаютъ на задній планъ всѣ другіе интересы, и нѣтъ почти силъ заниматься обычной обыденной работой. И тѣмъ настоятельнѣе даютъ себя чувствовать вопросы: съ кѣмъ мы вынуждены биться? Изъ-за чего возникла кровавая трагедія? Какіе результаты дастъ эта война? Какое значеніе можетъ она имѣть для нашей страны? и т. д.

На первый вопросъ отвѣтъ простъ и ясенъ,—мы деремся съ японцами, этимъ дерзкимъ врагомъ, осмѣлившимся напасть на мощный и мирный народъ, отнюдь не желавшій и не вызывавшій его на бой, какъ видно изъ офиціальныхъ разъясненій нашего правительства. Но каковъ этотъ врагъ, это мы, повидимому, такъ же мало знаемъ нынѣ, какъ и прежде, и до сихъ поръ въ нашихъ сужденіяхъ о немъ преобладаютъ свѣдѣнія временъ Гончарова. Японцы такъ и рисуются въ нашемъ воображеніи, какъ ихъ изобразилъ этотъ художникъ,—маленькіе, присѣдающіе, ласково улыбающіеся люди, соблюдающіе тысячи церемоній по поводу самыхъ простыхъ вещей И они-то вздумали помѣряться съ нами, эти жалкіе «желтолицые», замѣнившіе халатъ и непомѣрно длинные штаны временъ Гончарова на современный общеевропейскій костюмъ и потому возомнившіе, что и они пріобщились къ европейской культурѣ!

И въ оцѣнкѣ аггресивныхъ дѣйствій японцевъ сложилось у насъ два взгляда, распространенные въ нашемъ обществѣ. Однимъ—смѣлость, или даже дерзость японцевъ казалась просто смѣшною; отъ ихъ усилій претендовать на положеніе равноправное съ великой державой, казалось, отдаетъ чѣмъ-то дѣтскимъ, въ родѣ кукольнаго театра. Вѣдь вся ихъ воинственность, всѣ эти броненосцы и крейсеры, и армія, устроенная по европейскому образцу, ничего

не стоютъ, ибо: все это одна внѣшность, видимость, жалкое позаимствованіе чужой культуры, тутъ нѣтъ никакого существа, того цѣннаго ядра, которое вырабатывается только вѣками.

Это — съ одной стороны. Съ другой — то и дѣло приходится слышать о «желтой опасности», «панмонголизмѣ», о «борьбѣ бѣлой и желтой расъ», причемъ самому столкновенію ихъ придается нѣчто стихійное, мистическое, почти апокалипсическое. И что страннѣе всего—именно на этой угрожающей всему культурному міру опасности больше всего настаиваютъ тѣ, кто съ глубочайшимъ презрѣніемъ относится къ «желтолицому» врагу, не замѣчая, какое противорѣчіе получается при этомъ. Если эти враги «жалкіе макаки», то какую же опасность могутъ они представлять культурному міру? Очевидно, въ этихъ разсужденіяхъ что-то неладно, таится какое-то недоразумѣніе и прежде всего легкомысленное отношеніе къ важности событій и къ переживаемому моменту. А между тѣмъ именно такое презрительно-хвастливое и въ то же время преувеличенно-опасливое отношеніе къ Японіи усвоили наши націоналисты и псевдо-патріоты, готовые кричать чуть-ли не объ измѣнѣ по поводу каждой попытки серьезно и спокойно, sine ira et studio, разобраться въ сложныхъ обстоятельствахъ текущаго момента. Несравненно проще поступаютъ наивные издатели лубочной литературы, изображая, напр., русскаго матроса, отрубающаго носъ японцу, съ подписью: «вотъ какъ русскій матросъ отрубилъ японцу носъ»,—или какъ тотъ же русскій матросъ топитъ японское судно, заявляя зрителямъ: «японцу съ нами трудно, каждый день топимъ у него по судну». Такое наивное хвастовство до того нелѣпо и глупо, что ничего, кромѣ улыбки, конечно, не можетъ вызвать. Своей примитивностью оно напоминаетъ ужасныхъ драконовъ, которыми китайскіе войска пугали прежде непріятеля. Если же допустить, что эти наивности лубочниковъ имѣютъ цѣлью удовлетворить примитивному патріотизму уличной толпы, то онѣ по своей простотѣ и обнаженности никого, по крайней мѣрѣ, не вводятъ въ обманъ.

Очевидно, что истинное достоинство народа, который, уважая себя, претендуетъ и на уваженіе другихъ, не показная, а дѣйствительная любовь къ родинѣ не можетъ мириться ни съ одной изъ высказанныхъ точекъ зрѣнія. Важность событій требуетъ болѣе серьезнаго отношенія къ дѣлу, требуетъ того, чтобы мы не закрывали себѣ глаза на опасность, если она существуетъ, и умѣли отнестись даже къ врагу не съ кичливымъ пренебреженіемъ легкомысленной самонадѣянности, а съ трезвымъ и вдумчивымъ пониманіемъ дѣйствительности. Не говоря уже о противорѣчіи, въ которое впадаютъ наши доморощенные политики и націоналисты, для которыхъ презрѣнные «макаки» непостижимымъ образомъ изображаютъ «желтую опасность», спросимъ себя,—такъ ли, однако, «макаки» презрѣнны, какъ ихъ хотятъ представить наши «кое-каки», и что это за «желтая опасность», о которой такъ много говорятъ иногда даже и почтенные органы?..

Отвѣтъ на первый вопросъ можетъ дать только обстоятельное знакомство съ исторіей и современнымъ состояніемъ Японіи, которая теперь, на первый

взглядъ стремительно и необдуманно, во что бы то ни стало хочетъ стать въ уровень съ другими міровыми державами. Но уже a priori можно сказать, что ничего тутъ нѣтъ стремительнаго и неожиданнаго по существу, разъ дѣло касается народа въ 46.000.000. Очевидно, были и есть глубокія внутреннія причины, вызвавшія этотъ внѣшній подъемъ, который мы видимъ въ исторіи Японіи за послѣднюю четверть вѣка. И дѣйствительно, Японія вовсе не является государствомъ вчерашняго дня, до тѣхъ поръ глубоко спавшимъ и вдругъ по велѣнію свыше проснувшимся. Ея выступленіе на міровую сцену подготовлялось давно и явилось результатомъ борьбы внутреннихъ силъ, неуклонно направлявшихъ страну по тому пути, на который и вступила Японія безповоротно въ концѣ XIX вѣка. Ея исторія имѣетъ уже почти трехъ-тысячелѣтнюю давность и при всей своей оригинальности представляетъ рядъ поразительныхъ подчасъ аналогій съ западно-европейской. Въ Японіи, напр., существовалъ феодальный строй, во многихъ отношеніяхъ напоминающій средневѣковый феодализмъ въ Европѣ, конечно и съ присущими ему чисто японскими особенностями. По времени возникновенія онъ запоздалъ, сложившись въ болѣе или менѣе окончательную форму только къ серединѣ XVII вѣка, когда въ Европѣ уже господствовалъ абсолютизмъ. Сложился японскій феодализмъ путемъ тоже чисто европейскимъ, т.-е. путемъ кровопролитныхъ войнъ, создавшихъ, съ одной стороны, нѣчто, напоминающее наше крѣпостное право, съ другой—выдвинувшихъ воинственное дворянство чисто рыцарскаго характера. Японскіе дайміосы того времени—это настоящіе бароны, окруженные вѣрными самураями, гордыми и самостоятельными, въ то же время воинственными, преданными, съ высокимъ чувствомъ родовой чести и достоинства. Существуетъ, напр., преданіе о «сорока семи ронинахъ», положившихъ жизнь на дѣло мести за своего господина, преданіе, очень напоминающее легенды того же рода изъ исторіи борьбы шотландскихъ клановъ. Въ экономическомъ отношеніи страна представлялась сплошь земледѣльческой, съ высокимъ натуральнымъ хозяйствомъ, культура котораго вызываетъ даже теперь удивленіе европейцевъ какъ своей оригинальностью, такъ и интенсивностью. И все время страна находилась въ броженіи, въ состояніи внутренняго кипѣнія, не дававшаго ей застыть въ одной формѣ, какъ Китай или Индія, но двигавшаго ее въ направленіи того переворота, который завершился уже на нашихъ глазахъ. Натуральное хозяйство уже исчерпало себя еще во времена Головина, отмѣчающаго въ своихъ запискахъ (въ началѣ XIX в.) высокую земледѣльческую культуру японцевъ и ихъ техническія способности. Феодальная система государства не давала выхода силамъ народа, душила его предпріимчивость и мѣшала проявленію скрытыхъ экономическихъ отношеній, переросшихъ формы натуральнаго хозяйства. Страна уже тогда производила въ обрабатывающей промышленности больше, чѣмъ потребляла сама, и образовался запасъ свободныхъ рабочихъ рукъ, не находившихъ приложенія въ земледѣліи, такъ какъ къ тому времени было обработано все, что поддавалось обработкѣ при тѣхъ пріемахъ, которые были въ распоряженіи народа, окруженнаго океаномъ и замкнутаго

отъ вліянія всякой посторонней культуры. При такихъ условіяхъ переворотъ въ 60-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія былъ такъ же естественъ и необходимъ, какъ у насъ уничтоженіе крѣпостного права. На смѣну натуральнаго хозяйства явилось машинное производство и новый культурный государственный строй, аналогично тому, какъ въ свое время совершился такой же переворотъ въ Западной Европѣ. Конечно, и здѣсь проявились свои чисто мѣстныя особенности, наложившія своеобразный отпечатокъ на современную японскую жизнь, но это-то и доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ простымъ чисто внѣшнимъ позаимствованіемъ, а съ глубокимъ внутреннимъ переворотомъ, который, вытекая изъ общихъ основъ, привелъ къ современнымъ результатамъ.

Машины, новые пути сообщенія, желѣзныя дороги, телеграфъ, пароходство, фабрики, печать, университетское образованіе и соотвѣтственное государственное устройство не были заимствованы, взяты на прокатъ, какъ платье съ чужого плеча. Эти болѣе или менѣе общія всему культурному человѣчеству основы современной культуры явились слѣдствіемъ внутренняго роста народа, который уже не могъ довольствоваться паруснымъ судоходствомъ, ручнымъ ткацкимъ станкомъ и патріархальнымъ домашнимъ правленіемъ подъ эгидой дайміосовъ. Страна вышла изъ стадіи натуральнаго хозяйства и безъ ломки, безъ особаго кризиса, спокойно и дѣловито перешла въ новый фазисъ, воспользовавшись всѣми тѣми формами и орудіями культуры, которыя создало человѣчество, раньше ушедшее впередъ, благодаря болѣе счастливо сложившимся для него условіямъ. Если бы вмѣсто паровой машины это человѣчество придумало къ этому времени машины, дѣйствующія силою радія, японцы съ такимъ же правомъ и основаніемъ завели бы ихъ у себя, какъ завели современныя намъ машины, парламентаризмъ, свободу печати и общее для всего народа просвѣщеніе. Но такъ какъ ничего другого человѣчество пока не придумало въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ оно до сихъ поръ развивалось, то и японцы ничего другого не могли завести у себя.

Вступивъ въ современный фазисъ культуры, они усвоили ея начала настолько, что ихъ ничѣмъ нельзя отличить отъ другихъ современныхъ культурныхъ народовъ, за исключеніемъ тѣхъ національныхъ особенностей, которыя выдѣляютъ ихъ, какъ націю, среди другихъ. Взять хотя бы ихъ печать или научные пріемы. Первая ничѣмъ не отличается отъ своей старшей западно-европейской сестры. Она по распространенности не уступаетъ печати любой культурной страны, проникаетъ во всѣ слои населенія, свободно и широко обсуждаетъ его нужды и по мѣрѣ силъ содѣйствуетъ ихъ выясненію. Къ сожалѣнію, она даже успѣла заразиться и недостатками, общими печати всѣхъ народовъ,—излишней самонадѣянностью и шовинизмомъ, особенно въ вопросахъ современной войны. Такъ, еще до войны «Шимъ-бунъ», одна изъ распространенныхъ газетъ, въ патріотическомъ задорѣ заявляла, что извѣстное всему міру превосходство русскаго солдата въ стойкости, выносливости и находчивости уравновѣшивается гражданской доблестью японца, сознательно защищающаго насущные интересы родины, дорогіе для него, какъ гражданина. Мы

думаемъ, что въ этой патріотической выходкѣ японскій авторъ хватилъ черезъ край и заходитъ дальше, чѣмъ позволяютъ факты дѣйствительности, такъ какъ и русскій солдатъ, въ дѣлѣ защиты родины, ни мало не уступитъ никому, что и доказалъ всей исторіей, побѣдоносно отстоявъ грудью границы отечества на всѣхъ его окраинахъ. Но разсужденія японской газеты—это мысли не дикаря въ европейскомъ пиджакѣ, а самаго подлиннаго культурнаго человѣка, для котораго вся цѣнность культуры только и заключается въ сознательномъ отношеніи къ жизни и въ дѣятельномъ участіи въ творчествѣ этой жизни. Точно также японскій ученый, въ родѣ Китазато, открывшій бациллу чумы и способъ прививки дифтерита (вмѣстѣ съ Берингомъ), чѣмъ онъ отличается отъ такихъ людей науки, какъ Мечниковъ, Дюкло или его товарищъ по открытію?

Смущаетъ насъ больше всего быстрота, съ которой Японія усвоила методы и средства нашей европейской культуры. Но именно эта быстрота и указываетъ на подготовленность почвы, т.-е. на существованіе условій, необходимыхъ для успѣшной культуры. Случайное обстоятельство для Японіи заключалось лишь въ томъ, что въ нужный моментъ судьба послала ей выдающагося правителя, въ лицѣ далеко не геніальнаго, но умнаго, уравновѣшеннаго и рѣшительнаго микадо, который понялъ необходимость переворота и не мѣшалъ его совершенію. Можетъ быть, не будь его, кризисъ затянулся бы, потребовалъ бы массы жертвъ и въ концѣ концовъ Японія получила бы то же, чѣмъ пользуется теперь, но ослабленная внутренними неурядицами и надолго лишенная возможности использовать всѣ средства культуры. Ударъ, нанесенный феодализму въ лицѣ шіогуна, былъ быстръ и рѣшителенъ, и вся изжитая система, не имѣвшая поддержки нигдѣ и ни въ чемъ, рухнула моментально. Новая форма правленія, замѣнившая устарѣлую и одряхлѣвшую бюрократическую систему, образчики которой съ такимъ юморомъ описаны Гончаровымъ, привилась какъ нельзя лучше именно потому, что рвавшіяся на свободу силы страны потребовали иныхъ формъ для своего развитія. Послѣдовавшій затѣмъ экономическій ростъ Японіи лучше всего говоритъ, что новая культура выросла изнутри, а не навязана извнѣ. Предъ нами не дикая страна, въ родѣ Абиссиніи, которая, вооружившись европейскимъ оружіемъ, побила итальянцевъ, но сама остается столь же дикой, какъ и во времена негуса Іоанна, когда лордъ Непиръ долженъ былъ силою оружія укротить этого звѣря. Предъ нами культурный народъ, совершившій грандіозную реформу, спокойно и сознательно вступившій на путь общечеловѣческой культуры, съ котораго уже ничто не въ силахъ своротить его.

И это надо прежде всего усвоить и помнить намъ, кому приходится теперь имѣть въ немъ врага. Здѣсь мы и подходимъ къ вопросу о пресловутой «желтой опасности». Но прежде два слова о нашихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Японіи. Сложились они съ самаго начала очень удачно, и за исключеніемъ случая съ захватомъ въ плѣнъ Головина, все время между нами и японцами были дружественныя сосѣдскія отношенія, вполнѣ отвѣчавшія интересамъ обоихъ народовъ. Японскіе порты служили постояннымъ мѣстомъ стоянки нашихъ

тихоокеанскихъ судовъ, которыя обыкновенно зимовали въ Нагасаки или Хакодате. Здѣсь возникли съ теченіемъ времени даже русско-японскіе поселки, со смѣшаннымъ населеніемъ, гдѣ русская рѣчь также пользовалась правомъ гражданства, какъ японская. Японцы тысячами переселялись на наши тихоокеанскія побережья, во Владивостокѣ, напр., была масса японскихъ купцовъ, ремесленниковъ, прислуги и т. п. И такое мирное сосѣдское житье, повидимому, превосходно отвѣчало интересамъ обѣихъ націй, которыя нигдѣ не сталкивались, другъ съ другомъ ни въ чемъ не конкурировали и другъ другу не мѣшали. Никто не думалъ въ то время ни о желтой опасности, ни о возможности столкновенія съ японцами, которые, напротивъ, постоянно выдѣляли русскихъ среди другихъ иностранцевъ и относились къ нимъ съ несомнѣннымъ дружелюбіемъ, на что мы неизмѣнно отвѣчали имъ тѣмъ же.

Такая многолѣтняя дружба могла естественно повести и къ формальному дружественному союзу обоихъ государствъ, на чемъ настаивали въ свое время люди, хорошо освѣдомленные съ положеніемъ дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ. Въ статьѣ своей въ апрѣльской книгѣ «Вѣстника Европы» г. Слонимскій приводитъ любопытныя выдержки изъ книги А. Я. Максимова «Наша задача въ Тихомъ океанѣ», въ которой авторъ еще задолго до современнаго столкновенія, въ 1894 г., указывалъ на выгоду союза съ Японіей и полную возможность его. «Г-нъ Максимовъ,—пишетъ г. Слонимскій,—горячо отстаиваетъ мысль о русско-японскомъ сближеніи и восторженно отзывается по этому поводу о японцахъ вообще. Это, по его словамъ, «народъ рыцарскій, не выносящій высокомѣрія и политическаго двоедушія: онъ признаетъ только политику чести и благоразумія, взаимнаго довѣрія и безпристрастія». «Японцы,—продолжаетъ г. Максимовъ,—чрезвычайно цѣнятъ искреннюю, безкорыстную дружбу и всегда готовы отнестись къ дружелюбной націи съ рѣдкою, вполнѣ рыцарскою предупредительностью, что важно помнить при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ. Они съ презрѣніемъ относятся къ интригамъ и подпольной политикѣ, въ родѣ англійской, и умѣютъ хорошо отличить искренній образъ дѣйствій отъ лицемѣрія и подтасовокъ». Г-нъ Максимовъ полагаетъ, что нѣтъ ничего легче, какъ войти съ японцами въ откровенныя соглашенія, и что въ обмѣнъ на нѣкоторыя политическія услуги Японія охотно отказалось бы отъ Кореи и даже согласилась бы признать ее лежащей въ сферѣ политическаго вліянія Россіи. Японцамъ нѣтъ разсчета преслѣдовать эфемерныя завоеванія на материкѣ, гдѣ имъ предстояли бы хроническія столкновенія съ Китаемъ, и они, по всей вѣроятности, ограничились бы лишь островными пріобрѣтеніями, съ Формозой включительно. Въ виду предстоявшей военной развязки японско-китайскаго конфликта, г. Максимовъ настоятельно совѣтовалъ, не раздумывая, стать на сторону Японіи. «Надо твердо помнить, что здравая политика разрѣшаетъ государству оказывать какую-либо поддержку только испытаннымъ друзьямъ, или когда это выгодно. Въ отношеніи Китая мы не видимъ ни того, ни другого. Китай никогда не стоялъ съ нами въ искреннихъ дружественныхъ отношеніяхъ, и этой честной дружбы нельзя ожидать отъ него и въ будущемъ».

Сохраняя съ нами видимую дружбу, Китай «всегда держалъ за пазухой камень, которымъ билъ насъ часто и больно». Онъ всегда злоупотреблялъ «нашимъ крайнимъ довѣріемъ и рыцарскою честностью. Японія же до послѣдняго времени осталась вѣрной своей прямой, миролюбивой относительно Россіи политикѣ, несмотря даже на то, что наши недальновидные политическіе дѣятели крайняго Востока не разъ вызывали ее на столкновеніе. Чѣмъ отплатила напр., намъ Японія за цѣлый рядъ насилій отдѣльныхъ личностей, дѣйствовавшихъ какъ бы по иниціативѣ русской дипломатіи? Искреннимъ желаніемъ устранить всякій поводъ къ столкновеніямъ и выдающимся дружелюбіемъ. Не Японія ли,—продолжаетъ авторъ,—дала гостепріимный пріютъ сотнямъ нашихъ моряковъ, имѣвшимъ несчастіе потерпѣть крушеніе у японскихъ береговъ; не она ли много разъ спасала отъ голода наши заброшенные военные посты на островѣ Сахалинѣ; не она ли постоянно выражала желаніе войти съ Россіей, преимущественно передъ другими державами, въ дружескія и торговыя сношенія? Японія оказывала намъ свое рѣдкое расположеніе даже въ такое тяжелое время, когда по всей имперіи шло энергическое преслѣдованіе всѣхъ европейцевъ. Въ то время, когда туземные христіане-католики и протестанты гибли тысячими подъ ударами японскихъ фанатиковъ, православные японцы оставались неприкосновенными... Сообразивъ все прошлое, спрашиваемъ,—можетъ ли Россія дѣлать выборъ между Японіей и Китаемъ? Ни въ какомъ случаѣ Всѣ наши симпатіи должны сосредоточиться исключительно на могущественной островной монархіи, которой предстоитъ въ недалекомъ будущемъ играть въ Великомъ океанѣ выдающуюся политическую роль». Японія,—говоритъ г. Максимовъ,—единственный вѣрный нашъ союзникъ въ Тихомъ океанѣ; «дружба ея для насъ одинакова дорога, какъ наша дружба дорога для Японіи. Мы должны быть по возможности солидарны съ этой державой, такъ какъ имѣемъ съ нею много общихъ точекъ политическаго соприкосновенія. Поэтому въ высшей степени не патріотичны усилія нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ, старающихся обострить дружественныя отношенія, существующія между Россіей и Японіей, обострить въ пользу дикаго, непонятнаго союза съ Китаемъ исконнымъ нашимъ врагомъ, вѣчно находящимся подъ давленіемъ нашихъ недоброжелателей».

Такъ было въ прошломъ, хотя и весьма недалекомъ, но все же прошломъ, и вотъ теперь мы только и слышимъ о «желтой опасности», которая, главнымъ образомъ, угрожаетъ яко бы намъ со стороны нѣкогда «единственнаго» нашего друга на Дальнемъ Востокѣ. Что же это за опасность и въ чемъ она? Въ двухъ видахъ представляется она тѣмъ пророкамъ, которые особенно на нее упираютъ: въ экономическомъ и военномъ. Въ свое время первый заговорилъ о ней Вл. Соловьевъ, въ своихъ «Трехъ разговорахъ подъ пальмами». Но у него эта идея была облечена въ такую фантастическую форму, что едва ли у кого могла явиться мысль о возможности ея осуществленія. Современные пророки облекаютъ ее въ болѣе упрощенную и фактическую одежду.

Японія такъ быстро совершила эволюцію изъ чисто земледѣльческой страны

въ фабрично-промышленную, говорятъ они, что легко можетъ вытѣснить въ близкомъ будущемъ европейскіе фабрикаты съ тихоокеанскаго рынка. У нея есть для этого всѣ данныя: свой уголь, свое желѣзо, свои сырые продукты, а обиліе рабочихъ рукъ и ихъ дешевизна ставятъ ее внѣ конкурренціи. Въ теченіе одного десятилѣтія, съ 1890 до 1900 г. ея бумагопрядильное и шелковое производство возросло съ 50 до 500 мил. франковъ. Все это вѣрно, но въ самой этой быстротѣ и заключается предохранительный клапанъ, такъ какъ немедленно обнаружились и задерживающія силы. Вмѣстѣ съ культурнымъ ростомъ Японіи возникло и рабочее движеніе, которое уже теперь повело къ подъему заработной платы, о чемъ такъ сокрушается, напримѣръ, г. Дюмоларъ. Повышеніе платы выравниваетъ условія конкурренціи, а недостатокъ капитала въ Японіи сдерживаетъ ростъ ея промышленности. Если теперь Японія почти не пользуется привозными матеріалами, то вывозъ ея почти достигъ предѣла, такъ какъ, не смотря на всѣ благопріятныя условія (близость рынковъ сбыта прежде всего), ей трудно выдерживать конкурренцію западно-европейскихъ и въ особенности американскихъ фабрикатовъ. Но, допуская даже, что Японія окажется въ состояніи конкурировать съ Европой и Америкой, намъ, русскимъ, отъ этого ни тепло, ни холодно, такъ какъ въ этой экономической борьбѣ на рынкахъ Дальняго Востока мы не принимаемъ почти никакого участія, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія надѣяться, чтобы эти условія измѣнились для насъ въ благопріятную сторону даже въ отдаленномъ будущемъ. Если бы Японія была нами разгромлена, то экономически на Дальнемъ Востокѣ мы не станемъ сильнѣе: отъ этого выиграли бы Америка и Англія, которыя такимъ дешевымъ способомъ, за нашъ счетъ, лишились бы важнаго конкурента на все время, пока Японія была бы вынуждена залечивать раны, нанесенныя нами. Наоборотъ, пока Японія въ силахъ вести экономическую борьбу съ названными странами, намъ это только на руку, какъ все, что не допускаетъ усиленія ихъ преобладающаго господства на Дальнемъ Востокѣ. Мы понимаемъ, что на Западѣ эти вопли о желтой опасности могутъ имѣть основаніе, но, право, намъ-то не зачѣмъ къ нимъ присоединяться. Да и въ Европѣ болѣе дальновидные экономисты отнюдь не раздѣляютъ взглядовъ пессимистовъ на желтую опасность. Такъ, въ «Revue» Альбертъ Метэнъ, въ объективной статьѣ разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, спокойно заключаетъ, что, конечно, придетъ время, когда промышленность и на Дальнемъ Востокѣ окажется достаточно сильной, чтобы конкурировать съ западно-европейской, но и тогда это можетъ быть лишь при равныхъ силахъ, а не преобладающихъ со стороны Японіи. Промышленность неудержимо распространяется съ Запада на Востокъ, изъ Англіи въ Германію, изъ Германіи въ Россію, изъ Россіи въ Китай, изъ странъ съ болѣе высокой заработной платой въ страны съ болѣе низкой. Но она развилась и въ странѣ съ наиболѣе высокой заработной платой—въ Америкѣ, которая и является теперь самымъ сильнымъ соперникомъ всей Европѣ, благодаря обилію сырыхъ продуктовъ, превосходству машинъ и силѣ капитала. Условія производства стремятся стать на одномъ уровнѣ всюду, какъ

уровень воды въ сообщающихся сосудахъ. Въ концѣ концовъ наступитъ равновѣсіе, и если не будетъ больше странъ дикихъ съ промышленной точки зрѣнія, то не будетъ и странъ господствующихъ на міровомъ рынкѣ. Промышленное и торговое господство, поэтому, не перейдетъ къ «желтолицымъ», хотя они и выступаютъ теперь конкурентами,—только не намъ, русскимъ, замѣтимъ еще разъ отъ себя, такъ какъ мы съ ними не конкурировали до сихъ поръ и врядъ ли будемъ когда-либо.

Остается вопросъ о военной желтой опасности. Правду сказать, это скорѣе недоразумѣніе, чѣмъ опасность. Европейцы обрушились на Дальній Востокъ, затормошили его, что называется, стали рвать по клочкамъ и затѣмъ завопили объ опасности. Кто же ее создалъ? Но разъ она явилась, приходится считаться съ нею. Въ чемъ же она можетъ проявиться? Въ новомъ нашествіи варваровъ, только вооруженныхъ всѣми усовершенствованіями европейскаго военнаго искусства? Если Вл. Соловьевъ могъ вообразить себѣ и нарисовать художественную картину подобнаго нашествія милліонныхъ полчищъ китайцевъ, обрушивающихся на Европу, какъ во время оно гунны или монголы, то поэту и мистику это простительно. Но современнымъ политикамъ серьезно говорить о новомъ нашествіи варваровъ можно развѣ въ шутку. Не говоря уже о полной невозможности милліонныхъ массовыхъ передвиженій въ наши дни, стоитъ только нѣсколько остановиться надъ вопросомъ о вооруженіи, чтобы понять всю нелѣпость подобныхъ фантасмогорій. Современная Японія употребила достаточно усилій, чтобы создать себѣ вооруженіе по европейскому образцу, и почти истощила себя. Для Китая это теперь не по силамъ и врядъ ли когда сможетъ онъ выставить болѣе или менѣе сильную и хорошо вооруженную армію. Китай бѣденъ, населеніе его разноплеменно и слабо объединено. Чтобы превратить его въ военную державу, въ родѣ Россіи, съ ея четырехмилліонной арміей, надо его преобразовать въ конецъ, а для этого необходимы вѣка. То, что оказалось возможнымъ для Японіи съ 46 милліонами однообразнаго населенія, немыслимо для 400 милліоновъ различныхъ народовъ и народцевъ, объединяемыхъ европейцами подъ общимъ именемъ китайцевъ. Такимъ образомъ, военная желтая опасность есть чистѣйшій миѳъ, не имѣющій и тѣни реальной почвы подъ собой.

Итакъ, никакой желтой опасности не существуетъ, нѣтъ никакого панмонголизма, никакой «Азіи для азіатовъ». Все это или плодъ досужей фантазіи газетныхъ обозрѣвателей, или мечтателей мистиковъ à la Вл. Соловьевъ. Во всякомъ случаѣ въ трезвой и здоровой политикѣ имъ не мѣсто. Еще менѣе могутъ имѣть здѣсь значенія дикія мечты нашихъ націоналистовъ о провиденціальной роли Россіи въ Азіи. До сихъ поръ самымъ ярымъ проповѣдникомъ этой мечты выступалъ кн. Ухтомскій. Въ разгаръ китайской смуты онъ доказывалъ, что союзъ Россіи съ Китаемъ дастъ русскимъ возможность овладѣть всей Азіей. Теперь ту же идею онъ снова проводитъ въ брошюрѣ «Передъ грознымъ будущимъ», въ которой, отрицая панмонголизмъ и желтую опасность, онъ все же пишетъ: «Всѣ тѣ идеи мірового господства (въ пре-

дѣлахъ стараго свѣта), которыми жили и дышали величайшія монархіи древняго міра и средневѣковыя, всецѣло перешли въ кровь и плоть русскаго народа, послѣ столѣтій единоборства съ татарами»... Мечты автора туманны и неопредѣленны, онъ сентиментально воркуетъ на тему объединенія всѣхъ азіатскихъ народовъ подъ эгидой «Бѣлаго царя», о мирномъ и дружественномъ сожитіи (симбіозѣ) всѣхъ азіатцевъ подъ крылышкомъ «матушки» Россіи. Толкуетъ нѣчто и о Японіи, которая рисуется ему просто заблудшей овцой съ того момента, какъ микадо переселился изъ Кіото въ Токіо и этимъ актомъ, аналогичнымъ перенесенію столицы изъ Москвы въ Петербургъ, закрѣпилъ начало новаго государственнаго строя. Въ мечтахъ князя Ухтомскаго одно хорошо: онѣ не воинственны, въ нихъ нѣтъ кроваваго тумана, дурманящаго головы другихъ, болѣе рѣшительныхъ патріотовъ, за что нельзя не похвалить добраго князя.

Его идеи вдохновили и г. Перцова, который на страницахъ «Новаго Пути» тоже сталъ «судить, рядить и войско разводить». Какъ и подобаетъ редактору журнала символическаго и декадентствующаго, г. Перцовъ пришелъ въ восторгъ отъ идеи «паназіатизма». Какъ извѣстно, таинственный востокъ всегда манилъ декадентовъ своими «безднами» и «неизвѣданными глубинами», откуда еще Блавацкая извлекала своихъ «махатмовъ» и «іоговъ» на потѣху скучающихъ лондонскихъ теософовъ. Война окрылила надеждами г. Перцова и, осѣдлавъ боевого коня, онъ ринулся въ безкровную битву. Вѣдь такъ пріятно, сидя за письменнымъ столомъ, сочинять воинственные планы,—удовольствіе, своевременно отмѣченное еще мирнымъ бюргеромъ въ гетевскомъ «Фаустѣ». «Паназіатизмъ»,—пишетъ г. Перцовъ, «это слово дѣйствительно можетъ стать опредѣленіемъ исторической судьбы восточнаго материка, но подъ условіемъ, что оно будетъ понято, не какъ минутная претензія Японіи, а какъ вѣковая *цѣль Россіи* (курсивъ г. Перцова). Только сто-тридцатимилліонная (а съ западнымъ славянствомъ еще на пятьдесятъ милліоновъ больше) масса арійцевъ Восточной Европы, достаточно самобытныхъ въ культурномъ отношеніи и въ то же время обладающихъ несомнѣнной способностью расовой ассимиляціи, при глубокихъ чертахъ аналогіи именно съ желтымъ племенемъ и всѣмъ духовнымъ складомъ континентальнаго восточнаго міра, — единственно только эта группа бѣлыхъ имѣетъ право законное, историческое на гегемонію среди желтыхъ» Москва, «старая собирательница», вотъ кто соберетъ всѣхъ азіатовъ и объединитъ ихъ,—вокругъ чего, объ этомъ авторъ скромно умалчиваетъ. И хорошо дѣлаетъ ибо отвѣтить на этотъ вопросъ такъ же невозможно, какъ осуществить его программу «собиранія» Азіи.

Какъ ни наивны всѣ подобныя мечты гг. Перцовыхъ и прочихъ нашихъ націоналистовъ, но въ нихъ характерно отражается безсознательный для самихъ авторовъ имперіализмъ, проникающій теперь внѣшнюю политику почти всѣхъ народовъ. По существу современный имперіализмъ является дальнѣйшей стадіей развитія капитализма, который у себя на родинѣ, въ Англіи, Америкѣ, Германіи уже не находитъ достаточной пищи и

вынужденъ «бродить по свѣту» въ поискахъ новыхъ рынковъ. Намъ послѣдніе пока не нужны, потому что нечего вывозить, и вотъ мы выдвигаемъ вмѣсто товаровъ—идею о собираніи Азіи, о единеніи всѣхъ азіатовъ подъ знаменемъ Россіи и прочее добро того же рода, которое, правда, не котируется на биржѣ, но за неимѣніемъ другого все же можетъ сойти за «политику», хотя, навѣрное, вызывающую улыбку у западно-европейскихъ имперіалистовъ. Пока мы ввозимъ въ Азію идеи о паназіатизмѣ, какъ «вѣковой цѣли» Россіи, они заблаговременно успѣютъ «и щи, и кашу всю пріѣсть».

Каковъ будетъ исходъ нашего столкновенія съ японцами, это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Временные успѣхи ихъ на морѣ никого не могутъ смутить, такъ какъ пока ничего рѣшительнаго они не добились, упустили время, дали намъ возможность укрѣпиться и тѣмъ подготовили свое будущее пораженіе. Наша побѣда въ концѣ концовъ обезпечена огромными по сравненію съ Японіей средствами, и превосходствомъ нашей испытанной арміи. Чѣмъ скорѣе будетъ нанесенъ нами ударъ, рѣшающій вопросъ, тѣмъ выгоднѣе для обѣихъ сторонъ, такъ какъ длительная, затяжная война только истощитъ, приведя все къ тому же положенію, съ котораго она началась. Но увѣренность въ окончательной побѣдѣ должна внушить намъ спокойствіе, съ которымъ мы можемъ относиться къ текущимъ событіямъ безъ фантастическихъ опасеній и хвастливо-презрительнаго отношенія къ врагу. Пусть наши патріоты помнятъ, что третированіе врага обезцѣниваетъ побѣды и усугубляетъ горечь пораженія.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Попеченіе о народной нравственности. Характерный примѣръ своеобразнаго попеченія о народной нравственности приводитъ минскій корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

По существующимъ съ давнихъ поръ деревенскимъ обычаямъ, крестьянскіе парни и дѣвушки въ праздничные дни, по вечерамъ, всегда собирались и собираются на «игрища», составляютъ хороводы, гуляютъ по улицѣ, весело и оживленно, иногда съ пѣснями, проводя нѣсколько счастливыхъ часовъ, особенно пріятныхъ послѣ тяжелаго и скучнаго недѣльнаго труда.

Казалось бы, что въ этомъ грѣха не много.

Однако, лица, которымъ ввѣрено наблюденіе за общественной нравственностью, подчасъ смотрятъ на это иначе.

Возьмемъ хотя бы село К—чи, Рѣжицкаго уѣзда, Минской губерніи.

Прежній священникъ о. В. К., будучи склоненъ къ монашескимъ тенденціямъ, безпощадно обличалъ съ церковной каѳедры и «безнравственность», и «разгулъ», и пѣсни, и музыку, и даже самого злосчастнаго музыканта Марка съ его «діавольскимъ орудіемъ»—скрипкой. Боясь проповѣдей, постоянно его обличавшихъ, бѣдный скрипачъ пересталъ и въ церковь ходить. Впрочемъ, проповѣди эти, несмотря на всю ихъ настойчивость и грозность, оказались неубѣдительными, такъ какъ основывались на точкѣ зрѣнія, далеко расходившейся съ жизнью.

Но вотъ въ село назначили новаго священника—молодого человѣка. Всѣ ожидали большихъ перемѣнъ; но и замѣститель о. В. К. рѣшилъ, повидимому, продолжать начатое его предшественникомъ дѣло искорененія дурныхъ и насажденія добрыхъ нравовъ среди крестьянъ.

Собравъ деревенскую полицію, молодой человѣкъ становится во главѣ ея и самъ разгоняетъ «игрища». По вечерамъ, съ палкою въ рукѣ, ходитъ онъ по селу, гоняясь за гуляющими по улицѣ или расположившимися кучками на завалинкахъ избъ парнями и дѣвушками. Послѣдніе, завидѣвъ опасность, разбѣгаются по закоулкамъ дворовъ, но и тамъ трудно укрыться отъ усерднаго «ловца человѣковъ». Кого священнику удастся поймать, того онъ записываетъ и черезъ сельскую полицію въ первый за симъ праздникъ пригла-

шаетъ въ церковь для выполненія положенной на грѣшника эпитиміи въ видѣ публичныхъ земныхъ поклоновъ въ довольно внушительномъ количествѣ. Такъ, напримѣръ, были назначены поклоны: Ефиму Зайцу—50, Льву Юденко—100, Ѳомѣ Закружному—100, Павлу Папушѣ—100, Саввѣ Юденко—100, Терентію Юденко—100, Ѳедору Зайцеву—300, Кипріану Зайцеву—600 и т. д.

Нѣкоторые изъ виновныхъ послѣ отбытія наказанія жаловались на боль въ суставахъ и ломоту въ костяхъ.

Между прочимъ, вышеуказанному Кипріану Зайцеву, парню 21 года, за то, что онъ не снялъ шапки на «игрищѣ» передъ священникомъ, вошедшимъ туда разгонять танцовавшихъ, было предложено одно изъ двухъ наказаній: либо—тюрьма, либо—600 поклоновъ. «Грѣшникъ» отвѣтилъ, что для него оба наказанія равносильны, и заявилъ, что 600 поклоновъ онъ не перенесетъ безъ вреда для здоровья.

— Я бы, батюшка,—добавилъ онъ,—попробовалъ отбивать поклоны, да часу нема. Въ будни работаю, а въ недѣлю (воскресенье) треба идти къ купцу на разсчетъ, бо ѣсти нечего... Однако, понуждаемые сотскимъ и десятскими и устрашаемые большимъ наказаніемъ виновники, въ большинствѣ случаевъ, подчиняются. Но есть между ними и такіе,—обыкновенно парни старше 20-ти лѣтъ,—которые, стыдясь публичнаго позора (а такое наказаніе при людяхъ, не понимающихъ его значенія, является, дѣйствительно, позорнымъ),—вотъ уже почти годъ совсѣмъ перестали посѣщать храмъ.

Такимъ образомъ, новая мѣра борьбы съ «безнравственностью» не только не достигла цѣли, но направила дѣло въ обратную сторону.

Мужики же объясняютъ ее себѣ по своему:

— Што гэто, братки, такое? Бувы, што батюшка и самъ у госцяхъ скаче, а на насъ дакъ напасцъ... Альбо онъ на насъ сердзицца, альбо—такій приказъ вышелъ, штобъ мужикъ ничего не переймалъ у пановъ и не дурѣлъ (развлекаясь играми) такъ, якъ ены!..

На спичечныхъ фабрикахъ. О положеніи рабочихъ на спичечныхъ фабрикахъ корреспондентъ «Днѣпровскаго Вѣстника» разсказываетъ слѣдующее:

«Шесть лѣтъ назадъ производство фосфорныхъ спичекъ мѣстнымъ фабрикантамъ было воспрещено. Фабриканты выпросили отсрочку на два года, чтобы использовать заготовляемый матеріалъ. Вмѣсто двухъ лѣтъ, однако, прошло шесть, фосфорныхъ спичекъ ежегодно вырабатывается огромное количество, а заготовленный матеріалъ все не убываетъ.

«На фабрикѣ Ельнинскаго рабочихъ нѣсколько сотъ человѣкъ: мужчинъ, женщинъ и подростковъ. Рабочій день $12^1/_2$ часовъ; начинается онъ въ 6 ч. утра и продолжается до 8 час. вечера, съ $1^1/_2$ часовымъ промежуткомъ для обѣда, 15-ти-лѣтніе должны работать только до 5 час. вечера, но работаютъ тоже до 8 час. вечера, т.-е. наравнѣ со взрослыми. Помѣщенія для рабочихъ, живущихъ на фабрикахъ, отвратительны: сыры, грязны, кишатъ паразитами.

«Рабочіе, конечно, болѣютъ. Для леченія рабочихъ на фабрикѣ числится

вольнопрактическій фельдшеръ; но такъ какъ онъ именно числится, то-есть на фабрикѣ не живетъ, то его все равно, что и нѣтъ. Тѣмъ не менѣе обращаться за врачебною помощью на сторону рабочимъ не дозволяется. Время, потраченное на ходьбу хотя бы въ земскую больницу, отстоящую отъ фабрики въ трехъ верстахъ, считается прогульнымъ и оплачивается дороже рабочаго времени: съ рабочаго, получающаго въ день 83 копѣйки, за прогулъ удерживается рубль. Въ прогулъ засчитывается не только дни, но и часы.

«Объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей рабочихъ и говорить нечего. На фабрикѣ нѣтъ ни школы, ни библіотеки, не устраивается чтеній. Рабочій всегда состоитъ передъ фабрикой въ неоплатномъ долгу. Долгъ прикрѣпляетъ его къ ней, и онъ уже никакъ не можетъ вырваться, отдавая силы и здоровье за нѣсколько рублей.

«И въ довершеніе картины—не столь разительная, но тоже характерная подробность: работницъ при выходѣ обыскиваетъ сторожъ...

«Есть въ вяземскомъ уѣздѣ и другая фосфорно-спичечная фабрика Хохлова, и порядки на ней, повидимому, не лучше. А въ Россіи есть и другіе уѣзды, кромѣ Вяземскаго: въ этихъ уѣздахъ тоже могутъ быть фосфорно-спичечныя фабрики, у которыхъ тоже могъ оказаться въ свое время не использованный матеріалъ и которымъ тоже могла быть дана льготная отсрочка... Кто-нибудь однако долженъ же слѣдить за тѣмъ, чтобы временныя отсрочки не обращались въ безконечныя, особенно когда дѣло идетъ объ охранѣ народнаго здравія».

Въ чувашскихъ селеніяхъ. «Казанская Земская Газета» извлекаетъ изъ отчетовъ земскихъ врачей свѣдѣнія о чувашскихъ селеніяхъ, въ которыхъ свирѣпствуетъ поголовная трахома.

Земскій врачъ Тетюшскаго уѣзда Орѣшниковъ, имѣя много дѣла съ трахоматозными больными, пишетъ слѣдующее:

«Трахома среди чувашскаго населенія развита до ужасающихъ размѣровъ. Хвораютъ поголовно всѣ, начиная отъ грудныхъ младенцевъ. Къ такому явленію всѣ окружающіе настолько привыкли и освоились съ нимъ, что трахома у чувашъ представляется какъ бы національной, врожденной особенностью, какъ, напр., курчавые черные волосы и толстыя губы у негровъ и т. д. Стоитъ только подумать о трахомѣ, какъ въ воображеніи сейчасъ же является образъ подслѣповатаго чувашина и наоборотъ, увидя чувашина, сію же минуту приходятъ въ голову трахоматозныя зерна, какъ при словѣ негръ возникаетъ понятіе о всѣхъ особенностяхъ, свойственныхъ этой націи.

«Заболѣваніе трахомой среди мѣстнаго татарскаго, а равно и русскаго населенія, встрѣчается сравнительно рѣдко.

«Склонность чувашъ къ заболѣванію трахомой станетъ ясна и понятна каждому, стоитъ только взглянуть на условія и обстановку ихъ жизни. Въ большинствѣ случаевъ отсутствіе самыхъ первичныхъ понятій о чистоплотности и крайняя некультурность чувашъ подготовили и подготовляютъ прекрасную почву для развитія и распространенія этой опасной болѣзни.

«При леченіи трахомы врачамъ приходится имѣть дѣло обыкновенно съ

застарѣвшими формами болѣзни, какъ и со многими другими болѣзнями. Земскій врачъ Спасскаго уѣзда Купенскій пишетъ въ своемъ отчетѣ, что, несмотря на увеличивающееся довѣріе населенія къ врачебной помощи, выражающееся въ большемъ количествѣ посѣщеній за послѣдніе годы, населеніе все же еще не привыкло обращаться за помощью тотчасъ же по заболѣваніи, даже въ болѣе важныхъ случаяхъ.

«— Давно-ли боленъ?

«— Да, дней восемь.

«— Почему же раньше не пришелъ?

«— Все ждали, не пройдетъ ли.

«Вотъ разговоръ, который весьма нерѣдко можно слышать въ лечебницѣ.

«Причинъ, почему населеніе запаздываетъ обращеніемъ за помощью къ врачамъ—очень много. Одною изъ главныхъ является вѣра въ знахарей, къ которымъ населеніе привыкло обращаться прежде всего. Очень много больныхъ обращаются къ врачамъ уже послѣ того, какъ они безуспѣшно лечились у знахарей. Далѣе существуютъ причины хозяйственныя и климатическія.

«Въ страдную рабочую пору, въ сильные морозы, вьюгу, въ распутицу больныхъ обыкновенно бываетъ мало.

«Въ свободное же отъ сельскохозяйственныхъ работъ время, когда бываетъ тепло и хорошія дороги, количество больныхъ при врачебныхъ пунктахъ увеличивается».

Судьба земскихъ школъ. Чернское уѣздное земское собраніе (Тульской губ.) 6-го октября 1897 года, какъ извѣстно, постановило передать всѣ земскія школы Чернскаго уѣзда въ духовное вѣдомство, съ субсидіей отъ земства въ размѣрѣ 6.000 руб. въ годъ.

Губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе, которому было обжаловано это постановленіе чернскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства г. Левицкимъ и директоромъ народныхъ училищъ г. Яблочковымъ, утвердило постановленіе земскаго собранія, основываясь на томъ, что закономъ не запрещена передача школъ, содержимыхъ земствомъ, въ епархіальное вѣдомство, и что такая передача допускается на практикѣ.

По жалобѣ предводителя дворянства и директора народныхъ училищъ дѣло было перенесено въ сенатъ. Первое общее собраніе сената разсмотрѣло это дѣло 22-го декабря прошлаго года и постановило отмѣнить постановленіе присутствія, какъ незаконное.

По разъясненію сената, земскія учрежденія не лишены права прекращать ассигнованія на предметы своего хозяйства, въ томъ числѣ и на содержаніе школъ, но самая передача земскихъ школъ въ епархіальное вѣдомство, на основаніи ст. ст. 3477, 3478 и 3487 уст. уч. зав. (Св. зак., т. XI, ч. 1, изд. 1893 г.), могла состояться лишь съ согласія уѣзднаго училищнаго совѣта, чего въ данномъ случаѣ не было.

Многія школы Чернскаго уѣзда содержались не исключительно на земскія средства: однѣ—на средства частныхъ лицъ всецѣло, другія—на совмѣстныя

средства земства и частныхъ лицъ или крестьянскихъ обществъ. Передача въ епархіальное вѣдомство такихъ школъ, какъ разъяснилъ сенатъ, могла состояться не иначе, какъ съ согласія лицъ и обществъ, участвующихъ въ содержаніи школъ. Въ данномъ же случаѣ не только не было рѣчи объ этомъ согласіи, но нѣкоторыя лица, пожертвовавшія капиталы на содержаніе школъ,—свѣтлѣйшая княгиня Имеретинская, графъ Толстой, Корниловъ и др.—прямо категорически высказали свой протестъ противъ передачи содержимыхъ при ихъ посредствѣ школъ въ епархіальное вѣдомство.

Отмѣнивъ на этомъ основаніи извѣстное постановленіе, сенатъ поручилъ присутствію постановить новое опредѣленіе.

Въ настоящее время это порученіе сената исполнено, и, такимъ образомъ, чернскому земству предстоитъ вновь обсудить этотъ нашумѣвшій вопросъ и рѣшить заново судьбу школъ Чернскаго уѣзда.

Жилища рабочихъ на Мурманѣ. Въ «Архангельскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ» находимъ описаніе помѣщеній или «становъ», въ которыхъ ютятся во время рыбныхъ промысловъ на Мурманѣ рабочіе. Данныя почерпнуты изъ описанія 644-хъ промысловыхъ предпріятій. Общій видъ «становищъ» такой.

Постройки стоятъ тѣсно, безъ всякаго порядка. Почва загрязнена въ очень сильной степени. Строятся станы безъ всякаго фундамента и забивки свай; полъ настилается или прямо на землю, или кладется на нетолстыхъ балкахъ; во многихъ нѣтъ сплошнаго пола, а только нѣсколько досокъ посреди нѣ стана, между нарами. «Въ дождливую и вѣтренную погоду въ плохихъ промысловыхъ станахъ приходится положительно страдать: протекаетъ сверху и съ боковъ, дуетъ съ боковъ и снизу; въ щели пола просвѣчиваетъ вода и грязь; не закрытая поломъ земля въ стану, всегда влажная отъ ополосковъ и отбросовъ, въ дождь превращается въ сплошную грязную лужу». Спеціальныхъ отхожихъ мѣстъ совершенно нѣтъ, отправленія совершаются подъ открытымъ небомъ, около становъ или недалеко отъ нихъ; помои, отбросы—все бросается и льется около становъ, загрязняя до нельзя почву и образуя зловонныя кучи. Однако и эти незатѣйливыя жилища не каждый промышленникъ имѣетъ въ собственности. Изъ 644-хъ предпріятій только 52,2% имѣютъ собственный станъ, 40,2% нанимаютъ чужіе станы, остальные вовсе не помѣщаются въ станахъ на берегу, а живутъ на судахъ. Владѣніе собственными станами находится въ прямой зависимости отъ степени экономическаго благосостоянія промышленниковъ. Изъ владѣльцевъ-пайщиковъ судовъ собственные станы имѣютъ 39,4%, владѣльцы единоличные одного судна—53,7%, двухъ судовъ—86,3%, трехъ судовъ и болѣе—почти всѣ 97,4%. По типу помѣщенія представляютъ изъ себя деревянные «станы», деревянные амбары и землянки-свѣжи; первыхъ—84%, вторыхъ—3%, третьихъ—13%. Если деревянные станы крайне плохи, то все-таки они имѣютъ печи, землянки же не отапливаются совсѣмъ. Какъ велики размѣры становъ? Площадь пола по разсчету на одного человѣка въ среднемъ равна 0,54 кв. саж., «если не вычитать

мѣста, занимаемаго ночью нарами, столомъ и пр. Вычтя же все это, получимъ такую площадь, на которой обитателямъ негдѣ будетъ помѣщаться даже и стоя». Среднее кубическое содержаніе воздуха на одного живущаго, «если не вычитать объема печи и пр.», равно 0,75 куб. саж. По линейнымъ размѣрамъ станы длиной въ среднемъ въ 7—8 арш., шириною 7—$7^1/_2$ арш., высотой 4—$4^1/_2$ арш. Въ среднемъ въ станѣ живетъ 8,74 чел.; колебанія здѣсь minimal'ныя 6,3, maximal'ныя—18,9. Общій выводъ: «болѣе половины промышленниковъ помѣщается въ станахъ съ наименьшимъ содержаніемъ воздуха». Еще безотраднѣе помѣщеніе промышленниковъ, принужденныхъ жить на судахъ. Ни судовая каюта мореходнаго судна, ни тѣмъ болѣе ельная, малыя по размѣрамъ и грязно содержимыя, отнюдь не могутъ быть признаны помѣщеніями, пригодными для постояннаго жилья; обитатели же шпякъ и елъ безъ каюты должны быть отнесены по жилищнымъ условіямъ къ разряду совершенно «неблагополучныхъ». Если нѣтъ на промысловой посудинѣ каюты (шняка, карбасъ, ела), то въ цѣляхъ защиты отъ дождя и вѣтра во время стоянокъ въ становищѣ надъ кормовою частью судна растягивается парусъ на два ската; подъ нимъ производятся всѣ работы по размоткѣ снасти, подъ нимъ обѣдаютъ, спятъ, словомъ, «живутъ».

Такими красками рисуетъ жизнь поморовъ-промышленниковъ и рабочихъ на мурманскомъ берегу мѣстный оффиціальный органъ, и трудно, конечно, подумать, чтобы эти краски были сгущены, а не наоборотъ, хотя едва ли и можно еще представить худшую обстановку. Между тѣмъ, въ такой обстановкѣ живутъ полгода нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ. Санитарный отрядъ Краснаго Креста, ежегодно выѣзжающій на Мурманъ, констатируетъ, что первое мѣсто по количеству заболѣваній здѣсь занимаютъ болѣзни кожи и подкожной клѣтчатки; нѣтъ сомнѣнія, что причины ихъ—тѣ отвратительныя, антисанитарныя условія, въ которыхъ живутъ рабочіе-рыболовы.

Помимо нашей некультурности, небрежности и невниманія къ интересамъ и обезпеченію хоть сколько-нибудь сноснаго существованія рабочему, въ дѣлѣ невозможнаго состоянія «становищъ» имѣетъ первенствующее значеніе отсутствіе на Мурманѣ лѣса для построекъ и дороговизна его. Въ результатѣ станы строятся не изъ лѣса, а изъ всякой дряни,—изъ обломковъ судовъ, старыхъ лодокъ, случайно пойманнаго лѣса, снесеннаго съ пароходовъ, везущихъ за границу чудный архангельскій лѣсъ, равнаго которому нѣтъ, кажется, въ Европѣ по его тонкослойности и прочности древесины, и т. п., а далѣе пойдутъ камень, дернъ для землянокъ, вѣжъ, шалашей. Улучшить упомянутый вопросъ на Мурманѣ можно прежде всего доставкой туда хорошаго дешеваго или даже безплатнаго (для маломощныхъ промышленниковъ) строеваго лѣса. Медицинская помощь ежегодно доставляется въ эту отдаленнѣйшую часть Европейской Россіи въ видѣ отряда Краснаго Креста. Необходимо оказать содѣйствіе промышленникамъ и въ пріобрѣтеніи лѣсного строительнаго матеріала, доставка коего Бѣлымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ не будетъ представлять ни затрудненій, ни крупныхъ расходовъ. Въ Архангельской губерніи около 33.000.000 десятинъ лѣса; нѣсколько милліоновъ деревъ и въ распи-

ленномъ видѣ, и круглякомъ ежегодно вывозится изъ архангельскихъ портовъ за границу, а въ той же Архангельской губерніи жилища строятся изъ случайно уловленныхъ досочекъ уплывающаго изъ Россіи лѣса! Не менѣе ощутителенъ недостатокъ и топлива на Мурманѣ. Цѣна на дрова повышается съ каждымъ годомъ. Маховая сажень до 1898 года тамъ стоила 3 — 3½ руб., въ 1898 году—4 руб., въ 1899 г.—5—6 руб., въ 1900 г.—7—7½ руб.

Въ Одессѣ на Святой. Какъ сообщаютъ въ «С.-Пет. Вѣд.», первые три дня Пасхи прошли въ Одессѣ совершенно спокойно, и опасенія погрома, еще на-дняхъ столь живыя, теперь совершенно разсѣялись. Впрочемъ, еще заранѣе можно было съ увѣренностью предсказать, что ожиданія погрома окажутся совершенно напрасными, — предсказать на основаніи категорическаго отвѣта, даннаго и. д. градоначальника ген.-лейт. Нейдгартомъ городскому головѣ П. А. Зеленому при представленіи послѣднимъ своей докладной записки по поводу слуховъ о погромѣ. Въ этой докладной запискѣ городской голова, въ качествѣ представителя городскихъ интересовъ, ссылается на циркулирующіе по городу слухи о подготовляющемся погромѣ,—слухи, подтверждаемые рядомъ симптомовъ, какъ-то: усиленнымъ распространеніемъ нумеровъ «Знамени», доходящимъ до безплатной раздачи этихъ нумеровъ и заворачиванія въ нихъ всякихъ покупокъ въ кіоскахъ Свистунова, ожиданіями пріѣзда г. Крушевана и проч. По словамъ автора докладной записки, въ предварительной организаціи погрома, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, принимаетъ дѣятельное участіе группа, именующая себя лигой «Единеніе и сила»; авторъ записки указываетъ далѣе, что ему самому довелось быть свидѣтелемъ погрома и лично убѣдиться въ томъ тяжеломъ ударѣ, который наноситъ погромъ хозяйственной жизни города; сверхъ того, экономическіе интересы Одессы значительно пострадали вслѣдствіе происходившихъ въ іюлѣ истекшаго года рабочихъ безпорядковъ, и въ настоящее время погромъ грозилъ бы серьезнымъ подрывомъ экономическому благосостоянію городского населенія. Въ виду всего изложеннаго, авторъ записки проситъ градоначальника принять зависящія мѣры къ предотвращенію погрома. Докладная записка встрѣтила благосклонный пріемъ со стороны градоначальника, причемъ послѣдній, освѣдомившись у городского головы о мѣрахъ, которыя представлялись бы ему желательными въ видахъ предотвращенія погрома, далъ успокоительный отвѣтъ, заявивъ, что возможныя вспышки будутъ немедленно подавлены. Несмотря на это, еврейское населеніе продолжало напряженно ожидать погрома, и лица съ наиболѣе напуганнымъ воображеніемъ предпочли на время Пасхи перебраться съ окраинъ въ гостинницы, расположенныя въ центрѣ города. Съ другой стороны, еврейскимъ населеніемъ, повидимому, предпринимались еще какія-то мѣры иного характера: по крайней мѣрѣ, въ Страстную субботу одесскій городской раввинъ обратился въ синагогѣ во время богослуженія къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой указывалъ на нежелательность и опасность организаціи какихъ бы то не было кружковъ самообороны, такъ какъ, согласно указаніямъ мѣстной администраціи, всякая самооборона, въ

случаѣ возникновенія безпорядковъ, могла бы лишь повести къ искусственному возбужденію обѣихъ сторонъ и тѣмъ самымъ лишила бы администрацію возможности принять на себя отвѣтственность за безопасность еврейскаго населенія. Опасенія погрома оказались, къ счастью, совершенно напрасными, даже отдѣльныхъ вспышекъ волненій не наблюдалось нигдѣ во всемъ городѣ (если не считать немногочисленной «сходки» босяковъ, въ 50 — 60 душъ, неизвѣстно для какой цѣли происходившей въ началѣ Канатной улицы, у порта, на второй день Пасхи и мирно разошедшейся, да еще двухъ-трехъ подобныхъ же явленій); нынѣ же евреи, повидимому, совершенно успокоились, и городская жизнь входитъ въ обычную колею.

Литературное дѣло. Московскій «Курьеръ» даетъ отчетъ на своихъ страницахъ о крайне характерномъ литературномъ дѣлѣ, разбиравшемся въ симферопольскомъ окружномъ судѣ.

Въ Симферополѣ живетъ писатель Даніилъ Коломійцевъ, вполнѣ серьезно вѣрящій въ свой талантъ; онъ не жалѣетъ денегъ на изданіе своихъ стиховъ, которыхъ никто положительно не покупаетъ.

Сборникъ его стиховъ снабженъ довольно длинной автобіографіей и портретомъ. Вотъ этотъ-то поэтъ привлекъ за нѣкоторыя статьи бывшаго редактора «Южнаго Курьера» Д. Т. Овсѣенка и бывшаго фельетониста той же газеты А. А. Ярошенка къ суду, обвиняя ихъ въ клеветѣ въ печати.

Дѣло разбиралось 22-го марта. На судъ явились г-жи Гидалевичъ и Бухштабъ.

Со стороны обвиняемыхъ не явился никто; хотя повѣстки имъ были вручены, но они не сочли нужнымъ явиться, не прислали адвоката и не выставили повѣренныхъ. Дѣло разбиралось заочно.

Суть клеветы, какъ объяснялъ это Коломійцевъ на предварительномъ слѣдствіи у слѣдователя, состояла въ томъ, что въ «Южномъ Курьерѣ» появился какъ-то фельетонъ подъ извѣстнымъ въ Крыму псевдонимомъ «Точка», въ которомъ поэтъ Коломійцевъ подъ вымышленнымъ именемъ Дубины-Гелія Бердянскаго подвергался высмѣиванію. Въ одномъ мѣстѣ фельетона, между прочимъ, сказано, что Дубина не размѣнялъ своего таланта на мелочи и утилизируетъ его совершенно въ духѣ современности: за даровые обѣды онъ поетъ хвалебные оды m-me Гидалевичъ. На предварительномъ слѣдствіи и въ жалобѣ своей Коломійцевъ утверждалъ, что нападки «Южнаго Курьера» на него начались съ самаго основанія этой газеты, и главной причиной этихъ нападокъ слѣдуетъ признать, что вокругъ «Южнаго Курьера» сплотилась банда подрывателей основъ общественнаго строя, а онъ, Коломійцевъ, сторонникъ этого строя.

Болѣе подробно онъ объяснилъ это въ своей статьѣ — «Годы крымской прессы», которую гектографировалъ и разослалъ: министру внутреннихъ дѣлъ, главному управленію по дѣламъ печати, таврическому губернатору, керченскому градоначальнику, цензору «Южнаго Курьера» и редакціямъ многихъ газетъ. Эта «статья» поэта, представляющая своего рода поэтическій шедевръ,

наполнена самой беззастѣнчивой бранью и обвиненіями во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ, главнымъ же образомъ, въ политической неблагонадежности.

Какъ и слѣдовало ожидать, статья эта не имѣла никакого дѣйствія: ни одна изъ газетъ, получившихъ статью, не напечатала ея. Это только усилило чувство озлобленія Коломійцева противъ «Южнаго Курьера», и онъ, наконецъ, подалъ въ судъ.

Хотя въ Симферополѣ проживаетъ нѣсколько m-me Гидалевичъ, но г. Коломійцевъ выставилъ жену врача Гидалевичъ, ничего по дѣлу не знавшую, какъ она заявила на судѣ, и обѣдами Коломійцева не кормившую; свидѣтельница даже не была знакома съ Коломійцевымъ, какъ она откровенно созналась на судѣ. Тѣмъ не менѣе, Коломійцевъ спросилъ у свидѣтельницы мнѣнія ея объ одной его газетной корреспонденціи (которой, однако, онъ въ судъ не представилъ) и получилъ отвѣтъ, что она вполнѣ правдива и не походитъ на хвалебную оду.

Показанія второй свидѣтельницы, г-жи Бухштабъ, были также неопредѣленны, и о неизвѣстной никому, кромѣ Коломійцева и свидѣтельницы, газетной корреспонденціи она была того же мнѣнія, какъ и г-жа Гидалевичъ.

Самъ Коломійцевъ въ своемъ послѣднемъ словѣ сказалъ, что онъ пишетъ уже съ 1888 года, работалъ въ 32-хъ органахъ печати и тѣмъ не менѣе остался человѣкомъ съ чистой душой и непомраченнымъ разумомъ, что онъ во все время своей литературной дѣятельности былъ сторонникомъ существующаго государственнаго строя и поэтому возбуждалъ нападки противъ себя части печати, подрывающей основы общественнаго строя и тѣмъ не менѣе, остающейся безъ должнаго возмездія. «Общественная справедливость требуетъ наказанія виновныхъ», закончилъ онъ свою рѣчь.

Судъ приговорилъ А. А. Ярошенка къ аресту при тюрьмѣ на двѣ недѣли, редактора Д. Т. Овсѣенка къ аресту при тюрьмѣ на 10 дней.

Изъ отчета одной библіотеки. Любопытную сводку данныхъ, помѣщенныхъ въ отчетѣ Николаевской общественной библіотеки находимъ въ газетѣ «Южная Россія». На первое мѣсто въ отношеніи читаемости книгъ, конечно, слѣдуетъ поставить изящную литературу, на которую было за отчетный годъ 52.667 требованій.

Затѣмъ больше всего читаются періодическія изданія—20.738 (22,14%). Научные отдѣлы занимаютъ въ истекшемъ году, какъ и въ предыдущіе годы, второстепенныя мѣста и располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ. Исторія литературы и искусствъ—1.848 (1,96%) треб., философско-педагогическія науки—1.584 (1,68%) треб., естествознаніе и медицина—1.413 (1,50%) требов., гуманитарныя науки—1.383 (1,47%) треб. и исторія—1.220 (2,29%) требованій. Такимъ образомъ, научные отдѣлы не могутъ, къ сожалѣнію, похвалиться особеннымъ вниманіемъ читателей, несмотря на то, что библіотека съ своей стороны сдѣлала въ отчетномъ году все зависящее отъ нея для поднятія среди читающей публики интереса къ научной книгѣ. Вывѣшивались обложки новыхъ книгъ директоромъ Г. Я. Вейнбергомъ, были составлены по химіи,

геологіи и ботаникѣ систематическіе рекомендательные списки популярныхъ книгъ для самообразованія. Извѣстные результаты этой попытки руководительства читающей публикой все-таки есть. Сравнивая цифры 1902 г. съ 1903 г., мы видимъ, что число требованій по исторіи литературы и искусствъ съ 1.427 (1902 г.) возросло до 1.848 (1903 г.), по философско-педагогическимъ наукамъ съ 1.233 до 1.584, по естествознанію и медицинѣ съ 1.265 до 1.413. Но наибольшій успѣхъ выпалъ все же на гуманитарныя науки—съ 788 до 1.833 и на исторію—съ 898 до 1.220.

Распредѣленіе требуемыхъ книгъ по остальнымъ отдѣламъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. По отдѣлу географіи и этнографіи было выдано 432 (0,45%), по отдѣлу технологіи, сельскаго хозяйства, военнаго и морского дѣла и математики—236 (0,27%) по отдѣлу дѣтскихъ книгъ—10.588 (11,25%), по отдѣламъ біографій—106 (0,11%) и по отдѣлу иностранныхъ книгъ—1.653 (1,75%). Изъ отдѣловъ журналовъ и газетъ преимущественно требовались: «Міръ Божій» (2984 требованій), «Русское Богатство» (2.368), «Вѣстникъ Европы» (2.015), «Русская Мысль» (1.950), «Образованіе» (825), «Журналъ для всѣхъ» (370). Совсѣмъ мало читались научно-популярные журналы—«Научное Слово» (18) «Вѣстникъ и библіотека самообразованія» (22), что явилось несомнѣнно слѣдствіемъ дешевизны и респространенвости этихъ изданій, въ особенности послѣдняго. На журналъ Московскаго психологическаго общества «Вопросы философіи и психологіи» было за цѣлый годъ всего 9 требованій. Немногимъ лучше участь такихъ юридическихъ изданій какъ «Право« (18) и «Юристъ» (6). Между тѣмъ «Право», напр. представляетъ собой не узко-спеціальный органъ, но напротивъ боевой общественный журналъ, затрагивающій самые серьезные и насущные вопросы русской жизни. Изъ газетъ наибольшее число требованій приходится на «Новое Время» (650) на «Русскія Вѣдомости» (176). Любопытно отмѣтить рѣзко поднявшееся число требованій на мѣстную газету «Южную Россію»—съ 21 (1902 г.) до 588 (1903 г.) Читаемость «Восхода» понизилась съ 750 (1902 г.) до 222 (1903 г.), «Петербургскія Вѣдомости» требовались 471, «Русское Слово» (320) «Одес. Новости» (228) «Правит. Вѣстникъ» (26) и «Биржевыя Вѣдомости» (3). Изъ иностранныхъ періодическихъ изданій: «Revue des deux Mondes» (136), «Illustration» (70), «Ueber Land und Meer» (180), «Revue» (74), «Zukunft» (53), «Revue bleu» (53), и «Revue scientifiqne» (47).

Теперь интересно выяснить, какіе авторы въ различныхъ отдѣлахъ пользовались наиболѣе симпатіями читающей публики. Больше всѣхъ въ отчетномъ году требовался М. Горькій (63 тома) *), взятый 1.653 раза, а въ прошломъ отчетномъ году занимающій по читаемости 4-е мѣсто. Второе послѣ М. Горькаго мѣсто приходится на Чехова (69), читавшагося 1.227 разъ, противъ прошлаго года (1.966) на 739 требованій меньше, что объясняется выпускомъ въ 1903 году сочиненій Чехова въ видѣ безплатнаго приложенія къ журналу

*) Цифры въ скобкахъ обозначаютъ количество томовъ даннаго писателя, имѣющихся въ библіотекѣ.

«Нива», имѣющему очень большое распространеніе среди читающей публики. Потапенко (44), занимающій и въ 1902 г. и въ 1903 г. 3-е мѣсто, читается меньше—1.090. «Великій писатель земли русской» Л. Н. Толстой (61 т.) былъ въ обращеніи 1.015 разъ, противъ 1902 года на 40 меньше. Такое, хотя бы и незначительное, паденіе интереса со стороны публики къ величайшему нашему писателю нельзя не найти по меньшей мѣрѣ страннымъ. Какъ бы то ни было, но Толстой не двусмысленно вытѣсняется представителями молодой современной беллетристики, такими какъ Вересаевъ, Чириковъ и др., которые читаются значительно усерднѣе, чѣмъ въ предыдущій отчетный годъ. Юбилей В. Короленко—масса появившихся о немъ статей по журналамъ и газетамъ подняли очень значительно интересъ къ нему читающей публики. Короленко занимавшій въ 1902 отчетномъ году 58 мѣсто по степени читаемости, въ 1903 году занялъ уже 16-е, а число выдачъ его сочиненій съ 184 повысилось до 481. Классики наши располагаются въ такомъ порядкѣ: Тургеневъ (60)—596 (617 *), Гончаровъ (49)—480 (551), Достоевскій (52)—465 (455), Писемскій (21)—327 (382), Островскій (26)—288 (590), Пушкинъ (22)—234 (179). Гоголь (31)—227 (252), Григоровичъ (34) 211 (209), Салтыковъ (24)—175 (196), Некрасовъ (4)—92 (79), Толстой А. (7)—87 (98), Грибоѣдовъ (5)—33 (30), Шевченко (4)—20 (18), Лермонтовъ (4)—56 (40). Итакъ, приходится констатировать почти всеобщее паденіе въ отчетномъ году спроса на нашихъ классическихъ писателей. Большее противъ 1902 г. количество требованій на Пушкина, Лермонтова и Грибоѣдова объясняется значительнымъ въ 1903 году спросомъ на этихъ авторовъ со стороны учащихся. Некрасовъ читался больше, что, можетъ быть, объясняется опять-таки справлявшимися въ прошломъ году юбилейными поминками по поэтѣ (25-лѣтіе со дня смерти). На Салтыкова же, о которомъ ничто особенное не напоминало публикѣ, спросъ понизился. Центръ вниманія любителей изящной литературы перенесся всецѣло въ сторону нашихъ молодыхъ беллетристовъ, произведенія которыхъ читаются значительно больше и интенсивнѣе, чѣмъ раньше. Такъ: Вербицкая (15)—779, Вересаевъ (16)—544, Чириковъ (10)—427, Щепкина-Куперникъ (4)—240, Андреевъ (6)—222, Сѣрошевскій (8)—155, Тимковскій (3)—133, Толстой, Л. Л. (сынъ) (4)—125. Послѣдній—появившійся на горизонтѣ въ 1902 г., въ силу обаянія имени его отца, блѣдной тѣнью котораго онъ является, привлекъ вниманіе читающей публики, но въ истекшемъ отчетномъ году Л. Л. Толстой отошелъ, хотя еще и не совсѣмъ, на свое мѣсто. Далѣе слѣдуютъ—Скиталецъ (2)—109, Телешовъ (2)—105, Бунинъ (3)—97, Юшкевичъ (2)—81, Танъ (5)—76, Яблоновскій (2)—70, Купринъ (2)—62, Найденовъ (1) со своимъ фейерверочнымъ успѣхомъ упалъ до 28 требованій и Серафимовичъ (1)—25. Изъ писателей 80-хъ и первой половины 90-хъ годовъ отмѣтимъ: Станюковича (22)—449, Боборыкина (42)—424, Мачтета (28)—371, Баранцевича (15)—255, Гарина (11)—229 Дмитріеву (11)—

*) Вторыя скобки обозначаютъ число требованій на даннаго автора въ предыдущемъ 1902 отчетномъ году.

228, Лугового (9)—227, Гаршина (5)—138, Мельшина (5)—111, Засодимскаго (6)—97 и Успенскаго Гл. (6)—71. Изъ этихъ именъ лишь на Гаршина Боборыкина, Мачтета, Дмитріеву, Лугового спросъ поднялся, а на остальныхъ понизился, причемъ для Гл. Успенскаго это пониженіе выражается въ цифрѣ 65—цифрѣ обидной для такого еще совсѣмъ свѣжаго, неумирающаго писателя. Многіе таланты, рано сошедшіе съ литературныхъ подмостковъ, позабыты... Такъ въ теченіе всего 1903 г. «ни одного раза» не требовался Кущевскій—одинъ изъ много обѣщавшихъ представителей плеяды писателей «разночинцевъ». Совсѣмъ позабыть также Печерскій (Мельниковъ), четыре имѣющихся тома котораго не были потревожены ни разу. Нельзя также пройти мимо того обиднаго и незаслуженнаго пренебреженія, съ какимъ наша читающая публика относится къ Каронину (Петропавловскому), Наумову, Нефедову, Осиповичу (Новодворскому), Левитову, которые своей живой и дѣятельной любовью къ народу, своей возвышенной идеализаціей народной души не утратили своего значенія и понынѣ. Но какого ужъ признанія требовать для этихъ сравнительно скромныхъ именъ, когда самъ Глѣбъ Успенскій такъ низко упалъ во мнѣніи и вкусахъ публики—одно лишь слѣдуетъ изъ другого...

Изъ иностранной (переводной) беллетристики въ 1903 отчетномъ году больше всего требовались: Вернеръ—710, Ожешко—699, Зола—679, Шпильгагенъ—677, Пансонъ-дю-Террайль—613, Сенкевичъ—544, Ауэрбахъ—442, Марлиттъ—315, Гюго—303, Мопассанъ—298, Жоржъ Зандъ—284, Шекспиръ—260, Диккенсъ—229, Ибсенъ—205, Бальзакъ—205, Монтепэнъ—175, В. Скоттъ—169, Гауптманъ—163, Метерлинкъ—145, Шнитцлеръ—125, Шиллеръ—114, Байронъ—110, Гёте—107, Гейне—99, Бьернсонъ—93, Боккачіо—75, Лессингъ—56, Э. Шатріанъ—52, Теккерей—38, Шелли—36, Пшибышевскій—33, Руссо—32, Сервантесъ—32, Берне—20, Поэ—20, Мольеръ—19, Бодлеръ—15, Данте—14, Беранже—12, Бомарше, Гонкуръ, Мицкевичъ и Свифтъ по 12. Такимъ образомъ литература гг. Вернеровъ, Понсоновъ-дю-Террайль, Марлитовъ, Монтепенъ и проч. продолжаетъ доминировать въ иностранной беллетристикѣ, а безсмертныя имена Руссо, Сервантеса, Берне, Мольера, Данте, Беранже, Мицкевича, Свифта и др. робко прячутся въ заднихъ рядахъ иностранныхъ авторовъ. Столпы «новой драмы».—Ибсенъ, Гауптманъ, Метерлинкъ, Шнитцлеръ — несомнѣнно пользуются большимъ успѣхомъ среди читающей публики. Однако и «старики»—Шекспиръ, Шиллеръ, Диккенсъ, Гюго, Бальзакъ, Гёте, В. Скоттъ—не забываются въ угоду модными свѣтиламъ и читаются довольно усердно, хотя, конечно, и не такъ рьяно, какъ представители «бульварнаго романа». Покончивъ съ изящной литературой, перейдемъ къ научнымъ отдѣламъ—раньше всего къ философіи и посмотримъ, какъ отразились здѣсь вкусы, требованія, настроенія читающей публики. А priori можно сказать, что первое мѣсто займетъ тутъ Ницше (123 тр.), затѣмъ уже идутъ Ренанъ (40), Рёскинъ (39), Спенсеръ и Шопенгауеръ (29), Гюйо (26), Кантъ (17), Вл. Соловьевъ (16), Руссо (10), Спиноза (10), Локкъ (8), Милль (5), Бекономъ (3), Гартманъ (2), Декартъ (2) и Платонъ (2). Любопытно, что Фихте—этотъ «идеалистъ во идеалистахъ» ни разу не былъ потревоженъ въ наше время «возрожденія

идеализма». Та же участь постигла Вольтера. Надѣлавшія такъ много шума въ свое время «Проблемы идеализма» были въ обращеніи всего на всего 9 разъ.

Въ отдѣлѣ гуманитарныхъ наукъ на первыхъ мѣстахъ стоятъ имена Карѣева, Каутскаго, Ковалевскаго М., Бернштейна, Туг.-Барановскаго, Чупрова, затѣмъ Исаева, Желѣзнова, Б. Баверка, Жида, Богданова, Гобсона, Тарда, Милля, Джорджа, Моргана, Зомбарта, Гумпловича, Зибера, Рикардо, Смита и еще многихъ другихъ. Изъ историковъ читаются цѣнные и первоклассные авторы. Отдѣлъ естествознанія читается значительно слабѣе другихъ научныхъ отдѣловъ, но все же не стоитъ на точкѣ замерзанія.

Въ заключеніе остановимся на минуту на имѣющейся при библіотекѣ читальнѣ. Тутъ можно судить только приблизительно о томъ, напр., что больше всего читаются наши «толстые» журналы: «Міръ Божій», «Русское Богатство», «Русская Мысль», «Образованіе». Далѣе наиболѣе ходовыми газетами въ читальнѣ являются органы прогрессивнаго же направленія и на первомъ мѣстѣ «Русскія Вѣдомости».

Въ заключеніе газета констатируетъ постепенный ростъ читателя не только въ смыслѣ количества читаемаго, но и качественнаго, а также отмѣчаетъ то серьезное и вдумчивое отношеніе, какое читатель начинаетъ предъявлять къ книгѣ.

В. В. Верещагинъ (некрологъ). Погибшій на броненосцѣ «Петропавловскъ» художникъ Василій Васильевичъ Верещагинъ родился въ 1842 году. Воспитывался онъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, но на морской службѣ находился всего мѣсяцъ, а затѣмъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ академію художествъ. Его учителями здѣсь были Марковъ и Бейдеманъ, но В. В. не окончилъ курса въ академіи и продолжалъ свое художественное образованіе въ Парижѣ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ знаменитаго Жерома. Вернувшись въ Россію въ началѣ 60-хъ годовъ, В. В. путешествовалъ по Кавказу, типы и природы котораго дали ему матеріалъ для его первыхъ самостоятельныхъ картинъ. Въ 1867 г. В. В. отправился въ Туркестанъ, гдѣ состоялъ при генералѣ Кауфманѣ и участвовалъ, между прочимъ, при защитѣ Самарканда, за что̀ получилъ георгіевскій крестъ. Въ Туркестанѣ имъ сдѣлано было много этюдовъ, для обработки которыхъ онъ поѣхалъ за границу, въ Мюнхенъ, гдѣ и была написана бо̀льшая часть его картинъ изъ эпохи завоеванія Туркестана (всего 120 картинъ и этюдовъ). Картины эти обратили на себя общее вниманіе какъ за границей, такъ и у насъ своимъ реализмомъ; война была впервые разоблачена въ нихъ въ ея правдѣ, какъ людская бойня. Но за это на Верещагина посыпались и нападки за его «тенденціозность»; нѣкоторыя картины онъ даже уничтожилъ, и отъ нихъ остались только фотографіи. Въ 1874 г. академія художествъ присудила В. В. званіе профессора, но В. В. отказался отъ этой чести, заявивъ, что онъ признаетъ отличія въ искусствѣ вредными; тогда академія вычеркнула его изъ числа своихъ членовъ. Вообще В. В. держался въ искусствѣ совершенно независимо, не принадлежалъ ни къ какому кружку и не участвовалъ на обычныхъ передвижныхъ выставкахъ. Въ то же время это былъ художникъ-путешественникъ, искавшій впечатлѣній

по всему свѣту и особенно интересовавшійся сильными впечатлѣніями войны. Покончивъ съ Туркестаномъ, В. В. отправился въ Индію, побывалъ въ Гималаяхъ и по возвращеніи въ Европу поселился въ Парижѣ, гдѣ написалъ рядъ картинъ изъ индійской жизни и книжку о путешествіи въ Гималаи (изданную по-нѣмецки и по-русски со многими иллюстраціями). Русско-турецкая война вызвала В. В. на Дунай; здѣсь онъ плавалъ на миноноскѣ со Скрыдловымъ (тогда лейтенантомъ), причемъ былъ раненъ, состоялъ при Скобелевѣ и Гурко, присутствовалъ при битвѣ подъ Плевной и при набѣгѣ на Адріанополь и вывезъ массу этюдовъ, послужившихъ ему матеріалами для новой серіи картинъ, которыя были затѣмъ выставлены имъ во многихъ городахъ за границей и въ Петербургѣ и Москвѣ. Особенно извѣстна его картина «Шипка—Шейново» (Скобелевъ объѣзжаетъ войска послѣ сраженія). Въ 1884 г. В. В. отправился въ Палестину и Сирію, и плодомъ этой поѣздки явился также рядъ картинъ на темы изъ Новаго Завѣта, трактованныя въ реалистическомъ духѣ. Послѣ того В. В. поселился въ Москвѣ и сталъ собирать матеріалы для задуманной имъ серіи картинъ изъ эпохи нашествія Наполеона I на Россію. Эта серія была имъ выполнена у насъ и за границею. Она произвела всюду впечатлѣніе, но уже менѣе сильное, чѣмъ его прежнія картины войны, написанныя на основаніи видѣннаго и пережитаго. Война между Америкой и Испаніей вызвала В. В. на новый театръ военныхъ дѣйствій и побудила его ознакомиться съ тропическимъ міромъ и съ Филиппинами. Картины изъ этой войны были выставлены и распроданы имъ въ Америкѣ. Затѣмъ В. В., при возникновеніи безпорядковъ въ Китаѣ, отправился въ Манчжурію, а новая война съ Японіей увлекла его въ Портъ-Артуръ, гдѣ его и постигла гибель на 62-мъ году жизни. Не довольствуясь областью искусства, В. В. не мало писалъ замѣтокъ, очерковъ, воспоминаній въ журналахъ и газетахъ.

С. О. Макаровъ (некрологъ). Вице-адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ—дворянинъ Херсонской губерніи, родился 27-го декабря 1848 года въ Николаевѣ. 5-лѣтнимъ ребенкомъ совершилъ свое первое путешествіе на Дальній Востокъ. Провелъ дѣтство въ Николаевскѣ на Амурѣ. Тамъ онъ получилъ морское образованіе. Началъ морскую службу въ эскадрѣ Тихаго океана. Съ эскадрою прибылъ онъ въ 67 году въ Кронштадтъ и былъ произведенъ въ гардемарины; юношей онъ хорошо ознакомился съ водами Тихаго океана, въ которыхъ ему и суждено было погибнуть. 15-лѣтнимъ юношей выдѣлялся онъ уже изъ среды своихъ сверстниковъ выдающимися способностями и страстью къ изобрѣтеніямъ. На него обратилъ вниманіе адмиралъ Поповъ, изобрѣтатель «поповокъ», плававшій въ 1863 году въ Тихомъ океанѣ. Адмиралъ Поповъ пригласилъ юношу въ Петербургъ, чтобы здѣсь опредѣлить его въ морской корпусъ. Однако, обстоятельства принудили его вернуться изъ Санъ-Франциско въ Николаевскъ. Произведенный въ гардемарины, онъ вскорѣ обнаружилъ свои творческія силы. Броненосная лодка «Русалка», на которой онъ плавалъ мичманомъ, получила въ 1869 году пробоину. Молодой мичманъ указалъ способъ задѣлать ее и написалъ по этому предмету изслѣдованіе, напечатан-

ное въ «Морскомъ Сборникѣ». За эту первую работу былъ произведенъ, по представленію адмирала Бутакова, въ лейтенанты. Съ 1872 г. сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ адмирала Попова по устройству на нашихъ броненосныхъ судахъ разныхъ приспособленій. Новая служба какъ нельзя болѣе выдвинула способности Макарова въ области техническихъ усовершенствованій. Особенно интересовала его идея непотопляемости броненосныхъ судовъ. Онъ много поработалъ надъ нею и изобрѣлъ пластырь, разработалъ водоотливныя машины и усовершенствовалъ такъ называемыя водонепроницаемыя переборки. По этому предмету напечаталъ рядъ статей въ «Морскомъ Сборникѣ» и прочелъ нѣсколько лекцій въ Кронштадтѣ, Петербургѣ и Николаевѣ. Русско-турецкая война 1877 и 1878 гг. доставила адмиралу Макарову случай проявить свои боевыя способности. При возникновеніи недоразумѣній съ Турціей онъ предложилъ вооружить паровые катера минами и имѣть такіе катера на шлюпкахъ пароходовъ, чтобы при надобности спускать ихъ для нападенія на непріятельскій флотъ. Ему былъ порученъ въ командованіе пароходъ «Великій Князь Константинъ». На немъ онъ совершилъ рядъ нападеній на турецкій флотъ, повредилъ въ минной атакѣ турецкій броненосецъ близъ Сухума, утопилъ пароходъ у Батума и отвлекъ отъ Гагръ турецкій броненосецъ, что и избавило отъ опасности отрядъ Шелковникова. За отличіе въ этой кампаніи Степанъ Осиповичъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и капитаны 2-го ранга, назначенъ флигель-адъютантомъ и награжденъ золотымъ оружіемъ и георгіевскимъ крестомъ 4-й степени. Въ 1880 году участвовалъ въ ахалтекинской экспедиціи, завѣдуя въ отрядѣ Скобелева морскою частью. Затѣмъ начался рядъ плаваній адмирала Макарова на судахъ разныхъ типовъ, доставившихъ ему возможность произвести нѣсколько цѣнныхъ научныхъ морскихъ изслѣдованій, отмѣченныхъ Императорской академіей наукъ полными макарьевскими преміями. Командуя стаціонеромъ «Тамань», плавалъ въ Босфорѣ и опубликовалъ сочиненіе объ обмѣнѣ водъ Чернаго и Средиземнаго морей. За него получилъ первую премію митрополита Макарія. Командуя корветомъ «Витязь» во время его четырехлѣтняго кругосвѣтнаго плаванія, произвелъ гидрологическія наблюденія и опубликовалъ сочиненіе «Витязь и Тихій океанъ». Книга эта была также отмѣчена полною макарьевскою премією. Произведенный въ 1890 году въ контръ-адмиралы, Степанъ Осиповичъ былъ до 1894 году главнымъ инспекторомъ морской артиллеріи. Въ этотъ періодъ имъ сдѣлано множество нововведеній въ морскомъ артиллерійскомъ дѣлѣ. Введены во флотѣ патронныя пушки, бездымный порохъ Д И. Менделѣева, центрированныя установки собственнаго изобрѣтенія, снаряды съ колпаками, увеличивавшими ихъ пробивную силу противъ новѣйшей брони на 20 проц., боевые указатели и проч. Въ 1894 г. Макаровъ принялъ въ Пиреѣ командованіе средиземной эскадрой. Въ слѣдующемъ году отправился съ нею въ Тихій океанъ и присоединился къ эскадрѣ адмирала Тыртова. Уже тогда наши отношенія къ Японіи осложнились настолько, что наша эскадра находилась въ Чифу въ полной боевой готовности. Вернувшись въ Кронштадтъ, адмиралъ Макаровъ командовалъ первою флот-

скою дивизіей и два раза практическою эскадрою Балтійскаго моря. Одновременно дѣятельно заботился о боевой подготовкѣ эскадры, ввелъ на нее семафоры, практическое рѣшеніе тактическихъ задачъ и проч. Въ концѣ 90 гг. проектировалъ гигантскій ледоколъ «Ермакъ», выстроенный по его чертежамъ въ Англіи, былъ его первымъ командиромъ и совершилъ на немъ два зимнихъ плаванія въ Ледовитый океанъ. Съ 1899 до 4-го февраля 1904 гг. былъ главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта. Адмиралъ Макаровъ погибъ 55 лѣтъ, въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Трагическая гибель С. О. Макарова вызвала всеобщее сожалѣніе не только у насъ, на родинѣ, но и за границей, гдѣ его высоко цѣнили и какъ опытнаго моряка, и какъ талантливаго теоретика, много сдѣлавшаго въ морскомъ военномъ судостроительствѣ.

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

III.

Корея.

Нѣкоторые европейскіе авторы, писавшіе о Кореѣ, называютъ ее «государствомъ-отшельникомъ», «уединенной страной» и т. п. И, дѣйствительно, подобныя наименованія очень подходятъ къ Кореѣ, такъ какъ на всемъ свѣтѣ не найдется государства, которое бы съумѣло такъ долго и такъ ревниво сохранить полную изолированность отъ окружающаго міра, какъ Корея. До XVI-го столѣтія Корея была извѣстна европейцамъ лишь по наслышкѣ. Первыми европейцами, посѣтившими ее, были голландцы, которые, во время своихъ плаваній, иногда терпѣли крушенія у береговъ Кореи и такимъ образомъ попадали въ страну. Корейцы принимали своихъ случайныхъ гостей очень радушно, но держали ихъ въ почетномъ плѣну, такъ что очень немногимъ изъ нихъ удавалось вернуться на родину и сообщить свѣдѣнія о малоизвѣстной странѣ. Лишь съ 1835 г., когда въ Корею стали проникать католическіе миссіонеры, знакомство европейцевъ съ этой любопытной страной начало замѣтно подвигаться впередъ. Въ настоящее время имѣется уже довольно значительная литература о Кореѣ, какъ на иностранныхъ, такъ и на русскомъ языкахъ. Изъ всѣхъ сочиненій, посвященныхъ Кореѣ, наиболѣе полнымъ и обстоятельнымъ является «Описаніе Кореи», изданное русскимъ министерствомъ финансовъ въ 1900 г. Этой книгой мы болѣе всего и пользовались при составленіи предлагаемаго очерка *).

Корея расположена на большомъ полуостровѣ между 34°17′ с. ш. и 42°15′ с. ш. на крайнемъ востокѣ азіатскаго материка. Это названіе страны употребляется только европейцами, сами же мѣстные жители называютъ ее Чоо-сёнъ, т.-е. «страна утренняго спокойствія. Съ материкомъ Корея соприкасается лишь

---

*) Считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ „М. Б.“ о помѣщенномъ въ 1899 г. въ „М. Б.“ описаніи путешествія по Кореѣ Н. Гарина, „Карандашомъ съ натуры“. Февраль—декабрь.

на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, гдѣ границу ея составляютъ р. Ялу (по-корейски Амнокъ-канъ), хребетъ Чанъ-бо-шань и р. Тумень. На западѣ берега ея омываются Желтымъ моремъ, на югѣ и юго-востокѣ Корейскимъ и Броутоновымъ проливомъ и на востокѣ Японскимъ моремъ. Въ длину Корея простирается на 900 кил. по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, ширина полуострова въ самомъ узкомъ мѣстѣ равна 130 килом., въ наиболѣе широкомъ около 300 килом. Площадь Кореи равняется 218.192 кв. килом., т.-е. почти равна площади Великобританіи.

Характеръ восточнаго берега Корейскаго полуострова совершенно иной, чѣмъ западнаго. Насколько восточное побережье мало изрѣзано и бѣдно заливами и бухтами, насколько мало острововъ у восточнаго берега, настолько, наоборотъ, западное изобилуетъ заливами и бухтами и вообще сильно изрѣзано и настолько же много около него острововъ, образующихъ такъ называемый корейскій архипелагъ. Самые большіе изъ острововъ Кореи—Квельпартъ, самый большой и самый южный изъ острововъ архипелага; островъ Канъ-хоа, лежащій при впаденіи въ море р. Хань-гана—второй по величинѣ; и у восточнаго берега островъ Олонъ-то или Мацу-сима, на нѣкоторыхъ картахъ причисляемый ошибочно къ числу японскихъ. Море у восточнаго берега Кореи довольно глубоко, а у западнаго, наоборотъ, мелко. Берега вообще малодоступны, особенно опасны приливы и отливы на западномъ берегу, достигающіе 10—12 метровъ.

Корея—страна въ высшей степени гористая. Среди горъ, сплошь заполняющихъ страну, можно все-таки выдѣлить нѣсколько имѣющихъ разнообразное направленіе грядъ и хребтовъ, образующихъ довольно запутанный рельефъ Кореи. Изъ этихъ хребтовъ наиболѣе заслуживаетъ вниманія хребетъ Кымъ-ганъ-сань (Алмазныя горы) или Главный. Надо, впрочемъ, замѣтить, что за послѣднее время существованіе этого хребта отвергается нѣкоторыми путешественниками. Всѣ споры по этому вопросу врядъ ли дадутъ какіе-либо результаты до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведена топографическая съемка полуострова. Мы считаемъ возможнымъ принять существованіе этого хребта, такъ какъ такой взглядъ поддерживается многими авторитетами. Хребетъ этотъ, начинаясь отъ горы Пекъ-ту-сань, высшей точки Чанъ-бо-шань'ской системы, тянется вдоль всего полуострова, сохраняя въ общемъ направленіе параллельное восточному берегу и только въ сѣверной и южной оконечностяхъ своихъ нѣсколько отклоняясь отъ него. Средняя высота хребта на сѣверѣ около 1.575 метровъ. Она постепенно уменьшается по направленію къ югу, достигая на 38-й параллели всего 950 метровъ и уменьшаясь еще болѣе въ южныхъ частяхъ хребта. Высшими вершинами хребта являются Пекъ-ту-сань (2.650 метр.), Чіёль-ми-бонъ въ 40—50 килом. отъ Пекъ-ту-саня, Пакъ-уань-сань къ сѣверу отъ г. Хамъ-хынъ (1.420 метр.) и, наконецъ, Сѣдловая гора почти на серединѣ полуострова (38°10′ с. ш.), высотою около 1.880 метровъ. Западные склоны хребта гораздо положе восточныхъ, которые, вообще, представляютъ совершенно дикій характеръ. Съ западной страны Главнаго хребта мѣстность до самаго моря заполнена, кромѣ отроговъ хребта, изолированными грядами

и холмами, образующими волнистую поверхность, постепенно понижающуюся къ Желтому морю. Хребетъ, особенно на сѣверѣ, покрытъ густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Отъ Главнаго хребта отдѣляется много отроговъ, но перечислять ихъ мы не будемъ, такъ какъ большинство ихъ почти не изслѣдовано. Упомянемъ только о Тумань'скомъ, отдѣляющемся отъ сѣверной части Главнаго, идущемъ въ сѣверо-восточномъ направленіи и служащемъ водораздѣломъ правыхъ притоковъ р. Тумень-ула и рѣкъ, впадающихъ въ Японское море, и о хребтѣ, который русскій изслѣдователь полковникъ Лубенцовъ предлагаетъ назвать Граничнымъ, такъ какъ онъ служитъ рѣзкой климатической границей. Хребетъ этотъ раздѣляетъ р. Ялу и лѣвый ея притокъ Цзянъ-чжинь-чанъ, длиной онъ около 175 килом. и весь покрытъ густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Пространство между Главнымъ и Граничнымъ хребтами, всего около 240 кв. миль, представляетъ собою высокое плоскогорье, абсолютной высоты отъ 500 до 1.100 метровъ. Это наиболѣе бѣдная часть Кореи въ земледѣльческомъ отношеніи, но весьма изобилующая минеральными богатствами, которыя разрабатываются здѣсь въ очень незначительныхъ количествахъ и весьма несовершенными способами.

Низменныхъ пространствъ въ Кореѣ очень мало, въ особенности по восточному берегу, и всѣ они расположены близъ морскихъ береговъ. На западномъ берегу очень извѣстна своимъ плодородіемъ низменность полуострова Найпо.

Въ отношеніи минеральныхъ богатствъ Корея принадлежитъ къ числу странъ, далеко не обиженныхъ природой, хотя мнѣнія различныхъ путешественниковъ и расходятся по этому поводу. Изъ полезныхъ ископаемыхъ на первомъ мѣстѣ надо поставить золото, встрѣчающееся повсемѣстно, но главнымъ образомъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ расположены важнѣйшіе золотоносные районы страны: въ Пхіёнъ-ань'скихъ провинціяхъ—Унь-сань и Ынь-сань, а въ южной Хамъ-гіён'ской—Іёнъ-хынъ и Тань-чіёнь. Главнымъ образомъ золото встрѣчается въ розсыпяхъ; извѣстны и кварцевыя золотосодержащія жилы, но разрабатываются онѣ значительно рѣже. Сказать что-либо вполнѣ точное о богатствѣ розсыпей и жилъ, о количествѣ добываемаго золота и т. д. очень трудно, такъ какъ никакихъ данныхъ объ этомъ почти не имѣется. Золото служитъ довольно виднымъ предметомъ вывоза въ сосѣднія страны, преимущественно въ Китай. Такъ, въ 1902 г. изъ общей суммы вывоза—846.034 фун. стерл. на долю золота пришлось 516.961 фун. стерл., т.-е. около 60%.

Мѣсторожденій серебра извѣстно значительно меньше, разсѣяны они по всей странѣ, но о серебрѣ имѣется еще меньше данныхъ, чѣмъ о золотѣ, такъ какъ оно изъ морскихъ портовъ совершенно не вывозится, а идетъ, главнымъ образомъ, на подѣлки внутри страны, и лишь нѣкоторое количество его, не поддающееся учету, вывозится въ Китай по сухопутной границѣ.

Въ болѣе или менѣе значительныхъ количествахъ встрѣчаются въ Кореѣ еще залежи желѣзныхъ и мѣдныхъ рудъ. Добываемаго желѣза, повидимому, вполнѣ достаточно для удовлетворенія потребностей населенія, такъ какъ хотя желѣзо и ввозится въ Корею, но въ весьма незначительныхъ количествахъ.

Мѣди, добываемой въ Кореѣ и идущей на приготовленіе монеты («пхунь») и мѣдной посуды, которую можно встрѣтить въ каждой фанзѣ, наоборотъ, повидимому, недостаточно, почему довольно значительное количество ея ввозится ежегодно черезъ открытые для иностранной торговли корейскіе порты.

Изъ другихъ полезныхъ ископаемыхъ извѣстны еще каменный уголь, добываемый въ очень незначительныхъ количествахъ, да и мало распространенный, залежи оловянныхъ и марганцовыхъ рудъ, о которыхъ не имѣется никакихъ свѣдѣній, и мраморъ, встрѣчаемый почти повсемѣстно.

Добыча всѣхъ полезныхъ ископаемыхъ ведется самымъ примитивнымъ образомъ, и только въ послѣднее время, съ допущеніемъ иностранныхъ предпринимателей къ разработкѣ природныхъ богатствъ, замѣтенъ значительный прогрессъ въ техникѣ корейскаго горнаго дѣла.

Благодаря обилію влаги, приносимой муссонами, Корея орошена очень обильно, но существуетъ большая разница между рѣками Восточной и Западной Кореи, съ одной стороны, и рѣками Сѣверной и Южной Кореи—съ другой. Такъ какъ Главный хребетъ подходитъ очень близко къ восточному побережью Корейскаго полуострова, то рѣки восточной части страны рѣдко достигаютъ длины болѣе 50 килом., за исключеніемъ рр. Тумень-ула и Накъ-тонъ-гана; рѣки же западной части гораздо значительнѣе по длинѣ и полноводнѣе. Сѣверная Корея покрыта богатой лѣсной растительностью, регулирующей водные запасы рѣкъ, почему рѣки на сѣверѣ полноводнѣе и болѣе постоянны въ отношеніи колебаній уровня воды въ нихъ, въ противоположность рѣкамъ Южной Кореи, значительно болѣе бѣдной лѣсами, чѣмъ Сѣверная. Всѣ рѣки страны, соотвѣтственно гористому характеру ея, представляютъ изъ себя настоящіе горные потоки, быстро несущіе свои воды по неровному, каменистому и сильно покатому дну, образующему нерѣдко обрывы, съ которыхъ вода низвергается водопадами. Рѣки всѣ мелководны и почти всѣ несудоходны; болѣе мелкія зимою иногда промерзаютъ, а лѣтомъ совершенно высыхаютъ. Въ періодъ же муссоновъ онѣ измѣняются до неузнаваемости: въ это время онѣ быстро наполняются водой, превращаются въ грозные глубокіе потоки грязной воды, выходятъ изъ береговъ и затопляютъ окрестныя поля и селенія.

Всѣ рѣки Корейскаго полуострова раздѣляются на рѣки бассейновъ Японскаго и Желтаго морей. Изъ рѣкъ бассейна Японскаго моря замѣчательны рр. Тумень-ула, уже описанная въ «Очеркѣ Манчжуріи», и Накъ-тонъ-ганъ.

Р. Накъ-тонъ-ганъ со своими многочисленными притоками орошаетъ юго-восточную часть полуострова. Накъ-тонъ-ганъ—красивая широкая рѣка, длиною не менѣе 450 килом., орошающая плодороднѣйшія и населеннѣйшія провинціи страны, судоходна на протяженіи 230 килом., но судоходство по ней развито, впрочемъ, весьма слабо. Въ исторіи Кореи она играла немаловажную, роль, такъ какъ по ней поднимались вглубь страны японцы, когда шли походомъ на корейцевъ, и опустошили всю страну въ концѣ XVI столѣтія.

Важнѣйшими изъ рѣкъ, впадающихъ въ Желтое море, являются рр. Ялу (по-корейски Амнокъ-ганъ), уже описанная въ предыдущемъ очеркѣ, Чіонъ-чіонь-ганъ, Та-донъ-ганъ и Ханъ-ганъ.

Р. Чіонъ-чіонь-ганъ, длиною 250 килом., образуется изъ сліянія рѣчекъ Сіо-ганъ и Тонъ-ганъ, берущихъ начало въ одномъ изъ отроговъ Главнаго хребта, течетъ мимо городовъ Хый-чхена и Ань-чжю. Судоходна для мелкосидящихъ судовъ отъ устья немного выше г. Ань-чжю; близъ этого города пересѣкаетъ дорогу изъ Ы-чжоу въ Пхіонъ-янъ, здѣсь же развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ главный (болѣе глубокій) шириною 200 метровъ, а второстепенный (болѣе мелкій)—240 метровъ. Мостовъ нѣтъ, но у г. Ань-чжю имѣется переправа на паромахъ, а осенью, кромѣ того, пѣшій и конный бродъ. Р. Та-донъ-ганъ, длиною около 450 килом., беретъ начало въ Главномъ хребтѣ, течетъ мимо гг. Токъ-чіонь, Цза-сань и Пхіонъ-янъ и впадаетъ въ море широкимъ устьемъ. Судоходна для судовъ средней величины почти до г. Пхіонъ-яна, а въ нижнемъ теченіи даже для большихъ морскихъ пароходовъ и военныхъ судовъ. Въ 30 килом. выше устья ея расположенъ портъ Цзынъ-намъ-пхо (Ци-намъ-по), открытый для иностранной торговли. Наиболѣе важной изъ всѣхъ рѣкъ Кореи является рѣка Ханъ-чанъ, на которой расположена столица Кореи—Сеулъ. Ханъ-чанъ составляется изъ двухъ рѣкъ, берущихъ начало на западномъ склонѣ Главнаго хребта, недалеко отъ Японскаго моря, и такимъ образомъ прорѣзываетъ всю страну съ востока на западъ. По величинѣ бассейна Ханъ-ганъ, послѣ Ялу, занимаетъ второе мѣсто, а по промышленному и торговому значенію—первое. Отъ сліянія образующихъ ее рѣкъ близъ г. Янъ-гыня до Сеула Ханъ-ганъ имѣетъ ширину около 220 метр., но ниже Сеула постепенно расширяется и, распавшись на рукава, впадаетъ въ Желтое море, омывая о. Канъ-хоа. Жители средней части Кореи сплавляютъ по Ханъ-гану внизъ въ Сеулъ избытокъ произведеній своего хозяйства и по этой же рѣкѣ получаютъ иностранные товары. Въ исторіи Кореи Ханъ-ганъ игралъ значительную роль, 1.500 лѣтъ тому назадъ служа границей между государствами Пакъ-чжѣ и Силла съ юга и государствомъ Ко-куріо съ сѣвера. По ея берегамъ стояли крѣпости, остатки которыхъ можно еще и теперь видѣть въ горныхъ ущельяхъ.

Климатъ Кореи въ общихъ чертахъ сходенъ съ климатомъ Манчжуріи, такъ какъ и та и другая страна находятся въ области восточно-азіатскаго муссона, обусловливающаго главныя отличительныя черты климата названныхъ странъ. Но въ такой гористой странѣ, какъ Корея, окруженной къ тому же съ трехъ сторонъ моремъ и лежащей южнѣе Манчжуріи, естественно наблюдаются нѣкоторыя особенности, не свойственныя климату этой послѣдней. Климатъ Кореи вообще является среднимъ между климатами Манчжуріи и Японіи и, несмотря на очень южное положеніе ея, дающее право причислить ее къ странамъ субтропическимъ *) отличается сравнительной суровостью и континентальностью. Лѣто здѣсь обыкновенно жаркое, зима же холодная и суровая. Какъ страна гористая, Корея представляетъ большое разнообразіе климатическихъ условій въ разныхъ сво-

*) Самая сѣверная оконечность Кореи лежитъ южнѣе Ниццы, а южная—приблизительно на параллели Дамаска.

ихъ частяхъ: климатъ южной Кореи болѣе приближается къ морскому, на восточномъ побережьи онъ также болѣе мягокъ, чѣмъ на западномъ. Въ среднемъ же Корея холоднѣе сравнительно съ европейскими странами, лежащими подъ тѣми же широтами. Самый жаркій мѣсяцъ въ году—августъ, самый холодный—январь. О температурѣ даютъ понятіе слѣдующія цифры:

		Годовая.	Январь.	Августъ.
Генъ-занъ	39° с. ш.	+ 11,7° С.	— 3,2°	+ 25,4°.
Фу-занъ	35° с. ш.	+ 15,2°	+ 4,1°	+ 26,6°.
Сеулъ	37° с. ш.	+ 11,5	— 5,6°	+ 26,4°.

Въ сѣверо-западной Кореѣ рѣки и бухты замерзаютъ зимой, и судоходство прекращается приблизительно къ сѣверу отъ 37° с. ш.; на востокъ же Кореи море часто не покрывается льдомъ даже въ портахъ. Благодаря вліянію муссоновъ, лѣто очень влажное, облачное и съ обильными осадками. Несмотря на холодную зиму, обильный снѣгъ выпадаетъ только въ горахъ Кореи, особенно на западномъ склонѣ. Вообще климатъ Кореи—здоровый, хотя на непривычныхъ къ нему европейцевъ оказываетъ иногда и очень неблагопріятное вліяніе; особенно вредна въ данномъ случаѣ чрезмѣрная влажность воздуха лѣтомъ въ связи съ жарами, господствующими въ Кореѣ въ это время. Съ этимъ обстоятельствомъ придется сильно считаться во время военныхъ дѣйствій въ Кореѣ и Манчжуріи, такъ какъ вышеприведенныя замѣчанія, хотя въ нѣсколько меньшей степени, относятся и къ Манчжуріи. Самыми здоровыми и пріятными временами года въ Манчжуріи являются осень и весна.

Разнообразіе климатическихъ условій въ различныхъ частяхъ Кореи влечетъ за собою такъже и разнообразіе растительнаго и животнаго міровъ этой страны, чему способствуетъ еще и сосѣдство другихъ мѣстностей Манчжуріи и Уссурійскаго края, съ одной стороны, и Японіи—съ другой.

Горы сѣверной Кореи покрыты сплошными густыми лѣсами, близко похожими на нашу сибирскую и уссурійскую тайгу. Главною составною частью ихъ являются хвойныя породы: лиственница, кедръ, ель, отчасти сосна. Ниже, въ горахъ и долинахъ, хвойныя породы постепенно уступаютъ мѣсто лиственнымъ: дубу, березѣ, ясеню, липѣ и др. Еще ниже растительность становится еще разнообразнѣе, появляются клены, вязы, каштаны, дикія вишни и яблони и др. Всѣ эти лѣса составляютъ непосредственное продолженіе лѣсовъ, густо покрывающихъ Чанъ-бо-шань'скій хребетъ. Характеръ растительности сѣверной Кореи близокъ къ манчжурской. По мѣрѣ удаленія къ югу измѣняется и характеръ растительности, да и количество ея сильно уменьшается. Въ прежнее время густые лѣса покрывали также среднюю и южную Корею, но теперь они повырублены и встрѣчаются лишь въ неприступныхъ горахъ да около деревень въ видѣ священныхъ рощъ, которыя вырубать по корейскимъ законамъ нельзя подъ страхомъ смертной казни. Теперь средняя и южная Корея, почти совершенно лишенныя лѣсовъ, покрыты почти сплошной массой полей. Въ южной Кореѣ растительность совершенно приближается къ тропической: цвѣтутъ древовидныя камеліи и магноліи, густыми зарослями встрѣчается бам-

букъ, плантаціи бумажнаго дерева, хлопчатника и др. Нѣкоторые авторы упоминаютъ еще объ апельсинныхъ и лимонныхъ рощахъ. Характеристика корейской флоры, слѣдовательно такова: самая пестрая смѣсь формъ сѣверныхъ (манчжурскихъ и уссурійскихъ) съ южными (японскими).

Фауна Кореи представляетъ такіе же рѣзкіе контрасты, только не въ такой сильной степени: здѣсь, какъ и въ Манчжуріи, встрѣчаются представители крайняго сѣвера наряду съ царемъ южной Азіи—тигромъ. Горы сѣверной Кореи по фаунѣ мало отличаются отъ уссурійской и манчжурекой тайги: здѣсь встрѣчаются медвѣди, кабаны, лисицы, куницы, олени, рѣдко и въ незначительныхъ количествахъ попадается также и соболь. Всѣ эти животныя, обитающія и въ нашихъ лѣсахъ, заходятъ въ Кореѣ далеко на югъ и смѣшиваются тамъ съ животными совершенно иной фауны, тропической, именно съ обезьянами (мартышками), встрѣчающимися въ южной Кореѣ. Величайшимъ хищникомъ въ Кореѣ, является, какъ и на всемъ дальнемъ востокѣ, тигръ, который, не смущаясь холодами и снѣгами, заходитъ далеко на сѣверъ и даже по льду отъ устьевъ Амура перебирается на Сахалинъ. Въ настоящее время, впрочемъ, тигръ уже настолько истребленъ, что представляетъ рѣдкость въ Кореѣ. Изъ домашнихъ млекопитающихъ въ Кореѣ наиболѣе распространены лошадь, корова, оселъ, лошакъ, собака и свинья. Фауна птицъ и рыбъ очень богата. Пернатое населеніе, равно какъ и пресмыкающіяся и рыбы также представляютъ смѣшеніе южныхъ и сѣверныхъ формъ. Изъ рыбъ извѣстны, главнымъ образомъ, костистыя.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Корейскій полуостровъ является какъ бы мостомъ, связывающимъ материкъ Азіи съ островами Японіи. Связь его съ материкомъ Азіи придаетъ ему сѣверный характеръ, а вліяніе японскаго архипелага вноситъ въ его жизнь типичныя черты японской природы, результатомъ чего и является то удивительное смѣшеніе формъ растительнаго и животнаго міра, о которомъ говорилось выше.

Если трудно говорить о численности населенія Манчжуріи и установить какія-либо точныя данныя по этому вопросу, то для Кореи дать что-либо безусловно заслуживающее довѣрія о количествѣ народонаселенія ея совершенно невозможно. Согласно установленному съ давнихъ поръ порядку, провинціальныя власти Кореи каждые три года производятъ оффиціальную перепись населенія, но придавать какое-либо значеніе даннымъ, полученнымъ при такой переписи, абсолютно невозможно. Корыстолюбіе и алчность корейскихъ чиновниковъ развиты въ весьма сильной степени, почему они и уменьшаютъ оффиціальныя цифры плательщиковъ налоговъ, дабы излишекъ собираемыхъ податей обращать въ свою пользу. Послѣдняя такая перепись была произведена 31-го декабря 1900 г. и дала цифру 5.608.151 человѣка. По показаніямъ же многочисленныхъ путешественниковъ по Кореѣ цифра эта значительно ниже дѣйствительной, которую можно принять равной 12—13 милліонамъ. Средняя плотность населенія равна, слѣдовательно, 58 человѣкамъ на 1 кв. килом., что почти одинаково съ плотностью населенія нашей Полтавской губерніи. Средняя и южная Корея населены значительно плотнѣе сѣверной.

Главною составной частью населенія Кореи являются корейцы, племя тунгузской народности. Кромѣ нихъ, въ Кореѣ проживаетъ еще незначительное количество иностранцевъ (по послѣдней переписи 20 тысячъ человѣкъ), изъ которыхъ три четверти составляютъ японцы. Въ сравнительно значительномъ количествѣ встрѣчаются еще китайцы; европейцевъ же очень мало, и то они встрѣчаются почти исключительно въ портахъ, открытыхъ для внѣшней торговли.

По китайскимъ даннымъ населеніе Кореи въ древнѣйшія времена состояло изъ полудикихъ племенъ, пришедшихъ, вѣроятно, съ рѣкъ Амура и Сунгари и принадлежавшихъ къ тунгузскимъ, монгольскимъ и финскимъ племенамъ. На югѣ страны обитали, повидимому, племена, родственныя японцамъ или древнѣйшимъ обитателямъ Японіи айносамъ. Первымъ основателемъ настоящаго государства въ Кореѣ, по китайскимъ лѣтописямъ, является выходецъ изъ Китая Кинъ-цза, принадлежавшій къ китайскому императорскому дому Шань (около 1.000 лѣтъ до Р. Х.), внесшій въ Корею китайскую культуру, сильно отразившуюся на корейцахъ. Болѣе или менѣе достовѣрная исторія Кореи начинается значительно позднѣе, именно со 107 г. до Р. Х., съ года, когда Корея была покорена Китаемъ и на 200 лѣтъ сдѣлалась данницей могущественнаго сосѣда. Въ концѣ II в. по Р. Х. въ Корею нахлынули съ сѣвера новые пришельцы, тунгузское племя ко-ку-ріо (ка-ори или ка-оли), оттѣснившее аборигеновъ страны на югъ и образовавшее самостоятельное государство ко-ку-ріо, которое сдѣлалось даже довольно могущественнымъ, благодаря междоусобіямъ, царившимъ въ то время въ Китаѣ. Племя это смѣшалось съ жителями страны и образовало новый народъ. Часть же аборигеновъ выселилась на о. Хондо (Ниппонъ). Нѣсколько позднѣе, именно въ III—IV в., образовались еще два государства изъ сплотившихся южныхъ племенъ—Силла и Пакъ-чжѣ. Нѣкоторое время всѣ эти государства существовали самостоятельно, занимаясь лишь междуусобными войнами. Конецъ самостоятельному существованію всѣхъ этихъ государствъ былъ положенъ Китаемъ, завоевавшимъ ихъ въ VII в. Такимъ образомъ населеніе Кореи также произошло изъ смѣшенія двухъ элементовъ—сѣвернаго и южнаго, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, существованіе двухъ типовъ среди корейцевъ: одинъ типъ по физическимъ признакамъ стоитъ ближе къ манчжурамъ, а другой—къ японцамъ. Представляя нѣкоторые признаки монгольской расы, корейцы, однако, выше японцевъ и китайцевъ и настолько сильно отличаются отъ тѣхъ и другихъ, что, по словамъ путешественниковъ, смѣшать корейца съ японцами и китайцами очень трудно. По внѣшнему виду корейцы напоминаютъ нѣкоторыя народности центральной Азіи, напримѣръ, киргизовъ. У женщинъ монгольскій типъ преобладаетъ и дѣлаетъ ихъ въ большинствѣ случаевъ безобразными.

Слѣдами господствовавшей нѣкогда въ Кореѣ феодальной системы осталось раздѣленіе на сословія, или, вѣрнѣе, касты, такъ какъ эти сословія представляютъ совершенно обособленные классы народа, причемъ переходъ изъ низшаго сословія въ высшее почти невозможенъ. Сословій всего три. Высшее господствующее сословіе — дворяне (янгъ-бани), потомки древнихъ завоевателей,

которымъ въ прежнее время принадлежали всѣ земли, но съ воцареніемъ нынѣшней династіи и уничтоженіемъ феодальнаго права дворяне обѣднѣли, и земли перешли въ руки лицъ изъ другихъ сословій. Дворяне раздѣляются на два класса—военный и гражданскій. Всѣ наиболѣе важныя должности замѣщаются дворянами изъ гражданскаго класса, военные же занимаютъ только спеціальныя военныя должности. Дворяне живутъ въ деревняхъ и занимаются хлѣбопашествомъ, всякое другое занятіе для нихъ считается неприличнымъ. Въ настоящее время, дворянство составляетъ приблизительно $^1/_3$ всего населенія и пользуется большимъ уваженіемъ со стороны другихъ сословій.

Среднее сословіе—тунгъ-сарэми—дѣлится на лицъ, владѣющихъ землею, и безземельныхъ. Владѣющіе землей уплачиваютъ подати натуральными повинностями—военной и почтовой службою. Безземельные—это купцы, учителя, доктора, ремесленники и низшіе чиновники.

Наконецъ, третье сословіе—крестьяне (чжангъ-сарэми) занимаются исключительно земледѣліемъ, частью арендуя землю у дворянъ, частью имѣя собственную.

Кромѣ этихъ сословій, въ Кореѣ есть еще рабы (чонъ-и), положеніе которыхъ очень тягостно, такъ какъ они не имѣютъ права владѣть землей и считаются чуть не вещью, съ которой хозяинъ можетъ сдѣлать все, что угодно—продать, казнить и т. д.

Религіей высшаго класса служитъ ученіе Конфуція, а у низшаго — своего рода шаманизмъ и фетишизмъ. Ранѣе въ странѣ господствовалъ буддизмъ, но въ XIV в., съ воцареніемъ нынѣшней династіи, онъ утратилъ значеніе оффиціальной религіи, буддійскіе жрецы подверглись преслѣдованію и были изгнаны изъ столицы. Нѣсколько монастырей, впрочемъ, сохранилось и до настоящаго времени, въ уединенныхъ, удаленныхъ отъ мірской суеты мѣстахъ. Въ концѣ XVIII в. въ Корею проникло христіанство, сперва черезъ корейцевъ-ученыхъ, случайно ознакомившихся съ ученіемъ Христа и пожелавшихъ креститься. Въ 1835 г. уже проникли въ Корею и католическіе миссіонеры. Несмотря на страшныя гоненія противъ христіанъ, сперва за несоблюденіе весьма развитаго въ Кореѣ культа предковъ, а затѣмъ по политическимъ поводамъ, именно за вмѣшательство европейцевъ во внутреннія дѣла Кореи*), число христіанъ въ 1897 г. достигло уже 30.000 человѣкъ. Наибольшое число христіанъ исповѣдуетъ католическую религію. Въ 1900 г. учреждена въ Сеулѣ и православная миссія съ настоятелемъ архимандритомъ Хрисанфомъ, но православныхъ корейцевъ еще очень немного.

Въ административномъ отношеніи Корея раздѣляется на 13 провинцій (до), во главѣ которыхъ стоятъ губернаторы (коанъ-цхаль-са); провинціи раздѣляются на 341 болѣе мелкую единицу (округа—пу или мокъ, уѣзды—кунь, во главѣ которыхъ стоятъ окружные и уѣздные начальники). Округа и уѣзды въ свою очередь дѣлятся на волости (міонь, панъ или ся), а послѣднія на деревни (и или ни). Столица изъята изъ губернскаго управленія и составляетъ особое столичное вѣдомство съ градоначальникомъ (пхань-юнь) во главѣ

*) Гоненія прекратились лишь 1872 году.

Главнымъ городомъ Кореи является Ханъ-янъ, извѣстный у европейцевъ подъ именемъ Сеула. Сеулъ сдѣланъ былъ резиденціей короля и средоточіемъ главнѣйшихъ правительственныхъ учрежденій Кореи лишь съ XIV в. До этого времени столицей былъ г. Сунъ-то, въ 1392 г. разрушенный японцами. Сеулъ расположенъ въ котловинѣ, съ трехъ сторонъ окруженный высокими безлѣсными горами, а съ четвертой омываемой водами р. Ханъ-гана. Городъ, построенный четыреугольникомъ, окруженъ широкой каменной стѣною около 20 фут. высоты, каждая сторона четыреугольника около 5 килом. Въ городъ ведутъ восемь воротъ, съ внѣшней стороны весь городъ окруженъ широкимъ рвомъ. Жителей въ городѣ 210.000. По внѣшности онъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ корейскихъ городовъ: грязныя, узкія, кривыя улицы, маленькіе одноэтажные глинобитные дома, бѣдныя грязныя лавчонки—вотъ характеристика такого города. Лишь за послѣднее время, съ допущеніемъ въ страну иностранцевъ, Сеулъ началъ принимать нѣсколько другой видъ: появились дома въ европейскомъ стилѣ, напр., дома европейскихъ посольствъ, стали заботиться о чистотѣ и освѣщеніи улицъ, проведенъ электрическій трамвай и т. п. Главная достопримѣчательность Сеула—императорскіе дворцы, которыхъ всего три—два старыхъ, теперь уже необитаемыхъ, и одинъ новый, въ которомъ живетъ императоръ. Корейскіе дворцы, впрочемъ, не напоминаютъ того, что мы привыкли подразумѣвать подъ этимъ названіемъ, и отличаются бѣдностью и простотой убранства и архитектуры.

Какъ уже сказано выше, Сеулъ есть средоточіе административной жизни страны. Въ настоящее время Корея управляется неограниченнымъ императоромъ *). Главными органами управленія являются государственный совѣтъ (ый-чжіонъ-бу) и бывшій королевскій, нынѣ императорскій совѣтъ (чжюнъ-цху-уонь), которые, подъ предсѣдательствомъ императора, рѣшаютъ всѣ важнѣйшія дѣла. Менѣе важныя дѣла сосредоточены въ рукахъ министровъ. Министерствъ всего девять: императорскаго двора, юстиціи, иностранныхъ дѣлъ, земледѣлія и торговли, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, военное, народнаго просвѣщенія и полиціи. Предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ министровъ первый министръ безъ портфеля. Кромѣ министерствъ существуетъ еще два большихъ вѣдомства, вполнѣ независимыхъ отъ министерствъ,—управленіе путями сообщенія, почтою и телеграфомъ и управленіе податными списками.

Портъ Сеула—Чемульпо, соединенный въ настоящее время съ Сеуломъ желѣзной дорогой. Это самый важный портъ Кореи. Значеніе его возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Торговые обороты его въ 1902 г. выразились цифрами: ввозъ на 814.470 фунт. стерл., вывозъ на 269.747 фунт. стерл. Главные предметы ввоза—хлопчатобумажныя издѣлія, вывоза—корень жень-шень.

Съ 1876 г. иностранцамъ удалось добиться заключенія договоровъ съ корейскимъ правительствомъ объ открытіи нѣкоторыхъ портовъ Кореи для внѣшней торговли. Въ настоящее время, кромѣ упомянутыхъ уже Чемульпо и Сеула открыты еще слѣдующіе порты и города: на западномъ берегу порты: Цзынъ-

*) Нынѣшняя война кое-что измѣнила въ положеніи Кореи, но теперь еще трудно сказать что-нибудь опредѣленное, за отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній.

намъ-пхо, Кунь-сань, Мокъ-по; на южномъ: Ма-сань-пхо и Фу-занъ; на восточномъ: Гензанъ, Сіонь-чжинь и Кіонъ-хынъ (только для русской торговли). Изъ городовъ открыты Сеулъ, Пхіонъ-янъ и селеніе близъ Сеула Янъ-хоа-чжинь *). Всѣ эти порты имѣютъ уже довольно значительные торговые обороты, а отъ Фу-зана до Сеула строится даже желѣзная дорога.

Наибольшее вниманіе привлекаетъ теперь сѣверная Корея, какъ вѣроятный театръ военныхъ дѣйствій, почему мы и упомянемъ о нѣсколькихъ городахъ, наиболѣе часто указываемыхъ въ телеграммахъ о войнѣ.

Городъ Ы-чжоу расположенъ почти въ самомъ устьѣ р. Ялу на скалистомъ массивѣ, подходящемъ къ лѣвому берегу этой рѣки. Ы-чжоу, а равно и лежащій немного ниже его по р. Ялу г. Ань-дунь, играютъ роль торговыхъ центровъ для сношеній съ Китаемъ. Въ Ы-чжоу существуетъ таможня. Ы-чжоу весьма важенъ въ стратегическомъ отношеніи, такъ какъ командуетъ надъ противоположнымъ китайскимъ берегомъ.

Г. Іонь-біонъ расположенъ вблизи праваго берега р. Чіонъ-чіонъ-ганъ, главный городъ сѣверной Пхіонъ-анъ'ской провинціи.

Г. Пхіонъ-янъ на правомъ берегу р. Тä-донъ-ганъ съ 50—60 тысячами жителей. Одинъ изъ важнѣйшихъ въ торговомъ и стратегическомъ отношеніяхъ городовъ Кореи. Древняя столица Кореи. Въ 1894 г. былъ взятъ японцами во время китайско-японской войны и былъ сильно разоренъ. Портомъ Пхіонъ-яна служитъ Цзынъ-намъ-пхо.

Главное занятіе корейскаго населенія—земледѣліе. Способы обработки земли весьма примитивны, но трудолюбіе корейцевъ сдѣлало то, что ихъ поля по обработкѣ почти не уступаютъ китайскимъ и японскимъ и превосходятъ наши русскія. Главнымъ растеніемъ, воздѣлываемымъ въ Кореѣ и составляющимъ важнѣйшій источникъ благосостоянія жителей, но въ то же время причиняющимъ земледѣльцу массу хлопотъ, является рисъ. Рисъ вполнѣ окупаетъ всѣ труды, затраченные на него, и даетъ урожаи самъ-50, самъ-80, уступая въ этомъ отношеніи лишь просу, дающему урожаи самъ-100. Кромѣ риса разводятся еще разные сорта ячменя и пшеницы. Сѣются эти растенія не сплошь по всему полю, какъ у насъ, а рядами, причемъ ряды хлѣбныхъ растеній чередуются съ бобами. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы влага могла легко сбѣгать съ поля, такъ какъ обильная влажность портитъ хлѣбъ, дѣлая его такъ называемымъ «пьянымъ», обладающимъ ядовитыми свойствами. Въ сѣверной Кореѣ рисъ уступаетъ мѣсто просу, а въ средней и южной ряспространены еще посѣвы хлопчатника. Въ южной Кореѣ разводится еще японская крапива, изъ которой добываютъ волокна, идущія на приготовленіе матерій. Весьма распространены также посѣвы кунжута, изъ котораго приготовляется масло, пользующееся большой популярностью среди корейскаго населенія. Очень своеобразнымъ продуктомъ, воздѣлываемымъ корейцами, является бумажное дерево, идущее на приготовленіе превосходной корейской бумаги. Бумажное дерево представляетъ довольно высокіе кусты съ крупными листьями. Лѣтомъ

*) Въ самое недавнее время открытъ для внѣшней торговли еще портъ Сіонъ-чіонь-по близъ устья р. Ялу.

съ этихъ кустовъ сдирается кора, которая на бумажныхъ фабрикахъ размачивается и варится въ особыхъ чанахъ. Получаемое отъ этихъ операцій тѣсто выливается въ особыя рѣшета и прессуется, и бумага готова. Бумага очень распространена въ Кореѣ, но не для писанія, а для оклеиванія стѣнъ, вставки въ окна вмѣсто стеколъ, изъ нея же приготовляются вѣера, шляпы, зонтики и т. д. Въ зависимооти отъ этого въ Кореѣ очень много и плантацій бумажнаго дерева и бумажныхъ фабрикъ. Въ средней Кореѣ встрѣчаются еще многочисленныя плантаціи жень-шеня и табаку, куреніе котораго очень распространено среди корейскаго населенія. На огородахъ разводятся преимущественно рѣдька, красный перецъ, помидоры, лукъ и др. Картофель въ Кореѣ почти неизвѣстенъ. Кое-гдѣ встрѣчаются и фруктовые сады, въ которыхъ разводятся яблоки, груши, абрикосы и др.; но всѣ эти плоды значительно хуже европейскихъ.

Скотоводство развито въ Кореѣ весьма незначительно, такъ какъ занятію скотоводствомъ препятствуетъ густота населенія и отсутствіе хорошихъ пастбищъ. Крупнаго рогатаго скота разводится даже меньше, чѣмъ нужно для хозяйства; изъ мелкаго скота разводятся лишь свиньи, а изъ домашнихъ птицъ—куры. Лошадь не играетъ въ хозяйствѣ почти никакой роли, такъ какъ корейскія лошади мелки и слабосильны, а потому и для воздѣлыванія полей, и для перевозки тяжестей употребляются быки и коровы.

Довольно значительно развито въ Кореѣ пчеловодство, составляющее важное подспорье въ хозяйствѣ.

Кромѣ того, въ довольно значительныхъ количествахъ производится шелкъ. Разведеніемъ тутовыхъ деревьевъ и воспитаніемъ шелковичныхъ червей занимаются жители всѣхъ провинцій. Лучшимъ считается шелкъ изъ провинціи Тіонъ-янъ.

Если размѣры добывающей промышленности нельзя назвать значительными, то про обрабатывающую можно сказать, что она находится положительно въ зачаточномъ состояніи. Изъ предметовъ обрабатывающей промышленности наиболѣе извѣстна бумага, о производствѣ которой сказано нѣсколько выше. Писчебумажное производство составляетъ монополію буддійскихъ монастырей. Другое производство, въ которомъ корейцы имѣютъ мало соперниковъ, это производство плетеныхъ издѣлій всякаго рода. Плетеніе шляпъ, ситъ, туфель, разнаго рода мѣшковъ достигло здѣсь высокой степени совершенства. Ткань холста, шелковыхъ и бумажныхъ матерій стоитъ не особенно высоко. Кромѣ того, существуютъ еще столяры, кузнецы, литейщики, серебряныхъ дѣлъ мастера и гончары.

Торговля въ Кореѣ развита вообще очень мало. Развитію ея мѣшаетъ отсутствіе судоходныхъ рѣкъ, путей сообщенія, влекущее за собою отсутствіе сбыта. Вымогательство чиновниковъ, запутанность денежной системы, широкое распространеніе разбойниковъ и т. д.—вотъ также тормоза, мѣшающіе правильному росту торговли. Съ другой стороны, вкусы и привычки корейца, даже высшаго класса, столь просты, а хозяйство его столь не велико, что онъ производитъ все необходимое для себя самъ, и излишка, который можно было бы продать, у него не остается. Результатомъ этого является почти полное

отсутствіе внутренней торговли. Что касается внѣшней торговли, то до 1876 г. Корея ревниво охраняла себя отъ доступа иностранцевъ. Лишь въ этомъ году японцамъ удалось выхлопотать себѣ разрѣшеніе на право торговли въ Чемульпо. Примѣру японцевъ послѣдовали другія государства, въ 1884 г. также и Россія, и съ этихъ поръ иностранцы имѣютъ право торговать въ нѣсколькихъ портахъ, перечисленныхъ выше. Главными предметами вывозной торговли служатъ рисъ, пшеница, ячмень, шкуры, кожи, золото, бобы, жень-шень, бумага. Ввозная торговля, главнымъ образомъ, ведется хлопчатобумажными издѣліями, металлами (мѣдь, цинкъ, олово), машинами, керосиномъ и солью. О размѣрахъ торговли даютъ понятіе слѣдующія цифры за 1902 годъ:

	Вывозъ.	Ввозъ.
Чемульпо	269.747 ф. ст.	814.470 ф. ст.
Цзынъ-намъ-пхо	94.666 » »	63.413 » »
Кунь-сань	31.756 » »	10.522 » »
Мокъ-по	74.580 » »	21.515 » »
Фу-занъ	266.222 » »	276.769 » »
Генъ-занъ	102.205 » »	191.535 » »

Торговля находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ японцевъ, чему способствуетъ очень выгодное положеніе Кореи относительно Японіи: онѣ раздѣлены только Корейскимъ проливомъ, по серединѣ котораго находится, кромѣ того, японскій островъ Цусима, дѣлящій этотъ проливъ на два рукава. Конкурировать съ японцами очень трудно, такъ что Корея является какъ бы самой природой созданнымъ для Японіи рынкомъ. Понятно изъ этого, почему Японія издавна стремилась овладѣть Кореей.

Въ заключеніе остается сказать о путяхъ сообщенія. До самаго послѣдняго времени пути сообщенія въ Кореѣ находились въ самомъ плачевномъ состояніи. Всѣ дороги были естественныя, грунтовыя и, какъ таковыя, вполнѣ зависѣли отъ качествъ грунта. Дороги раздѣляются на три разряда: главныя дороги, числомъ 7, служащія средствомъ сообщенія Сеула съ различными частями государства, а также съ Мукденомъ и Пекиномъ, второстепенныя и проселочныя. Въ полномъ смыслѣ слова дорогами можно назвать только относящіяся къ первому разряду, которыя до извѣстной степени поддерживаются и ремонтируются. Дороги же второго и третьяго разряда едва ли даже заслуживаютъ названія дорогъ. Чаще всего онѣ представляютъ просто головоломныя тропинки, по которымъ можно идти пѣшкомъ или же ѣхать верхомъ; колеса и телѣги въ Кореѣ вещи неизвѣстныя. Какъ вьючное животное, чаще всего употребляется лошадь, но нерѣдко люди составляютъ конкуренцію животнымъ и являются носильщиками. Существуетъ даже цѣлая артель носильщиковъ, имѣющая въ странѣ очень большое значеніе *). По изгнаніи изъ Кореи ки-

*) Вообще артели въ Кореѣ очень распространены. При путешествіяхъ по Кореѣ очень большое значеніе имѣетъ артель трактирщиковъ. Корейскія деньги (пхуни) очень неудобны для перевозки, а потому обыкновенно вносятъ первому по дорогѣ трактирщику извѣстную сумму денегъ, равную приблизительно издержкамъ путешествія и получаютъ квитанцію, которую уже далѣе и предъявляютъ для отмѣтки на ней стоимости ночлега, припасовъ и проч.

тайцевъ въ 1896 г. японцы сдѣлались фактически хозяевами Кореи и первое свое вниманіе обратили на улучшеніе путей сообщенія, но до сихъ поръ ими сдѣлано въ этомъ отношеніи очень немного, такъ что позднѣйшимъ путешественникамъ приходится все же констатировать фактъ неудовлетворительнаго состоянія дорогъ въ странѣ. Въ особенно плохомъ состояніи находятся дороги въ сѣверной Кореѣ, особенно во время лѣтнихъ дождей. Въ виду возможности перенесенія театра военныхъ дѣйствій именно въ сѣверную Корею, это можетъ имѣть большое значеніе и причинить много непріятностей.

Въ 1899 г. была построена желѣзная дорога изъ Чемульпо въ Сеулъ, въ настоящее время строится дорога изъ Фу-зана въ Сеулъ и изъ Сеула къ р. Ялу черезъ г. Тіонъ-янъ.

А. Стопневичъ.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Вѣстникъ Европы“—апрѣль. „Русская Старина“—апрѣль. „Русское Богатство“—мартъ. „Русская Мысль“—мартъ).

Въ апрѣльской книгѣ «Вѣстника Европы» г. Пыпинъ закончилъ свою интересную статью о Некрасовѣ; въ заключеніи этой части почтенный авторъ дѣлаетъ попытку разобраться въ противорѣчивыхъ сужденіяхъ о поэзіи Некрасова и ея значеніи. Прежде чѣмъ приводить этотъ разборъ, сдѣлаемъ небольшую, очень любопытную выдержку, въ которой г. Пыпинъ цитируетъ одного современника, близко знавшаго Некрасова. Рѣчь идетъ о злобныхъ выходкахъ противъ Некрасова—Достоевскаго.

«Это такой мутный источникъ, — говоритъ современникъ,—которымъ не слѣдуетъ пользоваться. Для примѣра тому, какъ вздорны разсужденія Достоевскаго о Некрасовѣ, возьму изъ выписки (изъ воспоминаній Достоевскаго о Некрасовѣ) полторы строки. Однажды, Некрасовъ сталъ разсказывать Достоевскому о своемъ дѣтствѣ, и въ этомъ разсказѣ «обрисовался» передъ Достоевскимъ «этотъ загадочный человѣкъ самой затаенной стороною своего духа»; а самая затаенная сторона его духа было то, что его дѣтство оставило въ немъ грустныя воспоминанія. Какимъ образомъ это могло быть «затаенною», даже «самой затаенной» стороною духа «загадочнаго» человѣка, когда онъ въ столькихъ лирическихъ пьесахъ и столькихъ эпизодахъ поэмъ передавалъ всей русской публикѣ тяжелыя впечатлѣнія своего дѣтства?—Да и чего было бы таить въ нихъ? Какъ любилъ онъ передавать ихъ публикѣ, точно также любилъ и пересказывать ихъ въ разговорахъ. Послѣ этого, натураленъ вопросъ: былъ ли «загадоченъ» человѣкъ, который такъ таилъ «самую затаенную сторону своего духа», который столько разъ говорилъ о ней публикѣ и любилъ подробно разсказывать о ней каждому знакомому, желающему слушать? Ровно ничего «загадочнаго» въ Некрасовѣ не было. Онъ былъ хорошій человѣкъ съ нѣкоторыми слабостями, очень обыкновенными; при своей обыкновенности эти

слабости не были ни мало загадочными сами по себѣ; не было загадочнаго и въ томъ, почему онѣ развились въ немъ: общеизвѣстные факты его жизни очень отчетливо объясняютъ это. А если кому-нибудь изъ его знакомыхъ не ясно было, почему онъ поступаетъ такъ, а не иначе въ какомъ-нибудь случаѣ, то надо было только спросить его, почему онъ поступилъ такъ, и онъ отвѣчалъ прямо и ясно; я не помню ни одного случая, когда бы онъ уклонился отъ прямодушнаго объясненія своихъ мотивовъ, ни одного такого случая не было не то что лишь въ разговорахъ со мною, но и во всѣхъ тѣхъ разговорахъ съ другими, какіе происходили при мнѣ. Онъ былъ человѣкъ очень прямодушный».

Хотя въ этомъ свидѣтельствѣ лично знавшаго Некрасова современника нѣтъ ничего новаго, но оно цѣнно, какъ показатель того, какъ относились къ поэту близкіе люди, имѣвшіе возможность знать его лучше тѣхъ, кто, стоя вдали, вкривь и вкось перетолковывали его поступки, часто на основаніи нелѣпыхъ слуховъ и даже прямыхъ сплетенъ, къ сожалѣнію, не менѣе обильныхъ въ литераторской средѣ, чѣмъ въ любой другой.

Сводя всѣ противорѣчивыя мнѣнія о поэзіи Некрасова, г. Пыпинъ приходитъ къ слѣдующему заключенію.

«Была ли въ стихотвореніяхъ Некрасова поэзія? Мы видѣли, что Тургеневъ,—особенно въ минуты каприза,—утверждалъ, что у Некрасова поэзіи нѣтъ никакой, хотя съ этимъ приговоромъ мало вяжется его другое впечатлѣніе, что стихотворенія Некрасова, собранныя въ одинъ фокусъ, «жгутся». Что же могло въ нихъ имѣть такое дѣйствіе? Противники Некрасова обыкновенно говорили, что поэзія Некрасова не настоящая, а «тенденціозная», разсчитанная на «либеральную толпу», сухая и придуманная и т. п. Но «либеральной толпы» еще не было въ серединѣ сороковыхъ годовъ, когда появились первыя характерныя произведенія Некрасова; въ тѣхъ его вещахъ, гдѣ изображались тяжелыя бытовыя черты изъ народной жизни, ему нечего было придумывать,—мы сейчасъ видѣли примѣры, что стихотвореніе прямо передавало видѣнный фактъ и слышанныя слова, которыя становились стихотвореніемъ, потому что, пройдя черезъ фантазію, превращались въ картину.

«Обвиненія въ «тенденціозности» обыкновенно бываютъ чрезвычайно произвольны, и между прочимъ въ предѣлахъ новѣйшей русской литературы было отмѣчено, что именно защитники такъ называемаго чистаго искусства сплошь и рядомъ сами впадали въ тенденціозность. Эти защитники всего чаще—люди консервативныхъ понятій, или равнодушные къ общественнымъ вопросамъ, и ни они сами, ни ихъ союзники не замѣчаютъ, что ихъ романы, повѣсти, поэмы и проч. выходятъ всего чаще именно тенденціозными, какъ только касаются предметовъ нашей общественности, а не витаютъ въ древней Элладѣ, въ среднихъ вѣкахъ или въ изображеніи природы, нѣжнаго чувства и т. д. «Тенденціознымъ» въ этой школѣ считается всего чаще извѣстное критическое отношеніе въ дѣйствительности, которое признается «либерализмомъ». Поэтому Некрасовъ считается особенно тенденціознымъ, такъ какъ въ его стихотвореніяхъ нерѣдко сказывается такое направленіе его мысли, и такой тонъ его картинъ и разсказовъ. Очевидно, какъ скоро къ дѣлу привлекается либера-

лизмъ, или такъ называемое «отрицательное направленіе», вопросъ объ искусствѣ запутывается до послѣдней степени. Было бы долго разбираться въ этой путаницѣ. Ограничиваясь Некрасовымъ, замѣтимъ, во-первыхъ, что въ большой массѣ его стихотвореній совсѣмъ нѣтъ того, что самые усердные изъ его противниковъ могли бы назвать тенденціознымъ. Таковы лирическія стихотворенія, выражающія чисто личныя чувства и которыя въ свое время производили впечатлѣніе оригинальной силой выраженія безъ всякой тѣни тенденціи. Таковы простыя изображенія деревенской жизни, то печальныя, какъ «Забытая деревня», когда писатель видѣлъ передъ собою безпомощную заброшенность, то мягкія, почти идиллическія. Въ эпоху крымской войны Некрасовъ написалъ небольшое стихотвореніе («Внимая ужасамъ войны»), которое выдѣлилось среди «подражаній Державину» теплымъ и безхитростнымъ выраженіемъ простого человѣческаго чувства. Но «отрицательное» направленіе! Вооружаясь противъ него, защитники «чистаго искусства» покушаются на самую сущность. Очевидно, что «искусство», которое полагается всеобъемлющимъ и «свободнымъ», обнимаетъ всѣ настроенія—и въ личной, и въ общественной жизни человѣка—требуется только, чтобы форма выраженія была художественная. Общественныя чувства и стремленія, по самому ихъ содержанію, имѣютъ такое же право на мѣсто въ «искусствѣ», какъ чувства и стремленія личныя; можетъ быть лирика общественная, какъ лирика личная; можетъ быть гимнъ Тиртея, какъ и личная идиллія и элегія, «подражаніе Державину», какъ и сатира; если возможна комедія и трагедія, то нѣтъ никакого основанія исключать идею ихъ содержанія изъ личной поэзіи: знаменитая тирада маркиза Позы могла быть и отдѣльнымъ произведеніемъ поэта, или общественной лирикой. Въ настроеніи поэта, именно въ возбужденныя, тревожныя эпохи, чувство общественное можетъ быть сильнѣе личнаго, можетъ заглушать эгоистическія ощущенія, и имѣетъ всѣ права на художественное выраженія. Никакія требованія «искусства» не могутъ обособить поэта отъ настроеній, тревогъ, порывовъ, общества, которому онъ принадлежитъ: поэтъ имѣетъ полное право быть не только живописателемъ, но и «пророкомъ»; наконецъ, если не считаетъ себя призваннымъ пророчествовать, онъ можетъ только размышлять,—сколько прекрасныхъ размышленій разсѣяно въ художественныхъ произведеніяхъ Пушкина, размышленій не только о личной судьбѣ человѣка, но и о ближайшихъ интересахъ общества».

Исходя изъ этого положенія, которое едва ли можно оспаривать, г. Пыпинъ приходитъ къ общему выводу о высокомъ поэтическомъ значеніи музы Некрасова.

Въ продолжающейся статьѣ г. Дубровина въ «Рус. Старинѣ»—«Послѣ отечественной войны», на высокій интересъ которой мы не разъ уже обращали вниманіе, находимъ въ апрѣльской книгѣ любопытное сообщеніе о введеніи военныхъ поселеній, которыя были учреждены по настоянію самого императора Александра I. Даже Аракчеевъ былъ сначала противъ устройства военныхъ поселеній, но императоръ твердо и рѣшительно отстаивалъ свою идею.

«Вопреки мнѣнію многихъ,—пишетъ г. Дубровинъ,—императоръ настаивалъ теперь на скорѣйшемъ устройствѣ военныхъ поселеній. Еще 5-го авгу-

ста 1815 г. послѣдовалъ указъ, на имя новгородскаго губернатора Муравьева, расположить второй батальонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка на р. Волховѣ въ Высоцкой волости, Новгородскаго уѣзда. Осенью 1814 г. Аракчеевъ доносилъ уже государю, что лично видѣлъ «добрыя начала принятыхъ мѣръ». Жители селеній, назначенныхъ для водворенія войскъ, зачислялись въ военные поселяне подъ именемъ коренныхъ жителей, подчинялись военному начальству, подвергались военной муштровкѣ и въ то же время обязаны были обрабатывать свои поля. Дѣти ихъ зачислялись въ кантонисты и служили для пополненія поселенныхъ войскъ. Народъ принялъ эту мѣру со страхомъ и трепетомъ, просилъ избавить его отъ зачисленія въ военные поселяне, и когда просьба не была уважена, то пытался оказать сопротивленіе, но, испытавъ за то жестокое наказаніе, онѣмѣлъ. Осенью 1817 г., когда императорская фамилія отправилась въ Москву, крестьяне остановили императрицу Марію Ѳеодоровну и просили ея защиты. Сверхъ того нѣсколько сотъ человѣкъ, вышедшихъ изъ лѣса, остановили великаго князя Николая Павловича и просили его о томъ же. Они говорили, что у нихъ все отобрано и сами они изгнаны изъ домовъ. Они готовы были отдать все свое имущество, все, что нажили трудомъ, лишь бы только оставили ихъ въ покоѣ.

«— Прибавь намъ подать,—говорили они,—требуй изъ каждаго дома по сыну на службу, отбери у насъ все и выведи насъ въ степь: мы охотнѣе согласимся; у насъ есть руки, мы и тамъ примемся работать и тамъ будемъ жить счастливо, но не тронь нашей одежды, обычаевъ отцовъ нашихъ, не дѣлай всѣхъ насъ солдатами.

«Желанія и просьбы не были исполнены: имъ дали форменную одежду и росписали по ротамъ, устроили въ гумнахъ манежи и стали учить строю. Крестьянинъ, котораго желали облагодѣтельствовать, принужденъ былъ обрабатывать поле, ходить на продолжительныя строевыя ученья и кормить на свой счетъ отъ 8 до 12 солдатъ. Промышленность и торговля въ этихъ селеніяхъ почти прекратились. Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ городъ или столицу для продажи своихъ продуктовъ, что приноситъ большую пользу тамошнимъ жителямъ, хозяина семьи наряжаютъ вѣстовымъ къ капитану, у котораго въ запачканной кухнѣ онъ толкается цѣлыя сутки, будучи въ тягость какъ самъ себѣ, такъ и командирскимъ денщикамъ».

«Такое положеніе дѣлъ въ военныхъ поселеніяхъ вызывало всеобщее негодованіе и въ особенности среди тѣхъ лицъ, которыя помышляли объ освобожденіи крестьянъ и предоставленіи имъ правъ и самостоятельности».

Тѣмъ болѣе удивляло всѣхъ введеніе военныхъ поселеній, что правительство само поощряло и даже требовало освобожденія крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ они и были тогда же освобождены, но безъ земли, что, по словамъ Карамзина, еще болѣе закабалило ихъ трудъ.

Стремленіе освободить крестьянъ безъ земли, какъ извѣстно, не было чуждо очень вліятельной партіи противниковъ освобожденія и въ эпоху комитетовъ у насъ. Въ «Рус. Богатствѣ» печатается цѣнная по новости матеріала и обработкѣ статья г. Корнилова—«Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ

1858—1859 гг.», въ которой подробно прослѣживается борьба разныхъ направленій и партій на мѣстѣ. Изъ многочисленныхъ эпизодовъ этой борьбы остановимся на одномъ—о выкупѣ за крѣпостной трудъ.

«Съ особеннымъ трескомъ,—пишетъ г. Корниловъ,—разыгрался этотъ вопросъ въ нижегородскомъ губернскомъ комитетѣ». Вначалѣ дѣло шло довольно гладко, благодаря вліянію губернатора А. Н. Муравьева, страстно желавшаго закончить труды комитета къ ожидавшемуся въ августѣ пріѣзду Государя. Но партія крѣпостниковъ, предводительствуемая Я. И. Пятовымъ, всячески стала тормозить дѣло. Пятовъ «подалъ отзывъ, подписанный 12 членами, въ которомъ писалъ, что все сдѣланное до тѣхъ поръ комитетомъ, «сдѣлано легкомысленно, вслѣдствіе какого-то чуждаго дворянскому дѣлу вліянія, какого-то ничѣмъ необъяснимаго недоброжелательства къ своему сословію нѣкоторыхъ членовъ». Поэтому онъ предлагалъ приняться за пересмотръ и передѣлку всего проекта (составленнаго уже на двѣ трети) съ самаго начала, «принявъ за основаніе денежный выкупъ крѣпостной личности и обязательнаго труда».

«Чтобы представить себѣ, насколько важно было для нѣкоторыхъ изъ вліятельнѣйшихъ помѣщиковъ промышленныхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи установленіе выкупа крѣпостного труда, достаточно указать, что въ имѣніи одного изъ нихъ, С. В. Шереметева, весь огромный доходъ получался не отъ земли, а отъ оброковъ крестьянъ - промышленниковъ и торговцевъ. Въ статьѣ В. И. Снѣжневскаго, которой мы пользуемся, приведены изъ подлинныхъ окладныхъ книгъ Шереметевскаго имѣнія цифры окладовъ крестьянъ за 1858 г.: 9 человѣкъ изъ нихъ платили въ годъ отъ 500 до 1.530 руб. каждый, всего 7.560; 24 человѣка—отъ 200 до 375 р., всего 5.707 р.; 53 человѣка — отъ 100 до 195 р., всего 6.971 р.; 75 человѣкъ — отъ 50 до 95 р., всего 5.126 р. и т. д. Минимальная цифра оброка была у него 25 р. съ души. Оброкъ собирался по третямъ, и недоимщики платили за каждый мѣсяцъ штрафъ въ размѣрѣ 4 коп. съ души. Сообразивъ, какіе убытки могло ему принести освобожденіе крестьянъ, Шереметевъ «склонялъ» ихъ при помощи жестокихъ наказаній «добровольно» выкупаться на волю до изданія положенія, предлагая имъ уплатить ему единовременно за каждый оброчный рубль 25 р. выкупа. Произошли безпорядки. Присылался для разслѣдованія флигель-адъютантъ изъ Петербурга, принявшій сторону Шереметева, и Муравьеву послѣ того стоило огромныхъ усилій добиться, чтобы имѣнія Шереметева были взяты въ опеку».

«Въ комитетѣ на сторонѣ Пятова и Шереметева оказалось 13 членовъ, въ меньшинствѣ осталось 12, въ томъ числѣ и губернскій предводитель Болтинъ, человѣкъ чрезвычайно нерѣшительный». Муравьевъ предложилъ исключить всѣхъ 13 протестантовъ и передать все дѣло на рѣшеніе остальныхъ 12. Но тутъ Болтинъ вышелъ въ отставку, съ нимъ удалились еще три члена меньшинства, остальные хотя и протестовали противъ постановленій большинства, но скоро были вынуждены тоже удалиться. Большинство, предводительствуемое Пятовымъ и Шереметевымъ, рѣшило разослать всѣ постановленія комитета всѣмъ помѣщикамъ губерніи. Тогда губернаторъ закрылъ коми-

тетъ. Вмѣшалось министерство, и Ланской употребилъ всѣ усилія, чтобы подавить строптивыхъ членовъ комитета. «Онъ рѣшился провести это дѣло помимо главнаго комитета путемъ личнаго доклада государю еще до поѣздки его въ Нижній. Это ему удалось. На основаніи этого своего доклада, утвержденнаго государемъ, министръ сдѣлалъ слѣдующее предписаніе Муравьеву: 1) мнѣніе, подписанное тринадцатью членами нижегородскаго комитета, отвергнуть, ибо въ немъ выразилось явное побужденіе къ превратному толкованію высочайше одобренныхъ началъ устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ; 2) надворному совѣтнику Пятову, позволившему себѣ въ изложеніи своего отзыва выраженія, обидныя для другихъ членовъ комитета, сдѣлать по высочайшему Его Величества повелѣнію строгій выговоръ; дворянамъ же, подписавшимъ ни съ чѣмъ несообразное мнѣніе Пятова, сдѣлать строгое замѣчаніе (послѣднія слова были собственноручно приписаны самимъ государемъ); 3) предсѣдателю и тѣмъ членамъ, которые въ мнѣніяхъ своихъ руководствовались началами человѣколюбія и государственной пользы, объявить благоволѣніе Его Величества за ихъ труды и призвать къ продолженію занятій комитета».

«На другой день выкупъ личности или крѣпостнаго труда былъ отвергнутъ единогласно». За то крѣпостники налегли на повышеніе оцѣнки усадебной земли, которую и оцѣнили въ 480 р. за десятину,—цѣну, неслыханную для этой губерніи.

Въ числѣ многихъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, былъ и вопросъ о мелкомъ кредитѣ. Въ мартовской книгѣ «Русской Мысли» г. Герценштейнъ въ обстоятельной статьѣ разсматриваетъ, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи. Не касаясь приведенныхъ имъ взглядовъ министерства на мелкій кредитъ, приводимъ данныя о размѣрахъ этого кредита со стороны государственнаго банка. Какъ ничтожны были затраты на этотъ предметъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ. «На выдачу основныхъ капиталовъ кредитнымъ товариществомъ выдано къ 1-му января 1902 г. 129.000 р. Для учета соло-векселей 73 товариществамъ (изъ общаго числа дѣйствовавшихъ тогда 94 товариществъ) открытъ кредитъ на сумму 214.000 р., въ томъ числѣ Терпѣньевскому на 50.000 р. и остальнымъ 72 тов. на 164.000. Въ дѣйствительности затрачено было еще меньше, такъ какъ 30 товариществъ къ этому кредиту совсѣмъ не прибѣгали, остальные 43 товарищества заимствовали 150.914 р. За исключеніемъ семи товариществъ, прибѣгнувшихъ къ этому кредиту въ концѣ года, позаимствованная сумма была полностью возвращена въ томъ же году 34 товариществами, но въ концѣ года 23 изъ нихъ вновь прибѣгли къ кредиту. Что касается ссудосберегательныхъ товариществъ, то къ 1-му января 1902 г. за ними числился долгъ въ 237.000 р. Такимъ образомъ на нужды мелкаго кредита государственнымъ банкомъ израсходовано всего 580.460 р.—Совсѣмъ не то представляетъ кредитъ, которымъ пользуются крупныя промышленныя акціонерныя общества. Такъ, на поддержаніе Брянскихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ употреблено до 12 мил., Александровскіе сталелитейные заводы поглотили свыше 7 милл. Судя по отчетамъ, путиловскіе заводы, сормовскіе, цѣлый рядъ дру-

гихъ металлургическихъ предпріятій, общества подъѣздныхъ путей, предпріятія, принадлежавшія Алчевскому, пользуются кредитомъ въ милліоны рублей».

«При такомъ отношеніи къ мелкому кредиту,—спрашиваетъ авторъ,—можно ли ожидать дѣятельной поддержки со стороны министерства финансовъ? Можно ли ожидать благопріятныхъ результатовъ, когда министерство держится взгляда, что «ни облегченіе порядка возникновенія учрежденій мелкаго кредита, ни улучшеніе постановки ихъ дѣятельности, ни, наконецъ, поощреніе ихъ матеріальнымъ воспособленіемъ и другими попечительными способами не въ состояніи уравновѣсить тѣхъ затрудненій къ ихъ процвѣтанію, которыя создаются общими бытовыми условіями»?

Мѣстные комитеты указывали на возможный источникъ для мелкаго кредита—именно ссудосберегательныя кассы, какъ это, между прочимъ, практикуется на Западѣ. «Здѣсь не мѣсто,—говоритъ авторъ,—останавливаться на формахъ, въ которыхъ могло бы выразиться содѣйствіе сберегательныхъ кассъ мелкому кредиту. Важно только установить фактъ, что такое употребленіе вкладовъ кассъ не нанесло бы ущерба народнымъ сбереженіямъ, что кассы не несли бы отъ этого никакихъ потерь. Постановленія комитетовъ не оставляютъ тѣни сомнѣнія въ томъ, что, предлагая передать дѣло мелкаго кредита въ руки земства и указывая на капиталы сберегательныхъ кассъ какъ на самый удобный источникъ для снабженія кредитомъ народныхъ банковъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаютъ на земство [отвѣтственность за цѣлость ссуженныхъ чрезъ его капиталовъ... Почти всѣ комитеты считаютъ отвѣтственность земствъ необходимымъ условіемъ кредита, а такъ какъ кредитоспособность земствъ не подвергается сомнѣніямъ, то вопросъ о рискованности мелкаго кредита теряетъ свое значеніе. Гораздо большее значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ о цѣлесообразности того или другого употребленія капиталовъ сберегательныхъ кассъ.

«Наши сберегательныя кассы помѣщаютъ свои капиталы въ государственныхъ бумагахъ, желѣзнодорожныхъ облигаціяхъ, закладныхъ листахъ дворянскаго банка и свидѣтельствахъ крестьянскаго банка. Кромѣ того, вопреки уставу, предписывающему помѣщать капиталы только въ правительственныхъ и гарантированныхъ бумагахъ, онѣ пріобрѣтаютъ закладные листы акціонерныхъ земельныхъ банковъ, облигаціи обществъ подъѣздныхъ путей и нѣкоторыя другія частныя бумаги». Между тѣмъ желѣзныя дороги далеко не всегда окупаются. Усиленная ихъ постройка часто вызывалась стремленіемъ поддержать нашу заводскую металлургическую промышленность. Такимъ образомъ кредитомъ сберегательныхъ кассъ пользовалась преимущественно послѣднія. Не раціональнѣе ли употреблять народныя сбереженія на поддержаніе крестьянскаго хозяйства и на предупрежденіе дальнѣйшаго упадка благосостоянія большинства населенія,—спрашиваетъ авторъ. Тѣмъ болѣе, что и самая операція мелкаго кредита, при правильной постановкѣ, вовсе не представляетъ риска. Конечно, въ современномъ состояніи мелкій кредитъ не можетъ дать никакихъ особыхъ результатовъ, и мѣстные комитеты правильно отмѣтили, что безъ существенныхъ измѣненій условій общаго положенія крестьянъ не мыслимо и расширеніе этой необходимой для народнаго хозяйства операціи.

ВОСПОМИНАНІЯ О В. В. ВЕРЕЩАГИНѢ *).

Я познакомился съ В. В. Верещагинымъ въ 1880 г. на его выставкѣ картинъ изъ русско-турецкой войны. Много тогда говорилось и писалось объ этой выставкѣ, она была событіемъ дня. Многое разсказывалось и о самомъ художникѣ, о его геройствѣ, о его характерѣ и о его странностяхъ.

Съ особымъ любопытствомъ я разглядывалъ этого необыкновеннаго художника, и не надо было особеннаго усилія, чтобы узнать по внѣшности замѣчательнаго человѣка. Никогда я не видѣлъ человѣка, въ наружности котораго отражались бы такъ полно весь характеръ, вся жизнь его, какъ я это видѣлъ въ Верещагинѣ. Его осанка, вся его фигура, въ особенности красивая, всегда гордо поднятая голова, быстрые, умные глаза,—все выражало энергію, необыкновенный умъ, силу воли и рѣшимость—всѣ тѣ качества, которыми В. В. въ дѣйствительности обладалъ. Въ особенности поражали красотою и выразительностью черты его лица: огромный, выпуклый бѣлый лобъ, подъ которымъ глубоколежащіе, небольшіе, но живые глаза смотрѣли проницательно и серьезно, красивый орлиный носъ, сжатыя губы, выдающіяся крѣпкія скулы, окаймленныя густой, окладистой бородой,—все говорило о необыкновенномъ характерѣ и выдающемся умѣ.

Да, это все правда, что о немъ разсказываютъ,—думалъ я, глядя на В. В. Этотъ желѣзный человѣкъ способенъ былъ уничтожить свои три прекрасныя картины. Онъ отказался отъ званія профессора, отъ ордена, и не изъ-за желанія оригинальничать или изъ-за какихъ-нибудь разсчетовъ, а видно у него натура такая была, своеобразная, необузданная; она не укладывалась въ рамки обыкновенной жизни. Вполнѣ вѣрно и то, что разсказываютъ объ одномъ случаѣ, характеризующемъ его необыкновенную силу воли: укушенный своей любимой собакой, онъ, боясь, что она бѣшеная, схватилъ ножъ и тутъ же вырѣзалъ себѣ кусокъ икры на ногѣ.

Первое впечатлѣніе отъ внѣшности В. В. осталось у меня навсегда, и каждый разъ, когда я его потомъ видалъ, онъ представлялся мнѣ какимъ-то особеннымъ. Что-то орлиное было въ его фигурѣ и въ его характерѣ: какъ орелъ, поднимался онъ высоко и далеко улеталъ. То онъ на Гималаяхъ, то въ Америкѣ, то въ Китаѣ, то въ Туркестанѣ, то въ Японіи. Пріѣзжалъ онъ въ Петербургъ изрѣдка и только на короткое время, и я его тогда встрѣчалъ у В. В. Стасова. Впослѣдствіи онъ сталъ бывать у меня въ мастерской.

Бывало, является вдругъ ко мнѣ въ мастерскую, какъ будто и не уѣзжалъ.

— Откуда вы, В. В.?—спрашиваю я, обрадованный его визитомъ.

— Изъ Китая,—отвѣчаетъ онъ лаконически.

— И надолго сюда пріѣхали?

— Завтра уѣзжаю, недалеко: въ Будапештъ.

Но черезъ нѣсколько недѣль я узнаю изъ газетъ, что онъ уже въ Индіи.

---

*) Читано на вечерѣ въ память В. В. Верещагина 20-го апрѣля въ конференцъ-залѣ Императорской академіи художествъ.

Такъ онъ, вѣчно подвижной, леталъ съ мѣста на мѣсто. Городская жизнь казалась ему тѣсной, интересы нашего общества слишкомъ узкими. Жизнь восточныхъ народовъ, міровая драма изъ-за столкновеній народовъ—вотъ что его занимало, вотъ что его побуждало облетать весь міръ и окунаться въ самые ужасы войны.

Одинъ разъ мнѣ удалось провести съ нимъ нѣсколько дней вмѣстѣ. Это было въ 1892 г., когда онъ позировалъ мнѣ для своей статуэтки. Онъ тогда пріѣхалъ на нѣсколько дней изъ Москвы, и В. В. Стасовъ упросилъ его позировать.

— Я нарочно останусь для васъ денекъ—другой,—сказалъ мнѣ В. В.,—буду у васъ стоять весь день, но смотрите—въ четыре дня кончайте.

Дѣйствительно, по цѣлымъ днямъ онъ мнѣ позировалъ; даже не ходилъ завтракать и меня не отпускалъ. Вмѣсто завтрака онъ ѣлъ булку и закусывалъ плиткой шоколада. Позу онъ самъ придумалъ.

— Вотъ я всегда такъ работаю, такъ и сдѣлайте,—сказалъ онъ, стоя у мольберта и дѣлая наброски.

Иногда наброски эти ему не удавались, и тогда онъ ихъ замазывалъ, а разъ даже ногой смазалъ. Стоялъ онъ часами не двигаясь, видно было, что онъ такъ привыкъ работать. Но я очень уставалъ, и на второй день, проработавъ три часа стоя, говорю:

— В. В., я усталъ, я думаю, вамъ тоже надоѣло стоять. Не передохнуть ли намъ?

— Не надо, работайте!

— Но я больше не могу,—жалуясь на нездоровье, говорю я послѣ пятичасовой работы.

— Работайте! — сердитымъ голосомъ возражаетъ этотъ желѣзный человѣкъ.—Мало ли при какихъ обстоятельствахъ приходится работать. Я, бывало, работаю чуть живой.

— Но ноги не держатъ больше!—умоляющимъ голосомъ, точно прося пощады, обращаюсь къ нему.

— Работайте, работайте! Видите, я стою, не двигаюсь. Хорошо у васъ идетъ, а бросите, такъ потомъ работа не такъ пойдетъ.

На четвертый день работа кончилась. Она ему понравилась, и я ему говорю:

— Вы прекрасно позируете, В. В., хорошо стоите.

— А какъ же иначе?—возражаетъ онъ.—Вы работаете въ потѣ лица, и я буду плохо стоять? А какъ я требую, чтобы мнѣ хорошо позировали? Разъ случилось такъ, что натурщикъ меня чуть не убилъ. Это было въ Малой Азіи. Я долженъ былъ изобразить смѣющагося и нанялъ курда, заставивъ его смѣяться. Но онъ скоро пересталъ смѣяться. «Еще, еще!—кричу я ему. «Громче, громче!» Онъ все смѣется. Но вдругъ вижу,—онъ бросается на меня съ кулаками, продолжая истерически хохотать. Страшенъ онъ былъ тогда. Онъ меня убилъ бы, еслибъ я во-время не отскочилъ. Вотъ что значитъ смѣхъ.

Во время сеансовъ мы много говорили о его путешествіяхъ. Онъ часто

разсказывалъ свои приключенія, и то, что разсказывалъ, было такъ интересно, что я, бывало, заслушиваюсь и перестаю внимательно работать. Говорилъ онъ отрывисто, не увлекательно, но выразительно и сильно. Разсказы были коротенькіе, но дѣйствовали сильно, какъ уколы. Особенное впечатлѣніе производили его разсказы о войнѣ; они носили характеръ его картинъ.

— Солдатики на войнѣ точно автоматичны; къ свисту пуль они привыкаютъ. Но гдѣ виденъ характеръ всякаго солдатика, видно, какъ всякій по своему жаждетъ жизни—это на перевязочномъ пунктѣ. Вотъ у окна докторъ отрѣзаетъ ногу у солдатика. «Ваше благородіе!» кричитъ солдатикъ при каждомъ ударѣ. «Ваше благородіе!» кричитъ онъ громче и громче. «Ваше бла-го-ро-діе», раздается страшный крикъ при окончаніи операціи. Въ другомъ углу другой солдатикъ ноетъ: «Домой хочу!», да такимъ жалкимъ голосомъ, что за душу хватаетъ. «Ужъ третій день какъ ноетъ,—докладываетъ фельдшеръ, —покою не даетъ: умереть на родинѣ хочетъ».—«А нельзя ли его отправить?» спрашиваю я. «Да какъ ему ѣхать? Всего день—два осталось ему жить».

Говоря о художникахъ, изображавшихъ всегда войну очень эффектно и красиво, В. В. сказалъ:

— Художники жестоко ошибаются, если думаютъ, что убитые на войнѣ страшны и производятъ ужасное впечатлѣніе; обыкновенно принято изображать убитыхъ на войнѣ очень эффектно и художественно; растянутая фигура, освѣщенная солнцемъ, лежитъ во весь ростъ, руки врозь, ноги врозь, голова закинута вверхъ и полна страданія, въ рукѣ убитаго—ружье, въ груди зіяетъ огромная рана. Все это неправда, на самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. Бываетъ, идешь по полю послѣ битвы; видишь—что-то тамъ мелькаетъ: какой-то комокъ. Не камень ли это?.. Подходишь — что-то свернутое, скомканное, точно тряпка; не вѣрится, что это маленькое, ничтожное есть человѣкъ, трупъ. Смотришь, въ сторонѣ—другой свернутый комокъ, а тамъ еще и еще. Что-то ничтожное и въ то же время ужасное, — вотъ что такое смерть на войнѣ.

В. В., видѣвшій много на своемъ вѣку смертей и страданій, закаленный въ бою и въ странствованіяхъ, оставался всегда чутокъ ко всякимъ страданіямъ. Вотъ что онъ мнѣ разсказалъ объ одномъ случаѣ смерти, котораго онъ не могъ забыть. Я разъ привезъ изъ Америки обезьяну. Умница она была замѣчательная; я страшно привязался къ ней и она ко мнѣ. Она прекрасно выдержала путешествіе черезъ океанъ и парижскій климатъ ей не вредилъ; она жила въ моей мастерской въ Maison Lafite. Она сдѣлалась моимъ другомъ, но сосѣди страшно жаловались на нее; обезьяна была такая озорница, что часто устраивала имъ разныя непріятности. Кончилось тѣмъ, что мнѣ объявили, что если я не разстанусь со своей обезьяной, то на меня подадутъ въ судъ или сами расправятся съ ней. Я рѣшился разстаться съ обезьяной и, чтобы не заставить ее долго страдать, застрѣлилъ ее. Помню, какъ теперь, какъ усадивъ ее на стулъ, я съ ружьемъ въ рукахъ сталъ противъ нея и прицѣлился. Вѣроятно, животное чувствовало. Она положила руки на грудь и точно умоляюще смотрѣла на меня; она дѣлала такіе умоляющіе

жесты, что я не выдержалъ, бросилъ ружье, закрылъ лицо руками и закричалъ своему служителю, чтобы тотъ ее застрѣлилъ. Мольбы этой обезьяны до сихъ поръ мнѣ памятны.

Иногда мы говорили о художественныхъ дѣлахъ. В. В. былъ внѣ всякихъ партій и кружковъ. Онъ уважалъ всякаго художника, и я никогда не слыхалъ отъ него ни одного слова, затрагивающаго личность художника. О художественныхъ же произведеніяхъ онъ разсуждалъ и часто высказывалъ свое мнѣніе. Какъ для истиннаго реалиста, мѣриломъ достоинства художественнаго произведенія были для него—жизненная правда и искренность, все равно, къ какому роду творчества принадлежало художественное произведеніе. Часто онъ дѣлалъ замѣчанія насчетъ моей работы. Помню, разъ, глядя на позирующихъ у меня мальчиковъ, онъ замѣтилъ:

— Смотрите, не пріукрасьте ихъ. Видите, какой животъ большой у этого мальчугана? Такъ и сдѣлайте. Животъ большой потому, что онъ у него набитъ кашей; это типично.

Совѣтовалъ онъ мнѣ лѣпить историческіе сюжеты. «Смѣлѣе окунитесь въ жизнь и исторію,—писалъ онъ мнѣ изъ Москвы въ 1898 г.,—лѣпите Скобелева, Суворова и др., Глинку, Бѣлинскаго, Лермонтова и пр.». На мой отвѣтъ, что я къ исторіи не способенъ и что для того, чтобы лѣпить полководцевъ, надо хорошо быть знакомымъ съ военнымъ бытомъ, онъ мнѣ писалъ: «Я совѣтовалъ вамъ изобразить Суворова не потому, что онъ полководецъ, а потому, что онъ очень типичный русскій человѣкъ воинъ, небольшая, тщедушная фигурка, которая преобразилась въ оффиціальномъ представленіи въ Марса съ торсомъ Аполлона. Нелѣпое утвержденіе французовъ, что «такъ нужно для воспитанія», заставившее даже и Руже-де-Лиля представить Адонисомъ, способное и Эзопа представить красавцемъ—нигдѣ такъ не примѣнилось, какъ на фигурѣ Суворова, поставленной на Царицыномъ лугу. Это не Суворовъ, русскій чудакъ-воинъ, а какой-то греческій или римскій недоносокъ. Снять съ ходуль человѣка, поставленнаго на нихъ послѣ смерти и не могущаго отъ этого защищаться—доброе дѣло, а въ данномъ случаѣ и матеріальная сторона его была бы, думаю, поддержана, такъ какъ, несмотря на всѣ усилія юныхъ реформаторовъ, сошедшихся во вкусахъ со старыми колпаками, мистицизмъ еще не выбилъ изъ нашего общества симпатій къ реальному».

Широкій, глубокій умъ В. В. направилъ его талантъ на задачи, имѣющія міровое значеніе: въ своихъ военныхъ картинахъ онъ былъ провозвѣстникомъ идеи мира и предчувствовалъ ее за много лѣтъ до того, какъ эта великая идея сдѣлалась общей въ Россіи. И идею Востока онъ кистью провозглашалъ за много лѣтъ до настоящаго времени, когда всѣ взоры обращены туда. Верещагинъ, благодаря своей страшной энергіи и огромному таланту, поднялъ русское искусство въ глазахъ Европы на большую высоту. У насъ онъ заставилъ общество уважать личность художника еще въ то время, когда сами художники робко относились къ своему призванію. «Верещагинъ-художникъ» также звучитъ теперь, какъ «полководецъ Скобелевъ». Еще недавно, передъ

отъѣздомъ на Дальній Востокъ, редакторъ газеты, въ которой В. В. всегда сотрудничалъ, предложилъ ему быть спеціальнымъ корреспондентомъ газеты, назначивъ значительный гонораръ въ 5 тысячъ р. въ мѣсяцъ. В. В. отвѣтилъ: «Я ѣду на Дальній Востокъ и оттуда пришлю вамъ корреспонденціи, но ѣду я художникомъ Верещагинымъ, а не спеціальнымъ корреспондентомъ».

Въ наше время, время мелкихъ споровъ и сомнѣній, цѣльная, мощная фигура художника Верещагина можетъ служить примѣромъ стойкости, сознательной работы и трезваго пониманія себя и окружающихъ.

Илья Гинцбургъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Манифестація въ Гайдъ-паркѣ. Недавно въ лондонскомъ Гайдъ-паркѣ произошла грандіозная манифестація, организованная въ видѣ протеста противъ ввоза китайскихъ кули въ южную Африку. Въ манифестаціи участвовало до 100.000 человѣкъ, явившихся изъ разныхъ округовъ Лондона. Несмотря на такую несмѣтную толпу, спокойствіе нигдѣ не было нарушено и процессіи проходили въ удивительномъ порядкѣ, точно хорошо обученные солдаты, совершавшіе свои эволюціи. Каждая группа людей проходила со знаменами и отправлялась на свое мѣсто на набережной, затѣмъ шествіе направилось дальше. Гордо развѣвались знамена и эмблемы труда надъ головами тысячной толпы. Нѣкоторыя изъ этихъ знаменъ, какъ напр., знамя лондонскихъ извозчиковъ, имѣли очень поношенный видъ, такъ какъ время наложило на нихъ свой отпечатокъ, другія же были совсѣмъ новы и, очевидно, изготовлены только для даннаго случая. На нихъ красовались соотвѣтствующія надписи, напримѣръ: «Протестъ труда противъ китайскаго рабства. Рабочіе, вспомните о 23.000 погибшихъ жителей и 250 милліонахъ фунтовъ, потраченныхъ на то, чтобы выкрасить южную Африку въ красный цвѣтъ, а теперь владѣльцы копей хотятъ ее перекрасить въ желтый!» Другія надписи гласили: «Подъ британскимъ флагомъ не должно быть рабства!» «Мы требуемъ работы для умирающихъ съ голоду бѣлыхъ людей въ южной Африкѣ», «Свободный англійскій народъ не потерпитъ невольничества въ какой бы то ни было формѣ» и т. п. Были, кромѣ того, эмблемы и колесницы, а также символическія изображенія, напр.: китаецъ держитъ на груди позорную доску и на ней написаны имена тѣхъ депутатовъ, которые подавали свои голоса въ парламентѣ за проектъ трансваальскихъ золотопромышленниковъ.

Ровно въ три съ половиною часа, при восторженныхъ крикахъ громадной толпы, процессіи двинулись къ Гайдъ-парку. Во главѣ ѣхали сорокъ кузнецовъ верхомъ на лошадяхъ, за ними же двигались отдѣльныя группы со знаменами, колесницами и эмблемами и въ сопровожденіи оркестровъ музыки. Когда процессія проходила мимо Стефенсъ-клуба, у оконъ котораго находились многіе изъ членовъ парламента, смотрѣвшіе на величественную манифестацію, то музыка, съ особенною энергіей, начала играть «гимнъ протеста», представляющій комбинацію мелодій гейши «Chin-Chin-Chinaman» и «Rule Brittania»,

причемъ толпа восторженными криками поддержала эту демонстрацію, такъ что мелодія прозвучала словно кличъ войны.

Въ числѣ участниковъ процессіи находилось не мало людей, украшенныхъ орденскими ленточками за войну въ южной Африкѣ, и своимъ присутствіемъ они хотѣли указать, что протестуютъ противъ «введенія рабства въ южной Африкѣ и окрашиванія ея въ желтый цвѣтъ». Процессія казалась безконечной и насколько хватало глазомъ, всюду виднѣлись флаги, знамена, эмблемы и т. п. Въ Гайдъ-паркѣ были устроены 14 платформъ для ораторовъ. Надъ платформою соціалъ-демократической федераціи красовалась слѣдующая краснорѣчивая надпись: «Рабство уничтожено въ 1833 г., возстановлено въ 1904 г., послѣ принесенія въ жертву 52.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей!» Народъ особенно толпился около платформы, на которой долженъ былъ говорить депутатъ-рабочій Джонъ Бёрнсъ, считающійся однимъ изъ лучшихъ ораторовъ въ англійскомъ парламентѣ. Джонъ Бёрнсъ родился и выросъ въ нищетѣ, въ лондонскомъ кварталѣ Баттерси, представителемъ котораго онъ служитъ въ парламентѣ. Съ десятилѣтняго возраста онъ уже началъ работать въ мастерской и помогать матери. Но мальчикъ любилъ чтеніе и всѣ остающіеся у него гроши тратилъ на книги, и каждая книга, изъ пріобрѣтенныхъ имъ въ юные годы, связана для него съ воспоминаніемъ о тяжелыхъ дняхъ лишеній, труда и существованія впроголодь. Эти книги хранятся, какъ святыни, въ его обширной библіотекѣ. Теперь Бёрнсъ образованный человѣкъ, много читавшій и много путешествовавшій. Онъ изучилъ положеніе рабочихъ классовъ въ Америкѣ и въ Европѣ, и его родной кварталъ Баттерси обязанъ ему очень многими улучшеніями. Само собою разумѣется, что онъ является однимъ при самыхъ яростныхъ противниковъ нынѣшняго правительства; онъ былъ противъ южно-африканской войны и теперь выступаетъ противъ чэмберленовской политики, поэтому онъ и началъ свою рѣчь передъ многочисленною толпой, собравшейся въ Гайдъ-паркѣ около его платформы, слѣдующею фразой: «Друзья и сограждане! Въ 1895 году вы избрали самое худшее правительство, какое только существовало въ нашемъ столѣтіи. Оно совершило много злоупотребленій, много принесло вреда своими своекорыстными поступками и теперь рѣшается на самый неприличный актъ. Это правительство раздавило двѣ республики честныхъ, доблестныхъ фермеровъ, уничтожило благосостояніе Капа, погубило 50 тысячъ жизней и растратило столько золота, сколько едва ли можетъ быть добыто въ золотыхъ копяхъ Гранда, посѣяло смерть, бѣдствія и разореніе среди кафровъ и буровъ и, въ довершеніе всего, задумало возстановить китайское рабство! И все это дѣлалось и дѣлается во имя равныхъ правъ для всѣхъ бѣлыхъ! Кто же злой геній, вызвавшій все это? (*Крики въ толпѣ*: «*Джо!*») Да, Джо Чэмберленъ, маріонетка, приводимая въ движеніе болѣзненнымъ честолюбіемъ, демагогъ, путь котораго къ должности, которую, однако, онъ никогда не займетъ, усѣянъ жертвами людей, обманутыхъ имъ, и народа, которому онъ измѣнилъ». Каждое слово Бёрнса, говорившаго отчетливымъ и звучнымъ голосомъ, далеко разносилось въ толпѣ и сопровождалось возгласами одобренія, особенно когда Бёрнсъ подводилъ итоги дѣйствіямъ правительства и тому

громадному вреду, который оно нанесло странѣ. На другихъ платформахъ также произносились рѣчи разными ораторатами, между прочимъ говорили и женщины, протестовавшія отъ имени британскихъ женщинъ противъ дѣйствій Бальфура и Чэмберлена, и даже въ числѣ ораторовъ находился священникъ, который шествовалъ во главѣ огромной процессіи, организованной братствомъ, состоящимъ при его церкви въ одномъ изъ лондонскихъ кварталовъ. Въ шесть часовъ вечера раздался трубный звукъ, возвѣщающій о вотированіи всеобщей резолюціи, составленной въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Этотъ массовый митингъ всѣхъ классовъ лондонскихъ гражданъ энергично протестуетъ противъ дѣйствій правительства, согласившагося допустить ввозъ въ южную Африку китайскихъ рабочихъ на условіяхъ невольничества, и приглашаетъ народъ взять подъ свое покровительство новую колонію, спасая ее отъ алчности капиталистовъ, а имперію отъ униженія».

Резолюція была вотирована при громѣ рукоплесканій стотысячной толпы и восторженныхъ крикахъ одобренія, разнесшихся по всему парку, точно гулъ, сопровождающій раскаты грома. Толпа замахала шляпами, и издали это несмѣтное количество шляпъ, двигающихся въ воздухѣ, казалось, стаей какихъ-то удивительныхъ птицъ, махающихъ крыльями и собирающихся опуститься надъ паркомъ. Къ семи часамъ паркъ уже началъ пустѣть и скоро уже не осталось и слѣдовъ происходившей въ немъ грандіозной манифестаціи. Но въ англійской жизни такія манифестаціи не проходятъ безслѣдно. Для Бальфура и Чэмберлена она должна служить серьезнымъ предостереженіемъ, и многіе изъ депутатовъ палаты общинъ, подававшихъ голоса въ пользу ввоза китайцевъ, могутъ опасаться, что на предстоящихъ общихъ выборахъ они потеряютъ свои мѣста въ парламентѣ. По грандіозности своей эта манифестація напоминаетъ отчасти прошлогодній протестъ противъ школьнаго билля. Газетные сотрудники, присутствовавшіе на обѣихъ демонстраціяхъ, говорятъ, что за послѣдніе сорокъ лѣтъ не происходило ни разу такой манифестаціи и не собиралось такой толпы, какъ теперь и въ маѣ прошлаго года. Одинъ изъ журналистовъ, припоминая всѣ публичныя демонстраціи, которыя происходили въ Гайдъ-паркѣ за послѣднее пятидесятилѣтіе, говоритъ, что одною изъ замѣчательныхъ демонстрацій такого рода были: митингъ, устроенный лигою реформы, феніанскій митингъ, вызвавшій затѣмъ преслѣдованія участниковъ, митингъ безработныхъ въ 1887 году и др. Многія изъ бывшихъ раньше демонстрацій заканчивались столкновеніями съ полиціей, иной разъ весьма бурными. Интересною мирною демонстраціею было собраніе 30.000 лондонскихъ дѣтей изъ элементарныхъ школъ въ 1887 году, устроенное по случаю юбилея королевы Викторіи и носившее характеръ празднества, а также дѣтская демонстрація въ пользу трезвости, въ которой участвовало 5.000 мальчиковъ и митингомъ руководила герцогиня Портлэндская. Самымъ патетическимъ памятникомъ всѣхъ демонстрацій въ Гайдъ-паркѣ является одно изъ старыхъ деревьевъ парка, извѣстное подъ названіемъ «Reformers Tree». Это дерево служило прежде центромъ для всѣхъ митинговъ со времени 1866—1867 года, такъ какъ прежде митинги сосредоточивались въ одномъ мѣстѣ, но те-

перь, когда демонстраціи достигаютъ такихъ грандіозныхъ размѣровъ и въ паркѣ устраиваются нѣсколько платформъ для ораторовъ, то, разумѣется, «Reformers Tree» уже не играетъ прежней роли и служитъ лишь памятникомъ недавняго прошлаго, съ которымъ соединяется много воспоминаній англійской исторіи конца прошлаго вѣка.

Вопросъ о «желтыхъ рабахъ» (Yellow Slaves) настолько волнуетъ теперь англійское общество, что всѣ лондонскія газеты полны имъ. Сотрудникъ «Daily News» даже отправился интервьюировать знаменитаго американскаго милліардёра Карнеджи по этому поводу. Карнеджи сказалъ, что, по его мнѣнію, англійская исторія ознаменована тремя великими ошибками; первая вызвала потерю сѣверо-американскихъ колоній, вторая—это была крымская война, а третья—война съ Трансваалемъ. Безъ сомнѣнія, послѣдняя представляетъ болѣе важный промахъ, нежели крымская война, такъ какъ, когда миновала крымская война, то и всѣ затрудненія Англіи кончились. Между тѣмъ непріятныя и вредныя послѣдствія бурской войны только теперь начинаютъ становиться ощутительными, и чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже. «Это напоминаетъ мнѣ, прибавилъ Карнеджи,—описаніе инфлюэнцы, сдѣланное однимъ ирландцемъ. «Всего хуже въ этой болѣзни,—сказалъ онъ,—то, что вы еще долго чувствуете себя больнымъ послѣ того, какъ выздоровѣли». Такъ будетъ и съ Великобританіей. Во всякомъ случаѣ война съ бурами не уступитъ, по своимъ послѣдствіямъ, той великой войнѣ, которая повлекла за собою потерю сѣверо-американскихъ владѣній Англіи. Правительство теперь стоитъ лицомъ къ лицу съ очень серьезною проблемой въ Южной Африкѣ, пожалуй болѣе трудноразрѣшимой, чѣмъ та, съ которою приходится имѣть дѣло американцамъ на Филиппинахъ».

Таково мнѣніе Карнеджи, но теперь, когда подводятся итоги южно-африканской войнѣ, многіе изъ прежнихъ приверженцевъ политики правительства въ трансваальскомъ вопросѣ начинаютъ уже склоняться въ пользу такого же взгляда, что война эта была большою ошибкой.

Въ англійскихъ газетахъ напечатанъ текстъ билля объ иностранцахъ. Согласно этому законопроекту, иностранцы, не имѣющіе средствъ къ существованію, а также страдающіе заразительными болѣзнями или изобличенные въ какихъ-либо преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ договорѣ о выдачѣ преступниковъ, не будутъ пропускаться въ Англію. Кромѣ того, англійскія власти будутъ имѣть право требовать отъ переселенцевъ удостовѣренія въ ихъ добромъ имени и безупречной репутаціи. Иностранцы же, совершившіе преступленіе въ самой Англіи, должны быть высланы на родину.

Отмѣна закона о іезуитахъ въ Германіи. Газетная полемика. Парламентскія вакаціи въ Германіи не всегда сопровождаются затишьемъ въ политической жизни и прекращеніемъ газетной полемики. Такъ теперь, во время пасхальныхъ вакацій, германская печать, даже не взирая на русско-японскую войну, поглощающую вниманіе всего политическаго міра Европы, все-таки занималась полемикой, отводя много мѣста полурелигіознымъ

и полуполитическимъ вопросамъ, которые, въ данный моментъ, волнуютъ германское общество. Эта полемика представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ характеристика положенія, занимаемаго германскимъ правительствомъ. Берлинская газета «Tägliche Rundshau» уже забила тревогу по этому поводу. Центръ заставилъ правительство капитулировать передъ Римомъ! Теперь іезуиты толпами устремятся въ Германію, въ истинную родину реформаціи, и употребятъ всѣ свои усилія, чтобы уничтожить это великое дѣло и расшатать въ самомъ корнѣ величіе германской имперіи! и т. д. и т. д. Другія газеты говорятъ уже о томъ, что религія большинства приносится въ жертву религіи меньшинства и всѣ, за исключеніемъ католическихъ органовъ, жалуются, что правительство становится игрушкою въ рукахъ центра. Что центръ дѣйствительно имѣетъ теперь первенствующее значеніе въ германской политической жизни, это признаютъ даже такіе безпристрастные люди, какъ профессоръ Гансъ Дельбрюкъ, редакторъ журнала «Preussische Jahrbuch», посвятившій этому вопросу свою статью. Конечно, никто не обвинитъ почтеннаго профессора въ симпатизированіи реакціоннымъ стремленіямъ или же въ желаніи угодить правительству. Наоборотъ, онъ всегда отличался независимостью своихъ политическихъ взглядовъ, что и доказалъ, между прочимъ, въ вопросѣ о шлезвигскихъ датчанахъ, которыхъ онъ взялъ подъ свою защиту противъ притѣсненій Кемеера, губернатора этой провинціи. Какъ извѣстно, послѣ своей смѣлой защиты, почтенный профессоръ подвергся даже дисциплинарному взысканію. Теперь относительно іезуитовъ, Дельбрюкъ высказываетъ почти такіе же взгляды, какіе высказалъ Бюловъ въ прусскомъ ландтагѣ. Онъ также считаетъ государственною необходимостью частичную отмѣну закона о іезуитахъ. Этого требуютъ извѣстныя государственныя соображенія. Партія центра въ рейхстагѣ, принимая во вниманіе парламентскій режимъ, можетъ окончательно сдѣлаться господиномъ положенія въ Германіи и это, повидимому, заставляетъ Дельбрюка придти къ заключенію, что правительство должно почитать себя счастливымъ, если эта сильная партія довольствуется сравнительно небольшими уступками, такъ какъ, безъ ея кооперації въ парламентѣ, ходъ дѣла можетъ пріостановиться и правительство очутится въ очень трудномъ положеніи.

Разумѣется, подобныя разсужденія только способствуютъ усиленію въ центрѣ сознанія собственной важности, на что указываютъ, между прочимъ, и другія газеты, полемизирующія съ Дельбрюкомъ. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что германскіе католики пріобрѣтаютъ политическую силу, которою они намѣрены пользоваться насколько возможно шире. Какъ смотрятъ на это въ либеральныхъ кругахъ Германіи, доказываетъ, между прочимъ, рѣчь депутата Шрадера. Онъ находитъ, что политическое положеніе теперь вполнѣ выяснилось. Надо дѣйствовать противъ реакціоненной политики правительства и отбросить мысль о борьбѣ на два фронта. Германскій либерализмъ, если онъ не хочетъ погибнуть, долженъ обратить теперь всѣ свои силы на право и уже не можетъ начинать другой борьбы, противъ соціалъ-демократовъ. Наоборотъ, теперь ему придется дѣйствовать совмѣстно съ соціалъ-демократами, какъ союзниками въ этой борьбѣ противъ клерикализма, стѣсненія промышлен-

ной и экономической свободы, несправедливаго распредѣленія налоговъ и въ защитѣ свободы образованія и политической свободы. «Если соціалъ-демократы помогутъ намъ защитить эти идеи,—прибавилъ Шрадеръ,—то либерализмъ не потерпитъ никакого ущерба отъ того, что возьметъ ихъ своими союзниками. Вѣдь все равно, онъ не усвоитъ себѣ отъ этого тѣхъ соціалъ-демократическихъ идей и стремленій, противникомъ которыхъ онъ всегда былъ и будетъ. Но теперь не время бросать другъ другу перчатку, а надо объединиться противъ общаго врага».

Эта перспектива союза германскаго либерализма съ соціалъдемократіей пугаетъ, однако, германскую либеральную печать, возлагающую, впрочемъ, надежду на тактъ и умъ либеральныхъ вождей, которые съумѣютъ обойти подводныя скалы, и либерализмъ не потерпитъ крушенія. Во всякомъ случаѣ предстоящая парламентская сессія, вѣроятно, выяснитъ окончательно, возможенъ ли союзъ между либералами и соціалъ-демократами и къ какимъ онъ поведетъ послѣдствіямъ.

Въ Сварбрюкенѣ была даже произведена антрикатолическая демонстрація, въ которой главную роль играла статуя Бисмарка. Голова статуи оказалась укутанной въ двойную креповую вуаль, а въ рукѣ ей вложенъ огромный плакатъ съ надписью: «Бисмаркъ проснись! Защити наше дѣло. Параграфъ II закона о іезуитахъ». Конечно, полиція тотчасъ же распорядилась убрать эти украшенія, но розыскать виновниковъ этой демонстраціи ей не удалось. Разумѣется, это не были соціалъ-демократы. Въ толпѣ, спокойно смотрѣвшей, какъ полицейскій разматывалъ крепъ съ головы Бисмарка, слышались шутки и и смѣхъ. «Да, еслибъ Бисмаркъ могъ видѣть, что теперь творится въ Германіи, то, быть можетъ, онъ бы и самъ окуталъ свою голову крепомъ», сказалъ одинъ толстый нѣмецъ, стоявшій возлѣ полицейскаго. Полицейскій только кивнулъ головой, не говоря ни слова; очевидно онъ и самъ былъ такого же мнѣнія. Пессимистическое настроеніе германской публики усиливается еще извѣстіями изъ западной Африки. Тамъ дѣла плохи. Правительство выступило въ рейхстагѣ съ требованіемъ дополнительнаго кредита на подавленіе возстанія гереро и хотя соціалъ-демократы протестовали противъ этихъ новыхъ расходовъ, но всѣ остальныя партіи поддержали правительство, заявивъ, что теперь, когда льется нѣмецкая кровь, не время обсуждать причины возстанія. Надо прежде всего возстановить спокойствіе въ странѣ, а затѣмъ уже подумать о мѣрахъ къ предупрежденію подобныхъ печальныхъ событій. Германская печать съ большимъ жаромъ говоритъ объ этой войнѣ и оппозиціонныя газеты обвиняютъ правительство, что, пріобрѣтая колоніи, оно не позаботилось о томъ, чтобы послать туда дѣйствительныхъ піонеровъ культуры, а предоставило разнымъ авантюристамъ и проходимцамъ эксплуатировать и притѣснять туземное населеніе, выдавая себя за цивилизаторовъ, что не мѣшало имъ обращаться съ неграми, какъ съ животными. Въ газетахъ по этому поводу печатаются возмутительныя разоблаченія, иллюстрирующія вообще европейскіе колонизаторскіе способы, а германскіе въ частности. Надо ожидать, что по окончаніи

войны будетъ произведено серьезное разслѣдованіе ея причины и виновныхъ не погладятъ по головкѣ.

Въ Дрезденѣ происходило собраніе делегатовъ «Союза Гёте («Goethe-Bund»), на которое явились представители городовъ: Берлина, Бремена, Бреславля, Дармштадта, Дрездена, Гамбурга, Кёнигсберга, Штуттардта и Майнца; Мюнхенъ же почему-то не прислалъ своего представителя. Собраніе обсуждало вопросъ объ учрежденіи народной шиллеровской преміи, идея которой была выдвинута берлинскимъ отдѣленіемъ союза. Присужденіе преміи за лучшее драматическое произведеніе состоится впервые въ будущемъ году, въ маѣ, въ день столѣтія смерти Шиллера.

Слѣдующимъ вопросомъ, послѣ шиллеровской преміи, поставленнымъ на очередь въ собраніи союза, былъ «новый законъ Гейнце», который, судя по нѣкоторымъ признакамъ, грозитъ свободному германскому искусству. Делегатъ отъ Кёнигсберга указалъ на новое теченіе, имѣющее будто бы цѣлью улучшеніе нравовъ, которое, въ сущности, носитъ весьма подозрительный характеръ и можетъ вызвать повтореніе такой же агитаціи, какая была по поводу закона Гейнце. «Союзъ Гёте», сказалъ ораторъ, долженъ быть готовъ во всякое время отразить посягательства на свободу искусства, которыя дѣлаются подъ прикрытіемъ заботъ о нравственности. Прежняя исторія съ закономъ Гейнце можетъ повториться, но какъ тогда, такъ и теперь, «Goethe - Bund» будетъ стоять на стражѣ истинной нравственности и истинной свободы искусства. Однако «Goethe-Bund» намѣренъ все же бороться противъ безнравственной и грязной литературы и вотировалъ соотвѣтствующую резолюцію, которая служитъ какъ бы отвѣтомъ на распространяемыя въ извѣстныхъ кругахъ обвиненія, будто «Goethe-Bund» покровительствуетъ безнравственности.

Турецкій меморандумъ и македонскія дѣла. Война на Дальнемъ Востокѣ совершенно заслонила дѣла ближняго Востока, вмѣстѣ съ македонскимъ движеніемъ, которымъ европейская печать сравнительно мало интересуется теперь, довольствуясь лишь сообщеніями о переговорахъ Турціи съ представителями великихъ державъ и обѣщаніяхъ, даваемыхъ Портой. Правда, въ данный моментъ, существуетъ затишье и на Балканскомъ полуостровѣ не произошло пока никакого событія, которое снова приковало бы вниманіе европейской публики къ македонскимъ дѣламъ и указало бы, что весь проектъ реформъ на практикѣ сведенъ лишь къ весьма скромному преобразованію турецкой жандармеріи. До сихъ поръ Порта уклоняется, подъ разными предлогами, отъ уплаты жалованья европейскимъ офицерамъ, приглашеннымъ для преобразованія турецкой жандармеріи, такъ какъ, по проекту великихъ державъ, вся Македонія раздѣлена на округа и въ каждый изъ нихъ назначенъ какой-нибудь иностранный жандармскій офицеръ, напр., въ солунскій округъ—русскій, въ ускюбскій—австрійскій и т. д. Будущее покажетъ, каковы будутъ результаты этой мѣры, посредствомъ которой державы думаютъ рѣшить македонскій вопросъ. Несомнѣнно одно, что вожди македонскаго движе-

нія относятся отрицательно ко всѣмъ этимъ реформамъ и продолжаютъ готовиться къ новому возстанію. Это не отрицалъ и Сарафовъ въ своей бесѣдѣ съ однимъ вѣнскихъ журналистомъ. Онъ сказалъ между прочимъ: «Въ Европѣ воображаютъ, что съ реформою жандармеріи въ Македоніи возстановится правовой порядокъ. Я же убѣжденъ, что все останется по прежнему, пока страна не поднимется въ экономическомъ отношеніи, а это невозможно, пока существуютъ злоупотребленія турецкой администраціи. Вожди македонскаго движенія согласились ждать результатовъ вмѣшательства державъ и убѣждали населеніе не терять терпѣнія и не нарушать спокойствія. Это они дѣлали для того, чтобы доказать Европѣ правоту своей борьбы за свободу. Но можно ли требовать отъ нихъ, чтобы они, потерявъ всякую вѣру въ помощь изнѣ и противъ своего убѣжденія, и дальше держались такой же политики? Вѣдь возстаніе самою собою вспыхнетъ и если оно даже будетъ подавлена Турціей, то все равно оно опять возобновится черезъ нѣкоторое время. Мы гораздо меньше разсчитываемъ на сочувствіе Европы, нежели на то, что карманъ Турціи пустъ и средства ея окончательно истощены. Она не можетъ держать подъ ружьемъ большія массы войскъ долгое время, и это, само по себѣ, будетъ содѣйствовать ея паденію подъ тяжестью финансоваго бѣдствія».

Сарафовъ прибавилъ, что въ настоящее время у македонцевъ нѣтъ недостатка ни въ деньгахъ, ни въ военныхъ припасахъ и они могутъ во всякое время начать возстаніе. Кромѣ того, македонцы надѣются на помощь своихъ англійскихъ и итальянскихъ друзей. Въ большихъ денежныхъ суммахъ македонцы не нуждаются и вообще они съумѣютъ достигнуть своего и съ малыми средствами. Вообще же, когда въ Македоніи всѣ окончательно убѣдятся въ безплодности теперешней политики державъ, то возстаніе станетъ неизбѣжнымъ.

Но и въ самой Турціи много недовольныхъ турецкимъ режимомъ и въ особенности среди образованныхъ турокъ много такихъ, которые сознаютъ, что такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться. Въ «Times» напечатанъ меморандумъ, исходящій отъ группы недовольныхъ турокъ, разумѣется скрывающихъ свои имена, который, какъ говорятъ, былъ адресованъ нѣкоторымъ изъ великихъ державъ. Въ этомъ меморандумѣ, между прочимъ, говорится, что «дурно организованное управленіе и режимъ произвола, тяготѣющій надъ Турціей, приходитъ, повидимому, къ концу. Все указываетъ, что терпѣніе оттоманскаго народа начинаетъ истощаться, и что въ скоромъ времени онъ заявитъ о своемъ твердомъ рѣшеніи покончить съ фанатизмомъ, который сдѣлался ему ненавистенъ и который угрожаетъ даже самому существованію имперіи: наичестнѣйшіе изъ реформаторовъ, которые такъ старались внушить наиболѣе просвѣщеннымъ кружкамъ страны убѣжденіе въ настоятельной необходимости радикальнаго измѣненія существующаго режима, теперь находятъ, что наступаетъ моментъ, когда должно быть предпринято нравственное, матеріальное и политическое обновленій Турціи».

Ближайшее разсмотрѣніе причинъ, вызывавшихъ неуспѣхъ всѣхъ реформаторскихъ попытокъ въ Турціи за послѣднее столѣтіе, приводитъ авторовъ

меморандума къ заключенію, что оттоманскіе политики не придавали должнаго значенія различіямъ расъ, языка и традицій среди обитателей турецкой имперіи. Въ меморандумѣ подробно изслѣдуется вопросъ о реформахъ и предлагается новая схема реформъ турецкаго управленія и законовъ. «Турція задыхается въ тискахъ невѣжественной и алчной олигархіи,—говорится въ заключеніе.—Безусловно необходимо освободить ее изъ этихъ тисковъ раньше, чѣмъ это сдѣлаетъ самъ народъ, доведенный до отчаянія». Полагаютъ, что меморандумъ этотъ написанъ членами «Молодой Турціи», хотя въ концѣ тамъ и говорится, что даже члены оттоманской императорской семьи надѣются на обновленіе Турціи и что они воодушевлены желаніемъ содѣйствовать реформамъ и намѣрены посвятить всѣ свои силы на это, чтобы обезпечить своей странѣ безопасность и благосостояніе.

Турецкимъ газетамъ, разумѣется, воспрещено говорить объ этомъ меморандумѣ.

Автобіографія Герберта Спенсера. Незадолго до своей смерти Спенсеръ написалъ очень полную и очень добросовѣстную автобіографію и вмѣнилъ въ обязанность своимъ наслѣдникамъ, чтобы они опубликовали ее послѣ его смерти. Газета «Times» печатаетъ выдержки изъ этой автобіографіи, заключающіе въ себѣ, между прочимъ, характеристики выдающихся людей, которыхъ лично зналъ англійскій философъ. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ относится съ величайшимъ уваженіемъ, другіе же явно пользуются его нерасположеніемъ или внушаютъ ему антипатію, какъ напр. Карлейль. Спенсеръ возмущается, что послѣдняго называютъ философомъ. «Развѣ можно называть философомъ человѣка, который никогда не могъ или не хотѣлъ мыслить связно!—говоритъ Спенсеръ.—Въ немъ совершенно оттутствовали черты, характерныя для философа, и онъ никогда не доходилъ до заключеній, обыкновенно ограничиваясь только догматическими утвержденіями. Кромѣ того, онъ никогда не мыслитъ спокойно, какъ должно философу, а всегда со страстью. Трудно найти другого такого человѣка, умъ котораго до такой степени находился бы подъ властью эмоцій. Его взгляды и характерныя изрѣченія только подтверждаютъ, что названіе философа совершенно къ нему не подходитъ. Тотъ, кто безмолвно признавалъ, что сильная рука правительства, оказывавшаяся полезной въ раннія времена и при извѣстныхъ соціальныхъ условіяхъ, всегда должна приносить пользу и во всѣ другія времена, не могъ, слѣдовательно, возвыситься надъ дѣтскимъ вѣрованіемъ, что человѣческая природа вездѣ одинакова и остается таковою навсегда. Тотъ, кто глумился надъ политическою экономіей, какъ надъ «жалкою наукой», и утверждалъ, что желанія людей, работающихъ вмѣстѣ при извѣстныхъ соціальныхъ условіяхъ, не создаютъ все же никакихъ общихъ законовъ для промышленной работы и коммерческаго движенія, и что это не важно, признаемъ ли мы эти законы или нѣтъ, и кто говорилъ, что такъ какъ изученіе этихъ законовъ неинтересно, то оно и безполезно, тотъ врядъ ли заслуживаетъ, чтобы его называли философомъ! Карлейль не обнаруживаетъ ни въ чемъ ни проницательности философа, ни глубины философ-

ской мысли. Вѣдь онъ приходилъ въ ярость отъ книги Милля «О свободѣ» и сердито называлъ утилитаріанизмъ «свинскою философіей» (pig-philosophy), отожествляя стремленія къ полезности съ стремленіемъ къ матеріальной выгодѣ и вознагражденію, не взирая на доказательства того, что утилитаріанизмъ имѣетъ въ виду благо другихъ и развитіе наиболѣе возвышенныхъ чувствъ. Онъ обнаружилъ этимъ свою неспособность сужденія, которая была бы постыдна даже для обыкновеннаго культурнаго ума, не только для философа. Никогда тотъ, кого можно было назвать философомъ, не могъ бы выказывать такой безумной ненависти къ наукѣ, какую обнаруживаетъ Карлейль, въ своемъ ослѣпленіи даже возвращающійся къ школьной привычкѣ давать насмѣшливыя клички; такъ, напр., онъ говоритъ: «землеплющитель Мопертюи», точно въ открытіи Мопертюи заключается что-нибудь позорное! Настаивая на томъ, что надо относиться съ уваженіемъ къ законамъ вселенной, Карлейль въ то же время изливалъ свое раздраженіе на тѣхъ, кто посвящалъ свою жизнь изученію этихъ законовъ».

Рёскинъ также, очевидно, не принадлежалъ къ числу симпатій Спенсера. «Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ появились его «Modern Painters»,—пишетъ Спенсеръ, то я былъ въ восторгѣ, что, наконецъ, встрѣтилъ человѣка, который осмѣливается высказывать неблагопріятное мнѣніе о нѣкоторыхъ произведеніяхъ Рафаэля, такъ какъ никто не раздѣлялъ моихъ взглядовъ, когда я указывалъ на различные недостатки въ живописи Рафаэля, какъ и въ произведеніяхъ другихъ старинныхъ мастеровъ. Само собой разумѣется, что когда въ «Economist» появились только что вышедшія статьи Рёскина «Stonesof Venice», то я съ жадностью схватился за нихъ. Но иллюстраціи и приложенный къ нимъ текстъ до такой степени разочаровали меня, что я бросилъ книгу, такъ какъ не могъ восхищаться произведеніемъ, которое въ моихъ глазахъ было истиннымъ варварствомъ. Мое довѣріе къ Рёскину было окончательно разрушено и послѣ того я уже не интересовался больше его произведеніями и только читалъ изрѣдка цитаты изъ нихъ, попадавшіяся въ журналахъ и газетахъ. Все это, вмѣстѣ съ различными ходячими разсказами о его славахъ и поступкахъ, достаточно подтверждало мнѣніе, которое я себѣ составилъ о немъ. Безъ сомнѣнія у него прекрасный слогъ и встрѣчаются мѣста высококраснорѣчивыя, а кое-гдѣ заключается и истина, но все же то, что Рёскинъ, наговорившій и написавшій такую массу всевозможныхъ нелѣпостей, могъ пріобрѣсти такое огромное вліяніе, меня не только удивляетъ, но и огорчаетъ».

Зато совсѣмъ иначе Спенсеръ отзывается о Стюартѣ Миллѣ. Онъ восхищается имъ и говоритъ, что Милль всегда слѣдовалъ тому правилу, которое высказалъ въ своей рѣчи, обращенной къ молодежи, что «жизнь дана намъ для того, чтобы учиться и работать».

Такъ же симпатично онъ отзывается и о Джорджъ Элліотъ, которая, какъ говорятъ, была предметомъ его платонической любви. «Разумѣется, такъ какъ насъ часто видали вмѣстѣ,—пишетъ Спенсеръ,—то люди выводили изъ этого собственныя заключенія. Обыкновенно достаточно ничтожнаго факта, чтобы свѣтъ пришелъ къ положительному выводу, ну а въ данномъ случаѣ, каза-

лось, все подтверждало такой выводъ. Говорили, что мы были влюблены другъ въ друга и что я долженъ былъ на ней жениться, но это была неправда».

О Гёксли Спенсеръ говоритъ также съ большимъ уваженіемъ. По его словамъ, это былъ очень остроумный и веселый собесѣдникъ, о чемъ не могли судить люди, которые слушали его какъ ученаго лектора или читали его произведенія. Между прочимъ Спенсеръ разсказываетъ, что онъ никогда не могъ забыть, какъ Гексли однажды прошелся на его счетъ. Это было въ обществѣ; говорили о драматическомъ искусствѣ и трагедіи и кто-то привелъ какое-то мнѣніе Спенсера. «О!—замѣтилъ Гёксли.—Вы знаете, Спенсеръ представляетъ себѣ трагедію дедукціей, которую убиваетъ фактъ».

Интересно также, какъ объясняетъ Спенсеръ свою антипатію къ классическимъ языкамъ, которую онъ обнаруживалъ съ ранняго дѣтства. «Не странно ли,—говоритъ онъ,—что послѣ цѣлыхъ тысячелѣтій цивилизаціи все-таки преобладаетъ мнѣніе, что для человѣка не такъ важно знаніе собственной природы и физическихъ и соціальныхъ условій, среди которыхъ ему приходится жить, какъ основательное знаніе языка двухъ исчезнувшихъ народовъ и знакомство съ ихъ легендами, битвами, предразсудками, а также ихъ дѣяніями, большею частью кровавыми, и преступленіями ихъ боговъ. Двѣ мѣстныя группы фактовъ и вымысловъ, занимающія сравнительно незначительное пространство въ генезисѣ міра, составляющаго, въ свою очередь, столь безконечно малую часть вселенной, до такой степени поглощаютъ вниманіе студентовъ, что міръ и вселенная остаются ими неизученными! Если бы даже Грецiя и Римъ никогда не существовали, то все-таки человѣческая жизнь, въ главныхъ своихъ чертахъ, оставалась бы такою же, какъ теперь, т.-е. переживаніе или смерть, здоровье или болѣзнь, благосостояніе или упадокъ, счастье или несчастіе, все равно зависѣли бы отъ приспособленія или неприспособленія дѣйствій человѣка къ условіямъ среды. Между тѣмъ, обыкновенно пренебрегаютъ знаніемъ среды, хотя это знаніе такъ важно для человѣка, и полагаютъ, что лучшею подготовкою къ жизни является самое детальное знакомство съ міромъ и мыслями, успѣхами и пораженіями, безумными поступками, заблужденіями, пороками и жестокостями двухъ народовъ, которые въ умственномъ отношеніи во всякомъ случаѣ стояли не выше насъ, а въ нравственномъ даже ниже, причемъ знанія ихъ сравнительно были очень невелики. Еще страннѣе то, что мы, изъ поколѣнія въ поколѣнія, тратимъ годы на изученіе ошибокъ и заблужденій древнихъ мыслителей, тогда какъ современная наука оставляется нами въ полномъ пренебреженіи. Со временемъ это удивительное увлеченіе классицизмомъ будетъ отмѣчено, какъ одна изъ странныхъ аберрацій мысли, черезъ которую прошло человѣчество».

Свое отношеніе къ классической литературѣ Спенсеръ характеризуетъ слѣдующими словами: «Я взялъ переводъ Иліады, съ тою цѣлью, чтобы по этому переводу изучить предразсудки древнихъ грековъ, но прочтя около шести главъ, я почувствовалъ, что не въ состояніи справиться съ этою задачей и готовъ скорѣе уплатить большую сумму, нежели читать до конца. Не говоря уже объ утомительныхъ перечисленіяхъ подробностей одежды и оружія, колесницъ и

лошадей, полученныхъ и возвращенныхъ ударовъ, которыми наполнены страницы, оставляя въ сторонѣ дѣтскую привычку повторять эпитеты, какъ, напр., «длинноволосые ахеяне» и т. п., и всякія другія нелѣпости, въ родѣ, напр. изложенія генеалогіи коня во время описаній битвы, и даже не касаясь того, что это произведеніе постоянно взываетъ къ дикимъ инстинктамъ дикарей и грубымъ страстямъ, — я долженъ все-таки сказать, что не переношу такого безконечнаго перечисленія битвъ и рѣчей. Даже если бы идеи произведенія были мнѣ болѣе симпатичны, то все же оно бы отталкивало меня отсутствіемъ достаточной ширины контрастовъ въ самомъ сюжетѣ и въ изложеніи».

Спенсеръ передаетъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ путешествія по Египту. Больше всего его поразилъ контрастъ между двумя надгробными памятниками. Одинъ онъ видѣлъ въ Гизехѣ, другой—въ Элефантинѣ. «Съ однимъ изъ памятниковъ соединяется имя Хеопса, говоритъ Спенсеръ, фараона, заставившаго, если вѣрить Геродоту, работать сто тысячъ человѣкъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, надъ сооруженіемъ ему памятника при его жизни. Десятки тысячъ людей должны были терпѣть неимовѣрныя страданія и погибали отъ непосильной работы и лишеній. Этотъ фараонъ, самое имя котораго такъ было ненавистно послѣдующимъ поколѣніямъ, что они постарались уничтожить его изображенія, долженъ быть причисленъ къ тѣмъ, которыхъ проклинаютъ народы. Другой памятникъ я видѣлъ во время поѣздки на Элефантину около Ассуана. Тамъ мы посѣтили кладбище и замѣтили свѣжую могилу. Кто лежалъ въ ней? Быть можетъ, человѣкъ преждевременно погибшій отъ непосильной работы, сдѣлавшейся необходимой вслѣдствіе увлеченія государственныхъ людей? Или тутъ былъ похороненъ сынъ, поддерживавшій своимъ трудомъ престарѣлыхъ родителей, или вдова, несшая на себѣ тяжесть воспитанія сиротъ? Но меня болѣе всего поразило, что на этомъ могильномъ холмѣ ничего не было, кромѣ одного кирпича, который и замѣнялъ надгробный памятникъ. Развѣ не поразителенъ контрастъ между двумя, только что описанными памятниками. Человѣку, который совершалъ преступленія, построено величайшее зданіе въ мірѣ, а тотъ, кто, вѣроятно, былъ смиреннымъ и, быть можетъ, полезнымъ труженикомъ, тому, вмѣсто вѣчнаго памятника, кусокъ обожженной солнцемъ глины!»

Психологія журнализма. Въ мюнхенскомъ психологическомъ обществѣ былъ сдѣланъ интересный докладъ о психологіи журнализма. Докладчикъ, г. Шевичъ. четырнадцать лѣтъ проработалъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ качествѣ публициста и занималъ въ нѣкоторыхъ органахъ періодической печати руководящее положеніе. Ежедневная печать, по его словамъ, представляетъ такую духовную силу, которой нѣтъ равной во всемъ мірѣ, и это становится понятнымъ, если вспомнить, что во всемъ цивилизованномъ мірѣ ежедневно болѣе 150 милліоновъ газетъ попадаютъ въ руки читателей. Вѣдь человѣкъ, который былъ бы въ состояніи ежедневно сообщать 25-ти своимъ знакомымъ о всѣхъ важныхъ событіяхъ общественной жизни и руководить ихъ взглядами на это, долженъ былъ бы пользоваться огромнымъ вліяніемъ. Именно такимъ

вліяніемъ и пользуется печать, представляющая духовную власть. Кромѣ того печать одинъ изъ могущественныхъ факторовъ культуры. Развитіе печати идетъ наряду съ развитіемъ политической жизни и прогрессъ мысли въ народѣ долженъ находить свое выраженіе въ печати, которая, однако, должна быть всегда на уровнѣ этого развитія. Вліяніе печати становится вреднымъ тогда, когда ею овладѣваютъ дѣловые интересы и она спекулируетъ низменными инстинктами толпы или становится продажной и служитъ интересамъ отдѣльныхъ группъ. Поэтому то власть печати и представляетъ обоюдоострый мечъ; ея вліяніе такъ велико и такъ загадочно, что очень важно изучить, чѣмъ оно вызывается и управляется. Между тѣмъ въ этомъ направленіи сдѣлано очень мало. Никто не постарался изучить эту силу и изслѣдовать психологію журналиста. Одинъ американскій публицистъ назвалъ ежедневную газету «міровою исторіей вчерашняго дня». Это вѣрно, прибавляетъ докладчикъ, но только по отношенію къ большимъ газетамъ, которыя стараются не только регистрировать событія, но и обсуждать ихъ. Журнализмъ представляетъ профессію, требующую отъ людей желѣзнаго здоровья, такихъ, которые не дѣлаютъ различія между днемъ и ночью и не останавливаются ни передъ какими затрудненіями. Но журналистъ долженъ быть также знатокомъ людей, особенно это требуется отъ американскаго журналиста. Опасность заключается въ томъ, что энергія, которою непремѣнно долженъ обладать журналистъ, можетъ переходить въ наглость и сознаніе собственной силы вызываетъ у него подчасъ желаніе воспользоваться ею для собственной выгоды, т.-е. съ цѣлями наживы. Это послѣднее прискорбное явленіе кладетъ пятно на журнализмъ. Въ Америкѣ существуютъ даже спеціально устроенныя литературныя бюро, которыя служатъ посредниками для подкупа печати, но этотъ вредный наростъ на здоровомъ тѣлѣ журнализма не мѣшаетъ все же его прогрессивному развитію.

Разбирая далѣе тѣ качества, которыми долженъ обладать журналистъ, докладчикъ сказалъ, что особенно важно, чтобы этими качествами обладалъ редакторъ газеты. Вѣдь въ редакціи сходятся всѣ нити, все великое и малое, веселое и страшное, всѣ мелкія и крупныя событія современной жизни, и редакторъ долженъ обладать способностью быстро оріентироваться во всѣхъ этихъ фактахъ и составлять свое сужденіе. Парламентскій дѣятель можетъ, пожалуй, дни и недѣли думать надъ какимъ-нибудь вопросомъ и уяснить себѣ его, прежде чѣмъ выскажется и займетъ относительно его извѣстное положеніе, но редакторъ долженъ рѣшать сразу, иногда въ какіе-нибудь полчаса, какое положеніе займетъ его газета по отношенію къ данному вопросу. Вотъ тутъ-то заключается опасность перехода къ ремесленному взгляду на печать. Если только редакторъ задумается надъ вопросомъ, что можетъ быть полезно для газеты, то онъ вступитъ на наклонную плоскость и легко можетъ поддаться политическому и соціальному индифферентизму. Самую большую опасность для печати представляетъ именно то, что почти каждая газета есть промышленное предпріятіе и редакторъ часто долженъ уступать давленію интересовъ издателя. Правительство же въ цивилизованныхъ государствахъ едва ли можетъ имѣть вредное вліяніе на печать, такъ какъ преслѣдованіе печати за убѣжденія только спо-

собствуетъ ея усиленію и превращаетъ публицистовъ въ борцовъ и даже въ мучениковъ. Очень важнымъ обстоятельствомъ является то, что профессія журналиста плохо оплачивается, а именно въ Германіи. Въ Америкѣ же, наоборотъ, журналисты много зарабатываютъ. Опытные репортеры обыкновенно получаютъ не меньше 200 марокъ въ недѣлю, а высшія должности въ журнализмѣ оплачиваются самымъ блестящимъ образомъ. Главные редакторы обыкновенно даже участвуютъ въ прибыли, и такое благопріятное матеріальное положеніе много способствуетъ тому, что журналистъ занимаетъ въ Америкѣ почетное положеніе и передъ нимъ всѣ двери открыты. Само собою разумѣется, что необходимость ежедневно входить въ соприкосновеніе съ цѣлымъ культурнымъ міромъ расширяетъ умственный горизонтъ журналиста, его умъ постоянно работаетъ и его мыслительныя способности и чувства утончаются. Благодаря такому возбужденному состоянію, онъ можетъ совершить въ короткое время громадное количество работы. Кромѣ того профессія эта страшно затягиваетъ и кто разъ вдохнулъ въ себя типографскую краску, тотъ уже всю жизнь этого не забудетъ!

Бойкотированный профессоръ. Общественное мнѣніе въ Стокгольмѣ, какъ сообщаютъ корреспонденты нѣмецкихъ газетъ, очень взволновано поведеніемъ совѣта въ университетѣ, выставляющемъ въ нѣсколько подозрительномъ свѣтѣ то, что творится за академическими кулисами. Споръ возникъ изъ-за недавно открытой, по настоянію естественно-исторической секціи университета, каѳедры физической географіи. Въ числѣ претендентовъ на эту каѳедру первое мѣсто принадлежитъ извѣстному антарктическому изслѣдователю, Отто Норденшильду, который, по заявленію серьезныхъ стокгольмскихъ газетъ, имѣлъ право разсчитывать, что онъ получитъ ее. Норденшильдъ состоялъ до сихъ поръ приватъ-доцентомъ (безъ жалованья) при стокгольмскомъ университетѣ. Между тѣмъ, въ академическомъ совѣтѣ очень незначительное большинство постановило отклонить его ходатайство о каѳедрѣ и вмѣсто него назначить другого, правда мало извѣстнаго въ наукѣ, но зато рекомендованнаго очень вліятельными лицами. Въ оффиціальной мотивировкѣ своего отказа совѣтъ, конечно, умалчиваетъ объ истинныхъ причинахъ, но выставляетъ на видъ, что ходатайство Норденшильда было отклонено потому, что «академическій совѣтъ не въ состояніи былъ составить себѣ вполнѣ опредѣленнаго понятія о научныхъ заслугахъ кандидата». Разумѣется, такое заключеніе академическаго совѣта вызвало ожесточенную полемику въ газетахъ. Одна изъ наиболѣе вліятельныхъ столичныхъ газетъ насмѣшливо замѣчаетъ, что, «безъ сомнѣнія, ученая коллегія Упсалы не въ состояніи оцѣнить трудовъ проф. Норденшильда и въ ея глазахъ онъ совершенно напрасно производилъ въ теченіе долгихъ лѣтъ свои изысканія въ антарктической области и предпринималъ ученыя экспедиціи, повергавшія въ изумленіе весь ученый міръ!» «За границей, напр., въ Германіи и Англіи,—прибавляетъ газета,—привыкли совсѣмъ къ другому отношенію къ возвращающимся на родину изслѣдователямъ. Даже маленькая Норвегія показала въ этомъ отношеніи примѣръ большой Швеціи,

такъ какъ она не поколебалась учредить ad hoc профессуру для возвратившагося на родину Нансена». Норденшильдъ, впрочемъ, никогда не пользовался симпатіями академической коллегіи. Газеты припоминаютъ, по этому случаю, что уже тогда, когда Норденшильдъ устраивалъ свою антарктическую экспедицію и обращался съ просьбою о государственной субсидіи въ 70.000 кронъ, ему было отказано вслѣдствіе интригъ маленькой группы ученыхъ въ академической коллегіи, такъ что онъ долженъ былъ разсчитывать исключительно только на частныя средства, доставленныя подпиской. Такъ какъ этихъ средствъ было недостаточно, то «Антарктикѣ» пришлось отправиться въ море недостаточно хорошо снабженной для предстоящей экспедиціи, такъ что Норденшильдъ и его экипажъ заранѣе знали, что имъ придется терпѣть большія лишенія. Причины такого гоненія, предметомъ котораго служитъ полярный изслѣдователь, не выяснены, но такъ какъ полемика, вызванная постановленіемъ ученаго совѣта, не прекращается, то, вѣроятно, ученая коллегія должна будетъ нарушить свое молчаніе и разъяснить свой поступокъ.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Желтые и бѣлые.—Движеніе народонаселенія во Франціи.—Школа индѣйцевъ.—Роль индивида у животныхъ и въ человѣчествѣ.

Шарль Рише, профессоръ физіологіи, президентъ общества третейскихъ договоровъ и одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ проповѣдниковъ идеи мира во Франціи, написалъ въ «Revue» статью, въ которой доказываетъ, что всѣ бѣлыя расы должны сплотиться противъ желтой расы. «Превосходство бѣлой расы, — говоритъ онъ, — не можетъ подлежать сомнѣнію». Разумѣется, онъ не хочетъ этимъ сказать, что бѣлые могутъ грабить желтыхъ и вообще совершать надъ ними какія-либо насилія, наоборотъ, онъ даже требуетъ, чтобы «этимъ чужимъ людямъ, этимъ варварамъ, принадлежащимъ къ другой расѣ, была оказана полная справедливость». Но въ то же время заявляетъ, что всѣ наши симпатіи, всѣ наши добрыя пожеланія должны принадлежать нашимъ бѣлымъ братьямъ. Затѣмъ онъ поясняетъ свой взглядъ на то, почему желтокожіе представляютъ низшую расу. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ, между прочимъ, то неопредѣленное чувство нерасположенія, которое внушаютъ желтокожіе бѣлой расѣ. Это врожденное чувство мѣшаетъ сближенію между обѣими расами. Вторымъ доводомъ въ пользу превосходства бѣлой расы надъ желтолицыми служитъ, по мнѣнію Рише, то, что человѣчество обязано бѣлой расѣ всѣми великими открытіями. Бѣлая раса дала человѣчеству Гомера, Фидія, Тацита, Кеплера, Канта, Шекспира, Вольтера, Виктора Гюго, Бетховена, Гёте и др. Ни малайцы, ни китайцы, ни японцы, не создали ничего подобнаго Венерѣ Милосской, «Лоэнгрину», «Фаусту», «Гамлету». Китайцы придумали только «идіотскую азбуку» и если, что совершенно не доказано, они дѣйствительно изобрѣли книгопечатаніе и порохъ раньше бѣлыхъ, то во всякомъ случаѣ это ровно ничего не значитъ, такъ какъ они не съумѣли воспользо-

ваться какъ слѣдуетъ своими открытіями. Японцы же на самомъ дѣлѣ только умѣютъ подражать, и полная ихъ неспособность къ изобрѣтеніямъ и открытіямъ доказывается исторіей пятидесяти вѣковъ. Кромѣ того, даже строеніе черепа желтолицыхъ указываетъ, что эта раса стоитъ ближе къ обезьянамъ, нежели бѣлая раса.

Конечно, Рише правъ, когда онъ говоритъ, что Вольтеръ не былъ китайцомъ, а Гёте японцемъ и что Венеры Милосской не нашлось въ окрестностяхъ Іокогамы. Но даже если справедлива такая низкая оцѣнка древней культуры желтой расы, какую дѣлаетъ Рише, то все же это еще не доказываетъ ея полнаго ничтожества. Вѣдь найдутся и среди бѣлой расы народы, древняя культура которыхъ не произвела ничего особенно замѣчательнаго и такого, что представляло бы общечеловѣческое значеніе. Поэтому, теперь еще слишкомъ рано судить о томъ, можетъ или не можетъ пробудиться въ желтой расѣ творческій геній отъ соприкосновенія съ европейскою цивилизаціей.

Издатель журнала, печатающаго статью Рише, Жанъ Фино, отвѣчаетъ ему въ томъ же номерѣ. Онъ озаглавилъ свое возраженіе: «Hommes contre Hommes» (люди противъ людей) и избралъ девизомъ слова Ламарка: «Природа не создала ни классовъ, ни группъ, ни семейство, ни родъ, ни даже стойкихъ видовъ, а единственно только индивидовъ». Фино подвергаетъ обсужденію въ своей статьѣ всѣ тѣ отдѣльныя основанія, на которыя опираются теоретики въ своихъ разсужденіяхъ о государствѣ. Онъ указываетъ, что среда, температура и условія пищи вліяютъ на цвѣтъ кожи, ростъ и устройство черепа. Въ доказательство онъ приведитъ то, что китайцы въ Калифорніи уже со второго поколѣнія становятся бѣлыми. Можно ли ручаться, говоритъ онъ, что въ отдаленномъ будущемъ цивилизація желтой расы не окажется значительнѣе теперешней цивилизаціи европейской расы? Фино осмѣиваетъ непослѣдовательность европейскихъ націй, которыя желаютъ подчинить себѣ желтую расу и въ то же время снабжаютъ ее оружіемъ, а когда желтые начинаютъ пускать въ ходъ это оружіе, то снабдившіе ихъ европейцы поднимаютъ крикъ о «желтой опасности» и о томъ, что старому міру европейской культуры угрожаетъ гибель.

Рише увѣряетъ, между прочимъ, что вслѣдствіе внутренняго и смутнаго чувства отвращенія къ желтой расѣ ни одинъ европеецъ не выдаетъ своей дочери замужъ за желтолицаго, и каждый англичанинъ испытываетъ самое добродѣтельное негодованіе, если его сынъ изберетъ себѣ женою японку. Насколько вѣрны эти утвержденія почтеннаго французскаго профессора—вопросъ открытый, но несомнѣнно, что въ Америкѣ браки между представителями бѣлой расы и желтолицыми не составляютъ ничего исключительнаго. Во всякомъ случаѣ американцы питаютъ меньшее отвращеніе къ желтой расѣ, нежели къ чернокожимъ.

«Deutsche Rundschau» печатаетъ статью о движеніи народонаселенія во Франціи. Съ 1896 по 1900 годъ приростъ числа рожденій былъ: въ Швеціи—108 на 10.000 жителей; въ Бельгіи—109; въ Италіи—110; въ Великобри-

таніи—116; въ Норвегіи—146; въ Германіи—147 и въ Голландіи—150. Во Франціи же прибавилось только 12 на 10.000. Такое уменьшеніе числа рожденій, какъ извѣстно, сильно озабочиваетъ французовъ въ настоящее время. Уже съ начала XIX-го столѣтія во Франціи замѣчается прогрессивное уменьшеніе прироста населенія, а за послѣднее десятилѣтіе были даже такіе года, когда смертность преобладала надъ рожденіями, такъ что приростъ сильно упалъ. Но судя по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ «Iournal Officiel», замѣчается въ этомъ отношеніи нѣкоторое улучшеніе. Французскій экономистъ Поль Леруа Болье даже вычисляетъ въ «Economiste français», что если продлится такое положеніе вещей, то въ теченіе одного только десятилѣтія населеніе Франціи должно увеличиться на 780.000 человѣкъ, а включая иммиграцію, цифра эта можетъ еще возрасти, почти до 1.200.000 человѣкъ. Однако такое улучшеніе очень проблематично и приростъ слѣдуетъ приписать не столько увеличенію числа рожденій, сколько уменьшенію смертности.

Высокія цифры смертности, существующія въ другихъ странахъ, объясняются, главнымъ образомъ, большою смертностью дѣтей. Тамъ, гдѣ рождается много дѣтей, всегда много ихъ и умираетъ, тѣмъ болѣе, что условія жизни народныхъ массъ всегда оставляютъ желать многаго. Такъ какъ во Франціи дѣтей рождается немного, то, поэтому, и смертность не можетъ быть такъ велика, какъ въ другихъ странахъ. Число рожденій соотвѣтствуетъ и числу браковъ. Это число также падаетъ во Франціи, но зато возрастаетъ число разводовъ. Леруа Болье говоритъ по этому поводу, что институтъ брака несомнѣнно поколебленъ во Франціи, но этому нельзя приписывать уменьшеніе числа рожденій.

Желая получить правильное понятіе о движеніи народонаселенія во Франціи, нельзя ограничиваться только общими цифрами, такъ какъ условія въ различныхъ частяхъ Франціи очень различны. Въ нѣкоторыхъ французскихъ департаментахъ цифра рожденій достаточно велика и эти департаменты представляютъ двѣ различныя группы; къ первой принадлежатъ тѣ, которые въ промышленномъ отношеніи далеко ушли впередъ, а ко второй тѣ, которые сильно отстали въ отношеніи просвѣщенія и гдѣ еще сохранилось благочестіе въ народѣ, напр., Бретань и Вандея. Разумѣется, Леруа Болье спѣшитъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы сдѣлать вылазку противъ теперешняго французскаго правительства и обвинить его въ отсутствіи патріотизма, такъ какъ, стараясь измѣнить систему воспитанія и уничтожить благочестіе въ этихъ двухъ провинціяхъ, французское правительство можетъ вызвать и уменьшеніе прироста населенія и нанести огромный вредъ всей Франціи. Но почтенный экономистъ забываетъ, очевидно, что въ промышленныхъ департаментахъ, насквозь пропитанныхъ прогрессивными тенденціями, приростъ населенія еще больше, чѣмъ въ благочестивыхъ провинціяхъ. Уменьшеніе же прироста преимущественно наблюдается тамъ, гдѣ преобладаютъ мелкіе собственники, опасающіеся раздробленія своихъ владѣній и поэтому не желающіе имѣть много дѣтей. Леруа Болье, слѣдовательно, совсѣмъ напрасно думаетъ, что будущее Франціи можетъ быть обезпечено лишь въ томъ случаѣ, если власть

духовенства снова укрѣпится, какъ это было раньше въ Бретани и Вандеѣ, и что только «благочестивые» жители этихъ провинцій могутъ спасти Францію отъ угрожающаго ей обезлюдѣнія. Приростъ населенія въ промышленныхъ округахъ ничуть не меньше, если даже не больше, хотя тамъ власть кюре сведена къ нулю.

Въ «Review of Reviews» описывается посѣщеніе однимъ англійскимъ журналистомъ школы индѣйцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Школа эта построена среди голой, пустынной равнины, окруженной вдали скалистыми горами. Нигдѣ ни одного деревца, ни рѣки, зданіе школы выстроено изъ кирпича и дерева. Директоръ этой школы гордится тѣмъ, что онъ пробылъ на своемъ мѣстѣ дольше всѣхъ другихъ директоровъ, т.-е. 13 лѣтъ. Школу посѣщаютъ 160 учениковъ (120 мальчиковъ и 40 дѣвочекъ). «Чему же вы ихъ обучаете?» спросилъ журналистъ. «Всему,—отвѣчалъ директоръ,—или, по крайней мѣрѣ, мы стараемся обучить ихъ всему. Англійскому языку, конечно, прежде всего. Мы выучиваемъ ихъ читать и писать и вообще проходимъ съ ними весь курсъ первоначальныхъ школъ, но, вмѣстѣ съ этимъ, они получаютъ и профессіональное образованіе, обучаются земледѣлію, устройству орошенія, ремесламъ: столярному, башмачному, сѣдельному, малярному, хлѣбопекарному и т. д. Дѣвочекъ мы учимъ домашнему хозяйству, кухонному дѣлу, шитью, вышиванію, штопанію, стиркѣ, плетенію корзинъ и вообще всѣмъ работамъ, которыя нужны въ хозяйствѣ».

Директоръ показалъ своему посѣтителю классы, гдѣ происходили въ это время занятія. Это были элементарные классы, въ чемъ можно было убѣдиться по написаннымъ на доскѣ буквамъ и чертежамъ. Мальчики всѣ сидѣли смирно и смотрѣли очень серьезно. Они имѣли видъ дикарей, дѣвочки же были гораздо привѣтливѣе и чаще смѣялись. По словамъ автора, въ этомъ возрастѣ очень трудно отличить по наружности мальчиковъ отъ дѣвочекъ, такъ какъ выраженіе силы и мужества у дѣвочекъ приближаетъ ихъ къ мальчикамъ. Но дѣвочки и мальчики одѣваются различно. Физически двѣнадцати и семнадцатилѣтніе мальчики были очень развиты и казались взрослыми мужчинами. Тутъ находились представители индѣйскихъ племенъ: моки, навахи, апахи, утесы и др. Директоръ хвалилъ апаховъ; это были наиболѣе, умные, способные и легче всего поддающіеся школьной дисциплинѣ ученики, за ними слѣдуютъ моки. Другіе индѣйскіе племена выказываютъ болѣе способности къ механическимъ работамъ. «Какимъ образомъ вы достаете учениковъ для своей школы?» спросилъ журналистъ. «О, это не легко!» отвѣчалъ директоръ и разсказалъ, что ему приходится самому ѣздить въ резервныя школы индѣйцевъ, чтобы тамъ набирать учениковъ для своей школы. Ученики находятся на полномъ содержаніи школы. Имъ уплачивается дорога туда и оттуда и всѣ расходы на одежду, такъ что поступленіе въ школу для нихъ выгодно. Но тѣмъ не менѣе найти желающихъ поступить туда не легко, такъ какъ индѣйцы неохотно разстаются со своими лѣсами. «Они хотятъ оставаться позади негровъ; тѣмъ хуже для нихъ!» прибавилъ директоръ. «Развѣ вы не ду-

маете, что краснокожіе способнѣе негровъ?» спросилъ журналистъ. «О, нѣтъ! Негры гораздо способнѣе къ развитію и далеко ушли впередъ, — послѣдовалъ отвѣтъ.—Особенность индѣйцевъ заключается въ ихъ способности къ подражанію въ матеріальныхъ вещахъ и терпѣніи. Затѣмъ они больше всего на свѣтѣ боятся показаться смѣшными и это надо всегда помнить и не упускать изъ виду, когда имѣешь съ ними дѣло. Съ дѣвочками же справляться легче».

Проф. Мечниковъ разбираетъ въ статьѣ, напечатанной въ «Revue», роль индивида у животныхъ и въ человѣчествѣ. Онъ говоритъ, что усовершенствованіе организаціи влечетъ за собою все больше и больше сохраненіе индивидуальности. У позвоночныхъ животныхъ общественная жизнь не слишкомъ развита, и среди нихъ нельзя найти такой соціальной организаціи, какая встрѣчается у насѣкомыхъ, и только человѣкъ служитъ представителемъ такого класса животныхъ, у которыхъ соціальная жизнь достигаетъ наибольшаго развитія. Насѣкомыя въ своихъ соціальныхъ отношеніяхъ руководствуются своими инстинктами, достигающими значительнаго развитія, тогда какъ у человѣка инстинкты играютъ второстепенную роль. Чувство индивидуальности и эгоизмъ очень сильны въ человѣческомъ родѣ, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что отдаленные предки человѣчества не вели соціальной жизни. Любовь къ ближнему или альтруизмъ составляетъ сравнительно недавнее пріобрѣтеніе и поэтому еще не достигла значительнаго развитія у человѣка.

Однако, несмотря на очень широкую соціальную организацію и далеко зашедшее раздѣленіе труда въ человѣческомъ обществѣ, тамъ не встрѣчается такой диференціаціи индивидовъ, какую мы находимъ у сифонофоръ, пчелъ, муравьевъ и термитовъ, гдѣ соціальная жизнь привела, независимыми путями, къ атрофіи воспроизводительныхъ органовъ. Ничего подобнаго мы не найдемъ въ человѣческомъ родѣ. Члены человѣческаго общества не раздѣляются на индивидовъ, имѣющихъ полъ, и такихъ, которые его не имѣютъ, какъ у насѣкомыхъ, но дѣятельная жизнь каждаго изъ половъ раздѣляется на два періода: въ первомъ періодѣ человѣкъ способенъ къ воспроизведенію, во второмъ эта способность у него исчезаетъ, но тѣмъ не менѣе онъ можетъ быть полезенъ общинѣ своею дѣятельностью. Въ этомъ заключается существенная разница между организаціей индивидовъ, образующихъ общества животныхъ и индивидовъ въ человѣческомъ обществѣ, сохраняющихъ свою полную неприкосновенность. Изслѣдуя тѣ и другія, мы должны придти къ заключенію, что чѣмъ выше организація какого-нибудь соціальнаго организма, тѣмъ сильнѣе должна быть развита индивидуальность его отдѣльныхъ частей. Изъ этого легко уже сдѣлать дальнѣйшій выводъ, что среди теорій, имѣющихъ претензію руководить соціальною жизнью, лучшими являются тѣ, которыя оставляютъ достаточно широкое поле индивидуальной иниціативѣ. Идеалъ, который такъ часто проповѣдуется и по которому индивидъ долженъ быть насколько возможно болѣе принесенъ въ жертву обществу, не согласуется съ общимъ закономъ ассоціаціи организмовъ. Бываютъ такія особенныя условія въ соціальной жизни, когда нѣкоторыя жертвы становятся неизбѣжными, но изъ этого

не слѣдуетъ выводить никакого окончательнаго и общаго заключенія. Морякъ, подводящій мину подъ непріятельское судно, врачъ, подвергающій свое здоровье и свое существованіе опасности, ухаживая за заразительными больными, совершаютъ акты мужества, заслуживающіе наивысшей похвалы. Но можно предвидѣть, что когда люди научатся жить въ мирѣ и предупреждать инфекціонныя болѣзни, то такія жертвы сдѣлаются безполезными. Прогрессъ точной науки приведетъ, вѣроятно, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, къ раціональной гигіенѣ и къ такой соціальной организаціи, которая дастъ индивиду возможность пройти весь циклъ своего нормальнаго развитія.

Давно уже теоріи лучшей организаціи человѣческихъ обществъ проповѣдывали отреченіе индивида въ пользу общины. Но нѣсколько голосовъ возвысились въ защиту неприкосновенности индивида. Гербертъ Спенсеръ съ величайшею энергіей возставалъ противъ доктрины, стремящейся подвести подъ общій средній уровень всѣхъ человѣческихъ индивидовъ. Онъ упрекаетъ соціалистовъ въ томъ, что своимъ идеаломъ они ставятъ преобладаніе государства, что неизбѣжно должно было бы привести къ паденію индивидуальности и нанесло бы ущербъ индивидуальной иниціативѣ.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что параллельно съ прогрессомъ организаціи сознаніе индивидуальности достигло такого развитія, что принесеніе его въ жертву, ради выгоды общества, уже невозможно. У низшихъ существъ, въ родѣ сифонофоръ, индивиды сливаются совершенно, или въ большей своей части, съ общиной, но жертва въ данномъ случаѣ не очень велика, потому что у этихъ организмовъ чувство индивидуальности совершенно неразвито. Соціальныя насѣкомыя представляютъ промежуточную стадію между низшими животными и человѣкомъ. Но только у этого послѣдняго сознаніе индивидуальности достигаетъ полнаго развитія и поэтому-то въ хорошей соціальной организаціи индивидъ никогда не долженъ быть приносимъ въ жертву подъ предлогомъ общаго блага. Изслѣдованіе соціальной эволюціи живыхъ существъ приводитъ именно къ такому результату.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Роль поваренной соли въ организмѣ и въ пищевомъ режимѣ человѣка.

Наукой установлено, что составъ крови даннаго зоологическаго вида колеблется въ крайне незначительныхъ предѣлахъ. Такъ въ крови здороваго человѣка число красныхъ кровяныхъ шариковъ и лейкоцитовъ, а также и числовое отношеніе различныхъ разновидностей бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ испытываютъ только мгновенныя колебанія; то же нужно сказать и о химическомъ составѣ крови: онъ остается у здороваго человѣка неизмѣннымъ, и если даже впрыскивать въ кровь вещества постороннія крови, но, конечно, не прямо ядовитыя, кровь очень быстро освобождается отъ нихъ; если впрыснуть вещества, присущія составу крови, напр., поваренную соль, то тоже по прошествіи незначительнаго промежутка времени изъ крови исчезаетъ избытокъ соли.

Кромѣ такого гистологическаго и химическаго постоянства кровь владѣетъ еще и постоянствомъ физическимъ: осмотическое давленіе ея имѣетъ у здороваго человѣка всегда одну и ту-же величину.

Что же такое осмотическое давленіе? Если мы раздѣлимъ пористой перегородкой какой-нибудь сосудъ и въ одну часть его нальемъ воды, а въ другую растворъ, положимъ, поваренной соли, то образуются два тока: вода будетъ проникать въ ту часть, гдѣ находится солевой растворъ, а послѣдній будетъ просачиваться въ отдѣленіе съ водой; этотъ обмѣнъ продолжается до тѣхъ поръ, пока въ обѣихъ частяхъ сосуда не получится растворъ одинаковой крѣпости. Явленіе это называется, какъ извѣстно, *осмозомъ*. Не всѣ вещества проникаютъ черезъ такія пористыя перегородки или различныя пленки съ одинаковой скоростью; такъ, растворы кристаллическихъ веществъ проникаютъ гораздо легче (кристаллоиды), чѣмъ вещества въ родѣ клея, бѣлка (коллоиды). Вѣсъ воды, проникающій черезъ такую перегородку въ теченіе времени, потребнаго для проникновенія черезъ эту же перегородку одного грамма какого-нибудь вещества называется эндосмотическимъ эквивалентомъ даннаго вещества. Можно приготовить пленки, проницаемыя не для всѣхъ веществъ; такъ, если сосудъ изъ пористой глины смочить водой, затѣмъ наполнить его растворомъ красной соли и погрузить въ растворъ мѣднаго купороса, то въ порахъ сосуда вслѣдствіе процесса обмѣннаго разложенія осаждаются нерастворимыя пленки желѣзосинеродной мѣди. Та-

кимъ образомъ Пфеферъ приготовилъ сосуды съ «полупроницаемыми стѣнками»; стѣнки эти сильно ослабляютъ диффузію (осмосъ) нѣкоторыхъ жидкостей и Пфеферъ достигъ того, что такія стѣнки становились почти совершенно непроницаемыми для растворовъ солей и пропускали только воду: происходилъ только односторонній осмозъ. Если сосудъ Пфефера съ какимъ-нибудь растворомъ, напримѣръ сахара, погрузить въ воду, то, при такомъ одностороннемъ осмозѣ, вода будетъ проникать въ сосудъ съ растворомъ до тѣхъ поръ, пока уровень въ немъ не достигнетъ опредѣленной высоты, тогда стѣнка пфеферовскаго сосуда испытываетъ изнутри нѣкоторое давленіе, опредѣляемое разностью уровней этихъ двухъ сосудовъ (съ водой и съ растворомъ); разность давленій въ двухъ сосудахъ и называется *осмотическимъ давленіемъ*. Осмотическое давленіе достигаетъ иногда очень значительной величины: такъ. для однопроцентнаго раствора сахара оно измѣряется $^2/_3$ атмосфернаго давленія; а для однопроцентнаго раствора азотнокислаго калія достигаетъ даже 3 атмосферъ; но давленіе это зависитъ не отъ вещества, какъ такового, а отъ степени концентраціи раствора, или, говоря языкомъ молекулярной физики — отъ числа растворенныхъ частицъ въ опредѣленномъ объемѣ растворителя, что въ свою очередь стоитъ въ связи съ молекулярнымъ вѣсомъ растворенаго вещества. Такъ, молекулярный вѣсъ хлористаго натрія (поваренная соль) = 58, азотнокислаго натрія 85, бромистаго натрія = 103, слѣдовательно если мы растворимъ въ одинаковыхъ количествахъ воды—58 вѣсовыхъ частей хлористаго натрія, 85 азотнокислаго натрія и 103 бромистаго натрія, то всѣ три раствора будутъ заключать одинаковое количество частицъ одной изъ этихъ солей и будутъ *изотоническими*, т.-е. будутъ имѣть одинаковое осмотическое давленіе и ни одинъ изъ этихъ растворовъ не будетъ диффундировать въ другой.

Какой нибудь растворъ А называется *гипертоническимъ* по отношенію къ раствору Б, если осмотическое давленіе А будетъ больше, чѣмъ В.; растворъ же Б въ этомъ случаѣ будетъ *гипотоническимъ* по отношенію къ А.

Все это, какъ показалъ де-Фризъ, примѣнимо и къ живымъ клѣткамъ. Если растеніе опустить въ сильно концентрированный растворъ—гипертоническій по отношенію къ протоплазмѣ растенія, то послѣднее теряетъ свою воду и вянетъ, если же затѣмъ это растеніе погрузить въ растворъ сильно разведенный, то оно становится снова свѣжимъ. Въ очень концентрированныхъ растворахъ красные кровяные шарики сохраняютъ свое красящее вещество—гемоглобинъ, въ сильно же разведенныхъ растворахъ гемоглобинъ выходитъ изъ нихъ, а вода проникаетъ въ нихъ. Для равновѣсія и здѣсь нужно чтобы два осмозирующіе раствора были изотоническими. По отношенію къ краснымъ кровянымъ шарикамъ растворъ поваренной соли будетъ изотоническимъ при концентраціи $0{,}6\%$.

Оказывается, что осмотическое давленіе крови человѣка остается всегда постояннымъ. Въ поддержаніи этого постоянства большую роль играетъ поваренная соль. «Весьма распространенная въ тканяхъ, владѣющая очень маленькой молекулой, легко распадающейся на іоны, поваренная соль,

говоритъ Винтеръ, течетъ черезъ протоплизму, заполняя ея молекулярныя пустоты»,—и молекулярная концентрація кровяной сыворотки обязана своимъ постоянствомъ отчасти разложенію и вновь соединенію частицъ поваренной соли, смотря потому, является ли кровь въ данный моментъ болѣе разведенной или болѣе густой. Содержаніе соли въ кровяной сывороткѣ колеблется въ зависимости отъ объема всей массы крови въ данный моментъ, гарантируя такимъ образомъ краснымъ кровянымъ шарикамъ наиболѣе совершенную изотонію окружающей жидкой среды. Даже впрыскиванія соли не могутъ измѣнить надолго осмотическаго давленія крови, такъ какъ обмѣны воды и хлористаго натрія, происходящіе между кровью и тканями, быстро возстанавливаютъ молекулярную концентрацію кровяной сыворотки.

Такое регулированіе осмотическаго давленія крови является, конечно, весьма сложнымъ процессомъ и происходитъ при посредствѣ многихъ органовъ. Во главѣ этихъ органовъ стоятъ, конечно, почки.

Этотъ процессъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Въ такъ называемые мальпигіевы клубочки изъ крови проникаетъ вода и хлористый натрій (поваренная соль), остальныя вещества задерживаются оболочками этихъ клубочковъ, какъ задерживается растворъ сахара пленками желѣзно-синеродной мѣди въ Пфеферовскомъ сосудѣ. Растворъ соли изъ мальпигіевыхъ клубочковъ поступаетъ въ извитые канальцы; изъ послѣднихъ частицъ соли осмозомъ проникаютъ въ кровь, въ обмѣнъ на частицы различныхъ экстрактивныхъ веществъ (напр. мочевина, кре́тинъ, крептеминъ и др.), проникающихъ въ эти канальцы изъ крови. Если изъ мальпигіевыхъ клубочковъ поступаетъ въ извитые канальцы избытокъ соли, то понятно, что осмозомъ онъ уже не можетъ проникнуть въ кровь обратно, а выводится дальнѣйшимъ путемъ черезъ мочеточники наружу. Если, напр., давать здоровому человѣку ежедневно на 10 граммъ больше, чѣмъ онъ обыкновенно употребляетъ, то это излишнее количество будетъ выводиться у него мочей. Но и другіе выдѣлительные органы—железы кожи, легкія, пищеварительный каналъ могутъ способствовать этому регулированію. Ашаръ (Achard) показалъ также, что въ организмѣ кромѣ выдѣлительныхъ органовъ, имѣются (особенно въ случаѣ недостаточности очищенія мочей) мѣста, куда выдѣляются изъ крови нѣкоторыя ненужныя ей вещества: это—такъ сказать, самыя глубины тканей, тканевая лимфатическая система, межклѣточная плазма и, можетъ быть, даже сама протоплазма. Ашаръ перевязывалъ, напр., мочеточникъ и останавливалъ такимъ образомъ выдѣленіе мочи, а затѣмъ впрыскивалъ растворъ какой-нибудь соли (напр., красной соли, хлористаго натрія и др.); черезъ три часа въ крови находились все же только слѣды впрыснутаго вещества, а черезъ сутки и эти слѣды исчезали,—введенное вещество оставалось въ организмѣ, но кровь отложила его въ глубинахъ тканей. Конечно, вещество это не остается долго въ тканяхъ, но медленно выдѣляется. Какъ показали недавніе опыты Ашара и Гайяра (Gaillard), поваренная соль иногда можетъ поддерживать физико-химическое равновѣсіе крови «простой игрой осмотическихъ силъ» въ глубинахъ тканей, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность выдѣлительныхъ органовъ не нарушена. Но для того, чтобы могли

происходить эти явленія осмоса, нужно, чтобы упомянутые органы и гистологическіе элементы, завѣдующіе осмосомъ, были жизненны, здоровы. Здѣсь первымъ признакомъ разстройства этихъ элементовъ является возрастаніе или уменьшеніе хлористаго натрія въ мочѣ.

Остановимся на второмъ случаѣ, который связанъ, конечно, съ задержаніемъ соли въ тканяхъ организма. Это явленіе было констатировано болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ у больныхъ воспаленіемъ легкихъ, а въ настоящее время наблюдено при многихъ другихъ, какъ острыхъ, такъ и хроническихъ, болѣзняхъ.

Задержаніе въ тканяхъ хлористыхъ солей зависитъ не только отъ разстройства почекъ, но вообще отъ патологическаго состоянія всего организма: и выдѣлительныхъ органовъ, и кровообращенія, и отъ внутренняго состоянія тканей и, наконецъ, отъ нервной системы, завѣдующей всѣми этими отправленіями.

Первымъ признакомъ такого задерживанія организмомъ хлористаго натрія является самоотравленіе, что весьма понятно, такъ какъ соль въ значительномъ количествѣ препятствуетъ питанію и обмѣнамъ, происходящимъ въ тканяхъ. Затѣмъ еще болѣе яснымъ признакомъ задержанія хлористыхъ солей являются *отеки*. Соль, не выдѣляющаяся мочой, вслѣдствіе разстройства выдѣлительныхъ органовъ, какъ мы видѣли выше, разносится кровью по тканямъ, собирается подъ кожей и здѣсь благодаря осмосу, притягиваетъ и задерживаетъ воду. Въ прошломъ году Видалю и Жавалю удалось опытнымъ путемъ показать, какъ введеніемъ въ пищевой режимъ больного нефритомъ воспаленіемъ почекъ лишнихъ 10, 15 граммъ поваренной соли можно было вызвать отеки, увеличивавшіе вѣсъ больного въ теченіе сутокъ на 6 фунтовъ; отеки опадали и вѣсъ больного немедленно уменьшался, если изъ его пищи удаляли «прибавочную соль». Другіе ученые показали то же вліяніе соли на увеличеніе отековъ при многихъ болѣзняхъ (пневмонія, тифозная горячка, желтуха, сердечные отеки и др.). Но клиническіе опыты показали, что организмъ больныхъ задержаніемъ соли можетъ впитать въ себя большія количества ея и вызвать тѣмъ приливъ еще бо̀льшихъ количествъ воды, такъ что вѣсъ больного увеличится, напр., фунтовъ на 15,—и все же отека еще не появится; это, такъ сказать, до-отечный періодъ болѣзни; для того, чтобы появился отекъ нужны еще нѣкоторыя спеціальныя условія, благопріятствующія растяженію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соединительной ткани.

Понятно, что во всѣхъ этихъ болѣзняхъ основное леченіе состоитъ прежде всего въ удаленіи прибавочной соли изъ пищевого режима.

Работами послѣдняго времени установлено также, что при леченіи падучей бромистыми солями, при увеличеніи кислотности желудочнаго сока и нѣкоторыхъ другихъ болѣзняхъ нужно свести до минимума и даже совсѣмъ изгнать изъ пищи больного поваренную соль. Вліяніе бромистыхъ препаратовъ хлористый натръ ослабляетъ; при удаленіи излишка соли, можно давать больнымъ меньшія дозы бромистыхъ солей: ткани организма лучше использываютъ эти

послѣднія соли, когда въ нихъ нѣтъ хлористыхъ, въ химическомъ смыслѣ близкихъ бромистымъ.

Лучшій режимъ для удаленія изъ пищи излишка соли—это молочный: три литра молока совершенно достаточны для питанія взрослаго человѣка, а въ нихъ содержится около 4 граммъ поваренной соли; по мнѣнію же Шарля Ришэ, нормальному организму человѣка нужно всего отъ 2-хъ до 4-хъ граммъ соли въ сутки, больше этого—роскошь. При воспаленіи почекъ молочная діэта оказываетъ весьма благотворное вліяніе на всѣ симптомы этой болѣзни и въ частности на содержаніе бѣлка въ мочѣ. Но за послѣднее время выяснилось, что если этихъ же больныхъ кормить мясомъ, жиромъ, сахаромъ, мучнистыми продуктами, но при этомъ совсѣмъ не прибавлять соли, то количество бѣлка въ мочѣ понижается на столько же, какъ и при молочной діэтѣ. Слѣдовательно, молоко дѣйствуетъ благотворно на альбуминурію (выдѣленіе бѣлка въ мочѣ) только тѣмъ, что является хорошо усвояемой пищей съ крайне незначительнымъ содержаніемъ соли.

По опытамъ Венсана и другихъ, при увеличеніи кислотности желудочнаго сока, болѣзни, до сего времени трудно поддававшейся леченію, болѣзненные симптомы исчезали при пищевомъ режимѣ, изгнавшемъ соль. Вотъ какую пищу давалъ Венсанъ своимъ больнымъ:

Молока	1.000 граммъ.
Картофеля	300 »
2 яйца	70 »
Мяса	300 »
Муки	100 »
Сахару	50 »
Масла	100 »

Всѣ эти продукты заключаютъ всего 2,39 гр. соли. Улучшеніе болѣзни тотчасъ же прекращалось, какъ только больнымъ начинали давать хлѣбъ, такъ какъ въ килограммѣ послѣдняго содержится отъ 5 до 15 граммъ поваренной соли. Если же больные выдерживали упомянутый выше режимъ въ теченіе мѣсяца, то могли безопасно переходить къ обычной пищѣ. Такой же приблизительно режимъ былъ установленъ Ришэ и Тулузомъ для эпилептиковъ, принимающихъ бромъ, и также съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

Видаль и Жаваль, какъ мы уже указывали, предписываютъ такое же леченіе въ особенности при брайтовой болѣзни съ отеками, другіе доктора также и при отекахъ иного происхожденія, и при циррозѣ печени. Въ виду того, что часто молочная діэта встрѣчаетъ непреодолимое отвращеніе въ больныхъ и вызываетъ даже мѣстныя разстройства, то Видаль и Жаваль и др. рекомендуютъ слѣдующій режимъ безъ молока и съ опредѣленнымъ, малымъ содержаніемъ соли.

I.		II.	
Картофеля . . .	1.000 гр.	Хлѣба (безъ соли)	500 гр.
Вареной говядины	400 »	Вареной говядины	400 »
Сахару	100 »	Сахару	100 »

Масла	80 гр.	Масла	80 гр.
Питья (tisane) .	2.500 »	Питья (tisane) .	2.500 »
Поваренной соли .	$1^1/_2$ »	Поваренной соли .	$1^1/_2$ »

Возникаетъ вопросъ, можно ли безъ ущерба для организма не прибавлять соли къ пищѣ. Большинство гигіенистовъ считаетъ необходимымъ для организма «прибавочную соль». Дѣйствительно, какъ мы выше выяснили, хлористый натрій является важнѣйшей солью кровяной сыворотки, онъ оказываетъ пищеварительное дѣйствіе, возбуждаетъ выдѣленіе слюны и желудочнаго сока, наконецъ, онъ служитъ для образованія нужной для пищеваренія соляной кислоты. Конечно, полное изгнаніе соли изъ пищевого режима даже больного человѣка было бы нелѣпостью. Хорошо извѣстны также случаи, когда леченіе солью приноситъ несомнѣнную пользу. Мы хотимъ только показать, до какой степени воздержаніе отъ соли съ лечебной точки зрѣнія является возможнымъ и необходимымъ. Говоря о прибавочной соли, мы имѣемъ въ виду незначительныя количества ея. Въ томъ, что большія количества соли вредно вліяютъ на организмъ, всѣ согласны. Извѣстны случаи смерти при поглощеніи соли въ количествѣ отъ 500 до 1.000 гр. Соль въ такомъ количествѣ производитъ сильное воспаленіе желудка и кишечника, боли, рвоту, поносъ. Менѣе сильныя дозы вызываютъ тѣ же явленія, но въ болѣе слабой степени: 50 — 40 гр. соли, растворенныхъ въ $^1/_2$ литрѣ воды, могутъ служить слабительнымъ, вызывая при этомъ тошноту и рвоту. Поэтому соль употребляется, то какъ рвотное, то какъ слабительное, то для изгнанія глистовъ. Столовая ложка соли вызываетъ у собаки сильную рвоту; принятая же въ количествѣ=$^1/_{400}$ вѣса тѣла собаки, убиваетъ ее въ теченіе 12-ти часовъ; количество же=$^1/_{113}$ до $^1/_{140}$ вѣса тѣла (что для собаки средней величины равняется 60—80 граммамъ соли)—менѣе, чѣмъ въ два часа. Для лошади количество соли=$^1/_{200}$ вѣса тѣла является смертельнымъ; смерть наступаетъ черезъ 12 часовъ.

Еще въ 1856 году Губо произвелъ слѣдующій опытъ: онъ давалъ животнымъ смертельную дозу соли, затѣмъ перевязывалъ пищеводъ, чтобы соль не могла быть выведена рвотой; у животныхъ при этомъ развивался сильный поносъ, они впадали въ большое возбужденіе, наступали судороги и эпилептическіе припадки; черезъ нѣкоторое время появлялось оцѣпенѣніе и полная прострація, длившіяся до самой смерти. То же самое наблюдалось и при впрыскиваніи соли въ вену или подъ кожу. Для человѣка впрыскиваніе 3 гр. на каждый килогр. вѣса тѣла является смертельнымъ. Извѣстенъ случай, когда одной молодой женщиной было принято 200 гр. соли для изгнанія глистовъ, у нея развился параличъ и она умерла черезъ нѣсколько часовъ, несмотря на промыванія желудка. Вскрытіе показало, что повреждены были, главнымъ образомъ, пищеварительные органы. Можно указать и на другіе подобные случаи.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что большія количества соли являются ядовитыми и смертельными. Но и менѣе значительныя количества, принимаемыя часто, оказываютъ также пагубное вліяніе на организмъ. Такъ, у молодой

дѣвушки 19 лѣтъ, у которой была привычка, встрѣчающаяся часто у нервныхъ людей, много солить всѣ кушанія и, кромѣ того, раза два въ день ѣсть чистую соль, вскорѣ развились желудочно-кишечныя страданія, похудѣніе и сильное малокровіе.

Относительно недавно приписывали заболѣваніе цынгой употребленію солонины, заключающей въ себѣ слишкомъ много соли. Такое мнѣніе составилось благодаря тому, что цынга, главнымъ образомъ, наблюдалась во время длинныхъ морскихъ путешествій, когда питались исключительно солониной, овощи же совершенно отсутствовали. Теперь вопросъ этотъ не рѣшается такъ просто и заболѣваніе цынгой приписываютъ, кромѣ того, пищѣ бѣдной жиромъ, а также и вліянію антигигіеническихъ условій жизни.

Соленіе мяса производится очень просто: мясо или покрываютъ солью или же кладутъ его въ приготовленный для этого солевой растворъ. Въ обоихъ случаяхъ почти всегда прибавляютъ селитры, чтобы мясо сохранило свой красный цвѣтъ, иначе оно въ присутствіи одной только соли обезцвѣчивается и дѣлается сѣроватымъ. Обыкновенно при соленіи употребляютъ отъ 20 до 30 килограм. соли и отъ 1-го до 2-хъ килогр. селитры на каждые 100 килограм. мяса. Кромѣ того, во избѣжаніе излишней твердости мяса, прибавляется еще и сахаръ.

Иногда неправильно разсоломъ называютъ солевой растворъ. На самомъ же дѣлѣ разсолъ—это розовая мутная жидкость, стекающая съ мяса, подвергаемаго солкѣ, въ сосуды, гдѣ оно помѣщается. Въ такомъ разсолѣ заключается $^1/_3$ и даже $^1/_2$ всей жидкости, находящейся въ свѣжемъ мясѣ, экстрактивныя и бѣлковыя тѣла, а также отъ 23 до 25% соли. Такой-то разсолъ служитъ очень часто для соленія мяса, употребляется вмѣсто соли при приготовленіи кушаній и нерѣдко является приправой къ пищѣ домашнихъ животныхъ.

Для соленія употребляется бычачье, свиное мясо и сало. Благодаря соленому мясу, англійскому правительству стоитъ не дорого содержаніе ея многочисленной морской арміи; Англія ежегодно снабжаетъ Францію около 200.000 килогр. солонины; Франція же въ свою очередь отправляетъ 600.000 килограм. солонины въ африканскую колонію.

Нерѣдко и колбасы подвергаются соленію. Онѣ приготовляются изъ обрѣзковъ свѣжаго мяса, къ которому примѣшивается или плохой сортъ мяса, или отбросы—кровь, легкія, сердце, почки, селезенка и т. д. Послѣ солки и прибавленія селитры все это вкладывается въ кишки и коптится.

Но кромѣ мяса, соленію подвергаются многочисленные пищевые продукты: рыба, овощи (фасоль, огурцы, капуста и пр.), яйца (икра), фрукты (напр., маслины), масло и пр. Одной соленой трески во Францію, напр., ввозится 35 милліоновъ килогр.

Какъ же разные соленые продукты дѣйствуютъ на пищевареніе? Оказывается, что всѣ они послѣ соленія становятся трудно переваримыми; это зависитъ отъ двухъ причинъ.

1) Извѣстно, что, если на 1.000 гр. желудочнаго сока приходится 3 грам., соли, то пищевареніе замедляется и замедленіе это настолько же велико,

какъ если бы количество пепсина было бы уменьшено на 40 — 50%. Ежедневно у здороваго человѣка выдѣляется 6 килогр. желудочнаго сока, количество же ежедневно потребляемой соли равно 17—18 гр., т.-е. 3 гр. соли приходится на 1.000 гр. желудочнаго сока; выводъ, слѣдовательно, тотъ, что количество соли, обыкновенно потребляемой нами, должно оказывать задерживающее вліяніе на пищевареніе.

2) Вторая причина, почему соленые продукты становятся менѣе удобоваримыми, была указана Гюссономъ въ его докладѣ парижской академіи наукъ въ 1883 г.: соленіе измѣняетъ составъ волоконъ, изъ которыхъ состоитъ мясо. Волоконца теряютъ значительное количество воды, такъ что мясо становится болѣе твердымъ, благодаря чему пищеварительный сокъ не такъ легко проникаетъ въ него. 100 частей свѣжаго мяса даютъ всего 70—78 частей соленаго. На мѣсто воды, теряемой мясомъ, въ него проникаетъ соль и въ небольшомъ количествѣ селитра. Ветчина заключаетъ въ себѣ 5% соли, селедка—14%, соленая и высушенная треска—8,5%, анчоусы—20% и т. д. Но, кромѣ воды мясо, теряетъ при соленіи бѣлковыя и экстрактивныя вещества (въ особенности, если соленіе производится посредствомъ разсола), а также и фосфаты. Вслѣдствіе всего этого, питательность мяса, хотя и не на много, но все же уменьшается. При варенiи или вымачиваніи мяса или рыбы въ водѣ, снова извлекаются вмѣстѣ съ солью питательныя вещества, хотя при этомъ мясо и становится болѣе удобоваримымъ.

Итакъ, принимая во вниманіе замедляющее дѣйствіе соли на пищевареніе, увеличивающуюся отъ соленія твердость мяса, нужно при всѣхъ формахъ диспепсіи (разстройства пищеваренія) запретить употребленіе соленыхъ продуктовъ. Исключеніе можно сдѣлать только для не жирной ветчины, вымоченной, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 24-хъ часовъ въ водѣ и затѣмъ тонко изрубленной или натертой: въ такомъ видѣ она является легко переваримой. Но и у здоровыхъ людей, питающихся продолжительное время солеными продуктами, эти послѣдніе не могутъ не вызвать обременѣнія пищеварительныхъ органовъ и диспепсіи, и нерѣдко въ очень тяжелой формѣ.

Наконецъ, нужно принять во вниманіе и ядовитость соленыхъ продуктовъ. Иногда наблюдаются случаи отравленія и даже смерти, вызванные потребленіемъ ихъ. Отчего же зависитъ ядовитость соленыхъ продуктовъ? Какъ мы уже видѣли, большія количества соли сами по себѣ являются ядовитыми, но разсолъ,— та жидкость, которая стекаетъ съ мяса при соленіи и которая затѣмъ въ свою очередь служитъ для соленія, является ядовитымъ не только потому, что содержитъ соль. Рейналемъ еще въ 1855 году былъ установленъ тотъ фактъ, что разсолъ является тѣмъ болѣе ядовитымъ, чѣмъ онъ старѣй. Въ 1860 году Блумлайнъ и Герлахъ подтвердили это положеніе Рейналя. Несомнѣнно, что въ разсолѣ происходитъ разложеніе бѣлковыхъ тѣлъ, извлеченныхъ изъ мяса, и появленіе птомаиновъ.

Въ 1890 году былъ опубликованъ въ одномъ французскомъ журналѣ случай отравленія 26 свиней разсоломъ 4-хъ-лѣтней давности. Хотя случаи отравленія людей разсоломъ не извѣстны, но достаточно одной возможности,

чтобы не допускать его къ употребленію и чтобы даже на видъ совершенно свѣжіе соленые продукты передъ употребленіемъ хорошенько промывались и вымачивались не только для обезсоливанія ихъ, но также и для извлеченія изъ нихъ разсола, могущаго оказаться ядовитымъ.

Нужно прибавить еще, что, кромѣ присутствія соли и разсола, соленые продукты могутъ быть опасными благодаря гніенію ихъ, которое въ начальныхъ стадіяхъ можетъ быть не замѣчено, такъ какъ соль можетъ замаскировать измѣнившійся вкусъ ихъ.

Среди обеззараживающихъ веществъ, сохраняющихъ мясо, соль является наименѣе ядовитымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе обеззараживающимъ. Большинство микробовъ соль не убиваетъ и даже не ослабляетъ ихъ ядовитости, если они находятся глубоко въ тканяхъ. Такъ, Van Ermingen'омъ въ окорокѣ, погруженномъ въ разсолъ, а вслѣдствіе этого, конечно, не соприкасавшемся съ воздухомъ, было все же найденъ Bacillus botulinus, анаэробъ *), который развиваетъ ядовитыя вещества, проникающія въ ткани, гдѣ живетъ этотъ анаэробъ. Эти ядовитыя вещества у поѣвшихъ такое мясо вызываютъ нервные припадки, извѣстные подъ именемъ ботулизма. Слово ботулизмъ происходитъ отъ слова botulus, что значитъ колбаса и означаетъ обыкновенно отравленіе колбасой, но теперь его примѣняютъ вообще къ отравленію какимъ бы то ни было мясомъ.

Обеззараживающее дѣйствіе соли относится только къ сапрофитнымъ **) бактеріямъ. Не слѣдуетъ думать, что и это дѣйствіе ея можетъ сохраняться продолжительное время. Извѣстно много случаевъ отравленія солониной. Что же касается колбасъ, то ими было вызвано безконечное количество смертей, въ особенности въ Германіи. Соленая треска была также причиной многихъ смертей. Соленыя рыбы, сохраняемыя во льду, нерѣдко вызываютъ отравленія, такъ какъ ледъ предохраняетъ отъ гніенія только поверхностные слои. Кислая капуста можетъ также подвергаться гніенію. Все это можно сказать и о другихъ соленыхъ продуктахъ.

Словомъ, разъ въ продуктахъ находятся или развиваются впослѣдствіи болѣзнетворные микробы, соль не въ состояніи произвести обеззараживанія, т.-е. убить этихъ микробовъ.

Теперь посмотримъ, какое вліяніе оказываетъ соль въ количествѣ, принимаемомъ каждымъ изъ насъ ежедневно. Количество это различно, конечно, для каждаго изъ индивидуумовъ; какъ мы ужъ указывали, нервные люди, напр., поглощаютъ соли больше другихъ; кромѣ того, извѣстно, что лѣтомъ съѣдается больше соли, чѣмъ зимой; зависитъ потребленіе соли и отъ широты даннаго мѣста, и отъ страны, во всякомъ случаѣ это потребленіе на югѣ больше, чѣмъ на сѣверѣ.

---

*) Анаэробами называются микроорганизмы, могущіе жить въ безкислородной средѣ.

**) Сапрофитными бактеріями называются бактеріи, паразитирующія на мертвыхъ организмахъ и обычныхъ условіяхъ своей жизни не болѣзнетворныя.

Но все же въ среднемъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, можно принять, что ежедневное потребленіе соли=17—20 грам. на человѣка. По Бунге (базельскій физіологъ), большинство людей потребляетъ даже 20—30 гр.

Лоферъ годъ тому назадъ произвелъ анкету въ Парижѣ по этому вопросу среди 200 взрослыхъ людей. Оказалось, что 10—15% изъ нихъ употребляли соль въ количествѣ, указанномъ Бунге. Въ количество обыкновенно потребляемой соли входитъ не только соль, прибавляемая при приготовленіи кушаній и во время ѣды, но и соль, заключающаяся въ самихъ продуктахъ, также и соль, прибавляемая къ хлѣбу пекаремъ. Большинство пищевыхъ продуктовъ содержитъ отъ 1 до $1^1/_2$ гр. соли. Что же касается хлѣба, то количество соли зависитъ отъ пекаря, такъ какъ мука почти не содержитъ соли. Различные сорта хлѣба содержатъ различныя количества ея—отъ 5,83 гр. до 16,66 гр. на 1.000 гр. свѣжаго хлѣба.

Количество соли, прибавляемой при приготовленіи кушаній и за ѣдой=13—15 гр. Это-то послѣднее количество наиболѣе подвержено индивидуальнымъ колебаніямъ. Наибольшее количество «прибавочной соли» употребляется съ супомъ.

Но необходима ли дѣйствительно для организма прибавочная соль и не можемъ ли мы удовлетвориться 3,50—4 гр. соли, содержащейся въ самихъ продуктахъ, считая и соль прибавляемую къ хлѣбу. Противъ этого говорятъ по мнѣнію многихъ: 1) всемірное употребленіе соли, 2) заболѣванія при неупотребленіи прибавочной соли, 3) необходимость замѣщать соль, выведенную изъ организма.

Первый аргументъ былъ приведенъ профессоромъ Дастромъ; по его мнѣнію соль употреблялась во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Гомеръ называетъ ее божественной и заставляетъ появляться въ трапезѣ героевъ. Тацитъ говоритъ объ ужасныхъ войнахъ, веденныхъ германцами другъ съ другомъ изъ-за обладанія соляными источниками. По словамъ Mungo Park, жители Сіерра-Леоне отдаютъ за соль все, что они имѣютъ, не исключая женъ и дѣтей. Въ центральной Африкѣ соль играетъ роль денежнаго знака. Далѣе, по словамъ Дастра, потребность въ соли наблюдается не только у человѣка, но и у животныхъ. Въ Пиринеяхъ пастухи при тяжелыхъ переходахъ даютъ скоту соль. Охотники съ давнихъ поръ употребляютъ соль, какъ приманку для привлеченія дикихъ животныхъ. Во всѣхъ климатахъ и во всѣхъ широтахъ дикія жвачныя любятъ солонцы, чѣмъ и пользуются охотники.

Но дѣйствительно ли эта потребность въ соли является непреоборимой?

Развѣ не странно, что такое предпочтеніе отдается именно поваренной соли. Вѣдь другія минеральныя вещества также принимаютъ участіе въ строеніи нашихъ тканей и гораздо въ большей степени, чѣмъ соль, напр., известковыя соли и фосфорнокислый натръ, входящіе въ составъ скелета, крови и лимфы. Однако, въ кулинарномъ искусствѣ они совершенно не употребляются, принимаются же нами только, какъ лекарства. Нужно замѣтить, что организмъ ребенка требуетъ поваренной соли сравнительно больше, чѣмъ организмъ взрослаго: многочисленные опыты показали, что въ тканяхъ перваго

содержится гораздо больше соли, чѣмъ у второго. И тѣмъ не менѣе, взрослый, вѣсомъ въ 60 килогр. потребляетъ ежедневно 17 гр. соли, тогда какъ грудной 6-ти-мѣсячный ребенокъ вѣсомъ въ 6—7 килогр. долженъ былъ бы потреблять ежедневно, 70 гр.; на самомъ же дѣлѣ онъ потребляетъ, несмотря на потребность вызываемую ростомъ, даже меньше трети этого количества. Въ этомъ возрастѣ ребенокъ выпиваетъ ежедневно 1 литръ молока, 1 же литръ женскаго молока содержитъ всего 0,38 гр. соли. Если, слѣдовательно, послѣ отнятія отъ груди мы сами не пріучали бы ребенка къ соленію пищи, онъ прекрасно могъ бы обойтись безъ прибавочной соли. Вкусъ соли не врожденъ, не инстинктивенъ, онъ пріобрѣтенъ. Коровье молоко содержитъ въ 4 раза больше соли, чѣмъ женское (отъ 1,50 гр. и до 1,80 гр. на литръ), и все же взрослый, подвергаемый молочному режиму и выпивающій 3 литра молока въ день, потребляетъ очень мало соли (отъ 2 до 4 граммъ). Люди, привыкшіе потреблять большія количества соли, путешественники, напр., могли безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій для себя перейти затѣмъ на «обезсоленный» режимъ. Наконецъ, извѣстны сотни больныхъ, которые въ теченіе 3-хъ лѣтъ, также безъ вреда для себя, съ лѣчебной цѣлью принимаютъ пищу безъ прибавочной соли.

Да и первобытные народы, которые вели пастушескій образъ жизни, не всегда солили свою пищу. Еще и теперь многіе кочевники сѣвера Россіи и Сибири не употребляютъ соли, несмотря на то, что на ихъ землѣ изобилуютъ соленыя озера. Дитмаръ, жившій долго среди камчадаловъ и тунгусовъ, говоритъ о томъ отвращеніи, какое соль вызывала у нихъ. Киргизы, живущіе въ Туркестанѣ, питающіеся молокомъ и мясомъ и живущіе среди солончаковъ, никогда не ѣдятъ соли. Бедуины въ Аравіи, по словамъ Wride, находятъ страннымъ употребленіе соли. Въ центральной Африкѣ, гдѣ соль дорога, бѣдные классы негровъ совсѣмъ ея не употребляютъ. Въ эпоху открытія Америки большинство индѣйцевъ Сѣверной Америки, жившіе охотой и рыбною ловлею совершенно не потребляли соли, несмотря на ея обиліе. То же замѣчалось и у туземцевъ, обитавшихъ пампасы. Среди жителей Индѣйскаго архипелага и Австраліи часто встрѣчается индифферентное отношеніе или даже отвращеніе къ соли.

Среди животныхъ можно наблюдать подобные же примѣры. Собака и кошка, напр., не находятъ соль вкусной. Домашнія травоядныя обходятся прекрасно безъ нея. Въ Парижѣ лошадямъ различныхъ трамвайныхъ компаній соль не дается. Также и лошадямъ французской арміи. Дикія же травоядныя—зайцы, кролики потребляютъ только соль, которая содержится въ растеніяхъ.

Слѣдовательно, какъ человѣкъ, такъ и животныя могли бы смѣло обойтись только той солью, какую заключаютъ въ себѣ пищевые продукты.

Вторымъ доказательствомъ необходимости соли въ пищевомъ режимѣ являются случаи заболѣванія послѣ прекращенія потребленія прибавочной соли. Лоферъ провѣрилъ главные изъ фактовъ, приводимые въ защиту этого положенія. Такъ, говорятъ, что при осадѣ Меца солдаты очень страдали отъ отсутствія соли. Но на самомъ дѣлѣ для ихъ организма было совершенно достаточно

того количества соли, которымъ приправлялся супъ, въ бо́льшемъ же количествѣ соль была необходима имъ для замаскированія отвратительнаго вкуса конины. Съ этой же цѣлью соль прибавляютъ къ сѣну, подвергающемуся ферментаціи или же даваемому въ горячей водѣ. Едва ли животныя брали бы эту пищу, еслибъ соль не скрывала ея непріятнаго вкуса.

Напомнимъ читателю, что больные, питавшіеся продуктами, не содержащими соли болѣе 2-хъ гр., отлично переносили такой режимъ. Что же касается того, что при отсутствіи прибавочной соли развивалась водянка, то теперешнія наблюденія совершенно отвергаютъ возможность этого, и какъ мы уже говорили, наоборотъ, отеки довольно быстро исчезаетъ при пищевомъ режимѣ безъ соли.

Наконецъ, утвержденія Вундта, Клейна и Іерсона, что при пищѣ, бѣдной солью, въ мочѣ появляется бѣлокъ, противорѣчатъ приведеннымъ нами выше наблюденіямъ надъ больными нефритомъ (воспаленіе почекъ), у которыхъ пищей, заключающей всего 1,5 гр. соли, быстро удается какъ уничтожить отеки, такъ и уменьшить количество бѣлка въ мочѣ. Наиболѣе чувствительнымъ реактивомъ въ данномъ случаѣ является больная почка. Эсауловъ въ 1868 г. дѣлалъ прямые опыты на человѣкѣ и собакахъ съ цѣлью выяснить этотъ вопросъ. Онъ кормилъ людей только дистиллированной водой и казеиномъ, лишеннымъ соли. Собакъ же онъ раздѣлилъ на 2 группы; первой давалъ ту же пищу, что и людямъ, а второй только дистиллированную воду и сахаръ. Опытъ производился надъ людьми въ теченіе 5—8 дней, надъ собаками 5—20 дней. Во все время опыта моча была изслѣдуема самымъ тщательнымъ образомъ и показала, что у людей содержаніе хлора (напомнимъ, что поваренная соль есть хлористый натрій) упало до 0,07, у собакъ же до 0,002, но ни у тѣхъ, ни у другихъ даже слѣдовъ бѣлка въ мочѣ не наблюдалось. Каупъ, Форстеръ продѣлали аналогичные опыты съ такимъ же результатомъ.

Наконецъ, послѣднее доказательство, приводимое въ пользу «прибавочной» соли гласитъ: «Такъ какъ у человѣка мочей выводится въ среднемъ 11—16 грам. соли, то необходимо, слѣдовательно, чтобы эти потери были возмѣщены». Это было бы справедливо, конечно, если бы введеніе являлось всегда необходимымъ слѣдствіемъ выдѣленія; здѣсь же скорѣй наблюдается обратное. Мы выдѣляемъ въ среднемъ 11—14 грам. соли, только потому, что мы поглощаемъ ея столько же. Если же мы будемъ потреблять больше соли, то, какъ уже было выше выяснено, и найдемъ большее количество ея въ мочѣ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно, выдѣленіе соли доходитъ до 55 гр. въ день. И наоборотъ, при пищѣ бѣдной солью и моча содержитъ ее очень мало. Вундтъ наблюдалъ при кормленіи пищей, лишенной соли, слѣдующее паденіе содержанія соли въ мочѣ: въ 1-й день—7,21 гр., во 2-ой д.—3,61 гр., 3-й д.— 2,44 гр., 4-й д.—1,36 гр., 5-й д.—1,09 гр. При такихъ же условіяхъ Фолькомъ было найдено на третій день въ мочѣ всегоо 0,15 гр. соли. У животныхъ наблюдается такая же зависимость между количествомъ, выдѣляемымъ мочой, и количествомъ поглощенной соли.

Профес. Рише и Лоферъ считаютъ, что количество соли, теряемой тканями, равняется приблизительно 2 грам. въ день. Слѣдовательно, такое количе-

ство необходимо ввести. Въ лѣчебныхъ цѣляхъ количество это можно понизить до 1 гр. Но даже безъ прибавочной соли мы вводимъ въ организмъ пищевыми продуктами гораздо больше, чѣмъ теряютъ ткани, а именно отъ 3,40 грам. до 4 гр., поэтому нѣтъ никакой необходимости прибавлять соли къ пищѣ для поддержанія равновѣсія организма и нормальнаго количества соли, содержащейся въ его тканяхъ.

Если бы дѣйствительно прибавочная соль была бы необходима для организма, то было бы непонятно, какъ, напр., собака можетъ питаться продолжительное время безъ всякаго вреда для себя исключительно мясомъ. А между тѣмъ въ мясѣ находится очень мало соли, всего (по Фойту) 0,114%. Ежедневно, слѣдовательно, въ организмъ собаки вводится только 0,6 гр., если кормить ее 500 гр. мяса, содержащаго 200 гр. жира; количество это совершенно достаточно для собаки вѣсомъ въ 30 килогр. Не смотря на такое малое количество, вводимой соли, кровь собаки содержитъ нормальное количество хлористаго натрія, а желудочный сокъ имѣетъ нормальную кислотность. Какъ видно, собакѣ необходимо соли еще меньше чѣмъ человѣку.

Намъ кажется, что на основаніи всѣхъ фактовъ и соображеній, взятыхъ нами, главнымъ образомъ, изъ статей проф. Грассэ и Лофера *), можно согласиться съ заключительнымъ выводомъ второго изъ нихъ, что наши пищевые продукты содержатъ сами по себѣ необходимое для организма количество хлористаго натрія и потому нѣтъ необходимости прибѣгать къ «прибавочной соли».

II.

О научныхъ журналахъ при русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

На-дняхъ появился новый русскій научный журналъ—«Извѣстія С.-Петербургскаго Политехническаго Института». Прежде чѣмъ обратиться къ нему, намъ хочется сказать вообще нѣсколько словъ по поводу подобныхъ изданій. Какъ извѣстно, всякое высшее учебное заведеніе въ Россіи (за немногими исключеніями), почти тотчасъ же какъ его откроютъ, обзаводится своимъ научнымъ журналомъ—какъ бы свидѣтельствомъ прилежанія и успѣховъ. За границей такіе журналы, издаваемые высшими учебными заведеніями—большая рѣдкость, но, конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что наши профессора работаютъ больше заграничныхъ, а слѣдуетъ только, что смѣтныя распредѣленія суммъ, составляемыя чиновниками различныхъ департаментовъ, всегда будутъ урѣзать дѣйствительныя нужды науки и преподаванія и безъ всякаго протеста оставлять тѣ, которыя уже спокон вѣку переходятъ изъ одного устава въ другой. А разъ сумма ассигнована, то ее надо же истратить; ну и тратятъ.

Есть два типа раціональныхъ научныхъ журналовъ: первый—это, такъ сказать, текущія энциклопедіи, лѣтописи, съ возможной полнотой записывающія научныя событія, происшедшія за недѣлю, за мѣсяцъ, за годъ въ данной странѣ, а иногда въ цѣломъ мірѣ («Comptes Rendues de l'Academie de Paris»); второй

*) „Revue Scientifique“ 1904, №№ 13, 15 и 16.

раціональный типъ.—журналъ, посвященный какой-нибудь одной наукѣ, въ такомъ журналѣ и сотрудники и читатели объединены однимъ спеціальнымъ интересомъ. Журналы, издаваемые научными обществами, обнимающими нѣсколько близкихъ спеціальностей, напр., различными обществами естествоиспытателей, при своемъ развитіи обнаруживаютъ тенденцію приблизиться ко второму изъ указанныхъ нами раціональныхъ типовъ, т.-е. разбиться на нѣсколько отдѣльныхъ секцій, какъ бы отдѣльныхъ журналовъ.

Наши научныя записки, извѣстія etc, особенно издаваемыя, при университетахъ, являются съ этой точки зрѣнія наименѣе раціональными—это и не энциклопедіи, и не спеціальный журналъ, а какой-то винигретъ, неизвѣстно для кого приготовленный, а потому и не имѣющій совершенно потребителей. Чтобы не быть голословными, приведемъ содержаніе нѣсколькихъ послѣднихъ книжекъ этихъ казенныхъ журналовъ, случившіяся у меня подъ рукою.

1) „Варшавскія Университетскія Извѣстія". 1903 г. IX. Содержаніе: 2) Обозрѣніе предметовъ, преподаваемыхъ въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ (1—19). 2) О строеніи, образованіи и способѣ дѣйствій трихоцистъ у парамецій. 3) Къ употребленію теодолитнаго гопіометра. 4) Добавленіе къ „Литературѣ исторіи русскаго права". 5) Борисъ Ивановичъ Ордынскій. 6) Примиреніе и третейскій судъ въ коллективныхъ спорахъ между предпринимателями и рабочими во Франціи. 7) Метеорологическія наблюденія. Объявленія. 1) „Записки Императорскаго Харьковскаго Университета". 1903 г., кн. 3. 1) О протоплазмѣ. 2) Отчетъ по командировкѣ библіотекаря etc. 3) О графическомъ измѣненіи пульса при раннихъ стадіяхъ заболѣванія аорты. 4) Договоръ страхованія по русскому праву. 5) По вопросу о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей. 6) Проф. Ап. Гр. Поррезъ, его служебная и литературная дѣятельность. 7) Результаты наблюденій метеорол. ст. Харьк. Ун. за 1901 г. 8) Введеніе въ исторію Греціи. 9) Протоколы засѣданій предварительнаго комитета по устройству XII археологич. съѣзда въ Харьковѣ. „Кіевскія Университетскія Извѣстія". 1903 г. № 12. 1) Положеніе о капиталѣ имени врачей выпуска (нормальнаго) 1876 г. 2) Къ вопросу о жировомъ перерожденіи (диссертація). 3) О выдѣленіи желатины почками (диссертація). 4) Смертность грудныхъ дѣтей и искусственное вскармливаніе. 5) Дальнѣйшія наблюденія надъ альбумозуріей у больныхъ. 6) Наблюденія метеорологической обсерваторіи. 7) Отчетъ Клинич. Судебно-Медиц. отдѣленія Кіевск. военнаго госпиталя. 8) Протоколы къ работѣ: „Положеніе желудка". 9) Матеріалъ для исторіи вотчиннаго управленія въ Россіи. 10) Объявленія о конкурсѣ по вакантнымъ каѳедрамъ etc. „Ученыя Записки Казанскаго Университета". 1904 г., апрѣль. 1) Протоколы засѣданія Совѣта. 2) Къ вопросу о леченіи волчанки. 3) Обзоръ публикаціи греческихъ папирусовъ. 4) Книжныя новости (2 маленьк. стр. отмѣчено 7 книгъ, совершенно случайныхъ). 5) Списокъ книгъ, поступившихъ въ библіотеку. 6) Изъ поѣздки къ мишарямъ. 7) Бюллетень метеорологической обсерваторіи. „Ученыя Записки Московскаго Университета". 1904 г. Отдѣлъ естественно-историческій. „Основы Кристаллографіи". Проф. В. И. Вернадскаго.

Довольно пестрая картина. Немудрено, что платныхъ подписчиковъ у этихъ журналовъ нужно считать единицами, много десятками, но и сотрудника бѣднымъ редакторамъ приходится искать, что называется, днемъ съ огнемъ. Въ тѣхъ университетахъ, гдѣ имѣются медицинскіе факультеты, выручаютъ докторскія диссертаціи и отчеты клиникъ, даютъ иногда диссертаціи и по другимъ отдѣламъ, но рѣдко, всякому пріятнѣе напечатать работу въ болѣе спеціальномъ

и все же болѣе распространенномъ журналѣ, гдѣ все же есть надежда, что коллеги-спеціалисты хоть просмотрятъ, если не прочтутъ. Затѣмъ приходятъ на помощь учебники, составляемые профессорами, вступительныя лекціи, актовыя рѣчи, наконецъ не брезгуютъ уже напечатанными статьями и иные авторы умудряются напечатать свое произведеніе въ 3, 4 и даже 5 журналахъ, но всего этого все же не хватаетъ, и большинство извѣстій и записокъ идутъ всегда съ запозданіемъ на нѣсколько мѣсяцевъ, и въ 1904 г. выпускаютъ номера за 1903 г.

Извѣстія различныхъ спеціальныхъ техническихъ высшихъ учебныхъ заведеній, казалось бы, болѣе оправдываютъ свое существованіе: содержаніе ихъ должно быть болѣе однороднымъ, затѣмъ у нихъ нѣтъ такихъ соперниковъ, какъ у университетскихъ журналовъ, такъ какъ университетскіе ученые хорошія свои работы могутъ напечатать и въ изданіяхъ академіи наукъ, и въ журналѣ «Московскаго Общества любителей естествознанія» и въ «Трудахъ Петербургскаго Общества естествоиспытателей», и въ нѣкоторыхъ другихъ спеціальныхъ журналахъ. Но здѣсь другое препятствіе: въ Россіи нѣтъ еще ученыхъ техниковъ, дѣлающихъ самостоятельныя научныя изслѣдованія. Конечно, намъ могутъ назвать нѣсколько именъ, нѣсколько работъ, но одинъ жаворонокъ весны не дѣлаетъ; въ техникѣ у насъ нѣтъ еще школы, нѣтъ традицій, нѣтъ самостоятельности, мы живемъ еще чужой фантазіей, чужой выдумкой, мы все еще ученики и даже не подмастерья. Техника можетъ жить самостоятельной жизнью, а непаразитировать на счетъ другихъ странъ, когда хоть пять на сто изъ учащихся въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ работать по призванію, а не изъ-за предстоящаго хорошаго заработка. А пока можно утверждать, что у насъ нѣтъ своей техники и нѣтъ истинныхъ ученыхъ техниковъ.

Лежащіе передъ нами книжки «Извѣстій» петербургскаго технологическаго института (1903 г., III. XV) и политехникумовъ кіевскаго (1903 г. кн. 3) и варшавскаго (1903 г., I) являются хорошей иллюстраціей высказаннаго нами выше мнѣнія. Въ трехъ книжкахъ этихъ «Извѣстій» изъ 15 статей только 2 чисто техническія, изъ нихъ одна является переводомъ съ нѣмецкаго, а другая—работой студента кіевскаго политехникума, остальныя 13 — почти все работы физиковъ, химиковъ и математиковъ.

И, вѣроятно, въ такомъ положеніи «Извѣстія» техническихъ высшихъ учебныхъ заведеній пребудутъ еще долго, пока наши молодые техники не начнутъ самостоятельныхъ научныхъ работъ, которыя и будутъ представлять, какъ диссертаціи.

Жаль, что у насъ нѣтъ подъ руками данныхъ, для точнаго разсчета общей стоимости годового изданія всѣхъ научныхъ записокъ и извѣстій, издаваемыхъ русскими учебными заведеніями, но врядъ ли мы дадимъ преувеличенную цифру, если скажемъ, что тратится на это въ годъ приблизительно 150 тысячъ рублей. Сумма солидная. По нашему мнѣнію, если нельзя ужъ удовольствоваться спеціальными журналами, издаваемыми различными обществами и академіей наукъ, и нужны непремѣнно особыя изданія высшихъ учебныхъ заведеній, то раціональнѣе было бы издавать нѣсколько журналовъ

не отдѣльно всѣмъ заведеніямъ, а вмѣстѣ, но зато журналовъ спеціальныхъ и однородныхъ, напримѣръ, одинъ журналъ математическій, другой—физико-химическій (могъ бы соединиться съ петербургскимъ), третій—по естествознанію (съ 2 отдѣлами), четвертый—по наукамъ филологическимъ, пятый—по наукамъ юридическимъ и шестой—по техникѣ. Медицина могла бы слиться съ изданіями медицинской академіи. Было бы всего 6 вмѣсто 20, но зато бо-болѣе содержательныхъ и однородныхъ. А 150 тысячъ хватило бы, да у такихъ журналовъ и подписчики нашлись бы. Мнѣ, конечно, возразятъ, что такая реорганизація потребовала бы долгихъ хлопотъ по различнымъ канцеляріямъ. Конечно, не безъ этого; но мнѣ кажется, что въ данное время канцеляріи не ставили бы ужъ такихъ препонъ въ данномъ вопросѣ, какъ еще 5—6 лѣтъ тому назадъ по вопросу объ ассоціаціи естествоиспытателей и врачей, такъ до сихъ поръ и не осуществленной. Другихъ дѣлъ теперь у канцелярій много. Труднѣе было бы самимъ спѣться...

«Извѣстія С.-Петербургскаго Политехническаго Института» раздѣляются на два отдѣла; первый озаглавленъ «Техническія отдѣленія», второй—«Экономическое отдѣленіе» *). Появленіе отдѣла, посвященнаго гуманитарнымъ наукамъ, дѣлаетъ этотъ журналъ еще менѣе однороднымъ, чѣмъ «Извѣстія» другихъ техническихъ высшихъ учебныхъ заведеній, но зато и болѣе общеинтѣреснымъ. Нововведеніемъ является здѣсь также подъ-отдѣлъ «Научная хроника, критика и библіографія». Если бы въ этомъ подъ-отдѣлѣ удалось достигнуть хотя бы приблизительной полноты, то уже одно бы это выдвинуло журналъ петербургскаго политехникума впереди другихъ и онъ нашелъ бы своего читателя и даже подписчика, но намъ кажется, что это не осуществимо для наличныхъ силъ одного учебнаго заведенія. Другое дѣло, если бы всѣ политехникумы издавалъ бы одинъ журналъ. Такой журналъ могъ бы принести большую пользу русской техникѣ, разрабатывая общіе вопросы организаціи нашего высшаго техническаго образованія, работа, до сего времени, ведущаяся въ Россіи негласно, въ различныхъ канцеляріяхъ и комиссіяхъ.

И въ «Извѣстіяхъ С. - Петербургскаго Политехническаго Института» изъ 8 статей «Техническихъ отдѣленій» собственно техникѣ посвящена одна статья (Фанъ-деръ-Флита) и одинъ обзоръ («Послѣдніе успѣхи въ области тепловыхъ двигателей», В. Малѣева), остальное—физика, химія и теоретическая механика—статьи слишкомъ спеціальныя и частныя для популярнаго изложенія. Кромѣ того, Б. Меншутнинъ помѣстилъ статью «М. В. Ломоносовъ, какъ физико-химикъ», дающую весьма интересный, частью даже не опубликованый еще матеріалъ; мы, вѣроятно, воспользуемся имъ при случаѣ, когда статья будетъ закончена въ слѣдующихъ номерахъ «Извѣстій».

Во второмъ отдѣлѣ также общеинтересная по матеріалу, также, къ сожалѣнію, еще не законченная статья А. Гусакова «Законы царя Хамураби». Плита, на которыхъ начертаны эти законы, была въ 1902 г. извлечена при раскопкѣ, акрополя Сузъ древней столицы эламитовъ; законы эти относятся къ 2250 г.

---

*) Какъ извѣстно, въ петербургскомъ политехникумѣ имѣется особое „Экономическое отдѣленіе“.

(приблизительно) до Р. Х. Переводы «Законовъ царя Хамураби» (англійскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій) появились въ 1903 и 1904 г. и г. Гусаковъ воспользовался ими для своего перевода на русскій языкъ.

Библіографіи въ этомъ отдѣлѣ посвящена только статья (конечно, только еще начало, хотя написано уже два листа) Н. И. Карѣева: «Работы русскихъ ученыхъ по исторіи русской революціи». Изъ этой статьи читатель узнаетъ, между прочимъ, что книга проф. Карѣева «Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ послѣдней четверти XVIII в.» «была принята благосклонно въ свое время и русской и французской критикой...», а «извѣстный французскій ученый Альфредъ Мори, знавшій по-русски, въ своей обширной статьѣ о моей книгѣ написалъ слѣдующее: онъ, русскій, не побоялся предпринять то, чего не сдѣлали французы; на его книгу должно смотрѣть, какъ на такую, въ которой крестьянскій вопросъ былъ подвергнутъ разсмотрѣнію съ наибольшимъ вниманіемъ и обстоятельностью... и французы могутъ узнать изъ нея очень много» *). Другой французъ, Бабо видитъ въ этой книгѣ, по словамъ проф. Карѣева, «чуть не цѣлое открытіе «сельской буржуазіи», а Каутскій въ своихъ «Классовыхъ противорѣчіяхъ въ 1879 г.» тоже ссылается только на мою книгу по вопросу о «сельскомъ пролетаріатѣ» **). Также въ этой библіографической статьѣ проф. Карѣевъ сообщаетъ: «Практическія занятія со студентами я равнымъ образомъ довольно часто посвящалъ исторіи французской революціи; при этомъ изучалась, напр., исторіографія стараго порядка, но особенно старался я развить изученіе наказовъ 1789 г., ставя иногда темы по нимъ и для медальныхъ сочиненій» ***).

Какъ видитъ читатель, весьма обстоятельная автобіографическая статья, но все же перейдемъ къ статьѣ В. Дена; она носитъ названіе «Задачи экономическаго отдѣленія С.-Петербургскаго Политехническаго Института». Такого рода статью, по нашему мнѣнію, имѣли бы большое значеніе въ журналахъ, подобныхъ «Извѣст. С.-Петерб. Полит. Инст.», поэтому я позволяю себѣ остановиться нѣсколько на выводахъ проф. Дена.

Авторъ думаетъ, что присоединеніе экономическаго отдѣленія къ техническимъ, впервые осуществленное въ петербургскомъ политехникумѣ, вполнѣ раціонально, такъ какъ техническія и экономическія науки, «выдвинутыя современнымъ хозяйственнымъ и культурнымъ развитіемъ, не приняты еще въ качествѣ самостоятельныхъ отраслей знаній въ составъ университетскаго преподаванія; кромѣ того, и тѣ и другія науки изучаютъ хозяйственную дѣятельность людей и потому, при всей своей разнородности, имѣютъ не мало точекъ соприкосновенія» и потому «въ высшей степени желательно, чтобы каждый тдхникъ по образованію былъ въ извѣстной мѣрѣ экономистомъ, а экономистъ—техникомъ».

Авторъ рисуетъ довольно обстоятельную картину того, какъ жизнь на Западѣ и въ Америкѣ создала необходимость болѣе обстоятельнаго экономическаго образованія, чѣмъ то, какое даетъ юридическій и философскій факультетъ,

---

*) l. c., стр. 63.
**) l. c., стр. 65.
***) l. c., стр. 68.

какъ появлялись такъ разныя учрежденія—курсы, особые факультеты (государственныя, коммерческія школы и т. д.), «академіи соціальныхъ и коммерческихъ наукъ» (Франкфуртъ-на-Майнѣ) и пр.

У насъ, по словамъ г. Дена, «исторія хозяйственной жизни, экономія сельскаго хозяйства, горной и обрабатывающей промышленности и торговли, рабочій вопросъ (соціальная политика), экономическая географія и хозяйственная статистика не преподаются въ университетахъ, поскольку нѣкоторыя изъ нихъ не вносятся въ составъ полицейскаго права или не читаются приватъ-доцентами въ качествѣ т.-наз. необязательныхъ курсовъ».

Слѣдовательно, позволимъ себѣ скромное замѣчаніе, не такъ ужъ трагично положеніе студентовъ, желающихъ ознакомиться съ этими предметами, разъ и въ обязательныхъ курсахъ профессора кой чѣмъ обмолвливаются, да и приватъ-доценты иногда цѣлые курсы читаютъ. А кромѣ того, вѣдь книжекъ-то, книжекъ-то сколько по этимъ вопросамъ имѣется. Вѣдь нельзя же по всякой «наукѣ» съ тремя прилагательными требовать обязательныхъ каѳедръ съ соотвѣтственнымъ преподаваніемъ.

Юридическіе факультеты, говоритъ проф. Денъ, подготовляютъ только юристовъ, но не подготовляютъ чиновниковъ для другихъ отраслей государственной службы, не даютъ и подготовки «для практической дѣятельности въ области промышленности, торговли или банковаго дѣла». Опять-таки наше скромное мнѣніе, что этихъ задачъ университетъ не можетъ и ставить; да и сомнительно, чтобы «практической дѣятельности» въ области, напр. онкольнаго счета могла бы научить какая-нибудь другая школа, кромѣ биржи и банковой конторы. Гдѣ ужъ тутъ университету браться! Но все это, по мнѣнію автора, выполняетъ экономическое отдѣленіе петербургскаго политехникума, но, «кромѣ того, надо надѣяться, что оно же будетъ готовить дѣятелей и для обширной области земскаго и городского самоуправленія... Въ особенности это важно въ настоящій тяжелый моментъ, когда особенно необходимо, чтобы всѣ прикосновенныя къ земству лица стояли на высотѣ своей задачи». Затѣмъ экономическое отдѣленіе ставитъ себѣ цѣлью «созданіе класса (?) просвѣщенныхъ предпринимателей, которые могли бы быть руководителями крупныхъ промышленныхъ, торговыхъ и кредитныхъ предпріятій», а также и подготовку преподавателей для среднихъ коммерческихъ училищъ и «дѣятелей науки и періодической печати». «Какой мезальянсъ»!—скажетъ «руководитель крупнаго кредитнаго предпріятія».

Въ виду столь разнообразныхъ цѣлей студентамъ экономическаго отдѣленія, кромѣ наукъ юридическаго факультета, читаютъ еще физику, химію, общее землевѣдѣніе, технологію и товаровѣдѣніе, экономическую географію, теорію вѣроятностей и финансовыя вычисленія, счетовѣдѣніе и экономическую политику.

Могій вмѣстити да вмѣститъ!

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Май. **1904 г.**

Содержаніе: — Беллетристика.— Исторія всеобщая и русская.—Соціологія и политическая экономія.—Философія.—Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Къ свѣту", сборникъ. — *А. Петрищевъ.* „Бернадотъ" драматическая поэма.— *Гете.* „Фаустъ".—*Беранже.* „Полное собраніе пѣсенъ".

«Къ свѣту». Научно-литературный сборникъ подъ редакціей Е. П. Лѣтковой и Ѳ. Д. Батюшкова. Изд. Комитета о-ва доставленія средствъ, Спб. Высш. Жен. Курсамъ. Съ иллюстраціями и приложеніемъ 12 снимковъ картинъ. 1904. ц. 4 р. «Къ свѣту», такимъ удачнымъ заглавіемъ своего сборника редакторы вѣрно подчеркнули то основное стремленіе, которое на протяженіи столѣтія можно ясно прослѣдить во всемъ женскомъ движеніи у насъ на родинѣ,—движеніи, завершившемся къ нашему времени если не полной побѣдой, то цѣлымъ рядомъ успѣховъ, давшихъ женщинѣ самостоятельность и силы для дальнѣйшей борьбы. Одной изъ самыхъ крупныхъ побѣдъ было учрежденіе высшаго женскаго общеобразовательнаго института, подъ именемъ высшихъ женскихъ курсовъ, отпраздновавшаго въ концѣ прошлаго года свое двадцатипятилѣтіе. Мысль—привлечь и литературу къ этому знаменательному торжеству явилась сама собой. Что, какъ не литература, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, такъ мощно содѣйствовала проведенію въ жизнь идеи высшаго, равноправнаго по объему просвѣщенія женщины? Результатомъ дружнаго отклика писателей и возникъ настоящій сборникъ, въ которомъ мы встрѣчаемъ наши лучшія силы. Къ сожалѣнію, среди нихъ мы не видимъ нѣкоторыхъ, имена которыхъ особенно было бы пріятно видѣть въ такомъ сборникѣ. Не говоря уже о цѣли его — содѣйствовать усиленію средствъ курсовъ, — сама идея и поводъ такъ высоки, что объединеніе *всѣхъ* выдающихся силъ литературы вокругъ общаго знамени послужило-бы своеобразнымъ символомъ гуманизма, составляющаго основу нашей литературы. Именно въ наши дни такое единеніе явилось бы знаменательнымъ *общественнымъ* фактомъ, когда литература часто и съ разныхъ сторонъ подвергается нападеніямъ за шатаніе и неустойчивость ея направленій, за «упадочность» и быструю смѣну настроеній, за излишнюю рѣзкость столкновеній и проч. Мы видимъ въ этомъ глубокую жизненность литературы, въ этихъ ея головокружительныхъ вихряхъ, которые то и дѣло возбуждаютъ цѣлыя бури, но, объединившись на общемъ высокомъ дѣлѣ, писатели еще разъ показали бы, что основа ихъ столь по видимому разнообразной дѣятельности—одна: борьба за правду и справедливость, стремленіе «къ свѣту» и свободѣ.

Но и то, что удалось редакторамъ сборника, Е. П. Лѣтковой и Ѳ. Батюшкову, соединить въ немъ, достаточно, чтобы признать сборникъ несомнѣнно выдающимся литературнымъ событіемъ. Изданіе сборниковъ вообще намъ пред-

ставляется неудачной формой литературныхъ предпріятій. Обыкновенно въ нихъ не достаетъ главнаго—вдохновляющей идеи, центра, связующаго разнообразное нерѣдко весьма неравноцѣнное содержаніе. Получаются альманахи стараго времени, въ которыхъ понапихана всякая всячина, а если такой альманахъ благотворительный, то и всякая всячина по большей части нелитературная, не принятая въ другихъ мѣстахъ, съ болѣе строгимъ разборомъ. Еще хуже, если такой сборникъ чисто предпринимательскаго типа. Тутъ ужъ не объ идейности можетъ быть рѣчь, а просто о болѣе или менѣе ловкомъ походѣ на читательскій карманъ. Въ литературѣ до сихъ поръ мы могли отмѣтить два прекрасно составленныхъ сборника — именно одинъ, вышедшій во время голода 92 г. и разошедшійся съ небывалой быстротой въ 6000 экземпляровъ, несмотря на сравнительно высокую цѣну, и другой — въ помощь голодающимъ евреямъ въ 98—99 г., потребовавшій даже второго изданія въ прошломъ году, явленіе для сборниковъ не бывалое. Новый сборникъ «Къ свѣту» можно поставить смѣло наряду съ указанными, какъ по составу, такъ и по выдержанности *общаго* направленія. Отмѣчая послѣднее, дѣлаемъ это съ особымъ натискомъ, такъ какъ это даетъ всему сборнику характеръ не случайнаго по матеріалу альманаха, а выдержаннаго литературнаго изданія со строго опредѣленной задачей.

Въ беллетристикѣ «Сборника», удачно подобранной и умѣло распредѣленной среди серьезныхъ, научныхъ и публицистическихъ, статей, уже сказывается этотъ общій тонъ всего сборника. Въ разсказѣ г. Боборыкина, нашего маститаго художника, проявляющаго попрежнему юношескую живость и отзывчивость, «Ожерелье» дана яркая картина изъ жизни прислуги, этой паріи современнаго строя; случай несправедливаго обвиненія дѣвушки-горничной въ кражѣ, сознательно брошеннаго господами, чтобы прикрыть, ради сохраненія приличія, темныя стороны своей личной жизни, подъ перомъ художника превращается въ тяжкое обвиненіе противъ общества за безправное положеніе прислуги, въ особенности женской. Вл. Короленко даетъ въ превосходномъ разсказѣ «Феодалы» одинъ изъ своихъ чудныхъ очерковъ сибирской жизни, сдѣлавшихъ намъ эту жизнь родной и близкой, не смотря на ея оригинальности и чуждый колоритъ природы. Предъ нами въ яркомъ изображеніи развертывается уголокъ сибирской администраціи, гдѣ какой-нибудь земскій засѣдатель или исправникъ чувствуетъ себя настоящимъ «феодаломъ», карающимъ и милующимъ, создающимъ и разрушающимъ, обладая такой властью, для которой не существуетъ никакого почти ограниченія. Въ небольшомъ, но изящно и вдумчиво написанномъ очеркѣ г. Куприна «Вечерній гость» прекрасно схвачено то мимолетное и въ то же время глубоко западающее въ душу настроеніе тревоги, какое подчасъ охватываетъ васъ внезапно при самомъ обыденномъ случаѣ и заставляетъ задуматься надъ глубочайшими вопросами жизни. Г. Юшкевичъ взялъ въ своей «Гувернанткѣ» самую трагическую черту въ жизни женщины, вынужденной жить сѣрой будничной жизнью подневольнаго труда,—ея одиночество и страстную потребность любви, красоты, хотя бы на одно мгновеніе, которое скрасило бы ея безрадостное существованіе. Въ разсказахъ и очеркахъ гг. Лугового, Л. Гуревичъ, О. Шапиръ, М. Крестовской, Ераковой-Даниловой, въ стихахъ П. Вейнберга, М. Ватсонъ, А. Ѳедорова, К. Бальмонта, А. Г. Галиной, С. Маковскаго, О. Чюминой, П. Я. (Мельшина)—вездѣ чувствуется нота боли за человѣка и призывъ къ борьбѣ за «слабыхъ и несчастныхъ, за страстно, долго жданный свѣтъ», какъ говоритъ въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи г. П. Я. (стр. 79).

Какъ и можно ожидать, въ научныхъ и публицистическихъ статьяхъ большое мѣсто отведено женскому вопросу, его историческому освѣщенію и современному положенію. Проф. Бузескулъ изобразилъ положеніе женщины въ антич-

ную эпоху въ статьѣ «Женскій вопросъ въ древней Греціи». Г-жа Балобанова дала интересный эпизодъ изъ исторіи литературы Франціи—«Маркиза де Рамбулье и ея время». Г-жа Русова—этюдъ о «Малорусской женщинѣ въ XVI и XVII в.», г-жа Шабанова о піонеркахъ женскаго медицинскаго образованія въ Россіи, проф. Левинсонъ-Лесксингъ «О главнѣйшихъ факторахъ женскаго движенія», проф. Ростовцевъ «О результатахъ высшаго женскаго образованія въ Италіи», П. Щегловъ помѣстилъ оригинальный очеркъ, на основаніи новѣйшихъ данныхъ, «О *Русскихъ женщинахъ* Некрасова въ связи съ вопросомъ о юридическихъ правахъ женъ декабристовъ», украшенный портретами этихъ знаменитыхъ дѣятельницъ въ исторіи подвижничества русской женщины. Особое вниманіе привлекаетъ прекрасная статья Е. Лозинскаго «О настоящемъ и будущемъ женскаго движенія, въ связи съ проблемой цѣломудрія и задачами материнства», какъ новизной и свѣжестью взглядовъ, такъ и важностью затронутыхъ вопросовъ, вмѣстѣ съ блестящимъ изложеніемъ. Посмертная статья Н. К. Михайловскаго «Драмы Ренана» составляетъ лучшее украшеніе серьезной части «Сборника». Далѣе, статьи: А. Н. Бекетова «Наука и нравственность», «Метерлинкъ и Гл. Успенскій о справедливости» Ѳ. Батюшкова, «Томасъ Карлейль» Е. Тарле, «Объ И. С. Тургеневѣ (изъ воспоминаній курсистки)» Ек. Лѣтковой, «Памяти Потаниной» С. Ольденбургъ, «Сельма Легерлефъ» г-жи О. Петерсонъ, «Объ «Орасѣ» Жоржъ Зандъ» В. Каренина, «Памяти Ераковой-Даниловой» А. Ѳ. Кони—касаются разнообразныхъ историческихъ, литературныхъ и философскихъ темъ.

Оригинальнымъ дополненіемъ къ «Сборнику» служатъ 12 снимковъ съ картинъ Рѣпина, Сурикова, Клодта, Ярошенко, Матвѣева, Полѣновой, Маковскаго, изображающихъ различные моменты въ исторіи женскаго движенія въ Россіи и жизни нашей учащейся молодежи. Редакція, очевидно, хотѣла представить, какъ отразилось въ живописи женское движеніе, и собрала всѣ болѣе или менѣе извѣстныя картины, на которыхъ можно прослѣдить эту идею. Такова «Курсистка» Ярошенки, «Въ теплыхъ краяхъ» его же, «Урокъ анатоміи» Полѣновой, «Въ препоровочной» Рѣпина, «Вечеринка» Маковскаго, «Какой просторъ» Рѣпина, «Не ждали» его же—этюдъ съ женской фигурой, «Сельскія учительницы» Морозова, «Больная сестра милосердія» Клодта и двѣ знаменитыхъ историческихъ картины—«Царевна Софія» Рѣпина и «Боярыня Морозова» Сурикова. Какъ выборъ картинъ, такъ и исполненіе вполнѣ удачны. Таково въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ содержаніе этого сборника, представляющаго большой томъ, въ 540 стр., большого формата. Думаемъ, что цѣна 4 р. не покажется слишкомъ большой, тѣмъ болѣе, что весь доходъ предназначенъ на усиленіе средствъ высшихъ женскихъ курсовъ. *А. Б.*

А. Петрищевъ. Бернадотъ, драматическая поэма. Изданіе «Оріонъ». Спб. 1904 г. Ц. 60 к. Въ погребѣ средневѣковаго монастыря бражничаютъ нѣсколько монаховъ. Съ ними двѣ женщины легкаго поведенія. Среди пьяныхъ рѣчей подгулявшей братіи раздается недовольный голосъ одного изъ пирующихъ, Григорія, который находитъ, что они только дѣлаютъ видъ, что веселятся, а на самомъ дѣлѣ «не радостью теперь мы дышемъ. Вашъ смѣхъ—подлый смѣхъ!» Другой сотрапезникъ, Петръ, предлагаетъ нѣсколько облагородить ихъ пьянство, внести «цвѣты» въ огородъ, гдѣ въ изобиліи растетъ капуста, лукъ, рѣпа и т. д., но нѣтъ розъ и ландышей,—игрой въ королевы: одну изъ присутствующихъ дамъ избираютъ королевой, которая въ свою очередь должна пригласить избранника. Это же дастъ поводъ къ соревнованію въ остроуміи, изяществѣ, благородной сдержанности. Но изъ затѣи ничего не выходитъ. Рѣчь заходитъ о строгомъ настоятелѣ общины, Игнатіѣ, и объ одномъ чудакѣ-молчальникѣ, который въ теченіе восьми лѣтъ выдержалъ испытаніе, и теперь заговорилъ, но по новому, всѣхъ смущая и озадачивая. Это и есть Бернадотъ. Въ концѣ

дѣйствія онъ появляется среди пирующихъ, но не съ тѣмъ, чтобы уличать ихъ: онъ пьетъ съ ними вино и ѣстъ скоромное; любезенъ съ женщинами, но, подводя Григорія къ двери, указываетъ на залитый утреннимъ солнцемъ ландшафтъ: жить открыто, при дневномъ свѣтѣ, не боясь людей и слѣдуя голосу природной правды,—это, по образному выраженію Бернадота, все равно что носить королевскую мантію, а прятаться въ подвалѣ для грубой оргіи—холщевая рубаха. При этомъ заявленіи Бернадота—всѣ смущенно молчатъ и падаетъ занавѣсъ.

Бернадотъ, очевидно, типъ реформатора и время дѣйствія пріурочено авторомъ къ эпохѣ реформаціи, въ одномъ изъ монастырей южной Германіи. Настоятель Игнатій—представитель «стараго режима». Онъ по существу пессимистъ, не вѣритъ ни добру, ни правдѣ, признаетъ только дисциплину, съ допущеніемъ тайныхъ отступленій отъ нея, которыя только крѣпче сковываютъ человѣка, дѣлая его еще больше рабомъ. Игнатій замѣчаетъ, что Бернадотъ своимъ открытымъ образомъ дѣйствія и проповѣдью правды подрываетъ его авторитетъ. Между ними завязывается борьба. Оба говорятъ притчами, стараясь сперва переубѣдить другъ друга аргументами, но Игнатій вскорѣ перемѣняетъ тактику и хитростью одолѣваетъ Бернадота. Послѣдній подвергается ряду искушеній; заключительнымъ изъ нихъ является соблазнъ женщиной. Но нанятая соблазнить Бернадота—Клара—сама подчиняется его обаянію и готова преклониться передъ нимъ. Игнатій ихъ накрываетъ во время ихъ бесѣды и предаетъ позорному поруганію. Наконецъ, обоихъ ихъ связанными бросаютъ въ темницу. Клара совсѣмъ измучена и обезсилена, но Бернадотъ поддерживаетъ въ ней бодрость и готовъ открыто назвать своей женой эту «продажную женщину», которая пострадала ради него. Игнатій прибѣгаетъ къ послѣднему и нѣсколько неожиданному средству парализовать вліяніе Бернадота: онъ даетъ ему выпить какого-то напитка, отъ котораго Бернадотъ лишается навсегда рѣчи и можетъ выговаривать лишь звукъ «па»... Затѣмъ нѣмой и обезвреженный Бернадотъ и Клара выпущены на волю; когда они открываютъ дверь темницы, свѣтитъ солнце, и Клара толкуетъ односложный возгласъ Бернадота: «слышишь старикъ! Бернадотъ сказалъ: оно *по*-бѣдитъ! Помни это: оно побѣдитъ!..» (чит. *па*-бѣдитъ). Такимъ образомъ, авторъ придалъ явно символическое значеніе своему произведенію, которое должно служить иллюстраціей идеи борьбы свободолюбивыхъ и свѣтлыхъ стремленій человѣка съ царствомъ тьмы и косностью средневѣковыхъ традицій. Идея, безспорно, очень благородная и возвышенная, но способы выраженія у автора нѣсколько рудиментарны. Не идея вытекаетъ изъ образовъ, а послѣдніе къ ней пригнаны. Красиво передана легенда, которую разсказываетъ Игнатій, съ афоризмами: «Кто хочетъ забыть, пусть скажетъ, что прошедшее умерло. Кто хочетъ надѣяться, пусть думаетъ, что его ждетъ новое. Въ словѣ чудная власть». Но возраженія Бернадота, къ сожалѣнію, не переданы съ достаточной опредѣленностью и когда Игнатій спрашиваетъ—на чемъ же онъ думаетъ основать новый порядокъ?—отвѣтъ Бернадота: «на голосѣ правды»—по своей общности вызываетъ справедливое замѣчаніе Игнатія: «и опять я слышу слово, но не мысль». Правда, свѣтъ, солнце—это слишкомъ общія выраженія даже для реформатора XV или XVI вѣка. Игнатій побѣждаетъ чудомъ, которое слишкомъ искусственно придумано авторомъ и ставитъ Бернадота въ рискованное положеніе, граничащее съ комизмомъ. Въ средніе вѣка отрѣзывали языки у еретиковъ: это грубѣе, но правдоподобнѣе. Одно намѣреніе придать образамъ символическое значеніе недостаточно, чтобы создать художественное произведеніе, такъ какъ правильно понятый символизмъ есть лишь возможность расширеннаго толкованія реально правдивыхъ образовъ и положеній. Пока въ произведеніи автора, котораго имя намъ еще не встрѣчалось, можно отмѣтить, кромѣ симпатичной общей идеи, лишь нѣсколько удачныхъ сценъ.

О. Бат—овъ.

Вольфгангъ Гете. Фаустъ. Трагедія. Переводъ въ прозѣ Петра Вейнберга, съ примѣчаніями переводчика. Цѣна 2 р. Спб. 1904 г. Изданіе товарищества «Знаніе». Во всемірной литературѣ есть произведенія, переводъ которыхъ на чужой языкъ представляетъ по истинѣ литературный подвигъ: такъ трудна задача, которую беретъ на себя переводчикъ, такъ безконечно разнообразны и подчасъ почти непреодолимы трудности, съ которыми ему приходится бороться. Рѣдкій читатель, наслаждаясь гладкими стихами и свободно льющейся рѣчью удачнаго перевода, отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, какая имъ предшествовала упорная борьба не только со словомъ и риѳмой, но и съ *мыслью* автора. Именно съ мыслью, которая часто извивается передъ вами какъ змѣя, мѣняетъ окраску и тонъ, смотря по тому, въ какомъ настроеніи вы сами къ ней подойдете. Придать переводу такую же гибкость и многообразіе возможныхъ оттѣнковъ—задача очень и очень трудная, почти невыполнимая. Въ большинствѣ случаевъ переводъ фиксируетъ мысль въ извѣстномъ направленіи, и вмѣсто живого лица передъ вами болѣе или менѣе удачная фотографія, перенесшая на бумагу лишь одинъ моментъ изъ цѣлаго ряда возможныхъ выраженій.

Изъ сознанія этихъ трудностей долженъ исходить и критикъ, приступая къ оцѣнкѣ переводной работы, иначе онъ рискуетъ не только не воздать должнаго умѣнью переводчика, но и ошибиться по существу дѣла. Какъ часто бываетъ, что удачная фотографія кажется неудачной человѣку, не близко знакомому съ оригиналомъ! Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, здѣсь—la critique est aisée, mais l'art est difficile.

Пишущему эти строки часто приходилось и самому переводить, и оцѣнивать чужіе переводы, и долгій опытъ научилъ его относиться съ должной осторожностью и уваженіемъ къ трудной и подчасъ болѣе чѣмъ неблагодарной работѣ переводчика. А гдѣ дѣло касается такого произведенія, какъ «Фаустъ», тамъ осторожность особенно необходима.

Дѣйствительно, едва ли найдется во всемірной литературѣ произведеніе, представляющее переводу больше трудностей, чѣмъ именно «Фаустъ». Онъ несомнѣнно гораздо труднѣе, чѣмъ даже божественная комедія Данте, съ которою его сравниваетъ нашъ переводчикъ въ своемъ предисловіи. Тамъ настроеніе болѣе ровное (особенно въ «Чистилищѣ» и «Раѣ»), міросозерцаніе поэта цѣльнѣе, пріемы проще, поэтическій оркестръ, если можно такъ выразиться, бѣднѣе. А здѣсь—какое неисчерпаемое богатство звуковъ, какая безконечная скала настроеній, какіе сложные полные аккорды! Въ «Фаустѣ» слились поэтическія грезы Гёте-юноши съ эстетическими тенденціями возмужалаго поэта и съ глубокой философіей старика-олимпійца. Вотъ почему переводъ «Фауста», исполненный однимъ лицомъ, всегда будетъ напоминать переложеніе сложной оркестровой вещи на фортепіано: основные мотивы оно, конечно, передастъ; передастъ и важнѣйшіе переходы и сочетанія, но...

И въ этомъ «но» заключается весь трагизмъ положенія. Чтобы передать «Фауста» вполнѣ, переводчикъ долженъ бы имѣть въ своемъ распоряженіи такой же богатый оркестръ, какъ самъ поэтъ. А кто изъ современныхъ поэтовъ, хотя бы самыхъ талантливыхъ и искусныхъ, посмѣетъ сравнить себя съ Гёте?

И тѣмъ не менѣе именно «Фаустъ» привлекалъ и, конечно, будетъ привлекать и впредь нашихъ переводчиковъ, наиболѣе серьезно относящихся къ дѣлу. Ихъ и теперь уже не мало, и къ ихъ числу примкнулъ въ этомъ году и такой опытный переводчикъ, какъ П. И. Вейнбергъ.

Онъ понялъ свою задачу нѣсколько своеобразно, давъ намъ *прозаическій* переводъ «Фауста». Удачна ли эта мысль—вопросъ, о которомъ можно спорить. Впрочемъ, и самъ переводчикъ, конечно, не полагалъ, что ему удастся пере-

дать прозой не только теченіе мысли и ставку образовъ, но и всю художественную красоту великаго подлинника. Съ другой стороны, онъ безусловно правъ, говоря (стр. 2), что и лучшіе стихотворные переводы не вполнѣ удовлетворяютъ читателя, такъ какъ они слишкомъ часто прибѣгаютъ къ «своимъ словамъ», «выпуская самыя существенныя и характерическія подробности, скорѣе сочиняя, чѣмъ переводя».

Если «Фауста» нельзя дать въ переводѣ, исчерпывающемъ какъ мысль, такъ и художественную форму оригинала, то приходится жертвовать либо тѣмъ, либо другимъ. П. И. Вейнбергъ очень рѣшительно становится на сторону *точности* перевода: онъ иногда «жертвуетъ поэтичностью» языка, ради «строжайшей вѣрности съ подлинникомъ», хотя онъ всѣми силами стремился совмѣстить то и другое. Главная его цѣль—«сохраненіе строжайшей близости къ буквѣ великаго подлинника».

При охарактеризованныхъ выше особенностяхъ «Фауста», это также весьма трудная задача. Исполнивъ ее, П. И. Вейнбергъ выполнилъ великій трудъ, за который читатели не могутъ не быть ему благодарны. Русскій читатель, который, не зная нѣмецкаго языка, пожелалъ бы познакомиться съ величайшимъ произведеніемъ нѣмецкой литературы, пусть примется прежде всего за переводъ Вейнберга: онъ найдетъ въ немъ надежнаго путеводителя по лабиринтамъ гётевской мысли. Но пусть онъ рядомъ съ этимъ возьметъ и переводъ г. Холодковскаго (который, на мой взглядъ, наиболѣе удаченъ изъ всѣхъ стихотворныхъ переводовъ «Фауста»): онъ необходимъ, какъ дополненіе къ первому, такъ какъ дастъ ему хотя отдаленное представленіе о красотѣ и безконечномъ разнообразіи формъ гётевскаго стиха, такъ дивно прилаживающагося къ смѣнѣ настроеній и мыслей. Дѣло въ томъ, что, какъ бы мы ни дорожили точностью передачи мысли и поэтическаго образа, переводъ г. Вейнберга насъ все же не удовлетворитъ вполнѣ, вслѣдствіе своей односторонности и того разлада, который чувствуется между содержаніемъ и формой; притомъ онъ иногда читается съ *трудомъ*, производя впечатлѣніе *тяжелой* прозы. Нашъ переводчикъ несомнѣнно иногда ударяется въ крайности въ погонѣ за буквальной передачей оригинала. Возьмите хотя бы первыя слова Фауста въ первомъ его монологѣ. Вейнбергъ переводитъ: «Ну, вотъ и изучилъ я, увы, философію, юриспруденцію и медицину, къ сожалѣнію и богословіе, изучилъ съ тяжелымъ трудомъ до самаго корня—и остался, жалкій глупецъ! такимъ же умнымъ, какимъ былъ прежде». Кому изъ читателей, знающихъ оригиналъ, не зазвенятъ въ ушахъ легкіе, словно окрыленные стихи Гёте: «Habe nun, ach, Philosophie, Juristerei und Medicin und leider auch Theologie durchaus studiert mit heissem Bemühn! Da steh ich nun, ich armer Thor, und bin so klug, als wie zovor»...

Иногда нѣкоторая *тяжеловатость* языка объясняется, на мой взглядъ, особенностью самого переводчика; онъ такъ привыкъ къ ритму и риѳмѣ, что проза дается ему съ трудомъ. Когда я вчитывался въ его переводъ, мнѣ иногда казалось, что онъ выбираетъ то или иное слово просто во избѣжаніе ритма и даже риѳмы, не желая вносить пестроты въ свою рѣчь: онъ борется со словомъ не въ угоду стиху, а какъ бы въ защиту отъ него, стараясь отстранить его, когда онъ навязывался ему самъ собой. Лишь въ мѣстахъ съ наибольшимъ лирическимъ подъемомъ и во всѣхъ пѣсняхъ онъ даетъ въ этомъ отношеніи волю своему перу и эти мѣста въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно, ему удаются. Отмѣтимъ, напр., пѣсню крестьянъ (стр. 33), пѣсню студентовъ (стр. 67), Мефистофиля (стр. 71 и 134), сцену Гретхенъ за прялкой (стр. 123), хотя здѣсь не совсѣмъ понятно, почему переводчикъ въ 6-ой и 7-ой строфахъ внезапно переходитъ отъ анапеста къ хорею, болѣе близкому къ оригиналу, но рѣзко прерывающему музыкальный тактъ сцены. Хорошо удалась и молитва Гретхенъ

(стр. 131), несмотря на то, что она лишь отчасти передана ритмической прозой. Менѣе удачной нахожу я пѣсню Гретхенъ о королѣ въ Тулэ на стр. 94: переводчикъ замѣнилъ здѣсь простую грацію ямбической пѣсни въ народномъ тонѣ болѣе вычурнымъ анапестомъ, въ ущербъ общему настроенію прелестной сценки.

Зато, напр., положительно превосходно переданы послѣднія двѣ сцены второй части. Въ первой изъ нихъ (стр. 422) пошлая грубая проза Мефистофеля чередуется съ плавнымъ ритмомъ хора ангеловъ; во второй (стр. 427) ритмическая проза перевода разгорается до высокаго художественнаго паѳоса, невольно подчиняющаго и увлекающаго читателя. По моему, это chef d'oevrre переводнаго искусства, и весьма характерно, что именно здѣсь, въ труднѣйшихъ сценахъ всей трагедіи, искусство нашего маститаго переводчика сказалось особенно ярко.

Вообще, вторая часть трагедіи удалась г. Вейнбергу болѣе, чѣмъ первая и это дѣлаетъ ему честь.

Отмѣтивъ достоинство перевода, мы не можемъ не указать и нѣкоторыхъ его недочетовъ, предлагая нижеслѣдующія поправки: онѣ вызваны желаніемъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, усовершенствованію его работы, при второмъ изданіи перевода, появленіе котораго весьма желательно. Не успѣвъ проштудировать весь трудъ г. Вейнбергъ съ одинаковымъ вниманіемъ, я хотѣлъ бы указать лишь на нѣкоторыя замѣченныя мною несомнѣнныя недоразумѣнія въ передачѣ нѣмецкаго оригинала.

Въ концѣ второй строфы «посвященія» (стр. 3) г. Вейнбергъ переводитъ: «сѣтованіе... называетъ мнѣ тѣхъ добрыхъ, которыхъ въ болѣе прекрасные часы обмануло счастье, и далеко отъ меня унесла судьба». Это и неясно само по себѣ, и невѣрно. Въ оригиналѣ читаемъ: «...und nennt die Guten, die, um schöne Stunden vom Glück getäuscht, vor mir hinweg geschwunden», т.-е. «...называетъ мнѣ тѣхъ добрыхъ, которые, обманутые судьбою, исчезли раньше меня, не испытавъ того счастья, на которое они имѣли право расчитывать».

На стр. 25 въ монологѣ Фауста: «Du alt Geräthe das ich nicht gebraucht, du stehst nur hier, weil dich mein Vater brauchte». Г-нъ Вейнбергъ: «ты старый *сосудъ*, которымъ я никогда не пользовался, ты стоишь вѣдь здѣсь только потому, что тебя употреблялъ въ дѣло мой отецъ». Выраженіе «сосудъ» не точно и наводитъ на совершенно невѣрныя мысли. Geräthe—вообще всякаго рода приборы и инструменты: рѣчь идетъ о тѣхъ физическихъ приборахъ, которыми наполненъ рабочій кабинетъ Фауста. Въ томъ же монологѣ очень неудачно употреблены слова «стклянночка», «стклянка» (вм. фіалъ), не подходящія къ торжественности самого монолога.

Стр. 29 одинъ изъ ремесленниковъ приглашаетъ товарищей въ Бургдорфъ: тамъ найдутъ они дѣвушекъ и пиво и «*штучки* первосортныя». Въ оригиналѣ «Händel von der ersten Sorte», т.-е. случай подраться (Händel—ссора, драка): настоящій праздникъ всегда кончается дракой послѣ попойки.

Стр. 31 нищій поетъ: «lasst hier mich nicht vergebens leiern; «не дайте мнѣ задаромъ на лирѣ играть», переводитъ Вейнбергъ. Лиры, конечно, тутъ нѣтъ, да и быть не можетъ: поэтъ имѣетъ въ виду либо шарманку (Orgelleier), либо leiern въ значеніи «тянутъ скучную избитую пѣсню».

Стр. 58: ученикъ говоритъ Мефистофелю: «возьмите меня къ себѣ». Въ оригиналѣ: «nehmt euch meiner an!», т.-е. отнеситесь ко мнѣ благосклонно, съ интересомъ займитесь мною.

Стр. 76: слова Зибеля: «Was Herr! Er will sich unterstehn»... Вейнбергъ: «Каковъ господинъ! Смѣетъ намъ показывать»... вмѣсто: «Это что, сударь! какъ вы смѣете»... «Er» здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ этой сцены, грубая форма обращенія ко второму лицу.

Стр. 89: Мефистофель говоритъ о Гретхенъ, что она шла домой съ исповѣди, отъ своего священника (или вѣрнѣе—попа Pfaffen). Переводъ Вейнберга «отъ своего пастора» неточенъ; рѣчь идетъ конечно о католическомъ патерѣ.

Стр. 93. Гретхенъ цѣловала «увядшую руку дѣда въ своей бладарности Святому Христу»—выраженіе непонятное. Der heilge Christ относится къ елкѣ: «въ благодарность за полученные ею на Рождествѣ подарки».

Впрочемъ, все это мелочи по сравненію съ многочисленными въ высшей степени мѣткими и искусными выраженіями переводчика, очень часто не только передающими, но и поясняющими оригиналъ. Нашъ переводчикъ глубокій знатокъ «Фауста», и это знаніе даетъ ему возможность оттѣнять нѣкоторые образы и выраженія, характеризующія то или иное лицо удачными оборотами, дополняющими и, повторяю, поясняющими оригиналъ.

Вся книга заканчивается «примѣчаніями», обнимающими всего 32 страницы. Конечно, этого мало; самъ авторъ очевидно не имѣлъ въ виду дать сколько-нибудь исчерпывающій комментарій къ «Фаусту». Примѣчанія носятъ болѣе или менѣе случайный характеръ. Кое-что объяснено, что въ объясненіи не нуждалось; съ другой стороны многія дѣйствительно трудныя и спорныя мѣста остались безъ объясненія. Будемъ надѣяться, что П. И. Вейнбергъ дастъ намъ во второмъ изданіи полный коментарій и—вводную статью о «Фаустѣ». Никто не призванъ къ этой задачѣ въ большей степени, чѣмъ онъ.

Проф. *Ѳ. Браунъ.*

Полное собраніе пѣсенъ Беранже въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Подъ ред. С. С. Трубачева. Т. I. (Безплатное приложеніе къ журналу «Вѣстникъ Иностр. Литературы» за 1904 г.). Едва ли не самый яркій примѣръ общественной роли поэзіи въ минувшемъ столѣтіи даетъ Пьеръ-Жанъ Беранже, пѣсни котораго заучивались и повторялись всѣми не только во Франціи первой половины вѣка, но проникали и далеко за предѣлы родины пѣвца. Значеніе и громадная популярность Беранже, этого «только пѣсенника»—какъ онъ называлъ себя—обусловливались не особыми красотами его стиха, не размахомъ фантазіи, не величавымъ полетомъ мысли, а безграничной любовью поэта къ отечеству, выражающейся въ неустанномъ стремленіи къ благу народа. «Le peuple—c'est ma muse», говорилъ Беранже. Онъ зналъ, понималъ свой народъ, зналъ его нужды, слабости и достоинства. Его пѣсня—то гимнъ жизни, веселью, забвенью невзгодъ, то сатира на пошлость, ханжество и эгоизмъ правящихъ классовъ, то мѣткій политическій памфлетъ, его пѣсня всегда будитъ въ современникахъ чувства, мысль, отзывается на общественно-политическія злобы дня, объединяетъ, воодушевляетъ народъ и демократически настроенную часть интеллигенціи,—поэтому она всюду проникаетъ—въ убогую хижину, жалкую мансарду и королевскій дворецъ; вездѣ ее заучиваютъ, одни восторгаются ею, другіе боятся ея. Пѣвецъ—плебей по происхожденію, почти всю жизнь терпящій нужду, послѣдовательно—гарсонъ въ кабачкѣ своей тетки, наборщикъ типографіи, конторщикъ банкирскаго дома, библіотекарь, служащій въ министерствѣ, не получившій почти никакого образованія, но по природѣ богато одаренный, вдумчивый, остроумный, пѣвецъ дѣлается предметомъ заискиванія высшихъ міра сего: они хотятъ пріобрѣсти въ немъ партизана, застраховать себя отъ его ѣдкихъ эпиграммъ и памфлетовъ. Напрасно. Когда легитимисты, въ концѣ первой имперіи, обѣщаютъ ему награду, если онъ будетъ воспѣвать Бурбоновъ, Беранже отвѣчаетъ: «Пусть они, вмѣсто славы, дадутъ намъ свободу, сдѣлаютъ Францію счастливой, тогда я буду даромъ прославлять ихъ». Когда король Филиппъ Орлеанскій, такъ много обязанный Беранже своимъ высокимъ положеніемъ, желаетъ видѣть пѣвца въ своемъ дворцѣ, тотъ уклоняется отъ этой чести, потому что «вѣроятно, король и пѣсѣнникъ не сговорились бы, какъ бы благосклоненъ ни былъ одинъ, сколько

бы вѣжливости ни выказывалъ другой». Для Беранже «искусство освящается той пользой, которую оно приноситъ народу». Даже пѣсни своей юности, зачастую слишкомъ фривольныя—за нихъ доставалось ему много отъ критики,—но рисующія нравы того времени, онъ разсматриваетъ, какъ чрезвычайно хорошее подспорье для другихъ пѣсенъ, гдѣ развиваются идеи болѣе серьезныя и важныя: «безъ этой легкой и фривольной веселости и серьезныя пѣсни не пошли бы такъ далеко, не спустились бы такъ близко къ народу, и даже не поднялись бы такъ высоко»—во дворцы и салоны. Въ своей автобіографіи Беранже дѣлаетъ любопытное замѣчаніе, говоря о своихъ самыхъ легкомысленныхъ пѣсняхъ: «Онѣ были написаны во времена имперіи. Замѣчательно, что подобныя произведенія обыкновенно родятся въ эпохи деспотизма. Духъ до такой степени нуждается въ свободѣ, что, лишенный ея, переходитъ за границу, охраняемую меньше всѣхъ другихъ, и стремится къ независимости, рискуя зайти слишкомъ далеко въ своемъ порывѣ. Ловкія правительства умѣютъ ладить съ этимъ явленіемъ: правительство Венеціи покровительствовало куртизанкамъ». Въ разсматриваемомъ нами томѣ произведеній Беранже преобладаютъ пѣсни, проникнутыя весельемъ и порядочной дозой фривольности. Однако, и въ нихъ нерѣдко вкраплены прелестные куплеты съ общественнымъ содержаніемъ.

Въ этомъ же томѣ находимъ нѣсколько политическихъ сатиръ: «Сенаторъ» и «Король Ивето», въ которыхъ выразилось оппозиціонное настроеніе Беранже въ концѣ имперіи,—за нихъ пѣвецъ получилъ первое предостереженіе; «Галлы и Франки»—высоко патріотическій, горячій призывъ къ Франціи 1814 г., чьей судьбой распоряжались чуждыя правительства, призывъ сомкнуть ряды и смѣлѣй идти «впередъ—за идеалъ великаго народа», бороться за свободу, потому что «не страшенъ мракъ вражды, гдѣ царствуетъ свобода».

Когда Наполеонъ превратился въ изгнанника, льстивая и трусливая знать, ликуя, старалась попасть въ королевскій дворецъ, куда ей не было доступа во времена имперіи,—этотъ фактъ даетъ Беранже поводъ написать злую сатиру «Просьба знатныхъ собакъ»,—въ ней высокородныя собачки обращаются съ мольбой—«собачью знать безъ привязи въ садъ Тюльери пускать», да хоть кусочекъ сахару давать,—и за это обѣщаютъ многое:

Даемъ—за эти милости—
Обѣтъ, безъ лишнихъ словъ,
Визжать предъ власть имущими
И рвать всѣхъ бѣдняковъ!
Тирана свергли... Палъ онъ самъ...
Такъ порѣзвиться дайте-жъ намъ!

Вообще пореводы первой и второй реставраціи даютъ богатѣйшій матеріалъ для сатирической музы поэта,—его пѣсня пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе соціально-политическій характеръ, становится силой, съ которой приходится считаться. Въ I-й томъ не вошли тѣ пѣсни, за которыя Беранже пришлось сидѣть два раза въ тюрьмѣ (въ 1821 и 1828—1229 гг.), напр., «Принцъ Наварскій», «Бѣлая кокарда», «Коронація Карла X», и осмѣивающія духовенство—«Капуцины», «Ключи отъ рая» и др. Но сюда вошла красивая и содержательная вещь—«Смѣхъ» (въ вольномъ переводѣ «Иванъ-да-Марьи»), написанная въ 1819 г., подъ впечатлѣніемъ разгула реакціи.

Большинство пѣсенъ, вошедшихъ въ I-й томъ, переведены А. А. Коринфскимъ. Нельзя сказать, чтобы ему всегда удавалось передать легкость стиха Беранже, напр., въ пѣснѣ «Мои волосы» припѣвъ совсѣмъ неуклюжъ. Большой интересъ этой книгѣ придаетъ автобіографія Беранже—безпристрастный разсказъ человѣка, наблюдательнаго и преисполненнаго любви къ отчизнѣ и независимости. Откуда демократизмъ воззрѣній поэта, когда залегло зерно его безграничной любви къ народу? Автобіографія даетъ на этотъ вопросъ опредѣленный отвѣтъ. Девятилѣтній внукъ портного, стоящій близко къ жизни общественныхъ низовъ, съ волненіемъ наблюдаетъ, взобравшись на крышу дома въ

Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, взятіе Бастиліи; позднѣе въ его сердцѣ и умѣ оставляетъ неизгладимый слѣдъ борьба республики съ коалиціей державъ; онъ помнитъ сильное и радостное біеніе своего юнаго сердца, когда пушка возвѣстила, что французы снова взяли Тулонъ; дальше—воспитаніе подъ руководствомъ одного изъ умныхъ и горячихъ партизановъ революціи; вліяніе тетки, демократически настроенной, все это заложило прочный фундаментъ для политическаго развитія Беранже, и довольно близкое общеніе съ роялистами не поколебало основныхъ взглядовъ поэта. На глазахъ Беранже падали правительства, являлись новые руководители Франціи, разыгрывалась борьба самолюбій и честолюбій,—а скромный, чуждый тѣни тщеславія, всегда независимый «пѣсенникъ» все пѣлъ и пѣлъ свои сатирическія пѣсни, нанося удары однимъ, придавая энергію другимъ. Его не привлекали высоты: академія, куда напрасно тянули его друзья, пугала Беранже своимъ аристократизмомъ, равнодушіемъ къ судьбамъ народа; избранный, вопреки своего желанія, въ законодательное собраніе въ 1848 г., поэтъ «умоляетъ» освободить «добраго, стараго пѣсенника» отъ несвойственной ему обязанности, тѣмъ болѣе, что для преодолѣнія препятствій «нужны молодые умы и молодыя сердца»,—его освобождаютъ отъ законодательной работы, но это обстоительство, вмѣстѣ съ нападками молодыхъ романтиковъ, вызываетъ нѣкоторое охлажденіе къ старѣющему поэту, который послѣ того еще ничего не написалъ. Черезъ девять лѣтъ Франція оплакиваетъ смерть своего печальника; грандіозныя похороны на государственный счетъ, присутствіе войскъ и полиціи на случай демонстраціи—это говоритъ достаточно краснорѣчиво о той роли, какую игралъ пѣсенникъ въ своей странѣ.

Въ богатомъ собраніи пѣсенъ Беранже найдется много такихъ, которыя, чуть не сто лѣтъ спустя, представляютъ для насъ, русскихъ, глубокій жизненный смыслъ, поэтому скорѣйшее появленіе слѣдующихъ томовъ (всего 4 тома) очень желательно, тѣмъ болѣе, что существующіе на русскомъ языкѣ сборники произведеній пѣвца далеко не полны. Издатели сдѣлаютъ хорошо, если включатъ въ свое изданіе переводъ предисловій, какими Беранже обыкновенно снабжалъ сборники своихъ пѣсенъ: въ этихъ предисловіяхъ ярче обрисовывается личность поэта, его пониманіе политической и соціальной роли своихъ пѣсенъ. *Л. Л—о.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Э. Марешалль. «Исторія девятнадцаго вѣка».—*Н. Барсуковъ.* «Жизнь и труды Погодина».—«Записки княгини Маріи Николаевны Волконской».

Исторія девятнадцатаго вѣка (1789—1899 гг.). Профессора Э. Марешаля. Переводъ съ 19-го изданія, дополненнаго съ ноября 1896 года по сентябрь 1899 г. Э. Озу, подъ редакціей профессора А. С. Трачевскаго. Изданіе Павленкова. Спб. 1904 г. Книга Марешаля, начинающая изложеніе съ 1789 года и доводящая его до 1899 г., представляетъ собою довольно полное справочное пособіе по новѣйшей исторіи. Изложеніе—суховато и нѣсколько протокольно, но содержаніе, въ общемъ, серьезно и, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, не грѣшитъ сколько-нибудь замѣтными пропусками. Эта книга—полнѣе и обстоятельнѣе Сеньобоса, Файфа и Торсое—трехъ лучшихъ компендіумовъ исторіи XIX-го вѣка, переведенныхъ на русскій языкъ, но Файфъ и Торсое—гораздо живѣе по изложенію. Пріятною новостью является въ этой книгѣ то обстоятельство, что треть книги посвящена второй половинѣ XIX-го столѣтія, а другая треть—внеевропейскимъ стра-

намъ. Эти два наиболѣе пренебрегаемые въ другихъ историческихъ пособіяхъ отдѣлы поставлены здѣсь весьма хорошо.

Указавъ на эти общія черты новой книги, отмѣтимъ кое-какіе ея недочеты. Болѣе всего ошибокъ и неясностей на страницахъ, посвященныхъ Россіи. На стр. 814 читаемъ о русскихъ общественныхъ настроеніяхъ въ эпоху Александра II-го: «Но затѣмъ стали выдѣляться двѣ крайности—строгій консерватизмъ и радикализмъ, который принято, особенно на Западѣ, называть нигилизмомъ Въ понятіяхъ консерватизма соединялись люди различныхъ оттѣнковъ, отъ крѣпостниковъ до народниковъ: ихъ связывала вражда къ преобразованіямъ». Кого авторъ понимаетъ тутъ подъ народниками—остается его тайною. На стр. 812 напечатано нижеслѣдующее о Бакунинѣ: «За революціонную пропаганду онъ былъ выданъ австрійцами императору Николаю I-му, который сослалъ его въ Чечню, въ корпусъ Барятинскаго, дѣйствовавшій противъ Шамиля. Тамъ-то, въ августѣ 1852 года, образовалось первое гнѣздо революціонеровъ въ Россіи». Едва только мы прочли это невѣроятное мѣстечко, какъ мигомъ представилась духовному взору нашему та классическая клюква, подъ широкими вѣтвями которой французскіе путешественники по Россіи закусывали нѣкогда ломтями сочнаго самовара. Очевидно, эта клюква попрежнему манитъ подъ свою гостепріимную сѣнь нашихъ друзей и союзниковъ. Есть и еще кое-что въ этомъ духѣ на страницахъ, занятыхъ Россіею. Впрочемъ кое-что изложено и довольно вѣрно (напр., внутренняя политика Александра II и Александра III).

Въ главахъ о Германіи при Вильгельмѣ II несомнѣненъ излишекъ враждебнаго тона у автора-француза. Онъ очень любитъ германскихъ соціалистовъ, но также исключительно потому, что они въ оппозиціи противъ *германскаго* правительства. Къ соціалистамъ же французскимъ онъ относится, повидимому, иначе. Вообще говоря, мы находимъ тутъ только изложеніе политической исторіи, исторіи внѣшнихъ фактовъ. Совершенно напрасно читатель пытался бы искать у Марешаля хотя бы слабую попытку освѣтить внутреннія, подспудныя силы, двигавшія исторію XIX-го вѣка именно по тому пути, а не по другому. Вотъ почему этотъ справочникъ утомителенъ, если его читать подрядъ, страница за страницею. Самыя сложныя историческія явленія описаны такъ, какъ если бы проще ихъ ничего нельзя было себѣ и представить,—и это даже тамъ, гдѣ авторъ особенно освѣдомленъ, въ главахъ, посвященныхъ Франціи. Напр., вотъ какъ изображены причины парижской коммуны 1871 года: «Муки осады, голодъ, долгое бездѣйствіе вооруженнаго народа, негодованіе, возбужденное капитуляціей столицы, тревожное будущее, опасеніе, какъ бы національное собраніе не вздумало возстановить монархію, газетныя статьи, клубныя рѣчи—все подготовляло въ Парижѣ страшное возстаніе». И больше ничего—о причинахъ этого явленія, порожденнаго самыми разнохарактерными и могущественными историческими факторами. И это прочтетъ нашъ средній читатель, который въ большинствѣ случаевъ о событіяхъ 1871 г. знаетъ и безъ того мало и неточно, и склоненъ смѣшивать слово «коммунистъ» со словомъ «коммунаръ»! Какое же представленіе получитъ онъ о коммунѣ на основаніи приведенныхъ, краткихъ до легкомыслія, словъ Марешаля? Столь же беззаботенъ авторъ и относительно ирландскихъ феніевъ; ихъ покушенія онъ называетъ почему-то возстаніями (стр. 770), что даетъ совсѣмъ ложное представленіе о феніанской тактикѣ (тутъ же Стивенсъ названъ почему-то Стефансомъ); нѣсколько далѣе феніи уже обращаются въ «ирландскихъ анархистовъ», что совершенно невѣрно.

Колоніальная политика европейцевъ изложена довольно обстоятельно. Есть и тутъ кое-что курьезное; напримѣръ, на стр. 1375 читаемъ: «Но занятіе англичанами Вей-Хай-Вея, который находился еще въ рукахъ японцевъ, рас-

крыло имъ глаза! Очищеніе Вей-Хай-Вея было для нихъ очень непріятно. Теперь, послѣ обнаруженія истины, Японія, *повидимому*, стала болѣе расположена къ сближенію съ Россіей, политика которой чище и прямѣе». Именно, «повидимому»...

Не будемъ приводить еще около десятка промаховъ, неосновательныхъ утвержденій, которые намъ удалось замѣтить въ разбираемой книгѣ. Она болѣе пригодна въ качествѣ справочника, нежели въ качествѣ работы, которую можно было бы рекомендовать для «самообразовательнаго» чтенія. Указанные (и неуказанные) промахи немногочисленны, если принять въ соображеніе огромные размѣры книги. Переводъ удовлетворителенъ. *Т.*

Николай Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Книга восемнадцатая. Спб. 1904 г. Стр. 555. Цѣна 2 р. 50 к. Безконечная эпопея, повѣствующая о дѣяніяхъ Погодина, подвигается впередъ не ускореннымъ, а замедленнымъ ходомъ. Предпослѣдніе томы обыкновенно излагали событія двухъ лѣтъ жизни Погодина, послѣдній томъ посвященъ одному только 1861 году. Въ этотъ годъ, отмѣченный паденіемъ крѣпостного права, Погодинъ проявлялъ свою обычную неутомимую и лихорадочно-суетливую дѣятельность. Откликаясь на всевозможныя злобы дня, онъ, какъ и прежде, произносилъ рѣчи, писалъ статьи, подавалъ записки, издавалъ книги, не забывая въ то же время своей спеціальности—древней русской исторіи. «Донъ-Кихотство мое,—признавался онъ Шевыреву,—кажется мнѣ самому подчасъ смѣшнымъ, но грѣшно, кажется, и молчать» (стр. 486). «Мы живемъ въ такое время,—говорилъ Погодинъ въ одной изъ своихъ рѣчей,—что ни одинъ порядочный человѣкъ русскій не долженъ отказываться ни отъ какого мѣста, куда броситъ его судьба или обстоятельства». Вѣрный этому взгляду, не имѣя въ то же время никакого опредѣленнаго мѣста и не будучи въ силахъ уйти въ свои русскія древности, Погодинъ безъ устали говорилъ и писалъ, какъ только представлялся удобный случай.

Московская практическая академія коммерческихъ наукъ празднуетъ свой пятидесятилѣтній юбилей—Погодинъ говоритъ рѣчь, выражая пожеланіе, чтобы «здоровое образованіе» проникло «въ нѣдра нашей торговли». Московскій университетъ празднуетъ свой обычный Татьянинъ день—Погодинъ на обѣдѣ привѣтствуетъ новую «зарю» и цитируетъ бывшіе тогда запретными стихи Пушкина о паденіи рабства «по манію царя». Объявляется манифестъ объ освобожденіи крестьянъ—Погодинъ печатаетъ о своихъ личныхъ наблюденіяхъ надъ народомъ, получившимъ «про желанную свободу дорогую вѣсть». Выходитъ длинное и невразумительное даже для интеллигента Положеніе 19-го февраля—Погодинъ, побуждаемый Николаемъ Милютинымъ и графиней Блудовой, пишетъ свои «Грамотки», гдѣ, поддѣлываясь подъ крестьянскую рѣчь, старается «перевести вѣрно логику Положеній на языкъ логики народной». И въ средѣ образованныхъ классовъ слышится не мало кривотолковъ по поводу освобожденія—для вразумленія публики Погодинъ пишетъ статью «Наше время въ отношеніи къ русской исторіи». Эти кривотолки еще болѣе усиливаются, когда на почвѣ превратнаго толкованія манифеста объ освобожденіи возникаютъ крестьянскія волненія—Погодинъ пишетъ «Два слова о недоразумѣніяхъ нашего времени», гдѣ заявляетъ, что народъ не понялъ ни манифеста, ни Положеній, а образованные классы вслѣдствіе иностраннаго воспитанія не умѣютъ съ нимъ говорить, и потому намъ нужны спеціальные миссіонеры для объясненія крестьянамъ ихъ новыхъ правъ и обязанностей. Въ Варшавѣ вспыхиваетъ возстаніе—Погодинъ принимается составлять «Посланіе къ полякамъ», въ которомъ думаетъ образумить ихъ указаніемъ, что Польша и Россія, живущія въ мирѣ между собою, составляютъ «необоримую силу въ Европѣ». Императоръ Александръ II ѣдетъ черезъ Москву на югъ Россіи—Погодинъ

вручаетъ фрейлинѣ Тютчевой записку о Крымѣ для представленія государю. Начинаются студенческія волненія—Погодинъ въ «Современныхъ замѣткахъ» громитъ «невѣріе» молодого поколѣнія и обвиняетъ Герцена за то, что профессора, посѣщающіе церковь, подвергаются бойкоту со стороны учащейся молодежи. Либеральный министръ народнаго просвѣщенія Ковалевскій замѣняется суровымъ адмираломъ Путятинымъ—Погодинъ жалуется Максимовичу: «О горе намъ, горе! Путятина нашли на днѣ моря, да безъ премудрости, и успѣлъ напакостить много... Атаманъ *) попечителемъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ—начальникъ штаба (Исаковъ). О несчастные!» (стр. 272—273). Празднуется полувѣковой юбилей кн. Вяземскаго—Погодинъ изъ Москвы ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы произнести рѣчь и въ ней провозгласить: «искусство для искусства есть вмѣстѣ и для души», а по адресу обличителей пустить фразу: «желтуха есть болѣзнь весьма непріятная, безобразная и антипоэтическая». Юбилей кн. Вяземскаго вызываетъ газетную и журнальную полемику—Погодинъ, конечно, вмѣшивается въ нее и пользуется случаемъ, чтобы свести свои старые счеты съ Бѣлинскимъ. Умираютъ Ермоловъ и Кавуръ—Погодинъ пишетъ статьи, восхваляя того и другого. Выходитъ книга барона Корфа о Сперанскомъ—Погодинъ пишетъ статью о Сперанскомъ, такъ что «за ушами пищитъ» (стр. 401). Пріѣзжаетъ самъ Корфъ въ Москву—Погодинъ готовитъ застольную рѣчь съ преподнесеніемъ въ даръ публичной библіотекѣ (Корфъ былъ ея директоромъ) древняго замка. Удается Погодину побывать на нѣсколькихъ раутахъ и обѣдахъ—онъ дѣлится съ читателями своими впечатлѣніями въ статьѣ «Три вечера въ Петербургѣ». Кромѣ того, Погодинъ въ качествѣ предсѣдателя говоритъ рѣчи въ обществѣ любителей россійской словесности, читаетъ тамъ свое изслѣдованіе о смерти Димитрія-царевича, печатаетъ изслѣдованіе о «Поученіи Владиміра Мономаха», хлопочетъ о возстановленіи «Москвитянина», ведетъ обширную переписку со своими многочисленными корреспондентами и т. д., и т. д.

Почти ни одна изъ рѣчей и статей Погодина не обходится безъ свойственныхъ ему экстравагантностей и курьезовъ, не говоря уже о непрактичности многихъ его предложеній и о странности отдѣльныхъ его мнѣній. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ «Наше время» Погодинъ по поводу освобожденія крестьянъ съ землею восклицаетъ: «Канты, Шиллеры, Руссо, Вильберфорсы, снимайте шляпы, творите земные поклоны!.. Сенъ-Симонъ, Фурье, Прудонъ и отецъ Анфантенъ... не хотите ли и вы пожаловать къ намъ въ гости: икаріи у насъ готовы, и фаланстеріямъ нѣсть числа» (стр. 26—27).

Неудивительно, если писанія и рѣчи Погодина приносили мало пользы обществу и доставляли ему самому массу непріятностей всякаго рода. Его «Грамотки», съ одной стороны, не вразумляли крестьянъ, а съ другой—раздражали помѣщиковъ, которые присылали автору «ругательныя письма» (с. 101). Статья «Два слова о недоразумѣніяхъ нашего времени» и «Посланіе къ полякамъ» не были пропущены цензурой. Просьба Погодина о возстановленіи «Москвитянина» не была уважена. Вообще, правительство въ это время, по словамъ г. Барсукова, «косо смотрѣло на Погодина... награждая (его) время отъ времени замѣчаніями и выговорами III Отдѣленія». А тутъ еще, съ другой стороны, Герценъ печатаетъ въ своемъ «Колоколѣ»: «нашлись люди, которые, какъ М. П. Погодинъ, принесли наибольшую жертву, которую человѣкъ можетъ принести—пожертвовали здравымъ смысломъ и до того обрадовались манифесту (19-го февраля), что стали писать дѣтскій бредъ» (стр. 105).

Особенно сильное неудовольствіе правительства и общества вызвали «Три вечера въ Петербургѣ», гдѣ Погодинъ сообщилъ услышанныя имъ на собраніи

*) Наказной атаманъ черноморскаго казачьяго войска Филипсонъ.

капиталистовъ свѣдѣнія о совершившихся и ожидаемыхъ банкротствахъ русскихъ заводчиковъ и торговыхъ домовъ. Статьи эти, по свидѣтельству кн. Вяземскаго, «много шума надѣлали не въ одномъ оффиціальномъ и цензурномъ мірѣ, но всполошили и многихъ частныхъ и непредубѣжденныхъ читателей, иностранныхъ дипломатовъ, биржу нашу и равно иностранную... Эти статьи отозвались. набатомъ противъ общественнаго и частнаго кредита» (с. 513). «Меня снаряжали въ Вятку», писалъ Погодинъ, посылая Шевыреву свои злосчастные «Три вечера». Въ Вятку Погодина не сослали,—тогда онъ самъ себя обрекъ на «проклятую ссылку въ Муромъ», въ Карачарово, предложенное гр. Уваровымъ, чтобы «ничего не видать, не слыхать, не читать газетъ и журналовъ и погрузиться въ древнюю русскую исторію».

Какъ ни много говорится въ XVIII книгѣ о Погодинѣ, еще больше говорится о крупныхъ событіяхъ и мелкихъ явленіяхъ русской жизни въ теченіе 1861 года. Подробно говорится о принятіи народомъ манифеста объ освобожденіи, о первыхъ недоразумѣніяхъ при толкованіи положенія 19-го февраля, о студенческихъ безпорядкахъ, о перемѣнахъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, о путешествіи наслѣдника престола по Россіи, о юбилеѣ кн. Вяземскаго, о вступительной лекціи Чичерина, о журнальной полемикѣ по поводу украйнофильскихъ тенденцій, объ открытіи мощей св. Тихона Задонскаго, объ освященіи православной церкви въ Парижѣ и т. д., и т. д. Какъ и прежде, г. Барсуковъ пространно повѣствуетъ о такихъ событіяхъ и явленіяхъ, въ которыхъ Погодинъ не принималъ никакого участія.

Какъ и въ предыдущихъ книгахъ, въ XVIII книгѣ впервые напечатано много писемъ изъ погодинскаго архива. Изъ нихъ особенный интересъ представляютъ письма Тертія Филиппова, Аполлона Григорьева и князей Голицыныхъ. «Я не хочу порицать свободомыслія студентовъ,—писалъ Филипповъ по поводу студенческихъ волненій,—ибо молодой человѣкъ, не бывшій никогда либеральнымъ, есть такая мерзость, хуже которой ничего нельзя и вообразить. Кромѣ того, расширеніе свободы въ Россіи есть такая крайняя необходимость, которой удовлетворить надобно немедленно» (стр. 215). Характерны также письма князей Голицыныхъ, отца и сына, объ освобожденіи крестьянъ: «Великій день взошелъ для Россіи,—пишетъ сынъ:—разольются дары, Богомъ данные русскому человѣку. Окрѣпнутъ его способности, освѣжится, усилится его дѣятельность на благо и славу, просвѣтится Русь. Измѣнится и русская пѣсня и вмѣсто чувства грусти и звука тоски и тайной скорби, прозвучитъ она громко и свѣтло на весь русскій міръ». А вотъ что писалъ Погодину кн. Голицынъ-отецъ: «Если бы у васъ была тысяча головъ, и тогда вы были бы обезглавлены. Ужасно, что происходитъ во всей Россіи, и можно надивиться величайшей глупости русскаго народа... Освобожденіе двадцати трехъ милліоновъ, при теперешней обстановкѣ, будетъ разореніемъ ихъ, помѣщиковъ и самого правительства. Все къ этому направлено. Теперь уже крестьянинъ говоритъ: да что это за воля! Онъ разумѣетъ черезъ волю тунеядство и неплатежъ. Помѣщикъ былъ для правительства полицеймейстеромъ двадцати трехъ милліоновъ подданныхъ, а теперь они никакою властью не замѣнены... До сего времени, мужикъ нашъ не зналъ, что такое присутственное мѣсто, баринъ его защищалъ; а теперь узнаётъ и узнаетъ, чего это стоитъ. Народъ нигдѣ еще не праздновалъ свободу водкою. Почему? потому что не о чемъ радоваться» (стр. 101—104).

Интересно сопоставить съ этими крѣпостническими причитаніями рѣчь старика-крестьянина при поднесеніи хлѣба-соли императору Александру II. По сообщенію графини Блудовой въ письмѣ къ Погодину, этотъ старикъ сказалъ государю, между прочимъ, слѣдующія слова: «Ты насъ отпустилъ на волю, и мы за тебя молить Бога будемъ во всю жизнь, да и дѣти наши и внуки

тебя будутъ благословлять во вѣки. А ты не бойся, чтобъ мы не умѣли себя держать. Знаемъ, что мы хоть вольные теперь—а обязаны долгъ свой исполнять. И будемъ, батюшка, такъ вести дѣла, что тебя не обидимъ—ничѣмъ тебя не огорчимъ. Все будетъ въ порядкѣ—чтобъ тебѣ никогда не каяться, что ты насъ волею подарилъ».

Любопытные документы въ родѣ вышеприведенныхъ до нѣкоторой степени примиряютъ читателя и съ безконечностью біографіи Погодина и съ узкотенденціознымъ освѣщеніемъ въ ней отдѣльныхъ явленій русской жизни.

С. Ашевскій.

Записки княгини Маріи Николаевны Волконской съ предисловіемъ и приложеніями издателя князя М. С. Волконскаго. Спб. 1904 г. Цѣна 4 р. Въ 1901 году вышли въ свѣтъ замѣчательныя «Записки С. Г. Волконскаго», которыя мы тогда же горячо привѣтствовали на страницахъ «Міра Божія», какъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу. Нынѣ появились «Записки» жены С. Г. Волконскаго, княгини Маріи Николаевны, впечатлѣніями отъ чтенія которыхъ мы и хотимъ подѣлиться съ нашими читателями. «Записки» Волконской также представляютъ безъ сомнѣнія большой интересъ: онѣ рисуютъ очень хорошо тѣ чрезвычайно тяжелыя условія, въ которыхъ пришлось скоротать въ далекой Сибири какъ автору «Записокъ», такъ и другимъ, послѣдовавшимъ въ каторгу за мужьями, героинямъ - женщинамъ ихъ лучшіе годы жизни; онѣ заставляютъ не разъ учащенно биться сердце читателя при изображеніи княгинею дикихъ сценъ произвола и насилія, полновластно царившихъ тогда въ Сибири; но въ смыслѣ пріобрѣтенія какихъ бы то ни было новыхъ историческихъ фактовъ,—и въ этомъ самое существенное отличіе «Записокъ» Волконской отъ «Записокъ» ея мужа,—рецензируемая книга даетъ очень мало, чтобы не сказать—не даетъ ничего. «Записки» княгини Волконской—это повѣсть о необыкновенной жизни въ Сибири несомнѣнно выдающейся по своимъ высокимъ моральнымъ качествамъ русской женщины, повѣсть, написанная ею подъ диктовку хорошаго, горячаго, любящаго женскаго сердца, но и только. Съ такой лишь точки зрѣнія и должно смотрѣть на «Записки» княгини, съ нея лишь «Записки» Волконской получаютъ и большое значеніе, и высокую цѣнность. Но именно этого обстоятельства, очевидно, совершенно не понимаетъ издатель «Записокъ» княгини князь М. С. Волконскій, который въ предисловіи къ нимъ, между прочимъ, говоритъ: «Записки княгини М. Н. Волконской являются прямымъ дополненіемъ «Записокъ» ея мужа. Послѣднія останавливаются на его арестѣ въ 1825 году, эти же обнимаютъ періодъ ихъ общей жизни, преимущественно во время ссылки и до возвращенія ихъ черезъ тридцать одинъ годъ пребыванія въ Сибири». Такое замѣчаніе вѣрно лишь въ смыслѣ спеціально хронологическомъ; въ смыслѣ же исторической цѣнности тѣхъ и другихъ «Записокъ» послѣднія не могутъ быть поставлены съ первыми ни въ какое сравненіе, и потому въ качествѣ «прямого дополненія» къ нимъ ихъ можетъ называть лишь человѣкъ, съ дѣломъ совершенно незнакомый или по самому складу своей психики ему совершенно чуждый. Прошлой жизни С. Г. Волконскаго, т.-е. жизни, относящейся къ періоду времени, предшествовавшему его аресту, для княгини Волконской, судя по ея «Запискамъ», почти не существуетъ, а между тѣмъ трудно себѣ представить, чтобы въ долгіе-долгіе годы совмѣстной жизни въ Сибири Сергѣй Григорьевичъ такъ-таки ничего и не разсказалъ своей женѣ изъ его богатой исторически важными фактами общественной дѣятельности. Правда, онъ хранилъ отъ нея въ глубокой тайнѣ свои отношенія къ тайному обществу вообще и Пестелю въ частности, но это было еще въ Россіи, т.-е. тогда, когда подобный образъ дѣйствій вызывался необходимостью; трудно, однако, вѣрить, чтобы онъ сохранилъ ту же сдержанность и тогда, когда она уже ничѣмъ не могла вызываться.

А Сер. Гр. Волконскому несомнѣнно было о чемъ повѣдать не только близкимъ людямъ, но и потомству. Взять хотя бы его отношенія къ Пестелю. Въ собственныхъ «Запискахъ» Волконскій неоднократно говоритъ о Пестелѣ, какъ о человѣкѣ, къ памяти котораго онъ хранилъ благоговѣйное чувство. «Въ сихъ моихъ «Запискахъ»,—писалъ онъ,—эта личность (Пестель) будетъ выставлена во всемъ просторѣ его дѣяній, которыя выкажутъ, каковъ былъ этотъ человѣкъ и гражданинъ, и выкажутъ его достоинства лучше, нежели могъ бы я это сдѣлать моимъ слабымъ очеркомъ о немъ». («Записки С. Г. Волконскаго», изд. 1-е, стр. 408). Къ несчастью, смерть не дала, какъ извѣстно, возможности С. Г. Волконскому привести въ исполненіе его намѣреніе. Что же мы находимъ по этому поводу въ «прямомъ дополненіи» къ его мемуарамъ? Ужъ навѣрно онъ многократно останавливался на личности Пестеля въ разговорахъ въ собственной семьѣ? Тщетный вопросъ: въ «Запискахъ» княгини Волконской самое имя Пестеля упоминается, и то лишь совершенно вскользь, всего два раза... Или другой примѣръ: «Записки» С. Г. Волконскаго обрываются на высокоинтересной сценѣ его допроса сначала генераломъ Левашовымъ, а потомъ самимъ государемъ. Вотъ послѣднія строки «Записокъ»: «Левашовъ взялъ мой допросный листъ и пошелъ къ Государю; вскорѣ оба опять воротились ко мнѣ. Государь мнѣ сказалъ: «Я...» «На этомъ словѣ «я» Императора Николая Павловича,—говоритъ далѣе издатель книги князь М. С. Волконскій,—прерываются «Записки» моего отца, князя С. Г. Волконскаго. Смерть не дала ему довести ихъ до конца» («Записки С. Г. Волконскаго», стр. 446). Въ «прямомъ дополненіи» та же исторія: по поводу этого, имѣющаго несомнѣнно историческое значеніе, эпизода изъ жизни С. Г. Волконскаго въ «Запискахъ» княгини не упоминается ни единымъ звукомъ. Но мы, конечно, далеки отъ того, чтобы обращаться за это съ какимъ бы то ни было упрекомъ къ свѣтлой памяти княгини Волконской. Мы приводимъ эти факты лишь для того, чтобы поставить читателя на ту правильную точку зрѣнія, съ которой ему надлежитъ относиться къ мемуарамъ княгини. Высокоблагородная и способная на подвиги огромнаго самоотверженія, княгиня Волконская обладала безъ сомнѣнія великими моральными силами, но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы она была въ то же время и способною *понимать* самый смыслъ событій, свидѣтельницей которыхъ ей пришлось быть и которыя своимъ *историческимъ значеніемъ* налагали на нее обязанность,—разъ она взялась за перо съ цѣлью писать мемуары, хотя бы только и для узкаго круга близкихъ ей людей,—останавливаться самымъ подробнымъ образомъ на безъ сомнѣнія слышанныхъ ею многихъ разсказахъ участниковъ тѣхъ историческихъ событій, которыя такъ круто перевернули и ея собственное существованіе? Нѣтъ, такихъ требованій къ княгинѣ Волконской мы предъявлять не можемъ. Для этого у нея многаго не хватало. Дочь своего времени и своей женской доли, она въ этомъ всего менѣе можетъ быть повинна. Другое дѣло издатель ея «Записокъ» князь М. С. Волконскій. Его-то небрежности, чтобы не сказать болѣе, нѣтъ уже никакихъ другихъ объясненій, кромѣ одного: по самому духу своему, онъ очевидно, совершенно чуждъ какого бы то ни было идейнаго интереса къ тѣмъ событіямъ, въ которыхъ принималъ такое выдающееся участіе его славный отецъ. Вотъ одно изъ яркихъ тому доказательствъ. Въ «Запискахъ княгини М. Н. Волконской» мы читаемъ:

«Я забыла сказать вамъ, что насъ встревожило еще болѣе: за годъ передъ тѣмъ черезъ Читу прошли каторжники; съ ними было трое нашихъ ссыльныхъ: *Сухининъ*, баронъ Соловьевъ и Мозгалевскій. Всѣ трое принадлежали къ Черниговскому полку и были товарищами покойнаго Сергѣя Муравьева; они прошли пѣшкомъ весь путь до Сибири вмѣстѣ съ обыкновенными преступниками. Они насъ извѣстили о своемъ прибытіи; мужъ велѣлъ къ нимъ

пойти, оказать имъ помощь, постараться успокоить *Сухинина*, который былъ очень возбужденъ, и внушить ему терпѣніе.

«Острогъ, гдѣ останавливались каторжные, находился за деревней, въ трехъ верстахъ отъ моего помѣщенія. Я разбудила наташу (княгиню Трубецкую) и Ентальцеву (жену декабриста А. В. Ентальцева) на зарѣ, и мы отправились, конечно, пѣшкомъ, въ страшный холодъ; сдѣлавъ большой крюкъ, чтобы избѣжать часовыхъ, мы дошли до острога. Когда мы приблизились къ оградѣ, эти господа уже стояли тамъ и насъ ожидали; было еще довольно темно. Сухининъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что и слушать насъ не хотѣлъ; онъ говорилъ только о томъ, что надо поднять каторжныхъ въ Нерчинскѣ, вернуться въ Читу и освободить государственныхъ преступниковъ. Соловьевъ, очень спокойнаго характера, очень терпѣливый, сказалъ мнѣ, что это лишь временное возбужденіе, что онъ успокоится. Къ несчастью, мои опасенія сбылись. Сухининъ, какъ только прибылъ въ Нерчинскій заводъ, сталъ остерегатсься своихъ товарищей, отстраняться отъ нихъ и отдался въ руки мѣстныхъ каторжниковъ; они вооружились чѣмъ попало и въ числѣ 200 человѣкъ отступили къ китайской границѣ; и тутъ плохой разсчетъ, такъ какъ китайцы всегда выдаютъ русскому правительству бѣглецовъ, которые имъ себя ввѣряютъ; но наши несчастные безумцы не подверглись и этому: они всѣ были перехвачены казаками, охраняющими границу, и заперты. Отправленъ былъ курьеръ къ Его Величеству, привезшій повелѣніе судить ихъ въ 24 часа и разстрѣлять наиболѣе виновныхъ. Нашъ комендантъ отправился въ рудники и исполнилъ въ точности, что ему было повелѣно. Сухининъ узналъ о приговорѣ надъ нимъ наканунѣ дня, назначеннаго для его казни и когда вошли въ его тюрьму, то нашли его мертвымъ: онъ повѣсился на балкѣ, подпиравшей потолокъ, и ремень, которымъ поддерживались его кандалы, послужилъ ему веревкою. Всѣ остальные приговоренные были выведены за деревню и въ числѣ 20 человѣкъ преданы смерти: но какимъ образомъ? Солдатамъ скомандовали стрѣлять, но ихъ ружья были стары и заржавлены, а сами они, не умѣя цѣлиться, давали промахи или попадали то въ руку, то въ ногу; словомъ, это было настоящее истязаніе. На другой день комендантъ велѣлъ похоронить умершихъ, и когда всѣ удалились, онъ преклонился передъ каждой могилой, прося прощенія. Мы узнали всѣ эти подробности отъ Соловьева и Мозгалявскаго, которыхъ къ намъ перевели. Это навело на насъ глубокую тоску. Комендантъ вернулся мрачный и безпокойный: онъ видѣлъ передъ собой только побѣги да пожары и спѣшилъ окончаніемъ постройки петровской тюрьмы» («Записки кн. М. Н. Волконской» стр., 86—88).

Начало событій, которыя описываетъ въ этихъ строкахъ въ донеузнаваемости искаженномъ видѣ княгиня Волконская, произошло 23-го мая 1828 года (никакого возстанія каторжныхъ совсѣмъ не было; были только подготовленія къ нему, которыя и повели за собою арестъ 23-го мая 1828 года многихъ лицъ), а такъ какъ «Записки» свои она начала вести въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, то, истекшее между кровавой трагедіей въ Нерчинскихъ рудникахъ и временемъ ея описанія кн. Волконской, тридцатилѣтіе служитъ достаточнымъ объясненіемъ причины, почему описаніе это появилось подъ ея перомъ въ столь невѣрномъ видѣ. Но издатель «Записокъ», князь М. С. Волконскій, авторъ разнаго рода «примѣчаній» и «приложеній» къ «Запискамъ» его матери,—онъ-то какъ же? Онъ почему не далъ «примѣчаній»? Да по той простой причинѣ, что о нерчинскихъ событіяхъ 1828 года онъ и самъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, до такой степени ни малѣйшаго, что не замѣтилъ даже невольнаго искаженія его матерью самой фамиліи главнаго дѣйствующаго лица нерчинской трагедіи. Дѣло въ томъ, что декабриста Сухинина никогда и не существовало, а былъ дѣйствительно декабристъ Иванъ Ивано-

вичъ Сухиновъ, о замѣчательной личности котораго князь М. С. Волконскій могъ бы, если бы поинтересовался, найти не мало свѣдѣній и у Розена, и у Бѣляева, и у многихъ другихъ декабристовъ-мемуаристовъ. Предпріятіе Сухинова въ Нерчинскомъ заводѣ изложено довольно подробно въ извѣстномъ трудѣ Максимова — «Сибирь и каторга» (т. III, стр. 178—181). Наконецъ, существуетъ и цѣлая біографія Сухинова, напечатанная въ «Русскомъ Архивѣ» за 1870 годъ («И. И. Сухиновъ—одинъ изъ декабристовъ». «Р. А.» 1870, № 4, стр. 908—926»). Въ біографіи этой читатель можетъ найти подробное изложеніе и нерчинской трагедіи, совершенно невѣрно описанной княгиней Волконской и оставленной безъ всякихъ «примѣчаній» княземъ М. С. Волконскимъ. А между тѣмъ князь М. С. Волконскій обязанъ былъ это сдѣлать, тѣмъ болѣе, что имѣлъ возможность пользоваться самыми недоступными дѣлами о декабристахъ, хранящимися въ архивахъ III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи и Нерчинскихъ горныхъ заводовъ. Но онъ этого не сдѣлалъ. Et voilà comme on écrit l'histoire!..

На самыхъ запискахъ Волконской мы болѣе останавливаться не будемъ. Повторимъ лишь, что прочесть ихъ можно съ большимъ интересомъ, какъ правдивую повѣсть о страданіяхъ замѣчательной русской женщины. Эти записки, которыя, какъ оказывается, были въ свое время извѣстны Н. А. Некрасову, и вдохновили нашего поэта къ изображенію поэтическаго образа княгини Волконской. Къ «Запискамъ» кн. Волконской приложено нѣсколько портретовъ. Съ внѣшней стороны книга издана хорошо. Тѣмъ не менѣе цѣна книги слишкомъ высока. *В. Богучарскій.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Кеннингэмъ. „Ростъ англійской промышленности и торговли. Ранній періодъ и средніе вѣка".—*Генри Джорджъ.* „Покровительство отечественной промышленности и свобода торговли".

Кеннингэмъ. Ростъ англійской промышленности и торговли. Ранній періодъ и средніе вѣка. Переводъ съ 3-го англійскаго изданія Н. В. Теплова. Москва. 1904 г. Стр. 591. Ц. 2 р. 50 к. Книга Кеннингэма, при довольно замѣтной шаткости общихъ историко-философскихъ принциповъ и понятій автора, при нѣкоторой дробности въ расположеніи матеріала, при нѣкоторой слабости въ классификаціи явленій, въ планѣ работы,—давно уже стала одною изъ настольныхъ книгъ для занимающихся англійской экономической исторіей. Главная тому причина—огромное богатство фактическихъ свѣдѣній, скомбинированныхъ въ книгѣ не всегда одинаково удачно, но переданныхъ очень точно и обстоятельно. Насколько поверхностна, ненаучна, ненужна никому кеннингэмовская «Западная цивилизація», тоже для чего-то недавно переведенная на русскій языкъ, настолько «Ростъ англійской промышленности и торговли» является работою серьезно продуманною и замѣчательно полною по количеству фактовъ. Эта книга—одна изъ полезныхъ справочныхъ компиляцій, которыя любятъ имѣть подъ рукою иногда даже и спеціалисты. Слабѣе другихъ частей—главы, гдѣ идетъ рѣчь о явленіяхъ XIV-го и XV-го вв.; лучше всего—начало книги, описаніе древнѣйшаго періода. Происходитъ это потому, что Кеннингэмъ тѣмъ хуже обобщаетъ факты, чѣмъ ихъ больше и чѣмъ они сложнѣе.

Вотъ какъ смотритъ самъ авторъ на общее значеніе выбранной имъ темы... «Мы можемъ считать, что изученіе англійской экономической исторіи приводитъ насъ къ той точкѣ зрѣнія, съ которой мы можемъ съ наибольшей лег-

костью и точностью изучать промышленное развитіе любой другой страны, потому что за прогрессомъ другихъ странъ легче слѣдить, разъ мы прослѣдили исторію того народа, который достигнулъ наибольшихъ успѣховъ. Англія занимаетъ въ современномъ мірѣ мѣсто богатѣйшей изъ существующихъ націй, и ея доля участія въ развитіи человѣческой цивилизаціи заключалась не столько въ развитіи литературы и искусства, какъ это было сдѣлано Греціей, или въ созданіи права и его примѣненіи, подобно Риму, но скорѣе въ ея успѣхахъ на поприщѣ промышленности. Существуютъ и другія основанія, по которымъ ростъ англійской промышленности можетъ быть принятъ за типичный; сравнительная полнота ея источниковъ, начиная съ тѣхъ временъ, когда разсѣянныя племена еще не успѣли превратиться въ націю, до нашихъ дней,—дѣлаетъ возможною задачу прослѣдить промышленное развитіе Англіи лучше нежели какой-либо другой страны. Далѣе, островное положеніе Англіи придало опредѣленный характеръ ея цивилизаціи, а сравнительная безопасность отъ внѣшняго вторженія дѣлаетъ болѣе возможнымъ точное указаніе на вліяніе сношеній съ другими странами и иммиграціи самихъ иностранцевъ, нежели это можно сдѣлать въ другихъ случаяхъ. На основаніи всего этого, не трудно понять, что исторію англійской промышленности можно разсматривать, какъ типичную и какъ дающую полезный ключъ къ изученію исторіи экономическаго прогресса въ другихъ странахъ и въ другія времена».

Дѣйствительно, еще Роджерсъ и Марксъ отмѣчали богатство источниковъ по экономической исторіи Англіи, неслыханное и небывалое во всѣхъ безъ исключенія другихъ странахъ земного шара,—и именно для болѣе ранняго періода. И этими источниками, и уже имѣющимися учеными изслѣдованіями авторъ пользуется умѣло, критически, удачно комбинируя данныя, разбросанныя въ самыхъ разнохарактернымъ памятникахъ и новѣйшихъ работахъ. Въ заслугу Кеннингэму слѣдуетъ также поставить его умѣнье пользоваться сравнительнымъ методомъ для характеристики тѣхъ явленій (преимущественно, конечно, самаго древняго періода), которыя слишкомъ неясно отражаются въ непосредственно къ нимъ относящихся дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ. Сравнительный методъ—орудіе необычайно тонкое и трудное,—и авторъ владѣетъ имъ съ большою осторожностью, хотя пускаетъ въ ходъ весьма охотно.

Обычная слабая черта всѣхъ безъ исключенія кеннингэмовскихъ работъ—отсутствіе опредѣленной и ясной соціологической точки зрѣнія—сказывается и здѣсь, и вноситъ нѣкоторую сбивчивость и противорѣчивость въ тѣ (къ счастью для читателя) немногія мѣста книги, гдѣ авторъ считалъ нужнымъ развить свои общія соображенія. То у него «политика» опредѣляетъ «экономику», то наоборотъ; то даже просто «политическіе взгляды не только регулируютъ примѣненіе народнаго богатства, но и вліяютъ на его накопленіе» (стр. 7); то, наконецъ, еще проще, «бракъ Эдуарда III съ Филиппой»—причисляется къ событіямъ, «создавшимъ тѣ новыя рамки, къ которымъ въ различные періоды должны были приспособляться наша (англійская) промышленность и торговля». Словомъ, съ общими взглядами у автора обстоитъ не вездѣ благополучно. Но богатство фактической части—настолько выдающаяся черта этой книги, что заставляетъ читателя простить автору всѣ недостатки.

Переводчикъ выполнилъ свое дѣло весьма успѣшно. Онъ далъ не только хорошій переводъ, но и превосходное чисто-научное изданіе этого полезнаго труда,—изданіе не отчасти, а всецѣло могущее замѣнить англійскій подлинникъ.

Есть въ этомъ (въ общемъ, очень вѣрномъ и литературномъ переводѣ) кое-какіе маленькіе недоточеты.

На стр. 85 перевода читаемъ: «то ученіе, что трудъ есть единственный титулъ собственности, обыкновенно подкрѣпляется ссылками на довольно минимую исторію естественнаго состоянія» и т. д. Въ подлинникѣ «the title» зна-

читъ *право*, основаніе для притязаній, а вовсе не «титулъ». Англійское слово he title (какъ и французское—le titre) вовсе не означаетъ только «титулъ», а именно означаютъ такъ же *право*, законное основаніе. Въ этой же фразѣ *much fictitious* переведено: «довольно мнимую», тогда какъ точнѣе перевести: «весьма фантастичную», «вполнѣ выдуманную, вымышленную» и т. п. выраженіями.

На стр. 24 читаемъ: «Германскія племена, отъ которыхъ впослѣдствіи произошелъ англійскій народъ, описаны Цезаремъ (55 г. до Р. Х.), какъ едва только вышедшія изъ кочевого состоянія, такъ какъ у нихъ еще не было постоянныхъ жилищъ». Въ англійскомъ подлинникѣ (The growth of english industry and commerce during the early and middle ages», Cambridge, 1890), на стр. 26 сказано: «*secured* settled homes», такъ что переводчикъ выпустилъ здѣсь слово secured, довольно важное въ данномъ случаѣ. На стр. 82 перевода читаемъ: «Изъ анализа должностныхъ лицъ, еще державшихся во многихъ изъ нихъ (изъ городовъ) въ 1834 году, ясно видно, что очень значительное число нашихъ городовъ первоначально были земледѣльческими селами». Въ подлинникѣ сказано: «from the analysis of the officers» и т. д., т.-е. Кеннингэмъ хочетъ сказать (какъ совершенно очевидно изъ всего контекста), что изъ анализа функцій, изъ анализа *характера* удержавшихся тамъ-то и тамъ-то должностей, явствуетъ то-то и то-то. У автора «the officers»—*объектъ* анализа, а въ неясной фразѣ перевода—должностныя лица какъ бы *сами* производятъ анализъ. На стр. 84 перевода читаемъ: «люди не могутъ мыслить о явленіяхъ или описывать ихъ точно, *пока они не стали доступны ихъ наблюденію*». Въ подлинникѣ же сказано вовсе не то... «until they are brought within the range of their experience», т.-е. «пока они не вошли въ строй ихъ *опыта*», «пока они не стали доступны ихъ *опыту*», а это—разница существенная. На стр. 226 перевода читаемъ: «послѣ его царствованія стало возможнымъ созданіе національной политики» и т. д. Подлинникъ (стр. 245) говоритъ: «but after his reign it had become possible to *devise* a national policy» и т. д «To devise» означаетъ—придумывать, затѣять, измышлять—а вовсе не *создать*, и Кеннингэмъ вовсе и не хочетъ сказать, что послѣ Эдуарда I-го національная политика въ экономической жизни была *создана*, онъ говоритъ только о новыхъ чертахъ правительственной мысли, о новыхъ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ стали обсуждаться вопросы торгово-промышленной политики. На стр. 480 перевода читаемъ: «добрыя намѣренія и фактическое безсиліе *ходячихъ экономическихъ разсужденій* превосходно иллюстрируются статьей» и т. д. Въ подлинникѣ (стр. 498) сказано: «the good intentions and the real weakness of *the economic writers of the time*», т.-е. «авторовъ-экономистовъ того времени» и т. д.; пренебрежительнаго оттѣнка въ подлинной фразѣ Кеннингэма—нѣтъ.

Эти немногочисленныя неточности, остановившія наше вниманіе, конечно, не помѣшаютъ признать переводъ очень хорошимъ. И переводъ, и присутствіе приложеній, и вставленныя переводчикомъ (обыкновенно отсутствующія въ подлинникѣ) даты важнѣйшихъ событій,—все это позволяетъ намъ назвать изданіе г. Теплова—вполнѣ научнымъ и рекомендовать эту книгу всѣмъ, серьезно интересующимся экономической исторіей Европы. Въ частности, книга могла бы очень пригодиться студентамъ историческаго отдѣленія историко-филологическаго факультета. *Е. Т.*

Генри Джорджъ. Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли. Изслѣдованіе тарифнаго вопроса. Переводъ съ англійскаго С. Д. Николаева. Изданіе «Посредника» (для интеллигентныхъ читателей) № XCVII. М. 1903 г. Стр. 326. Ц. 2 р. Книга эта обладаетъ всѣми качествами хорошей популярной книги, кромѣ одного. Она проникнута прекрасными, бла-

городными намѣреніями, написана блестяще, плѣняетъ талантомъ, остроуміемъ и воодушевленностью автора, способна вызывать добрыя чувства, тревожить общественную совѣсть и пробуждать лѣнивые умы къ творческой работѣ. Единственный ея недостатокъ въ томъ, что доказательства, составляющія ея содержаніе, ложны съ начала до конца. Цѣль книги—доказать, что политика свободной торговли есть единственная политика, возможная и обязательная для христіанина и честнаго человѣка. Но такъ какъ политика свободной торговли, какъ и всякая политика, занимается вопросами, которые не предусмотрѣны и не могли бы быть предусмотрѣны христіанскою моралью, то всѣ разсужденія автора сводятся къ ряду софизмовъ—большею частью остроумныхъ и красивыхъ, но легко опрокидываемыхъ самымъ легкимъ прикосновеніемъ критики. «Политическая экономія,—говоритъ Джорджъ,—есть наука о человѣческихъ аггрегатахъ и ея законы суть законы, въ которыхъ можетъ разбираться каждый изъ насъ самъ по себѣ» (5). «Политическая экономія самая простая изъ наукъ. Она есть лишь умственное признаніе въ отношеніи общественной жизни тѣхъ законовъ, которые инстинктивно признаются людьми въ своемъ нравственномъ выраженіи и которые заключаются въ простыхъ ученіяхъ Того, кому такъ радостно внималъ черный народъ» (6). Такое упрощеніе общественныхъ задачъ возможно только при условіи полнаго отказа отъ такихъ усложняющихъ факторовъ, какъ государство и политическая борьба, а слѣдовательно и отъ всякой политики въ настоящемъ значеніи этого слова. Л. Толстой, отрицая государство и политику, поступаетъ совершенно послѣдовательно,—во всякомъ случаѣ, послѣдовательнѣе, чѣмъ Г. Джорджъ, въ свое время оказавшій сильное вліяніе на нашего великаго мыслителя и такъ близко подходящій къ нему по настроенію и основнымъ стремленіямъ. Джорджъ, защищая политику свободы торговли, принимаетъ точку зрѣнія опредѣленной *государственной* политики, а слѣдовательно, вынужденъ считаться со всѣми сложными подробностями и неразрѣшимыми для отдѣльнаго человѣка противорѣчіями современной государственной машины. Правда Джорджъ пытается доказать, что защищаемая имъ политика есть политика невмѣшательства, т.-е. возможно большаго сокращенія государственныхъ функцій. Но этимъ путемъ онъ обрекаетъ себя на всѣ противорѣчія манчестерской школы, закрывавшей глаза на темныя стороны капитализма. Какъ и манчестерцы, Джорджъ превозноситъ благодѣянія торговли. «Свободная торговля,—говоритъ онъ,—есть добровольная торговля. Она совершается лишь при обоюдной выгодѣ торгующихъ сторонъ...» (145). «Для людей такъ же естественно торговать, какъ для крови обращаться. Человѣкъ есть отъ природы торгующее животное, побуждаемое къ торговлѣ настойчивыми желаніями; живущее въ мірѣ, гдѣ все указываетъ на то, что онъ долженъ торговать, и находящее въ торговлѣ средство къ общественному развитію» (48). Не стѣсняемое искусственными препятствіями стремленіе торговли направляться извѣстнымъ путемъ есть уже само по себѣ доказательство того, что она должна направляться этимъ путемъ. И всѣ ограниченія вредны уже потому, что они ограничиваютъ, и въ той мѣрѣ, въ какой они ограничиваютъ» (57). «Свободная торговля есть естественная торговля,—та торговля, которая совершается при отсутствіи искусственныхъ стѣсненій» (12).

Ошибка манчестерцевъ заключалась въ томъ, что всѣ «искусственныя стѣсненія» они приписывали только государственному вмѣшательству. Ту же ошибку дѣлаетъ и Джорджъ. Но такъ какъ въ дѣйствительности существуютъ и другія искусственныя ограниченія, кромѣ вводимыхъ государствомъ, то всѣ остроумныя издѣвательства Джорджа надъ покровительственной системой, будто бы уничтожающей естественную свободу торговыхъ сношеній, бьютъ мимо цѣли: покровительственная политика оправдывается ея защитниками, именно какъ противовѣсъ тѣмъ или другимъ искусственнымъ ограниченіямъ, напр., огра-

ниченіямъ, которыя влечетъ за собой бѣдность или невѣжество или отсутствіе путей сообщенія. Притомъ же, Джорджъ прибѣгаетъ къ доктринѣ невмѣшательства только тогда, когда занятъ опроверженіемъ доводовъ протекціонистовъ. А когда онъ переходитъ къ практическимъ выводамъ, то оказывается сторонникомъ весьма и весьма энергичнаго государственнаго вмѣшательства. Послѣднія 100 страницъ разбираемой книги посвящены изложенію общихъ взглядовъ его на соціальный вопросъ и соціальную реформу,—взглядовъ, болѣе подробно развитыхъ въ знаменитомъ сочиненіи «Прогрессъ и бѣдность». И тутъ-то оказывается, что для «настоящей», «истинной» свободы торговли вовсе не достаточно полнаго уничтоженія таможенныхъ пошлинъ, а нужно еще уничтоженіе частной собственности на землю. Безъ этой послѣдней реформы отмѣна таможенныхъ пошлинъ, по мнѣнію Джорджа, не принесла бы никакой или почти никакой пользы. Джорджъ, какъ извѣстно, противникъ соціализма въ духѣ Маркса: причиной бѣдности и всѣхъ соціальныхъ бѣдствій онъ считаетъ не частную собственность на средства производства вообще, а частную собственность на землю. И онъ даже не требуетъ формальнаго уничтоженія частныхъ правъ на свободное распоряженіе землей, но считаетъ достаточнымъ отобраніе въ пользу государства всей суммы земельной ренты. Для окончательнаго уничтоженія бѣдности, нужно, по мнѣнію Джорджа, отмѣнить всѣ налоги, кромѣ одного—налога на землю, а этотъ послѣдній увеличить до такихъ размѣровъ, чтобъ охватить имъ весь доходъ, извѣстный подъ именемъ земельной ренты. Ясно что опредѣленіе точныхъ размѣровъ земельной ренты съ каждаго участка (нужно отдѣлить ренту отъ вознагражденія за трудъ и отъ процента на капиталъ) и введеніе единаго налога обозначаетъ весьма энергичное вмѣшательство государственной власти въ частно-хозяйственныя отношенія и требуетъ чрезвычайно сложной работы. Джорджъ могъ бы съ успѣхомъ доказывать, что эта сложная реформа не сложнѣе и не опаснѣе многихъ другихъ реформаторскихъ проектевъ. Но онъ не имѣетъ никакого права утверждать, что проповѣдуетъ возвращеніе къ естественной свободѣ человѣческихъ сношеній и возстановленіе первоначальной простоты евангельскаго ученія.

Одинъ благочестивый нѣмецъ утверждалъ въ началѣ прошлаго вѣка, что трехпольная система земледѣлія есть отраженіе троечности лицъ божества, такъ что отказъ отъ трехполья былъ бы потрясеніемъ вѣры въ св. Троицу. Этотъ поучительный примѣръ упрощеннаго рѣшенія хозяйственныхъ вопросовъ не мѣшало бы почаще вспоминать апостоламъ правды, такъ негодующимъ на сложность хозяйственной жизни и на трудность экономической науки. Лучше рискнуть лишнимъ трудомъ надъ изученіемъ сложныхъ проблемъ, чѣмъ понапрасну соблазнять религіозное чувство и, безъ пользы для религіи, мѣшать другимъ, болѣе скромнымъ людямъ работать надъ частичными, небольшими улучшеніями въ жизни трудящихся.

Впрочемъ, мы далеки отъ мысли упрекать издателей за переводъ талантливаго и остроумнаго памфлета Джорджа. Чтеніе этой книжки натолкнетъ всякаго на кучу интересныхъ вопросовъ, и даже читатели, знакомые съ вѣковымъ споромъ фритрэдеровъ и протекціонистовъ, должны будутъ ощутить потребность кое-что пересмотрѣть подъ напоромъ блестящей діалектики автора. А что касается софизмовъ и парадоксовъ, то развѣ мало ихъ въ ученыхъ трактатахъ и въ непрерывномъ потокѣ современной публицистической литературы?

Переводъ сдѣланъ хорошимъ, яснымъ и простымъ языкомъ.

А. Рыкачевъ.

ФИЛОСОФІЯ.

Алоизъ Риль. „Введеніе въ современную философію“.—*Буланже.* „Жизнь и ученіе Конфуція“.

Алоизъ Риль. Введеніе въ современную философію. Восемь лекцій Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Котляра. Москва, изданіе Д. П. Ефимова. 1903 года. Цѣна 1 р. То же. Переводъ съ нѣмецкаго С. Штейнберга. С.-Петербургъ. Изданіе товарищества «Общественная Польза» 1904 г. Цѣна 80 коп. «Введеніе въ современную философію» Риля отличается отъ другихъ подобнаго рода введеній своимъ методомъ. Авторъ полагаетъ, что для выясненія истинныхъ задачъ философіи необходимо прежде всего саму философію сдѣлать проблемою и попытаться узнать, что такое представляетъ она сама по себѣ. Для этого же безполезно было бы обращаться къ изреченіямъ тѣхъ или другихъ философовъ: мы получили бы тогда самыя разнорѣчивыя мнѣнія, для согласованія которыхъ было бы необходимо уже напередъ имѣть ясное понятіе о философіи. Очевидно, нужно избрать другой путь: только изъ исторіи философіи мы можемъ узнать, что такое сама философія. Словомъ, думаетъ авторъ, только тщательное изученіе историческаго хода развитія философской мысли можетъ помочь намъ выяснить существо и истинныя задачи философіи. Прослѣдивъ шагъ за шагомъ вкратцѣ этотъ ходъ развитія, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что его вѣнцомъ, его послѣднимъ словомъ является критическая философія и что, слѣдовательно, надо признать правильнымъ то пониманіе философіи и ея задачъ, которымъ мы обязаны этой школѣ. Согласно же ученію критическаго философа, передъ философіею стоитъ двойная задача: теоретическая и практическая. Какъ критическая наука, философія разъ навсегда должна отрѣшиться отъ той горделивой мысли, будто ея задачею можетъ быть разрѣшеніе міровыхъ загадокъ, притомъ безплоднымъ путемъ фантазіи, она должна перестать стремиться къ познанію вещей въ себѣ, словомъ, она должна перестать быть метафизическою. Ея истинная теоретическая задача можетъ единственно состоять въ разрѣшеніи проблемы, которая сама собою выдвинулась въ ходѣ развитія науки и которая не по силамъ ни одной спеціальной наукѣ,— проблемы самой науки. Быть теоріею науки, теоріею научнаго опыта — вотъ истинное призваніе философіи. Но, по мнѣнію представителей критической философіи, существо человѣка не исчерпывается однимъ разсудкомъ. Дѣйствительность не только понимается нашимъ разумомъ, но и переживается нашею душою, оцѣнивается нашими чувствами и является цѣлью, опредѣляющею нашу волю. Если то, къ чему стремится наша воля, чѣмъ она опредѣляется, словомъ, то, на чемъ покоится вся наша духовная жизнь, назовемъ цѣнностями, то создавать эти цѣнности и является второю задачею философіи, ея практическою задачею.

Мы нарочно болѣе или менѣе подробно остановились на изложеніи воззрѣній Риля. Путь, избранный имъ для введенія читателя въ философію, для выясненія ея истинныхъ задачъ, на первый взглядъ является единственнымъ путемъ, на которомъ можно достигнуть этой цѣли, не привнося при этомъ заранѣе какихъ-либо предпосылокъ. Однако, какъ бы ни высоко цѣнили мы историческій методъ изслѣдованія вообще, какъ бы ни считали важнымъ изученіе исторіи философіи для выясненія задачъ философіи, все же, намъ кажется, надежды, возлагаемыя авторомъ на этотъ методъ, слишкомъ чрезмѣрны. Изъ изученія исторіи философіи нельзя почерпнуть понятія философіи уже по одному тому, что, приступая къ ея изученію, нужно напередъ имѣть ясное понятіе о философіи. Причисленіе извѣстныхъ произведеній къ философскимъ, то или иное пониманіе ихъ всецѣло зависятъ отъ той точки зрѣнія,

на которой стоитъ приступающій къ изученію исторіи философіи, т.-е. отъ того, что́ онъ понимаетъ подъ философіею и какъ понимаетъ ее. Такимъ образомъ тотъ фундаментъ, на которомъ авторъ пытается воздвигнуть свое зданіе, оказывается шаткимъ, и историческое изслѣдованіе, предпосланное имъ для обоснованія своего пониманія философіи, въ лучшемъ случаѣ лишь освѣщаетъ это пониманіе, а отнюдь не обосновываетъ его. Но изъ сказаннаго, конечно, не слѣдуетъ, что пониманіе Риля неправильно. Чтобы разрѣшить этотъ послѣдній вопросъ, мы разсмотримъ воззрѣнія Риля по существу,—это намъ кажется тѣмъ болѣе необходимымъ, что его взгляды находятъ много сторонниковъ и выдаются даже за правильное развитіе взглядовъ Канта. При этомъ мы прямо обратимся къ центральному ядру концепціи Риля, къ его пониманію теоретической задачи философіи, такъ какъ отъ него въ концѣ концовъ зависятъ всѣ другіе взгляды Риля и даже рѣзкое противоложеніе имъ теоретической и практической задачъ философіи. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ двумя основными положеніями автора, съ его утвержденіемъ, что философія должна быть единственно теоріею науки, теоріею опыта, и съ яко-бы вытекающимъ изъ него слѣдствіемъ, что она не должна быть метафизикой. Мы не видимъ никакого логическаго перехода отъ перваго утвержденія ко второму, и намъ даже кажется, что изъ перваго утвержденія вытекаетъ слѣдствіе, какъ разъ обратное выведенному Рилемъ, именно, что философія, если она должна быть теоріею науки, неизбѣжно должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ метафизикою. Въ самомъ дѣлѣ — задача теоріи познанія, теоріи опыта, и по мнѣнію самого Риля, показать возможность познанія, опыта, т.-е. обосновать необходимость нашихъ познаній, необходимость связи явленій въ опытѣ. Сдѣлать это возможно двоякимъ путемъ. Или можно дать субъективное основаніе знанія, попытаться показать субъективную необходимость связывать извѣстнымъ образомъ представленія, т.-е. попытаться вскрыть организацію нашего духа, показать работу его силъ и опредѣлить участіе субъекта въ пріобрѣтеніи опыта, словомъ, открыть субъективныя условія опыта. Или же можно дать объективное обоснованіе знанія, опыта, показать объективную необходимость связи явленій въ опытѣ, т.-е. показать, что́ явленія представляютъ объективно, а не въ своемъ субъективномъ явленіи намъ, говоря иначе, какова «сущность» явленій, «вещь въ себѣ». Приписать теоріи науки первую задачу — значитъ сдѣлать ее частью психологіи и, слѣдовательно, отказаться отъ разрѣшенія той задачи, которую ставили передъ теоріею науки, такъ какъ психологія, имѣя дѣло съ психическими фактами, уже предполагаетъ точки зрѣнія для пониманія фактовъ, предполагаетъ, слѣдовательно, возможность и понятіе опыта, — словомъ то, что претендовала обосновать. Приписать же теоріи науки вторую задачу— значитъ, очевидно, отожествить ее съ метафизикою. Такимъ образомъ или нужно догматически отказаться отъ всякой теоріи науки, знанія, или, если признать необходимость ея существованія, то нужно отожествить ея задачи съ задачами метафизики. Кантъ и особенно идеалистическая послѣ-кантовская философія ясно поняли эту дилемму и пришли къ необходимости сліянія теоріи науки съ метафизикою. Риль же, хотя и сознаетъ ясно необходимость признать существованіе теоріи науки, хотя и допускаетъ, что задача теоріи науки показать объективную необходимость связи явленій въ опытѣ и что этого не можетъ сдѣлать психологія, все же не можетъ рѣшиться сдѣлать послѣдній шагъ и признать, что теорія науки должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ метафизикою. Поэтому-то тамъ, гдѣ ему болѣе обстоятельно приходится вдаться въ проведеніе задачи философіи, онъ просто подмѣниваетъ ея задачу и вмѣсто объективнаго обоснованія опыта говоритъ о субъективномъ, хотя прежде и считалъ его не достигающимъ цѣли. Этимъ опредѣляются всѣ достоинства и недостатки книжки Риля. Тамъ, гдѣ Риль говоритъ о необходимости существо-

ванія философіи и объ ея задачѣ вообще, читатель найдетъ себѣ богатую пищу, особенно въ лекціяхъ 3 и 4-й, гдѣ авторъ становится на точку зрѣнія эмпирика-естественника и пытается поднять его шагъ за шагомъ изъ области позитивистическаго воззрѣнія въ область философскаго мышленія. Но зато тѣ мѣста, гдѣ онъ пытается выполнить задачу философіи, начертать путь, по которому должна идти философія, могутъ лишь затемнить дѣло и ввести читателя въ многочисленныя заблужденія.

Что касается переводовъ книжки Риля, то переводъ Г. А. Котляра едва ли можно назвать удовлетворительнымъ. Онъ очень страдаетъ въ стилистическомъ отношеніи; переводчикъ очень близко держался оригинала, и поэтому сплошь и рядомъ въ переводѣ встрѣчаются совершенно нерусскія фразы, напр.: «суть ли логически необходимыя слѣдствія этой картины такъ же картины естественно необходимыхъ слѣдствій самихъ вещей» (стр. 21), или еще лучше: «Если абстрагируемъ глаза, уши и носъ, заявляетъ Галилей, то исчезаютъ также цвѣта»... (51 стр.) и т. п. Встрѣчаются даже совершенно непонятныя фразы, напр.: «Если этотъ отказъ отъ всякаго опыта могъ имѣть оправданіе при практическомъ опредѣленіи ученія Фихте, то для теоретическаго изслѣдованія онъ не могъ не повести»... (стр. 34) и много другихъ подобныхъ. Многія мѣста переведены совершенно невѣрно. Такъ, напр., на стр. 21 переведено: «Итакъ правы тѣ...», тогда какъ надо «итакъ, правы какъ будто тѣ..., такъ какъ въ текстѣ стоитъ сослагат. наклоненіе: «Also, hätten diejenigen Recht...» На стр. 23: «Безъ компаса критики научныя познанія легко попадаютъ *мимо цѣли*», слѣдуетъ же: «Безъ компаса... легко переходятъ *за свои границы*», какъ ясно по смыслу. На стр. 25 стоитъ: «и надѣяться создать такой образъ...», надо же «...и льстишь себя чрезмѣрной надеждою, что мы можемъ приблизиться къ такому образу...» Стр. 27: «...какія можно себѣ представить...» надо же: «о которыхъ мы еще упомянемъ...», ибо въ текстѣ: «an die wir noch zu erinnern haben...» Стр. 36: «...которая должна была уклониться отъ...», надо же: «...которая должна была уступить мѣсто»... Стр. 46: «...подтвержденное въ исправленномъ видѣ...», надо: «опровергнутое». На стр. 20 и 33 стоитъ «несомнѣнный» вмѣсто «незамѣтный» (Unscheinbar), и вслѣдствіе этого совершенно искаженъ смыслъ. На стр. 33 стоитъ: «непрерывное научное развитіе, разъ найдя свой путь, не можетъ не прійти непосредственно къ воззрѣнію»—совершенно непонятная фраза; слѣдуетъ же: «въ этомъ наглядно сказывается непрерывность научнаго изслѣдованія, послѣ того какъ былъ найденъ однажды для него методъ...», ибо въ текстѣ: «die stetigkeit der wissenschaftlichen Forschung, nachdem einmal ihr Weg gefunden war, kommt dadurch unmittelbar zur Anschauung». На стр. 70: «съ точными науками онъ едва ли былъ знакомъ изъ собственнаго воззрѣнія», тогда какъ надо: «онъ едва ли самостоятельно изучалъ точныя науки». На стран. 88: «Не могутъ ли они... врожденными? Должно быть еще...» Въ текстѣ вопросительнаго знака послѣ «врожденными» нѣтъ, и поэтому первую фразу нельзя передать вопросомъ, ибо это совершенно затемняетъ смыслъ,—ее надо сдѣлать придаточнымъ условнымъ: «Если не могутъ... врожденными, то должно...» На стр. 85 стоитъ совершенно непонятная фраза: «онъ признаетъ, напримѣръ, дѣйствительными только впечатлѣнія, но ничего реальнаго, что даетъ впечатлѣнія, и ничего реальнаго, что воспринимаетъ ихъ своими чувствами...» Надо же: «онъ признаетъ... впечатлѣнія, но не признаетъ реальности за тѣмъ, что... впечатлѣнія, ни такъ же за тѣмъ, что...» Мѣстъ въ такомъ родѣ можно бы привести еще очень много.

Нельзя также сказать, что переводъ терминологіи у г. Котляра былъ бы безупреченъ. Такъ, прежде всего терминъ «Anschauung» передается словомъ «воззрѣніе»; не понятно, что вызвало замѣну очень удачнаго термина «созерца-

ніе» этимъ не столь выразительнымъ словамъ. Выраженіе «Gedanken» (стр. 21) переводится словомъ «идея», что совершенно неправильно: оно означаетъ «мышленіе». Слово «Perception» переводится терминомъ «воспріятіе» (стр. 82), тогда какъ послѣдній въ нѣмецкомъ языкѣ имѣетъ особое выраженіе «wahrnehmung». На стр. 62, терминъ «reflexion» переводится неправильно словами «внутреннее воспріятіе». Встрѣчаются и другіе промахи въ этомъ отношеніи.

Попадаются также описки и пропуски. Такъ вмѣсто (на стр. 29) «въ кантовой морали чистаго разума» (in Kant's Moral der reiner Vernunft) стоитъ «въ критикѣ чистаго разума Канта...» На стр. 16 «каждую» вмѣсто «каждый». На стр. 129: «...чѣмъ отвлеченная формула», тогда какъ надо: «...отвлеченную формулу» и др.

Переводъ г. Штейнберга въ стилистическомъ отношеніи производитъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ переводъ г. Котляра, хотя и въ немъ можно указать довольно много серьезныхъ погрѣшностей. Онѣ состоятъ, во-1-ыхъ, въ большомъ количествѣ пропусковъ, во-2-ыхъ, въ неправильной передачѣ нѣкоторыхъ выраженій и, наконецъ, въ-3-ыхъ, въ неправильномъ переводѣ отдѣльныхъ терминовъ. Игнорированіе отдѣльныхъ фразъ, словъ, находящихся въ нѣмецкомъ подлинникѣ, встрѣчается у г. Штейнберга на каждомъ шагу. Такъ, напримѣръ, на стр. 19 оставлены безъ перевода слѣд. слова: «mit den edelsten Opfern, an die noch zu erinnern haben...»; на стр. 20 почему-то подверглось остракизму слово blossen («über die blossen Tatsachen»); на стр. 52 оставлены безъ вниманія слѣд. слова «und von neuem geschaffen wird, wenn die Wahrnehmung sich erneuert»...; на стр. 87 пропущено предложеніе: «nur so ist ihre objective Giltigkeit zu verstehen»; на стр. 134 пропущены совсѣмъ слова, стоящія въ кавычкахъ: «Neues will der Edle schaffen und eine neue Tugend,—Altes will der Sute, und dass Altes erhalten bliebe»; на стр. 141 оставлена безъ перевода цѣлая фраза: «Er macht erstarren wie die Berührung eines Zitterrochens». То же встрѣчается во многихъ другихъ мѣстахъ.

Есть и неправильно переведенныя г. Штейнбергомъ мѣста. Напр., на стр. 51 смыслъ фразы: «Наблюденіе можетъ показать... одной и той же величины« (съ 7 строки снизу до 3) совершенно искаженъ вслѣдствіе того, что прилагательное «gleiche» и мѣстоименіе «derselbe» переведены тождественно «одинъ и тотъ же», между тѣмъ какъ центръ тяжести мысли, выраженной даннымъ предложеніемъ, всецѣло лежитъ на разграниченіи этихъ двухъ понятій. Лучше всего gleiche было бы передать словомъ «подобный», а derselbe—«одинъ и тотъ же». На стр. 68 стоитъ: «...комплексы чувственныхъ впечатлѣній... единство, не оправдываемое фактами...» Надо же перевести «въ единство бо̀льшее, чѣмъ то, которое оправдывается самими фактами...», ибо въ текстѣ читаемъ: «zu grösserer Einheit verbunden werden, als dies durch die Thatsachen selbst zu rechtfertigen ist». На стр. 49 слово «Masse» переведено выраженіемъ «мѣра», тогда какъ надо передать словомъ «масса». Такихъ неправильно переведенныхъ мѣстъ можно бы указать еще не мало.

Наконецъ, г. Штейнбергъ не всегда передаетъ правильно термины. Такъ, терминъ «Moral» (стр. 73) онъ переводитъ словомъ «нравственность», между тѣмъ «нравственность» по-нѣмецки выражается словомъ «Sittlichkeit»; «Moral» же означаетъ «мораль», и между этими двумя понятіями существуетъ рѣзкое различіе. Въ другомъ мѣстѣ слово «moral» переводится выраженіемъ «этика» (стр. 22), что опять-таки неправильно. «Betasten» на стр. 44 переводится словомъ «ощущать» вмѣсто правильнаго «осязать». «Raumerfüllung» на стр. 47 передается словомъ «пространство» вмѣсто «наполненіе пространства». «Begreiflichkeit» передается выраженіемъ «познаваемость» вмѣсто «понятность» (33 стр.).

N. N.

П. А. Буланже. Жизнь и ученіе Конфуція. Со статей Л. Н. Толстого «Изложеніе китайскаго ученія». Изд. «Посредника». 1904 г. М. Цѣна 75 к. Книга представляетъ собой первый выпускъ цѣлой серіи, посвященной «Мудрости народовъ Востока». Новое предпріятіе «Посредника» можно, конечно, только привѣтствовать. Въ частности книга о мудрости Китая—Конфуція—появляется у насъ въ популярномъ изложеніи, какъ кажется, впервые. Написана книга г. Буланже хорошимъ и яснымъ языкомъ и даетъ довольно полное представленіе объ ученіи Конфуція. Нѣсколько вредитъ книгѣ излишняя пестрота содержанія. Послѣ живо написаннаго «Введенія» идетъ статья объ ученіи Конфуція—Л. Н. Толстого, затѣмъ біографія Конфуція (изложенная суховато и съ излишнимъ обиліемъ именъ), затѣмъ «Общія примѣчанія къ Великой Наукѣ и Ученію о Серединѣ», отрывки изъ той и другой книги и комментаріи къ нимъ и, наконецъ, отрывки изъ книги Чьюнгъ-Юнгъ съ предисловіемъ. Цѣна книги нѣсколько высока. *Л. В.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

М. Членовъ. „Великое зло".—*К. Козловскій.* „Венерическія и кожныя болѣзни".—*Проф. G. Meyer.* „Подача первой хирургической помощи".—*Проф. Бергманъ.* „Первая хирургическая помощь".—*М. Волковъ.*—„Клиническіе этюды".

Пр.-доц. М. А. Членовъ. «Великое зло». (О венерическихъ болѣзняхъ: перелоѣ, мягкомъ шанкрѣ, сифилисѣ). Спб. Изд. К. Л. Риккера. 1904 г. Стр. XVI+133. Ц. 1 р. 20 к. Д-ръ мед. К. М. Козловскій. Венерическія и кожныя болѣзни въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 1904 г. Изд. 2-ое, знач. допол. Стр. 165. Ц. 80 к. За послѣднее время въ нашемъ обществѣ замѣтно усилился интересъ къ изученію венерическихъ болѣзней и неразрывно съ ними связаннаго вопроса о проституціи. Этому интересу, конечно, можно только порадоваться: какъ ни велико зло, какъ ни безотлагательно нужна энергичная работа для искорененія или хотя бы уменьшенія его, но прежде всего мы должны узнать врага, его сущность, степень распространенности и опасности, возможныя мѣры борьбы съ нимъ. И нельзя не согласиться съ д-ромъ М. А. Членовымъ, что основное, коренное зло заключается въ нашемъ фарисейски-лицемѣрномъ замалчиваніи всего, относящагося къ венерическимъ болѣзнямъ и проституціи. Главная бѣда въ глупомъ предразсудкѣ, по которому заболѣть сифилисомъ—не серьезное несчастье, а непоправимый позоръ, и каждый сифилитикъ—прежде всего презрѣнное существо, а потомъ уже больной человѣкъ. Проведенію въ общество здравыхъ взглядовъ на венерическія болѣзни, а значитъ и борьбѣ съ ними оказываютъ большую услугу книги, подобныя тѣмъ, заглавія которыхъ выписаны выше. Намъ кажется, что гораздо раціональнѣе поступилъ д-ръ Членовъ, отказавшись вовсе отъ описанія кожныхъ болѣзней и ограничившись описаніемъ однихъ венерическихъ: общепонятно изложить кожныя болѣзни, какъ это попытался сдѣлать д-ръ Козловскій, дѣло вообще трудное, а тѣмъ болѣе безъ рисунковъ, препаратовъ и т. д., которые въ этомъ отдѣлѣ медицины нужнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ виду главнымъ образомъ, *морфологической* разницы между различными видами кожныхъ явленій. О каждой изъ трехъ венерическихъ болѣзней каждый изъ авторовъ даетъ краткій историческій очеркъ, изложеніе главныхъ симптомовъ и осложненій, предохранительныхъ мѣръ и методовъ леченія. Необходимость предоставлять леченіе именно врачу и опасныя стороны обращенія къ «цѣлителямъ» и «патентованнымъ средствамъ» достаточно ярко выяснены и подчеркнуты въ книгѣ д-ра Членова, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о книгѣ

*

д-ра Козловскаго; равнымъ образомъ заслуживаетъ похвалы настойчивое подчеркиваніе первымъ авторомъ факта полной излечимости сифилиса. При нѣкоторой разницѣ «итога» въ пользу книги д-ра Членова слѣдуетъ признать все же, что оба автора вполнѣ удовлетворительно справились съ своей задачей—дать общедоступное, стоящее на высотѣ современныхъ научныхъ взглядовъ изложеніе венерическихъ (и отчасти кожныхъ) болѣзней, и мы желаемъ обѣимъ книгамъ возможно широкаго распространенія. Врачъ *Л. В—ій.*

Проф. Dr. G. Meyer. Подача первой помощи при внезапныхъ заболѣніяхъ и несчастныхъ случаяхъ. Пер. д-ра мед. Б. Е. Гершуни. Изд. К. Л. Кихнера. Спб. 1904 г. Стр. I+317. Ц. 2 р. 50 к. Проф. Э. Бергманъ. Первая медицинская помощь. Пер. д-ра О. Лурье. Кіевъ. Изд. Пироговскаго товарищества. Стр. 135. Ц. 50 к. «Знающій человѣкъ — всегда также добрый человѣкъ», думаетъ идеалистъ Сократъ, и проф. Бергманъ находитъ, что врачи могутъ доказать это, проникаясь серьезностью и святостью своей задачи и неустанно работая для своего усовершенствованія. Но, безспорная сама по себѣ, святость задачи врача бываетъ особенно наглядной при внезапныхъ заболѣваніяхъ и несчастныхъ случахъ. Проф. Г. Мейеръ, одинъ изъ со-авторовъ первой изъ разсматриваемыхъ книгъ (сюда вошли статьи проф. Бергмана, К. Гергарта, О. Либрейха, А. Мартина и Г. Мейера) даетъ краткій и, къ сожалѣнію, очень отрывистый и неполный очеркъ постановки дѣла «спасательныхъ станцій» въ нѣкоторыхъ городахъ западной Европы. Лучше всего это дѣло поставлено въ Берлинѣ, гдѣ имѣется достаточное число пунктовъ и «провизорной», предварительной подачи помощи, и больничнаго лѣченія. Какъ поставлено это дѣло даже въ лучшемъ изъ русскихъ городовъ—общеизвѣстно: заботы о первой помощи выражаются въ лучшемъ случаѣ въ устройствѣ нѣсколькихъ каретъ «скорой помощи», да двухъ-трехъ пунктовъ ночного дежурства врачей. А тамъ «во глубинѣ Россіи» нѣтъ и этого, и дѣло принимаетъ формы, такъ тонко и мастерски описанная въ чеховскомъ разсказѣ «Скорая помощь». Нелѣпость и вредъ такого положенія вещей очевидны, и книги, имѣющія цѣлью привлечь вниманіе врачей и общества къ этому вопросу, очень желательны. Соотвѣтственно большей частотѣ и важности именно хирургическихъ внезапныхъ заболѣваній, статья о первой хирургической помощи проф. Бергмана составляетъ главное содержаніе первой изъ разсматриваемыхъ книгъ и все содержаніе второй. Послѣ отдѣла хирургической помощи въ книгѣ проф. Мейера помѣщены статьи о первой помощи при внутреннихъ заболѣваніяхъ, при отравленіяхъ и въ женскихъ болѣзняхъ и акушерствѣ; заканчивается книга очеркомъ первой помощи потерявшимъ сознаніе и мнимо-умершимъ. Авторитетныя имена авторовъ ручаются за научную цѣнность статей; переведены обѣ книги хорошо, цѣну же назначенную за первую книгу, нельзя не признать высокой. Врачъ *Л. В—ій.*

Проф. М. М. Волковъ. Клиническіе этюды. Опытъ индивидуальнаго изученія развитія болѣзненныхъ состояній. Вып. I. Спб. 1904 г. Стр. III+275. Ц. 1 р. 50 к. Врачъ долженъ избѣгать шаблона, индивидуализировать каждый отдѣльный случай, словомъ, долженъ лечить не болѣзнь, а *больного*, со всѣмъ многообразіемъ лично присущихъ паціенту индивидуальныхъ особенностей. Это положеніе общепризнано въ медицинѣ теоретически, но оно далеко еще не проникло въ сознаніе и повседневную дѣятельность всѣхъ врачей, и потому талантливые «этюды» проф. Волкова, убѣжденнаго и послѣдовательнаго противника шаблона въ медицинѣ, составляютъ желательный вкладъ въ русскую медицинскую литературу. «Клиническіе этюды» переработаны изъ лекцій, читанныхъ авторомъ слушательницамъ женскаго медицинскаго института въ Петербургѣ, и состоятъ изъ обширнаго «Вступленія» и трехъ «Наблюденій», детально разработанныхъ съ точки зрѣнія индивидуаль-

наго изученія болѣзненныхъ состояній. Въ живо и образно написанномъ вступленіи обращаетъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, біографическая схема — вопросы, на которые необходимо имѣть отвѣтъ для постановки клиническаго діагноза болѣзни отдѣльнаго больного и рекомендуемый авторомъ логическій путь для постановки этого діагноза. «Схема» съ такой полнотой охватываетъ прошлое и настоящее даннаго больного, которая не легко достижима даже при клиническомъ пользованіи больного, а тѣмъ болѣе въ обычныхъ условіяхъ медицинской практики; эту схему и еще многое изъ того, что авторъ считаетъ необходимымъ для успѣшнаго пользованія врачомъ болѣзней, жизнь безжалостно вырветъ изъ рукъ врача, но тѣмъ чаще и настойчивѣе слѣдуетъ напоминать и подчеркивать, какъ далеки обычныя условія врачебнаго вмѣшательства отъ идеала, чего можно достигнуть въ этой области, чего именно слѣдуетъ желать. Нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ вотъ что: на стр. 16 авторъ, говоря о логическихъ путяхъ постановки діагноза, почему-то признаетъ нераціональнымъ и отказывается пользоваться методомъ исключенія; этотъ методъ, часто примѣняемый въ медицинѣ при постановкѣ такъ называемаго дифференціальнаго діагноза, вполнѣ законный логическій пріемъ, да авторъ и самъ, вопреки своему заявленію, пользуется имъ на стр. 82, 83, 162 и др. Еще двѣ досадныя частности считаемъ нужнымъ отмѣтить. Авторъ даетъ нѣсколько портретовъ разбираемыхъ больныхъ (стр. 47, 115, 206, 207) и, вопреки хорошему обычаю послѣдняго времени, не снабдилъ своихъ больныхъ при фотографированіи масками; это мелочь, но она производитъ непріятное впечатлѣніе неуваженія къ личности. Нѣсколько серьезнѣе злоупотребленіе автора иностранными словами: медицинскій языкъ вообще пестритъ ими, но тѣмъ болѣе слѣдуетъ избѣгать излишней иностранщины, вродѣ: иктеричный, латентный, алиментарный, рептиліи, генитальный, мезентеріальный и т. д. За указанными небольшими замѣчаніями, книга остается все же хорошей, серьезно и живо написанной иллюстраціей къ принципу индивидуалистическаго леченія болѣзней; очерки будятъ мысль и направляютъ ее къ рѣшенію самыхъ важныхъ проблемъ медицинскаго искусства и науки.

Врачъ *Л. В—ій.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го марта по 15-ое апрѣля 1904 г.

Н. Н. Карповъ. Штрихи и блики. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эллисъ. Иммортели. Вып. 1-ый Ш. Бодлэръ. М-ва. 1904 г. Ц. 80 к.

Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. 2-ое изд. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

И. Дю-Киръ. Маленькія Сирены. Очерки и разсказы. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

А. Иноземцева. Іосифъ Метцль. Н.-Новгородъ. 1904 г. Ц. 15 к.

И. Франко. Збирникъ творивъ. Т. I и II. Кіевъ. 1904 г. Ц. по 65 к.

А. Рокотовъ. Разсказы и пѣсни о жизни. Т. I. М-ва. 1903 г. Ц. 40 к.

М. Сѣдинъ. Косолапъ. Атаманъ войска Азовскаго. Трагедія въ 5-ти дѣйств. въ стихахъ. Екатеринодаръ. 1903 г. Ц. 50 к.

А. Догановичъ. Вася-Горбунъ. Разсказъ для дѣтей. Съ рис. М-ва. 1904 г. Ц. 15 к.

«Со всѣхъ полей». «Общедоступная библіотека». Вып. I. На Морскомъ пескѣ. Учительница. Деревенская драма. Пер. съ анг. А. Каррикъ. М-ва. 1904 г. Ц. 40 к.

Л. Г. Иностранная критика о Горькомъ. Сборникъ статей. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. И. К. Герои Максима Горькаго и судъ юридической науки. Казань. 1904 г. Ц. 25 к.

П. Вейнбергъ. Русскіе поэты. (Карманная хрестоматія). Т. I и II. Изд. Суворина «Дешевая библіотека». Спб. 1904 г. Ц. по 20 к., въ папкѣ по 28 к., въ перепл. по 35 к.

К. Носиловъ. У вогуловъ. Очерки и наброски. Съ 41 рис. въ текстѣ. Изд. Суворина. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

К. Скальковскій. Маленькая хрестоматія для взрослыхъ. Мнѣнія русскихъ о самихъ себѣ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

О. Мирбо. Разсказы. Предисловіе Б. Витмера. Спб. 1904 г. Изд. «Оріонъ». Ц. 1 р.

И. Рукавишниковъ. Стихотворенія. Книга 3-я. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

В. Гете. Фаустъ. Трагедія. Пер. въ прозѣ П. Вейнберга, съ примѣч. переводчика. Спб. Изд. «Знанія». 1904 г. Ц. 2 р.

Русская Муза. Собраніе лучшихъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній рус. поэтовъ XIX вѣка. Сост. П. Я. Изд. «Русскаго Богатства». Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

П. Хотымскій. На новомъ мѣстѣ. Разсказъ. Изд. «Посредника». М-ва. 1904 г. Ц. 25 к.

С. Семеновъ. Крестьянскіе разсказы. Съ предис. гр. Л. Н. Толстого. Изд. 2-ое, съ измѣненіями. Изд. «Посредника». М-ва. 1904 г. Ц. 90 к.

В. Шекспиръ. Т. V. Изд. Брокгауза и Ефрона «Библ. великихъ писателей», подъ ред. С. Венгерова. Спб. 1904 г. Ц. 30 р.—5 том. съ разсрочкой.

«Библіотека для дѣтей и юношества» подъ ред. Горбунова-Посадова. М-ва. 1904 г. **С. Порѣцкій.** Давайте работать! Практическое руководство ко всевозможнымъ работамъ изъ бумаги, дерева и металла. Въ 564 рис. Ц. 2 р. 80 к., въ папкѣ 3 р. **Э. Сетонъ-Томпсонъ.** Лисья семья. Разсказъ. Съ 9-ю рис. автора. Ц. 15 к. Красный воротничекъ. Разсказъ. Съ 13-ю рис. Ц. 20 к. **О. Шмейль.** Человѣкъ, животныя и растенія. Пер. съ нѣм. С. Порѣцкій. Вып. I. Животныя и человѣкъ. Съ 103 рис. Ц. 70 к., въ папкѣ 90 к. Чужой и другіе разсказы. Съ рис. Ц. 70 к., въ папкѣ 90 к. Мой отецъ и другіе разсказы. Съ 9-ю рис. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р.

Изданія «Посредника». М-ва. 1904 г. 1) Какъ Симонъ нашелъ себѣ отца. Дитя стрѣлочника. Ц. 1½ к. 2) Лихой врагъ. Ц. 3 к. 3) Два ребенка. Ц. 1½ к. 4) Учительница. Ц. 1½ к. 5) Деревушка благодатная. Ц. 1 к. 6) Бѣлая одежда. Ц. 1½ к. 7) Индійскій мудрецъ Сиддарта-Будда. Ц. 6 к.

И. Ивановичъ. Борцы и мученики за свободу Болгаріи. М-ва. 1904 г. Ц. 60 к.

А. Богдановъ. Эмпиріомонизмъ. Статьи по философіи. М-ва. 1904 г. Ц. 80 к.

Ш. Диль. Очерки изъ культурной исторіи Византіи. Пер. и предисловіе Г. Васькова. Харьковъ. 1903 г.

П. Рабиновичъ. Что такое радій и каковы его свойства. Спб. 1904 г. Ц. 35 к.

И. Шумиковъ. Посадка арбузовъ и приготовленіе арбузнаго меда. Самара. 1904 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Его же. Многосѣменная тыква, какъ самое выгодное и надежное масличное и кормовое растеніе. Самара. 1904 г. Ц. 30 к.

И. Лисовскій и И. Шумковъ. Костеръ безостый. Самара. 1904 г. Ц. 20 к. съ пер. 25 к.

Н. Березинъ. Чао-Сянъ. Страна утра. Корея и корейцы. Съ 13-ю рис. и картой въ текстѣ. Спб. 1904 г. Ц. 15 к.

И. Озеровъ. Очерки экономической и финансовой жизни Россіи и Запада. Сборникъ статей. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

В. Розовъ-Цвѣтковъ. По ту сторону «Пояса міра». Этнографическіе очерки и разсказы. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р.

Д-ръ А. Комбъ. Дѣтская нервозность. Пер. съ 2-й франц. Изд. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

И. Гливенко. «Gil Blas de Santillane» Лесажа и его ист.-литер. значеніе. Кіевъ. 1904 г.

Н. Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати. (1703—1903 гг.). Изд. Суворина. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Э. Танонъ. Эволюція права и общественное сознаніе. Пер. А. Фитингофъ. Изд. Суворина. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Ив. Ивановъ. Вопросы молодости. Спб. 1904 г. Ц. 90 к.

Л. Б. Хавкина. Библіотека, ихъ организація и техника. Съ 32 рис. и 40 табл. Изд. Суворина. Спб. 1904 г. Ц. 3 р.

Я. Недымовъ. Химическая природа мірового эфира (по Д. Менделѣеву). Спб. 1904 г.

Ф. Нитти. Основныя начала финансовой науки. Пер. съ пр. рук. И. Шрейдера. Съ пред. Чупрова. М-ва. 1904 г. Ц. 3 р.

Н. Дружининъ. Какъ должна вестись война. Популярный очеркъ права войны. М-ва. 1904 г. Ц. 25 к.

М. Чуносовъ. Критическія статьи. Изд. и ред. Ясинскаго. Спб. 1904 г. Ц. 25 к.

Гр. П. Шереметевъ. Памяти Б. Н. Чичерина. М-ва. 1904 г. Ц. 25 к.

М. Бинштокъ. Книга Мудрости. Мысли, наблюденія и характеристики, извлеченныя изъ литературъ разныхъ эпохъ и народовъ. Спб. 1904 г. Ц. 2 р.

К. Кейльгакъ. Практическая геологія. Пер. съ нѣм. съ измѣн. и дополненіями А. М. Скрипникова. Т. I, съ 177 рис. и чертежами въ текстѣ. М-ва. 1903 г. Ц. 2 р. 75 к.

Краткая біографія П. В. Смирновскаго. М-ва. 1904 г. Ц.

Т. Морэ. Солнце. Съ пред. К. Фламмаріона. Пер. съ фр. В. Л. Р—ова. (Съ 93 рис.). Спб. 1904 г.

Р. Браунсъ. Химическая минералогія. Перев. Д. Бѣлянкина подъ редакціей Ф. Ю. Лессинга. Съ 33 фиг. въ текстѣ. Спб. 1904 г. Ц. 4 р.

А. Генкель. Тридцать простѣйшихъ опытовъ по физіологіи растеній. Изд. общеобразовательныхъ курсовъ. Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

А. Голлеманъ. Учебникъ органической химіи. Переводъ со 2-го нѣм. Изд. А. В. Генерозова. Съ 78 рис. въ текстѣ. М-ва. 1904 г. Ц. 2 р. 25 к.

Т. Алабина. Картины изъ жизни государства Аѳинскаго въ V в. до Р. Х. М-ва. 1904 г. Ц. 25 к.

Ав. Калантаръ. Общедоступное руководство по молочному хозяйству. Съ 85 рис. въ текстѣ. 2-ое изд. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

Д. Зелениниъ. Кама и Вятка. Путеводитель съ 7-ью илл. Юрьевъ. 1904 г. Ц. 60 к.

А. Бутлеровъ. Какъ водить пчелъ. 6-ое изд. Съ 23 рис. Спб. 1904 г. Ц. 10 к.

Черемисиновъ. Одесса въ исторіи русскихъ войнъ. Къ 50-лѣтію Крымской войны. Одесса. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Его же. Нападеніе англо-французскаго флота на Одессу въ 1854 г. Съ порт. и рис. Одесса. 1904 г. Ц. 20 к.

Ю. Бѣляевская. Англія. Н.-Новгородъ. 1904 г. Ц. 25 к.

И. Сикорскій. Характеристика черной, желтой и бѣлой расъ въ связи съ вопросами Русско-Японской войны. Кіевъ. 1904 г.

Н. Н. Козьминъ. Изъ прошлаго Сибири. Иркутскъ. 1904 г.

Г. Спенсеръ. Введеніе въ философію. Въ краткомъ изложеніи И. Любомудрова. 2-ое испр. изданіе. Ковровъ. 1904 г. Ц. 40 к.

М. Членовъ. Великое зло. (О венерическихъ болѣзняхъ: передоѣ, мягкомъ шанкрѣ, сифилисѣ). Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.

А. К. Шырихсонъ. Культура всѣхъ огородныхъ растеній, произрастающихъ въ Россіи до 62° с. ш., и ихъ примѣненіе въ поваренномъ искусствѣ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Петровъ. Правильное французское произношеніе. Практическое руководство для русскихъ по лекціямъ проф. Лозанн. университета А. Андрэ. Спб. 1904 г. Ц. 70 к.

В. Виндельбандъ. Прелюдіи. Философскія статьи и рѣчи. Пер. со 2-го нѣм. изд. С. Франка. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 60 к.

С. Бѣлозерскій. Вересаевъ передъ судомъ московской науки. Спб. 1904 г. Ц. 25 к.

А. Ѳ. Кони. Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Біографическій очеркъ. Съ порт., 4 факсимиле Ѳ. П. Гааза, видомъ его могилы и 72 рис. 3-е изд., допол. Спб. 1904 г. Изд. Маркса. Ц. 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.

Н. Шкаринъ. Медицинская памятная книжка (для фельдшеровъ). М-ва. 1904 г. Ц. 55 к.

Р. Фонъ-Іерингъ. Борьба за право. Пер. съ нѣм. Спб. 1904 г. Ц. 15 к.

М-ссъ Олифантъ. Странная исторія. Ром. съ анг., пер. М. Дубровиной. Спб. 1904 г. Ц. 25 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Memoirs of Henry Villard, Journalist and Financier, 1835—1900*», *2 vols. Portraits and Maps* (*Archibald Constable*). *21 s.* (*Мемуары Генри Вилларда, журналиста и финансиста*). Это очень интересная автобіографія американскаго военнаго журналиста, жизнь котораго была полна всевозможныхъ превратностей и который впослѣдствіи сдѣлался силой въ финансовомъ мірѣ и довелъ до благополучнаго окончанія сѣверную тихоокеанскую желѣзную дорогу. Авторъ сообщаетъ очень много интересныхъ эпизодовъ изъ гражданской войны, во время которой онъ былъ корреспондентомъ, и разсказываетъ о Линкольнѣ и другихъ выдающихся дѣятеляхъ, съ которыми онъ былъ лично знакомъ.

(Daily News).

«*Travail et plaisir*». *Nouvelles études expérimentales de psychomécanique, par le D-r Ch. Féré. Paris* (*Alcan*). *12 fr.* (*Трудъ и удовольствіе*). Книга представляетъ философское изслѣдованіе. Изложивъ вкратцѣ свой взглядъ на достоинство ручного и интеллектуальнаго труда, авторъ переходитъ къ изученію многочисленныхъ и разнообразныхъ факторовъ, могущихъ оказывать вліяніе на трудъ вообще, какъ, напр.: ритмъ, продолжительность отдыха, экономія силъ, индивидуальныя условія, атмосферическія условія, искусственное согрѣваніе головы, чувственное возбужденіе и т. д. Главная идея автора заключается въ томъ, что дѣятельность составляетъ главный источникъ нашего счастья и спокойствіе возможно для насъ только въ смерти; поэтому-то мы инстинктивно стремимся къ дѣятельности и такъ какъ человѣкъ не можетъ оставаться бездѣятельнымъ, то чѣмъ болѣе онъ предается праздности, тѣмъ болѣе онъ нуждается въ возбужденіи и удовольствіяхъ.

(Polybiblion).

«*Naissance et mort*», *étude de socio-biologie et de médicine légale, pas le prof. G. Morache* (*Alcan*). *4 fr.* (*Рожденіе и смерть*). Очень глубокое по мысли и выполненію изслѣдованіе эволюціи человѣка, съ момента рожденія и до самой смерти. Философы всѣхъ временъ стремились разрѣшить проблему жизни, опредѣлить условія біологической дѣятельности человѣческихъ существъ, но проблема эта такъ и остается до сихъ поръ не разрѣшимой и научнымъ школамъ удалось лишь освѣтить нѣкоторыя, опредѣленныя стороны этой проблемы. Профессоръ Морашъ разсматриваетъ не эту проблему, а лишь самый фактъ рожденія и смерти съ соціальной точки зрѣнія, т.-е. вступленіе въ соціальную среду и выходъ изъ нея, что не можетъ пройти безслѣдно для коллективныхъ интересовъ, причемъ получаетъ значеніе масса побочныхъ вопросовъ, напр., преемственность и наслѣдственность. Авторъ особенно настаиваетъ на «отысканіи отцовства» (recherche de la paternité), которымъ, по его словамъ, пренебрегали только тогда, когда человѣческая индивидуальность разсматривалась, какъ элементъ второстепенный.

(Polybiblion).

«*Hygiène de l'âme* (*hygiène morale*)» *par E. de Feuchtersleben* (*Baillère*). *4 fr.* (*Гигіена души*). Прекрасный, маленькій трактатъ практической философіи, который могутъ прочесть съ большою пользою даже такіе читатели, которые не получили спеціальнаго медицинскаго образованія.

(Polybiblion).

«*Penseurs et savants*», *leurs maladies, leur hygiène, par D-r Gélineau* (*Vigot*). *4 fr.* (*Ученые и мыслители*). Этотъ небольшой трактатъ гигіены души, адресованный, главнымъ образомъ, людямъ науки и интеллектуальнаго труда. Надо прибавить, впрочемъ, что авторъ обращаетъ свое главное вниманіе на физическія болѣзни, присущія мыслителямъ и указываетъ на средства предупрежденія этихъ болѣзней.

(Polybiblion).

«*The Autobiography of a Thief*» *by Hutchins Hapgood* (*Putnam*). *6 s.* (*Автобіографія вора*). Представляетъ ли эта книга фактъ или вымыселъ, во всякомъ случаѣ она заключаетъ въ себѣ интересный матеріалъ для криминологіи. Авторъ сообщаетъ, что онъ написалъ ее со словъ бывшаго каторжника Джима, разсказъ котораго заключаетъ въ себѣ много интересныхъ для каждаго соціолога данныхъ, бросающихъ свѣтъ на тѣ условія, которыя создаютъ порою преступниковъ изъ людей, обладающихъ всѣми умственными

и физическими качествами, для того, чтобы сдѣлаться полезными гражданами. (Academy).

«*An Autobiography*» *by Herbart Spencer* (*Williams and Norgate*). *28 s. 2 vols.* (*Автобіографія*). Выдающійся англійскій мыслитель, Гербертъ Спенсеръ, завѣщалъ издать послѣ своей смерти свою автобіографію, которая теперь вышла изъ печати. Для всѣхъ образованныхъ читателей эта книга представляетъ огромный интересъ, такъ какъ освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ характеръ Спенсера и его труды и, кромѣ, того заключаетъ въ себѣ единственное въ своемъ родѣ изслѣдованіе собственнаго интеллектуальнаго развитія, которымъ философъ занимается съ такою же добросовѣстностью, съ какою онъ занимался вообще всѣмъ, что былъ предметомъ его изученія. Интересны также его сужденія о другихъ выдающихся людяхъ, съ которыми онъ сталкивался въ своей жизни. (Academy).

«*Propos de Morale*» *par M. Henry Michel. Deux volumes* (*Hachette*). *7 fr.* (*Рѣчи о нравственности*). Авторъ является глубокимъ и внимательнымъ наблюдателемъ современной жизни. Всякое политическое или общественное событіе, всякій инцидентъ текущей жизни, характеризующій нравы, даютъ ему поводъ къ серьезнымъ размышленіямъ, касающимся современной жизни и ея условій. Въ первомъ томѣ онъ говоритъ о современной жизни и нравахъ, о людяхъ и книгахъ, во второмъ—о политикѣ, о прошломъ и будущемъ Франціи.

(Journal des Débats).

«*Les Américaines chez elles*» *par Th. Bentzon. Nouvelle édition revue et augmentée* (*Hachette*). *3 fr. 50.* (*Американки у себя дома*). Въ этомъ второмъ изданіи своей книги авторъ прибавилъ много новыхъ и интересныхъ фактовъ и прослѣдилъ тѣ измѣненія, которыя произошли за десятилѣтній періодъ въ положеніи американскихъ женщинъ, а затѣмъ и въ положеніи женщинъ всего міра. Авторъ рисуетъ американскую жизнь въ совершенно новомъ свѣтѣ.

(Journal des Débats).

«*Das Land der Zukunft*» *von Wilhelm v. Polenz* (*Fontane*). *Berlin.* (*Страна будущаю*). Интересное описаніе американской жизни, принадлежащее перу недавно умершаго беллетриста. Поленцъ разсматриваетъ въ своихъ очеркахъ американскую жизнь съ точки зрѣнія изслѣдователя культуры.

(Berlin. Tag.).

«*Zwei Jahre unter den Kannibalen der Solomo-Inseln*» *von Karl Ribbe* (*Hermann Beyer*). (*Два года среди каннибаловъ Соломоновыхъ острововъ*). Авторъ этой книги, этнографъ и энтомологъ, изслѣдовалъ мало или почти неизвѣстныя области архипелага острововъ Соломона. Онъ сообщаетъ о жителяхъ этихъ острововъ и ихъ природѣ много интересныхъ и неизвѣстныхъ фактовъ.

(Berlin. Tag.).

«*L'Alcoolisme et les moyens de le combattre jugés par l'experience*» *par D-r Jacques Bertillon* (*Lecoffre*). *2 fr.* (*Алкоголизмъ и способы борьбы съ нимъ на основаніи опыта*). Эта маленькая книжка раздѣляется на три части. Въ первой заключается таблица потребленія алкоголя въ главныхъ европейскихъ странахъ. Во второй части авторъ доказываетъ, что алкоголь ядовитое вещество. Третья и самая главная часть посвящена изслѣдованію результатовъ, достигнутыхъ различными средствами борьбы съ алкоголизмомъ. Авторъ указываетъ, между прочимъ, что Норвегія потребляетъ теперь алкоголя гораздо меньше другихъ странъ въ Европѣ, хотя прежде она потребляла его гораздо больше другихъ, это подтверждаетъ нѣкоторую дѣйствительность мѣръ, употребляемыхъ противъ алкоголизма. (Polybiblion).

«*Les Prédicateurs de la scène*» *par François Veuillot* (*Retaux*). *3 fr. 50.* (*Проповѣдники сцены*). Авторъ съ большимъ искусствомъ и талантомъ анализируетъ произведенія современныхъ драматурговъ, съ точки зрѣнія вложенныхъ въ нихъ идей и поученій, посредствомъ которыхъ авторъ этихъ произведеній желаетъ оказывать вліяніе на своихъ зрителей.

(Journal des Débats).

«*Through the Lands of the Serb*» *by Mory E. Durham* (*Arnold*). (*Въ странѣ сербовъ*). Несмотря на заглавіе, первая часть книги посвящена Черногоріи и Албаніи и только потомъ авторъ переходитъ къ сербамъ. Книга написана очень интересно и изобилуютъ любопытными подробностями, касающимися политической и соціальной жизни балканскихъ народовъ.

(Daily News).

«*Foundations of Modern Europe*» *by Emil Reich* (*Bell*). *5 s.* (*Основы современной Европы*). Авторъ поставилъ себѣ цѣлью выяснить духъ и значеніе исторіи Европы съ 1756 года. Его книга очень занимательна и богата совершенно неожиданными выводами, поражающими читателя, какъ совсѣмъ необычайныя открытія, и въ то же время заставляющими его призадуматься надъ нѣкоторыми историческими вопросами, которые, быть можетъ, раньше и не приходили ему на умъ. (Academy).

«*The Slave in history, his sorrows and his Emancipation*» *by William Stevens* (*The religions Tract Society*). *6 s.* (*Рабъ въ исторіи, его страданія и эмансипація*). Въ этой книгѣ заключается обзоръ вопроса

о рабствѣ и занимаемаго имъ мѣста въ исторіи. Авторъ изучаетъ роль, которую сыграло рабство въ соціальныхъ движеніяхъ. Книга снабжена рисунками, изображающими сцены изъ жизни рабовъ.

(Daily News).

«*Among the Tibetans*» *by Isabella L. Bishop. With illustrations.* (*The religions Tract society*). *1 s. 6 d.* (*Среди тибетцевъ*). Авторъ этой небольшой, интересной книги совершилъ путешествіе по малоизвѣстнымъ областямъ Тибета. Разсказъ объ этомъ путешествіи написанъ очень живо и даетъ понятіе о странѣ и ея жителяхъ. Мистриссъ Бишопъ описываетъ странныя сцены, которыя она наблюдала во время своего пребыванія среди тибетцевъ, превосходно обрисовывающія характеръ народа и его нравы. Рисунки, приложенные къ ея разсказу, сняты съ набросковъ, сдѣланныхъ ею во время пребыванія въ Тибетѣ.

(Daily News).

«*A History of European Thought in the Nineteenth Century*» *by John Theodore Merz. Vols I and II* (*Blacowod and Sons*). (*Исторія европейской мысли въ XIX столѣтіи*). Авторъ ставитъ себѣ цѣлью выяснить сознательныя стремленія и цѣли, если только они существуютъ въ политическомъ и соціальномъ движеніи; тамъ же, гдѣ ихъ нѣтъ, онъ указываетъ, какъ отразились эти движенія на современной мысли; подъ мыслью же онъ подразумѣваетъ всю внутреннюю жизнь и дѣятельность націи въ теченіе извѣстнаго періода. Главнымъ образомъ онъ старается очертить методы распространенія и примѣненія знаній и разъяснить принципы литературнаго творчества и критицизма, а также тѣ духовныя сокровища, которыя выражены въ поэзіи, искусствѣ и религіи даннаго періода. Онъ говоритъ, что желаетъ найти отвѣтъ на вопросъ, какую роль сыгралъ внутренній міръ мысли въ исторіи вѣка и какіе результаты, относительно прогресса и развитія, должны разсматриваться, какъ послѣдствіе внѣшнихъ и внутреннихъ событій и перемѣнъ?

(Athaeneum).

«*The Balkans from Within*» *by Reginald Wyon* (*Finch and C°*). (*Балканы изнутри*). Интересная книга, рисующая положеніе на Балканахъ и жизнь балканскихъ народовъ. Турецкую часть Балканскаго полуострова авторъ называетъ царствомъ лжи. Книга снабжена многочисленными и очень удачными фотографическими снимками.

(Athaeneum).

«*A Naturalist in Guiana*» *by Eugène André* (*Smith, Elder and C°*) (*Натуралистъ въ Гвіанѣ*). Та область тропическаго дѣвственнаго лѣса Ориноко, которую описываетъ авторъ, очень мало извѣстна. Это почти непроходимыя дебри, въ глубинахъ которыхъ, по разсказамъ туземцевъ, обитаютъ какія-то странныя получеловѣческія существа. Вообще воображеніе аргедей наполняетъ эту таинственную чащу всевозможными чудесами, разжигающими любопытство путешественниковъ, хотя никакого Эльдорадо и не скрывается въ этомъ лѣсу, но онъ заключаетъ въ себѣ неистощимые природные источники богатства; каучукъ, ваниль и др., тропическіе продукты тутъ находятся въ изобиліи. Авторъ рисуетъ въ весьма непривлекательномъ видѣ испанское населеніе, самое дальнее изо всѣхъ находящееся по теченію притока Ориноко. Отсюда экспедиція углубилась въ тропическій лѣсъ и вступила въ область неизвѣстнаго. Обратное путешествіе экспедиціи было преисполнено драматизма и часть ея пропала безъ вѣсти въ лѣсныхъ дебряхъ.

(Athaeneum).

«*Three Years in the Klondyke*» *by Jeremiah Lynch. With nomerous illustrations 12 s. 6 d.* (*Edward Arnold*). (*Три года въ Клондайкѣ*). Чрезвычайно занимательное описаніе путешествія въ золотоносный округъ. Авторъ пробылъ въ Клондайкѣ достаточно долгое время и могъ изучить страну и характеръ ея обитателей, которыя сошлись тутъ изъ разныхъ мѣстъ, привлекаемые жаждою золота.

(Athaeneum).

«*The United States of our own Time*» *by E. Benjamin Andrews* (*Chatto Windus*) *16 s.* (*Соединенные Штаты въ наше время*). Драматическое повѣствованіе о великихъ событіяхъ американской исторіи, обнимающихъ періодъ съ 1870 по 1903 г. Авторъ рисуетъ яркую картину развитія республики, не забывая отмѣчать и тѣневыя стороны. Книга снабжена многочисленными иллюстраціями. (Daily News).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

Вахмистръ едва успѣлъ отобрать дома вещи, какія онъ хотѣлъ взять съ собой.

— Ида,—крикнулъ онъ въ дверяхъ,—сдѣлай мнѣ къ завтраку бутербродъ и пришли въ канцелярію!

Юлія по обыкновенію лежала на своемъ всегдашнемъ мѣстѣ на диванѣ передъ столомъ. Сестра что-то шила.

Немного недовольная перерывомъ, она принесла изъ кухни хлѣбъ и масло. Большимъ хлѣбнымъ ножомъ она отрѣзала два ломтя, намазала масломъ и понесла.

Хлѣбъ и ножъ на немъ остались на самомъ краю стола. Ножъ нѣсколько времени раскачивался взадъ и впередъ на круглой поверхности хлѣба, потомъ медленно соскользнулъ и упалъ на одѣяло.

Сначала больная не обратила на него вниманія: Ида подберетъ, когда вернется. Но вдругъ у нея мелькнула въ головѣ мысль. Это несомнѣнно указаніе судьбы. Этотъ ножъ долженъ быть орудіемъ ея мести. Она быстро схватила его своей слабой рукой и внимательно разсмотрѣла его. У него было длинное и твердое лезвіе, видимо недавно только что отточенное. Она попробовала его на пальцѣ и немного порѣзала себѣ кожу. Небольшая капелька крови осталась на блестящей стали, а рядомъ налипли крошки хлѣба. Она не могла отвести глазъ отъ блестящей штуки.

Услышавъ стукъ входной двери, она быстро сунула ножъ подъ одѣяло.

Сестра вошла въ комнату и хотѣла сразу отрѣзать себѣ хлѣба на завтракъ. Она окинула взглядомъ столъ.

— Не брала ли ты ножъ, Юлія?—спросила она.—Онъ только что лежалъ тутъ.

— Я?—сердито переспросила больная.—Нѣтъ.

— Значитъ, я унесла его въ кухню.

Но и въ кухнѣ онъ не отыскивался.

— Фу, ты, Господи,—ворчала дѣвушка,—вѣдь я только что рѣзала имъ хлѣбъ для Отто.

Она перетряхивала свою работу.

— Вѣдь только что сію минуту. Куда же онъ могъ дѣваться.—Развѣ ты его не видѣла, Юлія?—переспросила она опять.—Онъ лежалъ на хлѣбѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтила больная—тутъ его не было. Я бы замѣтила. Можетъ быть, ты захватила его съ собой въ канцелярію?

— Возможно.

За обѣдомъ Ида спросила зятя:

— Отто, не оставила ли я у тебя въ канцеляріи хлѣбный ножъ?

— Не знаю. Я велю поискать.

Больше о пропавшемъ ножѣ разговоровъ не было.

Юлія Геннеръ чувствовала себя удивительно крѣпкой и здоровой, съ тѣхъ поръ какъ у нея въ рукахъ было такое великолѣпное оружіе. Наконецъ насталъ часъ, когда она отомститъ за годы страданій, за свой безграничный позоръ. И она кидала торжествующіе взоры на мужа и на сестру, какъ на двухъ обреченныхъ ею жертвъ.

Вечеромъ было еще столько возни съ укладкой, что никто не вспомнилъ про лѣкарство для больной.

— Отто, дай мнѣ лѣкарство,—потребовала она,—я могу сама принять.

Вахмистръ поднялъ голову и усмѣхнувшись взглянулъ на свояченицу. Чортъ возьми! За этой дурацкой возней совсѣмъ было вышло изъ ума обезпечить себѣ послѣднюю ночь передъ разлукой,—хорошо, что она сама позаботилась.

Ида тоже улыбнулась про себя.

Онъ подалъ женѣ склянку и ложку и напомнилъ ей:

— Смотри, не перелей!—Про себя же подумалъ: можетъ и выпьетъ немножко побольше,—ну, тѣмъ лучше, крѣпче заснетъ.

И снова принялся за укладку.

— Готово! — сказала больная, стряхивая ложку.—Кажется, и правда вышло немножко побольше.

Она налила нѣсколько капель лѣкарства на ложку и теперь старательно вытирала себѣ губы платкомъ.

— Ну, не бѣда если и полная ложка. Только бы не больше одной ложки.

— Ида, не поможешь ли ты мнѣ дойти до спальни, — заговорила снова больная.—Я что-то чувствую усталость.

— Хорошо, хорошо! — отвѣтила сестра.—Сейчасъ. Дай только кончить. Я сію минуту.

И она торопливо затягивала ремнями чемоданчикъ съ вещами зятя.

Пробило десять часовъ. Трубачъ протрубилъ зарю.

— Неужели ужъ такъ поздно!—проворчалъ вахмистръ.—Давай, давай сюда. Я самъ снесу на фуру.

Онъ взялъ чемоданъ и пошелъ къ двери. На порогѣ онъ остановился и прибавилъ:

— Я еще разъ пройду по батареѣ и сейчасъ же лягу. Завтра надо пораньше встать.

— Отлично,—отвѣтила свояченица.— Съ меня тоже довольно. Я устала какъ собака.

Опять больная лежала на кровати и ждала. Подъ одѣяломъ у нея былъ ножъ, и она судорожно сжимала его рукой.

Въ сосѣдней комнатѣ сестра что-то торопливо прибирала. Дверь была полуоткрыта, такъ что всѣ ея движенія отчетливо слышны были въ спальнѣ. Потомъ она такъ же поспѣшно раздѣлась, точно ее что-то подгоняло.

Подойдя къ двери, она тихонько спросила въ щелку:

— Юлія, ты спишь?

И потомъ еще разъ, громче и настойчивѣе:

— Ты спишь, Юлія?

Нѣсколько времени она стояла, прислушиваясь. Потомъ легла.

Дверь оставалась незакрытой, и больная слышала, какъ она нетерпѣливо ворочалась на постели.

Прошло около часу. Вахмистръ осторожно отворилъ входную дверь.

Онъ снялъ въ сѣняхъ сапоги со шпорами и тихонько вошелъ въ спальню.

И снова тотъ же вопросъ заглушеннымъ голосомъ:

— Юлія, ты спишь?

Ей хотѣлось расхохотаться надъ этими двумя дураками, — такъ ихъ легко водить за носъ. На одну секунду у нея явилось искушеніе отвѣтить и разрушить такимъ образомъ ихъ гнусный планъ, но она промолчала,—когда оба, наконецъ, заснутъ, тогда настанетъ часъ ея мести.

Вахмистръ торопливо снялъ съ себя форму. Потомъ онъ опять подошелъ къ ея кровати и прислушался.

Больная не двигалась...

Минуты бѣжали. Обманутая женщина лежала, точно пригвожденная на своемъ ложѣ. Рука ея изо всѣхъ силъ сжимала ножъ, такъ что ручка впивалась въ тѣло. Она до крови закусила губы, чтобы заглушить крики ярости.

Она испытывала ни съ чѣмъ не сравнимую адскую пытку, и длилось это цѣлую вѣчность.

Тысячу разъ ей казалось, что должно наступить утро, но ея пытка все еще продолжалась.

Наконецъ, тамъ, за стѣной все затихло. Женщина, должно быть, заснула, и мужъ оставилъ ее. Она не отвѣтила на прощальный привѣтъ, который онъ шепнулъ ей уже въ дверяхъ.

Со вздохомъ облегченія растянулся онъ на кровати и черезъ минуту уже спалъ крѣпчайшимъ сномъ.

Больная подождала еще немного.

Потомъ она рѣшительно поднялась.

Храпъ мужа совершенно заглушалъ шорохъ ея движеній. Она спустила ноги и встала босыми ногами на полъ. Ножъ она продолжала сжимать въ правой рукѣ.

Кого раньше? Его, безжалостнаго мучителя, погубившаго всю ея жизнь? Или ее, безстыдную негодницу, въ конецъ замучившую ее.

Оба должны умереть. Но прежде она покончитъ съ этой бестыдной собакой!

Цѣлый потокъ бранныхъ словъ, самыхъ ужасныхъ, какія она могла придумать, просился ей на языкъ. Ей хотѣлось крикнуть ихъ въ ухо умирающей, съ дикимъ торжествомъ выкрикивать ихъ, пока она не умретъ.

Осторожно пробиралась она, хватаясь за кровать, за стулья. Колеблющимися шагами добралась она до двери и переступила порогъ.

Въ окно проникалъ блѣдный свѣтъ утреннихъ сумерокъ, смутно выступали очертанія предметовъ. Въ комнатѣ царилъ полный безпорядокъ. Всюду разбросаны были части одежды, стулья сдвинуты съ мѣстъ, на столѣ остатки ужина. И самый воздухъ былъ какой - то особенный, тяжелый и удушливый, точно весь еще пропитанный смрадомъ позорнаго преступленія.

Больная зашаталась. У нея потемнѣло въ глазахъ.

Но она пересилила себя и подошла къ кровати.

Сестра спала, зарывшись въ подушки, растрепавшіеся волосы совсѣмъ закрывали ей лицо.

Вдругъ она зашевелилась и такъ рѣзко повернулась на спину, что одѣяло сбилось съ нея и медленно скатилось на полъ.

Въ полусвѣтѣ сумерекъ забѣлѣли очертанія ея цвѣтущаго тѣла.

Больная не могла оторвать отъ него горящаго взгляда. Вдругъ дикая усмѣшка мелькнула на ея губахъ, и она подняла ножъ.

Въ эту секунду волна крови поднялась у нея въ горлѣ и хлынула изо рта. Она пошатнулась и протянула руки, ища, за что ухватиться. Ножъ выпалъ изъ разжавшихся пальцевъ и зазвенѣлъ объ полъ. Съ глухимъ стономъ умирающая опустилась на землю.

Спящая лѣниво пошевелилась и приподнялась на локтѣ.

— Оставь, Отто!—пробормотала она еще сквозь сонъ.

Но вдругъ она вскочила, съ дикимъ крикомъ бросилась въ спальню и принялась расталкивать Отто. Его не легко было добудиться.

Еще не вполнѣ проснувшись, онъ покорно пошелъ за ней.

Юлія Гепнеръ лежала мертвая въ лужѣ крови.

Мужъ и сестра со страхомъ смотрѣли на нея. Вдругъ они одновременно замѣтили ножъ рядомъ съ трупомъ, и оба содрогнулись.

Мимо нихъ прошла смерть.

За окномъ трубачъ весело наигрывалъ утреннюю зарю.

IX.

Всѣ-то пули изъ желѣза и свинца,
Да не всякая задѣнетъ молодца.
„Солдатская пѣсня“.

Клара Гюнцъ кормила своего мальчика.

Солнечные лучи проникали сквозь листву грушеваго дерева и ложились свѣтлыми пятнами на грудь матери и на кругленькое личико ребенка. Когда шаловливый лучъ начиналъ цѣловать веселые глазки ребенка, двѣ пухленькія ручки поднимались вверхъ и усердно старались столкнуть его. Но ничего не попадалось въ маленькіе пальчики,— они хватали воздухъ. Тогда мальчикъ переставалъ сосать, и глазки его смотрѣли удивленно, — что за чудо? Но сейчасъ же онъ снова прижимался носикомъ къ груди матери и принимался за прерванный обѣдъ.

Мать съ сіяющей улыбкой склонялась къ ребенку и нѣжно прижимала его къ себѣ.

Казалось, этотъ счастливый уголокъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ всего окружающаго. Отъ шума и сутолки внѣшняго міра его ограждали высокія стѣны, скрытыя отъ глазъ густой цвѣтущей зеленью.

Вокругъ царила чуткая тишина лѣтняго утра, казалось, можно было подслушать, какъ ласковые солнечные лучи вливали силы и жизнь въ каждый листъ, въ каждый цвѣтокъ, въ каждую былинку.

Ребенокъ еще раза два нехотя потянулъ молоко, потомъ его головка медленно откинулась назадъ на подушку. Клара положила его въ колясочку. Онъ еще разъ, другой пріоткрылъ глазки, пожмурился на солнце, потомъ повернулся на бочокъ и спокойно заснулъ.

Молодая мать оперлась подбородкомъ на край колясочки и вся ушла въ созерцаніе своего ребенка. На глазахъ у нея стояли слезы.

Торжественная тишина этого утра, этотъ уединенный уголокъ и видъ спящаго ребенка, въ котораго она сама вливала жизнь и здоровье, все это вмѣстѣ наполняло ее чувствомъ безграничнаго счастья и благодарности, ей хотѣлось плакать слезами радости.

Но вдругъ Клара подняла голову и выпрямилась.

*

Не то, чтобы она считала смѣшнымъ отдаваться такому умиленному настроенію, но во всякомъ случаѣ не надо было слишкомъ долго убаюкивать себя. Если человѣкъ счастливъ, онъ долженъ прежде всего проявлять это въ бодрой работѣ. Радость жизни сказывается въ дѣятельности, въ гордой увѣренности, что дѣятельность твоя не безплодна.

Клара взяла въ руки свою работу.

Но ручная работа дѣлается почти механически. Она не мѣшаетъ теченію мыслей.

Ее заботилъ мужъ.

Не въ отношеніи здоровья, — нѣтъ. Не даромъ же она ухаживала за нимъ по всѣмъ правиламъ гигіены, съ любовью и вниманіемъ. Нѣтъ, тутъ что-то другое. Не онъ ли отличался прежде такой уравновѣшанностью, всегда ощущалъ подъ ногами твердую почву, а теперь онъ страдалъ какой-то неувѣренностью, вѣчными колебаніями. Настроеніе его постоянно мѣнялось, и порой этимъ веселымъ жизнерадостнымъ человѣкомъ овладѣвало какое-то необъяснимое уныніе и угнетенность.

Эта смѣна настроеній была очевидно въ связи со службой. Клара уже давно догадывалась объ этомъ. Вѣчныя столкновенія съ этимъ несноснымъ пьяницей Моромъ не могли проходить безслѣдно. Капитанъ, видѣвшій въ старшемъ офицерѣ своего соперника и преемника, вооружался всѣми силами противъ малѣйшаго улучшенія, какое предлагалъ ввести Гюнцъ. Это вызывало безконечныя пререканія, непріятныя осложненія и ежедневныя взаимныя неудовольствія.

Оберъ-лейтенантъ считалъ неумѣстнымъ касаться этихъ служебныхъ отношеній во время совмѣстныхъ ужиновъ съ полковникомъ, а Фалькенгеймъ, въ сущности ожидавшій этого, приходилъ къ убѣжденію, что Гюнцъ хочетъ безъ посторонней помощи довести до конца свою борьбу съ Моромъ. Самъ онъ, конечно, заранѣе зналъ, на чью сторону онъ встанетъ.

Наконецъ, Клара рѣшила покончить съ этими вѣчными недомолвками.

Гюнцъ разъ навсегда строго воспретилъ ей вмѣшиваться въ служебныя дѣла, но она убѣдила себя, что это запрещеніе не могло касаться такого изъ ряда вонъ выходящаго случая. Поэтому она рѣшила, не взирая ни на что, обратиться къ полковнику. Она, впрочемъ, не скрывала отъ себя, что это до нѣкоторой степени самообманъ. Какой случай не показался бы ей изъ ряда вонъ выходящимъ, если дѣло касалось ея мужа?

Она видѣла, какіе мелочные, глупые и часто безтактные происки пускаютъ въ ходъ другія полковыя дамы, и ей невольно приходило въ голову, неужели же одна она не можетъ въ такомъ серьезномъ случаѣ воспользоваться исключительно благопріятными условіями близкаго сосѣдства.

Полковникъ немедленно исполнилъ ея просьбу о переводѣ Гюнца, и Клара не мало гордилась этимъ. Впрочемъ, она только отчасти могла приписать это себѣ.

Во всякомъ случаѣ Фалькенгеймъ внимательно выслушалъ ее до конца, — обыкновенно онъ только изъ вѣжливости не прерывалъ дамъ на первомъ же словѣ. Онъ, дѣйствительно, высоко цѣнилъ умную и скромную женщину. Конечно, онъ тѣмъ не менѣе не затруднился бы и ей отказать, если бы ему самому эта мѣра не представлялась необходимой. Дисциплина, и раньше хромавшая въ пятой батареѣ, теперь была совершенно нарушена вѣчными ссорами двухъ старшихъ офицеровъ. Мора онъ считалъ прямо-таки вреднымъ для службы элементомъ. Какими то непостижимыми путями, должно быть благодаря сильной рукѣ,—поговаривали о вліятельномъ родственникѣ въ военномъ министерствѣ,—онъ все еще держался на мѣстѣ. Съ своей стороны полковой командиръ имѣлъ въ виду приложить всѣ старанія, чтобы его отставка не затянулась ни въ какомъ случаѣ дольше весны. До тѣхъ поръ волей-неволей должно было продолжаться это безпутное хозяйство. Но Гюнца надо было во что бы то ни стало убрать изъ пятой батареи. Кстати подошла командировка Вегштетена на австрійскіе маневры. Командованіе ше-

стой батареей было поручено Гюнцу. Произошло это совершенно естественно, такъ какъ все равно оно должно было перейти къ одному изъ старшихъ офицеровъ.

Гюнцъ и не подозрѣвалъ про маленькую интригу своей жены. Онъ бодро принялся за новыя обязанности, и онѣ, повидимому, должны были его удовлетворить. Тѣмъ не менѣе утраченное равновѣсіе не вполнѣ вернулось къ нему. Въ чемъ-то онъ еще не разобрался, что-то все еще мучило его.

У Клары ея послѣдній успѣхъ породилъ нѣкоторое тщеславіе, и ей очень хотѣлось прогнать и это послѣднее облачко. Она вошла во вкусъ роли доброй волшебницы, но при всемъ желаніи она не могла разгадать, что теперь тяготитъ ея мужа. На прямые вопросы онъ отвѣчалъ уклончиво.

— Не знаю, право, чего ты хочешь. На всякаго человѣка находятъ серьезныя минуты.

Но эти «серьезныя минуты» стали находить что-то очень ужъ часто.

Молодая женщина постоянно ломала себѣ голову надъ этимъ. Она взвѣшивала всѣ возможности, но никакъ не могла найти ключъ къ разгадкѣ.

Въ дѣйствительности Гюнца съ каждымъ днемъ все меньше удовлетворяло его офицерское званіе. Онъ начиналъ думать, что ошибся въ призваніи. Тяжело придти къ такому выводу, послѣ того какъ убилъ на данное дѣло двѣнадцать лучшихъ лѣтъ жизни. Но ему все-таки казалось, что время еще не ушло, и онъ серьезно обдумывалъ планъ выйти въ отставку и заняться своей любимой спеціальностью—инженернымъ дѣломъ.

Стремленіе къ этому проснулось въ немъ еще во время работъ въ испытательной артиллерійской коммиссіи. На свое возвращеніе къ фронтовой службѣ онъ смотрѣлъ, какъ на нѣкотораго рода опытъ,—сможетъ ли онъ войти опять въ прежнюю ежедневную сутолку. Наконецъ, онъ самъ себѣ назначилъ срокъ,—годъ намѣревался онъ пробыть батарейнымъ командиромъ и тогда уже рѣшить окончательно свой выборъ.

Во время столкновеній съ капитаномъ Моромъ у него нѣсколько разъ являлось искушеніе положить конецъ сейчасъ же. Но нѣтъ, нельзя рѣшать вопросъ всей будущей жизни на основаніи такого исключительно неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ. И онъ храбро боролся со своимъ желаніемъ все бросить.

15-го августа онъ принялъ на себя командованіе 6-й батареей. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, но скоро, къ собственному удивленію, замѣтилъ, что даже самостоятельная служба не доставляетъ ему больше удовольствія.

Къ тому же батарея Вегштетена, поскольку это зависѣло отъ командующаго офицера, была дѣйствительно, въ идеальномъ порядкѣ.

Одинъ только лейтенантъ Ландсбергъ представлялъ, по его мнѣнію, темное пятно на свѣтломъ фонѣ. Какъ только Вегштетенъ получилъ командировку, молодой человѣкъ безъ всякаго удержу отдался своей страсти къ развлеченіямъ. Капитанъ, пока онъ былъ тутъ, не давалъ ему спуску. Вегштетенъ поклялся сдѣлать изъ него порядочнаго офицера. Пробудить въ немъ какой-нибудь интересъ къ дѣлу не было возможности; по крайней мѣрѣ, онъ задался цѣлью заставлять его покупать преимущества своего офицерскаго званія цѣною строгаго исполненія служебныхъ требованій.

Въ отсутствіи Вегштетена Ландсбергъ мечталъ пожить въ свое удовольствіе. Оберъ-лейтенантъ Гюнцъ былъ все-таки наполовину товарищъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть такъ требователенъ, какъ настоящій батарейный командиръ.

Какъ бы по молчаливому уговору, онъ сразу сталъ разрѣшать себѣ нѣкоторыя вольности, которыя при Вегштетенѣ показались бы ему чуть не государственнымъ преступленіемъ. На службу онъ являлся съ опозданіемъ и позволялъ себѣ манкировать даже во время своего дежурства.

Гюнцъ попробовалъ сначала дѣйствовать на него по-товарищески черезъ Реймерса, но молодой человѣкъ не обратилъ на слова Реймерса ни малѣйшаго

вниманія, онъ счелъ ихъ за личную выдумку товарища. Когда же Реймерсъ объяснилъ ему, что онъ говоритъ по порученію батарейнаго командира, онъ со смѣхомъ замахалъ руками и беззаботно вскричалъ:

— Ну, ужъ, милѣйшій Реймерсъ, въ этомъ вы меня не увѣрите! Я лучше васъ знаю добрѣйшаго толстяка Гюнца, хоть вы и другъ его!

Съ этого его никакъ нельзя было сбить. Онъ не желалъ принимать въ съ серьезъ дружескихъ предупрежденій товарища. Реймерсъ въ концѣ концовъ не зналъ, чѣмъ это объяснить,—глупостью или дерзостью. Повидимому, тутъ было соединеніе того или другого.

Выслушавъ пріятеля, Гюнцъ сердито взмахнулъ хлыстомъ и сказалъ пріятелю:

— Эге! Вотъ какъ обстоитъ дѣло! Ну я этого молодчика живо подтяну.

И онъ вдругъ почувствовалъ неудержимую потребность хоть до нѣкоторой степени облегчить душу, подѣлиться съ другомъ тѣми мыслями, которыя такъ мучили его въ послѣднее время.

— Этого-то молодца я, конечно, могу въ бараній рогъ согнуть. Способовъ въ моемъ распоряженіи достаточно. Но хуже всего то, что этотъ юноша не исключительное явленіе, а въ нѣкоторомъ родѣ типъ. Конечно, выдающійся образчикъ типа, можно сказать, вѣнецъ его. Но и вообще ихъ развелось черезчуръ много, этихъ декоративныхъ офицеровъ. Все, что составляетъ истинное назначеніе офицера, преданность службѣ,—для нихъ совершенно второстепенная вещь, мелочи, не стоющія вниманія, а главное мундиръ и разныя почести и преимущества, связанныя съ нимъ! Если и дальше пойдетъ все такъ же,—форма, пустая оболочка, будетъ попрежнему стоять на первомъ планѣ, тогда ихъ разведется и того больше. Образумить одного изъ нихъ — еще не велика заслуга. Стоитъ только смѣниться начальнику, немножко отпустятъ ему поводья, и все дрянное нутро снова полѣзетъ наружу. Ты только раскинь умомъ, дружище, какая открывается перспектива. Вѣдь вся эта пустопорожная, безпорядочная банда будетъ пробиваться и выше. Едва ли изъ этихъ никчемныхъ лейтенантовъ могутъ выйти разумные капитаны. Въ большинствѣ случаевъ легкомысленное и поверхностное отношеніе къ жизни успѣваетъ за десятокъ лѣтъ войти имъ въ плоть и кровь, и они не въ состояніи и дальше проникнуться чувствомъ отвѣтственности. Если они и тутъ оказываются никуда не годными, ну тогда одно изъ двухъ, или они выходятъ въ отставку и преспокойно доживаютъ свой вѣкъ на казенныя денежки, или судьба и дальше продолжаетъ покровительствовать имъ. У нихъ оказывается гдѣнибудь какая-нибудь кузина или двоюродный дядюшка, который шепнетъ, кому слѣдуетъ, нужное словечко, или они сами оказываются «хорошей фамиліи», или, наконецъ, очень усердно Богу молятся, и Богъ имъ посылаетъ милость,—они получаютъ высшія назначенія. Такимъ образомъ, армія пріобрѣтаетъ никуда негодныхъ штабъ-офицеровъ.

Реймерсъ хотѣлъ что-то возразить, но Гюнцъ только рукой махнулъ и продолжалъ дальше.

— Для нынѣшняго молодого офицера такое пренебреженіе къ своему дѣлу, къ своему призванію положительно типично. Да, да именно пренебреженіе, какъ ты себѣ хочешь. Молодой человѣкъ занимаетъ въ сущности чрезвычайно отвѣтственный постъ, ему, несмотря на его молодость, оказываютъ почести, какъ вполнѣ сложившемуся человѣку. И ужъ въ чемъ другомъ, а въ этомъ онъ своего не упуститъ! А самъ онъ? Знаешь, большинство нашихъ товарищей смотритъ на время лейтенантства такъ же, какъ на студенчество. Время, когда можно шалопайничать, исполнять поскольку необходимо служебныя обязанности, принимая съ хохотомъ всякое серьезное замѣчаніе, и, главное, кутить и веселиться на пропалую, проклиная всякую лишнюю минутку, которую придется провести за дѣломъ. Сплошное шалопайничанье! Вѣдь въ концѣ концовъ въ капитаны все-равно выйдетъ всякій, кого только не

прогонять за чрезмѣрную глупость,— только бы векселей не поддѣлывалъ, ну, и на другомъ на чемъ-нибудь не попался.

— Ну, знаешь-ли, — перебилъ его Реймерсъ, — не такъ ужъ это все упрощенно.

Но Гюнцъ не далъ ему кончить.

— Нѣтъ, такъ, именно такъ! Запомнить основныя правила нашей службы, поскольку они нужны для смотровъ, да это дѣтская задача. А вѣдь только на основаніи этого составляетъ свои сужденія начальство! Но обработать ихъ такъ, чтобы они могли найтись и стать полезными во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ, это, дѣйствительно, трудно и требуетъ долгой, основательной работы. А кому охота заниматься ею? Здѣсь работаютъ только для смотровъ. Если смотръ сойдетъ хорошо, тогда и все слава Богу! А въ остальномъ ужъ только на Господа Бога и надежда! Попадется въ батареѣ вотъ этакій молодчикъ, какъ нашъ Ландсбергъ, надо его вышколить. Прекрасно! А какъ? Тутъ пускается въ ходъ цѣлый рядъ хитростей, чтобы только мистеръ Ландсбергъ не осрамился. Со всѣхъ сторонъ ему подмогаютъ, подсказываютъ. «Сюда», «Туда», «Лѣвѣй», шепчутъ ему, чтобъ только все шло гладко, безъ сучка, безъ заморинки. Не бѣда, что начальникъ получитъ вслѣдствіе этого ложное представленіе, это пустяки. Зато все сошло прекрасно, а это главное! Учитель можетъ имѣть въ классѣ и хорошихъ и плохихъ учениковъ, но горе батарейному командиру, у котораго окажется плохой офицеръ. Онъ не съумѣлъ его воспитать. И вмѣсто того, чтобы устранить неспособнаго человѣка, если онъ этого заслуживаетъ, съ нимъ снова начинаютъ возиться, снова безъ толку тратятъ на него время и трудъ. Поистинѣ толченіе воды въ ступѣ! Вмѣсто того, чтобы безъ устали твердить молодымъ людямъ, что они должны вездѣ и всюду охранять честь мундира, лучше бы внушить имъ, чтобы они старались внутренно стать достойными своего призванія, честнымъ выполненіемъ своего долга.

— Ты преувеличиваешь, — пробормоталъ Реймерсъ.

— Я и самъ былъ бы этому радъ,— отвѣтилъ Гюнцъ.—Поди-ка спроси каждаго изъ товарищей: «Доставляетъ-ли вамъ удовольствіе учить рекрутовъ? Встаете-ли вы по утрамъ съ твердымъ рѣшеніемъ: сегодня я приложу всѣ старанія, чтобы хорошенько научить солдатъ». Или они ворчатъ, просыпаясь: «Чортъ побери это сиволапое мужичье». И съ такими похвальными мыслями принимаются за дѣло.

— Почему жъ ты не хочешь спросить, съ какими мыслями просыпаются люди во время стрѣльбы и на маневрахъ?

— Да вѣдь одно изъ другого вытекаетъ, другъ ты мой. Безъ ученья новобранцевъ не можетъ быть стрѣльбы, не можетъ быть маневровъ. Въ отношеніи солдатъ мы играемъ роль военныхъ учителей. Стрѣльба это своего рода экзаменъ для нихъ, на маневрахъ солдаты ничему не научаются, это скорѣй испытаніе для высшихъ офицеровъ. Но учитель, который старается только на экзаменѣ блеснуть, а къ самому существу дѣла относится холодно, не имѣетъ въ моихъ глазахъ никакой цѣны!

— И все-таки ты не правъ,—вскричалъ Реймерсъ.

— Ты думаешь?

— Ты же самъ сейчасъ сказалъ...

— Да, только я это иначе понимаю. Я, дѣйствительно, думаю что молодые офицеры несутъ на себѣ только часть вины, другая часть лежитъ на всей системѣ.

— На какой системѣ?

— Да на всей нашей военной системѣ, на постановкѣ военнаго воспитанія.

— Да вѣдь она оправдала себя въ двухъ кампаніяхъ!

Гюнцъ промолчалъ минуту, потомъ отвѣтилъ уклончиво:

— Да, конечно. Но вѣдь для тебя вѣроятно, не новость, что всякая система существуетъ, какъ разъ до того самаго момента, когда она терпитъ крахъ. Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—

это относится къ той области моихъ мыслей, о которыхъ я еще не хочу пока говорить съ тобой. Я не измѣнилъ свое намѣреніе сдѣлать послѣдній опытъ. Потомъ я рѣшу.

— Что?

— Останусь-ли я офицеромъ, или нѣтъ.

Реймерсъ вскочилъ точно отъ удара.

— Ты съума сошелъ! — вскричалъ онъ.

Пріятель его покачалъ головой и сказалъ спокойно:

— Тамъ видно будетъ.

Потомъ онъ махнулъ рукой, точно хотѣлъ отогнать преждевременныя заботы, и заговорилъ бодрымъ энергичнымъ тономъ:

— Ну, а до тѣхъ поръ мы еще подтянемъ нашего мистера Ландсберга. Пока я ношу офицерскія эполеты, я рукъ складывать не буду.

Реймерсъ началъ настаивать, чтобы онъ подѣлился съ нимъ, наконецъ, своими опасеньями, но Гюнцъ рѣшительно отказался.

— Я отлично знаю,—сказалъ онъ,— что для тебя самого это вопросъ жизни. Съ моей стороны было бы вопіющей несправедливостью тревожить тебя вопросами, которые для меня самого еще неясны и не доказаны. Поэтому вооружись терпѣніемъ, дружище.

Реймерсу пришлось удовлетвориться пока этимъ. Онъ зналъ, какой добросовѣстный и вдумчивый человѣкъ Гюнцъ и, хотя на сердцѣ у него было неспокойно, онъ былъ почти увѣренъ, что правда останется не на сторонѣ товарища. Въ головѣ у него толпилась цѣлая масса невысказанныхъ серьезныхъ возраженій на нападки того.

Между тѣмъ Гюнцъ принялъ вызовъ, брошенный ему Ландсбергомъ. Онъ рѣшилъ обуздать нахальство молодого человѣка только тѣми средствами, которыя были въ распоряженіи у него, какъ у командующаго батареей. Несмотря на все его искреннее возмущеніе противъ этого сорта пустопорожнихъ и самонадѣянныхъ молодчиковъ, его природное добродушіе мѣшало ему причинять серьезныя непріятности лейтенанту. Теоретически онъ былъ глубоко увѣренъ, что подобный типъ вреденъ, но на практикѣ ему очень не хотѣлось прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Какъ большинство свѣтлыхъ блондиновъ, имѣющихъ склонность къ полнотѣ, онъ былъ строже всего къ самому себѣ. Отъ себя онъ требовалъ самой неукоснительной послѣдовательности, къ другимъ былъ снисходителенъ и мягокъ.

Но противъ наглости Ландсберга мягкія мѣры были совершенно недѣйствительны.

Гюнцъ поручилъ ему ревизію кладовыхъ и нашелъ его крѣпко спящимъ на заботливо приготовленномъ изъ родѣялъ ложѣ. Это было грубое нарушеніе долга, такъ какъ согласно приказанію производящій ревизію офицеръ долженъ заставить сержанта пересчитать въ его присутствіи всѣ предметы. И мало этого: Ландсбергъ поставилъ канонировъ караулить, чтобы командиръ батареи не засталъ его врасплохъ,—злоупотребленіе служебной властью.

Призванный къ отвѣту, онъ сказалъ:

— Покорнѣйше прошу извинить меня, но я, право, думалъ, что не большая бѣда, если не хватитъ нѣсколькихъ дюжинъ подковныхъ гвоздей.

Гюнцъ не сталъ объяснять лейтенанту, какъ недостатокъ нѣсколькихъ дюжинъ подковныхъ гвоздей можетъ при случаѣ обречь на неподвижность цѣлую батарею,—онъ просто объявилъ ему выговоръ.

Стоя на вытяжку, съ рукой у козырька принялъ Ландсбергъ наказаніе. Но въ глазахъ его горѣло подавленое бѣшенство. Молодой офицеръ еще такъ плохо усвоилъ себѣ понятіе служебной дисциплины, что этотъ выговоръ показался ему величайшей несправедливостью. Отъ Вегштетена онъ бы выслушалъ его совершенно спокойно, но со стороны офицера, который еще не былъ произведенъ въ капитаны и только временно являлся его начальникомъ, онъ представился ему чуть не личнымъ оскорбленіемъ. Про себя онъ твердо рѣшилъ подать жалобу на Гюнца и обратился къ Реймерсу за указаніемъ, въ какой формѣ это сдѣлать. Но Реймерсъ

вѣжливо уклонился отъ этого и еще разъ посовѣтовалъ ему лучше хорошенько приняться за службу, чтобы такимъ образомъ устранить возможность дальнѣйшихъ столкновеній.

Съ виду Ландсбергъ послушался его совѣта и нѣкоторое время не подавалъ почти никакихъ поводовъ къ замѣчаніямъ. Но въ кругу младшихъ офицеровъ онъ дѣлалъ смутные намеки на то, что когда-нибудь ужъ онъ отплатитъ этому несносному придирѣ Гюнцу, нанесшему ему такое «оскорбленіе». Онъ растравилъ въ себѣ настоящую ненависть къ Гюнцу и эта ненависть составила теперь все содержаніе его души. Онъ далъ себѣ клятву, что Гюнцъ будетъ стоять передъ дуломъ его револьвера, хотя бы это стоило ему его эполетъ.

Въ сущности эта злоба имѣла еще другую причину, она коренилась въ томъ разочарованіи, какое принесла ему офицерская жизнь.

Чортъ знаетъ что! Онъ мечталъ о военномъ мундирѣ, разсчитывалъ окружить свою молодость блестящей рамкой. И вдругъ этотъ, казалось ы, простой планъ превратился въ такую обоюдоострую штуку. Кажется, корпусъ остался позади и человѣкъ можетъ считать, что онъ покончилъ разъ навсегда со всей несносной зубристикой и шагистикой, и вдругъ опять какая-то служба. Ужъ и при Вегштетенѣ это было довольно-таки несносно, но все-таки не до такой степени, какъ при этомъ тупоголовомъ педантѣ Гюнцѣ. Тотъ хоть, по крайней мѣрѣ, послѣ смотровъ, если они сходили удачно, немножко ослаблялъ поводья, а этотъ, со своими вѣчными приставаньями, очевидно, имѣлъ противъ него личность, иначе и объяснить нельзя. И что всего обиднѣе, приходится молча проглатывать всѣ его злобныя придирки, какъ замѣчанія по службѣ. Не смѣть рта раскрыть, да еще отвѣчать вѣжливымъ поклономъ руку къ козырьку—за милостивое наказаніе.

Малѣйшее замѣчаніе все сильнѣе подогрѣвало ярость Ландсберга. Наконецъ, онъ рѣшилъ затѣять ссору съ Гюнцомъ и по возможности оскорбить его дѣйствіемъ. Тогда уже дуэль неизбѣжна.

Конечно, столкновеніе должно носить совершенно частный характеръ. Ландсбергъ обдумывалъ различные способы вызвать его, но всѣ казались ему глупыми и притянутыми за волосы.

Услужливый случай рѣшилъ дѣло.

Офицеры второго дивизіона полка обыновенно предпринимали раза два въ лѣто поѣздки въ уединенный лѣсной хуторъ «Ауэръ». Хуторъ этотъ былъ расположенъ въ сосновомъ лѣсу, тянувшемся до самой границы, и находился въ часѣ ѣзды отъ гарнизона. Молодые офицеры обыкновенно отправлялись на велосипедахъ, а старшіе верхомъ или въ экипажахъ.

Пикники эти устраивалъ на свой счетъ майоръ Шредеръ. Они должны были создавать почву для личнаго сближенія между нимъ и офицерами. Другіе начальники устраивали обѣды или балы, а онъ въ качествѣ холостяка приглашалъ своихъ офицеровъ въ «Ауэръ».

Онъ выдавалъ себя за любителя сельской жизни, и дѣйствительно обстановка этихъ пикниковъ была самая простая, «деревенская». Пильзенское пиво и простая водка составляли всѣ напитки, въ качествѣ ѣды главную роль играли свѣжія яйца, свѣжее масло, черный хлѣбъ да добрый окорокъ ветчины. Ходила сплетня, что хозяйка «Ауэра» была въ прежнее время возлюбленной майора. Шредеръ со смѣхомъ отвергалъ это подозрѣніе, хотя ему нечего было стыдиться статной ядреной красавицы. Какъ бы то ни было, никому еще не случалось видѣть хозяина хутора, а оба подростка—сына хозяйки, весело прислуживавшіе гостямъ у кегель-бана, удивительно напоминали майора.

Когда вся компанія собиралась уже въ обратный путь и велосипеды вытаскивались изъ сарая на дворъ, ярость Ландсберга прорвалась, наконецъ, наружу.

Какъ разъ въ эту минуту онъ меньше всего думалъ о своей мести. Онъ предпочелъ пиву болѣе крѣпкіе напитки и усидѣлъ одинъ полбутылочки водки. Послѣ этого у него было немного смутно въ головѣ, и онъ не сразу нашелъ свой велосипедъ. Гюнцъ

добродушно пошутилъ надъ нимъ и изъ этого разгорѣлась серьезная ссора.

Въ концѣ концовъ Гюнцъ пожалъ плечами и отошелъ отъ него. Онъ рѣшилъ, что Ландсбергъ пьянъ. Но лейтенантъ бросился за нимъ и замахнулся на него. Задѣлъ онъ его, впрочемъ, только по рукѣ. Остальные офицеры сейчасъ же бросились къ нимъ и схватили Ландсберга. Тотъ впалъ въ настоящее бѣшенство, яростно топалъ ногами и на губахъ у него показалась пѣна.

Шредеръ попросилъ своего адъютанта и капитана Маделунга отвезти его въ каретѣ домой. Потомъ онъ обратился къ Реймерсу и сказалъ:

— Я надѣюсь, мой милый Реймерсъ, вы позаботитесь о томъ, чтобы вашъ другъ, Гюнцъ, доѣхалъ спокойно до дому.

Реймерсъ отвѣтилъ съ поклономъ.

— Точно такъ, господинъ майоръ.

Гюнцъ сдѣлалъ Реймерсу знакъ подождать. Они смотрѣли, какъ товарищи уѣзжали одинъ за другимъ, всѣ подъ гнетомъ непріятнаго происшествія. Оживленіе и веселость какъ рукой сняло, лица у всѣхъ были разстроенныя, голоса невольно понижались, движенія стали сдержанѣе.

Даже самый дворъ какъ будто измѣнился. Прежде это былъ веселый гостепріимный дворъ достаточной деревенской усадьбы, большіе фонари высоко поднятые въ обѣихъ рукахъ работника освѣщали бѣлыя стѣны дома и сараевъ, земледѣльческія орудія и телѣги по угламъ, веселыя лица оживленныхъ гостей и бѣлый передникъ добродушной хозяйки. Теперь изъ ночной тьмы вдругъ потянуло холодомъ и сразу прогнало все веселое оживленіе картины, дворъ опустѣлъ, хозяйка скрылась въ домѣ, только блѣдный мѣсяцъ озарялъ мертвеннымъ свѣтомъ стѣны, плуги и телѣги, но не могъ разогнать притаившійся по угламъ мракъ.

Нѣсколько минутъ Гюнцъ молча прохаживался вдоль кегельбана. Реймерсъ присѣлъ въ маленькой бесѣдочкѣ, гдѣ среди стола возвышался забытый во льду опустѣвшій пивной боченокъ. Когда Гюнцъ останавливался, слышно было, какъ капли таявшаго льда падали въ глиняную чашку. Вокругъ царила полнѣйшая тишина. Потомъ опять раздавались на пескѣ хрустящіе шаги.

— Я думаю, мы можемъ пуститься въ путь,—сказалъ Гюнцъ своимъ обычнымъ спокойнымъ голосомъ.

— Отлично, я готовъ, — отвѣтилъ Реймерсъ.

— Ну, такъ ѣдемъ.

На дворѣ оберъ-лейтенантъ остановился. Онъ откашлянулся и сказалъ:

— Чортъ возьми! Какъ мнѣ пить хочется.

— Погоди, я сейчасъ достану тебѣ кружку пива,—предложивъ Реймерсъ.

— Нѣтъ, спасибо. Мнѣ хочется воды.

Съ этими словами онъ вернулся въ бесѣдку, взялъ стаканъ и отправился къ колодцу. Бадья рѣзко заскрипѣла въ ночной тишинѣ.

Въ свѣтѣ луны Реймерсъ видѣлъ, какъ его другъ жадными глотками пилъ прозрачную воду. Потомъ онъ еще разъ наполнилъ стаканъ и еще разъ осушилъ его.

Оттуда они прошли къ сараю.

— Чудесная вода,—сказалъ Гюнцъ со вздохомъ удовлетворенія. —Никогда такой не пилъ. Живая сила земли.

Сарай былъ скудно освѣщенъ маленькой лампочкой. Оба велосипеда стояли, прислоненные къ стѣнѣ. Снаружи оставался еще третій—Ландсберга. Гюнцъ ввелъ его въ сарай.

— Жалко, — сказалъ онъ.—Ночная сырость очень вредна для никелировки.

Работникъ не показывался, хотя онъ и на чай еще не получилъ. Они медленно вывели велосипеды за ворота.

Передъ тѣмъ какъ сѣсть, Гюнцъ сказалъ:—Пожалуйста, другъ, поди завтра утромъ къ Ландсбергу и передай ему вызовъ, на пистолетахъ. Съ офицерскимъ судомъ я уже самъ устроюсь.

Реймерсъ отвѣтилъ.

— Хорошо.—Потомъ онъ прибавилъ еще:а— какія условія?

Оберъ-лейтенантъ подумалъ минуту.

— Это ужъ установить судъ товарищей, — сказалъ онъ наконецъ: — по моему пятнадцать шаговъ и троекратный обмѣнъ выстрѣловъ.

— Отлично.

— Ну, такъ ѣдемъ! Только осторожно! Темно, хоть глазъ выколи.

Медленно ѣхали пріятели по дорогѣ. Въ лѣсу, подъ деревьями мракъ былъ совершенно непроницаемый. Только на открытомъ шоссе можно было ѣхать нѣсколько скорѣе.

Въ городѣ на улицахъ было совершенно темно и пустынно, хотя только что пробила полночь.

Не обмѣнявшись ни однимъ словомъ, доѣхали друзья до калитки дома Гюнцевъ. Оберъ-лейтенантъ хотѣлъ также молча распрощаться, но Реймерсъ удержалъ его руку.

— Вотъ что, Гюнцъ,—сказалъ онъ, запинаясь.—Я все думаю. Вѣдь вызовъ по служебнымъ причинамъ недопустимъ. А здѣсь какъ разъ, думается мнѣ, въ этомъ все дѣло.

— Ну, конечно,—отвѣтилъ Гюнцъ.— Истинная причина, понятно, служба. Ландсбергъ хочетъ отплатить мнѣ, за мою требовательность. Но обставлено вѣдь иначе. Во всякомъ случаѣ вызвать я обязанъ.

— Ты правъ, — сказалъ Реймерсъ. Онъ нѣкоторое время стоялъ молча, облокотившись на велосипедъ. Потомъ Гюнцъ пожалъ ему руку и сказалъ:

— Спокойной ночи, другъ.

— Спокойной ночи, дорогой мой Гюнцъ,—отвѣтилъ Реймерсъ.

Онъ проводилъ взглядомъ друга, твердыми шагами шедшаго по двору.

Задумавшись, онъ простоялъ еще нѣсколько минутъ передъ калиткой, потомъ сѣлъ на велосипедъ и медленно поѣхалъ домой.

Гюнцъ осторожно поставилъ на мѣсто свой велосипедъ и тихо поднялся по ступенькамъ въ квартиру.

Въ лѣтніе мѣсяцы, когда служба начиналась смотря по обстоятельствамъ,— въ пять часовъ утра или даже раньше, онъ устроилъ себѣ постель въ маленькой комнаткѣ, смежной со спальней жены и ребенка. Дверь между ними всегда оставалась открытой.

Стараясь не зашумѣть онъ отстегнулъ саблю и снялъ сапоги со шпорами. Потомъ онъ подошелъ къ двери, заглянулъ въ темную спальню и прислушался. Спущенная на открытомъ окнѣ штора равномѣрно поднималась и опускалась. Гдѣ-то въ травѣ тихо стрекоталъ кузнечикъ, а изъ комнаты до него доносилось мѣрное дыханіе обоихъ спящихъ, спокойное и отчетливое дыханіе жены и едва слышное быстрое дыханіе ребенка.

Гюнцъ прислонился къ косяку и долго вслушивался въ равномѣрные звуки. Цѣлый міръ счастья былъ заключенъ для него въ этой комнатѣ, дыханіе спящей возлюбленной звучало для него какъ самая прекрасная музыка.

Вдругъ по спинѣ у него прошелъ холодъ. Свинцовая тяжесть сковала его члены, и одна отвратительная мысль овладѣла его сознаніемъ.

Съ трудомъ снялъ онъ съ себя платье и почти сейчасъ же погрузился въ тяжелый сонъ.

Офицерскій судъ призналъ вызовъ, но нѣсколько смягчилъ условія. Вмѣсто троекратнаго обмѣна выстрѣлами рѣшенъ былъ двукратный при пятнадцати шагахъ разстоянія. Дуэль должна была состояться на другой день въ половинѣ шестого утра на учебномъ плацу для револьверной стрѣльбы.

Исполнивъ порученіе Гюнца, Реймерсъ предложилъ ему себя въ качествѣ секунданта. О времени и мѣстѣ онъ шепнулъ ему въ канцеляріи, когда Гюнцъ подписывалъ какія-то бумаги.

Тотъ кивнулъ головой и отвѣтилъ коротко:

— Хорошо, я поговорю съ тобой потомъ.

Реймерсъ вышелъ изъ канцеляріи, а Гюнцъ остался за конторкой. Онъ уже подписалъ всѣ рапорты, теперь передъ нимъ лежалъ послѣдній.

Онъ снова и снова перечитывалъ его съ начала до конца:

«Шестая батарея почтительнѣйше доноситъ, что во время пастьбы лошадей на казенныхъ лугахъ, къ югу отъ казармы, въ теченіе лѣта не произошло ни одного случая колики или какихъ-либо другихъ желудочныхъ или кишечныхъ заболѣваній».

Но сколько онъ ни перечитывалъ

эти строки, онъ никакъ не могъ вникнуть въ ихъ смыслъ.

О дуэли онъ не думалъ. Просто голова была какая-то пустая и глупая, и онъ Богъ знаетъ въ который разъ перечитывалъ рапортъ о пастьбѣ лошадей.

Вахмистръ Гепнеръ подошелъ къ нему и спросилъ:

— Въ которомъ часу, господинъ оберъ-лейтенантъ, назначить на завтра тактическое ученье батареи?

Гюнцъ сразу пришелъ въ себя. Онъ быстро подписалъ рапортъ и откинулся на спинку стула.

— Завтра? гм!—пробормоталъ онъ. Дуэль назначена на половину шестого. Онъ соображалъ, — въ четверть часа можно смѣло вернуться съ стрѣльбища въ казарму.

— Ровно въ шесть, — опредѣленно отвѣтилъ онъ.

— Такъ точно, въ шесть часовъ,— отвѣчалъ Гепнеръ и записалъ время въ книжечкѣ.

— Да, да, въ шесть, — повторилъ Гюнцъ.

Если онъ будетъ не въ состояніи, команда перейдетъ къ Реймерсу.

Была среда, день, когда Реймерсъ обѣдалъ у Гюнцевъ. Онъ хотѣлъ было отказаться, чтобы тотъ могъ всецѣло посвятить себя женѣ и ребенку, но Гюнцъ запротестовалъ.

— И не выдумывай, дружище! Чтобъ еще Клара какъ-нибудь смекнула. Нѣтъ, нѣтъ! Мы идемъ вмѣстѣ! Не строй только, Бога ради, такой похоронной физіономіи! Это главное.

И самъ онъ весь день былъ въ самомъ спокойномъ и благодушномъ настроеніи.

Но Реймерса Клара все-таки спросила:

— Что съ вами сегодня, лейтенантъ Реймерсъ, вамъ вѣрно нездоровится.

— Къ сожалѣнію, да, — отвѣтилъ Реймерсъ,—должно быть, это отъ жары.

— Мнѣ искренно жаль, — замѣтила Клара. Потомъ она прибавила болѣе веселымъ тономъ:—ну, не бѣда, пройдетъ. Сегодня вообще какой-то неудачный день. Вотъ и полковникъ не можетъ придти, уѣхалъ въ Кюренъ къ двоюродному брату.

Реймерсъ откланялся раньше обыкновеннаго. Дома Гелеръ передалъ ему письмо Фалькенгейма.

Полковникъ писалъ:

«Милый мой Реймерсъ, я вернусь къ 11 часамъ изъ Кюрена. Очень прошу васъ зайти сегодня же вечеромъ.

Вашъ Ф.»

Это все-таки лучъ надежды! Можетъ быть, была еще возможность предотвратить эту проклятую дуэль. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ полковникъ имѣлъ право отмѣнить приговоръ офицерскаго суда и испросить у короля непосредственное высочайшее повелѣніе.

Положимъ, Реймерсъ не могъ хорошенько придумать, чѣмъ можно было бы оправдать въ данномъ случаѣ подобный шагъ. Именно это столкновеніе было какъ нельзя болѣе просто: ссора, и какъ послѣдствіе ея—оскорбленіе дѣйствіемъ, хотя и не самое тяжелое,—во всякомъ случаѣ загладить его невозможно, и дуэль, повидимому, неизбѣжна.

Фалькенгеймъ ждалъ его. Спокойный, уравновѣшенный человѣкъ былъ, видимо, въ лихорадочномъ возбужденіи. Онъ безостановочно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, все время разстегивая и снова застегивая одну и ту же пуговицу сюртука.

— Благодарю васъ, дорогой Реймерсъ,—сказалъ онъ негромкимъ, точно сдавленымъ голосомъ.—Благодарю, что пришли. Скажите, вы будете завтра его секундантомъ?

— Точно такъ, господинъ полковникъ.

Фалькенгеймъ продолжалъ отрывистыми фразами, точно говоря съ самимъ собою, иногда понижая голосъ чуть не до шопота.

— Хорошо, что вы будете при этомъ. Да, это хорошо... Но я... я все-таки долженъ былъ еще разъ поговорить съ вами. Конечно, командиръ долженъ одинъ принимать свои рѣшенія, но надо же и мнѣ поговорить съ кѣмъ-нибудь. Я... въ Кюренѣ не былъ, я отослалъ экипажъ и бродилъ по лѣсу.

Долго... одинъ. Эта дуаль—безобразіе, возмутительное безобразіе. Разумѣется! Но у меня связаны руки. Я ничего не могу сдѣлать. А если кончится плохо, на мнѣ все-таки будетъ лежать часть отвѣтственности. Мой лучшій офицеръ, прекрасный, чудный человѣкъ и противъ него тупоумное ничтожество! Видитъ Богъ, законы предписываютъ иногда чистѣйшее безуміе, и многія понятія тоже ни съ чѣмъ несообразны. Я цѣлый день ломалъ себѣ голову, какимъ образомъ я могъ бы предотвратить бѣду, но это невозможно. Я отлично знаю, что истинная причина служебная обида... и все-таки не могу вмѣшаться.

Полковникъ остановился противъ лейтенанта и спросилъ, глядя ему прямо въ глаза:

— Считаете вы, что честь Гюнца, дѣйствительно, затронута?

Реймерсъ молчалъ. Сказать «да» казалось ему просто нелѣпымъ, а все-таки онъ не могъ сказать «нѣтъ».

Фалькенгеймъ, не дождавшись отвѣта, заходилъ снова по комнатѣ. Нѣсколько времени оба молчали. Полковникъ подошелъ къ уныло горѣвшей лампѣ и съ озабоченнымъ видомъ прибавилъ огня. Молодой офицеръ стоялъ все еще на томъ мѣстѣ, недалеко отъ двери, гдѣ онъ остановился при входѣ. Когда лампа разгорѣлась ярче, онъ увидѣлъ на лицѣ полковника ясные слѣды сильнаго внутренняго волненія.

Фалькенгеймъ снова подошелъ къ нему.

— Итакъ, дѣло пойдетъ своимъ чередомъ,—сказалъ онъ твердо.—Попрошу васъ объ одномъ: сообщите мнѣ сами, какъ только все кончится, только сами, лично. Оффиціально меня извѣститъ Кауэргофъ—онъ болѣе безпристрастенъ, чѣмъ мы съ вами, не правда ли? Только поторопитесь! Хорошо? Особенно, если сойдетъ благополучно. Скачите, не жалѣя лошади!

Онъ крѣпко пожалъ руку лейтенанта Повидимому, бодрость до нѣкоторой степени вернулась къ нему. Онъ прибавилъ еще съ ласковой улыбкой.

— Только смотрите, шею не сломайте! Ну, до счастливаго свиданья!

Проходя мимо, Реймерсъ заглянулъ на виллу Гюнцевъ. Всѣ окна были темны, только въ одномъ, въ кабинетѣ самого Гюнца горѣлъ ровный свѣтъ. Выше, надъ огнемъ было почти темно. Реймерсъ узналъ этотъ свѣтъ. Горѣла рабочая лампа съ темно-зеленымъ абажуромъ. Письменный столъ она освѣщала ярко, всю же остальную комнату оставляла въ полусвѣтѣ.

Гюнцъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, и передъ нимъ лежали исписанные листки бумаги. Уже больше часа всматривался онъ въ черныя строчки и что-то обдумывалъ.

Около десяти часовъ Клара покормила еще разъ ребенка и, тихо покачивая его на рукахъ, поднялась съ нимъ по лѣстницѣ. Мужъ слѣдилъ за ней черезъ раскрытую дверь и долго въ ушахъ его звучала тихая колыбельная пѣсенка, которою она убаюкивала сына.

Теперь онъ сидѣлъ и думалъ, увидитъ ли онъ снова умные, ясные глаза жены и смѣшные, точно удивленные глазенки сына.

Внутри его шла тяжелая борьба. Нѣсколько разъ проводилъ онъ рукою по лбу, точно стараясь сдвинуть давившую его тяжесть.

На каминныхъ часахъ кукушка прокуковала двѣнадцать разъ, вслѣдъ за ней раздались глубокіе, полные звуки городского церковнаго колокола, а спустя нѣсколько времени торопливо задребезжалъ всегда отстающій колоколъ сиротскаго дома.

Насталъ новый день.

Гюнцъ выпрямился, пододвинулъ къ себѣ бумагу и быстрымъ почеркомъ сталъ покрывать листъ за листомъ.

Онъ рѣшилъ выйти въ отставку. Еще до дуэли должна была быть отослана его просьба, все равно какъ бы это ни истолковали. Теперь онъ излагалъ для Реймерса причины, побудившія его сдѣлать это. Только для Реймерса. Тотъ, если захочетъ, можетъ показать его письмо полковнику. Мнѣніемъ остальныхъ онъ не дорожилъ.

Прежде всего онъ просилъ друга вѣрить, что онъ не изъ трусости укло-

няется отъ дуэли. Доказательствомъ этого можетъ служить вся его предыдущая жизнь,—жизнь спокойнаго, рѣшительнаго человѣка, всегда готоваго постоять за свои убѣжденія.

Реймерсъ хорошо знаетъ его.

Но эта дуэль—безуміе, причина, вызвавшая ее, пустая и вздорная, и кромѣ того она явно несправедлива, да, несправедлива, хотя оба противника и будутъ вооружены одинаковымъ оружіемъ и встрѣтятся при равныхъ условіяхъ. Несправедлива потому, что ставка съ обѣихъ сторонъ далеко не равноцѣнна. Съ одной стороны, зрѣлый человѣкъ, уже многое сдѣлавшій и обѣщавшій сдѣлать еще многое, и противъ него беззаботный юноша, ничѣмъ себя не проявившій. Кромѣ того, на первомъ лежали еще принятыя на себя обязанности мужа и отца. Полный нуль стоялъ противъ вполнѣ опредѣленной величины.

Гюнцъ прямо заявилъ, что онъ слишкомъ высоко цѣнитъ свою жизнь, чтобы бросать ее на удачу случая.

Потомъ онъ разсказалъ о сомнѣніяхъ, мучившихъ его уже долгіе мѣсяцы и побуждавшихъ снять съ себя почетный офицерскій мундиръ. Это были тяжелыя сомнѣнія. Ему начинало казаться, что вообще нѣмецкій офицеръ при существующихъ условіяхъ исполняетъ совершенно непроизводительную работу.

Онъ не утверждалъ, чтобы вообще дѣятельность офицера была ненужна. Солдаты, притекающіе ежегодно въ громадныхъ количествахъ, необходимы для поддержанія прочности и престижа государства. Они являются важнымъ факторомъ въ его политической, а слѣдовательно и хозяйственной жизни.

Но достигалъ ли цѣли этотъ громадный оборонительный механизмъ? Могъ ли онъ, правда, устоять противъ всякихъ испытаній?

Въ этомъ-то, именно, онъ и сомнѣвался.

Организація германской арміи покоилась на началахъ, выработанныхъ добрыхъ сто лѣтъ тому назадъ. Въ Пруссіи они привели къ блестящимъ побѣдамъ и были перенесены цѣликомъ въ новую имперію. Но тутъ со времени великой войны они не подвергались еще серьезнымъ испытаніямъ, а между тѣмъ въ послѣдніе три десятка лѣтъ въ нихъ были внесены лишь частичныя измѣненія. Въ тридцать лѣтъ такого всеобщаго головокружительнаго прогресса! Прогресса, измѣнившаго міръ въ теченіе десяти лѣтъ не меньше, чѣмъ прежде, въ теченіе цѣлаго столѣтія!

Военное обученіе солдатъ, поставленное еще въ далекія патріархальныя времена, осталось все тѣмъ же. Все такъ же на солдатъ смотрѣли, какъ на несовершеннолѣтнихъ, все такъ же въ каждомъ предполагался горячій патріотизмъ. А между тѣмъ составъ солдатъ кореннымъ образомъ измѣнился. Вмѣсто прежней однообразной деревенской массы, теперь приходилось имѣть дѣло съ совершенно различными элементами. Нельзя было не считаться съ соціалъ-демократическимъ настроеніемъ фабричныхъ рабочихъ. Положимъ, ихъ было меньшинство, но благодаря своему большему развитію они пріобрѣтали на остальныхъ замѣтное вліяніе.

Вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ болѣе высокимъ уровнемъ развитія, старались во что бы то ни стало сбивать всѣхъ на одну колодку. Муштровка была, кажется, еще болѣе механическая, чѣмъ во времена Фридриха Великаго. Пожалуй, только палка и была отмѣнена. И ради этой муштровки въ пѣхотѣ упускалось драгоцѣнное время для самаго главнаго, — для настоящей военной подготовки солдата. Все обученіе солдатъ подгонялось, главнымъ образомъ, къ смотрамъ и парадамъ, а единственная разумная цѣль — подготовка къ случайностямъ войны совершенно упускалась изъ вида.

Гюнцъ приводилъ жалобу одного своего товарища, командира одного изъ привилегированныхъ пѣхотныхъ полковъ. Постоянные смотры въ присутствіи высочайшихъ особъ и приготовленія къ нимъ поглощали буквально все его время, такъ что онъ совершенно не имѣлъ возможности передать своимъ солдатамъ необходимыя для войны знанія. Наконецъ, по добросовѣстности

онъ попросилъ о переводѣ въ линейный полкъ, гдѣ ему все-таки нѣсколько меньше придется заботиться о смотрахъ.

И эта чисто механическая выучка, должна была поддерживать воинственный духъ войска. Вся непосредственная живость убивалась въ нихъ деревянной служебной исполнительностью, а въ груди ихъ по большей части не оставалось и слѣда патріотизма! Муштровка замѣняла дисциплину! Она связывала ихъ воедино, какъ желѣзные обручи бочку, сухія деревянныя стѣнки которой готовы распасться при первомъ толчкѣ.

Положимъ, предпринимались иногда опыты болѣе разумной и болѣе широкой постановки дѣла, но дѣлались они всегда неохотно, съ предубѣжденіемъ, въ разсчетѣ заранѣе на неудачу. Конечно, при такихъ условіяхъ они и не могли окончиться удачно.

Надъ солдатами стоялъ офицерскій корпусъ. При всемъ добромъ желаніи офицеры не въ состояніи были воспитать въ новобранцахъ духъ сознательнаго повиновенія, добровольнаго патріотизма. Благодаря своему одностороннему воспитанію, исключительному кастовому духу и узкому, ограниченному кругозору, они не могли поспѣвать за быстрымъ полетомъ времени и оставались чужды тѣмъ перемѣнамъ, какія оно вносило даже въ самое войско. Вслѣдствіе своего происхожденія и воспитанія, они не имѣли ничего общаго во взглядахъ и понятіяхъ съ простыми солдатами и солдатъ не могъ понять, чѣмъ руководствуется офицеръ въ своемъ обращеніи съ нимъ. По причинѣ этого офицеръ имѣлъ очень низкое мнѣніе о солдатахъ, а тѣ въ свою очередь не стѣснялись въ оцѣнкѣ начальства. Нѣкоторыхъ офицеровъ они ненавидѣли и высмѣивали, къ большинству относились равнодушно и только къ немногимъ чувствовали искреннее почтеніе и преданность.

Постоянство, съ которымъ офицерскій корпусъ оставался вѣренъ старымъ основамъ организаціи арміи, было бы достойно лучшей цѣли. Опираясь на свое славное прошлое, они не хотѣли слышать никакихъ замѣчаній, если даже они исходили изъ собственной среды,— они считали ихъ злонамѣреннымъ брюзжаніемъ. Они напоминали въ этомъ отношеніи французскихъ военныхъ второй имперіи; положившись на свою блестящую славу, тѣ съ закрытыми глазами шли навстрѣчу седанскому пораженію. Точно также и самодовольные наслѣдники Фридриха Великаго, устроившіе изъ лавровъ великаго короля удобное ложе для своего тщеславія,— они потеряли при Іенѣ все свое наслѣдство исключительно потому, что не хотѣли пріобрѣтать.

Такимъ образомъ идеалъ, которому отдавало свои силы и свою преданность нѣмецкое офицерство, оказывался довольно сомнительнаго свойства. Странно даже, какъ бьющія въ глаза параллели съ роковымъ 1806 годомъ мало дѣйствовали на самоувѣренность военныхъ. Здѣсь, какъ и тамъ, жалобы на одностороннюю, устарѣвшую подготовку офицеровъ, все больше отчуждавшую ихъ отъ народа, здѣсь, какъ и тамъ, кастовая обособленность, вызывавшая чрезвычайно высокую самооцѣнку и дѣлавшая ихъ смѣшными въ глазахъ простыхъ гражданъ, и, наконецъ, здѣсь какъ и тамъ, механическая деревянная муштровка, которая при всей личной храбрости не могла устоять противъ воодушевленнаго напора революціонныхъ войскъ. Но еще хуже чѣмъ пораженія на полѣ битвы дѣйствовали послѣдовавшія за ними трусливыя сдачи крѣпостей. Конечно, коменданты ихъ прекрасно умѣли продѣлывать разныя эволюціи войсковыхъ частей, слѣдить за законной длиной солдатскихъ косъ, устраивать церемоніальные марши и тому подобное, но имъ осталась совершенно чуждой движущая сила новыхъ войскъ, новый видъ патріотизма—любовь къ родной землѣ. Они были связаны служебнымъ долгомъ къ своему королю, но этого оказывалось недостаточно. Они кричали безчисленное число разъ «Да здравствуетъ король» и предавали его, вообразивъ, что онъ погибъ, такъ какъ ни на что иное они не были способны.

Они слишкомъ долго играли въ солдаты и утратили способность быть солдатами.

На это указывали Шарнгорстъ, Бойенъ, Гнейзенау и направили армію на новый путь сліянія съ народомъ. Ихъ дѣло было увѣнчано безпримѣрными побѣдами въ 1870—1871 г. Съ тѣхъ поръ основа войска—народъ во всѣхъ отношеніяхъ глубоко измѣнился, система же осталась все та же, и нѣмецкій офицеръ отдавалъ служенію ей всѣ свои силы и все свое мужество.

Но и сами по себѣ выдающіяся качества нѣмецкаго офицерства, возведшія его на такую высоту, не остались неприкосновенными.

Ничего не было неестественнаго въ томъ, что при существующей системѣ повышеній и наградъ подчиненный старался сообразоваться больше всего съ личными вкусами и склонностями начальника, что вело къ чрезвычайно отвратительному и противорѣчащему интересамъ арміи низкопоклонству и угодничеству. Съ другой стороны, ничѣмъ не ограниченная снизу власть начальника приводила къ тому, что личныя склонности и настроенія начальника всегда примѣшивались къ объективной оцѣнкѣ заслугъ подчиненныхъ. Серьезныя опасенія возбуждало также то обстоятельство, что повышенія зависѣли не только отъ служебныхъ причинъ, но и отъ успѣховъ на паркетѣ дворцовъ. Къ этому обстоятельству, открывавшему не особенно блестящіе виды на будущее, присоединилось еще другое, сильно вредившее истинному назначенію арміи—роскошь, все сильнѣе проникавшая туда. Лучшій элементъ арміи, старая дворянская и недворянская «войсковая аристократія», къ счастью, по необходимости воздерживалась отъ этой роскоши. Эти офицеры, служившіе королю, можетъ быть, въ четвертомъ или пятомъ поколѣніи, строго держались спартанскаго образа жизни, вмѣстѣ съ ними и всѣ тѣ вообще, кто серьезно относился къ своему призванію. Вокругъ царила совершенно не солдатская роскошь, мѣшавшая молодымъ офицерамъ серьезно отдаваться дѣлу. Несмотря на самыя строгія требованія, они часто считали возможнымъ пренебрегать своими обязанностями, такъ какъ не видѣли вокругъ ободряющихъ примѣровъ. И при томъ же роскошь эта была чужда того изящества, которое заставляло прощать безумныя траты Людовика XIV. Она носила грубый и кричащій характеръ и проявлялась въ самыхъ неподходящихъ областяхъ. Простая старая форма, въ которой армія одерживала свои великія побѣды, давно перестала удовлетворять. Выдумывались все новыя украшенія, всевозможные шнурочки, петлички и медали. Какъ будто эта внѣшность, какая-нибудь новая пуговица могла воскресить исчезающее влеченіе къ военной службѣ.

Какая разница,—бокалъ съ отбитой ножкой, изъ котораго Вильгельмъ, побѣдитель подъ С.-Прива, пилъ какую-то ужасную кислятину, и граненый хрусталь и фарфоръ, изъ которыхъ нѣмецкіе офицеры въ китайской экспедиціи угощали шампанскимъ и отборными деликатесами своихъ французскихъ товарищей. Когда вслѣдствіе вынужденнаго поспѣшнаго отступленія, въ руки китайцевъ попадала часть нѣмецкаго обоза, сыны небесной имперіи получали, вѣроятно, не меньше удовольствія, чѣмъ гессенскіе гусары, завладѣвшіе послѣ Вертской битвы пожитками Макъ-Магона. Не доставало развѣ только костюмовъ для дамъ полусвѣта, да еще новомодныя машинки для усовъ едва ли могли пригодиться добрымъ монголамъ.

Во время писанія Гюнцъ почувствовалъ себя гораздо легче. Точно съ него свалилась стопудовая тяжесть. Въ концѣ онъ вкратцѣ резюмировалъ все. Большинство солдатъ, не любящихъ военную службу, лишенныхъ всякаго патріотизма и скорѣе вымуштрованныхъ, чѣмъ выученныхъ чему-нибудь. Офицерскій корпусъ, воспитанный въ старыхъ предразсудкахъ, относящійся съ предвзятымъ недовѣріемъ ко всякой попыткѣ реформы. Во всей арміи тяготѣніе къ внѣшнему блеску и растущее равнодушіе къ своему призванію. И ни откуда ни малѣйшаго просвѣта.

Онъ закончилъ такъ:

«Я не могу считать полезной мою дѣятельность, какъ офицера, и поэтому я рѣшилъ выйти въ отставку. Маленькое колесико въ сложной машинѣ, я сохраняю за собой право на свою рабочую силу, и я пользуюсь этимъ правомъ теперь, такъ какъ я убѣдился, что движущая сила самой машины грозитъ совершенно ослабѣть, и по моимъ разсчетамъ должна ослабѣть, если не будутъ сдѣланы коренныя измѣненія въ постановкѣ всего дѣла. Объ этомъ же нечего и думать въ ближайшемъ будущемъ...»

Онъ положилъ перо и откинулся на спинку, задумчиво глядя на исписанные листы.

Все, что онъ написалъ тутъ, было основательно продумано и взвѣшено, но было ли правильно извлекать нужные выводы изъ этого именно въ данный моментъ? Справедливо ли нарушать обѣщаніе, которое онъ самъ себѣ далъ: прослужить еще годъ батарейнымъ командиромъ и хорошенько испытать себя, прежде чѣмъ принимать окончательное рѣшеніе? Онъ честно думалъ, что нельзя назвать трусостью его нежеланіе участвовать въ дуэли, условія которой такъ неравны. Но хорошо ли нарушать изъ-за этого свое слово? Не долженъ ли онъ оставаться вѣренъ тому дѣлу, которому онъ однажды посвятилъ свои силы, до тѣхъ поръ пока онъ не рѣшитъ разстаться съ нимъ совершенно добровольно, безъ малѣйшей задней мысли? Онъ не долженъ отступать и передъ опасностью для жизни, связанной съ этимъ призваніемъ, все равно—вызывается ли она необходимостью или нѣтъ.

Лампа подъ зеленымъ абажуромъ начала гаснуть и стала тихонько попыхивать. Часы на каминѣ показывали половину пятаго.

Гюнцъ всталъ и потянулся. Твердыми шагами подошелъ онъ къ окну, отдернулъ занавѣску и открылъ его настежъ.

Тихая лѣтняя ночь таяла въ предчувствіи разсвѣта. Птичьи голоса привѣтствовали приближающійся день, изъ сада доносился освѣженный ароматъ земли. Свѣжій предразсвѣтный вѣтерокъ пахнулъ въ окно, зашелестилъ занавѣсками и потушилъ трепещущее пламя лампы. Онъ освѣжилъ утомленныя вѣки молодого человѣка и наполнилъ его легкія живительнымъ воздухомъ.

Гюнцъ выпрямился.

Онъ подошелъ къ окну, заботливо сложилъ исписанные листки и сунулъ ихъ въ ящикъ стола.

Правъ онъ или неправъ, но онъ не нарушитъ своего слова.

На листкѣ бумаги онъ набросалъ нѣсколько словъ: «Моя Клара, я безконечно люблю тебя. Тебя и ребенка. Будь мужественна».

Онъ оглянулся, куда положить записку. Потомъ онъ сложилъ ее и положилъ подъ камень, служившій ему преспанье. Во время свадебнаго путешествія онъ нашелъ его въ дюнахъ Гельголанда.

Тамъ лучше всего. Никто не трогалъ его бумагъ на столѣ. Если онъ вернется, онъ самъ достанетъ ее, а если нѣтъ, Клара, конечно, найдетъ рано или поздно.

Постучалъ деньщикъ и принесъ ему кофе. Онъ замѣтилъ нетронутую постель, и на лицѣ его выразилось удивленіе.

Кофе былъ слишкомъ горячъ, зато вода въ графинѣ была чудо какъ хороша. Гюнцъ смочилъ платокъ и провелъ себѣ по лбу и по глазамъ, чтобъ прогнать слѣды ночного утомленія.

Потомъ онъ снова подошелъ къ окну, подышать утреннимъ воздухомъ. Онъ чувствовалъ приливъ бодрости. Ему казалось, что сегодня съ нимъ не можетъ случиться ничего дурного.

На улицѣ раздался отчетливый звонъ копытъ. Ѣздовой велъ лошадь. Передъ калиткой онъ остановился и заботливо снялъ соломинку, приставшую къ гривѣ.

Гюнцъ спокойно смотрѣлъ, какъ онъ медленно проваживалъ лошадь взадъ и впередъ. Онъ ждалъ Реймерса.

Вотъ издали послышался быстрый топотъ. Гюнцъ узналъ нервную рысь «Долли», на которой ѣздилъ Реймерсъ.

Онъ вышелъ изъ дому и подошелъ къ калиткѣ.

— Здравствуй, другъ!—сказалъ онъ, подавая тому руку.

— Здравствуй, Гюнцъ, — отвѣтилъ Реймерсъ вполголоса.

Оберъ-лейтенантъ вскочилъ на сѣдло, и оба молча поѣхали вдоль улицы.

Выѣхавъ изъ города, Гюнцъ пустилъ свою лошадь шагомъ.

— Времени еще довольно, — сказалъ онъ.

Но тотчасъ же онъ замолчалъ и прислушался. Сзади послышался топотъ лошадей и грохотъ экипажа.

— Вотъ и тѣ,—сказалъ оберъ-лейтенантъ.—Коли такъ—ѣдемъ!

Плацъ для стрѣльбы изъ револьвера находился въ полугорѣ на террасѣ. Онъ представлялъ собой открытую площадку, окруженную со всѣхъ сторонъ густымъ кустарникомъ. Въ концѣ ея былъ сарай гдѣ складывались инструменты и мишени. Тамъ же были носилки на случай какого-нибудь несчастья во время упражненій въ стрѣльбѣ. Въ стѣны ввинчены были кольца, чтобы привязывать лошадей офицеровъ.

Гюнцъ и Реймерсъ сошли съ лошадей около сарая и крѣпко привязали ихъ къ кольцамъ. Реймерсъ еще разъ пожалъ руку другу и съ тайной тревогой заглянулъ ему въ лицо. Говорить онъ не могъ. Бокъ-о-бокъ подошли они къ краю террасы. Отсюда видна была вся дорога. По ней катилась карета, сзади ѣхали три всадника, Ландсбергъ, маленькій докторъ Фребенъ, его секундантъ и Грецшель, который взялъ на себя, главнымъ образомъ, заботу о лошадяхъ.

У подошвы горы карета остановилась. Изъ нея вышелъ Кауэргофъ съ ящикомъ съ револьверами въ рукахъ, за нимъ главный полковой врачъ и его ассистентъ съ хирургическимъ ящикомъ. Трое всадниковъ медленно поднимались за ними по крутой дорогѣ.

У сарая произошелъ короткій обмѣнъ вѣжливыхъ поклоновъ. Грецшель остался около лошадей. Лошади фыркали и отряхивались, такъ что уздечки громко звенѣли. Офицеры тремя группами прошли на площадку. Кауэргофъ присоединился къ обоимъ врачамъ,—онъ всегда боялся, какъ бы не была упущена какая-нибудь формальность,—оба противника шли каждый со своимъ секундантомъ.

Толстый ассистентъ, запыхавшійся послѣ подъема на гору, помогалъ доктору приготовлять на случай хирургическіе инструменты и перевязочные предметы. Когда все было готово, Андреа прикрылъ бѣлымъ платкомъ весь наборъ.

На всѣхъ лицахъ лежалъ отпечатокъ какого-то страннаго смущенія. Точно они сами чувствовали, что собрались сюда для какого-то нехорошаго дѣла. Только Гюнцъ смотрѣлъ открыто и прямо.

По обыкновенію предложено было помириться и по обыкновенію безъ результата. Гюнцъ только отрицательно покачалъ головой.

Кауэргофъ приступилъ къ опредѣленію дистанціи. У него были длинныя ноги, и онъ старался дѣлать самые большіе шаги.

Въ эту самую минуту изъ-за горъ показалось солнце. Оно съ удивленіемъ освѣтило это раннее сборище и отбросило комичную тѣнь отъ прыгающей съ ноги на ногу фигуры Кауэргофа. Потомъ оно позолотило блестящія дула револьверовъ.

Кауэргофъ подалъ знакъ, и секунданты поднесли противникамъ оружіе. Курки были еще не подняты.

Кауэргофъ сталъ въ сторонѣ и посмотрѣлъ, все ли въ порядкѣ. Противники стояли каждый на чертѣ, секунданты поодаль отъ нихъ. Кауэргофъ вынулъ часы и сказалъ, смотря на циферблатъ:

— Я буду считать: разъ, черезъ три секунды—два, еще черезъ три секунды — три. Между разомъ и тремя каждый можетъ стрѣлять.

Онъ еще разъ окинулъ все взглядомъ. Четыре офицера стояли неподвижно на своихъ мѣстахъ, ярко озаренные солнцемъ. Ландсбергъ въ полъ-оборота, Гюнцъ всей грудью впередъ. Ассистентъ вытиралъ себѣ влажный лобъ, Андреа нервно теребилъ бороду.

Кауэргофъ началъ считать.

Сейчасъ же послѣ счета «разъ» Ландсбергъ поднялъ револьверъ и выстрѣлилъ, Гюнцъ слышалъ, какъ пуля просвистѣла мимо его лѣваго уха. Онъ нацѣлилъ нѣсколько лѣвѣе плеча противника и нажалъ собачку. Произошла осѣчка. Онъ забылъ взвести курокъ.

При выстрѣлѣ Ландсберга два скворца выпорхнули изъ кустовъ. Слышно было, какъ Грецшель успокаиваетъ лошадей.

Вокругъ царила та же торжественная тишина ранняго лѣтняго утра. Солнце медленно поднималось по небу.

Вторичное предложеніе помириться тоже осталось безъ результатовъ.

Опять Кауэргофъ началъ считать.

Взглянувъ впередъ, Гюнцъ замѣтилъ, что Ландсбергъ направляетъ дуло револьвера прямо ему въ грудь. Онъ невольно взглянулъ ему въ лицо, и на одну сотую долю секунды взгляды противниковъ встрѣтились.

Сію секунду только Ландсбергъ такъ вѣрно нацѣлился, а тутъ вдругъ рука его дрогнула, и онъ выстрѣлилъ, самъ не зная куда, и въ ту же минуту услышалъ, какъ мимо него просвистѣла пуля Гюнца.

Гюнцъ стоялъ невредимый, съ радостной улыбкой на губахъ.

Реймерсъ поспѣшилъ къ нему и схватилъ его руку. Ему такъ хотѣлось бы крѣпко обнять его.

Теперь настала очередь примиренія, и когда оба противника подали другъ другу руки, Ландсбергъ невольно опустилъ глаза, встрѣтившись съ честнымъ и открытымъ взглядомъ Гюнца.

Лица сразу повеселѣли, выраженіе смущенія исчезло. Всѣ облегченно вздыхали и поздравляли другъ друга. Врачи торопливо убирали свои приспособленія, каждый торопился назадъ, сообщить товарищамъ о счастливомъ исходѣ дуэли.

Гюнцъ окликнулъ Реймерса, пустившаго лошадь рысью по крутой дорогѣ внизъ:

— Дружище, что ты шею себѣ сломать хочешь, что-ли? Куда ты такъ торопишься?

Реймерсъ повернулъ къ нему улыбающееся лицо.

— Полковникъ ждетъ, — крикнулъ онъ.—Разрѣшилъ скакать галопомъ.

И онъ, дѣйствительно, пустилъ лошадь вскачь по гладкой дорогѣ.

Оберъ-лейтенантъ отсталъ отъ него. Ему спѣшить было нечего. Было еще безъ двадцати минутъ шесть, а ученье было назначено ровно въ шесть.

Карета и три всадника скоро нагнали его. Докторъ Фребенъ и Грецшель поклонились ему съ искренней радостью, Ландсбергъ нѣсколько смущенно. Изъ кареты полковой врачъ послалъ ему воздушный поцѣлуй. Гюнцъ поблагодарилъ и поѣхалъ легкой рысью.

Когда онъ въѣзжалъ въ ворота казармы, поднятое Реймерсомъ облако пыли исчезло за первыми городскими домами.

Полковникъ стоялъ въ высокой бесѣдкѣ въ саду и смотрѣлъ на дорогу. Реймерсъ издали увидѣлъ его, снялъ съ головы фуражку и нѣсколько разъ помахалъ ею надъ головой. Двое вольноопредѣляющихся, отдававшихъ ему честь въ эту минуту, остановились, разинувъ ротъ. Когда офицеръ проѣхалъ, они дружно расхохотались.

Фалькенгеймъ энергично замахалъ рукой, когда Реймерсъ хотѣлъ соскочить съ лошади.

— Сидите! Сидите!—крикнулъ онъ.— Ну, значитъ, все благополучно?

— Точно такъ, господинъ полковникъ,—отвѣтилъ Реймерсъ, едва переводя духъ послѣ своей скачки.

Полковникъ глубоко вздохнулъ.

— Слава Богу, — сказалъ онъ,—я очень, очень радъ! Подъѣзжайте-ка поближе, дорогой Реймерсъ! Я долженъ пожать вамъ руку. Я такъ радъ!

Молодой офицеръ направилъ лошадь къ самому забору и протянулъ руку Фалькенгейму.

— У васъ, вѣдь, тоже, вѣрно, гора съ плечъ свалилась,—продолжалъ полковникъ.—Истинное счастье, я точно воскресъ. А васъ, мой милый Реймерсъ, благодарю за быстрое извѣстіе. Если бы въ моемъ распоряженіи были ордена, вы получили бы сейчасъ же. Ну, подождите же хоть немного! Деньщикъ отведетъ вашу лошадь, а вы позавтракайте со мной. До сихъ поръ, при-

*

знаюсь, я не въ состояніи былъ даже чашки чаю выпить.

Но Реймерсъ принужденъ былъ отказаться.

— Вы очень добры, господинъ полковникъ, но извините меня, служба мѣшаетъ принять ваше любезное приглашеніе.

— Служба?---воскликнулъ Фалькенгеймъ.—Какая служба? Я такъ всѣ дѣла забылъ изъ-за этой исторіи.

— Въ шесть часовъ ученье шестой батареи.

Командиръ улыбнулся.

— Въ шесть часовъ? Узнаю нашего Гюнца. Навѣрно онъ у себя записалъ для памяти: въ 5 ч. 30 м.—дуэль, въ 6 часовъ—ученье батареи. Развѣ что поставилъ въ скобкахъ: «Если окажется возможно». Такъ и слѣдуетъ. Ну, поѣзжайте, коли такъ, и передайте мой привѣтъ Гюнцу.

— Точно такъ, господинъ полковникъ.

Въ воротахъ казармы Реймерса поджидалъ Гелеръ. Онъ подалъ ему каску и взялъ отъ него фуражку.

Батарея уже выстроилась. Реймерсъ галопомъ подскакалъ къ Гюнцу и отрапортовалъ:

— Честь имѣю явиться.

Гюнцъ съ улыбкой кивнулъ ему и скомандовалъ своимъ яснымъ, звучнымъ голосомъ:

— На лошадей. Номера садись! Батарея налѣво кругомъ, маршъ!

Онъ пропустилъ мимо себя шесть орудій, потомъ галопомъ обошелъ ихъ съ лѣвой стороны и скомандовалъ: «Вольно».

Реймерсъ ѣхалъ на своемъ мѣстѣ впереди, Гюнцъ присоединился къ нему.

— Ну, ѣдемъ, дружище, — сказалъ Гюнцъ, и они пустили лошадей легкой рысью. Батарея слѣдовала за ними на положенномъ разстояніи.

Реймерсъ посмотрѣлъ на друга сіяющимъ взглядомъ:

— Какъ я радъ, мой Гюнцъ, дорогой мой старина!—сказалъ онъ.

— Ладно, ладно, дружище,—пробурчалъ тотъ. Потомъ онъ продолжалъ съ вспыхнувшей въ глазахъ лукавой искоркой:

— Кстати, долженъ тебя предупредить, что если ты будешь этакъ загонять королевскихъ лошадей, я принужденъ буду посадить тебя подъ арестъ.

Реймерсъ засмѣялся и потрепалъ свою безпокойную лошадку по шеѣ.

— Будетъ тебѣ, старина! Моя «Долли» молодецъ! Смотри-ка у нея ни одного влажнаго волоска.

Гюнцъ кивнулъ головой.

— Въ такомъ случаѣ я заставлю тебя еще разъ продѣлать этакую штуку.

Съ этими словами онъ пришпорилъ лошадь и описалъ въ воздухѣ кругъ правой рукой, — знакъ, что батарея должна нѣсколько прибавить шагу.

Дорога шла немного въ гору. Налѣво виднѣлась терраса стрѣльбища. Оберъ-лейтенантъ оглянулся на нее и сказалъ негромко:

— Надѣюсь, что теперь скворцы успокоились. Какъ мы ихъ, бѣдныхъ, вспугнули.

По обѣимъ сторонамъ шоссе началось жнивье. Хозяинъ разрѣшилъ Гюнцу пользоваться въ это время года его полемъ, и ученье сейчасъ же началось.

Въ срединѣ упражненій со стороны города раздался лошадиный топотъ. Въ густомъ облакѣ пыли, поднятомъ двумя всадниками, сначала трудно было разглядѣть ихъ. Вахмистръ Гепнеръ прежде всѣхъ узналъ крупную рыжую лошадь полковника. Дѣйствительно, это былъ командиръ и его адъютантъ.

Гюнцъ поскакалъ имъ навстрѣчу и сдѣлалъ свой рапортъ.

Фалькенгеймъ поблагодарилъ.

— Мнѣ захотѣлось взглянуть на васъ,—сказалъ онъ просто. Въ глазахъ его свѣтилась живѣйшая радость.

Полковникъ подъѣхалъ къ батареѣ и привѣтствовалъ ее своимъ мощнымъ голосомъ:

— Здорово, шестая батарея!

Въ отвѣтъ раздалось многоголосное: «Здравія желаемъ, ваше высокородіе!»

Фалькенгеймъ медленно объѣхалъ ряды пушекъ и передковъ и, убѣдившись, что все въ порядкѣ, сказалъ:

— Прошу васъ продолжать, господинъ оберъ-лейтенантъ.

Это былъ счастливый день. Все шло

какъ по маслу, безъ малѣйшей ошибки, безъ малѣйшей задержки.

По окончаніи упражненій полковникъ подозвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Онъ не сдѣлалъ ни одного замѣчанія и только отмѣтилъ достигнутые ими успѣхи.

— Я радъ,—сказалъ онъ въ заключеніе,—что подъ новой командой шестая батарея все такъ же отличается, какъ и при прежней, и я горжусь, что командую полкомъ, въ которомъ такіе прекрасные офицеры и унтеръ-офицеры и такая безупречная батарея.

Онъ пожалъ руку Гюнцу и шепнулъ ему:

— Я вдвойнѣ, втройнѣ радъ сегодня, дорогой Гюнцъ.

Кауэргофъ, считавшій своимъ долгомъ адъютанта раздѣлять чувства своего шефа, по возможности въ усиленной степени, не сводилъ съ Гюнца восхищеннаго взгляда.

Полковникъ попрощался со всѣми привѣтливымъ кивкомъ головы и повернулъ свою лошадь къ городу.

Гюнцъ повелъ батарею назадъ.

Задумчиво ѣхалъ онъ рядомъ съ Реймерсомъ впереди. Искренняя похвала полковника доставила ему большую радость, но еще раньше того онъ получилъ свою высшую награду. Первый разъ послѣ долгаго, долгаго времени онъ отдался свободно, безъ всякихъ сомнѣній своему призванію. Точно помолодѣвшій, съ обновленными силами исполнялъ онъ сегодня свою службу.

Онъ вспоминалъ о кипѣ исписанныхъ листовъ, запертыхъ въ ящикѣ его стола. Когда онъ обманывалъ себя? Тамъ, за письменнымъ столомъ, или здѣсь на вспаханномъ полѣ, въ которое глубоко погружались колеса лафетовъ?

Во всякомъ случаѣ онъ поступилъ правильно, не оборвавъ внезапно положеннаго себѣ срока. Ему самому казалось страннымъ, какъ такой спокойный, уравновѣшенный человѣкъ, какимъ онъ себя считалъ, могъ въ такомъ важномъ вопросѣ въ такой короткій срокъ колебаться между совершенно противоположными рѣшеніями. Ночью онъ твердо рѣшался выйти въ отставку, теперь, черезъ нѣсколько часовъ этотъ шагъ казался ему чуть не безуміемъ.

Гдѣ же его хваленая твердость и выдержка?

Но онъ поклялся себѣ не удлинять также положенный срокъ. Годъ капитаномъ и тамъ конецъ,—такъ или иначе.

Но въ этотъ день онъ не могъ сдержать свое радостное настроеніе.

Клара сердилась, что онъ цѣлый день не давалъ ей покоя съ разными шутками и глупостями и даже разбудилъ мальчика, спавшаго такъ спокойно.

А Гюнцъ стоялъ рядомъ съ женой и хохоталъ, глядя на раскапризничавшагося ребенка. Онъ сложилъ трубочкой какую-то бумажку и до тѣхъ поръ зажигалъ ею сигару, пока она вся превратилась въ пепелъ.

Эту бумажку онъ вытащилъ изъ-подъ камня на своемъ письменномъ столѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

X.

Заря моя, ты свѣтлая заря!
Свѣти мнѣ въ часъ безвременной кончины!
(Гауффъ).

Девятая казарма и послѣ переселенія Фрилингхаузена къ унтеръ-офицерамъ, осталась «благородной», какъ въ насмѣшку называлъ ее Вейзе. За нѣсколько дней до выхода на маневры шкафъ Фрилингхаузена занялъ графъ Эгонъ Плетау.

Въ батареѣ о немъ ходили самые невѣроятные слухи. Если вѣрить всему, это былъ отчаянный головорѣзъ: разсказывали шопотомъ о пощечинѣ, данной лейтенанту и о брошенномъ головой объ стѣну вахмистрѣ. Лично легендарнаго графа знали только Гепнеръ и

старѣйшіе унтеръ-офицеры батареи. Со времени заточенія его въ крѣпость черезъ казарму прошли уже два набора, знавшіе его только по наслышкѣ.

Обитатели IX казармы ожидали, что они увидятъ блѣднаго, истощеннаго и сгорбленнаго отъ долгаго заточенія человѣка. На дѣлѣ ихъ новый товарищъ оказался человѣкомъ средняго роста, развѣ только немного худощавымъ, но совершенно здоровымъ на видъ. И лицо у него было вовсе не мрачное и не злодѣйское, а наоборотъ веселое и добродушное. Глаза по большей части смотрѣли насмѣшливо, только изрѣдка принимали они рѣшительное, даже угрожающее выраженіе.

Съ товарищами онъ очень скоро сдружился. Называлъ онъ ихъ не иначе какъ «дѣти» и говорилъ обыкновенно шутливо-отеческимъ тономъ.

— Этого вамъ не понять, дѣти. Зелены еще вы очень!—былъ его любимый припѣвъ.

Но охотнѣе всего онъ болталъ съ двумя пріятелями, Фохтомъ и Клицингомъ, да еще его часто можно было видѣть съ Вольфомъ. Къ концу своего срока Вольфъ становился какъ будто общительнѣе и не бродилъ уже больше въ одиночку, съ видомъ мрачнаго заговорщика.

Къ Вейзе, наоборотъ, Плетау былъ чрезвычайно холоденъ, какъ тотъ ни старался заслужить его расположеніе.

Унтеръ-офицеры встрѣтили графа очень ласково. Они получили указаніе дѣлать въ границахъ дозволеннаго все, чтобы облегчить несчастному возможность окончить наконецъ свой срокъ. Кепхенъ шелъ въ этомъ направленіи дальше всѣхъ, побуждаемый однимъ разсказомъ изъ цикла легендъ, окружавшихъ имя графа. Однажды на площадкѣ для стрѣльбы графъ заявилъ будто бы, будь у него револьверъ заряженъ шестью патронами, онъ бы уложилъ на мѣстѣ шестерыхъ начальниковъ по порядку, начиная со старшихъ. Никогда нельзя знать, что будетъ,—справедливо разсуждалъ Кепхенъ, а извѣстно, что «осторожность мать мудрости».

Всѣ эти любезности графъ Эгонъ Плетау принималъ благосклонно, какъ должное.

— Дѣти,—говорилъ онъ,—эти люди хорошо знаютъ, что они обязаны оказывать мнѣ уваженіе. Отслужить восемь лѣтъ при двухгодичномъ срокѣ службы, это подвигъ, заслуживающій особаго почтенія. Меня можно было бы показывать за деньги. Посему берите примѣръ съ меня!

Маневрамъ онъ искренно, какъ-то по дѣтски радовался. Несмотря на восемь лѣтъ службы ему ни разу не пришлось участвовать въ нихъ. Что-нибудь всегда мѣшало этому.

Оберъ-лейтенантъ Гюнцъ колебался сначала, брать ли съ собой этого enfant terrible батареи. Положимъ, по закону требовалось, чтобы каждый солдатъ хоть разъ участвовалъ въ стрѣльбѣ и на маневрахъ, но, конечно, въ виду особыхъ обстоятельствъ, можно было допустить исключеніе. Подумавъ, онъ рѣшилъ не нарушать правила. Немногіе остававшіеся въ гарнизонѣ солдаты иногда со скуки пускались на разныя глупости, на маневрахъ, наоборотъ, царила строжайшая дисциплина, такъ что, пожалуй, тамъ можно было даже подтянуть немного этого сорви голову.

Передъ выходомъ ему было сдѣлано предостерегающее внушеніе. Онъ отвѣчалъ на все: «Точно такъ, господинъ премьеръ-лейтенантъ!» И когда ему было указано, что теперь введена новая форма: «оберъ-лейтенантъ», онъ отвѣтилъ почтительно:

— Точно такъ, господинъ оберъ-лейтенантъ. Вы меня извините, господинъ премьеръ-лейтенантъ, «тамъ» человѣкъ немножко отстаетъ отъ вѣка.

Гюнцъ долженъ былъ отвернуться, чтобъ скрыть улыбку. Ему тоже было любопытно узнать знаменитаго графа и онъ также, какъ и другіе, испыталъ нѣкоторое разочарованіе. Плетау показался ему просто добрымъ малымъ, сбившимся съ пути, но по существу совсѣмъ не дурнымъ. И онъ былъ очень радъ, убѣдившись, что не ошибся въ своихъ наблюденіяхъ. Когда онъ разузналъ подробнѣе его прошлое, оказалось, что, по правдѣ говоря, проступки этого

Плетау были всякій разъ вызваны какой-нибудь несправедливостью. Даже послѣдній разъ онъ былъ приговоренъ къ пяти годамъ заключенія за то, что повалилъ на землю сержанта, оскорбившаго его товарища. Всего удивительнѣе было то благодушное спокойствіе, съ какимъ графъ переносилъ свою судьбу.

Послѣ этого разговора графъ Плетау выразилъ своимъ сожителямъ по комнатѣ сожалѣніе, что онъ не имѣлъ возможности «привѣтствовать своего стараго капитана Вегштетена». Ему объяснили, что Гюнцъ только временно командуетъ батареей, и что послѣ маневровъ онъ снова увидитъ своего уважаемаго командира. На осенніе маневры солдатъ иначе распредѣлили между орудіями. Только Фохтъ и Клицингъ остались на прежнихъ мѣстахъ. Теперь прислуга шестого орудія была въ слѣдующемъ составѣ:

6 орудіе.

Фейерверкеръ: унтеръ-офицеръ Фертлеръ—«Христина».

Передній ѣздовой: ѣздовой Новакъ—«Зенобія», «Эгонъ».

Средній ѣздовой: ѣздовой Инославскій—«Змѣя», «Ящерица».

Дышловой ѣздовой: ефрейторъ Зикель—«Турокъ» и «Кавалеръ».

Канониры: графъ Плетау, Вольфъ, Трухзесъ, Клицингъ, Фохтъ.

Командующимъ колонною былъ назначенъ фендрикъ Гизингеръ, только что окончившій военную школу и замѣнившій Ландсберга, переведеннаго въ первую батарею.

Запряжкой лошадей первый разъ завѣдывалъ вице-вахмистръ Геймертъ. Гепнеръ покачалъ головой, когда увидѣлъ порядокъ упряжки шести лошадей, везущихъ шестое орудіе.

— Знаешь что, — сказалъ онъ Геймерту, — это не годится. Передняя и средняя пара еще куда ни шло, а въ дышло подъ сѣдло нужно поставить кого-нибудь другого. «Турокъ» слишкомъ старъ, а, вѣдь, шестому орудію при поворотахъ приходится дальше всѣхъ заходить.

— Я и самъ говорилъ это капитану,—возразилъ Геймертъ,—это, вѣдь, еще Вегштетенъ опредѣлилъ. Я хотѣлъ въ дышло «Звѣря», а стараго «Турка» въ багажную фуру. Но Вегштетенъ не согласился,—тѣ пять гнѣдыя, ну такъ къ нимъ надо «Турка», подъ масть. Зато онъ и посадилъ на него Зикеля, лучшаго нашего ѣздоваго. Этотъ справится, коли-что,—сказалъ онъ.

Но Гепнеръ только головой покачалъ.

— Онъ-то, можетъ, и справился бы, да «Туркъ»-то старый не справится, пожалуй,—вотъ бѣда. Думаешь, нельзя намъ самимъ переиначить?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ вице-вахмистръ.—Ты же знаешь, что Вегштетенъ рѣшилъ, того ужъ не тронь.

Вахмистръ пожалъ плечами и замѣтилъ:

— Ну, по крайней мѣрѣ не наша будетъ вина. Только бы сошло благополучно! Очень ужъ мѣсто нынче гористое. Одна остановка на самой границѣ, это, вѣдь, шестьсотъ метровъ высоты,—настоящая горная артиллерія!

Но видъ у него былъ все такой же озабоченный, онъ не отходилъ отъ лошадей и все поглядывалъ на нихъ. По масти и по росту онѣ чудо какъ подходили другъ къ другу. Для парада онъ бы и самъ ихъ такъ же поставилъ. Но маневры, это, вѣдь, не парадъ! Тутъ самое главное—сила лошадей, и болѣе темный «Звѣрь» какъ разъ подошелъ бы къ остальной компаніи. А «Турка»-то онъ хорошо зналъ. Четырнадцать лѣтъ, конечно, не Богъ вѣсть какая старость, но у лошадей, вѣдь, точь-въ-точь, какъ у людей. Одна и въ шестнадцать лѣтъ еще совсѣмъ молодцомъ, а другая въ двѣнадцать никуда не годится. «Турокъ» былъ настоящій старикъ.

— Ну, что-жъ я тутъ подѣлаю!— проворчалъ онъ наконецъ.

Если капитанъ приказалъ, дѣло кончено.

30-го августа, въ шесть часовъ утра шестая батарея стояла на казарменномъ дворѣ, готовая къ выходу на маневры.

Какъ только солдаты попросыпались, откуда-то пронесся слухъ, что у Гепнеровъ не все слава Богу. Стали узнавать. Оказалось, умерла вахмистрша.

Дѣло это, конечно, частное, и задержки изъ-за него никакой не должно быть. Гепнеру придется понятно задержаться до похоронъ, а пока его замѣнитъ Кепхенъ. Но настроеніе все-таки было испорчено, а начавшій накрапывать дождь довершилъ остальное, — о весельи и помину не было.

На этотъ разъ шестая батарея шла въ головѣ колонны, какъ разъ за оркестромъ. Но веселые звуки военнаго марша какъ-то плохо мирились съ недовольными лицами и съ сѣрой погодой.

Клицингъ опять сидѣлъ вмѣстѣ съ Фохтомъ на лафетѣ шестого орудія. Но какъ все было не похоже на тотъ выѣздъ, на Троицу.

— Плохое начало!—сказалъ онъ пріятелю. И прибавилъ больше самъ для себя:—каковъ-то будетъ конецъ!

Дождь все усиливался, такъ что на первой остановкѣ полковникъ велѣлъ достать плащи. Канонирамъ было еще туда-сюда, они хоть немножко могли укрыться, а ѣздовымъ вода такъ въ сапоги и лилась, такъ что ноги хлюпали въ нихъ вверхъ и внизъ, точно масло сбивали въ бочонкахъ. На большихъ остановкахъ ѣздовые ложились на спины и поднимали ноги вверхъ; вода ручьями струилась изъ сапогъ.

Хуже всего пришлось унтеръ-офицеру Кепхену. Онъ всегда былъ никуда негоднымъ наѣздникомъ и ужъ давно привыкъ идти съ обозомъ. Тамъ онъ себя чувствовалъ превосходно. А тутъ вдругъ ему пришлось сѣсть на «Розу», верховую лошадь вахмистра, самую капризную во всей батареѣ. Съ самаго начала лошадь и всадникъ не поладили другъ съ другомъ. Кепхенъ со страху поминутно дергалъ поводья и, наконецъ, пустилъ въ ходъ шпоры. Ну, а вахмистръ совсѣмъ не пріучилъ къ этому свою «Розу». Она загорячилась и стала подкидывать задомъ. Кепхенъ не успѣлъ опомниться, какъ потерялъ стремена, а въ слѣдующую минуту его выбило изъ сѣдла и ему оставалось только ухватиться обѣими руками за шею. Въ этомъ непрезентбельномъ видѣ «Роза» пронесла его мимо всей батареи. Вслѣдъ ему раздавался неудержимый хохотъ солдатъ. Лошадь окончательно сбѣсилась. За нѣсколько шаговъ до головы колонны она сбросила злополучнаго всадника въ придорожный ровъ.

Падая, Кепхенъ мысленно прощался съ жизнью, но въ жидкой грязи канавы онъ очнулся цѣлымъ и невредимымъ. Онъ не догадался прикинуться мертвымъ и медленно поднялся на ноги. Боже, какой у него былъ видъ.

А «Роза» сдѣлала нѣсколько веселыхъ прыжковъ, встряхнулась и насмѣшливо заржала, она была очень рада, что избавилась отъ сквернаго всадника. Потомъ она поскакала впередъ, граціозно перескочила черезъ ровъ и стала безъ забот но пощипывать молодые стебельки на сжатомъ полѣ.

Гюнцъ, батарейный командиръ, не могъ удержаться отъ смѣха, когда подъѣхалъ посмотрѣть на бывшаго писаря. Онъ взялъ у него планъ расквартировки и послалъ въ поле ловить лошадь. Въ помощь онъ позволилъ ему взять одного трубача.

Но несчастному Кепхену нужно было прежде всего вытереть себѣ грязь съ физіономіи. Между тѣмъ батарея снова тронулась въ путь. Какъ только музыка заиграла, «Роза» сейчасъ же вернулась съ поля и заняла свое обычное мѣсто, позади послѣдняго орудія. Трубачъ предложилъ Кепхену подвести къ нему лошадь, но Кепхенъ торжественно поклялся никогда больше не прикасаться къ этому дикому звѣрю. Лучше ужъ онъ будетъ маршировать пѣшкомъ,— заявилъ онъ.

Батарея уже три часа стояла на квартирѣ, когда, наконецъ, явился злополучный батарейный писарь, весь въ грязи, усталый, какъ собака.

Прежде всего онъ попросилъ у хозяйскаго работника кнутъ. Яростно размахивая имъ въ воздухѣ, онъ направился прямо къ конюшнѣ, гдѣ поставили «Розу». Но въ дверяхъ онъ встрѣтилъ ходящаго за ней ѣздового. Тотъ наотрѣзъ отказался впустить его.

Кепхенъ, въ качествѣ начальства, приказалъ ему убираться вонъ, но ѣздовой отвѣтилъ:

— Точно такъ, господинъ унтеръ-

офицеръ, я уйду, но я сейчасъ же позову оберъ-лейтенанта Гюнца. Господину унтеръ-офицеру извѣстно, что онъ тутъ квартируетъ.

Этого писарю вовсе не хотѣлось. Ругаясь и проклиная «Розу», онъ все-таки отошелъ отъ двери.

А ѣздовой вошелъ въ стойло къ «Розѣ» и нѣжно потрепалъ ее по шеѣ.

— Не бойся, моя «Розочка!—проговорилъ онъ.—Онъ ничего не посмѣетъ! Ты это отлично сдѣлала! Долой его, коли ѣздить не умѣетъ!

Лошадь насторожила чуткія уши и довѣрчиво потерлась головой о плечо своего защитника.

Маневры начались и пошли своимъ чередомъ. Дни шли за днями однообразной чередой. Самое большёе, мѣнялось мѣсто дѣйствія. Въ остальномъ все совершалось по заведенному порядку.

Бригада выступала утромъ. Обыкновенно кавалерія выходила раньше и съ пути присылала имъ свои донесенія. Эти гусары и уланы были настоящіе черти, они всегда умѣли отыскать непріятеля. Впереди выступалъ авангардъ. Черезъ нѣкоторое время трогался главный корпусъ войска. Во время перехода впереди должны были идти батареи артиллеріи. Если удавалось добраться незамѣченными до назначеннаго мѣста и открыть убійственный огонь, тогда задніе чуть ли не на колѣняхъ подползали къ занятой позиціи, но если случалось попасть въ районъ дѣйствія непріятельскаго огня, тогда всѣ пускались бѣшенымъ голопомъ черезъ рвы и бугры.

Канонировъ трясло и подбрасывало на жесткихъ сидѣньяхъ, а пѣхотинцы, залегшіе въ придорожныхъ рвахъ провожали ихъ громкимъ хохотомъ.

Любопытно было посмотрѣть на этакую скачку. Земля дрожала подъ тяжелыми орудіями, а сбруя только поскрипывала. Лошади плотно влегали въ хомуты, а гривы развѣвались по вѣтру. Но ѣздовые и шпорами, и и хлыстами еще и еще подгоняли своихъ лошадей. Вдругъ впереди оказывался ровъ. «Ровъ!» кричалъ, предостерегая фейерверкеръ. Передняя и средняя пара брали довольно легко препятствіе, но дышловой ѣздовой долженъ былъ на скаку подтягивать ремнями дышло. Колеса передка и лафета тяжело соскакивали внизъ и выбирались на противоположную сторону рва. Канонировъ подбрасывало вверхъ словно перышки, такъ что они должны были изо всѣхъ силъ держаться за поручни.

Тутъ пѣхотинцы могли хохотать сколько угодно. Зато вечеромъ, по окончаніи маневровъ, они съ завистью поглядывали, какъ артиллеристы усаживались въ свои жесткіе экипажи и уѣзжали домой. Пѣхотинцамъ приходилось тащиться сзади, глотать пыль отъ орудій и выслушивать насмѣшки, которыя пускали по адресу «несчастной пѣхтуры» проѣзжавшіе мимо артиллеристы.

Во время примѣрныхъ битвъ артиллеристамъ тоже было легче. Пѣхотинецъ все время былъ на ногахъ, а то и того хуже, ему приходилось стрѣлять, ползая на колѣняхъ или лежа на животѣ, а въ концѣ концовъ приходилось еще бѣжать на штурмъ «опрокинутаго» непріятеля. Батареи же спокойно стояли по мѣстамъ, и только изрѣдко пускали выстрѣлы. Онѣ берегли снаряды къ послѣднимъ днямъ маневровъ. При этомъ онѣ всегда стояли на такомъ мѣстѣ, съ котораго открывался видъ на все поле битвы. Они могли спокойно наблюдать, какъ приближались другъ къ другу темныя линіи стрѣлковъ, или какъ какой-нибудь честолюбивый эскадронный командиръ отваживался на неожиданную смѣлую атаку.

Такимъ образомъ солдаты артиллеристы не слишкомъ ужъ утомлялись во время маневровъ. Зато лошади совсѣмъ выбивались изъ силъ въ этой гористой мѣстности. Въ короткое время они теряли все, что успѣвали нагулять въ спокойные лѣтніе мѣсяцы. Командиры батарей все сильнѣе хмурились, когда въ дни отдыха мимо нихъ проводили безъ упряжи отощавшихъ лошадей. Разсказывали, что капитанъ Гейшкель заплакалъ разъ, глядя на своихъ исхудавшихъ любимицъ.

Оберъ-лейтенантъ Гюнцъ относился къ этому спокойнѣе. Конечно, лошади по-

теряли сытый, гладкій видъ, но онѣ оставались годными для службы. Казалось даже, что они стали какъ будто еще выносливѣе, когда спустили лишній жиръ. Да и то сказать, вѣдь и самъ онъ долженъ былъ недавно велѣть деньщику переставить пуговицы.

Фохтъ, конечно, и здѣсь смотрѣлъ на землю глазами крестьянина. Почва въ этой горной мѣстности была не дурна. Конечно, не пшеничная, какъ у него дома, но все-таки земля добрая. Если бы на этой высотѣ не стояли двѣ трети года холода, онъ бы ужъ съумѣлъ выростить тутъ и рожь и овесъ. Но мѣстные жители разсказывали ему, какъ имъ приходилось осенью жать овесъ подъ снѣгомъ, а зерна ярового вымерзали иногда въ началѣ іюня. Понятно, почему тутъ только и сѣяли, что картофель.

Онъ самъ выпучилъ глаза отъ удивленія, когда разъ утромъ, проснувшись, увидѣлъ, что все вокругъ покрыто инеемъ. Это въ первыхъ-то числахъ сентября! Положимъ, солнце живо принялось за работу, и скоро отъ бѣлаго покрова не осталось и слѣда. Только въ густой тѣни на пожелтѣвшихъ листьяхъ яблони можно было замѣтить легкій бѣловатый налетъ.

Въ дни отдыха Фохтъ съ увлеченіемъ брался помогать въ полевыхъ работахъ. Ему доставляло удовольствіе чувствовать, что коса все такъ же его слушается и густая отава ложится у его ногъ такими же правильными рядами.

Пока Клицингъ лежалъ, растянувшись, давая отдыхъ своимъ утомленнымъ членамъ, Фохтъ не могъ оторваться отъ любимой работы. Ему казалось, что здоровая усталость отъ крестьянской работы пріятнѣе, чѣмъ скучное бездѣлье, чередовавшееся у нихъ съ надоѣвшими упражненіями.

Вечеромъ послѣ сбора онъ выходилъ еще часто скосить кусочекъ луга. Когда онъ возвращался съ косой на плечѣ на дворъ своего хозяина, онъ часто совсѣмъ забывалъ, что носитъ солдатскій мундиръ.

Видъ обнявшихся парочекъ, мелькавшихъ за поворотами дороги, возвращалъ его къ дѣйствительности.

Фохтъ думалъ про себя, какъ это странно, что онъ такъ мало вниманія обращаетъ на женщинъ. Правда, иногда ему нравилась та или другая хорошенькая свѣженькая дѣвушка, и онъ охотно обнялъ бы ее за шею и хорошенечко расцѣловалъ, но страшно было. А идти на выучку къ тѣмъ женщинамъ, которыя постоянно толклись около гарнизона и болѣе чѣмъ благосклонно поглядывали на солдатъ, ему не хотѣлось.

Деревенскія дѣвушки привлекали его куда больше. Но разъ съ нимъ произошелъ случай, который внушилъ ему большія сомнѣнія въ добродѣтели деревенскихъ красавицъ.

День выдался очень жаркій, даже послѣ захода солнца было еще душно. Фохтъ медленно шелъ по межѣ между двумя сжатыми полосами и покуривалъ свою трубочку. При этомъ онъ зорко всматривался въ сухую землю. Если-бъ это поле было его, онъ бы получше вспахалъ его.

Вдругъ изъ маленькой ложбинки сбоку донеслись громкіе, испуганные крики о помощи. Голосъ былъ женскій, звонкій и жалобный.

Фохтъ схватился было за саблю, но ея не было. Онъ оставилъ ее дома. Ну, во всякомъ случаѣ, у него оставалось два здоровыхъ кулака, и онъ, не задумываясь, бросился по направленію къ кущѣ деревьевъ, взъ-за которыхъ неслись крики, крича первое, что пришло въ голову:

— Эй, кто тамъ? Стой! Не тронь!

Подбѣгая, онъ увидѣлъ, какъ по другую сторону ложбинки, къ деревнѣ живо улепетывали двое солдатъ, а на лугу подъ деревьями виднѣлось еще что-то, чего онъ сначала никакъ не могъ разобрать.

Ближе онъ догадался, что это солдаты сыграли штуку съ крестьянкой.

Они заворотили ей юбки вверхъ и крѣпко связали подолы надъ головой. Женщина препотѣшно бросалась изъ стороны въ сторону. Никакой нижней одежды на ней не было, поэтому, на-

чиная съ пояса, она была совершенно обнажена, зато грудь, голова и руки представляли изъ себя громадный шерстяной клубокъ, изъ котораго раздавались теперь заглушенные крики. Солдаты называли это «скрутить тюльпанъ».

Фохтъ вѣжливо обратился къ ней:

— Постойте, пожалуйста, я сейчасъ освобожу васъ.

Онъ вытащилъ карманный ножъ и разрѣзалъ узелъ. Юбки упали внизъ и показалась растрепанная голова. Дѣвушка стыдливо закрыла лицо руками, но сквозь сжатые пальцы съ любопытствомъ поглядывала на солдата.

Смѣлый освободитель стоялъ передъ ней молча, переминаясь съ ноги на ногу.

Тогда дѣвушка опустила руки. Лицо у нея оказалось грубоватое, но не лишенное прелести, а крупныя полныя губы ласково улыбались солдату.

Но смѣльчакъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ, не дѣлая ни шагу впередъ.

Дѣвушка неохотно повернулась къ нему спиной, довольно громко пробормотала: «Вотъ-то дурень!» и медленно пошла внизъ въ ложбинку.

Пройдя нѣсколько шаговъ, она еще разъ съ ожиданіемъ оглянулась.

Фохтъ стоялъ и задумчиво смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ она предстала передъ нимъ въ столь странномъ видѣ. Когда онъ поднялъ голову, красавица уже исчезла за поворотомъ дороги.

Въ понедѣльникъ третьей недѣли маневровъ начались дѣйствія другъ противъ друга двухъ дивизій армейскаго корпуса.

Двойное число солдатъ собралось въ одной мѣстности. Картина была пестрая и оживленная.

Въ этотъ день, послѣ короткаго промежутка, казалось, снова вернулось лѣто. Небо было синее, горячіе солнечные лучи согрѣвали землю. Но на жару все-таки нельзя было пожаловаться. Прохладный горный вѣтеръ умѣрялъ духоту.

Шестая батарея остерландскаго артиллерійскаго полка была прикомандирована къ авангарду и стояла, готовая къ выходу. Командиры и ѣздовые держались около орудій и рядомъ съ лошадьми и ждали только команды садиться.

Фохтъ удивлялся, глядя на Клицинга. Еще никогда его другъ не выглядѣлъ такимъ веселымъ и радостнымъ, какъ сегодня. Глаза у него блестѣли и щеки слегка раскраснѣлись. Фохтъ подумалъ про себя, что въ такія минуты Клицингъ выглядитъ совсѣмъ молодцомъ. Военная служба все-таки немножко выправила его.

Ну, и слава Богу! Онъ добродушно погрозилъ ему пальцемъ и сказалъ:

— Эй, Генрихъ, ты, смотри, не пропустилъ ли ужъ рюмочку, другую? Что ты больно веселъ сегодня?

— Я и самъ не знаю, что со мной,— отвѣчалъ Клицингъ.—Такъ мнѣ радостно на душѣ, точно счастье какое-то ждетъ. Еслибъ я дома такъ себя чувствовалъ, я бы взялъ билетъ на лотерею и навѣрно выигралъ бы главный выигрышъ.

— Ну, такъ смотри не прозѣвай, когда другой разъ выдастся этакій день,—сказалъ Фохтъ.

Писецъ покачалъ головой.

— Нѣтъ,—произнесъ онъ задумчиво.—Такіе дни бываютъ только разъ въ жизни и больше не повторяются. Не видать мнѣ, видно, большого выигрыша. Такъ и помру бѣднякомъ. А все-таки славно, когда на душѣ такъ хорошо. И воздухъ такой славный, солнце такое горячее.

Онъ взялъ Фохта за плечо и заглянулъ ему въ глаза своимъ сіяющимъ взоромъ.

— Ишь нашли время нѣжничать!— раздался вдругъ грубый голосъ.—Дѣлать вамъ нечего, лежебоки. Задать бы вамъ хорошенькую трепку!

Ефрейторъ Зикель смотрѣлъ на нихъ угрюмо и презрительно. Онъ, какъ ѣздовой, вообще относился презрительно къ канонирамъ.

Не житье имъ, а масленица! Не то, что ему! Заботъ да хлопотъ полонъ ротъ! Онъ подошелъ къ своимъ лошадямъ и съ тревогой посмотрѣлъ на «Турка». Тотъ стоялъ, разставивъ ноги и понуро опустивъ голову. Утромъ онъ не сталъ ничего ѣсть. Ну, виданное ли

это дѣло, впрягать въ дышло этакую больную тварь. Онъ ему передъ самымъ носомъ держалъ полныя пригоршни овса, тотъ и не понюхалъ. Онъ доложилъ фейерверкеру, но перепрягать оказалось поздно. Фура со «Звѣремъ» уже вышла. Сегодня, значитъ, «Турку» волей-неволей надо свое дѣло дѣлать.

По счастью, на сегодня, кажется, не предстояло особыхъ трудностей.

Авангардъ тронулся въ путь. Впереди батальонъ пѣхоты, за нимъ батарея и потомъ слѣдующіе два баталіона полка.

Дорога дѣлала легкій подъемъ въ гору. По обѣимъ сторонамъ шоссе поднимались довольно крутыя возвышенности.

Прошло, должно быть, съ часъ, когда, наконецъ, появились вѣстовые кавалерійскаго патруля. Прискакали они на этотъ разъ не спереди, а сбоку, и, видимо, гнали изо всѣхъ силъ. Лошади были всѣ въ мылѣ.

Въ ту же минуту голова авангарда круто повернула налѣво по поперечной дорогѣ, прямо на гору. Тутъ ужъ дѣло оказалось не легкое. Лошади совсѣмъ легли въ хомуты и карабкались мелкими торопливыми шагами.

Вахмистръ Гепнеръ, ѣхавшій вмѣстѣ съ сержантомъ Вигандомъ въ замкѣ, ворчалъ про себя:

— Настоящая горная артиллерія,— говорилъ я!

Онъ проѣхалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобъ посмотрѣть, какъ обстоитъ дѣло съ «Туркомъ». До сихъ поръ его предсказанія буквально оправдывались. Несчастная лошадь была уже вся мокрешенька.

Гепнеръ почесалъ въ затылкѣ. Не стоитъ и подгонять ее.

Но самое худшее было еще впереди.

Гюнцъ вмѣстѣ съ пѣхотнымъ командиромъ ускакалъ впередъ. Едва успѣла батарея взобраться на вершину первой гряды, какъ снова раздалась команда впередъ. Сначала дорога шла по слегка подымающемуся вверхъ плоскогорью. По ту сторону гребня батарея должна была быстро выстроиться.

Одна за другой слѣдовали команды: «рысью», «галопъ», «маршъ-маршъ».

Фендрикъ завелъ свою колонну черезчуръ вправо, туда, гдѣ былъ самый крутой подъемъ, а унтеръ-офицеръ Фертлеръ, ведшій шестое орудіе, и тутъ еще умудрился направить его по самому неудобному мѣсту. Подъемъ былъ чуть не вдвое выше, чѣмъ рядомъ. Ввезти тутъ орудіе было почти невозможно. Гепнеръ со страхомъ посмотрѣлъ впередъ.

Въ ту же минуту онъ принялъ рѣшеніе, передалъ свои полномочія сержанту Виганду и поскакалъ съ праваго крыла впередъ, чтобы какъ-нибудь поправить дѣло.

Но несчастіе уже началось. Шестое орудіе перешло уже отъ галопа, къ рыси, а отъ рыси къ шагу. Насталъ моментъ, когда всѣ шесть лошадей не могли ни на вершокъ больше подвинуть впередъ орудіе.

Склонъ горы покрытъ былъ жесткой скользкой травой, по которой копыта такъ и съѣзжали. Тяжело дыша и дрожа всѣмъ тѣломъ, старались лошади удержать на мѣстѣ страшную тяжесть. Всѣ онѣ подогнули переднія колѣни, а задними копытами ощупывали почву, стараясь найти болѣе твердую точку опоры. Канониры соскочили на землю и старались помочь имъ, ухватившись за спицы.

Вахмистръ стоялъ рядомъ и всячески подбодрялъ дышлового ѣздового.

— Ну-ка, ну-ка, Зикель!—кричалъ онъ.—Покажи-ка свою удаль. Первый нашъ ѣздовой, и не можешь взять этакаго пригорка. Ну, будь же молодцомъ!

Ефрейторъ ужъ и безъ того почти лежалъ на шеѣ злополучнаго «Турка», чтобъ облегчить ему заднія ноги. И дѣйствительно, орудіе подалось на нѣсколько вершковъ. Но вдругъ заднія ноги «Турка» сразу подкосились, и онъ всѣмъ тѣломъ рухнулся на землю.

Отъ этого толчка остальныя лошади потеряли точки опоры и попопали внизъ.

— Тормазъ, живо! — крикнулъ вахмистръ.

Фохтъ подскочилъ въ одну секунду и съ быстротой молніи обмоталъ цѣпь объ спицу. Одну минуту она держалась, но въ слѣдующую же раздался

звонкій металлическій звукъ, — цѣпь лопнула.

Пушка неудержимо покатилась внизъ, волоча за собой шесть безпомощныхъ лошадей. Одна за другой съѣзжали онѣ по скользкому дерну, отчаянно дрыгая въ воздухѣ ногами или запутавшись въ постромки. Только переднему ѣздовому удалось выскочить изъ сѣдла; онъ плашмя упалъ на землю и пошевелиться не могъ отъ страху. Инославскій и Зикель исчезли въ клубкѣ лошадиныхъ тѣлъ.

Вахмистръ разразился ужасными проклятіями. Онъ спрыгнулъ съ лошади, кинулъ поводъ Плетау, стоявшему къ нему ближе всѣхъ, и бросился внизъ по откосу.

Случай нѣсколько уменьшилъ размѣры несчастья. Посреди склона оказалась небольшая котловина. Можетъ быть, когда-нибудь тутъ была каменоломня. Тутъ, въ этомъ углубленіи орудіе, наконецъ, остановилось,—до самаго дна долины оно все-таки не достигло.

Но и этого было достаточно. Картина была поистинѣ ужасная. Шесть лошадей лежали, навалившись другъ на друга. Онѣ пытались встать, но не въ состояніи были выбраться и только били другъ друга копытами. Изъ-за фырканья и ржанья обезумѣвшихъ лошадей доносились стоны Зикеля; онъ лежалъ гдѣ-то внутри этой кучи лошадиныхъ тѣлъ. Инославскій какимъ-то чудомъ высвободился и стоялъ тутъ же, обводя кругомъ безсмысленнымъ взглядомъ.

Гепнеръ быстро нашелся. Онъ кликнулъ четырехъ канониpовъ, и самъ первый спрыгнулъ въ яму. Фетлеръ—фейерверкеръ сидѣлъ на лошади у края котловины и, казалось, все еще не могъ понять, что такое случилось.

Вахмистръ сейчасъ же замѣтилъ Зикеля. Лѣвую ногу ему придавилъ «Турокъ», а голову онъ самъ пряталъ подъ его шею, чтобы его не убила копытомъ бѣшено бьющаяся средняя лошадь.

— Эй, Фохтъ, Трухзесъ, сюда! — крикнулъ вахмистръ. — Мы его вытащимъ.

Они схватили ефрейтора подъ руки и старались вытащить его изъ-подъ навалившейся на него лошади. Но это оказалось не легко. Въ ту самую минуту, когда они второй разъ наклонились къ нему, одна изъ переднихъ лошадей, повернулась и сильно толкнула Фохта.

Канониръ упалъ и запутался въ постромки, такъ что сразу не могъ встать.

Въ это время «Ящерица», средняя лошадь, начала снова яростно бить копытами. На бедрѣ у нея была громадная рана, изъ которой потокомъ лилась кровь. Отъ боли лошадь впала въ настоящее бѣшенство. Лежа на спинѣ, она вертѣлась во всѣ стороны и изо всѣхъ силъ била ногами. Блестящія копыта взмахивали надъ самой головой Фохта. Вотъ уже съ него слетѣла каска, и тоненькая струйка крови побѣжала по волосамъ. Слѣдующій ударъ долженъ былъ неминуемо раскроить ему черепъ.

Клицингъ сразу понялъ громадную опасность, и въ тотъ же мигъ онъ бросился самъ всѣмъ тѣломъ на бѣшено бьющіяся, окованныя желѣзомъ копыта.

Въ одну секунду въ мозгу его пролетѣлъ цѣлый вихрь мыслей.

Его другъ лежалъ передъ нимъ, обреченный на гибель. Сейчасъ тяжелая желѣзная подкова нанесетъ ему смертельный ударъ. А вѣдь тогда онъ пролилъ кровь за него. Теперь его чередъ отплатить. Можетъ, въ этомъ и есть цѣль его жизни,—спасти того, хорошаго, сильнаго?

Сегодня его счастливый день. Онъ чувствовалъ въ себѣ гигантскія силы. Онъ своими руками удержитъ роковое копыто, пока другъ его не спасется. И онъ смѣло бросился навстрѣчу опасности, чтобъ спасти отъ нея друга.

Въ слѣдующую же секунду онъ почувствовалъ страшный ударъ въ бокъ. Его подбросило кверху, и онъ безъ чувствъ упалъ на землю. Лицо у него было мертвенно-блѣдно, а сквозь сжатыя губы показалась кровь.

Между тѣмъ Фохтъ успѣлъ высвободить свои ноги и приподнялся. Но сейчасъ же голова у него закружилась и

онъ опустился на землю, схватившись руками за голову.

Вахмистръ опять съ отчаяньемъ выругался.

Онъ безпомощно оглянулся кругомъ и замѣтилъ фейерверкера, все еще сидѣвшаго съ растерянным видомъ на лошади.

— Эй ты, — крикнулъ ему вахмистр,—проснись! Скачи, что есть мочи,—отчетливо отдавалъ онъ приказанія,— разыщи доктора и ветеринара и посылай сюда какъ можно скорѣй. И санитаровъ тоже. И еще,—прибавилъ онъ,—пошли сюда всю упряжку пятаго орудія и доложи обо всей этой катавасіи!

Надо позаботиться о людяхъ и о лошадяхъ, но нельзя и службы забывать. Орудіе надо какъ можно скорѣй высвободить и отвезти на позицію.

Унтеръ-офицеръ скрылся изъ глазъ галопомъ.

Тогда Гепнеръ попробовалъ съ другой стороны приняться распутывать копошившійся въ ямѣ клубокъ.

Прежде всего онъ освободилъ переднихъ лошадей, запутавшихся въ упряжи. Повидимому, онѣ не были повреждены, онѣ отряхнулись и безпокойно топтались не мѣстѣ. Онъ велѣлъ переднему ѣздовому отвести ихъ въ сторону. Потомъ онъ принялся за среднихъ. Инославскій помогалъ ему. Лошадь подъ сѣдломъ была невредима, но у «Ящерицы» была громадная рана на бедрѣ. Можно было засунуть въ нее цѣлый кулакъ. Вольфъ долженъ былъ держать ее подъ уздцы и это стоило не мало труда.

Вторая дышловая лошадь тоже сама поднялась, но какъ разъ «Турокъ»-то именно, подъ которымъ стоналъ Зикель, былъ всего сильнѣе поврежденъ.

Лѣвая задняя нога, видимо, была сломана. Наконецъ лошадь приподнялась немного на переднемъ колѣнѣ, и въ эту минуту Трухзесъ вытащилъ изъ-подъ нея Зикеля. Тотъ сдѣлалъ слабую попытку встать на ноги, но сейчасъ же упалъ безъ чувствъ на спину.

Вахмистръ вытеръ себѣ потъ со лба.

Славу Богу! Не легко это было!

Онъ оглянулся кругомъ: три человѣка и двѣ лошади изувѣчены. Конечно, могло быть и хуже.

Всего хуже пришлось, видимо, Клицингу. Онъ все еще лежалъ недвижимо, и только слегка двигающаяся на губахъ кровавая пѣна, показывала, что онъ еще живъ.

Вахмистръ подошелъ къ нему и осторожно подложилъ подъ голову сумку. Потомъ онъ пристально поглядѣлъ въ его мертвенно-блѣдное лицо. До сихъ поръ онъ, по правдѣ сказать, терпѣть не могъ этого кисляя. Но, чортъ возьми! сегодня онъ поступилъ настоящимъ молодцомъ—смѣло и благородно.

Что же это онъ однако не приходитъ въ себя?

Вахмистръ досталъ изъ сѣдла бутылочку коньяку и осторожно натеръ имъ лобъ канониру. Попытался было влить нѣсколько капель ему въ ротъ, но не могъ разжать губъ. Ни звука, ни движенія. И глаза крѣпко сомкнуты.

Вахмистръ нетерпѣливо поглядывалъ, не ѣдетъ ли докторъ.

Двое другихъ раненыхъ не возбуждали такихъ опасеній.

Ефрейторъ сейчасъ же пришелъ въ себя, какъ только почувствовалъ коньякъ на языкѣ. Онъ сдѣлалъ изрядный глотокъ и на вопросъ вахмистра, какъ онъ себя чувствуетъ, отвѣтилъ бодро:

— Точно такъ, хорошо, господинъ вахмистръ. Только лѣвая нога, кажись, не въ порядкѣ. Должно быть, маленечко вывихнулъ.

Фохтъ попытался даже встать, чтобы отвѣтить вахмистру, какъ требовала дисциплина, но ему сейчасъ же стало нехорошо. Онъ снова опустился на землю и отвѣтилъ, что у него кружится голова. Больше у него ничего не болѣло.

Сверху доносился топотъ копытъ и и визгъ тормазной цѣпи. Это оказался унтеръ-офицеръ Фертлеръ и лошади пятаго орудія, доктора все еще не было.

Теперь ужъ вахмистру некогда было возиться съ ранеными. Пусть себѣ ждутъ врача. Съ лошадьми тоже пока ничего нельзя было сдѣлать. «Турокъ» все еще безпомощно лежалъ на спинѣ, а «Ящерица» понемногу успокоилась. Она стояла на трехъ ногахъ, приподнявъ раненную

и понуро опустивъ голову. Кровь начала подсыхать на ранѣ, образуя естественную повязку. Гепнеръ привязалъ ее къ пеньку, недалеко отъ Фохта.

Потомъ онъ велѣлъ запрягать орудіе. «Турка» оттащили немного въ сторону, а Инославскій со своей средней лошадью и съ уцѣлѣвшей дышловой занялъ мѣсто Зикеля. На мѣсто средней пары впрягли двухъ переднихъ, а впереди—всю запряжку пятаго орудія. Гепнеръ направилъ переднюю пару въ ту сторону, гдѣ котловина спускалась наиболѣе отлого.

Четыре уцѣлѣвшихъ канонира ухватились за колеса, и десять лошадей не безъ труда сдвинули и медленно потащили вверхъ тяжелое орудіе.

Какъ только вывезли изъ ямы, видно уже было, что на этотъ разъ сойдетъ благополучно. Пять паръ лошадей привезли орудіе на назначенное мѣсто, и оно сейчасъ же заняло свою позицію и вступило въ дѣло. Точно будто такъ и надо было, чтобы у него не доставало нѣсколькихъ людей и лошадей. Фейерверкеръ исполнялъ роль наводчика, а графъ Плетау взялъ на себя обязанность Фохта. Дѣло отъ этого ничуть не замедлилось и выстрѣлъ за выстрѣломъ неуклонно направлялся въ сторону непріятеля.

Мѣсто, гдѣ произошло несчастіе было такъ расположено, что звуки выстрѣловъ почти не долетали до него. Доносился только смутный гулъ.

Клицингъ все еще не шевелился. Ефрейторъ улегся поудобнѣе и тоже не нарушалъ молчанія. Фохтъ попрежнему сидѣлъ, держась обѣими руками за голову. Сквозь пальцы его капля за каплей медленно струилась кровь. Онъ вспоминалъ, соображалъ и все-таки не могъ понять, что такое произошло. Копыто задѣло его по лбу—это онъ еще помнилъ, потомъ оно снова взмахнуло и должно было непремѣнно попасть ему въ голову, но что тутъ произошло, онъ никакъ не могъ припомнить.

По откосу, скользя и спотыкаясь, сбѣгалъ санитаръ. На площадкѣ лежали трое. У двухъ глаза были открыты, у третьяго сомкнуты. За этого и надо было прежде всего приняться. Онъ далъ ему понюхать эфира, потеръ лобъ и пытался тоже влить нѣсколько капель въ ротъ. Онъ разстегнулъ ему мундиръ и снялъ галстухъ. Но все напрасно. Во всякомъ случаѣ бѣдняга еще дышалъ, хотя въ груди его слышался только какой-то хрипъ и клокотанье.

Онъ обратился покуда къ остальнымъ. Фохту онъ далъ кусокъ ваты и велѣлъ прижать его къ ранѣ. Потомъ приставилъ ему ко рту бутылку и велѣлъ пить. Тотъ сдѣлалъ полный глотокъ. Жидкость была немножко кисловатая и освѣжающая. Она сейчасъ же бросилась ему въ носъ и въ голову, и онъ сразу точно очнулся.

Но Зикель рѣшительно оттолкнулъ отъ себя склянку.

— Убирайся ты со своимъ пойломъ, костоломъ!—сказалъ онъ.—Вотъ если водочка найдется, давай!

Водки у санитара не оказалось.

— Да что у тебя болитъ?—спросилъ онъ ефрейтора.

— Тутъ у меня что-то попортилось,—сказалъ тотъ, указывая на ногу.

— Такъ? Ну, должно быть, ничего, живетъ еще. А съ этимъ что такое?—спросилъ онъ указывая на Клицинга.—Никакъ въ себя не придетъ.

— Можетъ ему водицы бы свѣжей дать,—сказалъ Зикель.—Тамъ внизу, слышно, ручей журчитъ.

— Что-жъ, попробую сбѣгать,—отвѣтилъ санитаръ.

Онъ положилъ склянку у ногъ Фохта и отправился внизъ черезъ кустарникъ. Слышно было, какъ онъ продирался сквозь спутанныя вѣтви, сухіе сучья трещали у него подъ ногами. Потомъ все опять стихло.

Издалека донеслось нѣсколько заглушенныхъ выстрѣловъ. Гдѣ-то въ кустарникѣ пѣлъ дроздъ. Солнце стояло прямо надъ котловинкой.

Фохтъ медленно поднялъ голову и съ удивленіемъ оглянулся. Напитокъ удивительно освѣжилъ его. Гдѣ это онъ? Рядомъ съ нимъ стояла лошадь и изъ раны у нея сочилась кровь.

Невдалекѣ лежалъ товарищъ, блѣдный, точно мертвый, и съ пѣной на губахъ... Да вѣдь это Клицингъ!

Онъ схватился за голову и сразу въ его памяти встало все происшествіе. Вотъ что случилось, когда надъ нимъ взмахнула блестящая подкова. Что-то большое бросилось между нимъ и копытомъ, и ударъ попалъ именно въ это. Раздался глухой звукъ и потомъ... потомъ онъ поднялся.

Теперь онъ все понялъ: это былъ Клицингъ! Онъ ложертвовалъ собой ради него, онъ защитилъ его отъ ужаснаго удара! И вотъ онъ лежитъ тамъ блѣдный, съ закрытыми глазами,—можетъ быть, мертвый.

Вдругъ вѣки у того дрогнули, глаза открылись, взглядъ медленно скользнулъ кругомъ и остановился на Фохтѣ съ выраженіемъ глубочайшей преданности.

Фохтъ бросился къ нему.

Онъ опустился передъ нимъ на колѣни и охватилъ руками его блѣдное лицо.

— Генрихъ!—вскричалъ онъ. — Дорогой мой Генрихъ! Ты это ради меня сдѣлалъ!

Крупныя слезы катились у него по щекамъ, и онъ повторялъ, всхлипывая.

— Генрихъ мой! Дорогой мой, милый Генрихъ!

Клицингъ хотѣлъ что-то сказать. Губы его шевелились, но ни одного звука не выходило изъ нихъ. Безсильная рука приподнялась немного, тихонько погладила Фохта по плечу и снова тяжело упала.

Глаза опять закрылись и уже больше не открывались, какъ ни умолялъ Фохтъ.

— Генрихъ, Генрихъ! Скажи мнѣ, что съ тобой? Можетъ, я могу помочь тебѣ!

Зикель задумчиво смотрѣлъ на двухъ друзей. Онъ вспомнилъ, какіе они оба были веселые утромъ, передъ выступленіемъ батареи.

Потомъ онъ повернулъ голову и прислушался.

— Докторъ ѣдетъ,—сказалъ онъ.

Какъ разъ въ эту минуту показался санитаръ съ полной чашкой воды.

— Правда?—спросилъ онъ.—Почемъ ты знаешь?

— Я слышу «Звѣря», — отвѣтилъ ѣздовой.

Дѣйствительно, если прислушаться, доносились звуки, напоминавшіе хрюканье свиньи. У «Звѣря» было что-то въ легкихъ, онъ постоянно кашлялъ и хрипѣлъ.

Вскорѣ на откосѣ показался толстый ассистентъ. Должно быть, онъ очень торопился. Лицо у него было все багровое, и со лба струился потъ.

— Ну, что тутъ такое? — спросилъ онъ.

Онъ подошелъ къ Зикелю, но тотъ покачалъ головой.

— Простите, господинъ докторъ, — сказалъ онъ.—Я подожду. Тому вонъ хуже моего.

Рademахеръ наклонился къ Клицингу. Замѣтивъ кровавую пѣну у него на губахъ, онъ невольно нахмурился. Онъ приложилъ ухо ему къ груди и долго прислушивался.

— Что съ нимъ случилось? — освѣдомился онъ.

Фохтъ показалъ на «Змѣю», стоявшую понуро, съ помутнѣвшимъ взглядомъ, и сказалъ:

— Вонъ она его копытомъ въ грудь ударила.

— Сильно?

— Точно такъ, господинъ докторъ. Онъ бросился нарочно, чтобъ она въ меня не попала.

Ассистентъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Въ грубой солдатской средѣ такія слова производятъ удивительно трогательное впечатлѣніе. Онъ замѣтилъ слезы въ глазахъ добродушнаго малаго и понялъ.

— Вы, вѣрно, были друзьями?

— Точно такъ, господинъ ассистентъ. А какъ... какъ его дѣла?

Рademахеръ нерѣшительно посмотрѣлъ внизъ на смертельно раненаго и отвѣтилъ уклончиво:

— Надо подождать еще.

Онъ еще разъ выслушалъ его и всталъ. Онъ былъ увѣренъ, что раненому осталось жить самое большое нѣсколько часовъ, а можетъ быть, и нѣсколько минутъ.

— Онъ приходилъ въ себя?—спросилъ онъ.

— Точно такъ. Только не надолго.

инженерамъ Давиду и Сіама, которые и деньгами и личнымъ трудомъ при сооруженіи аэростата, помогли Жиффару осуществить его проектъ. Первый опытъ съ вышеописаннымъ аэростатомъ состоялся 24 сентября 1852 г. въ парижскомъ гипподромѣ, въ присутствіи весьма немногочисленной публики. Поднявшись на извѣстную высоту и маневрируя рулемъ, Жиффаръ свободно поворачивалъ свою машину въ любую сторону, причемъ аэростатъ двигался со скоростью 2—3 метровъ въ секунду. Но въ виду того, что скорость вѣтра въ этотъ день была значительно больше 3-хъ метровъ въ секунду, прямое движеніе противъ вѣтра было невозможно, зато Жиффару легко удавалось отклоняться отъ линіи вѣтра. Жиффаръ, впрочемъ, предвидѣлъ это обстоятельство, такъ какъ скорость движенія аэростата была вычислена имъ заранѣе. Въ 1855 г. Жиффаръ построилъ аэростатъ значительно большихъ размѣровъ вмѣстимостью въ 3.200 куб. метровъ. Аэростатъ былъ снабженъ болѣе сильной и болѣе усовершенствованной паровой машиной. Способъ прикрѣпленія гондолы былъ также нѣсколько измѣненъ Жиффаромъ. Подъемъ состоялся съ Курсельскаго газоваго завода, причемъ въ гондолѣ аэростата вмѣстѣ съ Жиффаромъ находился его помощникъ Габріель Іонъ, пріобрѣтшій впослѣдствіи извѣстность своими проектами (въ 1880 и1886 гг.) управляемыхъ воздушныхъ шаровъ. Несмотря на то, что въ этотъ разъ вѣтеръ былъ еще сильнѣе, нежели во время перваго опыта, экспериментаторамъ удавалось, при максимальномъ давленіи пара, неоднократно выдерживать сопротивленіе вѣтра. Но вслѣдствіе неудачнаго расположенія пропеллера, дѣйствіе котораго сообщало сильные толчки гондолѣ, передняя часть аэростата приподнялась, въ то время какъ привѣсная сѣтка стала съѣзжать назадъ. Экспериментаторы поспѣшили открыть клапанъ и посреди клубовъ дыма и пара быстро спустились на землю. Въ тотъ моментъ, когда гондола коснулась земли, аэростатъ выскользнулъ изъ сѣтки и исчезъ въ облакахъ. Въ общемъ этотъ опытъ, несмотря на его неудачный финалъ, подтвердилъ результаты перваго опыта. Жиффаръ, однако, былъ далекъ отъ того, чтобы удовлетвориться этими результатами, и въ томъ же 1855 году вырабатываетъ проектъ постройки грандіознаго управляемаго шара вмѣстимостью въ 220.000 куб. метровъ. По формѣ онъ долженъ былъ воспроизводить модель Жюльена, т.-е. быть болѣе заостреннымъ сзади, нежели спереди. Его машина должна была вѣсить 30.000 килограмовъ и по вычисленію Жиффара, могла сообщать аэростату скорость въ 20 метровъ въ секунду *). Но прежде нѣмъ думать о реализаціи этого проекта, Жиффаръ рѣшилъ поправить свои матеріальныя дѣла и разсчитаться съ долгами, которые онъ надѣлалъ благодаря предыдущимъ опытамъ. Онъ занялся постройкой небольшихъ паровыхъ двигателей, и дѣла его стали быстро поправляться. Вскорѣ онъ изобрѣлъ извѣстный инжекторъ, который носитъ его имя **) и который сразу обогатилъ его. Сдѣлавшись милліонеромъ, Жиффаръ снова выз-

*) Жиффаръ между прочимъ первый оцѣнилъ значеніе для аэростатики геометрическаго закона, по которому поверхность шаровъ возрастаетъ не въ одинаковой пропорціи съ ихъ объемомъ: чѣмъ больше шаръ, тѣмъ поверхность его относительно меньше: слѣдовательно, чѣмъ больше и сильнѣе аэростатъ, тѣмъ сопротивленіе, оказываемое ему воздухомъ, слабѣе. Отсюда стремленіе Жиффара построить возможно большій шаръ, такъ какъ только при этомъ условіи и возможна вычисленная Жиффаромъ скорость аэростата, а слѣдовательно и успѣшная борьба съ вѣтромъ.

**) Инжекторъ Жиффара—пульверизаціонный насосъ для питанія водою паровыхъ котловъ.

вратился къ воздухоплаванію занявшись, главнымъ образомъ, постройкою огромныхъ привязныхъ шаровъ для всемірныхъ выставокъ. Первый привязной шаръ былъ построенъ имъ для парижской выставки 1867 г., второй для лондонской 1868 г. и, наконецъ, самый замѣчательный (вмѣстимостью въ 25.000 куб. метр.), признанный однимъ изъ чудесъ современной техники, былъ сооруженъ для парижской выставки 1878 г. Одновременно съ этимъ Жиффаръ не переставалъ трудиться надъ проектомъ своего управляемаго шара, разрабатывая его мельчайшія детали. Онъ уменьшилъ размѣръ первоначально проектированнаго аэростатата до 50.000 куб. метровъ и значительно измѣнилъ систему машины, снабдивъ ее двумя паровыми котлами, одинъ изъ которыхъ долженъ былъ нагрѣваться керосиномъ, а другой—газомъ самого аэростата. Все было разсчитано такимъ образомъ, чтобы потеря подъемной силы компенсировалась потерею вѣса при сгораніи топлива, причемъ водяной паръ долженъ былъ сгущаться и поступать обратно въ котлы. Проектъ уже былъ законченъ, когда тяжелый недугъ, поразившій Жиффара сдѣлалъ невозможнымъ осуществленіе его завѣтной мечты: Жиффаръ сталъ быстро терять зрѣніе. Осужденный на полную бездѣятельность, онъ сдѣлался мрачнымъ, раздражительнымъ и сталъ избѣгать людей, сидя безвыходно въ темной комнатѣ. 15-го апрѣля 1882 г. онъ былъ найденъ въ своей квартирѣ мертвымъ, съ признаками отравленія хлороформомъ. Все свое огромное состояніе (въ нѣсколько милліоновъ) Жиффаръ оставилъ государству, поручивъ распредѣлить его между учеными обществами и бѣдняками города Парижа.

Послѣ блестящихъ опытовъ Жиффара въ воздухоплаваніи, какъ это ни странно на первый взглядъ, наступаетъ поворотъ въ сторону идей авіаціи. Вопросъ объ управленіи воздушными шарами отодвигается на второй планъ и его мѣсто надолго (почти до начала 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія) занимаютъ вопросы динамическаго воздухоплаванія. Послѣднее находитъ себѣ горячихъ сторонниковъ, главнымъ образомъ во Франціи, гдѣ формула «plus lourd que l'air» (тяжелѣе воздуха) становится девизомъ большинства аэронавтовъ-изобрѣтателей. За этотъ промежутокъ времени появился длинный рядъ проектовъ и опытовъ, имѣвшихъ въ виду осуществленіе свободнаго полета чисто механическимъ путемъ. Мы остановимся лишь на болѣе интересныхъ изъ нихъ и начнемъ съ опыта несчастнаго Латура.

Въ 1854 г. Латуръ задумалъ спуститься съ воздушнаго шара на парашютѣ, снабженномъ рулемъ и двумя боковыми крыльями, горизонтальнымъ движеніемъ которыхъ онъ разсчитывалъ направлять спускъ къ опредѣленному пункту. Въ сущности это былъ лишь предварительный опытъ: такимъ путемъ Латуръ хотѣлъ испытать изобрѣтенную имъ систему воздушныхъ веселъ и руля, которую онъ думалъ потомъ примѣнить къ летательному прибору особаго типа. Идея этого предварительнаго опыта были какъ нельзя болѣе разумная; къ несчастью совершенно непредвидѣнная случайность привела экспериментатора къ гибели. 27-го іюня 1854 г. Латуръ поднялся вмѣстѣ со своимъ парашютомъ на воздушномъ шарѣ англійскаго воздухоплавателя Эдэма (Adam) недалеко отъ Тоттенгема (въ Англіи). Подъемъ происходилъ во время сильнаго вѣтра. Парашютъ Латура, привязанный къ шару, на веревкѣ въ 80 метровъ начало страшно раскачивать и бить о сосѣднія деревья. Эдэмъ не могъ разслышать криковъ несчастнаго Латура, просившаго поднять веревку выше, и когда ему удалось, наконецъ, спуститься, то Латуръ оказался совершенно разбитымъ.

Въ слѣдующемъ, 1855 году Жозерфъ Плинъ взялъ привилегію на изобрѣтенный имъ летательный приборъ смѣшаннаго типа, полу-аэростатъ, полу-аэропланъ. Приборъ состоялъ изъ обширнаго аэростата, представлявшаго собою большую, очень плоско-выпуклую поверхность съ утонченными краями, твердую спереди и гибкую сзади. Этотъ аэростатъ состоялъ изъ многочисленныхъ непроницаемыхъ клѣтокъ, расположенныхъ на подобіе сотовыхъ ячеекъ и долженъ былъ совершать въ воздухѣ скользящій полетъ по наклонной линіи. Плинъ смотрѣлъ, впрочемъ, на это изобрѣтеніе какъ на орудіе для своихъ дальнѣйшихъ опытовъ, которые должны были привести его къ созданію летательной машины болѣе тяжелой, нежели воздухъ. Плину не удалось осуществить своего изобрѣтенія, но это не помѣшало ему продолжать плодотворную разработку теоріи динамическаго воздухоплаванія. «Никто,— говоритъ де-ла-Ландель, лучше его не овладѣлъ этимъ вопросомъ какъ въ его цѣломъ, такъ и въ самыхъ мельчайшихъ деталяхъ. Онъ основательно изучилъ всѣ летательные органы насѣкомыхъ, изучилъ воздушныя теченія, облака, летательные снаряды и т. д., и эти знанія, пріобрѣтенныя упорнымъ трудомъ были настолько точны, что онъ

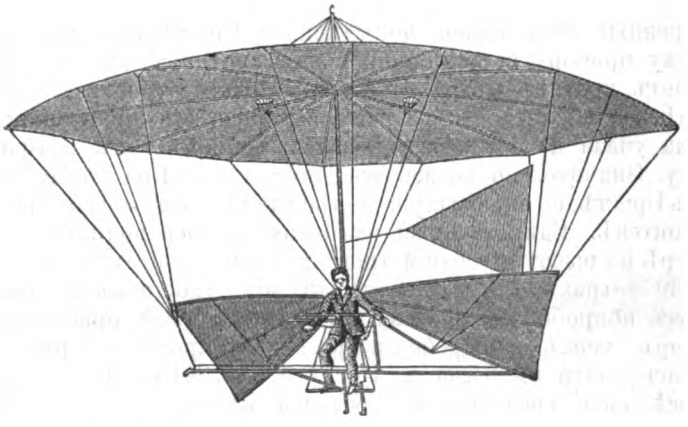


Рис. 48. Парашютъ-аэропланъ, на которомъ погибъ Латуръ 27 іюня 1854 г.

могъ заранѣе сказать, какъ упадетъ, повернется, будетъ скользить или отскочитъ, однимъ словомъ, какъ будутъ двигаться въ спокойномъ или движущемся воздухѣ брошенная имъ вверхъ засушенная бабочка; то же самое онъ могъ сказать о крылѣ птицы, древесномъ листѣ, листѣ бумаги, картонѣ и о всякомъ кускѣ дерева или металла, имѣющемъ опредѣленную форму». Между прочимъ Плину принадлежитъ изобрѣтеніе бумажныхъ бабочекъ, такъ называемыхъ бабочекъ Плина, хорошо извѣстныхъ каждому, кто занимается вопросами авіаціи. Если бросить такую бабочку въ воздухъ, то она быстро поднимается вверхъ, описывая при этомъ нѣкоторую кривую, дѣлаетъ нѣсколько круговъ въ воздухѣ и, наконецъ, плавно опускается на землю. Плинъ построилъ также небольшой геликоптеръ съ двойною спиралью, которая приводилась въ дѣйствіе часовою пружиной.

Интересный опытъ парящаго полета былъ сдѣланъ въ 1857 году французомъ Мари-ле-Бри, съ помощью изобрѣтенной имъ искусственной птицы. Вотъ сущность этого прибора, по описанію де-ла-Ланделя.

*

«Туловище птицы ле-Бри, напоминавшее по формѣ деревянный башмакъ (sabot), имѣло немного болѣе четырехъ метровъ въ длину и метръ съ четвертью въ своей самой широкой части. Вся она вѣсила 42 киллограмма, изъ которыхъ 5 киллограммъ приходились на желѣзныя оправы и 4 на сильные рычаги, служащіе для маневрированія крыльями. Эти послѣднія, укрѣпленныя на гибкихъ деревянныхъ прутикахъ, имѣли каждое по семи метровъ длины; размахъ же крыльевъ, принимая во вниманіе ширину гондолы, превышалъ 15 метровъ, что, конечно, нельзя признать чрезмѣрнымъ, если имѣть въ виду полетъ съ парусами.

«Спереди башмака-гондолы помѣщалась маленькая, наклонная мачта, замѣняющая шею птицы и снабженная системой блоковъ и веревочекъ, соединенныхъ съ рычагами крыльевъ, что давало ле-Бри возможность безъ всякихъ усилій измѣнять наклоны ихъ обширныхъ поверхностей, составлявшихъ, въ общемъ, около двадцати квадратныхъ метровъ» *).

Первый опытъ съ этимъ приборомъ произошелъ въ бретонской деревушкѣ Трефонтекъ. Аэропланъ, поднявшій ле-Бри посредствомъ длинной веревки, былъ привязанъ къ телѣжкѣ, запряженной лошадью, которая его буксировала, причемъ онъ дѣйствовалъ, какъ настоящій змѣекъ.

Ободренный этой первой попыткой, ле-Бри рѣшилъ довѣриться уже свободному прибору и, поднявшись на нѣкоторую высоту, направилъ свой полетъ противъ вѣтра. И на этотъ разъ аэропланъ дѣйствовалъ какъ змѣекъ, но какъ змѣекъ, оторвавшійся отъ привязи: искусственная птица упала на землю и разбилась, причемъ самъ ле-Бри сломалъ себѣ ногу. Значительно позже, въ 1868 г., ле-Бри возобновилъ свои опыты въ Брестѣ, но они были уже менѣе удачны, нежели его первые опыты въ Трефонтекѣ. Единственный разъ ему удалось подняться при сильномъ вѣтрѣ на высоту десяти метровъ и, паря, спуститься тихо на землю въ 25—30 метрахъ отъ мѣста отправленія. Наконецъ въ послѣднемъ опытѣ онъ попробовалъ заставить подняться свой приборъ пустымъ, но приборъ упалъ и вдребезги разбился, кромѣ гондолы, которая сохранилась почти въ цѣлости. Послѣ этого Ле-Бри, уложившій на эти опыты всѣ свои средства, возвратился на свою родину (Бретань), окончательно разочаровавшись въ возможности достигнуть поставленной цѣли.

Въ томъ же 1857 году молодой лейтенантъ Феликсъ дю-Тампль взялъ привилегію на изобрѣтенный имъ аэропланъ, разработкой котораго онъ занимался при сотрудничествѣ своего брата, военнаго инженера, Луи дю-Тампль. Работа надъ этимъ изобрѣтеніемъ естественно привела ихъ къ изысканіямъ возможно легкаго двигателя. Результатомъ этихъ изысканій было изобрѣтеніе чрезвычайно легкаго трубчатаго котла, который носитъ имя изобрѣтателя. При конструкціи своего аэроплана дю-Тампль руководился почти исключительно принципомъ полета птицъ, который онъ стремился воспроизвести возможно ближе. «Вообще,—говоритъ онъ,—птицы, особенно крупныя, поднимаются и летаютъ лишь въ силу пріобрѣтенной скорости. Эту скорость онѣ пріобрѣтаютъ или путемъ разбѣга, или путемъ паденія съ высоты. Разъ птица достигла нѣкоторой высоты, позволяющей ей летѣть горизонтально, то ударомъ крыла она сообщаетъ извѣстную скорость своему полету, затѣмъ вытягиваетъ свои крылья и хвостъ такимъ

*) De-la-Landelle. „Dans les airs".

образомъ, чтобы образовать со своимъ туловищемъ возможно болѣе совершенную плоскость, и летитъ впередъ уже безъ видимаго движенія крыльевъ, оставаясь почти на той же высотѣ. Ясно, что если бы птица имѣла возможность пріобрѣсти скорость помимо крыльевъ, ей не было бы необходимости двигать ими и горизонтальный полетъ продолжался бы до тѣхъ поръ, пока скорость оставалась бы неизмѣнной! Передняя часть тѣла птицы и поверхность ея крыльевъ болѣе приподняты, нежели задняя часть; другими словами, птица образуетъ плоскостью своихъ крыльевъ и распущеннымъ хвостомъ острый уголъ съ горизонтомъ. Воздухъ, входя подъ крылья и хвостъ птицы со скоростью, равною той, которую птица первоначально пріобрѣла, является силою, дѣйствующею перпендикулярно къ поверхности ея крыльевъ и хвоста. Эта сила образуетъ вертикальную составляющую, которая уничтожаетъ тяжесть птицы; здѣсь происходитъ совершенно то же самое, что и при дѣйствіи вѣтра на змѣекъ, съ тою лишь разницею, что въ интересующемъ насъ случаѣ поверхность сама движется навстрѣчу воздуху и ударяетъ его. Центръ тяжести находится всегда ниже центра сопротивленія, оказываемаго крыльями и распущеннымъ хвостомъ, при чемъ оба центра находятся на одной вертикальной линіи. Только при этомъ условіи и возможна устойчивость птицы».

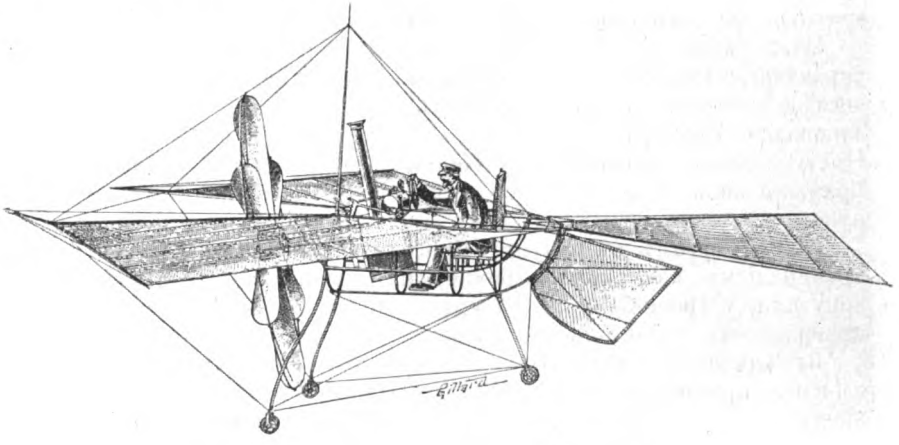


Рис. 49. Паровой аэропланъ Дю-Тампля.

Сообразно съ этими соображеніями аэропланъ дю-Тампля состоялъ изъ слѣдующихъ частей:

1) Гондолы, въ которой помѣщался двигатель, замѣняющій собою туловище птицы.

2) Двухъ неподвижныхъ крыльевъ, замѣняющихъ крылья парящей птицы.

3) Двухъ подвижныхъ хвостовъ: горизонтальнаго и вертикальнаго. Эти два органа, позволяя двигаться въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіи, замѣняли собою одинъ хвостъ птицы, который даетъ ей возможность оріентироваться во всѣхъ направленіяхъ.

4) Трехъ лапъ или ногъ, снабженныхъ колесами и имѣвшихъ задачею сообщать начальную скорость прибору при подъемѣ съ земли, подно тому, какъ это наблюдается при подъемѣ птицъ.

5) Гребного винта, приводимаго въ движеніе какимъ-нибудь двига-

телемъ паровымъ, электрическимъ, сжатымъ воздухомъ и т. д. и сообщающаго аэроплану скорость, необходимую для его поступательнаго движенія. Такимъ образомъ безпрерывно дѣйствующій винтъ возмѣщалъ неподвижность крыльевъ аэроплана, которыя, въ противоположность крыльямъ птицъ, служили лишь для поддержанія его на воздухѣ.

Винтъ этотъ состоялъ изъ колеса 4 метровъ въ діаметрѣ, снабженнаго легкими деревянными лопастями, расположенными наискось подобно крыльямъ вѣтряной мельницы; высота винтового хода равнялась 7 метрамъ, изъ коихъ утилизировалось лишь 3 дециметра. Силу въ 6 лошадей изобрѣтатель полагалъ вполнѣ достаточной, по его мнѣнію, для сообщенія прибору вѣсомъ въ 1.000 килограммовъ скорости 9-ти метровъ въ секунду. Уголъ, подъ которымъ онъ разсчитывалъ заставить двигаться аэропланъ, варіировалъ между 3° и 35 или 40°. Для поднятія прибора при минимальной затратѣ силы онъ считалъ необходимымъ уголъ въ 35°.

Впродолженіи болѣе двадцати лѣтъ братья дю-Тампль занимались разработкой своей машины, измѣняя ея детали, но не отступая ни на шагъ отъ ея общаго плана, производя опыты съ различными двигательными винтами и т. д. Они построили и испробывали нѣсколько небольшихъ моделей, которыя приводились въ движеніе часовыми пружинами. Но осуществить большой аэропланъ имъ такъ и не удалось, несмотря на весь этотъ упорный, многолѣтній трудъ.

Извѣстный уже намъ Жюльенъ, авторъ замѣчательной модели управляемаго аэростата и который, какъ мы упоминали, сдѣлался ярымъ послѣдователемъ авіаціи, построилъ въ 1858 году небольшую модель аэроплана. Приборъ вѣсилъ всего 36 граммовъ и имѣлъ метръ длины. Поступательное движеніе ему сообщалось гребными винтами съ двумя прямыми лопастями. Летя подъ угломъ 10°, онъ пробѣгалъ въ 5 секундъ разстояніе въ 12 метровъ, причемъ расходъ силы былъ равенъ 72 граммометрамъ въ секунду. Двигатель приводился въ дѣйствіе раскручиваніемъ каучуковаго ремня, натянутаго между двумя равными конусами, устроенными на манеръ часовыхъ фузей, чѣмъ достигались правильность и постоянство работы механизма.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ идеи динамическаго воздухоплаванія пріобрѣтаютъ во Франціи особенную популярность и дѣлаются предметомъ усиленной пропаганды. Толчкомъ къ этому послужилъ геликоптеръ Понтона д'Америкура, вокругъ котораго скоро сгруппировались и объединились наиболѣе талантливые и горячіе послѣдователи этого направленія.

Виконтъ Густавъ-Понтонъ д'Америкуръ въ теченіе многихъ лѣтъ работалъ надъ изобрѣтеніемъ летательной машины, которая должна была разрѣшить проблему воздухоплаванія полнѣе и совершеннѣе, нежели воздушные шары. Въ послѣднихъ онъ видѣлъ лишь помѣху для воздухоплаванія, которая на много лѣтъ задержала его развитіе, направивъ на ложный путь энергію и талантъ изобрѣтателей. «Тщетно,—говорилъ онъ,—пытаться разрѣшить проблему воздушной навигаціи до тѣхъ поръ, пока не будутъ уничтожены аэростаты». Въ 1860 году Понтонъ д'Америкуръ заканчиваетъ проектъ своего летающаго судна-аэронефа, сущность котораго сводилась къ слѣдующему. Два горизонтальныхъ гребныхъ винта, насаженные на одной вертикальной оси и вращающіеся въ противоположныя стороны, должны были приводиться въ движеніе при помощи парового двигателя и обусловливали вертикальныя движенія аэронефа, другими словами, подъемъ

судна совершался при помощи парового геликоптера. Горизонтальное, поступательное движеніе его обезпечивалось пропеллеромъ, — гребнымъ винтомъ, вращающимся на горизонтальной оси. Направленіе судну давалось особаго рода рулемъ. Д'Амеркуръ показалъ свой проектъ одному ученому инженеру, который вполнѣ одобрилъ его, но отклонилъ предложеніе сотрудничества при дальнѣйшей разработкѣ проекта. Какъ разъ въ это время въ продажѣ появилась новая игрушка, подъ названіемъ «спиралиферъ» *), которая, воспроизводя довольно близко идею д'Амеркура, являлась въ то же время ея лучшимъ подтвержденіемъ. Вмѣсто того, чтобы посмотрѣть на спиралиферъ именно съ этой точки зрѣнія, д'Амеркуръ увидѣлъ въ ней предвосхищеніе его идей, потерю правъ на свое изобрѣтеніе и рѣшилъ больше не заниматься имъ. Вскорѣ послѣ этого онъ встрѣтился съ другомъ своего дѣтства, довольно извѣстнымъ уже въ то время авторомъ романовъ изъ морского быта, большимъ энтузіастомъ де-ла-Ланделемъ и, познакомивъ его съ своимъ проектомъ, разсказалъ ему о своей неудачѣ. Де-ла-Ландель пришелъ въ восторгъ отъ проекта и сталъ горячо убѣждать д'Амеркура немедленно же приступить къ его осуществленію хотя на модели, обѣщая, съ своей стороны, употребить всю свою энергію и свое вліяніе, чтобы ускорить это дѣло. «Скоро,— писалъ вскорѣ послѣ этого де-ла-Ландель,—у насъ будутъ аэронефы-экспрессы и обыкновенные пассажирскіе аэронефы, аэронефы каботажные и для долгихъ воздушныхъ плаваній, увеселительные воздушные поѣзда, воздушная почта, аэронефы для охоты на дикихъ звѣрей, аэронефы спасательные отъ наводненій, кораблекрушеній и пожаровъ... наконецъ, всѣ правительства создадутъ особое министерство авіаціи, подобно тому, какъ морскія державы имѣютъ морскія министерства».

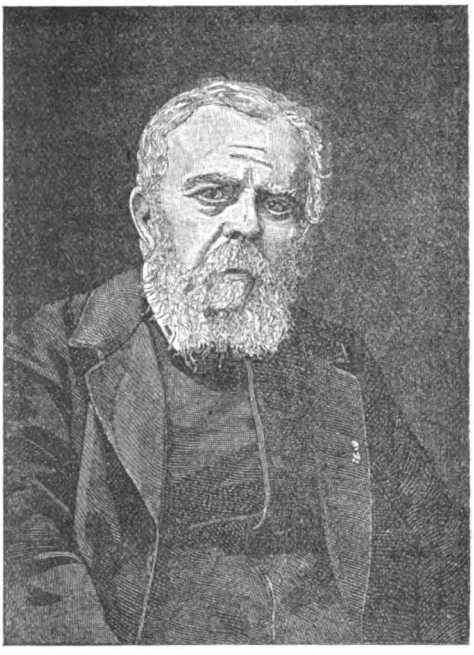


Рис. 50. Габріель де-ла-Ландель.

Не дожидаясь, пока д'Амеркуръ послѣдуетъ его совѣту, де-ла-Ландель самъ принялся за устройство опытовъ съ геликоптеромъ своего друга. Случайно увидавъ у своего сосѣда слесаря часовую пружину, которая приводила во вращательное движеніе вертикальный стержень, онъ придѣлалъ къ нему лопатки спиралифера. Получивъ такимъ образомъ нѣкоторое подобіе геликоптера, де-ла-Ландель уравновѣсилъ его на вѣсахъ, и когда приборъ при этомъ былъ приведенъ въ дѣйствіе, то оказалось, что вѣсъ его уменьшился на 5 граммовъ. «Эти пять граммовъ,—писалъ потомъ де-ла-Ландель,—были для меня равносильны

*) Описаніе этой игрушки читатель найдетъ ниже, въ „Манифестѣ“ Надара.

увѣренности въ возможности подняться на воздухъ механическими средствами и надѣлить человѣчество способностью птицъ, которымъ оно завидовало со временъ глубокой древности, способностью свободно кружиться въ атмосферѣ». Послѣ этого, нанявъ своего сосѣда слесаря, онъ каждый день сталъ производить опыты съ геликонтеромъ, измѣняя на всѣ лады форму его винтовыхъ лопастей. Наконецъ имъ удалось устроить опытъ съ машиной, которая приводилась въ движеніе руками, причемъ на 160 килограммовъ вѣса машины и двигавшаго ее человѣка было констатировано облегченіе въ 15 килограммовъ. Еще болѣе благопріятный результатъ получился при опытѣ съ пружиннымъ геликоптеромъ у самого д'Амеркура: на 320 граммовъ уменьшеніе вѣса было равно 60-ти. Тѣмъ временемъ въ газетѣ «Patrie» появилась статья извѣстнаго астронома Ліэ, въ которой онъ доказывалъ, что лучшимъ способомъ рѣшенія проблемы воздушной навигаціи является примѣненіе геликоптера, и набрасывалъ проектъ летательной машины, почти буквально повторявшій собою проектъ д'Амеркура. Благодаря этой статьѣ возникъ вопросъ о пріоритетѣ. Въ полемикѣ, завязавшейся по этому поводу всплыли на свѣтъ Божій имена всѣхъ предшествующихъ изобрѣтателей геликоптеровъ, начиная съ Леонардо да-Винчи. Де-ла-Ландель со свойственной ему энергіей выступилъ въ защиту правъ своего друга. Онъ собиралъ подписи своихъ многочисленныхъ друзей. подтверждавшихъ, что проектъ д'Амеркура былъ извѣстенъ имъ задолго до появленія статьи Ліэ, убѣждалъ своего друга не падать духомъ и, наконецъ, устроилъ нѣсколько публичныхъ опытовъ съ болѣе усовершенствованной моделью геликоптера, которая была построена механикомъ Жозефомъ. Одинъ изъ этихъ опытовъ былъ произведенъ въ засѣданіи комитета изобрѣтателей, другой—въ обществѣ научной печати. При этихъ опытахъ геликоптеръ уже поднимался на воздухъ и удерживался въ немъ въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ. Послѣ этого рѣшено было устроить модель парового геликоптера, выполненіе которой поручено тому же Жозефу. Въ теченіе полугода Жозефъ работалъ надъ постройкой этой модели подъ непосредственнымъ руководствомъ самого д'Амеркура и создалъ настоящій шедевръ механики, въ смыслѣ тонкости и точности конструк-

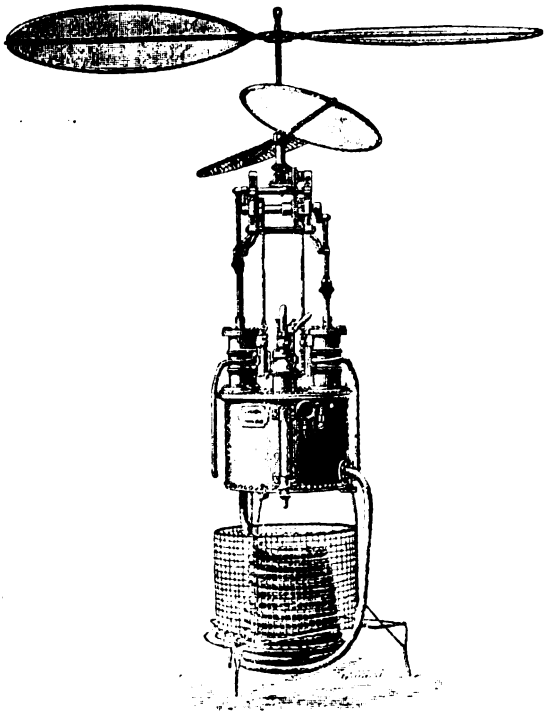


Рис. 51. Паровой геликоптеръ Понтона д'Амеркура.

ціи *). Котелъ (въ видѣ змѣевика) и топка геликоптера (см. рис. 51) были сдѣланы изъ аллюминія, цилиндръ изъ бронзы, движеніе поршней, посредствомъ зубчатыхъ колесъ, передавалось двумъ гребнымъ винтамъ, вращающимся въ противоположныя стороны. Высота геликоптера равнялась 62 сантиметрамъ, общая поверхность винтовыхъ лопастей 264 кв. сантиметрамъ; вѣсъ всего прибора—2,7 килограм. 21-го мая 1863 года былъ сдѣланъ предварительный опытъ съ машиной безъ винтовъ. Машина дѣйствовала превосходно, оставалось произвести опытъ съ винтами, чтобы оцѣнить подъемную силу геликоптера, но въ это время Понтонъ д'Америкуръ заболѣлъ и уѣхалъ изъ Парижа. Предшествующія неудачи, огорченія по поводу вопроса о пріоритетѣ, насмѣшки друзей, наконецъ отсутствіе средствъ для осуществленія его аэронефа—все это до того утомило его, что онъ впалъ въ унынie и рѣшилъ окончательно отказаться отъ дальнѣйшихъ опытовъ. Де ла-Ландель былъ въ отчаяніи, такъ какъ дѣло, въ которое онъ такъ свято вѣрилъ и которому посятилъ столько трудовъ и энергіи, готово было рушиться. Но въ моментъ, когда, казалось, все уже погибло, идея д'Америкура и де-ла-Ланделя, находитъ могущественнаго союзника въ лицѣ Надара, съумѣвшаго, благодаря своей необыкновенной энергіи, создать этой идеѣ популярность и дать могучій толчокъ разработкѣ динамическаго воздухоплаванія вообще. «Феликсъ Турнашонъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Надара, является,—говоритъ Лекорню,—одною изъ наиболѣе любопытныхъ и симпатичныхъ фигуръ, которыя намъ выставила исторія воздухоплаванія. Одаренный творческимъ воображеніемъ, писатель и художникъ, Надаръ былъ прежде всего человѣкомъ дѣйствія. Горячая натура, энтузіастъ, вѣчно готовый помочь своимъ друзьямъ, хотя бы для этого потребовалось броситься, очертя голову, въ самое рискованное предпріятіе, Надаръ, котораго Жюль-Вернъ могъ, не насилуя особенно своего воображенія, взять за оригиналъ для Мишеля Ардана, отправляющагося на луну въ пушечномъ ядрѣ, былъ человѣкомъ, которому наиболѣе подходило взять въ руки знамя съ девизомъ «plus lourd que l'air».

Надаръ далеко не былъ новичкомъ въ воздухоплаваніи. Въ 1859 году онъ занимался вопросомъ примѣненія воздушныхъ шаровъ къ съемкѣ фотографическихъ плановъ, которые должны были, по его мнѣнію, имѣть огромное значеніе для топографическихъ съемокъ. Онъ взялъ даже привилегію на *аэростатическую фотографію* и съ цѣлью опытовъ, сдѣлалъ нѣсколько подъемовъ изъ гипподрома на аэростатахъ братьевъ Годаръ. Но въ то время фотографированіе посредствомъ сухихъ пластинокъ еще не было извѣстно, а фотографическая техника требовала цѣлаго ряда сложныхъ спеціальныхъ приспособленій. Надару пришлось натолкнуться на непреодолимыя затрудненія, и онъ принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ опытовъ. Изъ своихъ полетовъ Надаръ между прочимъ вынесъ убѣжденіе «въ безусловной невозможности бороться даже съ самыми незначительными воздушными теченіями при той огромной поверхности съ одной стороны и той легковѣсности—съ другой, какими отличаются воздушные шары». Неудивительно поэтому, что, познакомившись съ идеей Понтона д'Америкура и де-ла-Ланделя, Надаръ сразу сдѣлался ихъ партизаномъ и съ свойственнымъ ему жаромъ принялся за пропаганду этой идеи. Надаръ началъ съ того, что 30-го іюля 1863 г. собралъ въ

*) Модель эта сохранилась до настоящаго времени

своемъ обширномъ фотографическомъ ателье всѣхъ наиболѣе выдающихся парижскихъ представителей науки, литературы и печати и прочиталъ имъ свой знаменитый «Манифестъ воздушной аутомоціи» («Manifeste de l'automotion aerienne»). Манифестъ этотъ былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки и перепечатанъ газетами всего міра. Горячо доказывая въ немъ невозможность осуществленія воз-

Рис. 52. Феликсъ Турнашонъ Надаръ.

душной навигаціи при помощи аэростатовъ, невозможность, вытекающую изъ самыхъ свойствъ этихъ приборовъ и свойствъ воздушной среды, Надаръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, необыкновенно ясно и талантливо формулируетъ основные принципы динамическаго воздухоплаванія при помощи винтовыхъ машинъ.

«То, что убиваетъ въ теченіе вотъ уже восьмидесяти лѣтъ управленіе воздушными шарами—говорится, между прочимъ, въ манифестѣ—это сами воздушные шары. Другими словами, безумно бороться съ воздухомъ, будучи болѣе легкимъ, нежели воздухъ.

«Аэростатъ, представляющій объемъ отъ 600 до 1.200 куб. метровъ газа, который отъ 12 до 15 разъ легче воздуха, навсегда обреченъ на неспособность бороться даже съ самыми незначительными воздушными теченіями, какими бы придатками и двигателями вы его не снабжали. Въ силу самой конструкціи своей и въ силу свойствъ среды, которая его поддерживаетъ и носитъ по своей волѣ, для аэростата навсегда закрыта возможность сдѣлаться воздушнымъ кораблемъ: онъ рожденъ поплавкомъ (bouée) и останется имъ навсегда.

«Самыхъ простыхъ ариѳметическихъ разсчетовъ достаточно, чтобы неопровержимо доказать не только безсиліе аэростата противъ напора вѣтра, но и вытекающій отсюда вредъ его, съ точки зрѣнія воздухоплаванія. Возьмите вѣсъ, поднимаемый каждымъ кубическимъ метромъ газа и количество кубическихъ метровъ приходящихся на вашъ аэростатъ съ одной стороны, и силу давленія вѣтра при его наименьшей скорости – съ другой, установите разницу и сдѣлайте выводъ.

«*Для того, чтобы бороться съ воздухомъ, нужно обладать удѣльнымъ вѣсомъ большимъ, нежели вѣсъ воздуха.*

«Человѣкъ долженъ стремиться найти для себя опору въ воздухѣ подобно птицѣ, удѣльный вѣсъ которой больше удѣльнаго вѣса воздуха, въ которомъ она движется. Нужно господствовать надъ воздухомъ вмѣсто того, чтобы самому быть игрушкой его, а для этого нужно найти опору въ немъ, а не служить опорою для него.

«Передвиженіе во всякой средѣ, въ томъ числѣ и воздушной совершается лишь при условіи сопротивленія этой среды, позволяющаго находить въ ней опору, и воздухъ, который можетъ опрокидывать стѣны, вырывать съ корнемъ столѣтнія деревья и заставлять нестись корабль противъ самыхъ сильныхъ теченій, удовлетворяетъ этому условію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

«Во имя здраваго смысла вещей—ибо у вещей есть свой здравый смыслъ,—во имя законовъ физики, не менѣе положительныхъ нежели законы нравственные, все могущество атмосферы, непреодолимое еще вчера, когда мы могли только бѣжать передъ нимъ, все это могущество рушится передъ двойнымъ закономъ динамики и равновѣсія тѣлъ и велѣніемъ этого закона передается въ наши руки.

«Мы не создаемъ новаго закона: этотъ законъ былъ извѣстенъ еще въ 1768 году, т.-е. за пятнадцать лѣтъ до полета на первомъ монгольфьерѣ, когда инженеръ Поктонъ (Paucton) предсказалъ винту его роль въ воздухоплаваніи будущаго. Рѣчь идетъ лишь о цѣлесообразномъ примѣненіи уже извѣстныхъ явленій.

«Я перехожу къ изобрѣтателю аэронефа, Понтону д'Америкуру, и де-ла-Ланделю, дружныя усилія которыхъ впродолженіи трехъ лѣтъ были направлены на практическое доказательство ихъ системы, которые представили намъ рядъ моделей геликоптеровъ, поднимающихся самостоятельно на воздухъ при постепенномъ увеличеніи груза. Если препятствія, которыя мнѣ неизвѣстны, а также личныя затрудненія мѣшали до сихъ поръ ихъ идеѣ занять мѣсто въ практикѣ, то моментъ для ея полнаго расцвѣта теперь уже наступилъ.

«Для осуществленія воздушной навигаціи необходимо прежде всего безусловно отказаться отъ всякаго рода аэростатовъ. Того, въ чемъ ей отказываетъ аэростатика, она должна добиваться отъ динамики и статики.

«Винтъ—святой винтъ!—какъ однажды сказалъ мнѣ одинъ знаменитый математикъ—долженъ въ ближайшемъ будущемъ вознести насъ

на воздухъ, винтъ, который входитъ въ воздухъ, какъ буравъ входитъ въ дерево, увлекая за собою одинъ—свой двигатель, другой — свою ручку.

«Знакома ли вамъ игрушка, которая носитъ названіе спиралифера? Четыре маленькихъ лопатки, или, лучше сказать, четыре картонныхъ спиры, обвитыхъ по краямъ проволокой, укрѣпляются на легкомъ деревянномъ стержнѣ. Стержень вставляется въ пустую трубочку, которая можетъ приводиться во вращательное движеніе вокругъ неподвижной оси. Если держать послѣднюю въ лѣвой рукѣ и, обмотавъ трубочку снуркомъ, быстро потянуть за конецъ его правой рукой, то вращательное движеніе, которое ей сообщается при этомъ, будетъ достаточно сильно, чтобы заставить выскочить эту миніатюру винта и подняться на нѣсколько метровъ въ воздухѣ, откуда она упадетъ, истративъ свою начальную скорость.

«Предположите теперь спиры изъ достаточно прочнаго матеріала и достаточно обширныхъ размѣровъ, чтобы они могли удерживать какой-нибудь двигатель (паровой, воздушный и т. д.), который обладалъ бы продолжительностью дѣйствія двигателей, употребляемыхъ въ промышленности, и регулируя его, по вашему желанію, подобно тому, какъ механикъ дѣлаетъ это съ паровозомъ, вы будете подниматься спускаться внизъ или оставаться неподвижнымъ въ воздушномъ пространствѣ, смотря по числу оборотовъ, которое вы заставите совершать вашъ винтъ въ 1 секунду.

«Демонстраціи различныхъ моделей Понтона д'Амеркура и де-ла-Ланделя воочію убѣждаютъ насъ въ этомъ».

Манифестъ этотъ, распространенный въ тысячахъ экземпляровъ, произвелъ впечатлѣніе не только на партизановъ и противниковъ авіаціи, онъ возбудилъ интересъ къ вопросу въ широкой публикѣ, до того времени совершенно индифферентной къ спорамъ между динамистами и защитниками аэростатовъ. Интересъ этотъ еще усилился, когда къ тріумвирату д'Амеркура, де-ла-Ланделя и Надара присоединился вскорѣ знаменитый академикъ Бабинэ (Babinet). Нѣсколько дней спустя послѣ опубликованія манифеста, Бабинэ прочиталъ лекцію объ авіаціи передъ многочисленнымъ собраніемъ политехнической ассоціаціи. Во время лекціи онъ самъ демонстрировалъ модели геликоптеровъ Понтона д'Амеркура и де-ла-Ланделя. «Воздушный винтъ,—говорилъ между прочимъ Бабинэ на этой лекціи—представляетъ большія трудности, но разъ посредствомъ его удалось поднять хотя бы ничтожную тяжесть, мы убѣждены, что тѣмъ легче онъ подниметъ большую тяжесть; ибо отношеніе между силой двигателя и его объемомъ несравненно болѣе выгодно въ большихъ машинахъ, нежели въ маленькихъ, откуда слѣдуетъ, что первыя обладаютъ бо́льшимъ количествомъ полезной силы, нежели вторыя. Въ фортификаціи обыкновенно говорятъ: «малая площадь—плохая площадь» еще съ большимъ основаніемъ можно сказать въ механикѣ: «малый двигатель—плохой двигатель». Я повторяю и утверждаю, что *винтъ, который безъ внѣшняго двигателя способенъ поднимать мышь, съ несравненно бо́льшею легкостью подниметъ слона*... Въ заключеніе можно съ положительностью утверждать, что, обладая возможностью свободно подниматься вверхъ, вы тѣмъ самымъ уже обладаете возможностью переноситься по воздуху. Самая высота даетъ вамъ и направленіе. Разъ вы добились подъема, вы употребили и выгодно помѣстили капиталъ силы, который вы можете расходовать по вашему

усмотрѣнію. Все это какъ нельзя болѣе понятно и окончательное рѣшеніе вопроса зависитъ лишь отъ техники. За это я ручаюсь головой».

Затѣмъ Бабинэ выступилъ съ рядомъ блестящихъ статей въ защиту геликоптера въ газетѣ «Constitutionnel», въ которыхъ онъ доказывалъ огромное значеніе винта въ дѣлѣ динамическаго воздухоплаванія. Тѣмъ временемъ былъ произведенъ первый опытъ съ паровымъ геликоптеромъ д'Амеркура. Опытъ состоялся въ присутствіи самого д'Амеркура, де-ла-Ланделя, Надара и Ланберо. Когда котелъ нагрѣлся и въ немъ образовалось давленіе пара достаточное, чтобы произвести въ дѣйствіе поршни, винтъ началъ вращаться, и приборъ, вѣсившій вмѣстѣ съ очагомъ, водой и паровикомъ около 3-хъ килограммовъ, потерялъ больше четверти своего вѣса. Присутствующіе были въ восторгѣ отъ результатовъ опыта. Рѣшено было приступить къ осуществленію проекта д'Амеркура во всемъ его объемѣ, т. е. построить воздушное судно (аэронефъ), приводимое въ движеніе силою огромнаго геликоптера. Но для этого нужны были большія средства. Чтобы добыть ихъ, Надаръ рѣшилъ прибѣгнуть къ способу, который могъ придти въ голову только ему одному. Вотъ какъ онъ объяснялъ потомъ происхожденіе этой оригинальной мысли: «Я зналъ о той всегдашней ненасытной жадности, съ какою публика идетъ на всякаго рода аэростатическія зрѣлища, и я сказалъ себѣ: для того, чтобы осуществить завоеваніе воздуха при помощи приборовъ болѣе легкихъ, нежели воздухъ, чтобы убить воздушные шары, которые сбили насъ съ правильнаго пути за послѣдніе восемьдесятъ лѣтъ, несмотря на то, что за это время наука сдѣлала много цѣнныхъ пріобрѣтеній, я построю воздушный шаръ—*послѣдній воздушный шаръ*,—такихъ необычайныхъ размѣровъ, о какихъ могли мечтать лишь американскія газеты: шаръ высотою въ двѣ трети башенъ собора Парижской Богоматери, который способенъ будетъ унести въ своемъ двухъэтажномъ домикѣ изъ ивовыхъ прутьевъ отъ 35 до 40 пассажировъ при наполненіи свѣтильнымъ газомъ и больше ста при наполненіи водородомъ, который наконецъ, благодаря своей огромной подъемной силѣ и соотвѣтственному вѣсу балласта, могъ бы оставаться двое, трое, четверо сутокъ въ воздухѣ и совершать настоящія длинныя путешествія. И одинъ, очертя голову, я бросился въ это предпріятіе, которое обѣщало столь блестящіе результаты и которое до сихъ поръ оказалось лишь бѣдственнымъ».

Задумавъ это предпріятіе въ августѣ 1863 года, Надаръ рѣшилъ осуществить его во что бы то ни стало до начала зимы, а между тѣмъ легко себѣ представить, какую массу труда и времени должно было потребовать одно изготовленіе гигантскаго аэростата. Но Надаръ былъ не изъ тѣхъ, которые останавливаются передъ какими бы то ни было препятствіями. Кое-какъ собравъ по подпискѣ между своими друзьями 10.000 франковъ, онъ купилъ шелку, устроилъ у себя швальную мастерскую, а сѣтку, корзину-домикъ и прочія принадлежности заказалъ извѣстной по изготовленію аэростатовъ фирмѣ Іона. Самъ Надаръ принялся усиленно за поиски подходящаго мѣста для отправленія аэростата. Требовалась площадь, могущая вмѣстить огромное количество зрителей, входная плата съ которыхъ и была въ сущности основнымъ разсчетомъ предпріятія Надара. Надаръ остановилъ было свой выборъ на площади Лоншанскихъ скачекъ, но вслѣдствіе несогласія одного изъ

членовъ скакового общества ему было отказано въ разрѣшеніи воспользоваться ею. Не удалась и попытка устроиться въ Венсенѣ. Оставалось Марсово поле, но эта площадь находилась въ вѣдѣніи правительства, у котораго Надаръ былъ на плохомъ счету, да, кромѣ того, онъ и самъ не хотѣлъ обращаться съ просьбами къ властямъ. Изъ этого затрудненія Надара выручилъ Викторьенъ Сарду, его близкій другъ и пріятель, которому удалось, какъ-то, черезъ маршала Маньяна выхлопотать для него разрѣшеніе воспользоваться Марсовымъ полемъ. Между тѣмъ аэростатъ уже былъ готовъ. Нужны были деньги для уплаты по счетамъ различныхъ поставщиковъ. Собранные по подпискѣ 10.000 были израсходованы при первыхъ же шагахъ организаціи дѣла, и вотъ начались лихорадочные поиски денегъ, связанные съ мучительными испытаніями для самолюбія и гордости Надара. Къ этому присоединились насмѣшки и вышучиванія его въ печати и даже съ подмостковъ водевильныхъ театровъ. Нужна была вся неистощимая энергія Надара и вся его изобрѣтательность, чтобы довести это грандіозное предпріятіе до конца. Наконецъ, все было сдѣлано, и 4-го октября былъ назначенъ первый полетъ на «Гигантѣ». Въ этотъ день съ утра на Марсовомъ полѣ красовались огромныя афиши, въ которыхъ безпощаднымъ образомъ высмѣивалось предстоящее событіе. Народу собралось до 200 тысячъ, хотя Надаръ разсчитывалъ по крайней мѣрѣ на двойную цифру платныхъ зрителей. На первый разъ нашлось всего лишь 13 человѣкъ, пожелавшихъ совершить путешествіе на «Гигантѣ». Среди нихъ находилась одна дама, принцеса де-ла-Туръ д'Овернь, заплатившая между прочимъ 1.000 франковъ за свое мѣсто въ летающемъ домикѣ. Отправленіе было назначено въ 4 часа пополудни, но не могло состояться раньше 6-ти. По командѣ: «Lâchez tout!» («Отдай всѣ чалки!») огромный шаръ медленно сталъ подниматься вверхъ при дружныхъ крикахъ и апплодисментахъ присутствующихъ. Путешественники чувствовали себя какъ нельзя лучше въ просторномъ и снабженномъ всѣми удобствами домикѣ аэростата. Послѣ заката солнца былъ сервированъ ужинъ, настроившій публику самымъ прекраснымъ образомъ. Но вотъ наступила темная ночь. «Гигантъ», продолжавшій все время подниматься, попалъ въ густой туманъ, который, при соприкосновеніи съ шаромъ, сгустился въ росу и промочилъ насквозь путешественниковъ. Намокшій и вслѣдствіе этого отяжелѣвшій «Гигантъ» сталъ быстро опускаться внизъ, и вскорѣ домикъ съ силою ударился о землю. Къ счастью, воздухъ былъ совершенно спокоенъ, такъ что причаливаніе произошло сравнительно благополучно. Отъ сбѣжавшихся крестьянъ путешественники узнали, что находятся въ Барси, недалеко отъ города Мо (Meaux), въ департаментѣ Сены и Марны. Легко себѣ представить огорченіе Надара, когда онъ узналъ о томъ, что находится всего лишь въ 40—50 километрахъ отъ Парижа. «Какой ударъ!—писалъ онъ потомъ по этому поводу.—Столько разсчетовъ, приготовленій, трудовъ, столько шуму—вплоть до разговоровъ объ Атлантическомъ океанѣ—и все это затѣмъ, чтобы спуститься въ Мо!»

Лишь спустя нѣсколько дней Надаръ узналъ истинную причину кратковременности перваго путешествія. Оказалось, что тяжесть веревки, открывавшей клапанъ, была слишкомъ велика по сравненію съ силою закрывавшихъ его резиновыхъ тяжей, и клапанъ во все время путешествія оставался открытымъ. Надару нужно было во что бы то ни стало реабилитировать себя и свое предпріятіе или, какъ онъ выражался, «отмстить за Мо». Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ пер-

ваго полета, 18-го октября, онъ организуетъ второе путешествіе. Экипажъ «Гиганта» состоялъ на этотъ разъ изъ девяти человѣкъ, въ числѣ которыхъ находилась жена Надара. Шаръ попрежнему поднялся съ Марсова поля при довольно, большомъ стеченіи публики. Сначала все шло какъ нельзя лучше. Ночь прошла совершенно спокойно и путешественники были очень довольны, когда передъ утромъ узнали, что они летятъ надъ Бельгіей. Вскорѣ шаръ пролетѣлъ надъ Брюсселемъ и другими бельгійскими городами и пересѣкъ Голландію. Онъ уже несся надъ Ганноверскою низменностью, когда показались первые лучи восходящаго солнца. Въ это время подулъ свѣжій вѣтеръ. Отъ дѣйствія солнечныхъ лучей газъ аэростата началъ расширяться, шаръ быстро сталъ подниматься вверхъ, вскорѣ достигнувъ и даже перейдя высоту 4.000 метровъ. На этой высотѣ расширеніе газа еще увеличивается, оболочка аэростата натягивается до такой степени, что начинаетъ выступать изъ сѣтки. Тогда Надаръ отдаетъ распоряженіе открыть клапанъ.

Спускъ произошелъ настолько быстро, что вскорѣ превратился въ паденіе. Всѣ усилія остановить его оказались безполезными и черезъ нѣсколько мгновеній почувствовался такой страшный ударъ о землю, что всѣ присутствующіе перевернулись, несмотря на то, что ожидали удара и подготовились къ нему. Аэростатъ сдѣлалъ гигантскій скачокъ, ударившись снова съ страшною силою. Зацѣпиться было нечѣмъ, такъ какъ при первомъ же ударѣ якорный канатъ оборвался вмѣстѣ съ якоремъ, какъ простой снурокъ. Между тѣмъ вѣтеръ, который все усиливался перешелъ въ настоящую бурю. Аэростатъ понесся по равнинѣ, дѣлая бѣшеные прыжки, которые становились все чаще и сильнѣе и, наконецъ, домикъ просто поволокло по землѣ. Его обитатели все время находились между жизнью и смертью. Былъ моментъ, когда казалось, что все уже кончено: аэростатъ понесло на полотно желѣзной дороги, какъ разъ въ то время, когда по нему проходилъ поѣздъ. Машинистъ, который услышалъ нечеловѣческіе крики несчастныхъ путешественниковъ едва успѣлъ задержать паровозъ. Аэростатъ пронесся черезъ полотно, оборвавъ при этомъ телеграфную проволоку и разрушивъ столбы. Въ то же время веревка отъ клапана вырвалась изъ рукъ державшаго ее Люи Годара, повиснувъ надъ головами путешественниковъ. Клапанъ закрылся, и опасность, такимъ образомъ, еще увеличилась. Послѣ страшныхъ усилій племяннику Годара, Жюлю Годару, съ опасностью для жизни удается поймать конецъ веревки и открыть клапанъ. Но такъ какъ газъ выходилъ медленно, то аэростатъ продолжалъ свою ужасную скачку черезъ поля, кусты и канавы. Обезсиленные путешественники уже не могли удерживаться на площадкѣ домика: одинъ за другимъ они были сброшены съ нея при дальнѣйшихъ толчкахъ о землю. На площадкѣ остался лишь одинъ Надаръ съ женою, но и они вскорѣ лишились сознанія. Въ концѣ концовъ аэростатъ зацѣпился за деревья ближайшаго лѣса и повисъ на нихъ. Сверхъ всякаго ожиданія, катастрофа однако окончилась безъ человѣческихъ жертвъ. Большинство пассажировъ «Гиганта» отдѣлалось тяжелыми увѣчьями, нѣкоторые получили переломы рукъ и ногъ. Всѣ они вскорѣ были подобраны и перенесены въ Ганноверъ, гдѣ, благодаря участію, которое въ нихъ приняла королевская чета и семья французскаго посланника въ Ганноверѣ, ихъ окружили самымъ внимательнымъ и заботливымъ уходомъ. Извѣстіе о катастрофѣ произвело тяжелое впечатлѣніе въ Парижѣ, въ особенности среди единомышленни-

ковъ Надара. «Катастрофа съ «Гигантомъ»,— писалъ Бабинэ въ «Constitutionnel»,—является въ буквальномъ смыслѣ общественнымъ несчастіемъ». Надаръ отовсюду получалъ выраженія симпатіи. Едва оправившись отъ тяжелыхъ ушибовъ и ранъ, въ ноябрѣ 1863 года онъ уже отправился въ Лондонъ, чтобы экспонировать «Гиганта» на та-

Рис. 53. Крушеніе „Гиганта“ въ равнинѣ Ганновера 19-го октября 1863 г.

мошней выставкѣ. Выставка дала около 19.000 франковъ, что, вмѣстѣ со сборами отъ двухъ путешествій на «Гигантѣ», составляло не больше 79.000 франковъ, тогда какъ расходы на предпріятіе достигали 200.000

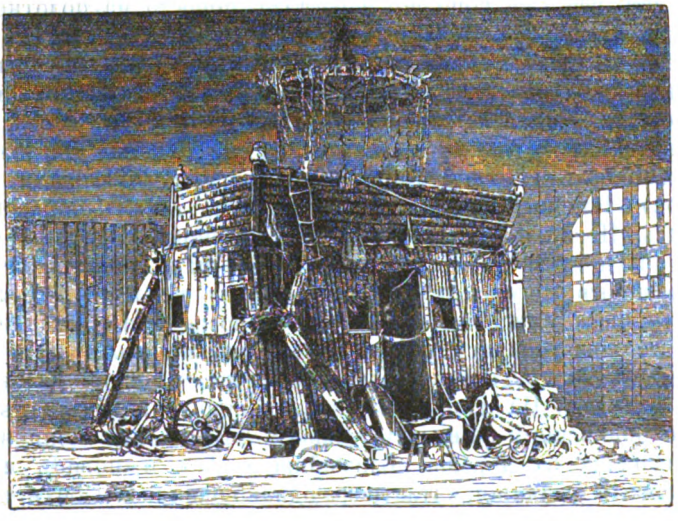


Рис. 54. Домикъ „Гиганта“ послѣ крушенія.

франковъ. Такимъ образомъ вмѣсто предполагаемаго созданія фонда для постройки аэронефа и пропаганды авіаціи, получился дефицитъ въ 121 тысячу франковъ, съ которымъ приходилось раздѣлываться самому автору смѣлаго финансоваго предпріятія. Финансовыя неудачи, однако,

не сломили энергіи Надара и горячей вѣры въ торжество защищаемыхъ имъ идей. Въ томъ же году онъ создаетъ «Общество поощренія воздушной навигаціи при помощи приборовъ, тяжелѣйшихъ воздуха», членами котораго являются Бабинэ, Тайлоръ, Биксіо и многіе другіе извѣстные ученые. Онъ же создаетъ и первый французскій органъ воздухоплаванія «L'aeronaute», просуществовавшій, впрочемъ, не долго. Наконецъ, въ 1864 г. Надаръ совершаетъ еще три полета на «Гигантѣ»: одинъ изъ Брюсселя, второй, чуть было снова не закончившійся гибелью путешественниковъ, изъ Ліона и третій изъ Амстердама *). Несмотря, однако, на всю изумительную энэргію и самоотверженность, съ которыми Надаръ велъ эту агитацію, результаты ея далеко не оправдали ожиданій энтузіастовъ авіаціи. Но то, что сдѣлано было ими для динамическаго воздухоплаванія, не осталось безплоднымъ. Ихъ идеи легли въ основаніе дальнѣйшихъ плодотворныхъ работъ въ этомъ направленіи и дальнѣйшая судьба динамическаго воздухоплаванія вплоть до современныхъ успѣховъ его, неразрывно связана съ трудами этихъ людей. «И не даромъ,—говоритъ Лекорню,—первый апостолъ авіаціи, старикъ де-ла-Ландель, сгруппировавшій вокругъ себя небольшой кружокъ убѣжденныхъ послѣдователей, сохранилъ до самой смерти (онъ умеръ въ 1886 г.) вѣру, крѣпкую вѣру бретонца, въ будущее «болѣе тяжелыхъ, нежели воздухъ», и если ему не пришлось увидѣть осуществленія своихъ надеждъ, онъ все же былъ убѣжденъ, что не далекъ день, когда «практика авіаціи положитъ конецъ жестокой эрѣ утонченнаго варварства и откроетъ путь для нарождающейся цивилизаціи и мира».

На этомъ мы закончимъ нашъ краткій историческій очеркъ воздухоплаванія. Мы видимъ, что эволюція воздухоплаванія совершалась (и совершается до сихъ поръ) въ двухъ различныхъ направленіяхъ: динамическомъ и аэростатическомъ. Стремясь осуществить мечту о свободномъ передвиженіи по воздуху, человѣкъ естественно долженъ былъ придти къ мысли о возможности подражать полету птицъ. Отсюда первыя попытки авіаціи, попытки наивныя, поскольку онѣ были основаны на рабскомъ копированіи внѣшней формы крыльевъ птицъ, а не на изученіи механизма ихъ полета. Это былъ младенческій періодъ воздухоплаванія. Съ развитіемъ механическихъ и физическихъ знаній попытки эти становятся все болѣе осмысленными. Въ концѣ XV вѣка мы встрѣчаемъ уже первую попытку (въ трудахъ Леонардо да Винчи) теоретическаго обоснованія авіаціи; вмѣстѣ съ тѣмъ и дальнѣйшіе опыты свободнаго механическаго полета становятся на болѣе раціональный путь, хотя, въ виду низкаго уровня техники, имъ и не удается еще достичь сколько-нибудь значительныхъ практическихъ результатовъ. Въ концѣ XVIII вѣка, вслѣдъ за изобрѣтеніемъ воздушныхъ шаровъ и первыми успѣхами аэростатическаго воздухоплаванія, авіація надолго отходитъ на задній планъ. Вниманіе и энергія изобрѣтателей сосредоточивается исключительно на проблемѣ управленія шарами, но послѣ того, какъ путемъ длиннаго ряда безуспѣшныхъ опытовъ, выясняется огромная трудность этой проблемы, и оптимистическія надежды, которыя возлагались на воздушные шары, постепенно смѣняются разочарованіемъ,—начинаютъ снова воскресать попытки динамическаго воздухоплаванія, и вскорѣ авіація опять пріобрѣтаетъ значеніе, утра-

*) Впослѣдствіи „Гигантъ" былъ пріобрѣтенъ акціонерной компаніей, которая эксплуатировала его во время всемірной выставки 1867 г.

ченное было ею со времени изобрѣтенія воздушныхъ шаровъ. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени разработка проблемы воздушной навигаціи идетъ въ обоихъ упомянутыхъ направленіяхъ. Которому изъ нихъ удастся скорѣе и совершеннѣе рѣшить эту проблему, покажетъ, вѣроятно, не столь отдаленное отъ насъ будущее, а пока что—единственнымъ практически доступнымъ орудіемъ воздухоплаванія продолжаютъ оставаться все еще воздушные шары. И несмотря на все несовершенство этого орудія, оно, какъ мы уже видѣли и увидимъ, въ особенности въ дальнѣйшемъ изложеніи, оказало людямъ не мало полезныхъ и цѣнныхъ услугъ въ сферѣ ихъ научной и практической дѣятельности.

ОТДѢЛЪ II.

Современное воздухоплаваніе.

Глава I.

Техника современнаго аэростатическаго воздухоплаванія.

Общія замѣчанія. — Устройство и снаряженіе аэростата: a) матеріалъ, изъ котораго приготовляется оболочка, ея кройка и лакировка; b) сѣтка веревки; c) корзина и ея оснастка; d) клапанъ и мелкія принадлежности.—Наполненіе аэростата: a) способы его полученія и различные приборы для наполненія имъ аэростата; b) расположеніе и маневры шара при его наполненіи.—Полетъ на аэростатахъ: a) оріентировка; b) горизонтальность передвиженія; c) воздушныя теченія; d) инструменты воздухоплавателя; e) управленіе аэростатомъ; f) спускъ, пользованіе балластомъ, гайдропомъ, якорями и пр. Степень опасности полетовъ на воздушномъ шарѣ. Статистическія данныя.

Въ настоящей главѣ мы познакомимъ читателя съ техникой современнаго аэростатическаго воздухоплаванія, т.-е. какъ съ устройствомъ и снаряженіемъ современнаго аэростата, такъ и тѣми пріемами наиболѣе цѣлесообразнаго пользованія послѣднимъ, которые были выработаны болѣе чѣмъ столѣтней практикой аэростатическаго воздухоплаванія. При этомъ мы будемъ говорить здѣсь лишь исключительно о простыхъ, т.-е. неуправляемыхъ аэростатахъ, которые, несмотря на всѣ успѣхи, достигнутые современной техникой въ дѣлѣ управленія воздушными шарами, пока являются все-таки практически наиболѣе примѣнимымъ приборомъ для воздушныхъ поднятій и полетовъ. Что же касается управляемыхъ аэростатовъ, то о нихъ будетъ рѣчь въ главѣ, спеціально посвященной управляемымъ воздухоплавательнымъ приборамъ.

Напомнимъ читателю вкратцѣ физическій законъ, на которомъ основано устройство воздушныхъ шаровъ и опредѣленіе ихъ подъемной силы. Подобно тому, какъ всякое тѣло, погруженное въ жидкость, согласно гидростатическому закону, извѣстному подъ названіемъ принципа Архимеда, испытываетъ со стороны жидкости вертикальное давленіе, направленное снизу вверхъ и равное вѣсу вытѣсненной имъ жидкости, т.-е. теряетъ часть своего вѣса, точно такое же давленіе испытываетъ всякое тѣло и со стороны воздуха, причемъ потеря вѣса здѣсь будетъ равна вѣсу воздуха въ объемѣ даннаго тѣла. Но удѣльный вѣсъ воздуха настолько незначителенъ по сравненію съ удѣльнымъ вѣсомъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ (1 литръ воздуха при 760 мм. давленія и 15° Ц. равняется 1,29 гр. и слѣдовательно 1 куб. метръ будетъ равняться 1,29 килогр.), что въ общежитіи воздухъ принято считать невѣсомымъ, такъ что при обыкновенномъ взвѣшиваніи тѣлъ

вышеуказанной потерей ихъ вѣса въ воздухѣ пренебрегаютъ. Потеря эта сдѣлается вполнѣ осязательной, если мы возьмемъ какую-нибудь легкую оболочку, напр., шелковую и наполнимъ ее газомъ болѣе легкимъ, нежели воздухъ, напр., водородомъ. Такъ какъ вѣсъ воздуха, вытѣсненнаго нашимъ газомъ, а слѣдовательно и давленіе его снизу вверхъ будетъ значительно больше вѣса оболочки и заключеннаго въ ней газа, то послѣдній устремится вверхъ съ силою, которая будетъ равна вѣсу, вытѣсненнаго имъ воздуха, минусъ вѣсъ оболочки и газа. Эта сила и называется подъемною силою аэростата. Отсюда легко понять, какимъ образомъ опредѣляется подъемная сила аэростатовъ. Если мы возмемъ аэростатъ, напр., въ 1.000 куб. метровъ (размѣръ наиболѣе употребительный) и наполнимъ его свѣтильнымъ газомъ, то вѣсъ вытѣсненнаго имъ воздуха будетъ равняться $1.000 \times 1{,}29 = 1.290$ килограм. Вѣсъ оболочки такого аэростата вмѣстѣ съ корзиной и всѣми необходимыми принадлежностями достигаетъ обыкновенно 200 килогр. Съ другой стороны, принимая во вниманіе, что плотность свѣтительнаго газа составляетъ въ среднемъ 0,5 плотности воздуха, легко опредѣлить вѣсъ заключеннаго въ аэростатъ газа. Вѣсъ его будетъ равняться $1.290 \times 0{,}5 = 645$ килограм. Такимъ образомъ наполненный газомъ аэростатъ вмѣстѣ со всѣми принадлежностями вѣситъ $645 + 200 = 875$ килограм., вытѣсненный же имъ воздухъ 1.290 килогр.; разность между этими вѣсами 1.290—875=445 килогр. и будетъ подъемною силою нашего аэростата *). Изъ сказаннаго не трудно видѣть, что вѣсъ матеріала воздушнаго шара находится въ обратномъ отношеніи къ его подъемной силѣ. Поэтому важнѣйшимъ условіямъ, которому долженъ удовлетворять этотъ матеріалъ, является его легкость при достаточной, конечно, прочности **) и возможно полной непроницаемости. Вотъ классификація тканей, наиболѣе подходящихъ для устройства оболочекъ аэростатовъ, данная Габріелемъ Іономъ ***).

1°. Шелкъ или тафта. Вѣсъ—50 грам. въ квадратномъ метрѣ. Коэффиціентъ сопротивленія—1.000 килограммовъ на 1 кв. метръ. Цѣна этой ткани 10 фр. за 1 квадратный метръ.

2°. Китайскій шелкъ, извѣстный подъ названіемъ *понге*. Притомъ же самомъ коэффиціентѣ сопротивленія вѣситъ 80 грам. на квадратный метръ. Цѣна 3 фр. 50 сантим. за 1 кв. метръ.

---

*) Приведенный нами разсчетъ подъемной силы аэростата, достаточно точный для практическихъ цѣлей, не удовлетворяетъ требованіямъ научной точности. При болѣе точныхъ опредѣленіяхъ подъемной силы принимаютъ во вниманіе температуру и данное барометрическое состояніе воздуха, причемъ пользуются слѣдующей формулой $F = \frac{VH}{1+dt} \times \frac{1{,}293}{760}(1-d) - p$, гдѣ F—подъемная сила шара, V—его объемъ, H—давленіе воздуха въ миллиметрахъ, α—коэффиціентъ расширенія газовъ t—температура воздуха, предполагаемая одинаковой на всѣхъ высотахъ, d—удѣльный вѣсъ газа и, наконецъ, p—вѣсъ оболочки и принадлежностей аэростата.

**) Прочность тканей опредѣляется при помощи особыхъ динамометровъ, причемъ грузъ, который способенъ выдержать 1 кв. метръ ткани, не давая разрыва, называется ея коэффиціентомъ сопротивленія. Для тканей, идущихъ на изготовленіе аэростатовъ коэффиціентъ этотъ не долженъ быть менѣе 1.000 килогр. на 1 кв. метръ.

***) См. H. de graffigny. „Les ballons dirigeables et la navigation aerienne“. Paris. 1902 г., стр. 111. Названная книга, а также книга Linke. „Moderne Luftschiffahrt“, Berlin. 1903 г., послужили намъ главнымъ матеріаломъ при составленіи настоящей главы.

стр

селеніяхъ.—Судьба земскихъ школъ —Жилища рабочихъ на Мурманѣ.—Въ Одессѣ на Святой.—Литературное дѣло.—Изъ отчета одной библіотеки.—В. В. Верещагинъ (некрологъ).—С. О. Макаровъ (некрологъ). 12

15. НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ. Ш. Корея. **А. Ст—вича.** . . . 27

16. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Вѣстникъ Европы» — апрѣль. «Русская Старина»—апрѣль. «Русское Богатство»—мартъ. «Русская Мысль»—мартъ) 40

17. ВОСПОМИНАНІЯ О В. В. ВЕРЕЩАГИНѢ. **Ильи Гинцбурга.** 47

18. **За границей.** Манифестація въ Гайдъ-паркѣ. — Отмѣна закона о іезуитахъ въ Германіи. Газетная полемика.—Турецкій меморандумъ и македонскія дѣла. — Автобіографія Герберта Спенсера. — Психологія журнализма. — Бойкотированный профессоръ. 51

19. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Желтые и бѣлые — Движеніе народонаселенія во Франціи.—Школа индѣйцевъ.—Роль индивида у животныхъ и въ человѣчествѣ. 65

20. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. I. Роль поваренной соли въ организмѣ и въ пищевомъ режимѣ человѣка. II. О научныхъ журналахъ при русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. **В. Агафонова.** 71

21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Исторія всеобщая и русполитическая экономія.—Философія. — Новыя книги, поступившія для отзыва 89

АННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 120

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ІЕНА ИЛИ СЕДАНЪ? Романъ **Адама фонъ-Бейерлейна.** Переводъ съ нѣмецкаго **Т. Богдановичъ.** 129

24. ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ. Со мног. рис. въ текстѣ. Составлено по Лекорню, Линке, Поморцеву, Тисандье и др. подъ редакціей **В. К. Агафонова.** 77

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Разъѣзжая, 7 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы**—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятые мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) **Принятыя статьи**, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе **полугода** и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ **семикопѣечную марку**.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 25 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годоваго экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, **кромѣ праздниковъ**, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 3 до 4½ час. *по пятницамъ* отъ 3 до 4½ час. *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
This book is due on the last date stamped below, or
on the date to to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.
ICLF (N)
LD 21A–45m-9,'67
(H5067s10)476B
General Library
University of California
Berkeley

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042637121